

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

о дѣятельности

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

за первыя 25 лѣтъ существованія.

МОСКВА.

1890.

Фототипія Шерера, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Moskovskoe arkheolog

ЩЕСТВА

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ПАМЯТИ

ОСНОВАТЕЛЯ И ПОЖИЗНЕННАГО

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ

Графа А. С. Уварова.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

о дѣятельности

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

за первыя 25 лѣтъ существованія.

МОСКВА.
Въ Синодальной Типографіи.
1890.

Еще до утвержденія Устава Московскаго Археологическаго Общества, то есть въ періодъ времени отъ 17 февраля по 4-ое октября 1864 г., члены-основатели его, собираясь по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ на ученыя совѣщанія въ квартиру Графа, допускали на эти совѣщанія постороннихъ посѣтителей, которые, знакомясь съ учеными цѣлями Общества, мало по малу вступали въ число его членовъ.

Постепенно увеличивая научныя силы Общества, эти новые сочлены дали ему возможность развить шире дѣятельность Общества и пустить болѣе глубокіе корни какъ среди ученыхъ силъ Москвы, такъ и въ провинціи, среди отдѣльныхъ тружениковъ, затерянныхъ по обширнымъ пространствамъ земли Русской,—тружениковъ, которыхъ умѣлъ отыскивать основатель Общества, умѣлъ ободрять, направлять и заставлялъ вѣрить въ глубокое значеніе науки и въ будущность возникавшаго Московскаго Археологическаго Общества.

Здѣсь же, во время ученыхъ бесѣдъ, на квартирѣ Графа, поднимались и обсуждались вопросы касательно будущей дѣятельности Общества, изданія журнала, его программы, программы публичныхъ лекцій и пр. и пр. Здѣсь же были подняты многіе вопросы касательно общей и русской археологіи; здѣсь же выслушивались и обсуждались мнѣнія и рефераты не только членовъ зарождавшагося кружка, но и постороннихъ посѣтителей. Въ этихъ засѣданіяхъ были прочитаны между прочимъ статьи С. В. Ешевскаго—«О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи» и «О новѣйшихъ открытіяхъ по такъ называемымъ Кельтскимъ древностямъ»; А. В. Брыкина—«Описанія девяти варіантовъ неизданныхъ монетъ, изъ его собранія, съ дополненіемъ надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ»; Графа А. С. Уварова—«О вѣтрѣ (въ символическомъ значеніи)»; «О русской монетѣ съ загадочною надписью рараі»; К. К. Герца—«О Діанѣ Эфесской и ея храмѣ»; А. А. Гатцука—«Объ изученіи подпочвы средней Россіи»; Д. П. Солнцева—«О монетѣ съ именемъ Аѳанасія»; А. А. Авдѣева. «О раскопкахъ въ Херсонисѣ и древностяхъ тамъ найденныхъ»; А. А. Котляревскаго—«Металлы въ доисторическую эпоху у племенъ индоевропейскихъ» и «Скандинавскій корабль на Руси».

Такая широкая постановка дѣла, такая вѣра въ необходимость соединиться и сплотиться во имя науки были причиной того, что съ 17-го февраля 1864 года, когда впервые собрались

ПАМЯТИ

ОСНОВАТЕЛЯ и ПОЖИЗНЕННАГО

ПРЕДСѢДАТЕЛЯ

Графа А. С. Уварова.

Открывая въ 1864 году первое засѣданіе Московскаго Археологическаго Общества, Графъ А. С. Уваровъ, его основатель и пожизненный Предсѣдатель, въ своей вступительной рѣчи, обратилъ вниманіе Общества на тѣ главныя задачи, которыя должны были по его мнѣнію составить основаніе будущей дѣятельности Общества и служить ему постояннымъ руководствомъ и направленіемъ.

Задачи эти заключались:

1) Въ занятіяхъ по археологіи вообще и преимущественно по изученію русскихъ древностей.

2) Въ возбужденіи сочувствія къ остаткамъ старины русской, къ разработкѣ разныхъ вопросовъ, касающихся произведеній русскаго духа, русскаго искусства и къ уничтоженію среди общей массы народонаселенія равнодушія къ этимъ произведеніямъ.

3) Въ устройствѣ періодическихъ Археологическихъ Съѣздовъ, съ цѣлью, съ одной стороны обратить въ большей степени вниманіе Правительства на необходимость археологическихъ изслѣдованій въ Россіи, а съ другой вызвать, по возможности, болѣе тѣсное общеніе между учеными силами и тѣмъ самымъ способствовать успѣхамъ русской археологіи и возбужденію интереса къ ней въ различныхъ районахъ Россіи, не исключая самыхъ дальнихъ ея окраинъ.

На основѣ указанныхъ положеній возникла и сложилась вся дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества, выразившаяся въ теченіи двадцати пяти лѣтъ въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: а) въ постоянномъ ознакомленіи публики съ трудами по общей и русской археологіи; б) въ изслѣдованіи древнихъ русскихъ памятниковъ и въ изданіи трудовъ, посвященныхъ ихъ изученію; в) въ постоянной заботѣ о сохраненіи памятниковъ

русской старины и о возстановленіи ихъ на основаніи научныхъ данныхъ и историческихъ документовъ; г) въ выработкѣ программъ и инструкцій по археологіи и возбужденіи научныхъ вопросовъ и д) въ устройствѣ Археологическихъ Съѣздовъ въ разныхъ городахъ Россіи и въ изданіи трудовъ этихъ съѣздовъ.

Что сдѣлало Общество по всѣмъ этимъ отдѣламъ, имѣетъ быть изложено на слѣдующихъ страницахъ. Въ нѣсколькихъ главахъ мы постараемся прослѣдить всю двадцатипятилѣтнюю дѣятельность Общества, съ цѣлью не только отдать отчетъ въ томъ, что оно сдѣлало, но, отчасти и въ томъ, къ чему оно стремилось и что осталось не досказаннымъ, не додѣланнымъ или не достигнутымъ. Въ концѣ мы прилагаемъ еще: данныя о составѣ Общества, и объ измѣненіяхъ въ немъ происходившихъ, некрологи умершихъ членовъ, библіографическій указатель трудовъ ихъ, перечень раскопокъ, произведенныхъ подъ руководствомъ Общества и извѣстія о кладахъ и находкахъ, доставленныхъ въ Общество или собранныхъ имъ. Въ своей совокупности всѣ эти главы и приложенія должны представить возможно полную картину трудовъ и усилій Общества, направленныхъ къ изслѣдованію и сохраненію русской старины и къ постановкѣ и разработкѣ различныхъ археологическихъ вопросовъ.

ГЛАВА I.

Дѣятельность Общества по ознакомленію публики съ открытіями и вопросами въ области общей и русской археологіи и по сношенію съ различными лицами и учрежденіями въ интересахъ археологической науки.

,,Обыкновенная замкнутость нашихъ ученыхъ Обществъ не существуетъ въ нашемъ уставѣ" сказалъ Графъ Уваровъ, открывая первое засѣданіе Московскаго Археологическаго Общества; и дѣйствительно, съ тѣхъ поръ двери Общества были широко открыты для публики во время его ученыхъ собраній. Въ теченіи двадцати лѣтъ Графъ былъ душою Общества, руководителемъ его трудовъ, иниціаторомъ его ученыхъ предпріятій. Стремленія Графа были направлены къ тому, чтобы создать изъ Московскаго Археологическаго Общества научный центръ, который бы направлялъ археологическія разысканія въ Россіи, вызывалъ бы къ жизни новыя силы, новые труды, отвѣчалъ бы на возникавшіе запросы касательно старины русской и откликался бы на различныя требованія и нужды, вызываемыя заботами о сохраненіи и изученіи древнихъ памятниковъ.

Разъ опредѣлившееся направленіе Общества не измѣнялось во все время его существованія. Оно вытекало какъ бы само собой изъ той среды, въ которой Общество возникло и которая съ тѣхъ поръ стала какъ бы неотъемлемымъ достояніемъ Общества. Основатель Общества, Графъ А. С. Уваровъ, по своему положенію, образованію, страстной любви къ древностямъ—обладалъ всѣми качествами для того, чтобы стать во главѣ не только Общества, но и вообще русскихъ археологовъ, стать тѣмъ центромъ, вокругъ котораго собирались какъ извѣстные ученые, такъ и начинающіе еще дѣятели, одушевляясь одинаковыми стремленіями и энергіей—къ изученію старины, къ изслѣдованію ея разнообразныхъ памятниковъ и ихъ значенія въ исторіи развитія русской доисторической и исторической культуры.

Еще до утвержденія Устава Московскаго Археологическаго Общества, то есть въ періодъ времени отъ 17 февраля по 4-ое октября 1864 г., члены-основатели его, собираясь по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ на ученыя совѣщанія въ квартиру Графа, допускали на эти совѣщанія постороннихъ посѣтителей, которые, знакомясь съ учеными цѣлями Общества, мало по малу вступали въ число его членовъ.

Постепенно увеличивая научныя силы Общества, эти новые сочлены дали ему возможность развить шире дѣятельность Общества и пустить болѣе глубокіе корни какъ среди ученыхъ силъ Москвы, такъ и въ провинціи, среди отдѣльныхъ тружениковъ, затерянныхъ по обширнымъ пространствамъ земли Русской,—тружениковъ, которыхъ умѣлъ отыскивать основатель Общества, умѣлъ ободрять, направлять и заставлялъ вѣрить въ глубокое значеніе науки и въ будущность возникавшаго Московскаго Археологическаго Общества.

Здѣсь же, во время ученыхъ бесѣдъ, на квартирѣ Графа, поднимались и обсуждались вопросы касательно будущей дѣятельности Общества, изданія журнала, его программы, программы публичныхъ лекцій и пр. и пр. Здѣсь же были подняты многіе вопросы касательно общей и русской археологіи; здѣсь же выслушивались и обсуждались мнѣнія и рефераты не только членовъ зарождавшагося кружка, но и постороннихъ посѣтителей. Въ этихъ засѣданіяхъ были прочитаны между прочимъ статьи С. В. Ешевскаго—«О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи» и «О новѣйшихъ открытіяхъ по такъ называемымъ Кельтскимъ древностямъ»; А. В. Брыкина—«Описанія девяти варіантовъ неизданныхъ монетъ, изъ его собранія, съ дополненіемъ надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ»; Графа А. С. Уварова—«О вѣтрѣ (въ символическомъ значеніи)»; «О русской монетѣ съ загадочною надписью рараі»; К. К. Герца—«О Діанѣ Эфесской и ея храмѣ»; А. А. Гатцука—«Объ изученіи подпочвы средней Россіи»; Д. П. Солнцева—«О монетѣ съ именемъ Аѳанасія»; А. А. Авдѣева. «О раскопкахъ въ Херсонисѣ и древностяхъ тамъ найденныхъ»; А. А. Котляревскаго—«Металлы въ доисторическую эпоху у племенъ индоевропейскихъ» и «Скандинавскій корабль на Руси».

Такая широкая постановка дѣла, такая вѣра въ необходимость соединиться и сплотиться во имя науки были причиной того, что съ 17-го февраля 1864 года, когда впервые собрались

у Графа на квартирѣ члены-основатели Общества (А. Н. Андреевъ, А. Д. Брыкинъ, Е. А. Викторовъ, А. А. Гатцукъ, К. К. Герцъ, С. В. Ешевскій, Д. П. Исаенко, Н. Н. Львовъ, П. И. Севастьяновъ, Д. П. Солнцевъ, П. А. Хвощинскій, Ю. Д. Филимоновъ и Р. И. Шубертъ) по 4 окт. того же года, когда полученъ былъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія утвержденный Уставъ Общества, ко вновь образовавшемуся кружку примкнули всѣ лучшія научныя силы, которыми располагала тогда Москва по части археологіи: архимандритъ Амфилохій, А. Н. Аѳанасьевъ, І. М. Бодянскій, Ѳ. И. Буслаевъ, И. Е. Забѣлинъ, А. А. Котляревскій, Д. И. Иловайскій, М. П. Погодинъ, С. М. Соловьевъ и Преосвященный Савва, тогда епископъ Можайскій.

Со времени утвержденія Устава дѣятельность Общества стала еще болѣе крѣпнуть и развиваться. Къ нему постепенно примыкаютъ изъ среды ученыхъ Москвы и Петербурга новые члены: К. М. Бэръ, С. А. Гедеоновъ, баронъ Д. О. Шеппингъ, В. И. Григоровичъ, А. А. Куникъ, А. С. Норовъ, И. И. Срезневскій, А. Э. Стефани и др.; привлекаются изъ провинціи и дѣлаются съ тѣхъ поръ лучшими его помощниками и сотрудниками: К. Н. Тихонравовъ, Н. А. Артлебенъ, Н. В. Дмитріевъ, А. О. Сементовскій-Курилло, Руфъ Игнатьевъ и др.; знакомятся съ дѣятельностью Общества и мало по малу вступаютъ въ число его членовъ иностранные и славянскіе ученые—Воцель, Ганушъ, Запъ, Дидронъ, Кукулевичъ-Сакцинскій, Палацкій, Пиперъ, Эрбенъ и др.

Съ другой стороны, Общество, открывъ свои засѣданія для публики, такъ заинтересовало ее своими трудами, что она стала все болѣе и болѣе выражать Обществу свое сочувствіе сообщеніями, вкладами и пожертвованіями, состоящими изъ книгъ, рукописей, древнихъ иконъ, разныхъ другихъ предметовъ старины, случайныхъ находокъ, и пр. Подобныя пожертвованія и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость имѣть подъ рукой для своихъ членовъ разныя вспомогательныя пособія, заставило Общество весьма скоро подумать объ образованіи археологической библіотеки и музея. Этотъ послѣдній, при основаніи своемъ, вмѣстивъ въ себя многія случайныя находки и пожертвованія, получилъ характеръ по преимуществу христіанскаго русскаго музея, но, обогащаясь систематическими раскопками и изслѣдованіями членовъ, мало по малу преобразовался и сталъ болѣе общимъ и многостороннимъ.

Въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи Московскаго Археологическаго Общества, Графъ Уваровъ обратилъ между прочимъ вниманіе его сочленовъ на тѣ измѣненія, которымъ подвергалась археологія при постепенномъ своемъ развитіи.

«Съ самаго начала, говорилъ онъ, археологія является съ «характеромъ исключительно классическимъ, она дѣлается неотъ«емлемою частью классическихъ наукъ и только съ первой по«ловины XVI вѣка, благодаря ученымъ трудамъ августинскаго «монаха, Онуфрія Панвинія, начинаетъ развиваться новая отрасль «археологіи, археологія христіанская. Позднѣе чувство народ«ности, пробужденное необходимостью для Европы сокрушить «Наполеоновскую власть, обратилось, по мнѣнію графа, по уми«ротвореніи Европы, на изученіе всего родного. Дѣятельно жило «это чувство и ярко отразилось оно на археологіи. Общій ха«рактеръ науки христіанскихъ древностей измѣняется и прини«маетъ во всѣхъ странахъ характеръ національный. Подъ влія«ніемъ чувства народности, въ Европѣ возникаютъ Археологи«ческія Общества. Они дружными и совокупными силами зани«маются изслѣдованіемъ родныхъ памятниковъ, не только отыс«киваютъ и опредѣляютъ ихъ, но и въ особенности заботятся о «сбереженіи ихъ, какъ дорогихъ остатковъ жизни самого народа. «Въ общее сознаніе входитъ мысль, что произведенія художе«ственной дѣятельности народа, зданія и другіе памятники, послѣ «вырабатывающихся въ народѣ важныхъ общественныхъ во«просовъ, есть лучшіе свидѣтели его нравственной жизни и «умственнаго развитія».

Характеризуя такимъ образомъ въ 1864 году развитіе археологической науки, Графъ характеризовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою личную археологическую дѣятельность. «Археологія», говоритъ онъ, «является на первыхъ порахъ съ характеромъ исключительно классическимъ»; классикомъ является и Графъ при началѣ своей ученой дѣятельности (см.: «Изслѣдованіе береговъ Чернаго моря» и «Докладъ 1853 года о раскопкахъ въ Россіи»). «Пробужденное чувство народности обратилось къ изученію всего родного, и общій характеръ науки христіанскихъ древностей принимаетъ во всѣхъ странахъ характеръ національный», говоритъ онъ при открытіи новаго Археологическаго Общества, какъ бы желая тѣмъ самимъ обратить вниманіе этого Общества на необходимость для него заняться разработкой родной старины; и вотъ — на первыхъ же страницахъ журнала, издаваемаго этимъ Обществомъ, мы

находимъ статьи Графа, посвященныя изученію «Диптиха V-го вѣка», «Изображенія недремаемаго ока Спасова», «Обыденныхъ церквей» и пр. пр. Подтвержденіе вышесказаннаго находимъ мы также въ рѣчи Предсѣдателя, обращенной къ Обществу послѣ перваго года оффиціальнаго существованія онаго. Въ рѣчи этой Графъ заявляетъ, что не смотря на то, «что по Уставу предста«вляются одинаковыя права какъ русской, такъ и общей архео«логіи, но съ самаго дня основанія Общества, это равновѣсіе «не сохранилось: отечественная древность овладѣла почти всею «дѣятельностію членовъ и, за малымъ исключеніемъ, сдѣлалась «главнымъ предметомъ нашихъ занятій. Мнѣ остается, продол«жалъ Графъ, только выразить мое искреннее желаніе, чтобы «Общество съумѣло передать публикѣ и развить въ ней то со«чувствіе, которое само питаетъ къ отечественнымъ нашимъ «древностямъ».

Но время шло и понемногу заявляло свои требованія. Къ изученію чисто національныхъ русскихъ памятниковъ стало присоединяться, мало по малу, стремленіе къ изслѣдованію той отдаленной доисторической старины, которая предшествовала образованію современныхъ народностей. Однимъ изъ первыхъ проявленій этого новаго движенія въ археологіи были изслѣдованія, произведенныя Гр. Уваровымъ и Савельевымъ во Владимірской губ. въ 1850-хъ годахъ., и выразившіяся въ раскопкѣ многочисленныхъ Мерянскихъ кургановъ. Позднѣе, тому же направленію мы обязаны раскопками многихъ древнихъ могильниковъ и кургановъ Россіи, произведенными членами Московскаго Археологическаго Общества, и составленіемъ обширнаго труда о «Каменномъ Вѣкѣ» Графа Уварова.

Надежды на сочувствіе публики и развитіе въ ней любви къ памятникамъ русской старины поддерживали, вызывали со стороны Общества постоянное общеніе съ провинціей, частыя обращенія въ Губернскія Правленія, редакціи губернскихъ вѣдомостей, Статистическіе Комитеты, Духовныя Консисторіи и пр., съ просьбою о содѣйствіи, о высылкѣ остатковъ древности, объ обмѣнѣ изданіями, объ указаніи лицъ, могущихъ заняться изученіемъ памятниковъ и прежде всего составленіемъ списковъ этимъ памятникамъ, какъ христіанской, такъ и болѣе древней, языческой эпохи. Обращенія эти не оставались безъ отвѣта: и вызывали, по временамъ, доставленіе предметовъ, присылку сообщеній, свѣдѣній, предложеній и т. п.

Такъ, Евлентьевъ К. Г., изъ Казани, прислалъ записку о «Необходимости Археологическаго Музея въ Казани и въ Болгарахъ»; Головацкій Я. Ѳ., изъ Вильны, сообщилъ «О настоящемъ состояніи Виленскаго Музея; Голышевъ И. А.– затронулъ вопросъ «О находкахъ близъ слободы Холуя Вязниковскаго уѣзда», «Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ и издательскомъ дѣлѣ въ провинціи» и посвятилъ нѣсколько прочувствованныхъ страницъ «памяти Старѣйшаго Члена Владимірскаго Статист. Комитета Лядова и вообще всѣмъ Владимірскимъ дѣятелямъ по изученію родного края»; Великановъ А. С. прислалъ «Обзоръ свѣдѣній, собранныхъ по Уфимской и Пермской губерніямъ по части отечественной археологіи» и сообщилъ «О надписанныхъ камняхъ по теченію Западной Двины»; Жизневскій А. К. въ частныхъ сообщеніяхъ, письмахъ, докладахъ и пр. развилъ исторію первыхъ насельниковъ Тверской губерніи; Виноградовъ, пополняя его данныя, прислалъ Обществу «Свѣдѣнія о деревянныхъ старинныхъ храмахъ и курганахъ Весьегонскаго уѣзда»; Троицкій Н. И. сообщилъ Обществу «Правила, на основаніи которыхъ основалось Епархіальное Древлехранилище въ г. Тулѣ»; Бочарниковъ С.—«О памятникахъ древности въ г. Зарайскѣ»; Бѣляевъ В. Д.—«Матеріалы доисторической эпохи Костромской губерніи»; Графы Тышкевичи—«О свинцовыхъ остаткахъ, найденныхъ въ 1864 году на днѣ рѣки Буга у Дрогичина»; «Замѣтку о камнѣ съ изображеніемъ змія изъ Ковенской губ.»; «О раскопкахъ тамъ же»; «О древнихъ камняхъ — памятникахъ Западной Руси и Подоліи»; Эйхвальдъ Э.—«О древностяхъ Заволочской Чуди Печорскаго края»; Авдѣевъ А. А.—«О вазѣ и другихъ серебряныхъ вещахъ, найденныхъ близъ Севастополя, въ имѣніи Шверина»; Руфъ Игнатьевъ «Ногайскіе валы, курганы и памятники древностей въ Уфимской губерніи»;—«О памятникахъ въ Оренбургской и Минской губ.»; Самоквасовъ Д. Я.—«О городкахъ, городищахъ, курганахъ Черниговской и Курской губерній»; Словцовъ, Витковскій, Дмитріевъ-Мамоновъ, Ядринцевъ, Пантусовъ, Поярковъ, Мартьяновъ, Клеменцъ, Черскій, Адріановъ и Потанинъ — о Сибирскихъ и Средне-Азіатскихъ древностяхъ; Ястребовъ В. Н. —о курганахъ Херсонской губерніи; Фелицынъ Е. Д.—о памятникахъ Кубанской области, Лѣствицынъ В. И.—о курганахъ Ярославской губерніи.

Московское Археологическое Общество, вполнѣ сознавая важность подобныхъ сообщеній и желая, съ самаго своего основанія, сдѣлаться центральнымъ органомъ для работающихъ почасти русской археологіи, относилось весьма чутко къ этимъ проявленіямъ умственной жизни въ провинціи, отвѣчало на всѣ заявленія, требованія и желанія, и старалось, съ другой стороны, по мѣрѣ силъ и возможности, знакомить столичную публику съ проявленіемъ этой жизни и съ археологическими открытіями и изслѣдованіями совершавшимися и производившимися въ провинціи.

Этому направленію Общества обязаны мы сообщеніями: Котляревскаго А. А. — «О Черноморскихъ древностяхъ», «О Кубанской каменной бабѣ», «О фрескахъ въ Керченской катакомбѣ»; «О раскопкахъ близъ Ѳеодосіи», «О Русской Этнографической выставкѣ»; Аѳанасьева А. Н. — «Труды Виленскаго Статистическаго Комитета»; Закревскаго. Н. В. — «Письма изъ Кіева Максимовича», Бар. Тизенгаузена. В. Г. — «Новѣйшія археологическія раскопки на Таманскомъ полуостровѣ», «Новыя раскопки въ курганахъ, находящихся на предполагаемой мѣстности древней Нимфеи», «Отзывъ о статьѣ Байерна, касательно древностей, найденныхъ имъ въ Мцхетѣ въ 1872 году»; «О находкахъ въ курганахъ Тамани, извѣстныхъ подъ названіемъ Семи Братьевъ»; Барсова Е. В. — «Объ Олонецкихъ древностяхъ» и «О Музеѣ въ Череповцѣ»; Анучина Д. Н. — «О раскопкахъ кургановъ Нижегородской губ. крестьяниномъ П. Д. Дружкинымъ»; «Археологическая экскурсія на станцію Бологое, Валдайскаго уѣзда»; «О древностяхъ Минусинскаго музея»; Иловайскаго Д. И. — «О времени и народности Керченскихъ фресокъ»; «О племени, которому принадлежатъ каменныя бабы нашихъ южныхъ степей»; Герца К. К. — «О трудахъ Губернскихъ Статистич. Комитетовъ»; «Археологическая топографія Таманскаго полуострова»; «О нумизматической литературѣ»; «О Крымскихъ пещерахъ»; «Графа А. С. Уварова — «Виленскій Вѣстникъ за 1864 г.»; «Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ»; «О находкѣ вещей каменнаго періода на станціи Уткино въ Ярославской губерніи»; «О каменныхъ ящикахъ близъ Гаспры въ Крыму»; «О раскопкахъ Самоквасова въ Черниговѣ и близъ Пятигорска»; «Потанинъ и его описаніе памятниковъ древностей сѣверо-западной Сибири»; «О находкѣ Словцовымъ слѣдовъ жилищъ обитателей каменнаго вѣка близъ Тюмени». Никольскаго М. В. и Слуцкаго С. С. — «О Семирѣченскихъ надписяхъ».

Помимо рефератовъ и трудовъ членовъ по части отвѣтовъ на возникавшіе вопросы и разработкѣ получаемаго научнаго матеріала, Общество не оставалось чуждымъ всего, что касалось изученія русской старины, всего того, что было связано съ изученіемъ судебъ нашего отечества и его народности. Такъ напр. въ 1867 г. Предсѣдатель предлагаетъ Обществу почтить особымъ засѣданіемъ столѣтній юбилей рожденія Митрополита Евгенія, оказавшаго, по его мнѣнію, незабвенныя услуги дѣлу русской археологіи; 12-го мая того же года Общество избираетъ членовъ для привѣтствія славянъ, ожидавшихся на Этнографическую выставку въ Москвѣ; 12-го сентября Общество шлетъ поздравительную телеграмму въ Прагу, по случаю празднованія пятидесятилѣтія открытія Краледворской рукописи.

Въ 1868 г. Предсѣдатель обращаетъ вниманіе общества на заслуги по изученію края и разработкѣ мѣстной археологіи Секретаря Витебскаго Статистическаго Комитета и Члена Моск. Археол. Общества А. М. Сементовскаго-Курилло.

Въ 1870 г. Общество устраиваетъ въ помѣщеніи Московской Городской Думы торжественное засѣданіе по случаю совершившагося трехсотлѣтія со времени напечатанія московскими типографами Иваномъ Ѳедоровымъ и Петромъ Тимоѳеевичемъ Мстиславцемъ Евангелія и испрашиваетъ Высочайшаго разрѣшенія открыть повсемѣстную подписку на сооруженіе памятника первопечатнику Ивану Ѳедорову.

Въ 1871 г. Якутская Публичная Библіотека обращается къ Обществу съ просьбой выслать ей его изданія. Общество не только исполняетъ эту просьбу, но обращается ко всѣмъ своимъ Членамъ и извѣстнымъ ей писателямъ, съ просьбою помочь новооткрываемой библіотекѣ въ составленіи научнаго отдѣла, который видимо сталъ необходимымъ въ столь отдаленномъ центрѣ, какъ Якутскъ.

11-го марта того же года поднимается Обществомъ вопросъ о необходимости устроить при Политехнической выставкѣ отдѣлъ древностей, а при Обществѣ публичныя лекціи по предметамъ археологіи.

3-го окт. Общество привѣтствуетъ телеграммой М. А. Максимовича въ Кіевѣ съ его пятидесятилѣтней ученою дѣятельностью.

Отъ 17-го ноября А. М. Сементовскій-Курилло, ратуя за устройство повременныхъ археологическихъ выставокъ въ губернскихъ городахъ, пишетъ: «Я убѣжденъ, что прими въ этомъ

«дѣлѣ на себя почниъ Моск. Археол. Общество, на зовъ его съ «полною готовностью откликнулись бы не только Статистическіе «Комитеты, но и земскія учрежденія и ученое вѣдомство. При«мкнуло бы также и Географическое Общество съ его отдѣлами, да «вѣроятно не отшатнулось бы и духовенство».

Въ декабрѣ того же года, представляя Императ. Русскому Археолог. Обществу въ Петербургѣ свои поздравленія, по случаю празднованія двадцатипятилѣтія со времени его основанія, Московск. Археол. Общество выражаетъ въ поднесенномъ адресѣ «твердую «и несомнѣнную надежду, что дружескій союзъ обоихъ Обществъ «навсегда останется крѣпкимъ, что они всегда будутъ содѣйство«вать другъ другу въ дальнѣйшей разработкѣ археологической «науки и дружно, рядомъ, будутъ стоять на неусыпной стражѣ, «для огражденія отъ гибели памятниковъ отечественной старины, «столь драгоцѣнныхъ для каждаго истинно русскаго человѣка».

Въ 1873 г. Предсѣдатель Общества ѣдетъ въ Тверь, для осмотра возникающаго тамъ Музея, и съ тѣхъ поръ входитъ въ постоянное и самое дружественное общеніе съ основателемъ и душею онаго А. К. Жизневскимъ. Общеніе это не прерывается да самой кончины Предсѣдателя и имѣетъ послѣдствіемъ печатаніе подробнаго каталога Музея на страницахъ изданій Общества, съ пополненіями Графа Уварова.

Въ 1873 г. получается извѣщеніе изъ Моск. Духовн. Консисторіи, что К. И. Невоструевъ оставилъ Обществу, по завѣщанію, свое собраніе монетъ и древностей.

Въ 1874 г. Предсѣдатель, обращая вниманіе членовъ на предложенный въ Программѣ III Археологическаго Съѣзда вопросъ: «о мѣрахъ для возбужденія взаимнаго содѣйствія между археологическими обществами», предлагаетъ Моск. Обществу войти въ соглашеніе со всѣми остальными, существующими въ Россіи Археологическими Обществами и учрежденіями, для взаимнаго между собой содѣйствія и печатанія въ изданіяхъ Моск. Археолог. Общества протоколовъ этихъ обществъ, равно какъ и извѣстій объ изданіяхъ, открытіяхъ и ученыхъ предпріятіяхъ ихъ.

Въ 1875 г. Графъ, представляя краткій обзоръ того, что сдѣлано въ первое десятилѣтіе существованія Общества для успѣха археологической науки и, останавливаясь на томъ, чего ему не удалось исполнить, обращаетъ особенное вниманіе на тѣ явленія, которыя даютъ предчувствовать, и на тѣ средства, которыя несомнѣнно могутъ обѣщать, что въ близкомъ будущемъ раз-

работка отечественной археологіи еще болѣе оживится. «Успѣхи «нашихъ Археологическихъ Съѣздовъ», говорилъ Предсѣдатель, «служатъ первымъ отраднымъ и многообѣщающимъ явленіемъ «для всѣхъ, принимающихъ къ сердцу развитіе русской архео-«логіи». Рѣчь свою Графъ кончаетъ выраженіемъ сожалѣнія, что предлагаемая имъ мѣра общаго археологическаго журнала не могла до сихъ поръ осуществиться.

Съ марта того же года Московское Археологическое Общество вступаетъ въ болѣе тѣсное общеніе съ Кіевскимъ Археологическимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца. Начинается обмѣнъ изданій, частая переписка между Предсѣдателями и отдѣльными членами Общества, причемъ общность археологичесихъ интересовъ заставляетъ обдумать и выработать общій планъ дѣйствій для систематическаго изслѣдованія губерній, составляющихъ Кіевскій Учебный округъ, въ которомъ рѣшено безъ общаго согласія не предпринимать отдѣльныхъ отрывочныхъ раскопокъ.

Въ этомъ же году Общество призывается къ новой дѣятельности — собиранію подготовительныхъ матеріаловъ для указателя основывающагося въ Москвѣ Музея имени Государя Цесаревича. Трудъ этотъ дѣлятъ между собой члены Общества слѣдующимъ образомъ: проф. В. Б. Антоновичъ беретъ памятники юго-западнаго края; Н. Я. Аристовъ — памятники XII и XIII в.; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ — памятники XVI и XVII в.; В. Е. Румянцевъ — архитектурные памятники Московскаго періода; Гр. А. С. Уваровъ — каменный періодъ и указатель древнехристіанскихъ памятниковъ до X столѣтія.

Въ 1876 г. Предварительный Комитетъ IV Археол. Съѣзда, препровождая экземпляръ статьи проф. Брикнера «Объ ученыхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи», проситъ Общество сообщить Комитету свой отзывъ объ этой статьѣ.

7-го октября 1877 г. собирается экстренное засѣданіе Общества по случаю извѣстія, сообщеннаго Московскими Вѣдомостями объ арестѣ австрійскими властями въ Галиціи Д. И. Иловайскаго, освобожденнаго только ради дѣятельнаго заступничества Площанскаго, редактора газеты «Слово». Предсѣдатель предлагаетъ выразить благодарность Площанскому и обратиться отъ Общества къ Государственному Канцлеру Князю А. М. Горчакову «съ просьбою о принятіи мѣръ къ огражденію на будущее время чести и безопасности русскихъ мирныхъ путешественниковъ въ предѣлахъ Австріи». Предложеніе принято и уже 11-го ноября сообщается

Обществу отвѣтъ Канцлера, изъ котораго видно, что копія съ отношенія Общества послана нашему Послу при Австрійскомъ Дворѣ съ предложеніемъ потребовать въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ строгаго изслѣдованія дѣйствій галицкихъ властей.

20-го декабря того же года Предсѣдатель, обращая вниманіе на рѣчь, произнесенную Чл. Кор. П. Е. Сѣверинымъ на актѣ Оренбургской гимназіи подъ названіемъ «Эпизодъ изъ первобытной исторіи Пріуральскаго края», выражаетъ удовольствіе, вызываемое въ немъ тѣмъ фактомъ, что археологія дѣлается уже предметомъ рѣчей, произносимыхъ въ торжественныхъ случаяхъ. Первую рѣчь, говоритъ Графъ, произнесъ проф. А. И. Павинскій на актѣ Варшавскаго Университета; рѣчь Сѣвернаго является такимъ образомъ вторымъ примѣромъ.

Въ 1878 г. Общество принимаетъ участіе въ празднованіи юбилея Гр. Еф. Щуровскаго, а въ началѣ 1879 г., сочувствуя цѣлямъ Антропологической выставки, предпринятой Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ, рѣшаетъ принять въ ней участіе устройствомъ отдѣла жилищъ и другихъ сооруженій въ предѣлахъ Русской земли, съ древнѣйшихъ временъ до конца XVII столѣтія.

Въ 1881 г. Предсѣдатель получаетъ депешу ген. Мещеринова съ просьбою указать, когда соотвѣтственнѣе праздновать трехсотлѣтіе покоренія Сибири: 20 октября 1881 г., въ день занятія Искера, или въ слѣдующемъ году, памятуя время принятія Сибири въ подданство Царемъ Іоанномъ IV. Высказано Обществомъ мнѣніе, что въ виду того, что день представленія атамана Ив. Кольца съ донесеніемъ о завоеваніи Сибири не можетъ быть съ точностью опредѣленъ, остается отнести празднество на 20 октября 1881 года.

Въ 1882 г. получается просьба отъ завѣдующаго Музеемъ при Западно-Сибирскомъ отдѣлѣ Импер. Русскаго Геогр. Общества, Лебединскаго, дать заключеніе относительно древностей и научнаго значенія предметовъ, добытыхъ въ курганахъ Тобольской губ. и Ялуторовскаго округа и назначенныхъ въ даръ Историческому Музею въ Москвѣ.

Въ томъ же году житель города Ярославля, членъ Общества, В. П. Лѣстницынъ, присылаетъ въ Общество нѣкоторую сумму для производства раскопокъ въ Ярославской губерніи.

Филологическій Институтъ въ Петербургѣ, желая привести въ исполненіе давнишнее предположеніе Моск. Археол. Общества

соединить въ своихъ изданіяхъ извѣстія о трудахъ всѣхъ Археологическихъ Обществъ, обращается къ Московскому Обществу съ просьбою сообщать его протоколы, что исполняется Обществомъ съ самымъ искреннимъ желаніемъ конечнаго достиженія давно предположенной цѣли.

28-го марта 1883 г. Г. Н. Потанинъ, заявляя о предпринимаемой имъ экспедиціи, по порученію Имп. Русск. Географическаго Общества въ сѣверо-западную Монголію, предлагаетъ Обществу свои услуги по изученію мѣстныхъ археологическихъ памятниковъ. Общество съ признательностью принимаетъ предложеніе и вступаетъ въ сношенія съ Потанинымъ.

Въ 1885 г. Общество обращается къ вдовѣ князя Сибирскаго съ просьбою и предложеніемъ объ изданіи на счетъ Общества трудовъ покойнаго ея мужа по исторіи и нумизматикѣ Босфора Киммерійскаго.

Въ 1886 г. Общество принимаетъ участіе въ чествованіи заслугъ Н. О. Эмина.

Въ 1887 г. Предсѣдатель Общества обращаетъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное Обществу, во время подготовительныхъ работъ для Ярославскаго Съѣзда Вятскимъ Статистическимъ Комитетомъ и отдѣльными его членами, Н. Г. Первухинымъ и А. А. Спицынымъ, и предлагаетъ, въ виду интереса, возбужденнаго въ Вятской губ. работами этихъ двухъ тружениковъ, образовать при Вятской Публичной библіотекѣ Отдѣлъ археологическихъ сочиненій. Общество, вполнѣ соглашаясь съ этимъ предложеніемъ, высылаетъ въ Вятскую библіотеку свои изданія, изданія Съѣздовъ и обращается во всѣ Ученыя Общества, учрежденія и къ отдѣльнымъ ученымъ съ просьбою послѣдовать его примѣру. Кромѣ того рѣшено разрѣшить Первухину и Спицыну передавать дублеты вещей, пріобрѣтенныхъ ими на средства Моск. Арх. Общества, въ мѣстные Музеи:—Казанскаго Импер. Университета и Публичный въ городѣ Вяткѣ.

Посвятивъ большую часть своей дѣятельности изученію русской старины, но желая выяснить вмѣстѣ съ тѣмъ родственную связь между русскимъ искусствомъ и искусствомъ другихъ народовъ, а также познакомить публику съ движеніемъ археологіи на Западѣ, Общество посвящаетъ часть своихъ засѣданій на разборъ трудовъ по археологіи иностранныхъ ученыхъ и вызываетъ своихъ членовъ на поѣздки за границу и ученые о нихъ отчеты. По этимъ отдѣламъ дѣятельности, въ изданіяхъ Общества

находимъ сообщенія: Котляревскаго А. А.— «Нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у Словенцевъ, Чеховъ, Лужичанъ и Поляковъ»; Киркора А. К. — «Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Галицкой Подоліи»; Графа А. С. Уварова — «О новоизслѣдованныхъ славянскихъ могилахъ въ Познани»; «О двухъ каменныхъ бабахъ, найденныхъ близъ Штуттарта»; «О пещерныхъ жилищахъ въ Моравіи близъ ст. Бланско»; «Докладъ о древностяхъ Чехіи на основаніи фотографическаго альбома Лемана»; «О доисторической картѣ Познанской провинціи, предпринятой докторомъ Шварцемъ»; Погодина М. П.— «Путешествіе по Славянскимъ землямъ и современное состояніе археологіи въ Галиціи, Моравіи и Венгріи»; Попова Н. А. — «Археологическое Общество при Чешскомъ музеѣ и его журналъ»; «Хорватское Археологическое Общество»; Гавельки И. И.— «Послѣднія находки въ Богеміи»; Крыжановскаго С. М.— «Славянскій Краковъ и Славянская археологія по польскимъ источникамъ»; Котляревскаго А. А. — «О значеніи трудовъ Як. Гримма для русской археологической науки»; «Объ этнологіи каменнаго періода въ Европѣ»; «Объ археологическихъ трудахъ Морло»; Любавскаго А. Д.— «О послѣднихъ новостяхъ по археологіи Франціи»; Барона Богушевскаго Н. К.— «Библіографическій и систематическій указатель сочиненій археологическаго и историческаго содержанія въ русской и иностранной литературѣ»; Цвѣтаева И. В.— «Итальянскіе археологи и ихъ отношенія къ иностранцамъ»; «Историческія поминки по кардиналѣ Анджело Маи»; Лерха П. И.— «Второй Съѣздъ по доисторическимъ древностямъ и антропологіи въ Парижѣ въ 1867 г.»; Бар. Тизенгаузена В. Г.— «Переводъ отчета 3-го засѣданія XI общаго собранія Германскаго Общества Антропологіи, Этнографіи и Первобытной Исторіи, въ которомъ происходило обсужденіе вопроса, возбужденнаго г-жей Месторфъ: о вліяніи древнихъ филиграновыхъ украшеній на украшенія народныхъ одеждъ позднѣйшаго времени»; Анучина Д. Н.— «Обзоръ новѣйшихъ свѣдѣній о каменномъ вѣкѣ въ Азіи и Африкѣ по иностраннымъ источникамъ»; Герца К. К.— «О древностяхъ Сибири описанныхъ Дезоромъ»; «О греческихъ статуеткахъ изъ Танагры»; «Изваянія въ доисторическихъ пещерахъ Шампани»; Графа А. С. Уварова— «Revue Archéologique за 1884 г.»; «Замѣтка о произведенныхъ проф.

Келлеромъ въ Цюрихѣ опытахъ сверленія каменнаго молотка»; «О Кипрскихъ древностяхъ»; «О чашечныхъ камняхъ на основаніи труда Дезора»; «О находкахъ на островѣ Біоркѣ»; «Гробница, найденная Пигорини близъ Вероны»; «О гробницахъ близъ Менида въ Аттикѣ» и «Критическія замѣчанія по поводу реферата г-жи Месторфъ о филиграновыхъ украшеніяхъ»; Орѣшникова А. В.—«О жизни и ученыхъ трудахъ Франсуа Ленормана и о заслугахъ его въ области исторіи и археологіи Востока»; Усова С. А.—«О миніатюрахъ къ Иліадѣ, хранящихся въ Миланской Амврозіанской библіотекѣ».

Объемъ Исторической Записки не дозволяетъ намъ перечислять подробно всѣ эти статьи, полный перечень ихъ приводится въ библіографическомъ приложеніи. Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться въ разносторонней дѣятельности Общества и живомъ отношеніи его къ вопросамъ не только русской, но и общей археологіи. Подобное отношеніе къ западной археологической литературѣ и постоянное общеніе съ главными ея дѣятелями имѣло въ результатѣ содѣйствіе трудамъ Общества такихъ ученыхъ, какъ Пиперъ въ Берлинѣ, Гейдеръ въ Вѣнѣ, Ванкель въ Моравіи, проф. Маннгардъ, д-ръ Шварцъ и друг., которые стали присылать сообщенія, а нѣкоторые и принимать участіе въ русскихъ археологическихъ съѣздахъ.

ГЛАВА II.

Дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества по изученію и описанію древностей.

Двадцатипятилѣтняя дѣятельность Общества по изученію древностей выразилась прежде всего въ тѣхъ рефератахъ и сообщеніяхъ, которыя были доложены въ его засѣданіяхъ или доставлены для напечатанія въ его трудахъ и которыя являлись или результатомъ экспедицій, поѣздокъ и раскопокъ, предпринятыхъ членами и уполномоченными Общества, или плодомъ ихъ кабинетныхъ и музейскихъ занятій. Значительная доля этихъ сообщеній вошла въ издаваемыя Обществомъ «Древности», въ протоколы Общества или приложенія къ нимъ; нѣкоторыя еще ждутъ своей очереди для ихъ напечатанія или не были доставлены въ обработанномъ видѣ референтами и вошли лишь въ сокращенной формѣ въ протоколы Общества. Сообщенія эти касаются почти всѣхъ главныхъ отдѣловъ археологіи; по отношенію же къ Россіи, въ нихъ можно встрѣтить данныя о древностяхъ какъ центральныхъ губерній, такъ и отдаленныхъ окраинъ, въ томъ числѣ Сибири, Кавказа и Туркестана.

Принявъ, съ самаго начала своей научной дѣятельности, широкіе предѣлы для избранной имъ области знаній, Общество, кромѣ русскихъ древностей, не могло не включить въ кругъ своего изученія и древности иностранныя, особенно, если онѣ такъ или иначе касались Россіи или могли служить къ ознакомленію съ новыми археологическими открытіями и вопросами. Съ другой стороны, имѣя на первомъ планѣ древности русскія и болѣе или менѣе тѣсно связанныя съ исторіей Россіи, Общество считало своимъ долгомъ содѣйствовать также, насколько то возможно, изученію древностей доисторическихъ, первобытныхъ,— изслѣдованію тѣхъ эпохъ, въ теченіе которыхъ еще не могло быть рѣчи о народностяхъ, сложившихся мало по малу впослѣдствіи, а только о первобытныхъ типахъ человѣка и его куль-

туры. Это расширеніе предѣловъ археологическихъ разысканій являлось необходимымъ въ виду тѣхъ открытій, которыя были сдѣланы въ этой области археологіи на западѣ, и тѣхъ новыхъ горизонтовъ, которые открывались этими открытіями для познанія человѣка и первобытной исторіи его культуры. Обширная территорія Россіи въ Европѣ и Азіи представляла въ этомъ отношеніи еще совершенно дѣвственную почву, въ нѣдрахъ которой могли найтись драгоцѣнные матеріалы для обоснованія и пополненія новой, только что возникавшей области знанія, и было бы несовмѣстнымъ съ задачами и достоинствомъ Общества, еслибы оно игнорировало эту новую область изученія и не старалось бы по мѣрѣ возможности возбуждать интересъ къ ней, собирать необходимые матеріалы и подвергать ихъ научной обработкѣ или хотя бы—предварительной систематизаціи. Какъ ни отдаленны эпоха и культура такъ называемаго каменнаго вѣка отъ современныхъ, однако слѣды ихъ продолжали еще держаться долго рядомъ съ позднѣйшими пріобрѣтеніями въ области мысли и техники, и несомнѣнно, что многія воззрѣнія, вѣрованія, подробности частнаго и общественнаго быта коренятся далеко за предѣлами историческаго періода, въ глубокой, сѣдой, первобытной старинѣ. Тамъ приходится искать зачатки древнѣйшихъ народныхъ понятій и представленій,—древнѣйшихъ искусствъ, промышленности, институтовъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ привело къ послѣдующимъ стадіямъ въ исторіи человѣческой цивилизаціи.

Изученіе первобытной культуры можетъ однако производиться двумя путями, которые, впрочемъ, взаимно пополняютъ другъ друга. Одинъ путь, если такъ можно выразиться, непосредственно археологическій; онъ руководится тѣми остатками первобытнаго человѣка и его культуры, которые открываются въ землѣ, въ пещерахъ, могильникахъ, на мѣстахъ древнихъ стоянокъ и жилищъ, въ кладахъ и отдѣльныхъ находкахъ. Изучая эти отрывочные, случайные слѣды давно минувшихъ вѣковъ, наука стремится распредѣлить ихъ въ ихъ послѣдовательности, уяснить ихъ значеніе и смыслъ и дойти до болѣе или менѣе яснаго представленія о типѣ и бытѣ человѣка въ различныя эпохи его доисторическаго существованія, насколько то, конечно, возможно на основѣ однихъ вещественныхъ памятниковъ. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ археологія не можетъ полагаться исключительно на свои силы, но должна въ значительной степени пользоваться содѣйствіемъ другихъ наукъ: геологіи и палеонто-

логіи для точнаго опредѣленія условій древности и залеганія остатковъ и уясненія обстановки (флоры и фауны), при которой жилъ человѣкъ въ соотвѣтственную эпоху;—антропологіи и этнографіи для опредѣленія остатковъ самого человѣка и болѣе вѣрнаго пониманія свидѣтельствующихъ о немъ издѣлій (изъ камня, кости, дерева), по аналогіи съ подобными же издѣльями современныхъ или жившихъ еще на исторической памяти дикарей. Другой путь исходитъ отъ другого рода данныхъ; онъ руководится фактами языка, народныхъ понятій, повѣрій, миѳовъ—и, анализируя ихъ, уясняя себѣ ихъ первоначальный смыслъ, стремится проникнуть до той же отдаленной старины, служившей первоначальной основой для послѣдующихъ наслоеній. Указанія по этому пути даются филологами и лингвистами, изслѣдователями народной литературы, миѳовъ, первобытныхъ религій, вообще народнаго быта и сохраняющихся въ немъ «пережитковъ» старины. Понятно, что этотъ путь, при всей его плодотворности, не можетъ замѣнить указаннаго ранѣе, исходящаго отъ реальныхъ, вещественныхъ памятниковъ, но, съ другой стороны, и путь чисто археологическій, приводящій насъ, главнымъ образомъ, къ познанію, такъ сказать, матерьяльнаго человѣка съ его матерьяльной обстановкой, можетъ дать только намеки на его духовный складъ и жизнь, которые слагаются въ нѣсколько болѣе цѣлостное представленіе лишь по восполненіи ихъ данными этнографіи и т. наз. палеонтологіи языка. Какъ бы то ни было, оба указанные пути стремятся къ той же цѣли, къ проникновенію въ глубокіе тайники первобытныхъ временъ человѣчества, и задача археологіи, въ обширномъ смыслѣ,—пользоваться обоими этими путями для расширенія предѣловъ своего вѣдѣнія и возможнаго разрѣшенія стоящихъ передъ нею вопросовъ.

Область первобытныхъ древностей въ обширномъ смыслѣ составляла предметъ изученія Общества съ самаго его основанія. Но на первыхъ порахъ дѣло ограничивалось сообщеніями болѣе компилятивнаго характера, замѣтками о случайныхъ находкахъ или обзорами изслѣдованій въ этой области на западѣ. Таковы были сообщенія: Ешевскаго С. В.— «О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи и новѣйшихъ открытіяхъ по такъ называемымъ кельтскимъ древностямъ»; Котляревскаго А. А.— «Объ этнологіи каменнаго періода въ Европѣ»; «Замѣтки къ археологіи каменнаго вѣка въ Россіи»; «Металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху у племенъ индо-европейскихъ»; «Новый способъ

опредѣленія древности могилъ»; Лерха П. И.—«Второй съѣздъ по доисторическимъ древностямъ въ Парижѣ въ 1867 г.»; Солнцева Д. П.—«Свайныя постройки»; «Обзоръ открытій по каменному вѣку»; «Свѣдѣнія о курганахъ» и т. п. Мало по малу, однако, сообщенія членовъ Общества становятся болѣе самостоятельными и концентрируются на изученіи первобытной старины въ предѣлахъ Россіи и Славянскихъ странъ. Укажемъ на сообщенія: Котляревскаго А. А.—«Народныя преданія о могилахъ и другихъ памятникахъ русской доисторической древности»; «О Велетахъ и пожираніи ими престарѣлыхъ родителей»; «О Святовидѣ»; Аѳанасьева А. Н.—О погребальныхъ обрядахъ у славянскихъ народовъ»; «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу»; «О загробныхъ представленіяхъ славянъ»; «Примѣры вліянія языка на образованіе народныхъ вѣрованій и обрядовъ»; Бар. Шеппинга Д. О.—«Оборотень въ его миѳическомъ и пластическомъ олицетвореніи»; Потебни А. А.—«О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ»; «О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ»; «Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака»; Мансветова И. Д.—«Нѣсколько соображеній и новыхъ данныхъ, разъясняющихъ древнѣйшую судьбу купальскихъ обрядовъ» и др.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаютъ притекать сообщенія по археологіи вещественныхъ памятниковъ, по каменному и древнѣйшему металлическому вѣкамъ, а равно по курганамъ, могильникамъ, городищамъ,—въ коихъ эпоха доисторическая уже сливается, такъ сказать, незамѣтно съ эпохой исторической. Графу Уварову принадлежитъ главная роль въ этомъ направленіи дѣятельности Общества; интересуясь сначала курганами, онъ переходитъ затѣмъ къ каменному вѣку, палеолитической эпохѣ и издаетъ большое сочиненіе «О каменномъ вѣкѣ въ Россіи», нѣкоторыя части котораго составили ранѣе содержаніе многихъ его сообщеній въ Обществѣ и на археологическихъ съѣздахъ. Въ Обществѣ, по первобытнымъ древностямъ Графомъ были сдѣланы вообще слѣдующія сообщенія: «О поясныхъ украшеніяхъ въ курганахъ Мерянъ»; «Результаты изслѣдованій въ 1851—52 г. въ Суздальскомъ, Юрьевскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ Владимірской губ.»; «О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей»; «О находкѣ вещей каменнаго періода на ст. Уткино, Ярославской губ.»; «О находкахъ каменныхъ орудій около с. Мурома»; «О признакахъ древности каменныхъ орудій палеолитической эпохи»; «Мегалитическіе памят-

ники въ Россіи», не считая нѣсколькихъ болѣе мелкихъ. Графъ производилъ лично раскопки во Владимірской, Смоленской, Новгородской губ., въ Крыму и на Кавказѣ, какъ въ курганахъ и могильникахъ, такъ и въ отложеніяхъ каменнаго вѣка. Дѣятельными сотрудниками и продолжателями Графа въ этой области были: Самоквасовъ Д. Я., доставившій сообщенія: «О городахъ и городищахъ въ древнѣйшей Руси», «Городки и городища въ Курской и Черниговской губерніяхъ», «Обзоръ памятниковъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періода, найденныхъ въ черноземной полосѣ Днѣпра», «О черниговскихъ курганахъ» и др.; Ивановскій Л. К.— «Матеріалы для курганнаго періода въ Ярославспой губ.»; Кельсіевъ А. И.— «Изслѣдованія по каменному вѣку въ с. Костищахъ, на берегу Дона»; В. Б. Антоновичъ, В. Ѳ. Миллеръ, гг. Гатцукъ, Сементовскій, Кусцинскій, Поляковъ, Р. Игнатьевъ, Жизневскій, Беренштамъ, Сизовъ, Ястребовъ, Эварницкій, и многіе другіе. Изслѣдованіе кургановъ и нахожденіе въ нихъ человѣческихъ костяковъ вызывало, помимо археологичесвихъ, и антропологическіе вопросы, главнымъ образомъ относительно типа найденныхъ череповъ, и въ этомъ отношеніи Обществу оказывали свое содѣйствіе Богдановъ А. П., Ивановскій Л. К., Тихомировъ А. А., и Анучинъ Д. Н. Съ другой стороны, многія археологическія раскопки и находки возбуждали вопросы этнографическіе и историко-географическіе, относительно различныхъ народностей, жившихъ въ разныя эпохи въ той или другой области Россіи, или пріуроченія къ извѣстнымъ мѣстностямъ тѣхъ или иныхъ городовъ и другихъ топографическихъ названій, упоминаемыхъ исторіей. Въ этомъ отношеніи для Общества было цѣнно содѣйствіе: Иловайскаго Д. И.— «Вопросъ о народности древнихъ Даковъ»; «Извѣстіе о Хазарахъ»; «Нѣсколько сообщеній о памятникахъ Тмутараканской Руси»; «Мнѣніе о мѣстонахожденіи Саркела» и др.; Котляревскаго А. А.— «Краткія извѣстія о племенахъ, въ разное время населявшихъ нынѣшнія губерніи Моск. учебнаго округа»; Барсова Э. В.— «Объ Аланахъ, на основаніи слав. перевода І. Флавія»; Эйхвальда.— «О древностяхъ Заволочской Чуди»; Ефименка.— «О чудскихъ древностяхъ Шенкурскаго уѣзда»; Самарянова.— «О слѣдахъ поселеній Мери, Чуди, Черемисы, Еми и другихъ инородцевъ въ предѣлахъ Костромской губ.» и др., а за послѣдніе годы—Сизова В. И. и Милюкова П. Н., не считая сообщеній, касающихся восточныхъ древностей и Кавказа, о которыхъ будетъ сказано далѣе.

Другой важный отдѣлъ археологіи, древности классическія, вызвалъ также въ Обществѣ рядъ сообщеній, посвященныхъ отчасти классическимъ (греко-скиѳскимъ) древностямъ южной Россіи, отчасти вообще греческимъ и римскимъ. По первымъ (припонтійскимъ древностямъ)—укажемъ на обширный трудъ Герца К. К.—«Топографія Таманскаго полуострова» и на труды по той же мѣстности Бурачкова П. О. и Бар. Тизенгаузена В. Г.; на сообщенія о Керченскихъ катакомбахъ—гг. Котляревскаго, Усова, Иловайскаго, Герца, гр. Уварова, Подшивалова; на статью: Бруна Ф. К.,—«Островъ Тирагетовъ и латино-греческая надпись 201 г. по Р. Х.»; Фонъ Прокешъ Остена—«Фарцой, царь Скиѳовъ»; Григорьева—«О монетѣ Антимаха Ѳеоса съ именемъ Діодота»; Струкова—«О новыхъ надписяхъ въ Танаисѣ и на Босфорѣ»; Подшивалова А. М.—«О мѣдной ручкѣ съ изображеніемъ Горгоны, изъ с. Мартоношъ» «Объ уродливыхъ терракотовыхъ статуеткахъ» и др.

По классическимъ древностямъ вообще—нѣкоторыя сообщенія имѣли цѣлью ознакомленіе съ новѣйшими открытіями и трудами въ этой области западныхъ изслѣдователей. Такой характеръ имѣли, напримѣръ, многіе рефераты: Герца К. К.—«О раскопкахъ въ Олимпіи»,—«въ Додонѣ»,—«О Шлиманѣ»; «Греческія терракотовыя статуетки изъ Танагры»; «О Діанѣ Ефесской и ея храмѣ»; Усова С. А.—«О реставраціи Венеры Милосской»; Базинера—«О раскопкахъ на мѣстѣ древняго Пергама»; Попова Н. А.—«О разысканіяхъ на развалинахъ Трои» и т. д:—но другіе являлись результатомъ самостоятельнаго изученія памятниковъ, какъ напр. Гр. А. С. Уварова—Тождество бронзовыхъ ручекъ, найденныхъ въ Пренесте и близъ озера Вана», «О кипрскихъ древностяхъ, пріобрѣтенныхъ у русскаго консула Юзефовича», «Древняя мраморная лампа изъ собственнаго собранія»; Шварца А. Н.—«Къ вопросу объ истолкованіи одного неизданнаго античнаго бюста изъ собранія гр. А. С. Уварова»;—«О нѣсколькихъ расписныхъ вазахъ Университетскаго Кабинета изящныхъ искусствъ»; Орѣшникова А. В.—«Бронзовая статуетка Вакха, находящаяся въ Моск. Голицынскомъ Музеѣ»; Цвѣтаева И. В.—«Самниты по надписямъ»; «Разборъ двухъ латинскихъ надписей, относящихся къ V в. до Р. Х.»; «Школы у древнихъ римлянъ» и др.

На ряду съ классическими древностями вниманіе Общества обращали на себя и древности восточныя, какъ того

древнѣйшаго Востока, которому обязана своимъ первымъ развитіемъ культура древнихъ эллиновъ, такъ и позднѣйшаго несторіанскаго и мусульманскаго Востока, слѣды котораго встрѣчаются во многихъ частяхъ нашего отечества. По древнѣйшему Востоку отмѣтимъ сообщенія, сдѣланныя въ обществѣ, Никольскимъ М. В. — «О клинообразныхъ надписяхъ»; Котляревскимъ А. А. — «О финикійскомъ искусствѣ и его вліяніи на греческое»; Гр. А. С. Уваровымъ — «О двухъ бронзовыхъ статуэткахъ съ озера Ванъ»; Миллеромъ В. Ѳ. — «Миѳъ о Ніобѣ на востокѣ»; Эминымъ Н. О. — «О Мидійцахъ въ древней Арменіи», «О новомъ истолкованіи Ж. Оппертомъ имени Астіага»; Михайловскимъ В. М. — «О состояніи культуры въ Египтѣ во времена XVIII и XIX династій, «Очеркъ личности и дѣятельности египетской царицы Гатасу», «Исторія открытія Серапеума»; Лебедевымъ И. А. — «О клинообразной надписи, гласящей о Кирѣ Великомъ».

Несторіанскій и мусульманскій востокъ вызвалъ рефераты: Никольскаго М. В. — «О сирскихъ надписяхъ въ Семирѣченской области»; Савельева А. И. — «Описаніе нумизматическаго клада, открытаго въ Казани въ 1864 г.; Бар. Тизенгаузена В. Г. — «Вятскій кладъ куфическихъ монетъ», «О кладѣ восточныхъ монетъ въ Нижегородской губерніи», «Находка золотоордынскихъ монетъ», «Куфическія монеты, найденныя въ Кіевѣ», —и др.

Интересъ къ Востоку поддерживался въ Обществѣ также доставкой новыхъ матерьяловъ съ нашихъ окраинъ. Особенное вниманіе обратили на себя многочисленные матерьялы (въ видѣ фотографій, рисунковъ, снимковъ, а отчасти и подлинныхъ камней), доставленные въ Общество изъ Токмака д-ромъ Ѳ. В. Поярковымъ и Н. Н. Пантусовымъ, чиновникомъ особыхъ порученій при Семирѣченскомъ губернаторѣ. Матерьялы эти, именно надгробныя надписи, дали наглядное подтвержденіе распространенія въ средніе вѣка несторіанъ и усвоеннаго ими сирскаго алфавита въ Средней Азіи, среди монголовъ.

Возрастаніе интереса къ древностямъ Востока и увеличеніе числа лицъ, занимающихся этими древностями въ Москвѣ, въ связи съ тѣмъ, что научное изслѣдованіе этихъ древностей требуетъ болѣе тщательнаго разбора многихъ мелкихъ вопросовъ, важныхъ и понятныхъ только для спеціалистовъ, вызвало образованіе при Моск. Археологическомъ Обществѣ особой Вос-

точной Коммиссіи. Начавъ свое существованіе 8-го мая 1887 г., Коммиссія эта избрала себѣ предсѣдателя и секретаря, и, благодаря дѣятельности Ѳ. Е. Корша, М. В. Никольскаго, В. К. Трутовскаго, С. С. Слуцкаго и многихъ другихъ лицъ, успѣла уже заявить о себѣ изданіемъ перваго тома своихъ трудовъ. Пользуясь денежною субсидіей со стороны Общества и руководясь «правилами», имъ утвержденными, Коммиссія имѣетъ своихъ членовъ и устраиваетъ свои отдѣльныя засѣданія. Въ первомъ, отпечатанномъ ею томѣ трудовъ, помѣщены, кромѣ протоколовъ, сообщенія: Слуцкаго С. С.— «Семирѣченскія Несторіанскія надписи»; Трутовскаго В. К.— «Гулистанъ Золотой Орды»; Никольскаго М. В.— «Халдейскій вѣсъ эпохи Гудеа» и «О сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи по поводу статьи Менана»; Соловейчика И. И.— «О новооткрытой Еврейско-Вавилонской вазѣ». Кромѣ того, какъ видно изъ протоколовъ Коммиссіи, напечатанныхъ въ томъ же томѣ, Коммиссія обсуждала еще многіе другіе вопросы, по коимъ были представлены рефераты: гг. Никольскимъ, Миллеромъ, Холмогоровымъ, Селивановымъ, Коршемъ, Трутовскимъ, Слуцкимъ, Грингмутомъ, Аттая, Кучукъ-Іоаннесовымъ, Муркосомъ, Соловейчикомъ, Истринымъ и Хахановымъ.

Кромѣ Восточной Коммиссіи, изъ Моск. Археологическаго Общества выдѣлился еще одинъ археологическій кружокъ, обособившійся въ 1887 г. въ отдѣльное Нумизматическое Общество. Нумизматика была издавна близка Московскому Обществу; многіе изъ его членовъ-основателей и первыхъ дѣятелей были нумизматами. Укажемъ имена: Брыкина, Ключкова, Солнцева, Савельева, Григорьева, Бар. Кене, Фонъ-Прокешъ Остена, князей Льва и Александра Гагариныхъ. Русской нумизматикой занимался и Гр. А. С. Уваровъ; по восточной нумизматикѣ многія цѣнныя сообщенія доставлялись Бар. Тизенгаузеномъ. Позднѣйшими сотрудниками общества по собиранію, опредѣленію и изученію монетъ были: Люценко Е. Е., Бурачковъ П. О., Прозоровскій Д. И., Жизневскій А. К., Турбинъ Н. М., Миллеръ В. Ѳ., Орѣшниковъ А. В., Подшиваловъ А. М., и Трутовскій В. К. Потребность въ спеціальномъ обсужденіи разныхъ нумизматическихъ вопросовъ вызвала сперва образованіе при Обществѣ особой Коммиссіи, которая затѣмъ нашла однако болѣе удобнымъ конституироваться въ особое Общество съ своимъ отдѣльнымъ уставомъ. Предсѣдатель этого Общества.

какъ равно и многіе его члены состоятъ въ то же время и дѣятельными членами Общества Археологическаго.

Византійскія древности, т. е. византійское искусство, равно какъ искусство первыхъ вѣковъ христіанства—считались всегда одною изъ важнѣйшихъ отраслей дѣятельности Моск. Археологич. Общества, и составляли предметъ изученія какъ сами по себѣ, такъ, и въ особенности, въ ихъ вліяніи на искусство русское. Дѣятельнѣйшими работниками въ Обществѣ по этому отдѣлу были: И. Д. Мансветовъ, гр. А. С. Уваровъ и С. А. Усовъ. Мансветовымъ были сдѣланы рефераты: «О происхожденіи и смыслѣ старорусскаго обычая постриговъ»; «О двѣнадцати трясавицахъ»; «О происхожденіи омофора»; «О вліяніи древняго византійскаго орната на русское великокняжеское и царское одѣяніе»; «Объ изображеніи Тайной Вечери, въ византійскомъ искусствѣ»; «Иконографическія данныя, указывающія на сохранившіяся въ нашемъ подлинникѣ слѣды формъ и представленій искусства античнаго и древне-христіанскаго»; Графу А. С. Уварову принадлежатъ сообщенія: «Церковный диптихъ V в.» ; «Рѣзная икона: Премудрость созда себѣ домъ»; «Древняя картина съ олицетвореніемъ синагоги и церкви»; «О древнемъ образѣ Спасителя находящемся въ церкви Св. Петра въ Римѣ»; «Иконографія Іоанна Предтечи»; «Христіанскіе памятники Равенны»; «О трехъ малоизвѣстныхъ памятникахъ византійскаго искусства»; «Спасъ Благое Молчаніе» и др. С. А. Усовымъ были сдѣланы доклады: «О Мозаикѣ въ ц. Преображенія въ монастырѣ Св. Екатерины на Синаѣ»; «Миніатюры къ греческому кодексу Евангелія VI в., открытому въ Россано»; «Коверъ Геронскаго Собора»; «Соображенія о миніатюрахъ въ книгѣ Бытія въ Вѣнской библіотекѣ»; «Миніатюры Сирійскаго евангелія Рабулы, хранящагося въ Лаврентіанской библіотекѣ во Флоренціи»; «О миніатюрахъ къ Иліадѣ, хранящихся въ Амброзіанской библіотекѣ въ Миланѣ»; «Объ иконѣ Сошествія Св. Духа»; «О значеніи слова «Деисусъ» и др.

Кромѣ того многія цѣнныя сообщенія, были сдѣланы еще: А. С. Павловымъ — «О византійскомъ земледѣльческомъ законѣ и объ его значеніи въ исторіи русскаго права»; прот. Д. И. Разумовскимъ — «О древнемъ греческомъ напѣвѣ и о простомъ, не нотномъ ирмологіи»; Н. П. Кондаковымъ — «О барельефахъ V—VI в. по Рождествѣ Христовѣ на деревянной двери базилики Св. Сабины»; «О миніатюрахъ греческой псал-

тыри IX в. изъ собранія А. И. Хлудова, въ Москвѣ»; «О современномъ состояніи отдѣловъ византійской археологіи». Е. В. Барсовымъ — «О драконахъ на древнихъ памятникахъ» и «О вліяніи древнихъ апокрифовъ на церковный обрядъ и иконопись». К. К. Герцомъ — «О новооткрытыхъ фрескахъ въ подземной базиликѣ Св. Климента въ Римѣ»; «Мозаики S. Apollinaro Nuovo въ Равеннѣ» и «Менологій Импер. Василія, Ватиканской библіотеки»; проф. Казанскимъ.— «О лабарумѣ Константина Великаго»; В. Ѳ. Миллеромъ. — «О названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго» и др.

Наконецъ, необходимо принять во вниманіе, что многихъ вопросовъ византійскаго искусства приходилось еще касаться при изслѣдованіяхъ искусства русскаго, въ рефератахъ по русскому и грузинскому зодчеству, при обсужденіи древнихъ русскихъ фресокъ и т. д., когда по временамъ являлась также необходимость сопоставить данныя и о другихъ художественныхъ типахъ и стиляхъ, какъ Запада, такъ и Востока.

Изъ различныхъ отраслей искусства русскаго главное вниманіе Общества обращали на себя зодчество и иконопись. Необходимость разработки этихъ отраслей представлялась, такъ сказать, сама собою, въ такомъ центрѣ какъ Москва, съ ея древними памятниками и святынями; съ другой стороны, важность этихъ видовъ художественнаго творчества, ихъ тѣсная связь съ религіознымъ бытомъ русскаго народа и его историческимъ развитіемъ, наконецъ — многія, сдѣланныя за послѣдніе годы, открытія въ мірѣ древне-русскаго искусства и цѣлый рядъ практическихъ вопросовъ, возникавшихъ по случаю перестроекъ и реставрацій древнихъ храмовъ,— все это вызывало Общество къ усиленной дѣятельности въ этихъ отрасляхъ, направляло къ цѣлямъ уясненія послѣдовательныхъ стадій историческаго развитія русскаго зодчества и живописи. Ревностныхъ помощниковъ себѣ въ этомъ дѣлѣ Общество нашло въ членахъ Московскаго Архитектурнаго Общества, которые, принимая дѣятельное участіе въ Коммиссіи, организованной при Обществѣ, по сохраненію древнихъ памятниковъ, значительно содѣйствовали многостороннему выясненію различныхъ историко-архитектурныхъ вопросовъ.

Исторія зодчества вообще и ея отдѣльные періоды были разрабатываемы: Графомъ А. С. Уваровымъ — въ его изслѣдованіяхъ: «Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздаль-

скомъ княжествѣ» и «Объ архитектурѣ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси»; Мансветовымъ И. Д.—«Церковно-строительная дѣятельность въ Новгородѣ»; Дмитріевымъ Н. В.—«Обозрѣніе архитектуры въ Россіи»; Румянцевымъ В. Е.—«Почему въ половинѣ XVII в. воспрещалось строить церкви съ высокими шатровыми покрытіями» и «Видъ Московскаго Кремля, въ самомъ началѣ XVII ст.»; Кондаковымъ Н. П.—«Древняя архитектура Грузіи»; Иловайскимъ Д. И.—«Главныя эпохи въ развитіи Мавританской архитектуры»; Павлиновымъ А. М.—«О древнихъ церковныхъ сооруженіяхъ и архитектура въ Россіи въ домонгольскій періодъ»; Лашкаревымъ П. А.—«Кіевская архитектура X—XII в.». Многіе изъ этихъ рефератовъ возбуждали оживленныя пренія, значительно способствовавшія выясненію частностей. Такъ рефератъ Гр. Уварова «Объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ Княжествѣ» на I Археологическомъ Съѣздѣ, въ Москвѣ, вызвалъ рядъ статей и замѣчаній по тому же вопросу П. А. Лашкарева, И. Д. Мансветова, Л. В. Даля, И. И. Васильева и Н. А. Артлебена, которыя напечатаны въ Трудахъ того же Съѣзда; изслѣдованіе Н. П. Кондакова «О древней архитектурѣ Грузіи» вызываетъ В. И. Сизова, — на разборъ того же предмета и т. д.

Различные вопросы по церковной архитектурѣ были разрабатываемы также: Праховымъ А. В.—«Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства»; Минхомъ А. Н.—«Старыя деревянныя церкви Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ.»; Павлиновымъ А. М.—«Черниговскій соборъ и проэктъ его реставраціи» и «Спасо-Мирожская церковь въ Псковѣ»; Невоструевымъ К. И.—«Описаніе Кошпарскаго Благовѣщенскаго Симонова монастыря»; Васильевымъ И. И.—«Деревянная церковь упраздненнаго Святодуховскаго православнаго монастыря въ Якобштатѣ»; Барсовымъ Е. В.—«Изслѣдованіе о монастырѣ и деревянной церкви XIV в., построенныхъ Св. Лазаремъ Муромскимъ въ Повѣнецкомъ уѣз.»; Жизневскимъ А. К.—«Краснохолмскій монастырь»; «Старицкій соборъ» и «Изразцы Старицкаго собора»; Усовымъ С. А.—«Къ исторіи Московскаго Успенскаго собора»; Артлебенымъ Н. А.—«Казна Московскаго Успенскаго собора, устроенная Аристотелемъ Фіоравенти»; Гр. А. С. Уваровымъ—«О Кутаисскомъ соборѣ», «О новооткрытой Борисоглѣбской церкви на р. Смядинѣ, близъ Смоленска»; Поповымъ А. Н.—«Свѣдѣнія о времени построенія

и объ архитектурныхъ особенностяхъ церкви Николая чудотворца, что въ Мясникахъ въ Москвѣ» и «О Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ»; Преосв. Амфилохіемъ — «Древнее описаніе Ново-Іерусалимскаго храма Воскресенія Христова» и «О внутреннемъ расположеніи монастырскаго храма, построеннаго въ 1025—43 г. Алексіемъ Патріархомъ Константинопольскимъ»; Мансветовымъ И. Д. — «Объ устройствѣ алтарныхъ каменныхъ стѣнокъ въ нашихъ старинныхъ церквахъ»; Архимандритомъ Леонидомъ. — «О церквахъ Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи».

Кромѣ зодчества церковнаго, предметъ занятій Общества составляли еще: зодчество гражданское, по которому укажемъ труды: Калачева, Румянцева, Розанова и Никитина, разработавшихъ матеріалы и исторію дома, Всемилостивѣйше пожалованнаго Моск. Археологическому Обществу въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ; того же Румянцева В. Е., написавшаго изслѣдованіе «О древнемъ зданіи Московскаго Печатнаго Двора»; Никольскаго С. Я. — «Золотыя ворота XII в., во Владимірѣ»; Андреева А. Н. — «Подземелье на Синодальномъ дворѣ Кремля» и—зодчество военное, по которому въ Общество были представлены рефераты: Бочарова Н. П. и Павлинова А. М. — «О Коломенскомъ Кремлѣ»; Бранденбурга Н. Е. — «Укрѣпленія города Калуги, въ 1659 г.»; Любавскаго А. Д. — «О разрушающихся Смоленскихъ крѣпостныхъ стѣнахъ»; Никитина Н. В. — «Остатки древнихъ крѣпостныхъ построекъ въ башнѣ Китай-города близъ Варварскихъ воротъ»; Соловьева Е. Т. — «Остатки древней Болгарской крѣпости въ Тетюшскомъ уѣздѣ».

Разработка вопросовъ по русскому зодчеству вызывала со стороны Общества нерѣдко спеціальныя поѣздки (во Владиміръ, Суздаль, Ярославль, Ростовъ, Коломну и т. д.), осмотры и обмѣры зданій, снятіе фотографій и рисунковъ, раскопки, сношенія съ духовенствомъ, оффиціальными лицами, правительственными учрежденіями и т. д. Въ особенности немало усилій требовали заботы о сохраненіи памятниковъ древняго зодчества, погибающихъ отъ времени и равнодушія общества, а нерѣдко и отъ невѣжества и небреженія лицъ, этими памятниками завѣдующихъ, и не понимающихъ, что сломка или невѣжественная передѣлка древняго памятника свидѣтельствуетъ о неуваженіи къ нашей исторіи, къ нашему прошлому, къ тому, на чемъ зиждется

и выросло наше историческое призваніе, наше національное значеніе, наша культура и искусство.

Что касается до исторіи живописи и въ частности иконографіи, то различные вопросы, сюда относящіеся, были нерѣдко предметомъ весьма оживленныхъ бесѣдъ и преній въ стѣнахъ Моск. Археологическаго Общества. Такія бесѣды вызывались напримѣръ открытіемъ старинныхъ фресокъ на стѣнахъ Московск. Успенскаго и Владимірскаго соборовъ,—обсужденіемъ различныхъ иконографическихъ сюжетовъ, какъ напр. «Нерушимой Стѣны», «Недреманнаго ока Спаса», «Спаса Благое Молчаніе», «Деисуса», и т. д. Въ этихъ рефератахъ и преніяхъ принимали особенно дѣятельное участіе: гр. Уваровъ, С. А. Усовъ, И. Д. Мансветовъ, преосв. Амфилохій, проф. Казанскій и В. Е. Румянцевъ. Укажемъ еще на сообщенія: В. Е. Румянцева— «Объ иконѣ изъ собранія гр. Уварова съ изображеніемъ Іисуса Христа въ видѣ странника»; проф. Казанскаго,— «Объ апостолѣ Лукѣ, какъ иконописцѣ»; И. А. Голышева— «Объ изображеніяхъ мученика Христофора на иконахъ»; Гр. А. С. Уварова — «Касательно жалобы Муромскаго соборнаго протопопа съ братіей на иконописцевъ Александра и Θеодора Ивановыхъ Казанцевыхъ, поданной 8 марта 7196 г.»; Н. А. Артлебена— «О древнихъ фрескахъ, открытыхъ въ Переяславскомъ соборѣ»; И. Д. Мансветова— Иконографическія данныя, указывающія на сохранившіеся въ нашемъ подлинникѣ слѣды формъ и представленій искусства античнаго и древне-христіанскаго». Н. И. Троицкаго —«О новооткрытыхъ старинныхъ фрескахъ въ древней Печерской Спасской и Кирилловской церквахъ»; И. С. Некрасова— «Характеристика древне-русскаго иконописца» и др.

Постоянныя заботы Общества о сохраненіи и умѣлой реставраціи образцовъ древней стѣнописи и иконъ заставили его обратить между прочимъ вниманіе на содѣйствіе своими указаніями нѣкоторымъ русскимъ иконописцамъ, занимающимся возстановленіемъ древнихъ иконъ, и, отчасти при его содѣйствіи, сформировались мастерскія Фартусова, Сафонова, Ручкина и Торопова, работы которыхъ возможно прослѣдить въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Москвѣ, Успенскомъ во Владимірѣ, въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ Историческомъ Музеѣ и т. д.

Памятники письма и языка, составляющіе предметъ собиранія, изданія и изученія многихъ ученыхъ учрежденій и Обществъ въ Россіи,—менѣе сосредоточивали на себѣ труды

членовъ Моск. Археологическаго Общества, чѣмъ памятники вещественные. Нельзя однако не указать на многія сообщенія въ этой области, сдѣланныя въ Обществѣ Преосв. Амфилохіемъ и В. Е. Румянцевымъ—а также на рефераты гг.: Пыпина А. Н. «Замѣтки по литературной археологіи»; Артлебена Н. А.—«Описаніе Евангелія 1544 года въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ» и «О рукописномъ синодикѣ 1672 г.»; г. Добрынкина—«Описаніе древняго рукописнаго Евангелія XV вѣка, хранящагося въ Троицкой церкви Муромскаго уѣзда»; Барсова Е. В.—«Вновь открытый катихизисъ Өеофана Прокоповича» и «О времени составленія Пушкинскаго сборника со словомъ о Полку Игоревѣ»; Эмина Н. О.—«О неизданныхъ армянскихъ апокрифахъ»; Красносельцева Н. Ө.—«Чиновникъ Архангелогородскаго каөедральнаго собора и Архангелогородская лѣтопись»; Лавровскаго П. А.—«Старо-русское тайнописаніе»; Долгова С. О.—«Русскій переводъ латинскаго описанія Іерусалима»; Веневитинова М. А.—«Уваровскіе списки Даніилова хожденія»; Павлова А. С.—«О святительскомъ поученіи XII вѣка, вѣроятно Новгородскаго святителя Іоанна-Ильи». Кромѣ того Общество занималось разборомъ и изданіемъ различныхъ надписей—на плитахъ, иконахъ, сосудахъ и т. д., поступавшихъ въ оригиналѣ или въ снимкахъ. Въ этой области работали между прочимъ: В. Е. Румянцевъ, Н. А. Артлебенъ, А. С. Великановъ, К. Н. Тихонравовъ, Кн. А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, А. К. Жизневскій, А. М. Сементовскій-Курилло, М. Ф. Кусцинскій, Н. О. Эминъ, В. Ө. Миллеръ, И. Голышевъ, Гр. К. Тышкевичъ и Гр. Уваровъ.

Очертивъ вкратцѣ научныя работы Общества по различнымъ отдѣламъ археологіи, намъ остается сказать, какъ онѣ распредѣлялись по различнымъ районамъ Россіи. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Общества не могла сконцентрироваться на одномъ какомъ-нибудь районѣ, такъ какъ различныя открытія и находки, постепенно возникавшіе вопросы и разныя случайныя обстоятельства заставляли переносить изслѣдованія въ различные районы. Общество получало напримѣръ извѣстіе, что въ такой-то губерніи и уѣздѣ существуетъ могильникъ, откуда кладоискателями добываются интересныя древнія вещи. Чтобы спасти могильникъ отъ скораго уничтоженія, безъ пользы для науки, необходимо было принять мѣры къ его систематической раскопкѣ. Или, напримѣръ, когда былъ затронутъ вопросъ о

мегалитическихъ памятникахъ въ Россіи, возникло само собою стремленіе изслѣдовать эти памятники (дольмены) тамъ, гдѣ они у насъ встрѣчаются, именно въ Крыму и на Кавказѣ. Археологическая находка, сдѣланная при проведеніи какой-нибудь желѣзной дороги, требовала иногда немедленнаго обслѣдованія мѣстности и произведенія болѣе обстоятельной раскопки. Всѣ такіе и подобные имъ поводы и причины, въ связи съ сообщеніями, присылавшимися изъ различныхъ мѣстностей Россіи, вызвали мало по малу распространеніе дѣятельности Общества почти на всю Россію, хотя нѣкоторые районы сосредоточили на себѣ эту дѣятельность въ теченіи продолжительнаго времени, другіе же, сравнительно, на болѣе короткое. Московская губернія и средняя Россія вообще служили главной ареной дѣятельности Общества по отношенію къ памятникамъ древне-русскаго зодчества и живописи, но что касается до языческой и первобытной старины, то многія другія области не менѣе привлекали къ себѣ вниманіе Общества, въ виду ихъ малой изслѣдованности, или сдѣланныхъ въ нихъ находокъ, или, наконецъ, предполагаемыхъ слѣдовъ того или иного культурнаго вліянія. Что касается Московской губерніи, то ея доисторическіе памятники, курганы, уже ранѣе начали систематически изслѣдоваться проф. А. П. Богдановымъ и Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Были собраны богатыя антропологическія и археологическія коллекціи; было издано сочиненіе (А. П. Богдановымъ) «О курганномъ племени Московской губерніи», въ значительной степени разъяснившее его типъ. Московское Археологическое Общество считало болѣе полезнымъ сосредоточить свое вниманіе на памятникахъ другихъ губерній, чѣмъ являться соперникомъ Обществу Любителей Естествознанія, взявшемуся за дѣло съ такой энергіей. Впрочемъ въ изданіяхъ Московскаго Археологическаго Общества можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія и о Московскихъ курганахъ, въ статьяхъ гг. Гатцука и Кельсіева; послѣдній, въ своемъ отчетѣ о раскопкѣ кургановъ у с. Митина, сдѣлалъ даже попытку общей сводки результатовъ всѣхъ изслѣдованій кургановъ Московской губерніи. Въ послѣднее время производилъ еще раскопки Московскихъ кургановъ (у с. Троицкое-Кайнарджи) В. Ѳ. Миллеръ и раскопку Чортова Городища, близъ с. Коломенскаго, В. И. Сизовъ.—Болѣе замѣчательныя раскопки были сдѣланы Обществомъ въ курганахъ Смоленской губ., именно М. Ф. Кус-

цинскимъ, Гр. Уваровымъ и В. И. Сизовымъ,— раскопки, ознакомившія впервые съ похоронными типами у древнихъ Кривичей. О черепахъ изъ Смоленскихъ кургановъ дѣлалъ сообщеніе Д. Н. Анучинъ. По курганамъ и другимъ древностямъ Ярославской губ. Общество получало свѣдѣнія—отъ Ивановскаго и Титова, по доисторической эпохѣ въ Костромской губ.—отъ Китицына и Бѣляева, по древностямъ Тверской губ.—многочисленныя сообщенія отъ А. К. Жизневскаго; по древностямъ Владимірской губ. — отъ Артлебена, Добрынкина, о. Свирѣлина, Голышева, Тихонравова и Гр. Уварова; по Зарайскимъ древностямъ—отъ г. Бочарникова, по Касимовскимъ курганамъ—отъ Гр. Ѳ. А. Уварова; по Тамбовскимъ курганамъ—отъ гг. Токмакова и Сизова; по Нижегородскимъ—отъ Дружкина — (результаты раскопокъ котораго были анализированы г. Анучинымъ); по Воронежскимъ, Задонскаго уѣзда—отъ Сизова,—и т. д.

Въ западныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ Общество производило мало самостоятельныхъ изысканій; тѣмъ не менѣе, и тамъ (въ губерніяхъ Могилевской, Минской, Витебской, Новгородской, Псковской)—были производимы раскопки гг. Романовымъ, Турбинымъ, Сементовскимъ-Курилло, Гр. Уваровымъ, Бернштамомъ и др. Кромѣ того, по древностямъ этихъ губерній, а равно Привислянскаго края и сосѣднихъ славянскихъ странъ, въ Обществѣ дѣлали сообщенія: Иловайскій Д. И. — «О г. Галичѣ на Днѣпрѣ и его древностяхъ»; «О построеніи г. Холма Даніиломъ Романовичемъ въ тридцатыхъ годахъ XIII столѣтія»; Писаревъ С. П. — «О названіи Смоленска»; Кн. Дондуковъ-Корсаковъ — «Мѣстечко Романово и Борисовъ Крестъ»; Гр. Тышкевичъ — «О свинцовыхъ остаткахъ, найденныхъ въ 1864 г. въ рѣкѣ Бугѣ у Дрогичина»; Малаховъ М. В. — «Стоянка доисторическаго человѣка на берегу Нѣмана»; Сементовскій-Курилло А. М. — «Свѣдѣнія о находкахъ въ Витебской губерніи» и «Біездѣдовскіе и Устьянскіе курганы»; Гатцукъ А. А. — «О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси»; Сахаровъ (редакторъ Варшавскихъ Вѣдомостей) — «Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ и разысканіяхъ въ Привислянскомъ краѣ»; Головацкій Я. Ѳ. — «О настоящемъ состояніи Виленскаго музея»; Икона страшнаго суда, находящаяся въ Новгородской губерніи въ с.

Коростынѣ»; Докторъ Шварцъ изъ Познани — «Планъ и дневникъ раскопокъ, произведенныхъ въ Могилевскомъ округѣ, близъ Слабощева»; Руфъ Игнатьевъ — «О памятникахъ древностей Минской губерніи»; Киркоръ А. К. — «Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Галицкой Подоліи»; Барсовъ Е. В. — «Объ Олонецкихъ древностяхъ»; Ефименко П. С. — «Объясненіе разныхъ древностей и находокъ на такъ называемомъ Иванъ-погостѣ близъ Холмогоръ»; Кельсіевъ А. И. — «Объясненіе узоровъ и предметовъ, собранныхъ во время путешествія по русской Лапландіи» и многіе другіе.

Что касается южныхъ губерній, то уже ранѣе были указаны нѣкоторыя работы членовъ Общества по классическимъ древностямъ побережья Чернаго моря. Приведемъ еще сообщенія: Гр. Уварова, Бар. Тизенгаузена, Авдѣева, Герца и Латышева — о Херсонисѣ и отмѣтимъ раскопки, произведенныя въ различныхъ мѣстностяхъ Крыма — Гр. Уваровымъ, В. И. Сизовымъ и В. Θ. Миллеромъ. По отношенію къ Кіевской, Полтавской, и Черниговской губерніямъ, Общество, — на основаніи данныхъ, доказывающихъ, что раскопки въ этихъ губерніяхъ могутъ доставить важные матеріалы для разъясненія доисторической эпохи нашего отечества, но что, съ другой стороны, находящіеся здѣсь курганы подвергаются значительному уничтоженію или раскапываются людьми несвѣдующими и неопытными, — въ засѣданіи своемъ 26 апрѣля 1877 г. «признало необходимымъ на будущее «время не выдавать свидѣтельствъ на производство раскопокъ «въ этой мѣстности отдѣльнымъ лицамъ, но поручать это дѣло «экспедиціямъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ, для чего и «войти въ сношеніе съ генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ и «губернаторами Полтавскимъ и Черниговскимъ съ просьбою о «принятіи мѣръ къ охраненію тамошнихъ кургановъ отъ произ«вольныхъ раскопокъ и предложить Археологическому Обществу «Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, и Императорской Археологиче«ской Коммиссіи въ Петербургѣ принять участіе въ правиль«номъ и систематическомъ изученіи этого края». Генералъ-губернаторъ и оба губернатора отозвались сочувственно на предложеніе Общества; мѣстное Археологическое Общество вошло съ этихъ поръ еще въ болѣе тѣсное общеніе съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ и, если его скромныя денежныя средства не всегда позволяли ему предпринимать въ

большихъ размѣрахъ раскопки и изслѣдованія, то по крайней мѣрѣ оно всегда относилось съ полнымъ вниманіемъ къ запросамъ и предложеніямъ Московскаго Общества, всегда готово было собрать и сообщить желаемыя свѣдѣнія и т. д. Отказалась отъ участія только Императорская Археологическая Коммиссія; отношеніемъ своимъ отъ 30 мая 1877 г. Предсѣдатель Коммиссіи, Гр. С. Г. Строгановъ, увѣдомилъ, что «не желая от«влекать средствъ Коммиссіи отъ прямой ихъ цѣли—раскопокъ «въ окрестностяхъ Керчи и Таманскаго полуострова, онъ не «считаетъ возможнымъ принять участіе въ предполагаемыхъ «Обществомъ изысканіяхъ въ Кіевской, Полтавской и Черни«говской губерніяхъ».

Развѣдки и раскопки въ указанныхъ губерніяхъ производились Лучицкимъ И. В., Бернштамомъ В. Л., Бѣлозерскимъ Н. М., Антоновичемъ В. Б. и Самоквасовымъ Д. Я. Кромѣ того, по тѣмъ же губерніямъ, въ Общество были доставлены сообщенія: Максимовича М. М.—«Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловской горы»; Самоквасова Д. Я.—«Городки и городища въ Курской и Черниговской губерніяхъ»; «Результаты изслѣдованія Черниговскихъ кургановъ съ кострищами» и др. Герца К. К.—«О свастикѣ на сосудѣ, добытомъ въ курганѣ близъ с. Аксютинцы, Роменскаго уѣзда»; Ревякина—«Каменные молотки, найденные въ Кіевской губерніи»; Анучина Д. Н.—«О нѣкоторыхъ бронзовыхъ украшеніяхъ, найденныхъ проф. Антоновичемъ въ курганахъ близъ г. Борзны, Черниговской губерніи»; Гр. А. С. Уварова—«О раскопкахъ Самоквасова въ Черниговѣ»; Антоновича В. Б.—«О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода»; Погодина М. П.—«Путевыя записки о Кіевѣ и его древностяхъ»; священника Антонова—«Кирилловская Троицкая церковь»; г. Терещенко—«О Звенигородскихъ древностяхъ»; наконецъ капитальный трудъ покойнаго Закревскаго—«Описаніе Кіева».

Восточныя губерніи Россіи привлекали вниманіе Московскаго Археологическаго Общества съ самыхъ первыхъ лѣтъ его дѣятельности. Достаточно указать на помѣщенныя въ трудахъ Общества сообщенія: Агапитова—«Археологическія изслѣдованія въ Иркутской губерніи»; Бэра—«Откуда добывалось олово, входящее въ составъ древнѣйшей бронзы»; Руфа Игнатьева—«Ногайскіе валы въ Уфимской губерніи»; «Отчетъ о раскопкахъ близъ

Уфы»; «О памятникахъ древности въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ»; «Ганзейскій колоколъ въ Уфимской губерніи»; «Икона св. Николая тамъ же»; «Кіотъ—даръ царя Іоанна Грознаго селу Елабугѣ» «Антиминсъ Буйницкаго монастыря Литовской Руси, находящійся въ Уфѣ»; Черникова-Анучина— «Находки древностей близъ города Уфы»; Невоструева— «Елабужскія древности»; «Лоссіевскаго — «О находкѣ древнихъ серебряныхъ чашекъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи»; «О курганахъ Оренбургской губерніи»; Соловьева;— «Надпись на лукѣ, находящемся въ Казанскомъ уѣздномъ училищѣ»; «Остатки древнихъ сооруженій русскаго юговостока»; «Древности русскаго востока». «Курганы Казанской губерніи»; Шишкина— «О древностяхъ Симбирской губерніи»; Рютимейера— «Остатки животныхъ въ древнихъ костищахъ Урала»; Великанова — «Свѣдѣнія о томъ, что вышло изъ печати по части отечественной археологіи въ Уфимской и Пермской губерніяхъ»; Евлентьева— «О необходимости музея въ Казани и Болгарахъ». Но особенное движеніе въ изслѣдованіи восточныхъ губерній послѣдовало съ тѣхъ поръ, какъ Августѣйшему Покровителю Общества, Его Величеству Государю Императору Всемилостивѣйше благоугодно было пожаловать Обществу, изъ собственныхъ средствъ, сперва пятнадцать тысячъ, а въ 1888 г. еще десять—на Археологическое изученіе Кавказа и Восточныхъ губерній. Желая придать этому изученію возможную полноту, Московское Археологическое Общество, по отношенію къ восточнымъ губерніямъ, рѣшилось привлечь къ содѣйствію себѣ возможно большее число мѣстныхъ силъ, и ему удалось найти это содѣйствіе въ лицѣ членовъ Казанскихъ Ученыхъ Обществъ:—А. Ѳ. Лихачева, А. А. Штукенберга И. А. Износкова, гг. Пономарева и Дмитріева, и—Вятскаго статистическаго комитета: Н. Г. Первухина, Н. А. Спасскаго и А. А. Спицына, а также членовъ Саратовской архивной коммиссіи,—Ѳ. Ѳ. Чекалина и А. Н. Минха,—Пермскихъ и Екатеринбургскихъ дѣятелей: гг. Теплоухова, Клера, Мамина, Веселова и др. Кромѣ того, Общество организовало еще нѣсколько экспедицій изъ Москвы, въ составѣ которыхъ приняли участіе: Гондатти Н. Л. — на сѣверный Уралъ; Анучинъ Д. Н. и Гр. Ѳ. А. Уваровъ въ Казанскую и Пермскую губерніи; Нефедовъ Ф. Д.—въ Тургайскую область и Оренбургскій край. Труды всѣхъ этихъ дѣятелей доставили значительныя коллекціи, которыя въ настоящее время описываются и подгото-

симова; три въ Новороссійскую область и Абхазію въ лицѣ Н. В. Никитина, А. М. Павлинова, В. И. Сизова и И. Ѳ. Барщевскаго; одна въ Батумскую и Карскую области въ лицѣ А. М. Павлинова и И. Ѳ. Барщевскаго. Въ дополненіе къ этимъ экспедиціямъ и съ цѣлью собранія большаго матеріала предприняты были еще двѣ поѣздки Предсѣдателемъ Общества Гр-ей П. С. Уваровой. Данныя и коллекціи, добытыя и собранныя всѣми этими экспедиціями, обработываются мало по малу ихъ участниками и имѣютъ выходить въ свѣтъ отдѣльными выпусками подъ названіемъ «Матеріалы для археологіи Кавказа». Покуда вышли два выпуска, заключающіе въ себѣ результаты поѣздокъ В. Ѳ. Миллера, и В. И. Сизова.— Предварительные отчеты о всѣхъ поѣздкахъ докладываются обыкновенно въ засѣданіяхъ Общества, въ которыхъ за послѣдніе годы, было сдѣлано не мало сообщеній по Кавказскимъ древностямъ. Укажемъ на рефераты: Д. Н. Анучина—«О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по первобытной археологіи Кавказа, преимущественно на основаніи изслѣдованій Вирхова и Шантра»; В. Ѳ. Миллера—«Археологическая экскурсія, предпринятая совмѣстно съ проф. М. М. Ковалевскимъ въ горскія общества Кабарды»; «Отчетъ о поѣздкѣ въ Чечню»; «Отчетъ по изслѣдованіямъ произведеннымъ въ 1886 году» и «О важности антропологическихъ и краніологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ»; Анисимова — «Поѣздка въ Дагестанъ»; М. М. Ковалевскаго—«Изслѣдованіе пещеры по дорогѣ изъ Кисловодска къ Эльбрусу» и «Археологическія замѣтки изъ путешествія по Кавказу»; «Н. В. Никитина—«Отчетъ по поѣздкѣ въ Абхазію»; В. И. Сизова—«Поѣздка на Кавказъ и раскопки въ Сухумѣ»; «Изслѣдованіе Черноморскаго побережья на Югъ отъ Новороссійска» и «Раскопки близъ Анапы»; Гр-и Уваровой—«Отчетъ по изслѣдованію Абхазіи»; «Поѣздки и раскопки въ Аджаріи и Шавшетіи», «Рача и Горійскій уѣздъ» и «Могильники Кавказа»; А. М. Павлинова—«Отчетъ по поѣздкѣ въ Батумскую и Карскую область»; «Три Кавказскія церкви и разновидность ихъ плановъ и сводовъ».

б) Относительно второго, намѣченнаго Обществомъ пути, слѣдуетъ сказать, что Моск. Археологическому Обществу удалось значительно увеличить число своихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ на Кавказѣ, отъ которыхъ оно не перестаетъ получать цѣнныя свѣдѣнія и новыя указанія. Относясь съ искреннею при-

знательностью къ такому содѣйствію, Общество считаетъ долгомъ принести свою глубокую благодарность кн. А. М. Дондукову-Корсакову, С. А. Шереметеву, Его Высокопреосвященству Экзарху Грузіи Палладію, г. Попечителю Учебнаго Округа К. П. Яновскому, генералу Гросману, кн. Н. Б. Эристову, гг. Томичу, Стоянову, Бакрадзе и многимъ другимъ начальникамъ, служащимъ и просто обывателямъ, за то содѣйствіе, вниманіе и радушіе, которое они постоянно оказывали членамъ Общества въ ихъ ученыхъ поѣздахъ и изслѣдованіяхъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Моск. Археол. Общества, которыя были посвящены оцѣнкѣ заслугъ извѣстныхъ дѣятелей по археологіи или памяти скончавшихся членовъ Общества. Такъ, К. К. Герцемъ былъ сдѣланъ «Очеркъ археологической дѣятельности Графа Л. А. Перовскаго»; Е. В. Барсовъ говорилъ «О заслугахъ на пользу археологіи графа Н. П. Румянцева»; А. В. Орѣшниковъ сообщилъ «О жизни и ученыхъ трудахъ Ленормана»; И. В. Цвѣтаевъ — «О заслугахъ по классической археологіи Анджело Маи»; Н. А. Янчукъ—подробный «Некрологъ А. Киркора». Мы не упоминаемъ о болѣе краткихъ некрологахъ умершихъ членовъ, вошедшихъ въ изданія Общества. Отмѣтимъ еще два спеціальныхъ засѣданія, устроенныхъ, одно—въ память графа А. С. Уварова и другое—въ память С. А. Усова; на обоихъ было прочитано по нѣскольку рѣчей, охарактеризовавшихъ подробно археологическую дѣятельность покойныхъ.

цинскимъ, Гр. Уваровымъ и В. И. Сизовымъ,— раскопки, ознакомившія впервые съ похоронными типами у древнихъ Кривичей. О черепахъ изъ Смоленскихъ кургановъ дѣлалъ сообщеніе Д. Н. Анучинъ. По курганамъ и другимъ древностямъ Ярославской губ. Общество получало свѣдѣнія—отъ Ивановскаго и Титова, по доисторической эпохѣ въ Костромской губ.—отъ Китицына и Бѣляева, по древностямъ Тверской губ.—многочисленныя сообщенія отъ А. К. Жизневскаго; по древностямъ Владимірской губ. — отъ Артлебена, Добрынкина, о. Свирѣлина, Голышева, Тихонравова и Гр. Уварова; по Зарайскимъ древностямъ—отъ г. Бочарникова, по Касимовскимъ курганамъ—отъ Гр. Ѳ. А. Уварова; по Тамбовскимъ курганамъ—отъ гг. Токмакова и Сизова; по Нижегородскимъ—отъ Дружкина — (результаты раскопокъ котораго были анализированы г. Анучинымъ); по Воронежскимъ, Задонскаго уѣзда—отъ Сизова,—и т. д.

Въ западныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ Общество производило мало самостоятельныхъ изысканій; тѣмъ не менѣе, и тамъ (въ губерніяхъ Могилевской, Минской, Витебской, Новгородской, Псковской)—были производимы раскопки гг. Романовымъ, Турбинымъ, Сементовскимъ-Курилло, Гр. Уваровымъ, Берштамомъ и др. Кромѣ того, по древностямъ этихъ губерній, а равно Привислянскаго края и сосѣднихъ славянскихъ странъ, въ Обществѣ дѣлали сообщенія: Иловайскій Д. И.— «О г. Галичѣ на Днѣпрѣ и его древностяхъ»; «О построеніи г. Холма Даніиломъ Романовичемъ въ тридцатыхъ годахъ XIII столѣтія»; Писаревъ С. П.— «О названіи Смоленска»; Кн. Дондуковъ-Корсаковъ— «Мѣстечко Романово и Борисовъ Крестъ»; Гр. Тышкевичъ— «О свинцовыхъ остаткахъ, найденныхъ въ 1864 г. въ рѣкѣ Бугѣ у Дрогичина»; Малаховъ М. В.— «Стоянка доисторическаго человѣка на берегу Нѣмана»; Сементовскій-Курилло А. М.— «Свѣдѣнія о находкахъ въ Витебской губерніи» и «బездѣдовскіе и Устьянскіе курганы»; Гатцукъ А. А.— «О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси»; Сахаровъ (редакторъ Варшавскихъ Вѣдомостей) — «Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ и разысканіяхъ въ Привислянскомъ краѣ»; Головацкій Я. Ѳ.— «О настоящемъ состояніи Виленскаго музея»; Икона страшнаго суда, находящаяся въ Новгородской губерніи въ с.

Коростынѣ»; Докторъ Шварцъ изъ Познани — «Планъ и дневникъ раскопокъ, произведенныхъ въ Могилевскомъ округѣ, близъ Слабощева»; Руфъ Игнатьевъ — «О памятникахъ древностей Минской губерніи»; Киркоръ А. К. — «Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Галицкой Подоліи»; Барсовъ Е. В. — «Объ Олонецкихъ древностяхъ»; Ефименко П. С. — «Объясненіе разныхъ древностей и находокъ на такъ называемомъ Иванъ-погостѣ близъ Холмогоръ»; Кельсіевъ А. И. — «Объясненіе узоровъ и предметовъ, собранныхъ во время путешествія по русской Лапландіи» и многіе другіе.

Что касается южныхъ губерній, то уже ранѣе были указаны нѣкоторыя работы членовъ Общества по классическимъ древностямъ побережья Чернаго моря. Приведемъ еще сообщенія: Гр. Уварова, Бар. Тизенгаузена, Авдѣева, Герца и Латышева — о Херсонисѣ и отмѣтимъ раскопки, произведенныя въ различныхъ мѣстностяхъ Крыма—Гр. Уваровымъ, В. И. Сизовымъ и В. Ѳ. Миллеромъ. По отношенію къ Кіевской, Полтавской, и Черниговской губерніямъ, Общество,—на основаніи данныхъ, доказывающихъ, что раскопки въ этихъ губерніяхъ могутъ доставить важные матеріалы для разъясненія доисторической эпохи нашего отечества, но что, съ другой стороны, находящіеся здѣсь курганы подвергаются значительному уничтоженію или раскапываются людьми несвѣдующими и неопытными,—въ засѣданіи своемъ 26 апрѣля 1877 г. «признало необходимымъ на будущее «время не выдавать свидѣтельствъ на производство раскопокъ «въ этой мѣстности отдѣльнымъ лицамъ, но поручать это дѣло «экспедиціямъ, составленнымъ изъ спеціалистовъ, для чего и «войти въ сношеніе съ генералъ-губернаторомъ Кіевскимъ и «губернаторами Полтавскимъ и Черниговскимъ съ просьбою о «принятіи мѣръ къ охраненію тамошнихъ кургановъ отъ произ«вольныхъ раскопокъ и предложить Археологическому Обществу «Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, и Императорской Археологи«ческой Коммиссіи въ Петербургѣ принять участіе въ правиль«номъ и систематическомъ изученіи этого края». Генералъ-губернаторъ и оба губернатора отозвались сочувственно на предложеніе Общества; мѣстное Археологическое Общество вошло съ этихъ поръ еще въ болѣе тѣсное общеніе съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ и, если его скромныя денежныя средства не всегда позволяли ему предпринимать въ

большихъ размѣрахъ раскопки и изслѣдованія, то по крайней мѣрѣ оно всегда относилось съ полнымъ вниманіемъ къ запросамъ и предложеніямъ Московскаго Общества, всегда готово было собрать и сообщить желаемыя свѣдѣнія и т. д. Отказалась отъ участія только Императорская Археологическая Коммиссія; отношеніемъ своимъ отъ 30 мая 1877 г. Предсѣдатель Коммиссіи, Гр. С. Г. Строгановъ, увѣдомилъ, что «не желая отвлекать средствъ Коммиссіи отъ прямой ихъ цѣли—раскопокъ «въ окрестностяхъ Керчи и Таманскаго полуострова, онъ не «считаетъ возможнымъ принять участіе въ предполагаемыхъ «Обществомъ изысканіяхъ въ Кіевской, Полтавской и Черни«говской губерніяхъ».

Развѣдки и раскопки въ указанныхъ губерніяхъ производились Лучицкимъ И. В., Бернштамомъ В. Л., Бѣлозерскимъ Н. М., Антоновичемъ В. Б. и Самоквасовымъ Д. Я. Кромѣ того, по тѣмъ же губерніямъ, въ Общество были доставлены сообщенія: Максимовича М. М.—«Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловской горы»; Самоквасова Д. Я.—«Городки и городища въ Курской и Черниговской губерніяхъ»; «Результаты изслѣдованія Черниговскихъ кургановъ съ кострищами» и др. Герца К. К.—«О свастикѣ на сосудѣ, добытомъ въ курганѣ близъ с. Аксютинцы, Роменскаго уѣзда»; Ревякина—«Каменные молотки, найденные въ Кіевской губерніи»; Анучина Д. Н.—«О нѣкоторыхъ бронзовыхъ украшеніяхъ, найденныхъ проф. Антоновичемъ въ курганахъ близъ г. Борзны, Черниговской губерніи»; Гр. А. С. Уварова—«О раскопкахъ Самоквасова въ Черниговѣ»; Антоновича В. Б.—«О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода»; Погодина М. П.—«Путевыя записки о Кіевѣ и его древностяхъ»; священника Антонова—«Кирилловская Троицкая церковь»; г. Терещенко—«О Звенигородскихъ древностяхъ»; наконецъ капитальный трудъ покойнаго Закревскаго—«Описаніе Кіева».

Восточныя губерніи Россіи привлекали вниманіе Московскаго Археологическаго Общества съ самыхъ первыхъ лѣтъ его дѣятельности. Достаточно указать на помѣщенныя въ трудахъ Общества сообщенія: Агапитова—«Археологическія изслѣдованія въ Иркутской губерніи»; Бэра—«Откуда добывалось олово, входящее въ составъ древнѣйшей бронзы»; Руфа Игнатьева—«Ногайскіе валы въ Уфимской губерніи»; «Отчетъ о раскопкахъ близъ

Уфы»; «О памятникахъ древности въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ»; «Ганзейскій колоколъ въ Уфимской губерніи»; «Икона св. Николая тамъ же»; «Кіотъ—даръ царя Іоанна Грознаго селу Елабугѣ» «Антиминсъ Буйницкаго монастыря Литовской Руси, находящійся въ Уфѣ»; Черникова-Анучина— «Находки древностей близъ города Уфы»; Невоструева— «Елабужскія древности»; «Лоссіевскаго — «О находкѣ древнихъ серебряныхъ чашекъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, Уфимской губерніи»; «О курганахъ Оренбургской губерніи»; Соловьева;— «Надпись на лукѣ, находящемся въ Казанскомъ уѣздномъ училищѣ»; «Остатки древнихъ сооруженій русскаго юговостока»; «Древности русскаго востока». «Курганы Казанской губерніи»; Шишкина— «О древностяхъ Симбирской губерніи»; Рютимейера— «Остатки животныхъ въ древнихъ костищахъ Урала»; Великанова— «Свѣдѣнія о томъ, что вышло изъ печати по части отечественной археологіи въ Уфимской и Пермской губерніяхъ»; Евлентьева— «О необходимости музея въ Казани и Болгарахъ». Но особенное движеніе въ изслѣдованіи восточныхъ губерній послѣдовало съ тѣхъ поръ, какъ Августѣйшему Покровителю Общества, Его Величеству Государю Императору Всемилостивѣйше благоугодно было пожаловать Обществу, изъ собственныхъ средствъ, сперва пятнадцать тысячъ, а въ 1888 г. еще десять—на Археологическое изученіе Кавказа и Восточныхъ губерній. Желая придать этому изученію возможную полноту, Московское Археологическое Общество, по отношенію къ восточнымъ губерніямъ, рѣшилось привлечь къ содѣйствію себѣ возможно большее число мѣстныхъ силъ, и ему удалось найти это содѣйствіе въ лицѣ членовъ Казанскихъ Ученыхъ Обществъ:—А. Ѳ. Лихачева, А. А. Штукенберга И. А. Износкова, гг. Пономарева и Дмитріева, и—Вятскаго статистическаго комитета: Н. Г. Первухина, Н. А. Спасскаго и А. А. Спицына, а также членовъ Саратовской архивной коммиссіи,—Ѳ. Ѳ. Чекалина и А. Н. Минха,—Пермскихъ и Екатеринбургскихъ дѣятелей: гг. Теплоухова, Клера, Мамина, Веселова и др. Кромѣ того, Общество организовало еще нѣсколько экспедицій изъ Москвы, въ составѣ которыхъ приняли участіе: Гондатти Н. Л. — на сѣверный Уралъ; Анучинъ Д. Н. и Гр. Ѳ. А. Уваровъ въ Казанскую и Пермскую губерніи; Нефедовъ Ф. Д.—въ Тургайскую область и Оренбургскій край. Труды всѣхъ этихъ дѣятелей доставили значительныя коллекціи, которыя въ настоящее время описываются и подгото-

вляются къ печати. Результаты изысканій имѣютъ быть опубликованы отдѣльными выпусками подъ общимъ названіемъ «Матеріалы для Археологіи Восточныхъ губерній».

Изучая восточныя окраины, Общество не могло не заинтересоваться Сибирью, страной еще такъ мало изслѣдованной въ археологическомъ отношеніи, а между тѣмъ представляющей, судя по извѣстнымъ даннымъ, обширное поле для археологических изысканій и обѣщающей доставить важные матерьялы для изученія культурныхъ вліяній Востока на Западъ. Привлеченіе Сибири въ районъ археологическихъ изслѣдованій представлялось тѣмъ болѣе желательнымъ, что въ мѣстномъ Сибирскомъ обществѣ за послѣднія двадцать лѣтъ выдвинулся рядъ образованныхъ лицъ, отчасти изъ мѣстныхъ служащихъ и торговцевъ, отчасти изъ лицъ, попавшихъ туда не по доброй волѣ, — которыя обратили серьезное вниманіе на древности этой страны и стали заниматься съ любовью и энергіей — ихъ собираніемъ и описаніемъ. Благодаря неутомимой энергіи этихъ лицъ, въ сибирскихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ возникли такіе Музеи и Библіотеки, которыхъ нѣтъ въ болѣе близкихъ къ столицамъ городахъ Евр. Россіи, и, несмотря иногда на грошевыя средства, имѣвшіяся въ распоряженіи, стали производиться обстоятельныя раскопки и собираться цѣнныя археологическія коллекціи. Укажемъ, кромѣ значительнаго Иркутскаго музея, на Минусинскій Музей и Библіотеку, возникшіе благодаря стараніямъ Н. Я. Мартьянова,— на Музей при Учительской Семинаріи въ Красноярскѣ, при Реальномъ Училищѣ въ Тюмени, при Тобольской Женской Прогимназіи, при Семипалатинскомъ и Тобольскомъ Статистическихъ Комитетахъ, въ Барнаулѣ и Енисейскѣ. Честь и слава такимъ дѣятелямъ, какъ И. Т. Савенковъ, И. Я. Словцовъ, Н. Я. Мартьяновъ, Н. И. Витковскій, И. И. Суворцевъ, А. В. Адріановъ, И. М. Сибиряковъ, Д. А. Клеменцъ, Б. Г. Сѣдовъ, Г. П. Андреевъ, Н. М. Ядринцевъ, Лышкинъ и др. Дай Богъ, чтобъ такихъ дѣятелей на поприщѣ археологіи было побольше и въ Европейской Россіи.

Понятно, что когда Московское Археологическое Общество пожелало собирать археологическія данныя по Сибири, оно обратилось прежде всего къ тѣмъ мѣстнымъ дѣятелямъ, которые уже успѣли заявить о себѣ своими трудами въ томъ же направленіи. И оно встрѣтило среди нихъ полнѣйшее себѣ сочувствіе и полную готовность работать даже безъ всякаго за то возна-

гражденія, ради одной только цѣли изученія мѣстнаго края и по возможности изданія его археологическихъ богатствъ. Прежде всего откликнулся Черскій И. Д., дѣлавшій Обществу не мало сообщеній и обработавшій вопросъ «О каменныхъ орудіяхъ неолитическаго періода, найденныхъ близъ с. Преображенскаго на берегу р. Нижней Тунгуски». Затѣмъ, въ Общество доставляли рефераты: И. Я. Словцовъ и Е. Т. Соловьевъ—«О находкахъ каменныхъ орудій близъ г. Тюмени»; Н. И. Витковскій—«Находки каменнаго періода въ восточной Сибири»; Н. М. Ядринцевъ—«Описаніе сибирскихъ кургановъ и древностей» и «Древности Томской губерніи». Съ особенною охотою откликнулись на желанія и запросы Общества: А. В. Адріановъ и Д. А. Клеменцъ: послѣдній производилъ по порученію общества неоднократно раскопки и доставилъ рядъ весьма обстоятельнымъ о нихъ отчетовъ.—Бывшій Тобольскій вице-губернаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ выслалъ въ Общество цѣлый «Альбомъ видовъ кургановъ и найденныхъ въ нихъ предметовъ».

Въ большей степени, чѣмъ Сибирь, привлекъ къ себѣ дѣятельность Московскаго Археологическаго Общества—Кавказъ. Археологическія разысканія по сю и по ту сторону Кавказскаго хребта заняли видное мѣсто въ лѣтописи занятій Общества. Систематическому изученію древностей Кавказа было положено начало въ 1879 г., съ открытія подготовительныхъ работъ къ Тифлисскому Археологическому Съѣзду. Работы эти имѣли, отчасти, цѣлью собрать свѣдѣнія объ имѣющихся видахъ древностей и данныя о жившихъ нѣкогда на Кавказѣ народахъ и существовавшихъ у нихъ городахъ, храмахъ и т. д., отчасти—выработать методы и программы — для предполагаемыхъ систематическихъ изслѣдованій и подготовленія лицъ, которыя могли бы въ нихъ участвовать. Многія нужныя свѣдѣнія были доставлены Подготовительному Комитету мѣстными учеными: Д. З. Бакрадзе, М. П. Берже, Е. А. Вейденбаумомъ, А. Н. Введенскимъ, А. Н. Смирновымъ, А. И. Стояновымъ, В. И. Чернявскимъ, А. Д. Ерицовымъ, Е. Д. Фелицынымъ и другими. Что касается программъ, то онѣ были выработаны Гр. Уваровымъ, проф.—Антоновичемъ, Самоквасовымъ, Тизенгаузеномъ, Загурскимъ, Миллеромъ и др. Приглашены были лица къ участію въ ученыхъ экспедиціяхъ, отчасти изъ мѣстныхъ жителей, какъ гг. Цилосани, Штейнъ, Стояновъ и др., отчасти — изъ числа извѣстныхъ русскихъ

изслѣдователей, какъ И. С. Поляковъ и В. Б. Антоновичъ, въ числѣ коихъ дѣятельное участіе принялъ и Предсѣдатель Подготовительнаго Комитета Гр. Уваровъ. Совокупными усиліями были обслѣдованы многія мѣстности Осетіи, Дагестана, сѣверныхъ предгорій, бассейна Куры, Мингреліи и окрестностей Арарата; произведены раскопки въ пещерахъ, въ доисторическихъ могильникахъ, въ курганахъ; осмотрѣны мѣста нѣкоторыхъ древнихъ городовъ, описаны рукописи Эчміадзинской библіотеки, собраны свѣдѣнія о многихъ археологическихъ находкахъ, о развалинахъ древнихъ храмовъ, о высѣченныхъ въ горахъ жилищахъ и т. д. Гр. Уваровъ, стоя во главѣ всего дѣла, направлялъ изслѣдованія и раскопки и собиралъ вокругъ себя всѣ имѣвшіяся на лицо ученыя силы.

Въ Трудахъ Подготовительнаго Комитета мы находимъ имена: Д. З. Бакрадзе, Ф. С. Байерна, А. П. Берже, Т. И. Бѣленькаго, А. Н. Введенскаго, Е. Г. Вейденбаума, С. А. Вейса-фонъ-Вейсенгаупта, В. И. Вырубова, Кн. Д. Д. Джорджадзе, Л. П. Загурскаго, Н. К. Зейдлица, А. Д. Ерицова, Кн. Р. Д. Еристова, Іоакимова, А. В. Комарова, К. И. Ольшевскаго, Ю. П. Проценка, Д. П. Пурцеладзе, Г. И. Радде, Симоновича, Н. П. Соловьева, І. И. Стебницкаго, Талызина, Кн. С. Н. Трубецкаго, И. А. Штеймана, Штейна, Кн. Церетели и др.

Члены Московскаго Археологическаго Общества приняли также дѣятельное участіе въ разработкѣ Кавказскихъ древностей какъ то доказываетъ рядъ сообщеній, сдѣланныхъ ими на Тифлисскомъ Съѣздѣ. Укажемъ на сообщенія: Самоквасова Д. Я.— «Могильныя древности Пятигорскаго округа»; Цагарелли А. А. — «Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности»; Петрова Н. И.— «О миніатюрахъ греческаго Никомидійскаго евангелія XIII в. въ сравненіи съ миніатюрами евангелія Гелатскаго монастыря XI в.»; Авдѣева А. А.— «О планахъ церквей Грузіи и Арменіи и ихъ отношеніе къ планамъ церквей византійскихъ»; Султанова Н. В.— «Русскія шатровыя церкви и ихъ соотношенія къ грузино-армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ»; Миллера В. Ѳ.— «Кавказскія легенды о Прометеѣ»; Антоновича В. Б.— «О погребальныхъ обычаяхъ древнихъ жителей Кавказа»; Кельсіева А. И.— «О каменныхъ бабахъ»; Гр. Уварова— «Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ

приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ»; «Курганы съ разчлененіемъ близъ Дербента»; «О слѣдахъ торговли Россіи съ Индіей»; «Обсидіановыя орудія съ р. Цалки».

Съ окончаніемъ Тифлисскаго Съѣзда изслѣдованія Кавказа не закончились. На слѣдующее лѣто, при содѣйствіи Общества, была снаряжена, въ лицѣ Д. Н. Анучина, экспедиція въ Дагестанъ для осмотра тамошнихъ пещеръ и отысканія въ нихъ слѣдовъ каменнаго вѣка. Въ ближайшихъ томахъ «Древностей» появились статьи: Гр. Уварова — «Взглядъ на Мцхетскій могильникъ» и «Булава или перначъ» (на основаніи экземпляровъ изъ Кавказскихъ могилъ); вмѣстѣ съ тѣмъ Общество продолжало вызывать труды и мѣстныхъ ученыхъ, которые доставили Обществу между прочимъ, статьи: Бакрадзе Д. З. — «Христіанскіе памятники на Кавказѣ»; «Церкви въ Цебелдинскомъ ущельѣ и Армянскія древности»; Стоянова А. И. — «Художественныя древности Кавказа»; Цилосани — «О раскопкахъ въ церкви древняго монастыря въ Сухумскомъ округѣ»; Кикинадзе — «Археологическое изслѣдованіе Телавскаго уѣзда»; Бернацкаго — «Ископаемые остатки пещернаго человѣка и пещерныхъ животныхъ на Кавказѣ» и «О костяхъ добытыхъ въ Рганійской пещерѣ, Тифлисской губерніи» и др.

Кончина Гр. А. С. Уварова, столь интересовавшагося Кавказомъ и умѣвшаго возбуждать этотъ интересъ и въ другихъ, грозила положить конецъ столь энергично начавшимся было изслѣдованіямъ, прервавъ ихъ, можно сказать, въ ихъ началѣ. Къ счастью, благодаря милостивымъ щедротамъ Августѣйшаго Покровителя Общества, явилась возможность не только продолжать дѣло, начатое Графомъ, но и придать ему бо̀льшіе размѣры и систематичность. Археологическое изученіе Кавказа предпринято и ведется Московск. Археологическимъ Обществомъ тремя путями: а) учеными экспедиціями, посылаемыми на Кавказъ, б) привлеченіемъ мѣстныхъ жителей и въ особенности мѣстной интеллигенціи къ описанію памятниковъ и собиранію древностей, и в) обработкой и изданіемъ собираемаго матеріала.

а) Экспедицій съ 1886 г. послано было восемь: на сѣверный Кавказъ—двѣ, подъ руководствомъ профессора Московскаго Университета и Дѣйствительнаго Члена Общества В. Ѳ. Миллера; въ Кубанскую область, на Лабу и Зеленчукъ—двѣ, подъ руководствомъ Е. Д. Фелицына; одна—въ Дагестанъ въ лицѣ Ани-

симова; три въ Новороссійскую область и Абхазію въ лицѣ Н. В. Никитина, А. М. Павлинова, В. И. Сизова и И. Ѳ. Барщевскаго; одна въ Батумскую и Карскую области въ лицѣ А. М. Павлинова и И. Ѳ. Барщевскаго. Въ дополненіе къ этимъ экспедиціямъ и съ цѣлью собранія большаго матеріала предприняты были еще двѣ поѣздки Предсѣдателемъ Общества Гр-ей П. С. Уваровой. Данныя и коллекціи, добытыя и собранныя всѣми этими экспедиціями, обработываются мало по малу ихъ участниками и имѣютъ выходить въ свѣтъ отдѣльными выпусками подъ названіемъ «Матеріалы для археологіи Кавказа». Покуда вышли два выпуска, заключающіе въ себѣ результаты поѣздокъ В. Ѳ. Миллера, и В. И. Сизова.— Предварительные отчеты о всѣхъ поѣздкахъ докладываются обыкновенно въ засѣданіяхъ Общества, въ которыхъ за послѣдніе годы, было сдѣлано не мало сообщеній по Кавказскимъ древностямъ. Укажемъ на рефераты: Д. Н. Анучина — «О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по первобытной археологіи Кавказа, преимущественно на основаніи изслѣдованій Вирхова и Шантра»; В. Ѳ. Миллера — «Археологическая экскурсія, предпринятая совмѣстно съ проф. М. М. Ковалевскимъ въ горскія общества Кабарды»; «Отчетъ о поѣздкѣ въ Чечню»; «Отчетъ по изслѣдованіямъ произведеннымъ въ 1886 году» и «О важности антропологическихъ и краніологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ»; Анисимова — «Поѣздка въ Дагестанъ»; М. М. Ковалевскаго — «Изслѣдованіе пещеры по дорогѣ изъ Кисловодска къ Эльбрусу» и «Археологическія замѣтки изъ путешествія по Кавказу»; «Н. В. Никитина — «Отчетъ по поѣздкѣ въ Абхазію»; В. И. Сизова — «Поѣздка на Кавказъ и раскопки въ Сухумѣ»; «Изслѣдованіе Черноморскаго побережья на Югъ отъ Новороссійска» и «Раскопки близъ Анапы»; Гр-и Уваровой — «Отчетъ по изслѣдованію Абхазіи»; «Поѣздки и раскопки въ Аджаріи и Шавшетіи», «Рача и Горійскій уѣздъ» и «Могильники Кавказа»; А. М. Павлинова — «Отчетъ по поѣздкѣ въ Батумскую и Карскую область»; «Три Кавказскія церкви и разновидность ихъ плановъ и сводовъ».

б) Относительно второго, намѣченнаго Обществомъ пути, слѣдуетъ сказать, что Моск. Археологическому Обществу удалось значительно увеличить число своихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ на Кавказѣ, отъ которыхъ оно не перестаетъ получать цѣнныя свѣдѣнія и новыя указанія. Относясь съ искреннею при-

знательностью къ такому содѣйствію, Общество считаетъ долгомъ принести свою глубокую благодарность кн. А. М. Дондукову-Корсакову, С. А. Шереметеву, Его Высокопреосвященству Экзарху Грузіи Палладію, г. Попечителю Учебнаго Округа К. П. Яновскому, генералу Гросману, кн. Н. Б. Эристову, гг. Томичу, Стоянову, Бакрадзе и многимъ другимъ начальникамъ, служащимъ и просто обывателямъ, за то содѣйствіе, вниманіе и радушіе, которое они постоянно оказывали членамъ Общества въ ихъ ученыхъ поѣздахъ и изслѣдованіяхъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ въ засѣданіяхъ Моск. Археол. Общества, которыя были посвящены оцѣнкѣ заслугъ извѣстныхъ дѣятелей по археологіи или памяти скончавшихся членовъ Общества. Такъ, К. К. Герцемъ былъ сдѣланъ «Очеркъ археологической дѣятельности Графа Л. А. Перовскаго»; Е. В. Барсовъ говорилъ «О заслугахъ на пользу археологіи графа Н. П. Румянцева»; А. В. Орѣшниковъ сообщилъ «О жизни и ученыхъ трудахъ Ленормана»; И. В. Цвѣтаевъ — «О заслугахъ по классической археологіи Анджело Маи»; Н. А. Янчукъ—подробный «Некрологъ А. Киркора». Мы не упоминаемъ о болѣе краткихъ некрологахъ умершихъ членовъ, вошедшихъ въ изданія Общества. Отмѣтимъ еще два спеціальныхъ засѣданія, устроенныхъ, одно—въ память графа А. С. Уварова и другое—въ память С. А. Усова; на обоихъ было прочитано по нѣскольку рѣчей, охарактеризовавшихъ подробно археологическую дѣятельность покойныхъ.

ГЛАВА III.

Заботы Общества по сохраненію памятниковъ, приведенію ихъ въ извѣстность, составленію пособій для ихъ описанія и изученія.

Съ самаго начала своей дѣятельности, Моск. Археол. Общество включило въ предѣлы ея не только изученіе памятниковъ старины, но и заботы объ ихъ сохраненіи и о приведеніи ихъ въ извѣстность. — Уже въ первые годы своего существованія Общество стало обращаться къ губернаторамъ и статистическимъ Комитетамъ съ запросами относительно мѣстныхъ древностей, просило ихъ слѣдить и сообщать о случайныхъ находкахъ, доставлять, хотя бы временно, на просмотръ, найденныя вещи, и не разъ ходатайствовало о принятіи мѣръ противъ ихъ расхищенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Общество вступило въ сношеніе съ своими провинціальными членами-корреспондентами, побуждая ихъ къ описанію мѣстныхъ древностей, присылкѣ свѣдѣній о курганахъ, городищахъ, древнихъ церквахъ и т. д., а также — высылкѣ въ Общество, для просмотра и опредѣленія, могущихъ поступать къ нимъ древнихъ монетъ, предметовъ украшенія и вооруженія, рукописей, иконъ, утвари и т. п. Въ тѣхъ же цѣляхъ, Членами Общества былъ поднятъ на I-мъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ — вопросъ о преподаваніи антропологіи и о большемъ распространеніи археологическихъ свѣдѣній вообще въ русскомъ обществѣ. Всѣ эти старанія, хотя и не всегда достигали желаемыхъ результатовъ, все-таки содѣйствовали къ собиранію свѣдѣній о мѣстныхъ древностяхъ, доказательствомъ чему могутъ служить, между прочимъ, многія сообщенія о нихъ, доставленныя провинціальными дѣятелями на I-й Археологическій Съѣздъ или въ Моск. Археол. Общество. Мало по малу къ Обществу стали обращаться за совѣтомъ и указаніемъ какъ частныя лица, такъ и учрежденія. Такъ, 8 мая 1870 г., Москов. Городской Голова обратился въ

Моск. Археол. Общество за отзывомъ относительно достоинствъ изданія А. А. Мартынова — «Москва», въ виду возникшаго вопроса о назначеніи ему денежнаго пособія изъ городскихъ суммъ. Въ томъ же засѣданіи былъ предложенъ на обсужденіе Общества планъ новаго зданія Думы, составленный архитекторомъ Рѣзановымъ и присланный въ Общество при письмѣ отъ Городскаго Головы. Мнѣніе въ правоспособности Моск. Археологическаго Общества имѣть надзоръ за памятниками русской старины сказалось и во Всемилостивѣйшемъ Указѣ отъ 28 ноября того же года. Указомъ этимъ Его Величеству Государю Императору Александру Николаевичу угодно было, даруя Моск. Археол. Обществу нынѣ принадлежащій ему домъ на Берсеневкѣ, выразить желаніе, чтобы Моск. Арх. Общество, принявъ домъ, жалуемый Государемъ для общественной пользы, обязано было заботиться о сохраненіи характера и архитектуры сего зданія, составляющаго замѣчательный памятникъ зодчества XVI в. «Такая забота Августѣйшаго Монарха о сохраненіи памятника родной старины,— заявилъ Предсѣдатель Общества, Гр. А. С. Уваровъ, при открытіи пожалованнаго дома,—тѣмъ болѣе для насъ дорога, что исполненіе ея поручено Моск. Археол. Обществу; вмѣстѣ съ тѣмъ забота эта доказываетъ желаніе Его Величества, чтобы памятники древности сохранялись безъ измѣненій и поврежденій подъ наблюденіемъ Археол. Общества». Съ этихъ поръ, въ виду высказаннаго Его Величествомъ желанія, а также и все чаще повторяющихся запросовъ со стороны Правительства, городовъ и мѣстныхъ управленій, Моск. Арх. Общество увидѣло себя вынужденнымъ расширить рамки своей дѣятельности и, продолжая прилагать общія старанія къ сохраненію древностей, выдѣлило изъ себя особую «Коммиссію охраненія древнихъ памятниковъ»,—спеціально для разбора дѣлъ по сломкѣ, передѣлкѣ и реставраціи древнихъ церковныхъ зданій. Труды этой Коммиссіи имѣютъ быть разсмотрѣны въ слѣдующей главѣ; въ настоящей же—приведемъ главные факты дѣятельности Общества по общему охраненію памятниковъ, по приведенію въ извѣстность разныхъ видовъ древностей и по выработкѣ методовъ и пріемовъ для ихъ описанія и изслѣдованія.

Въ 1872 г. на II Археол. Съѣздѣ Гр. А. С. Уваровъ ставитъ и обсуждаетъ вопросъ «о мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ» и предлагаетъ ходатайствовать предъ Прави-

тельствомъ объ учрежденіи ученаго надзора за памятниками древностей на всемъ пространствѣ, занимаемомъ нашимъ обширнымъ отечествомъ.

5 Дек. 1874 г. Общество разсматриваетъ и обсуждаетъ «Сборникъ надписей съ древнихъ памятниковъ Владимірской губ. съ XIII по XV ст.» и «Указатель къ нимъ», составленные К. Н. Тихонравовымъ, причемъ признается желательнымъ издать этотъ Сборникъ на средства Общества.

Осенью 1875 г. Новгородская Земская Губернская Управа проситъ Общество осмотрѣть историческій отдѣлъ Новгор. Земскаго Музея и опредѣлить достоинство находящихся въ немъ предметовъ.

14 мая 1876 г. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія извѣщаетъ, что вслѣдствіе ходатайствъ и представленій Моск. Археол. Общества, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія организуется Коммиссія, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Кн. А. В. Лобанова-Ростовскаго, для разсмотрѣнія проэкта положенія, выработаннаго II-мъ Арх. Съѣздомъ, о мѣрахъ къ сохраненію на будущее время существующихъ памятниковъ древности, въ составъ каковой Коммиссіи имѣетъ войти и одинъ членъ Моск. Арх. Общества, избраніе котораго и предлагаетъ г. Министръ. Членомъ въ Коммиссію былъ избранъ Предсѣдатель Общества Гр. А. С. Уваровъ. Коммиссія эта, засѣдавшая въ Петербургѣ въ Январѣ 1877 г., отнеслась весьма серьезно къ дѣлу, выработала программу правилъ о сохраненіи памятниковъ и оставила по себѣ печатную брошюру, въ которой разобраны: а) различные виды памятниковъ; б) мѣры Правительства къ ихъ сохраненію; в) грустныя случайности, доказывающія, что мѣры эти не достигаютъ цѣли; г) иностранныя учрежденія и коммиссіи для сохраненія древнихъ памятниковъ, и д) недостатокъ въ Россіи особаго учрежденія для надзора за сохраненіемъ памятниковъ древности. Къ несчастію Кн. Лобановъ-Ростовскій въ скоромъ времени получилъ другое назначеніе, и выработанныя правила остались безъ утвержденія и примѣненія.

Въ 1876 г. Владимірскій Статистическій Комитетъ обратился къ Обществу съ просьбою помочь ему въ прісканіи помѣщенія для коллекцій Комитета, которому предложено очистить занимаемое ими до сихъ поръ помѣщеніе. Общество, желая сохранить наукѣ интересныя коллекціи, собранныя трудами К. Н. Тихонравова,

предложило Комитету перевести коллекціи въ Москву, въ домъ, пожалованный Обществу Государемъ, но 5-го октября Общество получило благодарность отъ Влад. Статистическаго Комитета за сдѣланное ему предложеніе, съ увѣдомленіемъ, что Влад. Губ. Предводитель Дворянства, П. П. Кожинъ, изъявилъ желаніе предоставить по прежнему помѣщеніе для означеннаго Музея въ своей квартирѣ.

4 Мая 1876 г. избирается Обществомъ Коммиссія для снятія древнихъ надписей г. Москвы, въ цѣляхъ изданія впослѣдствіи этого интереснаго эпиграфическаго матерьяла.

20 мая 1886 г., въ экстренномъ засѣданіи Общества, Предсѣдатель, Графиня Уварова, заявляетъ Обществу о полученныхъ ею свѣдѣніяхъ касательно намѣренія Кн. С. М. Голицына продать его коллекцію искусствъ и древностей, завѣщанныхъ городу дѣдомъ Князя и съ тѣхъ поръ открытыхъ публикѣ. Графиня предлагаетъ Обществу ходатайствовать предъ Правительствомъ, какъ объ удержаніи коллекціи Кн. Голицына въ предѣлахъ Россіи, такъ и вообще о запрещеніи законодательнымъ порядкомъ частнымъ владѣльцамъ продавать свои коллекціи за границу, подобно тому какъ это принято въ Италіи. Послѣдствіемъ ходатайства Общества была покупка упомянутаго Музея для Императорскаго Эрмитажа.

Въ томъ же году, вслѣдствіе часто получаемыхъ извѣстій о расхищеніи кургановъ Терской области, возбуждается въ Обществѣ вопросъ о принятіи мѣръ къ ихъ огражденію, послѣдствіемъ чего является соотвѣтственное ходатайство передъ Начальникомъ Области и просьба къ нѣсколькимъ членамъ - корреспондентамъ объ оказаніи ему содѣйствія съ ихъ стороны.

10 окт. 1886 г. Общество, по предложенію Предсѣдателя, ходатайствуетъ предъ Архіепископомъ Ярославскимъ Іонаѳаномъ, чтобы древняя шитая пелена, съ изображеніемъ во весь ростъ св. Авраамія, была перенесена изъ Авраамієвскаго Ростов. монастыря въ Ростовскій Музей, на что и получено согласіе Его Высокопреосвященства.

Въ 1887 г. выписывается, по представленію членовъ экспедиціи на Кавказѣ В. И. Сизова и Гр—ни Уваровой, мраморная статуя, найденная въ Новороссійскѣ, и мраморная скульптурная плита изъ Натухайской станицы, и оба памятника передаются Импер. Историческому Музею въ Москвѣ.

17-го марта 1887 г. Оберъ-Прокуроръ св. Правительствующаго Синода сообщаетъ Обществу на просмотръ, пополненіе и заключеніе проэктъ Правилъ административно-хозяйственнаго управленія Ростовскимъ Кремлемъ. Проэктъ пополняется и возвращается г. Оберъ-Прокурору для окончательнаго утвержденія.

17 Апр. 1887 г., по представленію члена корр. А. М. Сементовскаго-Курилло, Общество входитъ съ представленіемъ къ Министру Путей Сообщенія, ходатайствуя, чтобы при работахъ, предпринятыхъ для расчистки Западной Двины, было бы обращено вниманіе на сохраненіе древнихъ камней, имѣющихся въ руслѣ рѣки.

24 апр. того же года, вслѣдствіе представленія Предсѣдателя о постепенномъ уничтоженіи остатковъ древняго Херсониса, рѣшено повергнуть къ стопамъ Его Величества, Государя Императора, всеподаннѣйшее ходатайство Общества о необходимости принять мѣры къ огражденію Херсониса отъ дальнѣйшаго разрушенія и расхищенія. Послѣдствіемъ этого ходатайства было запрещеніе монашествующимъ касаться херсонисскихъ древностей и приказъ, данный Импер. Археол. Коммиссіи, вѣдать раскопками Херсониса совмѣстно съ Императорскимъ Одесскимъ Археологическимъ Обществомъ, причемъ на сохраненіе и устроеніе Херсониса опредѣлено отпускать ежегодно отъ трехъ до пяти тысячъ рублей.

16 Февр. 1888 г., вслѣдствіе доклада Предсѣдателемъ Общества, графиней П. С. Уваровой, отношенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Гр. И. Д. Делянова, касательно желанія Импер. Археол. Коммиссіи взять въ свои руки завѣдываніе раскопками на казенныхъ, церковныхъ и общественныхъ земляхъ, Общество постановляетъ, — обратить вниманіе г. Министра, что Импер. Моск. Археологическое и другія Моск. Ученыя Общества, разслѣдуя и изучая древности края, руководятся въ своихъ научныхъ цѣляхъ не личнымъ интересомъ, а любовію къ наукѣ и собиранію оныхъ въ центрѣ, доступномъ всѣмъ, желающимъ заняться изученіемъ русскихъ древностей. Доказательствомъ же успѣшности ихъ занятій приведенъ Импер. Россійскій Историческій и другіе музеи въ Москвѣ, обязанные богатствомъ своихъ коллекцій единственно иниціативѣ частныхъ лицъ и Ученыхъ Обществъ.

Что касается до заботъ о приведеніи въ извѣстность памятниковъ древностей, изданія инструкцій и т. п., то уже въ числѣ

вопросовъ, поставленныхъ въ 1869 г. Москов. Археол. Обществомъ на I Археол. Съѣздѣ, мы находимъ вопросы: о точнѣйшемъ опредѣленіи метода и пріемовъ въ изслѣдованіи памятниковъ; составленіе подробной инструкціи археологическихъ изысканій; терминологія русской археологіи; о составленіи археологическихъ картъ и о важности учрежденія провинціальныхъ Археологическихъ Музеевъ, причемъ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ были предметомъ оживленныхъ преній и подробнаго обсужденія на Съѣздѣ.

14 февраля 1872 г. Предсѣдатель Общества заявляетъ, что по важности для науки курганныхъ раскопокъ и въ виду возрастающаго числа лицъ, занимающихся этими раскопками, необходимо составить руководство для раскопокъ кургановъ, дабы раскопки эти производились съ пользою для археологіи. Общество, вполнѣ соглашаясь съ необходимостью подобнаго руководства, поручаетъ Предсѣдателю его составленіе.

12 іюня того же года, по предложенію Предсѣдателя, былъ обсуждаемъ вопросъ о систематическомъ изслѣдованіи могильниковъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. На первыхъ порахъ рѣшено поручить М. Ф. Кусцинскому изслѣдованіе кургановъ племени Кривичей, а Д. Я. Самоквасову — кургановъ Сѣверянъ въ Черниговской губ.

Въ 1874 г. Общество печатаетъ въ VI томѣ Древностей «Инструкцію для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ», выработанную коммиссіей, назначенной III-мъ Археол. Съѣздомъ. Инструкцію эту опредѣлено выдавать впредь всѣмъ желающимъ заниматься археологическими изслѣдованіями. На томъ же III-мъ Съѣздѣ члены Моск. Археол. Общества, И. Е. Забѣлинъ и Гр. А. С. Уваровъ, поднимаютъ снова вопросъ, уже разсматривавшійся на I Съѣздѣ, о необходимости введенія археологіи въ число предметовъ преподаванія и предлагаютъ Съѣзду рефераты: первый— «Въ чемъ заключаются основныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки», второй — «Что должна обнимать программа для преподаванія русской археологіи и въ какомъ систематическомъ порядкѣ должна быть распредѣлена эта программа». На III-мъ же Съѣздѣ Гр. А. С. Уваровъ предлагаетъ вопросъ: «О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей» и развиваетъ его въ програму научнаго изслѣдованія древнихъ памятниковъ. Къ V Съѣзду было выработано нѣсколько

программъ, какъ общаго характера, такъ и спеціальнаго, примѣнительно къ Кавказу.

Въ «Древностяхъ» помѣщались по временамъ разныя полезныя указанія по снимкѣ памятниковъ, сохраненію фресокъ и т. д. Такъ, въ VI томѣ «Древностей» помѣщены указанія, какъ дѣлать бумажные слѣпки съ древнихъ надписей и воспроизводить ихъ изъ глины, а въ XII томѣ, указаны способы заимствованные у проф. Прахова и въ Національномъ Музеѣ въ Неаполѣ, какъ возвращать краски древнимъ фресковымъ изображеніямъ и какъ сохранять ихъ отъ дальнѣйшаго разрушенія.

1 апрѣля 1887 г. Общество, по просьбѣ Тобольскаго Статист. Комитета, высылаетъ ему указанія и наставленія касательно собиранія и храненія археологическихъ предметовъ.

Въ 1888 г., при содѣйствіи Граф. П. С. Уваровой, Н. В. Никитина, А. М. Павлинова и Д. Н. Анучина, вырабатывается Обществомъ «Программа для археологическаго изученія Кавказа», предназначенная къ распространенію среди мѣстныхъ администраторовъ, духовныхъ лицъ, учителей и вообще—Кавказской интеллигенціи.

Какъ на одно изъ средствъ способствовать собиранію и объединенію свѣдѣній по русскимъ древностямъ, Общество, по предложенію Гр. А. С. Уварова, обратило вниманіе, съ самаго начала своей дѣятельности, на подготовленіе матеріаловъ для Археологическаго Словаря. Матеріалы эти собирались, обсуживались Обществомъ, составляли иногда предметъ особыхъ докладовъ и рефератовъ и по мѣрѣ накопленія печатались въ изданіяхъ Общества.

Въ 1887 г., желая подвинуть это дѣло, Общество напечатало брошюру съ указаніемъ тѣхъ 680 словъ, по которымъ уже имѣются объясненія, и разослало брошюру эту ко многимъ лицамъ изъ числа тѣхъ, которыя могутъ помочь Обществу въ продолженіи начатаго дѣла, съ просьбой не оставить пополненіемъ имѣющагося матеріала и присылкой объясненій тѣхъ словъ, терминовъ, символовъ и т. д., которые не вошли въ указанное число. Къ брошюрѣ приложена программа съ руководящими указаніями.

Вопросъ о составленіи Археологическихъ Картъ, также былъ предметомъ многихъ и неоднократныхъ обсужденій какъ въ средѣ Общества, такъ и на Археологическихъ Съѣздахъ.

Прежде всего было рѣшено составить образецъ легенды для такихъ картъ, примѣнительно къ тѣмъ знакамъ, какіе введены на иностранныхъ картахъ. Трудъ этотъ былъ выполненъ Д. Н. Анучинымъ, въ формѣ брошюры — «Къ вопросу о составленіи легенды для археологической карты Россіи», которая была представлена VI Археолог. Съѣзду въ Одессѣ, и отпечатанная въ значительномъ числѣ экземпляровъ, разослана Московск. Археол. Обществомъ всѣмъ лицамъ, интересующимся этимъ дѣломъ въ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ составленъ и разосланъ по всей Россіи списокъ вопросовъ, касательно находокъ каменныхъ издѣлій, мѣдныхъ и бронзовыхъ топорковъ и стрѣлокъ, старинныхъ монетъ, оружія, костей; относительно пещеръ, валовъ, городищъ, кургановъ, каменныхъ бабъ и скальныхъ изображеній или писаницъ; съ приложеніемъ просьбы Общества къ ученымъ учрежденіямъ, статистическимъ комитетамъ, земскимъ управамъ и отдѣльнымъ лицамъ помочь Обществу въ предпринятомъ имъ дѣлѣ приведенія въ извѣстность находящихся въ Россіи памятниковъ древности.

Разсылка вопросовъ и легенды не прошла безслѣдно и вызвала доставленіе въ Общество значительнаго матеріала, который продолжаетъ пополняться, и по мѣрѣ его накопленія имѣетъ быть сводимъ по уѣздамъ и губерніямъ, въ общіе перечни и по сличеніи его съ данными, имѣющимися въ литературѣ наносимъ на карты. Болѣе полныя и обработанныя изъ этихъ картъ предположено издавать въ приложеніи къ «Древностямъ».

Заботясь о сохраненіи мѣстныхъ древностей, Москов. Археол. Общество, неоднократно поднимало вопросъ о важности учрежденія Провинціальныхъ Музеевъ и объ установленіи для нихъ извѣстныхъ правилъ. Въ болѣе подробной формѣ вопросъ этотъ былъ развитъ Граф. П. С. Уваровой, на Ярославскомъ Съѣздѣ, который положилъ отпечатать представленный докладъ отдѣльной брошюрой и разослать его во всѣ заинтересованныя вопросомъ учрежденія для замѣчаній и соображеній. По полученіи отвѣтовъ рѣшено, сгруппировавъ всѣ замѣчанія, обратиться съ ходатайствомъ въ Министерство объ утвержденіи выработанныхъ правилъ и примѣненія ихъ къ существующимъ и могущимъ открыться Музеямъ.

Сочувствуя развитію Провинціальныхъ Музеевъ и интересуясь ихъ археологическими собраніями, Московское Археологическое Общество охотно принимало на себя изданіе объяснительныхъ

каталоговъ и описаній этихъ собраній. Такъ, имъ было издано обширное «Описаніе Тверскаго Музея», составленное А. К. Жизневскимъ, со многими рисунками, и описаніе Тульскаго Древле-хранилища, составленное Н. И. Троицкимъ, съ нѣсколькими таблицами. Общество ходатайствовало также предъ Генералъ-Губернаторомъ Восточной Сибири объ оказаніи денежной поддержки Минусинскому Музею.

Вполнѣ сознавая пользу, которую могутъ оказывать наукѣ мѣстные дѣятели и будучи очень благодарно многимъ изъ нихъ за содѣйствіе — дѣломъ, словомъ и указаніемъ, Москов. Археол. Общество не упускаетъ однако при этомъ изъ виду, что въ числѣ лицъ, предлагающихъ свои услуги по раскопкамъ и собиранію древностей, оказываются и такія, которыя совершенно не подготовлены для такого дѣла и могутъ своимъ вмѣшательствомъ причинить ему скорѣе ущербъ чѣмъ пользу, а иногда и такія, которыя предлагаютъ отечеству свои услуги и просятъ необходимыхъ уполномочій съ цѣлями совсѣмъ не научными. По отношенію ко всѣмъ такимъ лицамъ Общество всегда старалось быть осторожнымъ, и ему приходилось не разъ отклонять отъ себя предлагаемыя услуги или требовать предварительно необходимыхъ удостовѣреній. Укажемъ напримѣръ, на случаи такого рода, указанные въ протоколахъ Общества отъ 6 марта 1873 г.; 26 апрѣля 1877 г.; 3 октября 1877 г.; 11 марта 1880 г.; 17 марта 1883 г.; 1 апрѣля и 10 мая 1887 г. и др.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что для содѣйствія къ разработкѣ нѣкоторыхъ археологическихъ вопросовъ, Общество въ виду двадцатипятилѣтняго его юбилея, и основываясь на предложеніи Графини П. С. Уваровой, учредило три преміи имени Графа А. С. Уварова, выработавъ относительно ихъ соисканія слѣдующія Правила:

§ 1. Премія носитъ имя Графа А. С. Уварова, учреждена единовременно въ память 25-лѣтія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, созданнаго Графомъ Уваровымъ и выдается за лучшее сочиненіе на заданную тему. Временемъ выдачи преміи назначается VIII Археологическій Съѣздъ въ Москвѣ.

§ 2. Премій три: одна въ 1000 руб. и двѣ въ 800 руб.

Примѣчаніе. Предназначаемая Коммиссія имѣетъ право, если не найдетъ сочиненіе вполнѣ отвѣчающимъ требованіямъ заданной темы, присудить автору половинную премію.

§ 3. Право назначать Премiи принадлежитъ Имп. Московскому Археологическому Обществу.

§ 4. Подавать сочиненiя на премiю имѣютъ право всѣ желающiе.

§ 5. Сочиненiя подаются въ рукописяхъ подъ девизомъ.

§ 6. Срокъ подачи сочиненiй на объявленныя темы назначается 1-го октября, 1889 г.

§ 7. Премированныя сочиненiя печатаются на счетъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, дѣлаются собственностiю Общества, которое выдаетъ автору 200 экз.

§ 8. Поданныя на премiю сочиненiя раздаются Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ на разборъ спецiалистамъ; по полученiи отъ нихъ отзыва, и до открытiя Съѣзда въ Москвѣ; составляется изъ этихъ лицъ, совмѣстно съ Членами отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Коммиссiя для окончательнаго заключенiя на счетъ поданныхъ на премiю сочиненiй.

Примѣчанiе. Коммиссiя составляется изъ лицъ, не имѣвшихъ и не подававшихъ сочиненiй на заданныя темы.

§ 9. Рецензiи премированныхъ сочиненiй печатаются.

Темы, одобренныя Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, слѣдующiя:

1. Заслуги Гр. А. С. Уварова какъ ученаго археолога для русской исторiи. (Вопросы, затронутые имъ въ своихъ трудахъ. Влiянiе его ученыхъ трудовъ на дальнѣйшую разработку русской исторiи. Вызванные его работами другiе самостоятельные научные труды и т. д.)

2. Сводъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣнiй древнихъ (классическихъ) писателей о русской землѣ съ изложенiемъ комментарiй на эти извѣстiя въ русской и иностранной литературѣ.

3. Историческiй очеркъ развитiя археологическихъ изслѣдованiй въ Россiи съ приложенiемъ систематической библiографiи сочиненiй и статей археологическаго содержанiя. (Библiографическiй указатель долженъ быть расположенъ по областямъ для облегченiя справокъ о томъ, что сдѣлано въ археологическомъ отношенiи для той или другой мѣстности).

4. Къ какому заключенію о бронзовомъ и желѣзномъ періодѣ приводятъ насъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ и желѣзныхъ предметовъ на Кавказѣ.

5. Въ какія времена, какія измѣненія происходили въ нашей иконописи (въ школахъ новгородской и московской) и какія нововведенія произвело въ ней вліяніе западное, относительно рисунка, пошиба, содержанія, символики и др.

6. Вліяніе византійской иконописи и миніатюрной живописи на русскую иконопись и миніатюрную живопись съ X по XVII в.

7. Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной.

8. Исторія русскаго иконостаса (съ подробнымъ описаніемъ важнѣйшихъ памятниковъ какъ со стороны художественной, такъ и иконографической).

9. Архитектурный стиль московскаго періода: его характеристическія черты и особенности; планъ, способъ постройки, внутреннее устройство и наружная обработка церковныхъ и гражданскихъ зданій. Въ чемъ обнаружилось вліяніе западно-европейской архитектуры на московское зодчество? Какое вліяніе и какимъ путемъ имѣла на него восточная архитектура? Какія можно отмѣтить эпохи въ его развитіи?

ГЛАВА IV.

Лѣтопись дѣятельности Общества по возстановленію, и охранѣ древнихъ зданій, особенно церквей.

Уже при первыхъ шагахъ дѣятельности Общества Гр. Уваровъ обратилъ его вниманіе на необходимость охраны древнихъ памятниковъ не только отъ ихъ уничтоженія и разрушенія, но и отъ непрошенныхъ о нихъ радѣтелей, искажающихъ ихъ нерѣдко невѣжественными передѣлками, починками и перестройками. Въ 1871 году, въ виду все чаще повторяющихся фактовъ уничтоженія и порчи древнихъ церквей, ихъ стѣнописей и т. п. Гр. Уваровъ предлагаетъ даже устроить въ изданіяхъ Общества особый отдѣлъ подъ названіемъ: «Археологическаго Синодика», въ который должны заноситься извѣстія о каждомъ погибшемъ памятникѣ древности.

Въ первые годы Общество не могло, однако, вмѣшиваться болѣе активнымъ образомъ въ дѣла по уничтоженію и перестройкѣ древнихъ зданій. Только впослѣдствіи, получая запросы по такимъ дѣламъ со стороны правительственныхъ учрежденій, особенно Св. Синода, Синодальной конторы, Духовныхъ консисторій, Общество пріобрѣло возможность развить свою дѣятельность въ этомъ направленіи, и, благодаря его заботамъ, нѣкоторые памятники древности могли быть спасены отъ разрушенія или отъ порчи. Для лучшей постановки дѣла охраны памятниковъ Общество учредило изъ среды своихъ Членовъ особую Коммиссію,—мнѣнія которой, иногда послѣ продолжительнаго ихъ обсужденія и провѣрки, утверждались Обществомъ и сообщались куда слѣдовало. Нельзя не упомянуть при этомъ, что во многихъ случаяхъ дѣла о проэктируемыхъ передѣлкахъ или реставраціяхъ требовали командированія Членовъ Общества для внимательнаго осмотра и обмѣра древняго зданія на мѣстѣ, и что такія поѣздки отнимали у Членовъ Общества не мало времени и были сопряжены иногда не только съ трудностями неудобнаго пути, но и съ разными другими затрудненіями и непріятностями. Обществу

приходилось нерѣдко бороться съ незнаніемъ и съ упорствомъ людей, неспособныхъ или нежелающихъ понимать значеніе древнихъ памятниковъ, но съ другой стороны, слѣдуетъ оговорить, что Общество находило и со стороны Правительства и со стороны многихъ частныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, значительное сочувствіе къ преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ, и почерпало въ этомъ сочувствіи существенное ободреніе для продолженія начатаго имъ дѣла.

Желая дать болѣе полное понятіе о дѣятельности Общества въ только что указанномъ направленіи, мы излагаемъ ее въ видѣ лѣтописи, располагая отдѣльные факты по порядку ихъ поступленія, причемъ тѣ случаи, когда приведенъ только запросъ, а не указано рѣшеніе Общества, слѣдуетъ понимать такъ, что дѣло не представляло особой важности, и запросъ былъ разрѣшенъ утвердительно, на основаніи разбора плановъ или осмотра памятника на мѣстѣ.

Въ 1871 г. Оберъ-прокуроръ Св. Синода, Гр. Д. А. Толстой, предлагаетъ на обсужденіе Общества составленные арх. Чичаговымъ проэкты плана и фасада для возстановленія въ первоначальномъ видѣ Правильной и Книгохранительной Палатъ XVII ст.; находящихся во флигелѣ внутри двора Моск. Синодальной типографіи. Дѣло это принято Обществомъ въ свое вѣдѣніе и черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря неутомимой дѣятельности В. Е. Румянцева, Е. Забѣлина, А. В. Даля, Артлебена и Гр. А. С. Уварова, Палаты древняго Печатнаго Двора возстановлены въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ находятся и нынѣ.

Въ 1872 г. частная спекуляція посягаетъ на стѣны Моск. Китай-города и вноситъ проэктъ о сломкѣ ихъ въ Моск. Городскую думу. Общество обращается съ всеподданнѣйшимъ адресомъ къ Августѣйшему Покровителю Общества, Государю Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Александру Александровичу, излагаетъ Его Высочеству всю сущность дѣла и стѣны спасены къ немалому удовольствію Москвичей.

Въ скоромъ времени послѣ того Дворцовое Вѣдомство, предпринимая возобновленіе древней части Потѣшнаго Дворца, проситъ Общество освидѣтельствовать древніе зданіе, что и поручено Предсѣдателю, В. Е. Румянцеву и А. В. Далю.

Въ 1875 г. А. В. Даль докладываетъ объ осмотрѣ Китайгородской башни, просимой Обществомъ Теплыхъ рядовъ въ свое пользованіе. Общество ходатайствуетъ передъ городомъ объ ея очищеніи, и проситъ о доставкѣ ея плановъ и чертежей.

1876 годъ. Моск. Гор. Управа спрашиваетъ мнѣнія Общества относительно устройства въ нижнемъ этажѣ зданія Петровскаго монастыря растворовъ для лавокъ по фасаду, выходящему на улицу Петровку. Общество отвѣчаетъ, что перестройка можетъ быть произведена только на условіи сохраненія стиля XVII в., представляемаго фасадомъ верхняго этажа.

1877 годъ. Мѣстный Владимірскій подрядчикъ Ероѳеевъ задумываетъ на свой счетъ поправить внутри и снаружи Покровскій соборъ близъ Боголюбова, ставитъ кругомъ лѣса и собирается поновить какъ прилѣпы внѣшнихъ стѣнъ храма, такъ и закрасить древнія фрески. Предсѣдатель Моск. Археолог. Общества, извѣщенный объ этомъ, пріѣзжаетъ въ Боголюбово и останавливаетъ работы, поставивъ при этомъ на видъ Епархіальному начальству, что Покровскій соборъ находится въ спискѣ храмовъ составленномъ Высочайше утвержденной Коммиссіей для сохраненія древнихъ памятниковъ и отнесенъ къ числу неприкосновенныхъ. Возникаетъ по этому дѣлу переписка съ архіепископомъ Владимірскимъ и мѣстнымъ архитекторомъ Артлебеномъ. Моск. Арх. Общество извѣщается, что дѣло поручено Артлебену, но слухъ этотъ оказывается невѣрнымъ и единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ при постройкѣ оказывается подрядчикъ. Графъ Уваровъ отправляется еще разъ, констатируетъ невѣжественное обращеніе съ памятникомъ, и входитъ съ соотвѣтственнымъ представленіемъ въ Св. Синодъ, чѣмъ вызывается извѣстный указъ объ обязательствѣ для духовныхъ властей испрашивать при перестройкахъ церквей дозволенія ближайшихъ Археол. Обществъ.

Жители г. Уфы обращаются въ Общество съ просьбою повліять на мѣстнаго архіерея, дабы древней церкви Св. Троицы было возвращено прежнее названіе собора, а равно ходатайствовать о сохраненіи оставшихся въ ней древнихъ частей. На запросъ Общества Епископъ Уфимскій отвѣчаетъ, что онъ приметъ мѣры къ охраненію уцѣлѣвшихъ въ церкви остатковъ древности.

Московскій Генералъ Губернаторъ, заявляя о предполагаемой Моск. епархіальнымъ начальствомъ перестройкѣ церкви во имя Св. Григорія Богослова на Большой Дмитровкѣ предлагаетъ Обществу, въ виду неоднократныхъ Высочайшихъ повелѣній о сохраненіи памятниковъ старины, сообщить ему свое о томъ мнѣніе. Назначается Коммиссія изъ А. В. Даля, И. Е. Забѣлина, А. А.

Мартынова, В. Е. Румянцева и церковь признается интереснымъ памятникомъ XVII ст., который желательно сохранить въ существующемъ видѣ.

Петровская Земледѣльческая Академія, заявляя о ветхости иконостаса академической церкви, проситъ Общество осмотрѣть его и оцѣнить его древность. Иконостасъ признанъ принадлежащимъ временамъ Петра I и выражена надежда на его сохраненіе въ существенныхъ частяхъ.

Получается приглашеніе Моск. Архитектурнаго Общества принять участіе въ осмотрѣ Московскаго Покровскаго собора (ц. Василія Блаженнаго) и проэктируемыхъ въ ней передѣлкахъ. Совмѣстная коммиссія собирается много разъ, при чемъ выясняется необходимость продолжительнаго и послѣдовательнаго изученія этого единственнаго памятника зодчества XVI в., такъ какъ всѣ до сихъ поръ существующіе планы и разрѣзы при тщательной ихъ повѣркѣ оказываются невѣрными.

Президентъ Моск. Дворцовой конторы, Графъ Ламсдорфъ, въ отношеніи своемъ заявляетъ, что видъ Никольской башни рѣзко и непріятно выдѣляется изъ характера построекъ всѣхъ остальныхъ башенъ и стѣнъ Кремля; а такъ какъ извѣстно, что башня эта была передѣлана послѣ 1812 г., то, желая имѣть для руководства, на случай ея реставраціи, всѣ данныя о первоначальномъ ея видѣ, онъ проситъ увѣдомить, не имѣется ли въ Археол. Обществѣ какихъ—либо о томъ свѣдѣній. Сообщаются свѣдѣнія и рисунки, на которыхъ Никольская башня изображена въ прежнемъ ея видѣ.

Въ томъ же году Общество привѣтствуетъ заявленіе гласныхъ Московской Городской Думы, гг. Найденова и Щепкина, о необходимости составить полное историческое описаніе Москвы.

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Гр. Д. А. Толстой, присылая двѣ описи древнихъ вещей изъ ризницы Суздальскаго Покровскаго монастыря, сообщаетъ что Владимірское Епархіальное начальство предполагаетъ распродажу этихъ вещей. Избрана коммиссія, мнѣніе которой сообщено Св. Синоду. Синодъ, соглашаясь съ выраженнымъ Археологическимъ Обществомъ взглядомъ на ходатайство Владимірскаго епархіальнаго начальства объ обращеніи въ ломъ и продажу памятниковъ церковной древности, хранящихся въ ризницѣ Суздальскаго Покровскаго монастыря, опредѣляетъ: оставить это ходатайство безъ послѣдствій, а епархіальному начальству препроводить для свѣдѣнія, копію съ отзы-

ва Археол. Общества, вполнѣ выясняющаго какъ неумѣстность подобнаго ходатайства, такъ и неосновательность замѣчаній Преосв. Викарія Іакова, сдѣланныхъ имъ на описяхъ Покровскаго монастыря.

1878 годъ. Помѣщикъ А. А. Лопухинъ проситъ Общество оградить отъ разрушенія деревянную церковь временъ Алексѣя Михайловича, находящуюся въ его имѣніи, с. Успенскомъ-Собакинѣ, Вяземскаго уѣзда, Смолен. губ., бывшей дворцовой во время пребыванія царя въ Вязьмѣ, церковь, которую крестьяне предполагаютъ сломать для постройки новой.—Общество проситъ Смоленскаго Преосвященнаго обратить вниманіе на это ходатайство.

Оберъ-Прокуроръ св. Синода, Гр. Д. А. Толстой, сообщая что Нижегородское Епарх. начальство испрашиваетъ у Св. Синода разрѣшенія разобрать вышедшую изъ вертикальнаго положенія колокольню Нижегородской Рождественской церкви, построенной въ 1719 г. именитымъ человѣкомъ Г. Д. Строгановымъ, признаетъ необходимымъ имѣть въ виду отзывъ по оному Моск. Арх. Общества.—Посылается членъ Общества Н. В. Никитинъ и на основаніи его доклада доводится до свѣдѣнія Св. Синода, что колокольня при нѣкоторыхъ исправленіяхъ, можетъ быть сохранена, что весьма желательно въ виду важности памятника и его архитектурнаго изящества.

Оберъ-Прокуроръ Синода сообщаетъ, что Митрополитъ Исидоръ представилъ ходатайство крестьянъ Ребовскаго погоста, Тихвинскаго уѣзда, о разрѣшеніи разобрать имѣющуюся въ этомъ погостѣ обветшалую деревянную церковь, построенную въ 1523 г. и что Св. Синодъ призналъ необходимымъ предварительно разрѣшенія упомянутаго представленія имѣть въ виду отзывъ по оному Моск. Арх. Общества.—Поручено Предсѣдателю снестись съ членами Архитекторами, и если, по отдаленности мѣста, никто изъ нихъ не предприметъ поѣздки для необходимаго осмотра, то обратиться къ Петербургскому Археологическому Обществу съ просьбою осмотрѣть церковь и дать свое о ней заключеніе Св. Синоду.

1879 годъ. Московскій Генералъ-Губернаторъ сообщаетъ, что Московское Епархіальное начальство предполагаетъ приступить къ перестройкѣ Моск. Николаевской, что на Мясницкой, церкви и проситъ Общество сообщить его о сей перестройкѣ мнѣніе.

Вытегорскій уѣздный исправникъ представляетъ на выборъ и утвержденіе Общества 5 проэктовъ предположенной къ

постройкѣ часовни въ память Петра I близъ г. Вытегры, Олонецкой губерніи.

Настоятельница Ново-Дѣвичьяго монастыря, Игуменья Евпраксія, изъявляя, что она намѣрена приступить къ возобновленію иконостаса и всей внутренности Успенскаго Собора, проситъ командировать Членовъ Общества для осмотра храма и указанія его древностей и замѣчательностей. — Назначается Коммиссія, которая представляетъ на видъ Матери Игуменьѣ, что возобновленіе иконостаса и стѣнописи должно состоять только въ очисткѣ ихъ отъ пыли и копоти, такъ какъ вся внутренность стариннаго храма вельма хорошо сохранилась и не требуетъ капитальнаго ремонта.

Московскій Генералъ-Губернаторъ извѣщаетъ о предполагаемой перестройкѣ Екатерининскаго храма, Вознесенскаго монастыря и о возведеніи, въ замѣнъ ветхаго, новаго храма Космодеміанской церкви въ Садовникахъ и предлагаетъ Обществу, сообщить о томъ свое заключеніе.

Владимірская Духовная Консисторія присылаетъ на разсмотрѣніе рисунокъ составленный Академикомъ Степановымъ на возобновленіе въ алтарѣ Владимірскаго Успенскаго Собора повредившейся стѣнной живописи временъ Екатерины II.

Московская Духовная консисторія дѣлаетъ запросъ относительно перекрытія церкви св. Трифона, въ Москвѣ.

До Общества доходитъ слухъ объ искаженіи древней церкви въ Спасо-Яковлевскомъ Ростовскомъ монастырѣ. Поднимается дѣло, возникаетъ переписка и посылается жалоба Св. Синоду.— Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода увѣдомляетъ, что по поводу самовольныхъ передѣлокъ въ древней Преображенской церкви допущенныхъ архимандритомъ Спасо-Яковлевскаго монастыря въ Ростовѣ, Иларіономъ, Св. Синодъ постановилъ подтвердить указомъ Москов. Синод. Конторѣ, чтобы на будущее время, при разрѣшенія исправленій или передѣлокъ въ древнихъ храмахъ она строго руководствовалась правилами изложенными, въ Строит. Уст. Св. Зак. т. XII и Синодальн. циркулярѣ, 1877 года.

Возникаетъ предположеніе о перестройкѣ Московской Харитоньевской церкви, что въ Огородникахъ. — Въ Синодальную Контору сообщается актъ осмотра и заключенія коммиссіи изъ И. Е. Забѣлина, Н. В. Никитина и В. Е. Румянцева.

Епископъ Уфимскій и Мензелинскій испрашиваетъ разрѣшеніе на исправленіе и поновленіе древняго иконостаса въ Уфим-

ской Троицкой церкви. Отношеніе препровождается на разсмотрѣніе и заключеніе Казанскаго Археологическаго Общества.

Въ одномъ изъ засѣданій докладывается статья изъ Новороссійскаго Телеграфа, извѣщающая, что въ г. Ново-московскѣ, Екатеринославской губер., находится девяти-главая деревянная церковь, построенная Запорожцами, которая пришла въ полную ветхость. — Рѣшено списаться по этому поводу съ мѣстными помѣщиками и духовенствомъ.

1880 годъ. Вслѣдствіе слуховъ о передѣлкахъ въ Воскресенскомъ монастырѣ возникаетъ переписка. Синодальная Контора извѣщаетъ, что настоятель допустилъ только временную перестройку деревянной лѣстницы съ цѣлью сохранить древность отъ дальнѣйшаго разрушенія.

Московская Синодальная Контора, извѣщая, что одинъ изъ корпусовъ Московскаго Синодальнаго дома, по ветхости, предположенъ къ передѣлкѣ, предлагаетъ увѣдомить, не встрѣчаетъ ли Археологическое Общество съ своей стороны какихъ либо къ этому препятствій. — Общество проситъ о доставкѣ чертежей и плановъ.

Муромская Городская Управа сообщаетъ, что вслѣдствіе размыва водою Космодемьянской горы, образовался обвалъ, грозящій окончательнымъ разрушеніемъ находящейся на ней церкви, построенной, по преданію Іоанномъ IV. — Памятникъ признанъ вполнѣ достойнымъ сохраненія. Возникаетъ переписка съ Петербургскимъ Археологическимъ Обществомъ, чтобы обоюдными стараніями выхлопотать у Правительства ассигнованіе особой суммы для поддержанія этого историческаго памятника.

Отъ Оберъ-Прокурора Св. Синода получается извѣщеніе, что Моск. Синод. Конторѣ, предписано сдѣлать распоряженіе о скорѣйшей реставраціи винтовой каменной лѣстницы въ скиту патріарха Никона при Воскресенскомъ монастырѣ.

1881 годъ. Отъ Москов. Синодальной Конторы получается запросъ касательно исправленія алтаря въ тепломъ храмѣ Пр. Михаила Малеина, въ Соловецкомъ монастырѣ. — Запросъ передается на разсмотрѣніе ближайшаго Археологическаго Общества, то есть Петербургскаго.

Москов. Духов. Консисторія, обращается съ запросомъ относительно передѣлокъ, въ Успенской, Рузскаго уѣзда, села Онуфріева, церкви; о нѣкоторыхъ передѣлкахъ, въ Покровской

церкви Моск. Новоспасскаго монастыря; и относительно возобновленія стѣнной живописи въ Синодальной, двунадесяти Апостоловъ церкви.

Моск. Синод. Контора, извѣщая, что Управляющій Донскимъ монастыремъ, Епископъ Хрисанѳъ, признаетъ необходимымъ въ алтарѣ соборнаго храма Донской Богоматери, вмѣсто утратившейся живописи, произвести отдѣлку стѣнъ подъ мраморъ просить Арх. Общество увѣдомить не встрѣчаетъ ли оно препятствій къ производству вышеупомянутыхъ работъ.— Производится осмотръ и сообщается о неимѣніи препятствій.

Прокуроръ Моск. Синод. Конторы извѣщаетъ о воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на производство ремонтныхъ работъ по иконостасу и стѣнописи Московскаго Успенскаго Собора, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы за работами этими былъ непремѣнно присмотръ Моск. Арх. Общества, и проситъ избрать Членовъ Общества въ составъ Коммиссіи, назначенной Синодальной Конторой.— Избраны И. Е. Забѣлинъ и В. Е. Румянцевъ, причемъ имъ вмѣняется въ обязанность сообщать Московскому Археологическому Обществу о ходѣ дѣлъ возстановленія и руководиться соображеніями, неоднократно высказанными Обществомъ касательно важности предпринятой реставраціи.

Московская Духовная Консисторія, проситъ мнѣнія Общества относительно устройства, новыхъ каменныхъ папертей при Воскресенской церкви, Андреевской богадѣльни и о замѣнѣ существующихъ иконостасовъ новыми въ придѣлахъ Покровской церкви, Ново-спасскаго монастыря.

1882 годъ. Моск. Дух. Консисторія, проситъ сдѣлать распоряженіе объ осмотрѣ Николаевской часовни Перервинскаго монастыря, при Сухаревой башнѣ, и увѣдомить — можетъ ли быть сломана эта часовня и перенесена на другую сторону.

Моск. Духов. Консисторія, присылаетъ по просьбѣ Общества чертежи, планы, разрѣзы и фасады Богоявленской церкви, при бывшемъ Левкіевѣ монастырѣ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губ. и проситъ извѣстить не встрѣчается ли со стороны Общества препятствій къ передѣлкѣ Спасо-Преображенской, въ селѣ Михѣевѣ, Броницкаго уѣзда, древней церкви, построенной въ 1523 г. — Проэктъ реставраціи передается на заключеніе Н. В. Никитина, который находитъ его недоста-

точнымъ для заключенія касательно древности церкви и полагаетъ необходимымъ осмотрѣть ее на мѣстѣ, что и поручается ему и К. М. Быковскому.

Консисторія испрашиваетъ разрѣшенія на сломку древней каменной церкви, въ селѣ Спасскомъ Тушинѣ, угрожающей паденіемъ отъ постепенной осыпи берега, подмываемаго Москвой рѣкой.— Памятникъ этотъ, извѣстный Обществу своими архитектурными особенностями, признается необходимымъ сохранить. Назначается коммиссія (И. Е. Забѣлинъ, В. Е. Румянцевъ и Графъ А. С. Уваровъ), которая приходитъ къ тому же заключенію, но высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣніе насчетъ возможности укрѣпленія берега и спасенія церкви.

Протоіерей Свирѣлинъ, извѣщая о крайней необходимости поновить живопись на двухъ древнихъ мѣстныхъ иконахъ Переяславскаго Преображенскаго Собора, проситъ Общество разрѣшить это поновленіе и указать мастера, который могъ бы, подъ его личнымъ надзоромъ, произвести эту работу.—Рѣшено, въ виду важности иконъ, снять съ нихъ кальку, но когда Преосв. Θеогностъ присылаетъ ихъ въ Москву, то онѣ исправляются художникомъ Сафоновымъ, подъ руководствомъ, членовъ Общества.

Поднимается вопросъ о возобновленіи Бѣлой Палаты, въ Ростовѣ. Мѣстный торговый домъ Королева, жертвуетъ на это дѣло 4000 руб. и добавляетъ впослѣдствіи еще 2000 руб.— Общество проситъ Преосв. Іонаθана, Епископа Ярославскаго, передать развалины въ завѣдываніе Общества. Преосвященный сперва не соглашается, выражая надежду занять Бѣлую Палату Училищемъ, но впослѣдствіи изъявляетъ свое согласіе и проэктъ реставраціи обсуждается въ общей коммиссіи, состоящей изъ членовъ Общества и Епархіальнаго вѣдомства. 28 марта, 1883 г, разсматриваются въ Обществѣ проэкты оконныхъ рамъ, и одобряются. 28 октября, избирается депутація для присутствія на открытіи возобновленной Палаты и при ней Музея, которое и осуществляется въ 1884 году.

Вслѣдствіе предположенія о пристройкѣ каменной часовни къ алтарной стѣнѣ Трифоновской церкви, въ Напрудной Слободѣ, командируется отъ Общества членъ Н. В. Никитинъ, который признаетъ закрытіе означенной церкви новой пристройкой нежелательнымъ, въ виду того, что Трифоновская церковь, принадлежитъ къ малому числу сохранившихся памятниковъ XV и XVI вѣковъ.

церкви Моск. Новоспасскаго монастыря; и относительно возобновленія стѣнной живописи въ Синодальной, двунадесяти Апостоловъ церкви.

Моск. Синод. Контора, извѣщая, что Управляющій Донскимъ монастыремъ, Епископъ Хрисанѳъ, признаетъ необходимымъ въ алтарѣ соборнаго храма Донской Богоматери, вмѣсто утратившейся живописи, произвести отдѣлку стѣнъ подъ мраморъ просить Арх. Общество увѣдомить не встрѣчаетъ ли оно препятствій къ производству вышеупомянутыхъ работъ.— Производится осмотръ и сообщается о неимѣніи препятствій.

Прокуроръ Моск. Синод. Конторы извѣщаетъ о воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на производство ремонтныхъ работъ по иконостасу и стѣнописи Московскаго Успенскаго Собора, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы за работами этими былъ непремѣнно присмотръ Моск. Арх. Общества, и проситъ избрать Членовъ Общества въ составъ Коммиссіи, назначенной Синодальной Конторой.— Избраны И. Е. Забѣлинъ и В. Е. Румянцевъ, причемъ имъ вмѣняется въ обязанность сообщать Московскому Археологическому Обществу о ходѣ дѣлъ возстановленія и руководиться соображеніями, неоднократно высказанными Обществомъ касательно важности предпринятой реставраціи.

Московская Духовная Консисторія, проситъ мнѣнія Общества относительно устройства, новыхъ каменныхъ папертей при Воскресенской церкви, Андреевской богадѣльни и о замѣнѣ существующихъ иконостасовъ новыми въ придѣлахъ Покровской церкви, Ново-спасскаго монастыря.

1882 годъ. Моск. Дух. Консисторія, проситъ сдѣлать распоряженіе объ осмотрѣ Николаевской часовни Перервинскаго монастыря, при Сухаревой башнѣ, и увѣдомить — можетъ ли быть сломана эта часовня и перенесена на другую сторону.

Моск. Духов. Консисторія, присылаетъ по просьбѣ Общества чертежи, планы, разрѣзы и фасады Богоявленской церкви, при бывшемъ Левкіевѣ монастырѣ, въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губ. и проситъ извѣстить не встрѣчается ли со стороны Общества препятствій къ передѣлкѣ Спасо-Преображенской, въ селѣ Михѣевѣ, Броницкаго уѣзда, древней церкви, построенной въ 1523 г. — Проэктъ реставраціи передается на заключеніе Н. В. Никитина, который находитъ его недоста-

точнымъ для заключенія касательно древности церкви и полагаетъ необходимымъ осмотрѣть ее на мѣстѣ, что и поручается ему и К. М. Быковскому.

Консисторія испрашиваетъ разрѣшенія на сломку древней каменной церкви, въ селѣ Спасскомъ Тушинѣ, угрожающей паденіемъ отъ постепенной осыпи берега, подмываемаго Москвой рѣкой.— Памятникъ этотъ, извѣстный Обществу своими архитектурными особенностями, признается необходимымъ сохранить. Назначается коммиссія (И. Е. Забѣлинъ, В. Е. Румянцевъ и Графъ А. С. Уваровъ), которая приходитъ къ тому же заключенію, но высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сомнѣніе насчетъ возможности укрѣпленія берега и спасенія церкви.

Протоіерей Свирѣлинъ, извѣщая о крайней необходимости поновить живопись на двухъ древнихъ мѣстныхъ иконахъ Переяславскаго Преображенскаго Собора, проситъ Общество разрѣшить это поновленіе и указать мастера, который могъ бы, подъ его личнымъ надзоромъ, произвести эту работу.—Рѣшено, въ виду важности иконъ, снять съ нихъ кальку, но когда Преосв. Θеогностъ присылаетъ ихъ въ Москву, то онѣ исправляются художникомъ Сафоновымъ, подъ руководствомъ, членовъ Общества.

Поднимается вопросъ о возобновленіи Бѣлой Палаты, въ Ростовѣ. Мѣстный торговый домъ Королева, жертвуетъ на это дѣло 4000 руб. и добавляетъ впослѣдствіи еще 2000 руб.— Общество проситъ Преосв. Іонаθана, Епископа Ярославскаго, передать развалины въ завѣдываніе Общества. Преосвященный сперва не соглашается, выражая надежду занять Бѣлую Палату Училищемъ, но впослѣдствіи изъявляетъ свое согласіе и проэктъ реставраціи обсуждается въ общей коммиссіи, состоящей изъ членовъ Общества и Епархіальнаго вѣдомства. 28 марта, 1883 г, разсматриваются въ Обществѣ проэкты оконныхъ рамъ, и одобряются. 28 октября, избирается депутація для присутствія на открытіи возобновленной Палаты и при ней Музея, которое и осуществляется въ 1884 году.

Вслѣдствіе предположенія о пристройкѣ каменной часовни къ алтарной стѣнѣ Трифоновской церкви, въ Напрудной Слободѣ, командируется отъ Общества членъ Н. В. Никитинъ, который признаетъ закрытіе означенной церкви новой пристройкой нежелательнымъ, въ виду того, что Трифоновская церковь, принадлежитъ къ малому числу сохранившихся памятниковъ XV и XVI вѣковъ.

Моск. Духов. Консисторія спрашиваетъ мнѣніе Общества, относительно исправленія въ Николаевскомъ Можайскомъ Соборѣ оказавшихся трещинъ въ двухъ стѣнахъ и сводѣ.— Общество производитъ осмотръ и не находитъ препятствій въ означенному исправленію.

Архіепископъ Владимірскій Өеогностъ, извѣщаетъ, что во Владимірскомъ Успенскомъ Соборѣ мѣстами замѣтны слѣды древней стѣнописи, на основаніи чего онъ проситъ указать, какимъ способомъ должна быть исполнена живопись внутри собора и въ какомъ порядкѣ и какими изображеніями должны быть дополнены тѣ мѣста, на которыхъ слѣдовъ живописи не сохранилось.— Составляется коммиссія изъ гг. Забѣлина, Румянцева, Попова, Графа Уварова, Усова, Мансветова и Иловайскаго, которые осматриваютъ Соборъ, опредѣляютъ способъ исполненія стѣнописи, согласно со стилемъ открытыхъ фресокъ; дѣлаютъ указанія относительно размѣщенія по стѣнамъ изображеній, и самое живописное дѣло, по ихъ совѣту, поручается художнику Сафонову. 28-го марта 1883 г. разсматривается въ Обществѣ пробный рисунокъ фрески, изображающей Сошествіе Св. Духа. 4-го ноября 1884 г., происходитъ освященіе возстановленнаго собора.

Преосвященный Савва Архіепископъ Тверской, обращаетъ вниманіе Общества на плачевное состояніе древней церкви Архангела Михаила въ с. Никулинѣ-Городищѣ, Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи, основанной въ 1398 г. Великимъ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ.— А. К. Жизневскій осматриваетъ церковь по порученію Общества и представляетъ подробную записку о произведенномъ осмотрѣ.— Реставрація предпринимается при участіи Общества, самого Архіепископа и архитекторовъ Кузьмина и Султанова. 11 октября 1885 г. избирается коммиссія для присмотра за реставраціей. 6 мая 1886 г. разсматривается проэктъ покрытія, составленный Султановымъ и въ весьма короткое время церковь возстановляется въ прежнемъ своемъ величіи.

Узнается, что въ селѣ Дьяковѣ, допущены передѣлки церкви безъ вѣдома Общества, дѣлаются о томъ представленія Епархіальному Начальству; вслѣдствіе же слуховъ о намѣреніи уничтожить деревянную церковь, построенную въ с. Паленскомъ, въ годъ рожденія Петра Великаго, Общество входитъ въ сношеніе съ Преосвященнымъ Рязанскимъ.

Предсѣдатель Смоленской Земской Управы, проситъ обратить вниманіе на необходимость и желаніе населенія сохранить и по возможности возобновить въ древнемъ видѣ Смоленскую городскую стѣну.— Образуется коммиссія изъ Гр. А. С. Уварова, К. М. Быковскаго, Н. В. Никитина и А. П. Попова; которая не разъ посѣщаетъ Смоленскъ. Пріискиваются средства и обсуждается назначеніе возстановляемыхъ башенъ, испрашивается помощь Правительства, и часть стѣнъ и башенъ сохраняется и возстановляется.

1883 годъ. Москов. Духовная Консисторія желаетъ знать мнѣніе Общества касательно расширенія Спасо-Преображенской церкви, въ с. Вяземахъ, Звенигородскаго уѣзда, и относительно возобновленія иконостаса и настѣнной живописи въ церкви села Волынскаго, Моск. губ. Церковь въ Вяземахъ по опредѣленію Арх. Леонида сооружена въ 1590 г. Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ.— Осмотръ поручается гг. Никитину, Быковскому и Мансветову.

А. К. Жизневскій сообщаетъ о полнѣйшей ветхости деревянной церкви въ г. Торжкѣ, построенной въ 1653 г. при чемъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельсто, что церковный староста Кузминъ предлагаетъ свои услуги для ея реставраціи. Общество проситъ Преосвященнаго Савву благословить его на означенное возобновленіе.

Прокуроръ Моск. Синодальной Конторы, заявляя о необходимости произвести ремонтныя исправленія въ подземной церкви Св. Константина и Елены въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ, проситъ Общество доставить заключеніе по этому предмету.

Предсѣдатель Императорской Археологической Коммиссіи, А. А. Васильчиковъ, проситъ Общество командировать въ г. Звенигородъ, Московской губерніи одного изъ своихъ членовъ для осмотра тамошняго собора и доставить заключеніе Общества касательно капитальной его реставраціи, которую желаетъ принять на себя церковный староста Стариченковъ. — Соборъ подвергается самому обстоятельному осмотру и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ изучается Н. В. Никитинымъ, И. Д. Мансветовымъ, К. М. Быковскимъ, А. П. Поповымъ и Графомъ Уваровымъ; открываются слѣды древнихъ фресокъ; церковь возстановляется и подробное изслѣдованіе о ней А. П. Попова печатается въ изданіи Общества.

Московская Духовная Консисторія испрашиваетъ мнѣніе Общества относительно разборки старой церкви въ с. Борисовѣ Московскаго уѣзда, и употребленіе ея матерьяла на устройство ограды вокругъ новой церкви. — Осмотръ церкви поручается А. П. Попову и на основаніи данныхъ, имъ собранныхъ, храмъ сохраняется и реставрируется.

Московская Духовная Консисторія дѣлаетъ запросъ касательно передѣлки въ церкви с. Битягова, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи. — Церковь признается Обществомъ важнымъ памятникомъ старины, причемъ даются указанія для производства передѣлокъ.

1884 годъ. Московская Духовная Консисторія, сообщаетъ о желаніи причта Московской Сергіевской, что въ Пушкаряхъ, церкви расширить западную церковную дверь и замѣнить желѣзную глухую и наружную — двумя новыми. — Н. В. Никитинъ замѣчаетъ, что двери этой — двѣсти лѣтъ. Сообщается Консисторіи, что слѣдуетъ не только сохранить дверь, но даже возобновить прежде срубленное верхнее ея заостреніе. — Въ Общество поступаютъ запросы касательно перестройки Никольской, въ с. Бутурлинѣ, церкви, Серпуховскаго уѣзда, построенной съ 1738 г. и относительно новаго иконостаса, въ Казанской, села Майданова, церкви, Клинскаго уѣзда, построенной въ 1680 г.; представляются проэкты на перестройку примыкающей къ зданію Сухаревой Башни торговой лавки съ просьбою доставить заключеніе о соотвѣтствіи означеннаго проэкта стилю и характеру Сухаревой Башни.—Проэктъ забракованъ, причемъ выражено желаніе, чтобы пристройка стояла отдѣльно, не въ связи съ башней. Священникъ Троицкой, что на Шаболовкѣ, церкви, выражаетъ желаніе ее перестроить. Дозволеніе дано на томъ основаніи, что церковь не представляетъ ничего замѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи.

Владимірская Духовная Консисторія проситъ рекомендовать иконописца, для возстановленія древняго письма на образѣ животворящаго Креста Господня въ церкви с. Малыхъ Всегодичъ, Ковровскаго уѣзда.— Рекомендуется Н. М. Сафоновъ.

Московская Духовная Консисторія обращается съ запросами: относительно исправленія иконъ и рѣзьбы съ позолотой въ Преображенской, села Сивкова, церкви; относительно устройства теплаго придѣла въ Введенской, села Ивановскаго, церкви, Подольскаго уѣзда; касательно устройства пневматической печи въ Богородице-Рождественской церкви, на Бутыркахъ и каса-

чаніями, высказанными А. П. Поповымъ, еще разъ не соглашается на предлагаемыя перестройки.

Московская Духовная Консисторія заявляетъ о предполагаемыхъ исправленіяхъ въ Покровской, въ селѣ Медвѣдковѣ, церкви, Московскаго уѣзда.—Общество проситъ Консисторію доставить ей планы и разрѣзы.

А. А. Титовъ увѣдомляетъ, что Строгановскую церковь въ Нижнемъ-Новгородѣ предполагаютъ реставрировать, а древнюю шатровую колокольню Козмодемьянской церкви, украшенную кафелью разобрать. — Общество проситъ А. А. Титова разъяснить мѣстнымъ властямъ и духовенству важность этихъ памятниковъ и о дальнѣйшемъ извѣстить Общество.

1885 годъ. Московская Духовная Консисторія проситъ сообщить мнѣніе насчетъ предполагаемыхъ передѣлокъ въ Петропавловской, въ г. Волоколамскѣ, церкви,—на что выражено согласіе.

Та же Консисторія дѣлаетъ запросы относительно разборки ветхаго деревяннаго храма Христо-Рождественскаго, села Каменищъ, Серпуховскаго уѣзда и Ильинскаго Кладбищенскаго храма въ г. Бронницахъ.—Осмотръ, произведенный А. М. Павлиновымъ, убѣждаетъ Общество, что церкви не представляютъ особаго интереса и въ виду крайней ихъ ветхости разборка ихъ необходима.

Архіепископъ Владимірской Ѳеогностъ письмомъ испрашиваетъ позволенія постановки новаго иконостаса въ древней Покровской церкви, близъ Боголюбова монастыря.—Вопросъ, не представляя особаго интереса и важности, разрѣшенъ утвердительно.

Отношеніе Московскаго Новодѣвичьяго монастыря Игуменіи Антоніи, съ извѣщеніемъ о предположенномъ возобновленіи древней стѣнописи XVI в. въ Смоленской соборной церкви монастыря съ просьбой о содѣйствіи по наблюденію за работами со стороны Археологическаго Общества вызываетъ со стороны Общества необходимыя указанія, — рекомендацію живописца Сафонова и избраніе Коммиссіи составленной изъ В. Е. Румянцева, Н. В. Никитина и Графини П. С. Уваровой.

Московская Духовная Консисторія освѣдомляется насчетъ возможности, устройства двухъ новыхъ иконостасовъ въ сѣверномъ и южномъ предѣлахъ Панкратьевской, построенной въ 1700 г., близъ Сухаревой Башни, церкви. Послѣ осмотра на мѣстѣ Общество отвѣчаетъ утвердительно. Та же Консисторія хо-

На отношеніе Московской Духовной Консисторіи, относительно поправокъ въ деревянной Покровской, погоста Юрьевецъ, церкви, Коломенскаго уѣзда Общество, соглашаясь въ принципѣ на означенныя поправки, указываетъ, что оно не согласно на перенесеніе паперти съ сѣверной стороны на западную, такъ какъ это совершенно измѣнило бы планъ и фасадъ церкви.

Ярославскій Губернаторъ Левшинъ сообщаетъ объ открытіи въ Ростовскомъ Успенскомъ Соборѣ древняго придѣльнаго храма Св. Леонтія, о возстановленіи котораго было нѣсколько разъ сужденіе въ Засѣданіяхъ Общества, и надзоръ за возстановленіемъ котораго былъ порученъ архит. Н. В. Никитину и мѣстнымъ членамъ А. А. Титову и Шлякову, изъ которыхъ первый представилъ Обществу точные обмѣры, рисунки и фотографіи съ произведенныхъ работъ и найденныхъ слѣдовъ древнихъ стѣнъ и росписи.

На основаніи поднятаго вопроса о сохраненіи деревянной церкви преподобнаго Лазаря въ Мурманскомъ монастырѣ, Вытегорскаго уѣзда, построенной въ 1390 г., мѣстный житель А. Н. Русановъ строитъ, согласно желанію Археологическаго Общества, каменный футляръ надъ церковью, при дѣятельномъ содѣйствіи Вытегрскаго исправника Н. А. Холенева.

Московскій Генералъ-Губернаторъ обращается въ Общество съ просьбою сообщить: не существуетъ ли какихъ особыхъ узаконеній относительно сломки церквей, построенныхъ въ XVIII вѣкѣ и возведеніи взамѣнъ ихъ новыхъ. — Послано увѣдомленіе, что особыхъ постановленій о сломкѣ церквей XVIII вѣка нѣтъ, но что въ силу опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 20 декабря 1878 г. и 9 января 1879 г. епархіальныя начальства представляютъ на разсмотрѣніе Археологическихъ Обществъ проэкты всѣхъ предпринимаемыхъ въ храмахъ передѣлокъ.

И. А. Вахрамѣевъ и А. А. Титовъ, извѣщаютъ о начатыхъ приготовленіяхъ къ передѣлкѣ Богоявленской церкви въ г. Ярославлѣ, построенной въ 1684 г. — На основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, согласно Высочайшей воли Его Императорскаго Величества, о приложеніи особаго попеченія къ сохраненію древнихъ памятниковъ, Общество пріостанавливаетъ работы и когда Ярославская Духовная Консисторія представляетъ планы и пояснительную записку, Общество согласуясь съ замѣ-

чаніями, высказанными А. П. Поповымъ, еще разъ не соглашается на предлагаемыя перестройки.

Московская Духовная Консисторія заявляетъ о предполагаемыхъ исправленіяхъ въ Покровской, въ селѣ Медвѣдковѣ, церкви, Московскаго уѣзда.—Общество проситъ Консисторію доставить ей планы и разрѣзы.

А. А. Титовъ увѣдомляетъ, что Строгановскую церковь въ Нижнемъ-Новгородѣ предполагаютъ реставрировать, а древнюю шатровую колокольню Козмодемьянской церкви, украшенную кафелью разобрать. — Общество проситъ А. А. Титова разъяснить мѣстнымъ властямъ и духовенству важность этихъ памятниковъ и о дальнѣйшемъ извѣстить Общество.

1885 годъ. Московская Духовная Консисторія проситъ сообщить мнѣніе насчетъ предполагаемыхъ передѣлокъ въ Петропавловской, въ г. Волоколамскѣ, церкви,—на что выражено согласіе.

Та же Консисторія дѣлаетъ запросы относительно разборки ветхаго деревяннаго храма Христо-Рождественскаго, села Каменищъ, Серпуховскаго уѣзда и Ильинскаго Кладбищенскаго храма въ г. Бронницахъ.—Осмотръ, произведенный А. М. Павлиновымъ, убѣждаетъ Общество, что церкви не представляютъ особаго интереса и въ виду крайней ихъ ветхости разборка ихъ необходима.

Архіепископъ Владимірской Θеогностъ письмомъ испрашиваетъ позволенія постановки новаго иконостаса въ древней Покровской церкви, близъ Боголюбова монастыря.—Вопросъ, не представляя особаго интереса и важности, разрѣшенъ утвердительно.

Отношеніе Московскаго Новодѣвичьяго монастыря Игуменіи Антоніи, съ извѣщеніемъ о предположенномъ возобновленіи древней стѣнописи XVI в. въ Смоленской соборной церкви монастыря съ просьбой о содѣйствіи по наблюденію за работами со стороны Археологическаго Общества вызываетъ со стороны Общества необходимыя указанія, — рекомендацію живописца Сафонова и избраніе Коммиссіи составленной изъ В. Е. Румянцева, Н. В. Никитина и Графини П. С. Уваровой.

Московская Духовная Консисторія освѣдомляется насчетъ возможности, устройства двухъ новыхъ иконостасовъ въ сѣверномъ и южномъ предѣлахъ Панкратьевской, построенной въ 1700 г., близъ Сухаревой Башни, церкви. Послѣ осмотра на мѣстѣ Общество отвѣчаетъ утвердительно. Та же Консисторія хо-

ходатайствуетъ о разрѣшеніи устройства духоваго отопленія въ Гребенской, что на Лубянкѣ, церкви и о возобновленіи позолоты на одной древней напрестольной сѣни.—А. П. Поповъ и И. Е. Забѣлинъ осматриваютъ церковь и высказываютъ опасеніе, въ пригодности духоваго отопленія и сохранности архитектурнаго характера церкви, такъ какъ часто дымовыя трубы выводятъ въ крышахъ между главами, что значительно искажаетъ красоту древнихъ зданій.

Московская Духовная Консисторія заявляетъ о предполагаемомъ поновленіи иконостасовъ, кіотовъ и стѣнной живописи въ ц. Благовѣщенія на Бережкахъ;—дѣлаетъ также представленіе касательно передѣлокъ печей и оконныхъ рамъ въ Успенскомъ, села Малина, церкви, Коломенскаго уѣзда;—о возобновленіи въ трапезѣ Николаевскаго, и Екатерининскаго храмовъ иконостасовъ и о замѣнѣ ветхой деревянной рѣшетки каменной оградой;—касательно надстройки 3-го этажа надъ главнымъ братскимъ корпусомъ Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ;—о необходимости возобновленія ветхихъ придѣльныхъ иконостасовъ, стѣнной живописи, оконныхъ колодъ и рамъ и духовой печи въ Козьмо-Демьяновской, что въ Таганкѣ, церкви;—о необходимости перемѣнить главы, существующія съ 1832 г., и произвести нѣкоторыя передѣлки въ Покровской церкви, что на Лыщиковой горѣ, въ Москвѣ, построенной въ 1698 г.;—о дозволеніи надстроить 3-й ярусъ на мѣстѣ существующаго купола на колокольнѣ Успенской, села Онуфріева, ц. Рузскаго уѣзда;—касательно расширенія придѣловъ при Сергіевской, что въ Крапивникахъ, на Константинопольскомъ Патріаршемъ подворьѣ, церкви во имя св. Іоанна Предтечи;—о перемѣнѣ иконостасовъ Успенской церкви, въ г. Клину, построенной въ 1817—33 г.;—объ уничтоженіи крайняго звена церковной ограды при Всѣхсвятской, что на Кулишкахъ церкви;—о дозволеніи разобрать ветхую главу Смоленской церкви Новодѣвичьяго монастыря въ Москвѣ и взамѣнъ ея построить новую по старому образцу;—объ исправленіи иконостаса въ церкви села Колюбякина, Рузскаго уѣзда.

Настоятель Срѣтенскаго монастыря Архимандритъ Серафимъ обращается въ Общество съ просьбою о назначеніи лицъ изъ Членовъ Археологическаго Общества для указаній въ виду начатыхъ работъ по возобновленію древняго храма во имя Маріи Египетской, находящагося въ этомъ монастырѣ. — Мнѣніе Общества изложено подробно въ нѣсколькихъ запискахъ и отно-

Отношеніе Моск. Духовной Консисторіи о дозволеніи разобрать до каменнаго фундамента деревянную церковь во имя Обновленія храма Воскресенія Христова при селѣ Растуновѣ, Подольскаго уѣзда, и вновь ее собрать съ перерубкою угловъ и замѣною изъ новаго матерьяла части стѣнъ, потолка, пола, крыши; и о расширеніи храма съ перенесеніемъ колокольни села Покровскаго, на Городкѣ, церкви.

Игуменья Переяславль-Залѣсскаго Ѳедоровскаго Дѣвичьго монастыря ходатайствуетъ о разрѣшеніи постройки новыхъ папертей при монастырскомъ храмѣ взамѣнъ старыхъ и ветхихъ.— Общество проситъ о доставленіи болѣе точныхъ разрѣзовъ, чтобы возможно было опредѣлить способъ покрытія.

Отношенія Московской Духовной Консисторіи относительно возобновленія въ Николаевской, что въ Столпахъ, церкви въ Москвѣ и находящагося при церкви памятника надъ тѣломъ боярина А. С. Матвѣева;—касательно разбора ветхой Христорождественской, погоста Борзецова, Коломенскаго уѣзда, церкви, построенной въ 1696 году;—касательно капитальной ремонтировки Ильинской, села Пруссъ, Коломенскаго уѣзда, церкви, время построенія которой неизвѣстно. — Всѣ три памятника осмотрѣны причемъ съ нихъ сняты планы и рисунки.

Заявленіе протоіерея Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора Н. И. Надеждина и старосты собора А. А. Мошкина съ просьбою о разрѣшеніи на позолоту иконостаса въ главномъ храмѣ во имя Покрова Богородицы.—Опредѣлено: просимую работу разрѣшить, но поставить на видъ, большую необходимость исправленія древнѣйшихъ частей собора, пришедшихъ въ ветхость, чѣмъ, сравнительно, болѣе новыхъ.

1886 годъ. Мѣстный членъ-корреспондентъ извѣщаетъ о предполагаемой сломкѣ древней церкви Благовѣщенія въ г. Юрьевѣ-Польскомъ. — Возбуждается переписка, причемъ Владимірскій Губернаторъ сообщаетъ, что предположеній насчетъ сломки нѣтъ. Общество обращаетъ вниманіе Губернатора и мѣстнаго духовенства на трещины въ стѣнахъ, на ветхость крыши храма и вообще на небреженіе въ которомъ онъ находится.

Московская Духовная Консисторія входитъ съ отношеніями: о постановкѣ двухъ новыхъ печей въ Московской Сергіевской, что на Дмитровкѣ церкви и о дозволеніи соединить теплую трапезную церковь св. Николая Чудотворца, что въ Драчахъ, въ Москвѣ, построенную 1682 г., съ холодною, съ устройствомъ подъ нею

уѣзда. — Всѣ эти передѣлки разрѣшены Коммиссіею съ условіемъ не измѣнять ни въ чемъ существующихъ размѣровъ и формы дверей и оконъ.

Владимірская Духовная Консисторія, хлопочетъ о сломкѣ ветхой, съ постройкою взамѣнъ ея новой, колокольни при Царе-Константиновской, села Добраго, церкви, основанной въ 1362 году и перестроенной въ 1772 году. Согласно постановленію Коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, Владимірская Духовная Консисторія была увѣдомлена, что къ исполненію предполагаемыхъ работъ Общество не встрѣчаетъ препятствій.

Отношеніе Московской Духовной Консисторіи, объ устройствѣ новаго духоваго отопленія и о перемѣнѣ оконныхъ колодъ и рамъ въ Знаменской, что на Знаменкѣ въ Москвѣ, церкви, существующей болѣе 280 лѣтъ, какъ то видно изъ надписи на второмъ колоколѣ, гласящей, что онъ литъ 1600-го года, іюня 20 дня. — Вслѣдствіе постановленія Коммиссіи Общество просило Консисторію прислать планъ и фасадъ церкви, а также проэктъ на устройство духоваго отопленія.

Отношеніе Костромской Духовной Консисторіи о необходимости передѣлокъ для приспособленія помѣщенія подъ ризницу при тепломъ храмѣ Рождества Богородицы въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Отношенія Московск. Дух. Консисторіи, объ устройствѣ новыхъ деревянныхъ дверей съ каменными при нихъ портиками взамѣнъ старыхъ входныхъ дверей съ сѣверной и южной стороны Никольскаго Можайскаго Собора; объ устройствѣ духоваго отопленія, и новыхъ зимнихъ рамъ въ Знаменской, близъ Петровскихъ воротъ, церкви въ Москвѣ; о необходимости капитальнаго ремонта стѣнъ, поправки на нихъ лѣпной работы, исправленія карнизовъ, цоколя, желѣзныхъ крышъ, окраски всѣхъ стѣнъ и пр. въ Гавріило-Архангельской при Почтамтѣ церкви, (именуемой Меньшиковой башней), построенной княземъ Александромъ Даниловичемъ Меньшиковымъ въ 1705 г. — Исправленія разрѣшены, причемъ по послѣднему запросу указано, на необходимость исполнить работы согласно стариннымъ образцамъ.

Отношеніе той же Консисторіи, объ устройствѣ особаго входа снаружи въ камеру духовой печи съ задѣлкою при этомъ имѣющагося внутренняго туда хода въ западной стѣнѣ сѣвернаго придѣла Панкратьевской, близъ Сухаревой башни, церкви, построенной прихожанами въ 1700 г.

Отношеніе Моск. Духовной Консисторіи о дозволеніи разобрать до каменнаго фундамента деревянную церковь во имя Обновленія храма Воскресенія Христова при селѣ Растуновѣ, Подольскаго уѣзда, и вновь ее собрать съ перерубкою угловъ и замѣною изъ новаго матерьяла части стѣнъ, потолка, пола, крыши; и о расширеніи храма съ перенесеніемъ колокольни села Покровскаго, на Городкѣ, церкви.

Игуменья Переяславль-Залѣсскаго Ѳеодоровскаго Дѣвичьго монастыря ходатайствуетъ о разрѣшеніи постройки новыхъ папертей при монастырскомъ храмѣ взамѣнъ старыхъ и ветхихъ.— Общество проситъ о доставленіи болѣе точныхъ разрѣзовъ, чтобы возможно было опредѣлить способъ покрытія.

Отношенія Московской Духовной Консисторіи относительно возобновленія въ Николаевской, что въ Столпахъ, церкви въ Москвѣ и находящагося при церкви памятника надъ тѣломъ боярина А. С. Матвѣева; —касательно разбора ветхой Христорождественской, погоста Борзецова, Коломенскаго уѣзда, церкви, построенной въ 1696 году;—касательно капитальной ремонтировки Ильинской, села Пруссъ, Коломенскаго уѣзда, церкви, время построенія которой неизвѣстно. — Всѣ три памятника осмотрѣны причемъ съ нихъ сняты планы и рисунки.

Заявленіе протоіерея Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора Н. И. Надеждина и старосты собора А. А. Мошкина съ просьбою о разрѣшеніи на позолоту иконостаса въ главномъ храмѣ во имя Покрова Богородицы.—Опредѣлено: просимую работу разрѣшить, но поставить на видъ, большую необходимость исправленія древнѣйшихъ частей собора, пришедшихъ въ ветхость, чѣмъ, сравнительно, болѣе новыхъ.

1886 годъ. Мѣстный членъ-корреспондентъ извѣщаетъ о предполагаемой сломкѣ древней церкви Благовѣщенія въ г. Юрьевѣ-Польскомъ. — Возбуждается переписка, причемъ Владимірскій Губернаторъ сообщаетъ, что предположеній насчетъ сломки нѣтъ. Общество обращаетъ вниманіе Губернатора и мѣстнаго духовенства на трещины въ стѣнахъ, на ветхость крыши храма и вообще на небреженіе въ которомъ онъ находится.

Московская Духовная Консисторія входитъ съ отношеніями: о постановкѣ двухъ новыхъ печей въ Московской Сергіевской, что на Дмитровкѣ церкви и о дозволеніи соединить теплую трапезную церковь св. Николая Чудотворца, что въ Драчахъ, въ Москвѣ, построенную 1682 г., съ холодною, съ устройствомъ подъ нею

новаго духоваго отопленія;—объ уничтоженіи 4 пилоновъ и надстройки стѣны во Всѣхсвятской церкви Московскаго уѣзда, построенной въ 1736 г.; — о постройкѣ придѣла въ Сергіевской, села Хотминокъ церкви, Подольскаго уѣзда, построенной въ 1710 г.; о разобраніи ветхой церкви во имя Преп. Сергія, въ Николаевскомъ Песношскомъ монастырѣ, для возведенія новой; — о перестройкѣ и расширеніи храма во имя Неопалимой Купины, съ цѣлью соединенія его съ главнымъ храмомъ Московск. Зачатіевскаго монастыря.

Владимірскій Архіепископъ сообщаетъ о капитальныхъ исправленіяхъ, которыя ему желательно произвести во внѣшнемъ видѣ Владимірскаго Успенскаго собора.—Общество, соглашаясь, въ принципѣ, въ необходимости начать это дѣло, проситъ о доставленіи плановъ и разрѣзовъ. Его Величество Государь Императоръ благоволилъ повелѣть, чтобы Московское Археологическое Общество слѣдило за перестройкой этого важнаго памятника. Избирается особая Коммиссія, причемъ, вслѣдствіе возникшихъ между Членами Коммиссіи разногласій касательно разныхъ техническихъ вопросовъ, предпринимаются нѣсколько поѣздокъ во Владиміръ и назначаются повѣрочныя Коммиссіи.

Московская Духовная Консисторія—ходатайствуетъ о возобновленіи стѣнной живописи въ соборномъ храмѣ Московск. Срѣтенскаго монастыря; онъ осматривается К. М. Быковскимъ, А. М. Павлиновымъ и А. П. Поповымъ. Старая стѣнопись, очищается и признается произведеніемъ XVIII в. — на основаніи чего роспись стѣнъ дозволяется.

Московская Духовная Консисторія входитъ въ Общество съ просьбою о расширеніи Волоколамскаго собора.—Вопросъ этотъ подвергается много разъ обсужденію, предпринимаются поѣздки и, Общество вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ А. П. Попова, что перестройку трапезной и находящіяся въ связи съ нею работы какъ то: пониженіе пола на 12 верш., оштукатурка цементомъ стѣнъ, столбовъ и сводовъ, сложенныхъ изъ бѣлаго камня, увеличеніе оконъ и пробивка въ стѣнахъ дымовыхъ каналовъ для печей, обращеніе двери въ западной стѣнѣ въ арку,—допустить нельзя, такъ какъ работы эти искажаютъ древній памятникъ, вліяютъ на прочность и устойчивость постройки и могутъ вызвать дальнѣйшія поврежденія. При обсужденіи нѣсколько разъ возникавшаго вопроса о Волоколамскомъ соборѣ, Коммиссіей высказано мнѣніе, что необходимо вообще не дозволять ника-

порученнаго Н. В. Никитину, выяснилось, что уголъ и стѣны церкви треснули и передѣлка необходима. Разрѣшено: разобрать сводъ, переложить стѣны, но съ соблюденіемъ по возможности древняго способа кладки свода. Архитекторъ Крысинъ, завѣдующій постройками, приглашается для объясненій и указаній со стороны Общества.

Владимірская Духовная Консисторія входитъ съ отношеніемъ касательно иконостаса и стѣнописи въ Вязниковскомъ соборѣ. — Общество не находитъ препятствій, но указываетъ на необходимость сохранить древнія части.

Московская Духовная Консисторія спрашиваетъ мнѣнія Общества относительно Воскресенскаго въ г. Волоколамскѣ собора и повторяетъ ходатайство о расширеніи трапезы собора.—Надстройка колокольни разрѣшается съ оговоркой, что Общество остается при своемъ прежнемъ мнѣніи касательно расширенія паперти. Та же Консисторія запрашиваетъ объ исправленіяхъ въ Московской Троицкой, что на Хохловкѣ, церкви; осмотръ поручается Члену Общества, архитектору Оберу.

Директоръ Кутаисской Гимназіи А. И. Стояновъ—доноситъ о разрушеніи старинной крѣпости Цихисъ-Дзири около Батума, производимой строителями Батумскаго порта. — Дѣлается представленіе Батумскому Губернатору, который обѣщаетъ принять мѣры противъ дальнѣйшаго разрушенія крѣпости.

Ростовскіе Члены Общества сообщаютъ о неправильно произведенныхъ работахъ въ Успенскомъ Ростовскомъ Соборѣ.—Производится осмотръ, дѣлается представленіе мѣстному Архіепископу и доводится до свѣдѣнія Св. Синода, что древняя иконопись Собора окончательно уничтожена.

А. М. Павлиновъ представляетъ рисунокъ рамъ для реставраціи паперти Благовѣщенскаго Собора, который одобряется Обществомъ. Онъ же въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ сообщаетъ Обществу свои планы и чертежи по возстановленію Коломенскаго Кремля, работы въ которомъ начаты съ 1886 г.

1888 годъ. Моск. Дух. Консисторія входитъ съ запросомъ касательно расширенія Знаменской въ Переяславской слободѣ, въ Москвѣ, церкви, и относительно перестройки главъ и возведенія новой колокольни при церкви въ с. Черкизовѣ, Моск. уѣзда—Постройка колокольни разрѣшается съ замѣчаніемъ, что стиль ея вовсе не соотвѣтствуетъ древней церкви; главъ же вообще предлагается не трогать.

1887 годъ. Московскій Городской Голова, Н. А. Алексѣевъ, проситъ Общество разсмотрѣть и дать свое заключеніе касательно трехъ проэктовъ для новаго зданія Думы работы гг. Терскаго, Чичагова и Карнѣева. — Обществомъ избрана Коммиссія, протоколы и заключенія которой сообщаются г. Алексѣеву. Впослѣдствіи назначается новый конкурсъ и соединенная Коммиссія, состоящая изъ Гласныхъ Думы, Членовъ архитекторовъ и Членовъ Общества выработываетъ подробное заключеніе о всѣхъ представленныхъ работахъ.

В. Ѳ. Миллеръ обращаетъ вниманіе на запустѣніе и плачевное состояніе древней церкви, находящейся въ Крыму близъ м. Алушты, около селенія Демерджи. — Общество обращается къ Преосвященному Таврическому съ просьбой оградить церковь, навѣсить двери и запретить входъ въ неё поселянамъ и ихъ стадамъ. Исполненіе желанія Общества воспослѣдовало въ первыхъ числахъ 1889 года.

Калужская Духовная Консисторія входитъ съ отношеніемъ касательно передѣлки многоярусного, ветхаго иконостаса въ ц. с. Гремячева, Перемышльскаго уѣзда. — Поручено Ю. Д. Филимонову и Н. В. Никитину осмотрѣть эту церковь.

Тверская, Духовная Консисторія дѣлаетъ запросъ относительно исправленія стѣнописи и иконостаса въ соборномъ храмѣ Краснохолмскаго Антоніева монастыря. — Общество предлагаетъ стѣнопись возобновить на яйцѣ, а не на маслѣ, штукатурку же производить на извести, а не на цементѣ.

Московск. Духовная Консисторія спрашиваетъ мнѣніе Общества относительно предпологаемой разборки старой деревянной церкви въ с. Носовѣ, Звенигородскаго уѣзда. — Разборъ церкви дозволенъ на томъ основаніи, что памятникъ не первостепенной важности, весьма ветхъ, стоитъ въ совершенномъ запустѣніи, и вся древняя изъ него утварь перенесена въ приходскую церковь села Шарапова. Оставшіеся расписные клиросы съ изображеніемъ сивиллъ, перевезены для храненія въ Императорскій Историческій Музей.

Московская Духовная Консисторія входитъ съ отношеніемъ о расширеніи арки и устройствѣ подвала для духоваго отопленія въ Московской Николаевской, что въ Дербентскомъ, церкви, къ чему Общество не находитъ препятствій.

Та же Консисторія освѣдомляется относительно возможности перестройки церкви Георгіевскаго монастыря. — Изъ осмотра,

В. В. Верещагинъ извѣщаетъ объ искаженіяхъ, которымъ подвергалась церковь Николо-Мокринская въ Ярославлѣ.— Осмотръ церкви и провѣрка жалобы поручается Членамъ Моск. Археол. Общества въ Ярославлѣ, на основаніи отзыва которыхъ Общество входитъ съ представленіемъ въ Военное Министерство, въ вѣдѣніи котораго находится церковь.

Поднимается вопросъ о реставраціи внутренняго убранства Спасо-Преображенскаго Собора въ Спасскомъ Монастырѣ, въ Ярославлѣ. Реставрація признается вполнѣ желательной, причемъ высказывается однако мнѣніе, что отнестись къ ней должно съ особенною осторожностью въ виду тѣхъ искаженій, которымъ подвергался Соборъ въ разное время.

Оберъ-Прокуроръ Свят. Синода присылаетъ въ Общество запросъ Епископа Архангельскаго и Холмогорскаго касательно возобновленія иконъ и иконостаса въ церкви Воскресенія, Холмогорскаго уѣзда, Верхнематигорскаго прихода. Выражена надежда, что при исправленіи будутъ замѣнены однѣ ветхія части и иконы реставрированы иконописцами.

И. Г. Тимашевскій, Директоръ Симферопольской Гимназіи, обращается въ Общество съ заявленіемъ о необходимости обратить вниманіе на развалины Чуфутъ-Кале и передать ихъ въ вѣдѣніе одного изъ Ученыхъ Обществъ.

Г-жа Славичъ изъ Алушты обращаетъ вниманіе Общества на печальное положеніе древностей на южномъ берегу Крыма и проситъ защиты противъ ихъ расхищенія и уничтоженія.

И. Д. Давыдовъ изъ Кутаиса сообщаетъ Обществу о разрѣшеніи данномъ мѣстнымъ духовенствомъ разобрать древній храмъ Баграта на новыя постройки. Предсѣдатель Общества телеграммами проситъ Кутаисскаго губернатора и Экзарха Грузіи остановить это рѣшеніе и храмъ спасается отъ уничтоженія.

Графиня Уварова, по возвращеніи изъ Кавказской экспедиціи, предлагаетъ обратиться къ Карскому Губернатору съ просьбой оградить отъ дальнѣйшаго хищенія мусульманскимъ населеніемъ древняго христіанскаго храма въ селеніи Алъ, Посховскаго участка. Обращеніе Общества принято Г. Губернаторомъ весьма сочувственно и для охраненія памятника приняты весьма энергичныя мѣры.

Моск. Духовн. Консисторія заявляетъ о необходимости передѣлокъ въ церкви Рождества Богородицы, что въ Путинкахъ. Общество предлагаетъ въ виду важности памятника дать пред-

Та же Консисторія проситъ сообщить мнѣніе о художественномъ значеніи стѣнной живописи въ церкви во имя Сошествія Св. Духа на Лазаревскомъ кладбищѣ въ Москвѣ. — Сообщается отвѣтъ на основаніи осмотра, произведеннаго Н. В. Никитинымъ и А. А. Мартыновымъ.

Ярославская Дух. Консисторія входитъ съ запросомъ относительно расширенія Ярославской Никитской церкви, осмотръ которой поручается А. М. Павлинову.

Моск. Дух. Консисторія испрашиваетъ мнѣнія Общества касательно расширенія арки въ тепломъ придѣлѣ Свят. Николая въ церкви Грузинской Божьей Матери, устройства духовой печи, и постановки новаго иконостаса.—Разширеніе не дозволяется; испрашиваются подробные чертежи на устройство печей; представленный рисунокъ иконостаса не одобряется.

Письмо А. А. Титова касательно передѣлокъ въ церкви Іоанна Богослова въ Ростовскомъ Кремлѣ.—Выслушивается по этому вопросу докладъ Н. В. Никитина и на основаніи онаго передѣлки, разрѣшаются, при соблюденіи однако указанныхъ условій и съ исправленіемъ чертежей.

Рязанская Ученая Архивная Коммиссія проситъ Общество прислать Члена для осмотра Семинарской церкви, къ которой предполагается пристройка. Посылается А. М. Павлиновъ, который признаетъ церковь въ высшей степени интереснымъ памятникомъ и высказывается за безусловное его сохраненіе въ первоначальномъ его видѣ. Общество, раздѣляя его взгляды, сообщаетъ свое мнѣніе Преосвященному Рязанскому, но такой отвѣтъ не одобряется духовнымъ начальствомъ, которое приглашаетъ мѣстныхъ техниковъ (губернскихъ инженеровъ) и на основаніи ихъ мнѣнія испрашиваетъ у Св. Синода помимо Общества, разрѣшеніе на пристройку.

Разсматривается проэктъ предполагаемыхъ исправленій въ церкви с. Черкизова и обращается вниманіе на невозможность допустить расписку древней двери и измѣненіе формъ ея изящныхъ древнихъ главъ.

Моск. Дух. Консисторія дѣлаетъ запросъ относительно производства работы въ церкви Св. Николая на Щепахъ. — Не находя препятствій къ этимъ работамъ Общество указываетъ однакоже на неудовлетворительность рисунковъ предположеннаго иконостаса.

почтеніе заключенію Коммиссіи Моск. Архитектурнаго Общества, и не дозволять архитектуру Крысину вести передѣлки по представленнымъ имъ рисункамъ.

1889 годъ. Моск. Синод. Контора дѣлаетъ запросъ относительно замѣны въ главномъ Соборномъ храмѣ Воскресенскаго Монастыря, что подъ Звенигородомъ, чугуннаго пола деревяннымъ.

Коммиссія по постройкѣ Торговыхъ Рядовъ на Красной площади извѣщаетъ Общество объ открытыхъ подземныхъ помѣщеніяхъ, сложенныхъ изъ бѣлаго камня. Наряжается Коммиссія: помѣщенія осматриваются, описываются, съ нихъ снимаются фотографіи, о нихъ дѣлается докладъ Обществу, а найденныя при раскопкахъ вещи (шлемъ, ружья, черепа) поступаютъ въ Историческій Музей.

Моск. Архитектурное Общество проситъ Археологическое Общество возбудить ходатайство о возобновленіи древней церкви Потѣшнаго Дворца.

Изъ прилагаемаго бѣглаго отчета видно, какъ многочисленны и разнообразны запросы, обращаемые въ Общество по дѣлу сохраненія и перестройки древнихъ памятниковъ, но отчетъ этотъ слишкомъ кратокъ, чтобы возможно было изъ него заключить о той неутомимой дѣятельности и томъ упорномъ и послѣдовательномъ трудѣ, который требуется для провѣрки всѣхъ запросовъ, разслѣдованія дѣлъ, разсмотренія рисунковъ и плановъ, производства осмотровъ на мѣстѣ, далекихъ поѣздокъ и переписки съ Консисторіями, Епархіальными Начальствами, частными лицами и пр. Напомнимъ только, что большинство дѣлъ стало поступать въ Общество съ 1877 г., что съ тѣхъ поръ ихъ разсмотрѣно и рѣшено до 170 и что, благодаря вмѣшательству Общества, были спасены отъ искаженія или совершеннаго уничтоженія Покровскій соборъ въ Боголюбовѣ, ризница Покровскаго Суздальскаго монастыря, стѣнопись въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ и возстановлены по древнимъ образцамъ Палаты древняго Печатнаго Двора въ Москвѣ, Ростовскій Кремль съ его Бѣлой Палатой, внутренность Владимірскаго Успенскаго собора, церковь въ Никулинѣ Городищѣ, Смоленскія и Коломенскія стѣны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Домъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на Берсеньевкѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Комната засѣданій въ домѣ Импер: Моск: Археолог: Общества, на Берсеньевкѣ.

ГЛАВА V.

Историческій очеркъ дѣятельности русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ въ связи съ дѣятельностью Московскаго Археологическаго Общества.

Съ исторіей Московскаго Археологическаго Общества тѣсно связана и исторія русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ. Въ средѣ Московскаго Археологическаго Общества возникла первая мысль о съѣздахъ русскихъ археологовъ; отсюда исходили первыя приглашенія и ходатайства: при непосредственномъ участіи Общества состоялся первый съѣздъ 1869 года въ Москвѣ. Но Московское Общество принимало значительное участіе и въ устройствѣ слѣдующихъ съѣздовъ, особенно III-го, 1874 года, въ Кіевѣ, V-го, 1881 года, въ Тифлисѣ, и VII-го, 1887 года, въ Ярославлѣ. О степени этого участія даютъ понятіе слѣдующіе факты, распредѣленные въ хронологическомъ порядкѣ.

Уже въ первомъ обыкновенномъ собраніи Московскаго Археологическаго Общества, 3 ноября 1864 года, Предсѣдатель его, Графъ А. С. Уваровъ, въ своей вступительной рѣчи выразилъ, между прочимъ, мнѣніе, что «самую дѣйствительную и коренную мѣру для уничтоженія равнодушія къ русскимъ древностямъ и для возбужденія общаго живаго участія къ русской археологіи» слѣдуетъ признать — «ученые съѣзды». Руководясь этою мыслью, Графъ А. С. Уваровъ, въ слѣдующемъ, 1865 г., въ засѣданіи Общества 12 октября, поднялъ серьезно вопросъ о необходимости созыва Археологическаго Съѣзда и предложилъ, для начала этого дѣла, обратиться прежде всего къ другимъ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ, просить ихъ отозваться на поднятую мысль и принять участіе въ обсужденіи условій съѣзда. Согласно предложенію Графа А. С. Уварова, Московское Архео-

логическое Общество обратилось ко всѣмъ высшимъ ученымъ учрежденіямъ, ко всѣмъ ученымъ Обществамъ и ко всѣмъ частнымъ лицамъ, извѣстнымъ своими трудами по части русской археологіи, предлагая имъ всѣмъ мысль о созывѣ перваго въ Россіи Археологическаго Съѣзда. Общее сочувствіе было отвѣтомъ на эту мысль, вслѣдствіе чего, въ засѣданіи Общества 26 апрѣля 1866 года, рѣшено было дать дальнѣйшій ходъ этому вопросу и обратиться съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія. 27 апрѣля 1867 года было получено Высочайшее разрѣшеніе на открытие въ Москвѣ I-го Археологическаго Съѣзда, причемъ Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ Предсѣдателю Общества съ вопросомъ: въ какомъ размѣрѣ потребуется денежное вспомоществованіе отъ Министерства. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, какъ это и выразилъ впослѣдствіи, при открытіи съѣзда, Предсѣдатель Распорядительнаго Комитета, академикъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, что «первоначальною мыслью объ Археологическомъ Съѣздѣ обязаны мы Московскому Археологическому Обществу и достойному Предсѣдателю его Графу А. С. Уварову. Они исходатайствовали чрезъ благосклонное посредство г. Министра Народнаго Просвѣщенія Всемилостивѣйшее разрѣшеніе открыть первый съѣздъ русскихъ археологовъ въ Москвѣ». — На основаніи Высочайшаго повелѣнія, состоявшагося по сему предмету, всѣ распоряженія объ устройствѣ Съѣзда возложены были на особый Предварительный Комитетъ, который долженъ былъ открыть свои дѣйствія въ С.-Петербургѣ. Комитетъ этотъ собрался въ ноябрѣ 1868 года: онъ состоялъ изъ представителей тѣхъ высшихъ ученыхъ учрежденій и археологическихъ Обществъ, которыя пожелали принять участіе въ устройствѣ Съѣзда. Задачей его было: опредѣлить время Съѣзда, составить правила, которыми могъ бы руководствоваться Съѣздъ и изложить вопросы, подлежащіе обсужденію на Съѣздѣ. По окончаніи главныхъ работъ по устройству Съѣзда Предварительный Комитетъ для болѣе успѣшнаго хода дѣла, раздѣлился на двѣ части: одинъ отдѣлъ Комитета продолжалъ работать въ Петербургѣ, другой отдѣлъ принялъ на себя ближайшую организацію Съѣзда въ Москвѣ.

Правила Съѣзда, выработанныя Комитетомъ, были утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12 декабря 1868 г. Послѣдній параграфъ правилъ гласилъ, что «при Съѣздѣ пред-

полагается устроить, если окажется возможнымъ, археологическую выставку». Соотвѣтственно этому параграфу, въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, 19 декабря 1868 года, былъ поднятъ вопросъ о необходимости устроить выставку при Съѣздѣ. Князь С. М. Голицынъ предложилъ для собраній Съѣзда залы своего Музея: Предварительный Комитетъ, принявъ съ глубочайшею благодарностью предложеніе князя Голицына, приготовилъ главную залу Музея для засѣданій Съѣзда, а въ двухъ боковыхъ залахъ и библіотекѣ размѣстилъ археологическую выставку. Въ послѣдней видное мѣсто заняли орудія и образцы древне-русскаго книгопечатанія и гравированія, собранныя въ Московскихъ библіотекахъ и выставленныя В. Е. Румянцевымъ. 9 марта 1869 года Предварительный Комитетъ Съѣзда объявленъ былъ закрытымъ, и мѣсто его заступилъ Совѣтъ Съѣзда, образовавшійся изъ членовъ бывшаго Предварительнаго Комитета и депутатовъ отъ высшихъ ученыхъ учрежденій и археологическихъ Обществъ. Совѣтъ Съѣзда, въ первомъ же засѣданіи своемъ, избралъ изъ среды своей Предсѣдателемъ Съѣзда Графа А. С. Уварова и Комитетъ Распорядительный изъ 6 членовъ, въ томъ числѣ трёхъ членовъ Московскаго Археологическаго Общества (Ѳ. И. Буслаева, К. К. Гёрца и Н. А. Попова). Первый Археологическій Съѣздъ въ Москвѣ былъ открытъ 16-го марта 1869 года, г. Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, И. Д. Деляновымъ. Въ слѣдовавшей за тѣмъ рѣчи Предсѣдатель Московскаго Археологическаго Общества и Совѣта Съѣзда, Графъ А. С. Уваровъ, излагая отчетъ о дѣйствіяхъ по устройству Съѣзда и упомянувъ о томъ, что «приписываютъ Московскому Археологическому Обществу первую мысль о Съѣздѣ и первые начатки по этому дѣлу», скромно замѣтилъ, что есть мысли, на начало которыхъ невозможно указать, потому что онѣ принадлежатъ не одному лицу, не одному кругу людей, а служатъ общимъ выраженіемъ потребностей времени. Къ такимъ мыслямъ надо отнести и начало перваго Археологическаго Съѣзда». Съѣздъ продолжался съ 16 по 28 марта и въ двадцати засѣданіяхъ его, при участіи 130 сочленовъ, были подняты многіе важные, общіе и частные археологическіе вопросы и сдѣланъ рядъ капитальныхъ сообщеній. Изданіе Трудовъ Съѣзда состоялось въ Москвѣ, подъ редакціей и на средства Графа А. С. Уварова, въ 1871 г., въ двухъ томахъ in 4° съ однимъ томомъ рисунковъ — въ листъ.

Въ Засѣданіи Московскаго Съѣзда 28 марта Графъ А. С. Уваровъ предложилъ на обсужденіе вопросъ — «о пользѣ періодическихъ археологическихъ съѣздовъ въ разныхъ городахъ Россіи», сообщенный двумя членами г. Сементовскимъ — изъ Кіева и г. Киркоромъ — изъ Петербурга. Съѣздъ призналъ несомнѣнную пользу періодичности съѣздовъ и рѣшилъ ходатайствовать о разрѣшеніи археологическихъ съѣздовъ чрезъ каждые три года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ желаніе, чтобы слѣдующій Съѣздъ собрался въ Петербургѣ, чему выразили полное сочувствіе какъ представители Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, такъ и депутаты другихъ ученыхъ учрежденій, существующихъ въ Петербургѣ.

Въ общемъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 15 ноября 1869 г., секретарь Общества В. В. Вельяминовъ-Зерновъ заявилъ собранію, что въ 1871 г. исполнится 25 лѣтъ со дня основанія Общества и что было бы цѣлесообразнымъ устроить второй Археологическій Съѣздъ совмѣстно съ празднованіемъ 25-лѣтняго юбилея Общества. Мнѣніе это было передано въ особую Коммиссію, предположенія которой были одобрены въ общемъ собраніи Общества 12 января 1870 г., удостоились утвержденія Августѣйшаго Предсѣдателя Общества и представлены г. Министру Народнаго Просвѣщенія, которымъ и было исходатайствовано Высочайшее соизволеніе Государя Императора на открытіе Съѣзда, на выработанныхъ Коммиссіею основаніяхъ. По примѣру I-го, Московскаго Съѣзда, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія соблаговолилъ ассигновать на расходы II-го Съѣзда сумму въ 3000 руб. Предварительный Комитетъ Съѣзда открылъ свои засѣданія 16 ноября 1870 года и первымъ дѣломъ приступилъ къ избранію себѣ предсѣдателя и руководителя преній. Выборъ единогласно остановился на Предсѣдателѣ Московскаго Археологическаго Общества, Графѣ А. С. Уваровѣ, какъ иниціаторѣ археологическихъ съѣздовъ въ Россіи, но Графъ положительно отклонилъ отъ себя предсѣдательство въ Комитетѣ на томъ основаніи что, имѣя постоянное пребываніе въ Москвѣ, не можетъ оставаться подолгу въ Петербургѣ. Графъ отказался и отъ сохраненія за собой званія Предсѣдателя номинально, и обѣщая полную готовность содѣйствовать своими трудами устройству II Съѣзда, согласился только принять званіе Помощника Предсѣдателя. Тѣмъ не менѣе, съ открытіемъ дѣйствій Совѣта Съѣзда, 30 ноября 1871 г. Графъ Уваровъ былъ избранъ

Предсѣдателемъ Совѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съѣзда. Съѣздъ былъ открытъ въ С.-Петербургѣ, 7 декабря 1871 г. и продолжался по 20 декабря. Число участниковъ въ немъ было больше, чѣмъ на первомъ Съѣздѣ, достигнувъ цифры 170 человѣкъ. Московское Археологическое Общество приняло участіе въ празднованіи юбилея Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества поднесеніемъ адреса, въ которомъ, между прочемъ выразило, что оно «постоянно встрѣчало со стороны Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества самое теплое сочувствіе къ своей дѣятельности и всегда отвѣчало ему тѣмъ же. Такой дружескій союзъ, въ старой и новой русскихъ столицахъ двухъ Обществъ, стремящихся къ одной цѣли, всего болѣе выразился на двухъ Археологическихъ Съѣздахъ, предназначенныхъ для рѣшенія многихъ важныхъ научныхъ вопросовъ и для огражденія памятниковъ нашей старины, гибнущихъ отъ руки легкомыслія и невѣжества». Московское Археологическое Общество поднесло свой привѣтъ Императорскому Русскому Археологическому Обществу, напечатавъ его на томъ печатномъ дворѣ, гдѣ работалъ первый русскій книгопечатникъ Иванъ Ѳедоровъ, на томъ станкѣ, на которомъ печатались книги филаретовскія и іосифовскія, и тѣми буквами, которыми печатано въ первый разъ Евангеліе 1627 года. День акта 25-лѣтняго юбилея Русскаго Археологическаго Общества былъ въ то же время и днемъ открытія II-го Археологическаго Съѣзда. Почетный Предсѣдатель Съѣзда, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, открылъ его рѣчью, въ которой, между прочимъ, выразилъ, что «труды II-го Съѣзда должны служить продолженіемъ работъ, начатыхъ, но неоконченныхъ первымъ Археологическимъ Съѣздомъ, происходившимъ въ Москвѣ въ 1869 г. и устроенномъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Несомнѣнная польза съѣздовъ для науки—истина доказанная, они даютъ ей движеніе, жизнь; послѣдовательность же въ нихъ работъ, устанавливая между ними прочную связь, служитъ ручательствомъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ наукѣ». При II-мъ Съѣздѣ была устроена также, по примѣру I-го Съѣзда археологическая выставка (въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ происходили и засѣданія Съѣзда). О содержаніи и значеніи занятій II-го Съѣзда даютъ понятіе его «Труды», изданные въ 1876—1881 гг., въ двухъ выпускахъ in 4°, съ атласомъ in folio.

По общему согласію членовъ Петербургскаго Съѣзда было рѣшено устроить третій Археологическій Съѣздъ въ Кіевѣ, въ 1874 г. Профессоръ И. И. Срезневскій выразилъ желаніе, чтобы Графъ А. С. Уваровъ, принимавшій участіе въ устройствѣ двухъ первыхъ съѣздовъ, взялъ на себя созывъ и третьяго Съѣзда въ Кіевѣ. Но Графъ Уваровъ заявилъ, что подобное закрѣпощеніе идеи за однимъ лицомъ онъ считаетъ положительно вреднымъ для дѣла; онъ находилъ, что инціатива въ этомъ случаѣ должна исходить изъ Кіева. Онъ выразилъ также желаніе, чтобы въ интересѣ изученія русской археологіи, сравнительно со славянской, кіевскіе археологи вошли въ сношеніе съ западно-славянскими археологами о высылкѣ въ Кіевъ ко времени Съѣзда нѣкоторыхъ изъ хранящихся у нихъ памятниковъ или, по крайней мѣрѣ, снимковъ съ нихъ. Мысль эта, развитая Гр. Уваровымъ, также въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, 4 февраля 1872 г., была сочувственно принята кіевскими учеными и получила осуществленіе. Ко времени III-го Археологическаго Съѣзда въ Кіевъ прибыли многіе славянскіе ученые: Новаковичъ, Коларъ, Беда Дудикъ, Ванкель, Дзяловскій, Площанскій, Ганель, Калужницкій и др.; изъ нихъ Беда Дудикъ привезъ съ собою коллекцію предметовъ изъ Моравскихъ могилъ и нѣкоторыя другія моравскія древности, а г. Стоянъ Новаковичъ, отъ лица Бѣлградскаго Ученаго Дружества, доставилъ на выставку рѣдкія сербскія рукописи, много сербскихъ монетъ и и образцовъ древняго сербскаго искусства. Кромѣ того на съѣздъ прибыли: Луи Лежè — изъ Парижа, А. Рамбò—изъ Нанси и д-ръ Ромеръ — изъ Пешта. Особенностью Кіевскаго Съѣзда было также устройство археологическихъ экскурсій. «Въ продолженіи почти трехъ недѣль, — говорилъ, между прочимъ, въ своей заключительной рѣчи, Предсѣдатель III-го Съѣзда, Графъ А. С. Уваровъ, — мы ежедневно собирались два раза въ день, занимаясь изслѣдованіемъ памятниковъ старины... Кромѣ засѣданій въ залахъ Университета, мы еще внѣ стѣнъ его предпринимали поѣздки. Мы хотѣли на самомъ мѣстѣ опредѣлить и, такъ сказать, приложить то, что слышали на засѣданіяхъ: мы разрывали группу кургановъ у с. Гатнаго, съ цѣлью опредѣлить погребальные обычаи племени, издревле населявшаго Кіевскую область; затѣмъ мы осматривали мѣстоположеніе древняго Витичева, упоминаемаго у Константина Багрянороднаго; у с. Монастырки отыскивали древнюю пещеру; въ Вышгородѣ старались

разрыть основаніе и отыскать абрисъ древняго храма во имя св. Бориса и Глѣба, котораго любопытное описаніе и даже изображеніе мы имѣемъ въ Сильвестровскомъ спискѣ житія св. Бориса и Глѣба; мы осматривали старинный Межигорскій монастырь и т. д. Для всѣхъ этихъ экскурсій мы пользовались нарочно заготовленными для Съѣзда пособіями: у насъ былъ сборникъ всѣхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ лѣтописей, старинныхъ писателей и архивныхъ документовъ, относящихся къ урочищамъ г. Кіева и его окрестности; для поѣздки по Днѣпру намъ роздали археологическую карту Днѣпровскаго побережья. Такими подготовительными работами встрѣченъ былъ III-й Археологическій Съѣздъ»... При Съѣздѣ была устроена выставка, на которую были доставлены коллекціи и отъ Московскаго Археологическаго Общества. Число всѣхъ членовъ Кіевскаго Съѣзда превысило 200 (204), и его занятія вызвали къ себѣ значительное сочувствіе и интересъ въ публикѣ, что доказывается множествомъ корреспонденцій объ этомъ Съѣздѣ, помѣщенныхъ въ русскихъ и польскихъ газетахъ. Труды III-го Съѣзда вышли въ Кіевѣ, въ 1878 г., въ двухъ томахъ in 4° и съ отдѣльнымъ атласомъ изъ 25 таблицъ. Въ предисловіи редакціоннаго Комитета «Трудовъ» значится, что «появленіемъ въ свѣтъ означенные труды обязаны тѣмъ средствамъ, какія были съ одной стороны назначены для сего г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, по ходатайству Предсѣдателя Съѣзда Графа А. С. Уварова, а съ другой доставлены и самимъ Графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ».

На послѣднемъ общемъ собраніи Кіевскаго Съѣзда было рѣшено собрать IV Съѣздъ въ Казани, въ 1877 году. Предварительный Комитетъ этого Съѣзда былъ открытъ въ С.-Петербургѣ, 27 августа 1876 года, Предсѣдателемъ Московскаго Археологическаго Общества, Графомъ А. С. Уваровымъ. Въ этомъ первомъ засѣданіи начертана программа дѣятельности Комитета и выбранъ единогласно Предсѣдателемъ Комитета въ Казани Г. Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа П. Д. Шестаковъ. 15 ноября 1876 г., въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества, было доложено отношеніе Казанскаго Предварительнаго Комитета, въ которомъ Комитетъ просилъ Общество взять на себя заботы о распространеніи свѣдѣній о предположенномъ Съѣздѣ, причемъ выражалъ надежду, что оно своимъ просвѣщеннымъ вліяніемъ привлечетъ къ занятіямъ Съѣзда извѣстныхъ

ему ученыхъ. Всего Предварительный Комитетъ имѣлъ 12 засѣданій, 2 въ С.-Петербургѣ, и 10 въ Казани, и одно дополнительное засѣданіе въ Москвѣ, 20 декабря 1876 г., въ помѣщеніи Московскаго Археологическаго Общества. Къ Съѣзду были подготовлены и изданы многіе труды — Шпилевскаго, Заринскаго, Невоструева, Износкова и др. При Съѣздѣ была устроена археологическая и этнографическая выставка, расположенная въ четырехъ залахъ. При содѣйствіи городскаго управленія, университета и многихъ частныхъ лицъ Съѣздъ былъ организованъ вполнѣ успѣшно, продолжался съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. и, кромѣ засѣданій, ознаменовался нѣсколькими археологическими прогулками и экскурсіями, между прочимъ къ развалинамъ древняго Булгара и въ Свіяжскъ. Число членовъ и участниковъ Съѣзда (кромѣ членовъ — корреспондентовъ) достигло цифры 347 человѣкъ. Подъ вліяніемъ Съѣзда основалось въ Казани Археологическое Общество, именно Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Предсѣдатель Казанскаго Предварительнаго Комитета Съѣзда, Почетный Членъ Съѣзда и Предсѣдатель Отдѣла Исторической Географіи и Этнографіи, П. Д. Шестаковъ, въ рѣчи своей, произнесенной въ послѣднемъ общемъ собраніи Съѣзда, высказалъ, между прочимъ, что Предсѣдатель Съѣзда, Графъ А. С. Уваровъ, «пріѣхалъ въ Казань за двѣ недѣли до открытія Съѣзда, проводилъ въ устроеніи выставки цѣлые дни, работая съ ранняго утра до поздней ночи и подавая собою примѣръ неутомимой дѣятельности. Благодаря его энергіи, предметы выставки были разложены въ порядкѣ и составленъ указатель. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ по истинѣ былъ не только Предсѣдателемъ, но и душею Съѣзда». *) Для изданія Трудовъ IV Съѣзда была избрана редакціонная Коммиссія, изъ казанскихъ ученыхъ. Труды эти предположено было издать въ двухъ томахъ, но покуда вышелъ только первый томъ въ 1884 г. Въ предисловіи къ этому тому сказано, что «Труды IV Археологическаго Съѣзда появляются въ свѣтъ лишь благодаря матерьяльнымъ средствамъ, которыя съ одной стороны назначены въ распоряженіе Казанскаго Археологическаго Съѣзда бывшимъ

---

*) Объ участіи, которое принималъ Графъ А. С. Уваровъ въ подготовкѣ IV Съѣзда, свидѣтельствуютъ, между прочимъ, многія письма, адресованныя къ нему по этому поводу изъ Казани гг. Шестаковымъ, Корсаковымъ, Шпилевскимъ и др. и хранящіяся при дѣлахъ Съѣздовъ у Графини П. С. Уваровой.

въ 1877 г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Его Сіятельствомъ Графомъ Д. А. Толстымъ, по ходатайству Его Сіятельства Графа А. С. Уварова, а съ другой стороны—доставлены Казанскимъ Городскимъ Общественнымъ Управленіемъ».

Совѣтъ Казанскаго Съѣзда изъявилъ желаніе объ открытія V-го Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ. Впрочемъ, по словамъ графа А. С. Уварова (въ его вступительной рѣчи на V-мъ Съѣздѣ) «первоначальная мысль о Тифлисскомъ Съѣздѣ возникла гораздо раньше Казанскаго Съѣзда, такъ какъ Великій Князь Намѣстникъ уже прежде не разъ высказывалъ С. А. Талызину желаніе принять на Кавказѣ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ». Какъ бы то ни было, въ слѣдующемъ, 1878 г., былъ образованъ въ Москвѣ, при Археологическомъ Обществѣ, Подготовительный Комитетъ Съѣзда, открывшій свои засѣданія 7-го марта. Въ этомъ первомъ засѣданіи Предсѣдатель Общества, графъ А. С. Уваровъ заявилъ, что «на собраніе V-го Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ выражено соизволеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, которому угодно было направить ученую дѣятельность Съѣзда на изслѣдованіе и обработку Кавказскихъ древностей и обезпечить успѣхъ его даже матеріальною поддержкою». Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Предсѣдатель сообщилъ о начатыхъ имъ подготовительныхъ работахъ къ открытію Кавказскаго Археологическаго Съѣзда и о своихъ сношеніяхъ съ лицами, занимавшимися изученіемъ Кавказа, какъ-то: В. Г. Тизенгаузеномъ, М. И. Броссе, Ф. К. Бруномъ, Г. И. Радде, Н. П. Кондаковымъ и др., а также представилъ соображенія относительно изслѣдованія кургановъ и пещеръ Кавказа, его историческихъ мѣстностей и о собраніи древнихъ Казказскихъ надписей.

При этомъ были предложены и выработанныя г. Предсѣдателемъ правила, которыми должны были руководствоваться лица, посылаемыя Комитетомъ въ археологическія экспедиціи и экскурсіи. Во второмъ засѣданіи подготовительнаго Комитета въ Москвѣ, 25 апрѣля, 1878 г., была доложена телеграмма С. А. Талызина, Предсѣдателя Общества Любителей Кавказской археологіи, съ извѣщеніемъ, что «время Съѣзда 1880 г. не измѣнено, но на средства можно разсчитывать лишь въ 1879 г.». Это извѣстіе побудило графа А. С. Уварова къ дальнѣйшимъ сношеніямъ и усиліямъ для болѣе успѣшнаго осуществленія Съѣзда. Во второмъ засѣданіи была доложена между прочимъ записка В. И.

Чернявскаго—о памятникахъ западнаго Закавказья и инструкція для изслѣдованія костеносныхъ пещеръ, составленная проф. Г. Е. Щуровскимъ. Въ третьемъ засѣданіи Комитета, 13 марта 1879 г., было доложено о кончинѣ С. А. Талызина, принимавшаго живое участіе въ трудахъ по устройству Тифлисскаго Съѣзда, и о мѣрахъ предпринятыхъ покойнымъ по организаціи археологическихъ экспедицій. Послѣ этого г. Предсѣдатель Комитета, графъ А. С. Уваровъ, заявилъ, «что неопредѣленное положеніе, въ которомъ находилось дѣло Тифлисскаго Съѣзда, по случаю военнаго времени, теперь благополучно миновало, и Его Высочество Великій Князь Намѣстникъ, оставаясь при прежней мысли относительно Съѣзда и желая дать его дѣятельности возможно широкое развитіе, изволилъ назначить изъ собственныхъ суммъ Его Высочества, на снаряженіе ученыхъ экспедицій и на производство другихъ приготовительныхъ къ Съѣзду работъ, ежегодную въ продолженіи трехъ лѣтъ субсидію, въ размѣрѣ 5000 руб. на каждый годъ. Г. Предсѣдатель имѣлъ счастіе слышать это благосклонное соизволеніе Его Высочества во время представленія Великому Князю въ С.-Петербургѣ, въ концѣ января нынѣшняго (1879 года); тогда же онъ получилъ отъ Великаго Князя приглашеніе посѣтить Кавказъ для руководства спеціальныхъ экспедицій и вмѣстѣ порученіе — чрезъ Министра Народнаго Просвѣщенія ходатайствовать о Высочайшемъ разрѣшеніи Тифлисскаго Съѣзда, въ 1881 году. Согласно съ этимъ положеніемъ дѣла и съ ходомъ работъ по Съѣзду, первоначальный срокъ для его открытія отдаляется на 1881 годъ, а предварительныя экспедиціи начнутся съ весны 1879 года». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Предсѣдатель заявилъ, что онъ обратился къ Его Сіятельству г. Министру Народнаго Просвѣщенія, графу Д. А. Толстому, съ ходатайствомъ о Высочайшемъ разрѣшеніи Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ.

Высочайшее разрѣшеніе на устройство, въ сентябрѣ 1881 г. V Археологическаго Съѣзда въ Тифлисѣ послѣдовало въ 4 день мая 1879 года. Къ этому времени уже были снаряжены на Кавказъ экспедиціи: И. С. Полякова — для изслѣдованія закавказскихъ пещеръ и В. Б. Антоновича и В. Л. Бернштама — для изслѣдованія могильниковъ сѣвернаго Кавказа. Лѣтомъ 1879 года оправился на Кавказъ и Графъ А. С. Уваровъ, по приглашенію котораго, 15 октября, въ Тифлисѣ, собрались на первое засѣданіе члены Тифлисскаго Предварительнаго Комитета.

Мѣсто Предсѣдателя заступилъ Гр. А. С. Уваровъ, по предложенію котораго Комитетъ обсудилъ правила внутренняго распорядка своей дѣятельности и программу ближайшихъ изслѣдованій. Второе засѣданіе Тифлисскаго Комитета, 29 октября 1879 г., происходило также подъ предсѣдательствомъ графа А. С. Уварова, по предложенію котораго Комитетъ приступилъ къ избранію собственнаго Предсѣдателя, причемъ единогласный выборъ палъ на начальника Военно-Народнаго Горскаго Управленія генерала А. В. Комарова. Дальнѣйшія подготовительныя работы по Съѣзду были распредѣлены между двумя Комитетами, Московскимъ и Тифлисскимъ, а въ январѣ 1880 года состоялись въ Москвѣ, въ домѣ Археологическаго Общества, три общихъ собранія Подготовительнаго Комитета V-го Съѣзда, подъ Предсѣдательствомъ Графа А. С. Уварова, въ присутствіи депутатовъ разныхъ ученыхъ учрежденій, университетовъ и Обществъ и Секретаря Тифлисскаго Подготовительнаго Комитета, Е. Г. Вейденбаума. На этихъ засѣданіяхъ были выработаны: проэктъ правилъ Съѣзда и его программа (установлены отдѣленія Съѣзда); кромѣ того секретарь Комитета И. Д. Мансветовъ доложилъ записку о дѣятельности Московскаго Подготовительнаго Комитета, въ которой, между прочимъ, изъяснено, что послѣ того, какъ были намѣчены общія основанія программы, «Комитетъ при посредствѣ Предсѣдателя, вступилъ въ сношеніе съ нашими учеными, извѣстными своими трудами по Кавказу, и просилъ ихъ принять участіе какъ въ разработкѣ вопросовъ общей программы, такъ и въ составѣ предположенныхъ экспедицій. На это предложеніе многіе изъ нашихъ ученыхъ отозвались съ полною готовностью», и, благодаря имъ, удалось осуществить какъ подготовительную литературную работу, такъ и нѣсколько экспедицій, а равно подготовить сборникъ Кавказскихъ надписей.

Въ подготовительныхъ работахъ Комитета приняли особенно дѣятельное участіе: Графъ А. С. Уваровъ, В. Б. Антоновичъ, Ф. С. Байернъ, Д. З. Бакрадзе, А. П. Берже, В. Л. Бернштамъ, И. Т. Бѣленькій, А. Н. Введенскій, Е. Г. Вейденбаумъ, А. Я. Гаркави, А. Д. Ерицовъ, И. Е. Забѣлинъ, Л. П. Загурскій, Н. К. Зейдлицъ, А. В. Комаровъ, И. Д. Мансветовъ, К. И. Ольшевскій, И. С. Поляковъ, Ю. И. Проценко, Д. П. Пурцеладзе, А. А. Русовъ, М. И. Смирновъ, Г. Е. Церетели, Н. О. Цилоссани, В. И. Чернявскій, г.

Штейнъ, Н. О. Эминъ, П. О. Юрченко. Результаты трудовъ этихъ лицъ изложены въ изданіи: «Первый Археологическій Съѣздъ въ Тифлисѣ. Труды Предварительныхъ Комитетовъ. Изданы подъ редакціею Секретаря Московскаго Предварительнаго Комитета И. Д. Мансветова, М. 1882 г». Изданіе это составляетъ большой томъ in 4°, въ 621 стр., съ 47 таблицами (рисунками и картами). Вообще, какъ замѣчено въ предисловіи къ «Трудамъ» V-го Съѣзда, «ни для одного Съѣзда не было сдѣлано такъ много, какъ для Тифлисскаго. Августѣйшій Намѣстникъ Кавказа, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, предложилъ для засѣданій Съѣзда и помѣщенія гг. членовъ свой собственный дворецъ и отпустилъ на нужды Съѣзда и предварительныя работы 15,000 руб. Были составлены инструкціи, предприняты поѣздки, посланы экспедиціи, произведены раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа, былъ изданъ цѣлый томъ Трудовъ Предварительнаго Комитета. Предсѣдатель послѣдняго въ Москвѣ, Графъ А. С. Уваровъ самъ лично руководилъ предварительными раскопками и съ этою цѣлью провелъ на Кавказѣ лѣто и осень 1879, 1880 и 1881 годовъ, и производилъ раскопки въ горахъ и ущельяхъ Осетіи, въ Дагестанѣ въ долинѣ Аракса, въ Абаранскомъ и Делижанскомъ ущельяхъ, изучилъ Эчміадзинскую библіотеку и своими неутомимыми усиліями далъ сильный толчекъ къ дальнѣйшему изученію края. Ревностными помощниками Графа по части изученія вещественныхъ памятниковъ края были: В. Б. Антоновичъ и И. С. Поляковъ, Ф. С. Байернъ, А. А. Руссовъ, А. Д. Ерицовъ, К. И. Ольшевскій, Н. О. Цилоссани, И. Т. Бѣленькій, В. Л. Бернштамъ и А. В. Комаровъ. Гг. же Н. О. Эминъ, Л. П. Загурскій, В. Ѳ. Миллеръ, И. Д. Мансветовъ, Д. З. Бакрадзе, Е. Г. Вейденбаумъ и др. помогли дѣлу своими филологическими изученіями, указаніями на исторію и преданія страны, разъясненіемъ языковъ, историческихъ актовъ и проч.

Пятый Съѣздъ состоялся въ Тифлисѣ съ 8 по 21 сентября, 1881 года, подъ предсѣдательствомъ А. В. Комарова и при ближайшемъ содѣйствіи Графа А. С. Уварова, какъ Предсѣдателя Ученаго Комитета и Отдѣленія первобытныхъ древностей. Кромѣ участія въ трехъ общихъ собраніяхъ, и въ шестнадцати засѣданіяхъ по восьми отдѣленіямъ Съѣзда, члены его имѣли возможность ознакомиться съ мѣстными древностями на устроенной при

Съѣздѣ выставкѣ и принять участіе въ нѣсколькихъ археологическихъ экскурсіяхъ, именно въ Мцхетъ, въ Уплисъ-Цихе, въ Кутаисъ и въ Гелатскій монастырь, причемъ близъ Мцхета, подъ руководствомъ Ф. С. Байерна, была произведена раскопка нѣсколькихъ могилъ на древнемъ Самтаврскомъ кладбищѣ. Число членовъ и участниковъ V-го Съѣзда, по списку, помѣщенному въ «Трудахъ» Съѣзда, показано равнымъ 91, но въ списокъ этотъ вошли только тѣ члены, которые принимали болѣе близкое участіе въ занятіяхъ Съѣзда. Все количество членовъ, уплатившихъ членскій взносъ, посѣщавшихъ засѣданія Съѣзда и принимавшихъ участіе въ его экскурсіяхъ, было значительно больше и доходило, повидимому, до 400, судя по тому, что въ одной поѣздкѣ въ Кутаисъ участвовало болѣе 300 членовъ. Въ числѣ участниковъ Съѣзда было нѣсколько иностранныхъ ученыхъ, въ томъ числѣ: профессоръ Р. Вирховъ — изъ Берлина, д-ръ Обстъ — изъ Лейпцига и г. Эгеръ (Heger) — изъ Вѣны. Для обсужденія нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, въ продолженіе Съѣзда собирались и представляли свои доклады — нѣсколько особыхъ Коммиссій. Открытіе Съѣзда было соединено съ открытіемъ расширеннаго Кавказскаго Музея; съ другой стороны, Съѣздъ повелъ къ обновленію дѣятельности Общества Любителей Кавказской Археологіи. Мѣстное Тифлисское Общество выказало большое сочувствіе Съѣзду, чтò выразилось, между прочимъ, въ обѣдѣ данномъ членамъ Съѣзда Городскимъ Обществомъ и въ двухъ театральныхъ представленіяхъ, спеціально устроенныхъ для гостей-археологовъ въ Армянскомъ и Грузинскомъ театрахъ. Къ Съѣзду было подготовлено нѣсколько важныхъ научныхъ трудовъ, изъ числа коихъ особенно выдается: Сборникъ древнихъ Кавказскихъ надписей, составленный проф. Помяловскимъ. Въ послѣднемъ общемъ собраніи Съѣзда, Л. Н. Майковъ обратился съ рѣчью къ Графу А. С. Уварову, какъ къ «основателю Археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи» и «главному виновнику» Тифлисскаго Съѣзда, причемъ остановился, главнымъ образомъ, на заслугахъ Графа въ области научной литературы. Послѣ того говорилъ проф. Д. Я. Самоквасовъ объ участіи Графа въ области «археологической практики» и заявилъ, что въ виду научныхъ и общественныхъ заслугъ Графа, V-ый Археологическій Съѣздъ предположилъ ходатайствовать о разрѣшеніи поднести Графу А. С. Уварову золотую медаль, съ его изображеніемъ и съ надписью отъ V-го Археологическаго Съѣзда,—

какъ «знакъ глубочайшаго къ нему уваженія со стороны Общества и какъ выраженіе сердечной признательности со стороны членовъ V-го Археологическаго Съѣзда». По полученіи надлежащаго разрѣшенія и по изготовленіи медали, на сумму, собранную по подпискѣ между членами V-го Съѣзда, медаль эта была торжественно поднесена Графу, въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 2-го октября 1882 г., прибывшими изъ Петербурга, гг. Иверсеномъ и Ивановскимъ. — Изданіе Трудовъ V-го Съѣзда, предположенное въ Москвѣ, подъ редакціей Моск. Археол. Общества, замедлилось вслѣдствіе продолжительной болѣзни и затѣмъ кончины Графа А. С. Уварова и осуществилось только въ 1887 г., подъ редакціей Графини П. С. Уваровой и при матеріальномъ содѣйствіи Московск. Археологическаго Общества [1]).

На Тифлисскомъ Съѣздѣ было выражено желаніе устроить слѣдующій VI Съѣздъ въ Одессѣ, была послана по этому случаю запросная телеграмма Совѣту Новороссійскаго Университета и въ отвѣтъ получилась телеграмма, что Совѣтъ Университета считаетъ за честь принять на себя устройство VI Съѣзда въ 1884 г. По ходатайству Совѣта Новороссійскаго Университета и представленію г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, въ 29 день октября 1882 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на устройство въ 1884 году VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ и на созывъ, въ декабрѣ 1882 г. въ Москвѣ, Предварительнаго Комитета для выработки правилъ и программы Съѣзда съ отпускомъ (по примѣру прежнихъ Съѣздовъ) изъ Государственнаго Казначейства 3000 руб. на устройство означеннаго Съѣзда.

10 ноября 1882 г. Графъ А. С. Уваровъ, въ засѣданіи Московск. Археологическаго Общества, сообщилъ о ходѣ дѣлъ по устройству VI Съѣзда и просилъ членовъ озаботиться приготовленіемъ научныхъ вопросовъ, а въ декабрѣ того же года, съ 15 по 20 декабря, состоялось въ Москвѣ засѣданіе Предварительнаго Комитета Съѣзда, при участіи членовъ Московск. Археологическаго Общества и депутатовъ отъ С.-Петербургскаго, Москов-

[1]) Отъ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи V-го Съѣзда, осталось 1230 руб. 40 коп., которые и были высланы А. В. Комаровымъ въ Московское Археологическое Общество. Расходы по изданію Трудовъ Съѣзда однако значительно превысили эту сумму.

скаго, Новороссійскаго и Кіевскаго Университетовъ, Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и Русскаго Археологическаго Общества. Предсѣдателемъ Комитета, по предложенію Графа А. С. Уварова, былъ избранъ Н. Н. Мурзакевичъ, секретарями И. Д. Мансветовъ и Д. Н. Анучинъ. Комитетъ выработалъ правила Съѣзда (утвержденныя г. Министромъ, Народнаго Просвѣщенія 30 іюля 1883 г.) и составилъ списокъ 68-ми, предложенныхъ разными членами, вопросовъ. Дальнѣйшая подготовка Съѣзда нѣсколько замедлилась; во первыхъ, потому, что Графъ А. С. Уваровъ, по случаю болѣзни долженъ былъ уѣхать за границу, во вторыхъ, вслѣдствіе того, что въ Одессѣ встрѣтились нѣкоторые затрудненія при образованіи мѣстнаго, Комитета. Дѣло Съѣзда стало подвигаться впередъ только съ прибытіемъ осенью 1883 года въ Одессу профессора Н. П. Кондакова.

31-го августа 1883 г., образованная Совѣтомъ Новороссійскаго Университета Коммиссія по устройству VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ опредѣлила преобразоваться въ Одесскій Распорядительный Комитетъ, причемъ постановила пригласить къ участію въ немъ нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ въ качествѣ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателями Распорядительнаго Комитета, въ засѣданіи 17-го сентября, были избраны профессоры: Ѳ. И. Леонтовичъ и Н. П. Кондаковъ. Главный трудъ принялъ на себя Н. П. Кондаковъ, какъ то видно между прочимъ изъ многихъ его писемъ къ Графу А. С. Уварову, въ сентябрѣ и октябрѣ того же года (хранящихся при дѣлахъ Съѣзда, въ архивѣ Графини П. С. Уваровой.) Приглашенія на Съѣздъ разсылались за подписями Гр. А. С. Уварова, Ѳ. И. Леонтовича и Н. П. Кондакова, въ виду того, что по мнѣнію Комитета подпись Гр. А. С. Уварова имѣла въ данномъ случаѣ большое значеніе и что Н. Н. Мурзакевичъ отъ предсѣдательства отказался, тѣмъ болѣе, что былъ боленъ (онъ скончался въ томъ же году). Распорядительный Комитетъ постарался осуществить, намѣченныя Предварительнымъ Комитетомъ въ Москвѣ, экскурсіи: проф. В. Б. Антоновича — для изслѣдованія пещеръ и кургановъ по побережью Днѣстра, и Р. А. Прейделя и И. М. Видгальма — для разслѣдованія предполагаемыхъ кухонныхъ остатковъ на ост. Березани. Кромѣ того Комитетъ намѣтилъ еще экскурсію въ Константинополь для собиранія матеріаловъ по топографіи

Цареграда въ эпоху его завоеванія Турками и для изученія сохранившихся тамъ христіанскихъ памятниковъ. Экскурсія эта могла осуществиться, благодаря милостивому вниманію Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда, Великаго Князя Сергія Александровича, и ассигнованію по Высочайшему повелѣнію, въ пособіе Комитету, правительственной субсидіи въ 1200 руб. Въ экскурсіи приняли участіе: профессора Н. П. Кондаковъ, Ѳ. И. Успенскій и В. Г. Васильевскій, фотографъ Рауль, рисовальщикъ Красовскій, архитект. Люиксъ и художникъ Вилье. Экскурсія эта дала богатые матеріалы и массу фотографій, рисунковъ, плановъ, значительно обогатившихъ выставку при Съѣздѣ и содержаніе его «Трудовъ». Цѣлямъ Съѣзда, по порученіямъ Комитета, содѣйствовали также своими экскурсіями, развѣдками и собираніемъ матеріаловъ: проф. И. В. Лучицкій, гг. Эварницкій, Браунеръ, Залѣсскій и др.

Одесскій Съѣздъ былъ открытъ 15-го августа 1884 г. и продолжался до 1-го сентября. Предсѣдателемъ Съѣзда и его Совѣта былъ избранъ Графъ А. С. Уваровъ, который, несмотря на тяжкую болѣзнь, принялъ участіе въ занятіяхъ Съѣзда и даже сдѣлалъ нѣсколько ученыхъ рефератовъ. Предсѣдателемъ Ученаго Комитета Съѣзда былъ Н. П. Кондаковъ. Всѣхъ членовъ Съѣзда (по списку, напечатанному въ Трудахъ) значилось 372. Въ числѣ депутатовъ отъ разныхъ ученыхъ учрежденій были: Аспелинъ — отъ Гельсингфорскаго Университета, Любичъ и Рачки — отъ Хорватскаго Археологическаго Общества и Юго-Славянской Академіи, Пападопуло Керамевсъ — отъ Греческаго Филологическаго Общества въ Константинополѣ и д-ръ Ванкель — отъ Археологическаго Музея въ Ольмютцѣ. Съѣздъ раздѣлялся на 10 отдѣленій, изъ коихъ каждое имѣло по нѣскольку засѣданій, не считая трехъ общихъ собраній. При Съѣздѣ (въ зданіи университета) была устроена выставка, на которой были выставлены археологическіе предметы, фотографіи и рисунки, доставленные экспедиціями по Днѣстру и въ Константинополь, а также предметы изъ коллекцій Д. Я. Самоквасова, Елисаветградскаго реальнаго училища, И. И. Куриса, А. И. Поля, И. К. Сучучана, Н. А. Фадѣевой и другихъ и копіи съ древнихъ мозаикъ и фресокъ Кіевскихъ церквей, исполненныя А. В. Праховымъ. Къ Съѣзду были предприняты также изданія: «Карты древнихъ поселеній на югѣ Россіи», состав. проф. Л. Ф. Воеводскимъ, — трехъ выпусковъ труда А. А

Матвѣева — «Къ вопросу объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи» и — Сборника всѣхъ древне-греческихъ колоній береговъ Чернаго моря. Изданіе послѣдняго труда приняло на себя Русское Археологическое Общество, подъ редакціей В. В. Латышева. По окончаніи Съѣзда была организована археологическая экскурсія въ Крымъ, именно въ Севастополь, Херсонесъ, Инкерманъ, Георгіевскій монастырь, Бахчисарай и пещерные города (Чуфутъ-Кале и др.).

Немедленно по окончаніи Одесскаго Съѣзда приступилъ къ дѣйствіямъ редакціонный Комитетъ его, и уже въ 1886 году могъ появиться первый томъ «Трудовъ Съѣзда». Какъ сказано въ предисловіи редакціоннаго Комитета, труды VI-го Съѣзда обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ благосклонному участію Почетнаго Предсѣдателя Съѣзда Великаго Князя Сергія Александровича и ходатайству г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Послѣдовавшимъ 25-го января 1885-го года, по докладу г. Министра Финансовъ, Высочайшимъ повелѣніемъ—въ пособіе редакціонному Комитету, на изданіе Трудовъ Съѣзда ассигновано изъ суммъ Государственнаго Казначейства 5000 рублей. Въ первомъ томѣ «Трудовъ», посвященномъ памяти покойнаго Графа А. С. Уварова, помѣщены, кромѣ многихъ рефератовъ: біографическій очеркъ и портретъ Графа: правила Съѣзда и вопросы, предложенные на его обсужденіе; списокъ членовъ: краткій очеркъ выставки при Съѣздѣ и отчетъ Распорядительнаго Комитета по устройству VI Археологическаго Съѣзда въ Одессѣ. Къ сожалѣнію, редакціонный Комитетъ не нашелъ возможнымъ помѣстить протоколы засѣданій и преній, а ограничился только перечнемъ прочитанныхъ на Съѣздѣ рефератовъ. Онъ не могъ также составить каталога выставки, хотя озаботился изготовленіемъ фотографическихъ снимковъ съ болѣе интересныхъ, по его мнѣнію, предметовъ древностей, въ видѣ альбома изъ 63 таблицъ in 4°. Зато онъ принялъ всѣ мѣры къ возможно полному изданію Трудовъ Съѣзда, которыхъ вышло покуда три тома in 4°, со множествомъ таблицъ (фототипій), картъ и т. д., и имѣетъ выйти еще одинъ томъ, четвертый.

На Одесскомъ Съѣздѣ было предложено устроить слѣдующій Съѣздъ въ Харьковѣ. Въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 7-го мая 1885 года Предсѣдатель его, Графиня П. С. Уварова, предложила избрать Комитетъ для подготовки VII Съѣзда. Комитетъ составился подъ предсѣдательствомъ И. Е.

Забѣлина изъ 13 членовъ Московскаго Археологическаго Общества. Въ засѣданіи 24 сентября того же года Графиня Уварова предложила Обществу перемѣнить назначенное прежде мѣсто Съѣзда, Харьковъ, на Ярославль, мотивируя свое предложеніе отсутствіемъ памятниковъ древности какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. «Между тѣмъ Ярославль, будучи самъ древнимъ городомъ, богатъ памятниками старины и находится среди другихъ древнихъ городовъ: между прочимъ въ его сосѣдствѣ находится Ростовъ, въ которомъ въ послѣднее время возстановлено нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ древности, благодаря сочувствію и трудамъ г. Ярославскаго Губернатора, В. Д. Левшина и Ростовскихъ археологовъ. Предложеніе Графини Уваровой было принято сочувственно Обществомъ и постановлено обратиться съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ къ г. Министру Народнаго Просвѣщенія, который и изъявилъ на него свое согласіе и разрѣшилъ собрать на рождественскихъ вакаціяхъ Предварительный Комитетъ по устройству предполагаемаго въ 1887 году, VII Археологическаго Съѣзда въ г. Ярославлѣ. Назначеніе мѣстомъ будущаго Съѣзда — г. Ярославля вызвало полное сочувствіе въ представителяхъ мѣстнаго Ярославскаго Общества. Продолжительная болѣзнь И. Е. Забѣлина помѣшала ему, къ сожалѣнію, принять дѣятельное участіе въ трудахъ Предварительнаго Комитета, вслѣдствіе чего, въ экстренномъ засѣданіи 10 декабря 1885 года былъ избранъ исправляющимъ должность Предсѣдателя В. Е. Румянцевъ. Засѣданія Предварительнаго Комитета, съ участіемъ представителей ученыхъ учрежденій, университетовъ и Обществъ, состоялись 8-го и 9-го января 1886 года. Въ нихъ были выработаны правила будущаго Съѣзда и заявлено много вопросовъ и запросовъ по различнымъ отдѣламъ археологической науки».

Предварительный Комитетъ въ Москвѣ началъ свои дѣйствія 8 января 1886 года, Ярославскій же имѣлъ свое первое засѣданіе только 15 апрѣля того же года. Московское Археологическое Общество, озабочиваясь успѣхомъ Съѣзда, обратилось съ просьбой о содѣйствіи къ ученымъ Обществамъ, университетамъ, статистическимъ комитетамъ, извѣстнымъ ученымъ и т. д. Особенно сочувственный откликъ былъ полученъ съ восточной окраины, изъ Вятки, гдѣ какъ самъ губернаторъ, г. Волковъ, такъ и статистическій комитетъ съ секретаремъ Спасскимъ, и многія другія лица (особенно инспекторъ училищъ Глазовскаго уѣзда,

Н. Г. Первухинъ, и преподаватель исторіи въ Вятской женской гимназіи, А. А. Спицынъ) серьезно взялись за дѣло и оказали большое содѣйствіе Обществу, какъ присылкою коллекцій, такъ и участіемъ въ экспедиціяхъ и доставленіемъ по нимъ отчетовъ. Въ Пермской губерніи оказали содѣйствіе Обществу Ѳ. А. Теплоуховъ, Е. Н. Шишонко и др. лица. Мѣстный Ярославскій Предварительный Комитетъ составился подъ предсѣдательствомъ г. директора Демидовскаго Юридическаго Лицея, С. М. Шпилевскаго, изъ 9 лицъ, и поднялъ много вопросовъ относительно желательныхъ для Съѣзда археологическихъ изданій и раскопокъ, только часть коихъ впрочемъ могла осуществиться. Благодаря стараніямъ обоихъ Комитетовъ, Московскаго и Ярославскаго, была устроена при Съѣздѣ выставка (въ залахъ Лицея), были приготовлены, для менѣе достаточныхъ членовъ, даровыя помѣщенія, выхлопотаны льготы по проѣзду и т. д.

VII Археологическій Съѣздъ въ Ярославлѣ происходилъ съ 6 по 20 августа 1887 года. Предсѣдателемъ Съѣзда былъ избранъ И. Е. Забѣлинъ; Предсѣдателемъ Ученаго Комитета—С. М. Шпилевскій; Предсѣдателемъ Распорядительнаго Комитета Графиня П. С. Уварова. Съѣздъ раздѣлился на 7 отдѣленій, на засѣданіяхъ которыхъ и въ трехъ общихъ собраніяхъ было сдѣлано 69 рефератовъ. Все число членовъ Съѣзда, по списку, приведенному въ «Извѣстіяхъ о занятіяхъ VII Съѣзда», равнялось 240. Кромѣ участія въ засѣданіяхъ, гг. Члены Съѣзда осматривали Ярославскія святыни и древности и предпринимали три экскурсіи: въ Ростовъ-Великій, въ Романовъ-Борисоглѣбскъ и въ с. Темерево, въ 15 вер. отъ Ярославля, послѣднюю — для раскопки кургановъ. Ярославль и Ростовъ чествовали пріѣзжихъ гостей-археологовъ роскошными обѣдами и старались выказать свое радушіе за оказанное имъ русскими учеными вниманіе. Матерьяломъ для ознакомленія съ дѣятельностью Ярославскаго Съѣзда служатъ покуда издававшіяся въ продолженіе его «Извѣстія» (протоколы засѣданій) и составленный гр-ней Уваровой — катологъ выставки Съѣзда. Въ настоящее время, впрочемъ, Московское Археологическое Общество приступило къ печатанію Трудовъ Съѣзда и многочисленныхъ относящихся къ нимъ таблицъ и рисунковъ. Между прочимъ, имѣется въ виду опубликовать возможно полныя и обстоятельныя данныя о старинныхъ Ярославскихъ церквахъ, ихъ архитектурѣ, живописи и т. д., въ виду недостаточной извѣстности этихъ памятниковъ, предста-

вляющихъ между тѣмъ большую важность для исторіи русскаго искусства.

Слѣдующій, VIII Съѣздъ, по предложенію Графини Уваровой, было рѣшено устроить въ Москвѣ, въ январѣ 1890 года, и соединить открытіе его съ чествованіемъ 25-лѣтняго юбилея Московскаго Археологическаго Общества. По полученіи разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, былъ созванъ Предварительный Комитетъ изъ депутатовъ Ученыхъ Учрежденій и Членовъ Московскаго Археологическаго Общества, который, въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ своихъ, выработалъ правила Съѣзда и поставилъ рядъ вопросовъ и запросовъ. Дальнѣйшая дѣятельность по подготовкѣ Съѣзда была принята на себя, главнымъ образомъ, графиней П. С. Уваровой. Дѣятельность эта была направлена, преимущественно, къ скорѣйшему изданію накопившихся Трудовъ Общества, Трудовъ Ярославскаго Съѣзда, Матеріаловъ по Археологіи Кавказа и нѣкоторыхъ трудовъ покойнаго Графа А. С. Уварова; затѣмъ, къ собранію возможно бо́льшаго числа коллекцій для выставки, ихъ размѣщенію и каталогизаціи, также къ собранію возможно бо́льшаго количества матерьяловъ для Археологической карты Россіи; и наконецъ—къ составленію отчета о дѣятельности Общества за 25 лѣтъ его существованія.

Очертивъ внѣшнюю исторію русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ, намъ необходимо сдѣлать обзоръ достигнутыхъ ими результатовъ по отношенію къ наукѣ о древностяхъ и къ изслѣдованію памятниковъ русской старины. Результаты Съѣздовъ выражаются:

1) въ подготовленныхъ и изданныхъ къ Съѣздамъ—трудахъ;

2) въ организаціи экспедицій и экскурсій, для представленія на Съѣзды новыхъ археологическихъ матеріаловъ;

3) въ устройствѣ археологическихъ выставокъ содѣйствовавшихъ обогащенію новыми коллекціями—музеевъ;

4) въ сближеніи между дѣятелями на поприщѣ археологіи и въ коллективномъ обсужденіи ими различныхъ вопросовъ и фактовъ по русскимъ древностямъ;

5) въ постановкѣ новыхъ археологическихъ вопросовъ и задачъ, въ собираніи матеріаловъ для ихъ разрѣшенія и въ разработкѣ методовъ Археологическихъ разысканій.

6) въ изданіи многихъ крупныхъ и важныхъ археологическихъ трудовъ, съ приложеніемъ рисунковъ, плановъ, картъ

и т. д., — трудовъ, бросившихъ новый свѣтъ на цѣлый рядъ важныхъ вопросовъ;

7) въ распространеніи археологическихъ свѣдѣній въ мѣстномъ обществѣ и возбужденіи въ немъ интереса къ мѣстнымъ древностямъ.

I. Подготовленіе Трудовъ выражается до извѣстной степени, во всей той массѣ рефератовъ, которыя были доложены на Съѣздахъ. Несомнѣнно, что еслибы не было Съѣздовъ — многіе изъ этихъ рефератовъ не были бы обработаны и не явились бы въ свѣтъ. Съѣзды служили побудительнымъ импульсомъ къ дѣятельности многихъ изслѣдователей, возбуждали въ нихъ соревнованіе и направляли ихъ къ изученію различныхъ вопросовъ или памятниковъ древности. Но кромѣ того, Съѣзды вызывали появленіе особыхъ трудовъ, спеціально въ виду ихъ предпринимавшихся, заключавшихъ въ себѣ отвѣты на нѣкоторые изъ предложенныхъ вопросовъ и издававшихся ко времени открытія Съѣздовъ. Изданіе такихъ трудовъ началось съ III-го Съѣзда, ко времени открытія котораго были изданы:

1) Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей, сост. В. Б. Антоновичемъ и Ф. А. Терновскимъ, по порученію Кіевской Археологической Коммиссіи.

2) Археологическая карта береговъ Днѣпра отъ Вышгорода до устья Роси, составленная В. Б. Антоновичемъ.

Къ IV-му, Казанскому Съѣзду было издано бо́льшее число трудовъ, именно:

3) Шпилевскій С. М. Древніе города и другіе Булгарско-Татарскіе памятники въ Казанской губ. Посвящается IV Археологическому Съѣзду. Казань, 1877. (Приложеніе къ «Учен. Зап. И. Каз. Ун. 1877 г.») Этотъ обширный Трудъ (X+585 стр. 8⁰) заключаетъ въ себѣ богатый сводъ данныхъ о Булгарско-Татарской культурѣ.

4) Заринскій П. Г. Очерки древней Казани, преимущественно XVI в. Съ планомъ Казани, Каз. 1877. 219 стр. 8⁰.

5) Невоструевъ К. И. Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ, 1566—1568. Изд. Сов. Каз. Дух. Акад. къ IV Археол. Съѣзду въ Казани, подъ ред. свящ. Е. А. Малова. Каз. 1877. 88 стр. 8⁰.

6) Миллеръ В. Ѳ. Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ». Посв. IV Арх. Съѣзду въ Казани. 1877 г. Стр. II—260, 8⁰.

7) Золотницкій Н. И. Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ Черемисъ. Каз. 1877, 8° («Уч. Зап. Каз. Унив.» 1877, стр. 735—759).

8) Аристовъ Н. Я. О землѣ Половецкой. Ист.-Геогр. Очеркъ. (Изд. «Изв. Ист.-Фил. Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1877 г.). Кіевъ, 26 стр. 8°.

Кромѣ того къ Съѣзду былъ сдѣланъ опытъ составленія Археологической карты Казанской губ.—Е. Т. Соловьевымъ; (объясненіе ошибокъ и неточностей этой карты находятся въ запискѣ И. А. Износкова), а также — опытъ Этнографической карты Казанской губ.—И. А. Износковымъ, при помощи Н. И. Золотницкаго.

Къ V-му Тифлисскому Съѣзду были изданы:

9) Труды Предварительныхъ Комитетовъ Тифлисскаго Съѣзда. Изд. подъ ред. П. Д. Мансветова. М. 1882, 621 стр. 4° съ 47 таблицами рисунковъ.

10) Сборникъ древнихъ греческихъ Кавказскихъ надписей сост. проф. И. В. Помяловскимъ.

Кромѣ того, для Съѣзда были собраны Дербентскія надписи (А. В. Комаровымъ) и предпринятъ сводъ Грузинскихъ надписей Д. З. Бакрадзе.

Къ VI-му Одескому Съѣзду было предпринято изданіе:

11) Сборникъ надписей древне-греческихъ колоній Чернаго моря, подъ ред. В. В. Латышева. (Изданіе это было закончено уже послѣ Съѣзда на средства Русскаго Археологическаго Общества, подъ названіемъ: «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae». Спб. 1885 г.

Кромѣ того были изданы:

12) Карта древнихъ поселеній на югѣ Россіи, сост. проф. Л. Ф. Воеводскимъ (была приложена къ членскимъ билетамъ).

13) Три брошюры А. А. Матвѣева. «Къ вопросу объ Археологическихъ изслѣдованіяхъ въ южной Россіи». Вып. I. Этнографія, Вып. II. Программа историко-географическихъ свѣдѣній. Вып. III. Археологія. Од. 1884 г.

Наконецъ, VI-му Съѣзду были посвящены еще слѣдующія изданія:

14) П. О. Бурачковъ. Сборникъ матеріаловъ для изученія искусства и монетнаго производства у народовъ, жившихъ въ древности на югѣ нынѣшней Россіи въ періодъ пребыванія

тамъ Эллиновъ. Съ изображеніями на XXXII табл. Ч. I. Общій каталогъ монетъ. Од. 1884 г.

15) А. В. Орѣшниковъ. Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартакидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ. М. 1884 г.

16) I. R. Aspelin. La Rosomonorum gens et Ruotsi. Etude d'histoire et d'archéologie. Respectueusement dédiée au Congrés Archéologique d'Odessa. Hels. 1884 г.

17) Collection Lemmé à Odessa, décrite par M. F. 1-re partie: Orfèvrerie antique. Dédié au VI-me Congrès Archéologique. Odessa. 1884 г.

Къ открытію VII-го Ярославскаго Съѣзда были составлены и изданы Гр. Уваровой:

18) Каталогъ ризницы Спасо-Преображенскаго монастыря въ Ярославлѣ, съ рисунками.

19) Два выпуска Каталога собранія древностей Гр. А. С. Уварова.

Кромѣ того къ этому времени вышли:

20) И. А. Шляковъ. Путевыя замѣтки о памятникахъ древне-русскаго церковнаго зодчества. 1887. 8°.

21) А. А. Титовъ. Троицкій Желтоводскій монастырь. 1888. 8°.

22) А. А. Титовъ. Ростовская и Ярославская старина. Вып. 1. Яр. 1887.

II. Спеціальная организація ученыхъ экспедицій въ виду Съѣздовъ была начата въ 1879 г., Подготовительнымъ Комитетомъ V-го Тифлисскаго Съѣзда. Въ 1879—81 годахъ какъ самъ Гр. Уваровъ, такъ и многіе изъ его сотрудниковъ: проф. Антоновичъ, гг. Поляковъ, Бернштамъ, Цилоссани и др. — производили изслѣдованія Кавказскихъ пещеръ, могильниковъ, кургановъ, и совокупными усиліями значительно содѣйствовали ознакомленію съ малоизвѣстными памятниками Кавказской древности.—Къ VI-му, Одескому Съѣзду была предпринята экскурсія въ Константинополь, въ составѣ 6—7 лицъ, подъ руководствомъ профессоровъ Кондакова, Успенскаго и Васильевскаго, для уясненія топографіи Цареграда въ эпоху его завоеванія Турками и для изученія сохранившихся его памятниковъ. Экскурсія эта дала матеріалъ для цѣлаго тома трудовъ VI Съѣзда и значительно обогатила имѣвшіяся свѣдѣнія по археологіи Константинополя. Кромѣ того были предприняты поѣздки съ археологическими цѣлями: проф. Антоновичемъ, причемъ были открыты, между

прочимъ замѣчательныя пещеры съ оригинальными изображеніями на ихъ стѣнахъ, и гг. Пренделемъ и Видгальмомъ на о—въ Березань. Къ VII Съѣзду были предприняты раскопки нѣсколькихъ группъ Ярославскихъ кургановъ и снаряжена экспедиція въ различныя мѣстности Пермской, Вятской, Оренбургской, Самарской губ. и Тургайской области — для изученія находящихся тамъ городищъ, кургановъ и другихъ памятниковъ древности.

III. Устройство археологическихъ выставокъ было одною изъ задачъ всѣхъ Съѣздовъ, начиная съ I-го. Первоначально выставки устраивались изъ предметовъ, уже имѣвшихся ранѣе въ различныхъ хранилищахъ, но затѣмъ предпочтеніе стало отдаваться, по преимуществу, новымъ коллекціямъ, собраннымъ въ промежутокъ отъ одного Съѣзда до другого, обществами и частными лицами, а также—находящимся въ трудно доступныхъ частныхъ собраніяхъ, отдаленныхъ церквахъ и т. д. Начиная съ III-го, Кіевскаго Съѣзда, каждая выставка заключала въ себѣ много новаго, не бывшаго извѣстнымъ раньше, по крайней мѣрѣ большинству археологовъ или существенно пополнявшаго уже извѣстное. Къ сожалѣнію, не всѣ выставки, открывавшіяся при Съѣздахъ, были описаны или изучены, какъ слѣдуетъ; поздняя часто доставка предметовъ и краткость времени, въ теченіи коего они были доступными для изученія—служили одною изъ причинъ, почему распорядители Съѣздовъ не успѣвали иногда составить и издать каталогъ выставленныхъ предметовъ. О выставкахъ, бывшихъ, напримѣръ при Тифлисскомъ и Одесскомъ Съѣздахъ, мы можемъ судить только по краткимъ ихъ обзорамъ, помѣщеннымъ либо въ «Трудахъ» этихъ Съѣздовъ, либо въ отчетахъ о нихъ частныхъ лицъ. Одесскій Комитетъ снялъ однако фотографіи со многихъ предметовъ и коллекцій и составилъ такимъ образомъ большой альбомъ изъ 63 таблицъ. Во время Ярославскаго Съѣзда, благодаря стараніямъ Графини Уваровой, составленъ былъ какъ указатель выставки, такъ и альбомъ съ фотографическими снимками болѣе замѣчательныхъ и лишь временно выставленныхъ предметовъ. [1]) Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что многіе предметы и коллекціи, присланные на Съѣздъ частными лицами, поступали затѣмъ въ мѣстные музеи—при Кіевскомъ и Казан-

[1]) Указатель этотъ имѣетъ быть, въ исправленномъ и пополненномъ видѣ помѣщенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми рисунками, въ «Трудахъ» Съѣзда.

скомъ университетахъ, въ Тифлисскій музей, Эрмитажъ и Историческій музей въ Москвѣ.

IV. Что касается до сближенія между людьми, занимающимися и интересующимися древностями, то заслуга Съѣздовъ въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, большая. Переносясь изъ одного города въ другой, Съѣзды давали возможность мѣстнымъ дѣятелямъ по археологіи знакомиться и сближаться съ столичными учеными и обратно, что было полезно какъ тѣмъ, такъ и другимъ, въ смыслѣ обогащенія свѣдѣній и болѣе широкаго освѣщенія археологическихъ вопросовъ. Кромѣ общихъ собраній, на Съѣздахъ обыкновенно устраивались спеціальныя, по отдѣленіямъ, чтенія рефератовъ, которые сопровождались часто преніями, вызывавшими обмѣнъ мнѣній и способствовавшими пополненію и разъясненію тѣхъ или иныхъ фактовъ или выводовъ изъ нихъ. На первомъ Съѣздѣ, 1869-го года, были установлены 6 отдѣленій: I) Древности первобытныя; II) Древнерусское искусство: архитектура; III) Памятники языка, письма и быта; IV) Древности юридическія; V) Восточныя древности; VI) Древности классическія и византійскія. На второмъ, С.-Петербургскомъ Съѣздѣ, отдѣленія юридическихъ древностей не было, памятники языка были отдѣлены отъ памятниковъ быта, и какъ къ первымъ, такъ и ко вторымъ были прибавлены памятники славянскіе, а къ отдѣленію классическихъ и византійскихъ древностей еще древности западно-европейскія. Такимъ образомъ, на II Съѣздѣ были образованы слѣдующія отдѣленія: I) Древности первобытныя; II) Памятники русскіе и славянскіе искусствъ и художествъ; II) Памятники русскіе и славянскіе языка и письма; IV) Памятники русскіе и славянскіе бытовые; V) Древности восточныя; VI) Древности классическія, византійскія и западно-европейскія. На третьемъ, Кіевскомъ Съѣздѣ, славянскіе памятники искусства были опущены, но оставлены славянскіе памятники языка и быта, причемъ понятіе о «бытѣ» было пояснено опредѣленіемъ: «домашній и общественный», и, кромѣ того, образованы два новыхъ отдѣленія: церковнаго быта и исторической географіи и этнографіи. Такимъ образомъ, на III Съѣздѣ было установлено всего восемь отдѣленій: I) Древности первобытныя; II) Историческая географія и этнографія Россіи и Славянскихъ земель; III) Русскіе памятники искусствъ и художествъ; IV) Бытъ домашній и общественный на Руси и у славянскихъ народовъ; V) Бытъ церков-

ный; VI) Русскіе и славянскіе памятники языка и письма; VII) Древности классическія, византійскія и западно-европейскія; VIII) Древности восточныя. На IV, Казанскомъ Съѣздѣ отдѣленіе классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ древностей было признано излишнимъ, упоминаніе о славянскихъ древностяхъ—также, и «бытъ церковный» былъ замѣненъ «бытомъ религіознымъ. Всего составилось, слѣдовательно, семь отдѣленій: I) Древности первобытныя; II) Историческая географія и этнографія; III) Памятники искусствъ и художествъ; IV) Бытъ домашній и общественный; V) Бытъ религіозный; VII) Памятники языка и письма; VII) Древности восточныя. На V-мъ, Тифлисскомъ Съѣздѣ отдѣленіе «быта домашняго и общественнаго» было упразднено, наоборотъ «классическія древности» были возстановлены и соединены съ «языческими»; вмѣсто «церковнаго быта» были введены «памятники христіанскіе», вмѣсто «восточныхъ древностей» — «памятники мусульманскіе»; наконецъ, въ виду особаго положенія Кавказа, кромѣ «памятниковъ письменности и языка», было открыто еще отдѣленіе лингвистики. Такимъ образомъ, Тифлисскій Съѣздъ подраздѣлялся на 8 отдѣленій: I) Памятники первобытные; II) Памятники языческіе и классическіе; III) Памятники христіанскіе; IV) Памятники мусульманскіе; V) Памятники искусствъ и художествъ; VI) Памятники письменности и языка; VII) Лингвистика; VIII) Историческая географія и этнографія. На VI-мъ, Одесскомъ, Съѣздѣ—отдѣленія «памятниковъ христіанскихъ», «памятниковъ мусульманскихъ» (и вообще—восточныхъ), а также «лингвистики»—были упразднены, «памятники языческіе» отдѣлены отъ «памятниковъ классическихъ» и возстановлены отдѣленія «памятниковъ общественнаго и домашняго быта» и «памятниковъ юридическихъ». Такимъ образомъ, на VI Съѣздѣ было всего 8 отдѣленій: I) Памятники первобытные; II) Памятники языческіе; III) Памятники классическіе; IV) Памятники общественнаго и домашняго быта; V) Памятники юридическіе; VI) Памятники искусствъ и художествъ; VII) Памятники письменности и языка; VIII) Памятники исторической географіи и этнографіи. Въ правилахъ этого Съѣзда, было еще прибавлено: «Кромѣ того на Съѣздѣ обсуждаются вопросы обще-археологическіе».—На VII, Ярославскомъ Съѣздѣ, было образовано 7 отдѣленій: I) Древности первобытныя; II) Древности историческія, географическія и этнографическія; III) Памятники русскаго искусства и художествъ; IV) Древности

церковныя; V) Древности домашняго и общественнаго быта; VI) Памятники славяно-русскаго языка и письма; VII) Древности восточныя. Наконецъ, на VIII-мъ Съѣздѣ предположены отдѣленія: I) Древности первобытныя; II) Древности историко-географическія и этнографическія; III) Памятники искусствъ и художествъ; IV) Русскій бытъ домашній, юридическій и общественный; V) Памятники церковные; VI) Памятники славяно-русскаго языка и письма; VII) Древности классическія, славяно-византійскія и западно-европейскія; VIII) Древности восточныя и языческія; IX) Памятники археографическіе.

На каждомъ Съѣздѣ, по каждому отдѣленію было хотя одно засѣданіе, но на нѣкоторыхъ Съѣздахъ иныя отдѣленія имѣли по шести и по семи засѣданій. Общее число засѣданій было: наи большее на VI-мъ, Одесскомъ Съѣздѣ — 38, наименьшее — на I-мъ, Московскомъ — 19. На второмъ Съѣздѣ было 20 засѣданій; на третьемъ — 27, на четвертомъ — 24, на пятомъ—20, на шестомъ—38, на седьмомъ (Ярославскомъ) — 21 [1]), и того, на всѣхъ Съѣздахъ — 169 засѣданій. Представляло бы нѣкоторый интересъ—опредѣлить, какъ эти засѣданія размѣщались по отдѣленіямъ: изъ этого можно было бы вывести, какія отрасли археологіи преимущественно разработывались на Съѣздахъ или, по крайней мѣрѣ, какіе вызывали большее число рефератовъ и большее число лицъ, желающихъ эти рефераты слушать. Но такое опредѣленіе представляетъ нѣкоторое затрудненіе въ виду того, что отдѣленія, какъ мы видѣли выше, мѣнялись; иногда два соединялись въ одно, или, наоборотъ, одно раздѣлялось на два. Кромѣ того, иногда, за недостаткомъ времени, или потому, что названіе реферата не соотвѣтствовало его содержанію, или наконецъ по другимъ причинамъ—въ одномъ засѣданіи совмѣщались рефераты по различнымъ отдѣламъ археологіи. Принимая это въ соображеніе, можно все-таки сказать, что наибольшее число засѣданій было по отдѣленіямъ:— «первобытныхъ древностей» —28, а съ двумя засѣданіями «языческихъ древностей», на Одесскомъ Съѣздѣ,—30; «древне-русскаго искусства» (или— «памятниковъ искусствъ и художествъ»)—24, а съ «древностями церковными» и «памятниками

[1]) Относительно нѣкоторыхъ Съѣздовъ, не помѣстившихъ въ своихъ «Трудахъ» протоколовъ засѣданій число засѣданій, могло быть указано только приблизительно, на основаніи издававшихся во время Съѣзда извѣстій. Это примѣнимо особенно, къ Одесскому Съѣзду, гдѣ, можетъ быть, было—однимъ, двумя засѣданіями больше.

христіанскими» —28, и — «памятниковъ языка и письма (съ «лингвистикой») — 21. Затѣмъ слѣдуютъ отдѣленія: «исторической географіи и этнографіи» — 19, «памятники домашняго, общественнаго и юридическаго быта» — 17, «древности классическія, византійскія, западныя, (и—на одномъ Съѣздѣ — «языческія»)—17 и наконецъ—«древности восточныя» (и — «мусульманскія») — 12. Кромѣ того было еще 4 засѣданія для иностранныхъ гостей (съ рефератами на иностранныхъ языкахъ) и 21 засѣданіе—общихъ, торжественныхъ (для открытія Съѣзда), заключительныхъ или— для обсужденія общихъ вопросовъ). По отдѣльнымъ Съѣздамъ засѣданія распредѣлялись такъ:

ОТДѢЛЕНІЯ.	I Съѣздъ Московскій.	II Съѣздъ С.-Петербург.	III Съѣздъ Кіевскій.	IV Съѣздъ Казанскій.	V Съѣздъ Тифлисскій.	VI Съѣздъ Одесскій.	VII Съѣздъ Ярославскій.	Итого.
Первобытныя древности. . . .	4	4	3	7	3	3 и 2 языч.	4	30
Искусства и художества. . . .	5	3	4 и 2 церк.	2	3 и 1 христ.	3	4 и 1 христ.	28
Памятн. языка и письма. . . .	2	3	6	3	1 и 1 лингв.	3	2	21
Домашній, общественн. и юридическій бытъ. . .	1	3	3	2	—	7	1	17
Историч. географія и этнографія.	—	—	3	4	3	5	4	19
Древности классическія, византійскія и западныя	2	2	1	—	3 и языческія.	6 класс. 3 виз.	—	17
Древности восточныя. . . .	1	2	1	3	1	2	2	12
Особыя засѣданія для иностранныхъ гостей. . . .	—	—	2	—	1	1	—	4
Общія собранія или по общимъ вопросамъ. . .	4	3	2	3	3	3	3	21
Итого. . .	19	20	27	24	20	38	21	169

Что касается рефератовъ, то опредѣлить точно полное ихъ число, по имѣющимся даннымъ, трудно. Если принять во вниманіе только тѣ, которые напечатаны въ «Трудахъ» Съѣздовъ, то мы получимъ количество значительно ниже дѣйствительнаго. Многіе рефераты были читаны, но не были напечатаны, или были помѣщены въ другихъ изданіяхъ, или вошли въ сокращенномъ видѣ въ протоколы Съѣздовъ; съ другой стороны, нѣкоторые рефераты вызывали довольно продолжительныя и обстоятельныя возраженія или дополненія, которыя иногда сами по себѣ представляли значеніе рефератовъ и даже превосходили по величинѣ и содержанію нѣкоторыя изъ напечатанныхъ сообщеній. Но о такихъ «дополненіяхъ» можемъ мы судить только по «Трудамъ» тѣхъ Съѣздовъ, въ которые вошли полные протоколы засѣданій; относительно же другихъ Съѣздовъ мы должны довольствоваться только указаніями на перечень или число сдѣланныхъ сообщеній, не имѣя возможности опредѣлить, какія изъ нихъ вызвали болѣе продолжительныя пренія, и насколько были подробны и обстоятельны высказанныя при этомъ замѣчанія и дополненія. Вслѣдствіе этой неодинаковой полноты напечатанныхъ протоколовъ и трудовъ, числа рефератовъ, которыя мы можемъ вывести для отдѣльныхъ Съѣздовъ, имѣютъ неодинаковую степень точности. При болѣе полной редакціи Трудовъ, число рефератовъ и замѣчаній на нихъ, при равныхъ другихъ условіяхъ, должно быть больше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда протоколы напечатаны въ сокращенномъ видѣ, и въ особенности, когда они не приложены вовсе. Сдѣлавъ эту оговорку, можно сказать, что наибольшее число рефератовъ, сообщеній, замѣчаній, возраженій— было сдѣлано на Съѣздахъ: Кіевскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ, причемъ, по числу собственно рефератовъ, пальма первенства принадлежитъ, кажется, Одесскому Съѣзду (117 перечисленныхъ въ перечнѣ «Трудовъ»—рефератовъ). Вообще же, всѣхъ сообщеній было:

На	I, Московскомъ Съѣздѣ . .	57.	
—	II, С.-Петербургскомъ . до	70.	
—	III, Кіевскомъ . . . . до	110.	
—	IV, Казанскомъ . . . до	122.	
—	V, Тифлисскомъ	86	(однихъ заявленныхъ рефератовъ).
—	VI, Одесскомъ	117	(перечисленныхъ въ спискѣ).

На VII, Ярославскомъ. . . . 69 (однихъ заявленныхъ рефератовъ).

Всего 631 рефератъ, или по 3,8 реферата на засѣданіе.

Кромѣ засѣданій, члены Съѣздовъ участвовали еще иногда въ особыхъ коммиссіяхъ и въ археологическихъ прогулкахъ, экскурсіяхъ и раскопкахъ.

Подобныя экскурсіи начались съ III-го, Кіевскаго Съѣзда, и съ тѣхъ поръ сдѣлались обычными. Въ Кіевѣ — члены Съѣзда осматривали древности города, ѣздили въ Межигорскій монастырь, осматривали пещеры по Днѣпру, раскапывали курганы у с. Гатнаго. Въ Казани — осматривали булгарскія и татарскія древности, ѣздили въ Болгары и въ Свіяжскъ. Въ Тифлисѣ — посѣщали Мцхетъ, производили раскопки на Самтаврскомъ кладбищѣ, осматривали Уплисъ-цихе, развалины Кутаисскаго храма, Гелатскій монастырь и его ризницу. Въ Одессѣ осматривали нѣкоторыя мѣстныя коллекціи и ѣздили, по окончаніи Съѣзда, въ Крымъ, для осмотра Херсонеса, Инкермана, Балаклавы, Чуфутъ-Кале, Бахчисарая и т. д. Наконецъ — во время Ярославскаго Съѣзда, поучались на мѣстныхъ святыняхъ, осматривали старинные храмы и ихъ живопись, совершали экскурсіи въ Ростовъ и въ Романовъ-Борисоглѣбскъ, раскапывали курганы у с. Тимерева. Во время этихъ осмотровъ и экскурсій представлялась возможность не только посмотрѣть старину, но и послушать спеціалистовъ, изъяснявшихъ тѣ или иные памятники, въ отношеніи къ ихъ древности, исторіи, значенія, техники постройки, художественнаго стиля и т. д.

V. Что касается до постановки вопросовъ для коллективнаго ихъ обсужденія археологами, то она началась уже съ I-го Археологическаго Съѣзда. Первоначально этимъ вопросамъ придавалось преимущественное значеніе; предполагалось, что они должны опредѣлить собою ближайшую задачу Съѣздовъ, служить точками опоры для ихъ дѣятельности. Такъ это и было на первыхъ Сѣздахъ, особенно на Московскомъ, 1869-го года. Къ этому Съѣзду было поставлено 118 вопросовъ, изъ нихъ 8—общаго характера, остальные — болѣе частнаго; первые послужили предметомъ докладовъ и преній въ общихъ собраніяхъ; отвѣтомъ на послѣдніе служили отчасти рефераты, читанные въ засѣданіяхъ отдѣленій. На нѣкоторые изъ вопросовъ отвѣты, однако, не были представлены, или они не могли быть обсужены за недостаткомъ времени. Такіе вопросы были отложены до слѣдующаго, Петербургскаго Съѣзда, къ которому, особой коммис-

сіей, были выработаны еще другіе, всего въ количествѣ 59 (изъ нихъ 16, перешедшихъ изъ программы I-го Съѣзда). На многіе изъ этихъ вопросовъ были представлены отвѣты, большей частью тѣми же лицами, какими были поставлены самые вопросы, но многіе остались также незатронутыми. Къ 3-му, Кіевскому Съѣзду, было выработано два списка вопросовъ: одинъ — вопросовъ, предложенныхъ къ обсужденію на Съѣздѣ, въ числѣ 72; другой — вопросовъ, по которымъ Съѣзду желательно получить свѣдѣнія, въ числѣ 45. При большемъ числѣ вопросовъ, понятно, еще большая ихъ часть должна была остаться безъ отвѣтовъ и обсужденія, хотя по нѣкоторымъ и были сдѣланы соотвѣтственныя сообщенія. Съ другой стороны, какъ это было уже и на предыдущихъ Съѣздахъ, подымались и вопросы новые, не поставленные въ программѣ, вызванные то новыми открытіями и раскопками, то новыми участниками Съѣздовъ. Предварительный Комитетъ IV-го Съѣзда, слѣдуя примѣру III-го, выработалъ также два списка вопросовъ: а) предлагаемыхъ къ обсужденію на Съѣздѣ и б) такихъ, по которымъ къ Съѣзду желательно получить свѣдѣнія. Первыхъ оказалось — 104, вторыхъ 71, всего — 175. Въ «Трудахъ» этого Съѣзда отмѣчено, какіе изъ поставленныхъ вопросовъ не обсуждались на Съѣздѣ или не вызвали представленія рефератовъ; такихъ незатронутыхъ вопросовъ осталось 75. Къ V-му, Тифлисскому Съѣзду, его Московскимъ и Тифлисскимъ Комитетами, было поставлено 74 вопроса; предположенныхъ къ обсужденію и 88 — по коимъ было выражено желаніе получить свѣдѣнія. Многіе изъ тѣхъ и другихъ, конечно, также остались безъ отвѣтовъ, хотя извѣстная доля вызвала рефераты, пренія, или послужила цѣлью послѣдующихъ изысканій. Программа VI-го, Одесскаго Съѣзда заключала въ себѣ 131 вопросъ, предложенный къ обсужденію и 102—по коимъ желательно получить свѣдѣнія. Какъ ни велико было число рефератовъ на этомъ Съѣздѣ, естественно, они не могли дать отвѣта по всѣмъ 223-мъ поставленнымъ вопросамъ. Наконецъ, къ предстоящему, VIII-му Съѣзду, выработано: 73 вопроса, предложенныхъ на обсужденіе и 50 «запросовъ», на которые желательно получить разъясненія. Кромѣ того, Московское Археологическое Общество приняло на себя трудъ—просмотрѣть списки всѣхъ вопросовъ и запросовъ, предложенныхъ на бывшихъ ранѣе семи Археологическихъ Съѣздахъ и выбрать тѣ изъ нихъ, которые не получили еще достаточнаго разрѣшенія или разъясненія. Такихъ вопросовъ и запросовъ оказалось

329 (причемъ нѣкоторые были опущены, какъ уже утратившіе свое значеніе или какъ не достаточно опредѣленные). Списокъ этихъ вопросовъ былъ отпечатанъ и разосланъ членамъ Археологическаго Общества. Сравнивая этотъ списокъ со списками вопросовъ на всѣхъ бывшихъ Съѣздахъ, не трудно убѣдиться, что не менѣе трехъ сотъ вопросовъ получили на Съѣздахъ болѣе или менѣе удовлетворительное разъясненіе.

Поставляя вопросы и собирая матерьялы для ихъ разрѣшенія, Съѣзды прилагали заботы и къ разработкѣ методовъ археологическихъ разысканій, а также къ сохраненію и приведенію въ въ извѣстность русскихъ археологическихъ памятниковъ. Такъ, уже на I-мъ Съѣздѣ были подняты вопросы: о средствахъ къ болѣе успѣшному развитію археологической науки,—о мѣрахъ къ сохраненію и приведенію въ извѣстность памятниковъ языческой и христіанской древности въ Россіи,—точнѣйшемъ опредѣленіи методовъ и пріемовъ въ изслѣдованіи памятниковъ,—о составленіи подробной инструкціи для археологическихъ разысканій,—о терминологіи русской археологіи,—о составленіи археологическихъ картъ,—о лучшемъ устройствѣ архивовъ,—о важности учрежденія провинціальныхъ археологическихъ музеевъ. Многіе изъ этихъ вопросовъ обсуждались и на II-мъ Съѣздѣ, когда, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ объ изученіи череповъ изъ древнихъ могилъ,—о классификаціи кургановъ юго-западнаго края,—о составленіи славянской археологической карты и др. На III-мъ Съѣздѣ была доложена проф. Самоквасовымъ— «Инструкція для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и для производства раскопокъ кургановъ», и кромѣ того—обсуждались вопросы: о преподаваніи русской археологіи, о практическихъ при этомъ занятіяхъ, о лучшей организаціи дѣятельности археологическихъ коммиссій и др. На IV Съѣздѣ—подробно обсуждались: записка проф. Брикнера — «Объ учебныхъ пособіяхъ при изученіи исторіи Россіи», рефератъ проф. Самоквасова— «О сохраненіи и научныхъ раскопкахъ городищъ и кургановъ», сообщеніе проф. Павлова — «О предметѣ каѳедры теоріи и исторіи искусствъ»,—объ архивахъ,—о способахъ разработки русскаго народнаго эпоса,—объ изданіи мѣстныхъ матеріаловъ,—о постоянной организаціонной коммиссіи русскихъ археологическихъ Съѣздовъ,—о сохраненіи развалинъ въ селѣ Успенскомъ-Болгарахъ и др. Къ V-му, Тифлисскому Съѣзду были выработаны программы: изслѣдованія костеносныхъ пещеръ (проф. Щуровскимъ),

изученія Кавказскихъ языковъ (Загурскимъ), собиранія свѣдѣній о каменныхъ бабахъ (Кельсіевымъ) и др., а на самомъ Съѣздѣ былъ поднятъ рядъ другихъ общихъ вопросовъ, между прочимъ— о составленіи легенды для картъ по доисторической археологіи. Попыткой отвѣта на послѣдній вопросъ явился «Проэктъ» легенды, составленный проф. Анучинымъ и отпечатанный въ «Древностяхъ» т. X.—Вопросы о составленіи картъ, о лучшей организаціи раскопокъ, о систематическомъ собираніи свѣдѣній по юридическому быту, о классификаціи похоронныхъ типовъ, о русской номенклатурѣ греческихъ географическихъ названій и проч., вошли также и въ предметъ дѣятельности VI, Одесскаго Съѣзда. На Ярославскомъ Съѣздѣ были обсуждаемы вопросы: — о провинціальныхъ археологическихъ музеяхъ и о проектѣ устава для нихъ;—объ этнографическомъ отдѣленіи на Съѣздахъ;—объ исправленіи одной ошибки, вкравшейся въ Сводъ Законовъ, относительно находокъ древнихъ монетъ;—о сохраненіи развалинъ въ с. Болгарахъ;—объ участіи русскихъ ученыхъ въ разработкѣ археологіи Востока и др.

Нѣкоторые вопросы, поднятые на Съѣздахъ, вызывали, по окончаніи послѣднихъ, спеціальныя экспедиціи и изслѣдованія. Такъ, въ виду вопросовъ, затронутыхъ на Тифлисскомъ Съѣздѣ, была снаряжена экспедиція въ Дагестанъ, для изслѣдованія тамошнихъ пещеръ; въ результатѣ Ярославскаго Съѣзда состоялось подробное изученіе Ярославскихъ церквей. Для пополненія матеріаловъ, собранныхъ Съѣздами, были предприняты также Московскимъ Археологическимъ Обществомъ — экспедиціи на Кавказъ и въ Пріуральскій край, осуществленныя при милостивомъ вниманіи къ Обществу Государя Императора.

VI. Весьма существенный результатъ дѣятельности Археологическихъ Съѣздовъ представляютъ изданные ими Труды.

Покуда изданы:

Труды I-го, Московскаго Съѣзда — 2 т. in 4° съ атласомъ рисунковъ in folio.

Труды II-го Петербургскаго Съѣзда — 2 т. in 4° съ атласомъ in folio.

Труды III-го, Кіевскаго Съѣзда — 2 т. in 4° съ атласомъ in folio.

Труды IV-го, Казанскаго Съѣзда — томъ I-й (имѣетъ выйти еще одинъ).

Труды V-го, Тифлисскаго Съѣзда. Одинъ томъ Трудовъ Подготовительнаго Комитета и одинъ томъ Трудовъ собственно Съѣзда, оба in 4° со многими таблицами рисунковъ.

Труды VI-го, Одесскаго Съѣзда — 3 тома in 4° со многими таблицами рисунковъ (имѣетъ выйти еще 4-й томъ).

Въ ряду помѣщенныхъ въ этихъ «Трудахъ» рефератовъ, — нѣкоторые представляютъ весьма обширныя изслѣдованія, какъ напр. Гр. Уварова — о Мерянскихъ курганахъ, проф. Кондакова — объ экскурсіи въ Константинополь и др. Не будемъ перечислять всѣ напечатанные рефераты; число ихъ доходитъ до 400. Многіе изъ нихъ сопровождаются отдѣльными таблицами и рисунками въ текстѣ; число этихъ таблицъ — литографій, хромолитографій, фототипій, картъ — превышаетъ значительно 300. Въ общемъ, вышедшіе до сихъ поръ 12 томовъ «Трудовъ» заключаютъ въ себѣ богатый запасъ археологическихъ данныхъ по всѣмъ отдѣламъ русскихъ древностей и должны занимать одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ каждой археологической библіотекѣ. Здѣсь собраны многія данныя о каменномъ вѣкѣ въ Россіи, о раскопкахъ пещеръ, могильниковъ, кургановъ и городищъ, о старинныхъ церквахъ, о русской иконописи, о памятникахъ языка и письма, объ археологіи среднихъ, сѣверныхъ восточныхъ и южныхъ губерній, Кавказа, Сибири, Славянскихъ странъ и Константинополя. Изученіе трудовъ Съѣздовъ даетъ наилучшій способъ къ ознакомленію съ развитіемъ русской археологіи за послѣднія 20 лѣтъ.

VII. Немаловажная заслуга Съѣздовъ заключается также въ распространеніи археологическихъ свѣдѣній въ мѣстномъ обществѣ и въ возбужденіи въ немъ интереса къ мѣстнымъ древностямъ. Особенное значеніе имѣли Съѣзды въ провинціальныхъ городахъ, Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ, Одессѣ, Ярославлѣ. Они привлекали къ археологіи мѣстныя силы, вызывали ихъ на собираніе матерьяловъ, изученіе древностей, побуждали къ открытію мѣстныхъ ученыхъ центровъ, къ устройству мѣстныхъ музеевъ, къ сохраненію мѣстныхъ памятниковъ. Подъ вліяніемъ Съѣздовъ возникло въ Кіевѣ: Общество Нестора лѣтописца, организовались Археологическіе музеи при Университетѣ св. Владиміра и при Кіевской Духовной Академіи; въ Казани — Общество Исторіи, Археологіи и Этнографіи и рядъ общественныхъ

и частныхъ археологическихъ собраній; въ Тифлисѣ—обновилось Общество Любителей Кавказской Археологіи (издавшее, къ сожалѣнію, только 2 выпуска своихъ «Извѣстій») и значительно увеличилось число лицъ, интересующихся мѣстными древностями; въ Ярославлѣ — кромѣ ранѣе основавшагося кружка лицъ, предпринявшаго реставрацію Ростовскихъ памятниковъ и устройство музея въ Бѣлой Палатѣ,— еще возникъ проектъ объ основаніи Общества Археологіи и Этнографіи, (къ сожалѣнію не осуществившійся) а также мысль о реставраціи Угличскаго дворца. Подъ вліяніемъ Съѣздовъ появились многія мѣстныя изданія, посвященныя археологіи, устраивались археологическія экскурсіи (напр. учениками Симферопольской гимназіи, подъ руководствомъ директора Томашевскаго), стали собираться матерьялы для археологической карты, увеличилось вообще число дѣятелей по археологіи, начавшихъ доставлять предметы древности въ Археологическія Общества и Музеи или сообщать свѣдѣнія о памятникахъ мѣстной старины. Русскіе Археологическіе Съѣзды стали привлекать къ русскимъ древностямъ и иностранныхъ ученыхъ, какъ славянскихъ, такъ и нѣмецкихъ и французскихъ. Особенно много иностранныхъ ученыхъ было на Кіевскомъ Съѣздѣ, но они принимали также участіе въ Тифлисскомъ и Одесскомъ Съѣздахъ. Отчеты о многихъ русскихъ Съѣздахъ (Кіевскомъ, Тифлисскомъ, Одесскомъ, Ярославскомъ) появлялись во французскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ и возбуждали широкій интересъ къ находящимся въ предѣлахъ Россіи древностямъ. Этотъ интересъ выразился, между прочимъ, въ собираніи иностранцами археологическихъ коллекцій въ Россіи и въ ихъ научномъ изученіи. Если первое, т. е. вывозъ изъ Россіи ея древностей, не можетъ быть признано желательнымъ, за то второе, т. е. изученіе русскихъ памятниковъ иностранцами, способно пролить новый свѣтъ на археологическіе вопросы. Область русской археологіи громадна, и сотни ученыхъ различныхъ спеціальностей могутъ найти въ ней многочисленные вопросы для своихъ соображеній и изысканій.

ГЛАВА VI.

Милости Царскія, оказанныя Обществу. Вниманіе Правительства и содѣйствіе со стороны частныхъ лицъ. Измѣненія въ составѣ Общества.

Глава эта должна была бы, собственно, быть первою въ нашей Запискѣ. Помѣщая ее подъ конецъ, мы имѣемъ въ виду, такъ сказать, скрѣпить ею дѣятельность Общества, указавъ, на сколько она обязана своимъ развитіемъ въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру Николаевичу, и Августѣйшему Покровителю Общества, нынѣ благополучно Царствующему Государю Александру Александровичу, а также другимъ Членамъ Августѣйшей Семьи, Правительству и частнымъ лицамъ.

Общество открыло оффиціально свою дѣятельность съ 4-го октября 1864 года, но уже 19-го августа 1865 г., въ экстренномъ засѣданіи, Предсѣдатель объявилъ Членамъ, что Ихъ Высочества Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, и Великій Князь Владиміръ Александровичъ, сознавая пользу изученія отечественныхъ древностей, соизволили, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія, объявить согласіе: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ — на принятіе Московскаго Археологическаго Общества подъ Свое Покровительство, а Великій Князь Владиміръ Александровичъ — на принятіе званія Почетнаго Члена Общества.

19-го декабря 1868 г. Предсѣдателемъ было сообщено, что Государь Императоръ, Указомъ Правительствующему Сенату отъ 27 ноября 1868 г., желая содѣйствовать успѣшной дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: передать Обществу въ собственность состоящій въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи Курьерскій домъ, находящійся въ Москвѣ, на Берсеневкѣ.

Въ 1869 году Господинъ Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился съ запросомъ къ Обществу относительно размѣра суммы, необходимой для покрытія расходовъ I Археологическаго Съѣзда; сумма эта, опредѣленная въ 3000 рублей была отпущена Министерствомъ.

30 апрѣля 1872-го г. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что Высочайше утвержденнымъ 5-го апрѣля мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено отпускать Московскому Археологическому Обществу ежегодно пособіе въ количествѣ 3000 р.

Въ 1872-мъ году Общество получило извѣщеніе, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ приказать: составленные художникомъ Мартыновымъ альбомы русскихъ древностей передать въ Московское Археологическое Общество на храненіе и изданіе.

30-го января 1875 года Августѣйшій Покровитель Общества, тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ, изволилъ даровать Обществу экземпляръ Древностей Россійскаго Государства.

Въ томъ же году Г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія была отпущена часть средствъ, необходимыхъ для напечатанія Трудовъ Кіевскаго Археологическаго Съѣзда.

7-го марта 1877 г. Общество получило увѣдомленіе, что Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, Высочайше соизволилъ на предоставленіе Московскому Археологическому Обществу права получать изъ-за границы книги для библіотеки Общества безъ цензурнаго просмотра.

13 марта 1879 г. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ приглашаетъ Графа А. С. Уварова пріѣхать на Кавказъ для руководства спеціальными экспедиціями, желательными въ виду Тифлисскаго Археологическаго Съѣзда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручаетъ ему ходатайствовать чрезъ Министерство Народнаго Просвѣщенія о Высочайшемъ разрѣшеніи означеннаго Съѣзда, изъявляя готовность отпустить на предварительныя работы онаго 15,000 р. и предоставить на время Съѣзда, для его засѣданій и помѣщенія его Членовъ, свой Тифлисскій дворецъ.

9 ноября 1878 г. Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ принимаетъ на себя званіе Почетнаго Предсѣдателя Тифлисскаго Съѣзда.

26 октября 1881 г. Предсѣдатель извѣстилъ Общество, что 17 августа послѣдовало Высочайшее соизволеніе на присвоеніе

Московскому Археологическому Обществу наименованія «Императорскаго». Получивъ извѣщеніе объ этомъ высокомъ знакѣ Монаршаго благоволенія, Общество постановило: избрать депутацію для поднесенія Его Величеству благодарственнаго адреса отъ Общества.

8-го апрѣля 1882-го года Министръ Народнаго Просвѣщенія увѣдомилъ Общество объ увеличеніи ежегодной его субсидіи до 5000 р.

29 декабря 1884-го года, въ день кончины Предсѣдателя Общества, Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, Августѣйшій Покровитель Общества, Государь Императоръ, Всемилостивѣйшей телеграммой на имя Графини Уваровой, благоволилъ признать заслуги усопшаго на поприщѣ науки и археологіи въ Россіи.

14-го іюля 1885-го года, на основаніи представленія Московскаго Археологическаго Общества, объявлено Всемилостивѣйшее благоволеніе Г. Ярославскаму Губернатору В. Д. Левшину за труды его по возстановленію древняго Ростовскаго Кремля.

14 марта 1886 г. Предсѣдатель заявляетъ о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи Обществу, Государемъ Императоромъ изъ Собственныхъ Его суммъ, 15,000 рублей, на археологическое изученіе Кавказа и восточныхъ губерній.

22 декабря 1887 года получено отношеніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ извѣщеніемъ о послѣдовавшемъ, вслѣдствіе представленія Московскаго Археологическаго Общества, Высочайшемъ соизволеніи Государя Императора на награжденіе Ростовскаго 2-й гильдіи купца, Ивана Шлякова, за труды по возстановленію Ростовскаго Кремля, званіемъ личнаго почетнаго гражданства.

Въ томъ же году, вслѣдствіе ходатайства Общества Министромъ Народнаго Просвѣщенія отпущено 3,000 р. на устройство VII Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ.

17 февраля 1888 г. Предсѣдатель заявляетъ о новомъ пожалованіи Обществу, Его Императорскимъ Величествомъ 10,000 р., на предметъ изслѣдованія древностей Кавказа и восточныхъ губерній.

Въ 1888 г., по представленію Общества, Г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія изволилъ отпустить на подготовленіе VIII-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 3,000 р.

Въ ноябрѣ 1888 г. Его Императорское Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ соизволилъ принять званіе Почет-

наго Члена Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ Почетное Предсѣдательство VIII-го Археологическаго Съѣзда и устраиваемой при немъ выставки.

20-го іюля 1889 г. Общество получаетъ изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1,000 р., на изданіе Трудовъ Ярославскаго Съѣзда.

Осенью того-же года Предсѣдателемъ Общества было получено отношеніе отъ г. Министра Финансовъ, съ увѣдомленіемъ, что, по ходатайству Общества и его представленію, Государь Императоръ благоволилъ соизволить отпустить Г. Директору Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Барону Бюлеру, 2,000 р., на печатаніе имѣющихся въ Архивѣ документовъ по исторіи Грузіи.

Изъ частныхъ лицъ, оказавшихъ содѣйствіе Обществу, упомянемъ о бывшемъ казначеѣ Общества А. И. Хлудовѣ, принявшемъ на свой счетъ реставрацію пожалованнаго Обществу дома на Берсеневкѣ, о В. И. Лѣствицынѣ, предоставившемъ Обществу 300 руб., на раскопки и изысканія въ Ярославской губерніи, о Графѣ А. С. Уваровѣ, издавшемъ на свои средства «Описаніе Кіева» Закревскаго, затратившемъ до 10,000 руб. на изданіе Трудовъ I-го Археологическаго Съѣзда и пополнившемъ средства, отпущенныя Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, на изданіе трудовъ III-го Кіевскаго Съѣзда.

Въ 1881 году, въ тяжелый годъ кончины въ Бозѣ почившаго Государя Императора, Московское Археологическое Общество, съ благодарностью воспоминая оказанныя ему Августѣйшимъ усопшимъ милости, пріобрѣтаетъ, на особую подписку между Членами, портретъ Его Величества и украшаетъ имъ залу своихъ засѣданій.

Осенью того же года, вслѣдствіе заявленія Предсѣдателя о Высочайшемъ соизволеніи на присвоеніе Обществу наименованія «Императорскаго», Общество постановляетъ поднести Императорскому Россійскому Историческому Музею въ Москвѣ—лучшія коллекціи Общества, составленныя трудами его членовъ, въ ознаменованіе чувствъ глубочайшей признательности за Монаршія милости, оказываемыя Обществу. Пожертвованіемъ этимъ Общество значительно пополнило первыя десять залъ Историческаго Музея и дало возможность бывшему Товарищу Предсѣдателя Гр. А. С. Уварову, открыть эти залы ко дню Священнаго Коронованія Его Императорскаго В е л и ч е с т в а.

Членами-основателями Московскаго Археологическаго Общества были слѣдующія лица: Андреевъ, Александръ Николаевичъ; Брыкинъ, Алексѣй Васильевичъ; Викторовъ, Алексѣй Егоровичъ; Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ; Герцъ, Карлъ Карловичъ; Ешевскій, Степанъ Васильевичъ; Исаенко, Дмитрій Павловичъ; Львовъ, Николай Николаевичъ; Севастьяновъ, Петръ Ивановичъ; Сонцовъ, Дмитрій Петровичъ; Уваровъ, Графъ Алексѣй Сергѣевичъ; Филимоновъ, Юрій Дмитріевичъ; Хвощинскій, Петръ Абрамовичъ, и Шубертъ, Романъ Ивановичъ.

Первые выборы должностныхъ лицъ Общества состоялись 17 февраля 1864 года, на квартирѣ Графа Алексѣя Сергѣевича Уварова. Впослѣдствіи, 4 октября того же года, по полученіи изъ Министерства утвержденнаго Устава Общества, тѣ же лица были признаны оффиціально въ занимаемыхъ ими должностяхъ. Первымъ и пожизненнымъ Предсѣдателемъ Московскаго Археологическаго Общества былъ Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ; занималъ онъ эту должность съ 17 февраля 1864 г. по 29 декабря 1884 г., съ 29 декабря 1884 г. по 30 апрѣля 1885 г. исправлялъ должность Предсѣдателя В. Е. Румянцевъ, а затѣмъ на должность эту была избрана Графиня П. С. Уварова.

Товарищами Предсѣдателя были:

Сонцовъ, Дмитрій Петровичъ, съ 4-го октября 1864 года по 15-е марта 1866 года.

Калачевъ, Николай Васильевичъ, съ 15-го марта 1866 года по 25-е февраля 1869 года.

Сонцовъ, Дмитрій Петровичъ, (вторично) съ 25-го февраля 1869 года по 14-е марта 1872 года.

Гёрцъ, Карлъ Карловичъ, съ 14-го марта 1872 года по 17-е марта 1883 года.

Румянцевъ, Василій Егоровичъ, съ 17-го марта 1883 года, по 8-е апрѣля 1888 года.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, съ 8-го апрѣля 1888 года.

Секретарями:

Гёрцъ, Карлъ Карловичъ, съ 17-го февраля 1864 года по 14-е марта 1872 года.

Румянцевъ, Василій Егоровичъ, съ 14-го марта 1872 года по 17-е марта 1883 года.

Мансветовъ, Иванъ Даниловичъ, съ 17-го марта 1883 года по 30-е апрѣля 1885 года.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, съ 30-го апрѣля 1885 года по 15-е декабря 1885 года.

Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, съ 14-го апрѣля 1886 года по 8-е декабря 1887 года.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, съ 8-го апрѣля 1888 г.

Товарищами Секретаря:

Котляревскій, Александръ Александровичъ, съ 4-го октября 1864 года по 7-е мая 1868 года.

Аѳанасьевъ, Александръ Николаевичъ, съ 7-го мая 1868 года по 25-е февраля 1869 года.

Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ, съ 25-го февраля 1869 года по 26-е апрѣля 1870 года.

Румянцевъ, Василій Егоровичъ, съ 26-го апрѣля 1870 года по 14-е марта 1872 года.

Бѣляевъ, Иванъ Дмитріевичъ, съ 14-го марта 1872 года по 6-е марта 1873 года.

Мансветовъ, Иванъ Даниловичъ, съ 6-го марта 1873 года по 17-е марта 1883 года.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ, съ 17-го марта 1883 года по 30-е апрѣля 1885 года.

Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ, съ 30-го апрѣля 1885 года по 14-е апрѣля 1886 года.

Никольскій, Михаилъ Васильевичъ, съ 14-го апрѣля 1886 года по 8-е апрѣля 1888 года.

Слуцкій, Сергѣй Сергѣевичъ, съ 8-го апрѣля 1888 года.

Библіотекарями и Хранителями Музея.

Котляревскій, Александръ Александровичъ, съ 15-го марта 1866 года по 7-е мая 1868 года.

Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ, съ 7-го мая 1868 года по 26-е апрѣля 1870 года.

Шеппингъ, Баронъ Дмитрій Оттовичъ, съ 26-го апрѣля 1870 года по 25-е февраля 1874 года.

Веселовскій, Алексѣй Николаевичъ, съ 25-го февраля 1874 года по 17-е марта 1883 года.

Сизовъ, Владиміръ Ильичъ, съ 17-го марта 1883 года по 24-е апрѣля 1887 года.

Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, съ 24-го апрѣля 1887 года по 8-е декабря 1887 года.

Долговъ, Семенъ Іосифовичъ, съ 8-го апрѣля 1888 года.

Казначеями:

Брыкинъ, Алексѣй Васильевичъ, съ 4-го октября 1864 года по 11-е марта 1871 года.

Хлудовъ, Алексѣй Ивановичъ, съ 11-го марта 1871 года по 8-е апрѣля 1882 года.

Графъ Уваровъ, Алексѣй Сергѣевичъ, (временно) съ 8-го апрѣля 1882 года по 17-е февраля 1883 года.

Дубинкинъ, Константинъ Алексѣевичъ, съ 17-го февраля 1883 г.

Товарищами Казначея:

Исаенко, Дмитрій Павловичъ, съ 4-го октября 1864 года по (15-е марта 1866 года) 6-го марта 1873 года.

Розановъ, Николай Павлов. съ 6-го марта 1873 г. по день кончины.

Редакторами Древностей:

Графъ Уваровъ, А. С.—I тома «Древностей», Описанія Кіева—Закревскаго, Трудовъ I Археологическаго Съѣзда.

Котляревскій, А. А.—Археологическаго Вѣстника.

Гёрцъ, К. К.—II и III тт. «Древностей» (III совмѣстно съ В. Е. Румянцевымъ).

Румянцевъ, В. Е.—IV, V, VI, VII, VIII, IX и XI тт. «Древностей» и брошюры посвященной памяти Графа А. С. Уварова.

Анучинъ, Д. Н.—X т. «Древностей».

Орѣшниковъ, А. В.—XII т. «Древностей».

Графиня Уварова, П. С.—Трудовъ Тифлисскаго Съѣзда. Матеріаловъ для Археологіи Кавказа I вып.

Никольскій, М. В.—Трудовъ Восточной Коммиссіи I т.

Трутовскій, В. К.—XIII и XIV тт. «Древностей».

Членами Редакціоннаго Комитета.

Графъ Уваровъ, А. С.—съ основанія Общества по день кончины.

Герцъ, К. К.—тоже.

Ешевскій, С. В.—тоже.

Котляревскій, А. А.—тоже.

Аѳанасьевъ, А. Н.—тоже.

Калачевъ, Н. В. — съ 15-го марта 1866 года по 14-е марта 1872 года.

Соловьевъ, С. М. — съ 25-го февраля 1869 года по 26-е апрѣля 1870 года.

Поповъ, Н. А. — съ 26-го апрѣля 1870 года по 12-е апрѣля 1882 года.

Архим. Амфилохій — съ 14-го марта 1872 года по 12-е апрѣля 1882 года.

Мельниковъ, П. И. — съ 14-го марта 1872 года по 25-е февраля 1874 года.

Иловайскій, Д. И. — съ 11-го марта 1880 года по 18-е февраля 1881 года.

Анучинъ, Д. Н. — съ 12-го апрѣля 1882 года.

Миллеръ, В. Ѳ. -- съ 12-го апрѣля 1882 года по 14-е марта 1886 года.

Мансветовъ, И. Д. — съ 12-го апрѣля 1882 года, по 17-е марта 1883 года.

Румянцевъ, В. Е. — съ 17-го марта 1883 года.

Графиня Уварова, П. С. — съ 30-го апрѣля 1885 года.

Ключевскій, В. О. — съ 14-го марта 1886 года.

Орѣшниковъ, А. В. — съ 14-го марта 1886 года.

Членами Ревизіонной Коммиссіи.

Андреевъ, А. Н.
Шеппингъ, Баронъ Д. О.
Поповъ, К. А.
Мельниковъ, П. И.
Поповъ, А. Н.
Розановъ, Н. П.
Иловайскій, Д. И.
Миллеръ, В. Ѳ.
Мансветовъ, И. Д.
Даль, Л. В.
Орѣшниковъ, А. В.
Сизовъ, В. И.
Цвѣтаевъ, И. В.
Кельсіевъ, А. И.
Никольскій, М. В.
Трутовскій, В. К.
Гондатти, Н. Л.

Къ 17-му февраля 1889 года всѣхъ Членовъ Общества числилось 296; въ томъ числѣ: Почетныхъ 4, Дѣйствительныхъ 111 и Членовъ-корреспондентовъ 185.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

Трудовъ Гг. Членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Прим. Статьи безъ указанія на томъ и страницу упоминаются въ Протоколахъ Общества, безъ всякихъ поясненій или толкованій. Буква *Т.* указываетъ, что статья напечатана въ «Трудахъ Общества»; буква *В*, — въ «Археологическомъ Вѣстникѣ»; *Пр.*—указываетъ на Протоколы, *Библ.*—на Библіографическій отдѣлъ, имѣющіе во всѣхъ томахъ особую нумерацію; буква *С.* — Съѣзды

Вопросы общіе.

Антоновичъ В. Б.—Программа для работъ Курганной экспедиціи. Т. VIII. Подг. Ком. 38, 42.

— Дневникъ раскопокъ на Кавказѣ. Тамъ же, 216.

— Инструкція для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и для производства раскопокъ кургановъ. С. 3, I, LXIV.

— Проэктъ правилъ постоянной организаціи Коммиссіи русскихъ Археологическихъ Съѣздовъ. Проэктъ ходатайства о мѣрахъ сохраненія развалинъ въ селѣ Болгарахъ, Спасскаго уѣзда, Казанской губ. С. 4, I, CXXXI.

— Инструкція для изслѣдованія кургановъ и другихъ памятниковъ древности сѣвернаго Кавказскаго края. Т. VIII Подг. Ком. 42.

Анучинъ Д. Н.—Къ вопросу о составленіи легенды для археологической карты Россіи. Т. X, 105. XI, Пр. 25.

— О составленіи археологической карты Россіи.

— С. А. Усовъ какъ членъ Московскаго Археологическаго Общества. Т. XI.

Аѳанасьевъ А. Н.—Труды Владимірскаго Статистическаго Комитета. В. 176.

Бакрадзе Д. З.—Отчетъ объ археологическихъ находкахъ 1886 г. на Кавказѣ.

Баронъ Богушевскій Н. К.—Библіографическій и систематическій указатель сочиненій и статей археологическаго, историческаго и т. д. содержанія въ русской и иностранной литературѣ. Т. IX, Пр. 2.

Барсовъ Е. В.—О заслугахъ Графа Н. П. Румянцева. Т. VII. Пр. 18.

— Проэктъ Устава для Музея въ г. Череповцѣ.

— О государственномъ и общественномъ значеніи памятниковъ древности и о необходимости новыхъ мѣропріятій къ ихъ сохраненію.

Байернъ Ф. С.—О результатахъ своихъ раскопокъ. Т. VIII. Подг. Ком. 60.

Берже А. П.—Объ археологіи Кавказа. С 2, II, 2.

— Кавказъ въ его древнихъ памятникахъ. Т. VIII. Подг. Ком. 14, 29.

Бернштамъ В. А.—Дневникъ археологическихъ работъ на Кавказѣ. Тамъ же, 297.

Бестужевъ-Рюминъ К. А.—Докладъ о газетныхъ статьяхъ и частныхъ заявленіяхъ по вопросу о сохраненіи памятниковъ. С. 1, I, XLIX.

Бочаровъ Н. П.—Объ участіи губернскихъ статистическихъ Комитетовъ въ разработкѣ отечественной археологіи. С. 1, I, LX, 124.

Броссе М. И.—О вопросахъ по Этнографіи, Лингвинстикѣ и Эпиграфикѣ Кавказа. Т. VIII. Подг. Ком. 2, 75.

Брунъ Ф. К.—Объ ученой экспедиціи по Черноморью. Тамъ же, 5.

Бурачковъ П. О.—Объясненіе къ археологической картѣ Новороссійскихъ губерній и Крыма. Т. XII, 7.

Буслаевъ Ѳ. И.—О преподаваніи археологіи. С. 1, I, XL, 75.

Великановъ.—Свѣдѣнія о томъ, что вышло изъ печати по части отечественной археологіи въ Уфимской и Пермской губ.

Вельяминовъ-Зерновъ В. В.—Вступительная рѣчь. С. 2, II, XXXIV.

— Докладъ временной Коммиссіи образованной для устройства и порядка храненія памятниковъ. С. 2, II, 66.

Виноградовъ. — Краткія свѣдѣнія о деревянныхъ старинныхъ храмахъ и нѣкоторыхъ при нихъ достопримѣчательностяхъ, также курганахъ и насыпяхъ по Весьегонскому уѣзду Тверской губ.

Вирховъ.—Zur Antropologie des Kaukasus. С. 5.

Гацисскій А. С.—О задачахъ корреспондентовъ, избираемыхъ Предварительными Комитетами Археолог. Съѣздовъ. С. 4, I, 29.

— О назначеніи преміи. Проэктъ правилъ постоянной организаціи Коммиссіи русскихъ археологическихъ съѣздовъ. Проэктъ ходатайства о мѣрахъ сохраненія развалинъ въ селѣ Болгарахъ, Казанской губ. С. 4, I, CXXXI.

Герцъ К. К.—Очеркъ археологической дѣятельности Гр. Л. А. Перовскаго и о результатахъ ея для науки.

— Труды Статистическихъ Комитетовъ. Т. II, 163.

Головацкій Я. Ѳ.—О настоящемъ состояніи Виленскаго Музея.

Голышевъ И. А.—О Лядовѣ старѣйшемъ членѣ Владимірскаго статистическаго комитета и вообще Владимірскихъ дѣятеляхъ.

— Археологическія изслѣдованія и издательскія дѣла въ провинціи.

— О сохраненіи памятниковъ. С. 1, I, LIV, 105.

Горожанскій Н. П.—О мѣрахъ для сохраненія памятниковъ въ Волынской губ. С. 1, I, LIV, 96.

Джуліо де Петра.—Замѣтка съ объясненіемъ способа возобновленія древнихъ фресокъ. Т. XI, 76.

Евлентьевъ К. Г.—Необходимость археологическаго музеума въ Казанской губ.

— Объ учрежденіи археологическаго музеума, въ Болгарахъ Казанской губ. С. 1, I, LX, 89.

Жизневскій А. К.—Описаніе Тверскаго музея съ примѣчаніями Гр. Уварова. Т. VII, 24, 187; Т. IX, 115; Т. X, 113; Т. XI, 39; Т. XII, 99.

Закревскій Н. В.—Описаніе Кіева. Т. II, 179 и отд. изданіемъ.

Забѣлинъ И. Е.—Въ чемъ заключаются особенныя задачи археологіи, какъ самостоятельной науки? С. 3, I, XVIII, 1.

— О запискахъ Котова и о рукописи Буткова. Т. VIII. Подг. Ком. 49, 96.

Ивановскій Л. К.—О заключеніи Коммиссіи для разсмотрѣнія программъ изслѣдованій Кавказа. Тамъ же, стр. LXXXIX.

— Проэктъ программы для собиранія матеріаловъ для антропологич. изслѣдованій. Тамъ же, CVI.

— Инструкція для описанія городищъ, кургановъ и пещеръ и для производства раскопокъ кургановъ. С. 3, I, LXIX.

Иловайскій Д. И.—Вступительная рѣчь. С. 5, XV.

Казанскій П. С.—О преподаваніи археологіи. С. 1, I, XLVIII, 83.

Калачевъ Н. В.—Объ архивахъ. С. 1, I, LV, 207; С. 3, I, XXXVIII.

Канановъ Г. И.—Объ археологическомъ географическомъ словарѣ Кавказа. Т. VIII, Подг. Ком. 142.

Кельсіевъ А. И.—Записка объ устройствѣ и управленіи археологическаго музея, учрежденнаго въ возобновляемой Бѣлой Палатѣ. Т. X, Пр. 57.

Киркоръ А. К.—Объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Галицкой Подоліи. Т. VIII, 155.

Ключевскій В. О. — Усовъ какъ изыскатель русскихъ древностей. Т. XI.

Комаровъ А. В.—О трудахъ предварительныхъ комитетовъ. С. 5, XV.

— О хищничествѣ предметовъ древности. С. 5, XCI.

— О Музеѣ въ Сухумѣ. Т. VIII, Подг. Ком. 125.

— Объ археол. работахъ на Кавказѣ. Тамъ же, 324.

— О раскопкахъ на Кубани, Терекѣ и пр. Тамъ же, 333.

— О нѣкоторыхъ предметахъ изъ Ставропольской губ. Тамъ же, 483.

Кондаковъ Н. П.—Отчетъ предварительнаго Комитета С. 6, 5, XLIII.

Корсаковъ Д. А. — О занятіяхъ предварительнаго Комитета въ Казани. Т. VIII, Пр. 8.

— О трудахъ предварительнаго Комитета. С. 4, I, XXVIII.

— Объ основаніи въ Казани ученаго общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Казанскаго края. С. 4, I, LVI и 1.

— О назначеніи премій. Проэктъ правилъ постоянной орга-

— Вступительная рѣчь. С. 4, I, XXV.

— Заключительная рѣчь. С. 4, I, CXXXV.

— Проэктъ Правилъ для предполагаемыхъ къ отправленію на Кавказъ экспедицій. Т. VIII, Подг. Ком. 8.

— Инструкція И. С. Полякову для пещерной эксп. на Кавказѣ. Тамъ же, 38, 44.

— О ходѣ работъ по экспедиціямъ. Тамъ-же, 93.

Графиня Уварова П. С.—Докладъ Коммиссіи по составленію археологическихъ картъ. Т. XIII, Пр. 71, 74, 85, 99.

— Отчетъ о VII Арх. Съѣздѣ. Т. XII, 15; 5.

— О мѣрахъ желательныхъ при устройствѣ послѣдующихъ Съѣздовъ. Т. XII, 149.

Черниковъ-Анучинъ.—Какія необходимо принять мѣры для сохраненія археологическихъ памятниковъ въ виду проложенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ. С. 4, I, CXXV.

Чернявскій В. И.—О памятникахъ Зап. Закавказья. Т. VIII, Подг. Ком. 13.

Цвѣтаевъ И. В.—Поминки по Фридрихѣ-Готлибѣ Велькерѣ.—С. 6, I, 18; II, 8.

Цилосани Н. О.—Дневникъ раскопокъ въ Дагестанѣ. Т. VIII, Подг. Ком. 456.

Шварцъ А. Н.—О взглядахъ С. А. Усова на христіанское искусство. Т. XI.

Янчукъ Н. А.—Киркоръ. Т. XII, 79.

Ястребовъ В. Н.—Отчетъ о раскопкахъ 1887 г. Т. XIII, 104.

Древности каменнаго вѣка.

Анучинъ Д. Н.—Обзоръ новѣйшихъ свѣдѣній о Каменномъ вѣкѣ въ Азіи и Африкѣ по иностраннымъ источникамъ.

— О породахъ собакъ Каменнаго періода на побережьѣ Ладожскаго озера. С. 5, LXIV.

— Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи. С. 6, 13; I, 1.

— О нѣкоторыхъ Каменныхъ издѣліяхъ въ Сибири. С 6, I, 35.

Аристовъ Н. Я.—Свѣдѣнія о нѣтоторыхъ мѣстностяхъ, заслуживающихъ вниманія археологовъ. С 1, I, LXXVI.

Малаховъ М. В.—Стоянка доисторическаго человѣка на берегу Нѣмана.

Мережковскій.—Пещеры Крыма и находимыя въ нихъ каменныя орудія и человѣческія кости. Т. IX, Пр. 53.

Оссовскій Г. О.—О находкахъ предметовъ каменнаго вѣка въ Волынской губ. С. 3, I, XXIV, 171.

— Опытъ хронологической классификаціи находокъ каменнаго вѣка. С. 6, I, 12, 47.

Поливановъ А. П. — О каменныхъ орудіяхъ, найденныхъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромск. губ. С. 4, I, LXII, 34.

Поляковъ И. С. — О мѣстонахожденіяхъ каменныхъ орудій въ Олонецк. губ. С. 2, II, 7.

Путятинъ Кн. П. А.—О чашечныхъ камняхъ, найденныхъ въ Новгородской губ. С. 5, LXV, 19.

— О первобытной орноментаціи гончарныхъ издѣлій. С. 6, I; 7, LXXII.

Ревякинъ П.—Каменные молотки, найденные въ Кіевск. губ. В. 25.

Рютимейеръ.—Остатки животныхъ въ древнихъ костищахъ на Уралѣ. Т. X, 46.

Словцовъ И. Я.—Находки каменныхъ орудій около Тюмени.

Солнцевъ Д. П.—Обзоръ открытій о каменномъ вѣкѣ.

Соловьевъ С. Т.—О находкахъ предметовъ каменнаго періода въ окрестностяхъ Тюмени въ 1883 г.

Титовъ А. А.— Наконечники стрѣлъ, найденные въ Варницкой слободѣ въ 2-хъ вер. отъ гор. Ростова. Т. IX, Пр. 72, 75.

Троицкій Н. И.—Ископаемые остатки послѣ ледниковой фауны по Тульской губерніи. С. 5, Пр. 31.

— Одно изъ мѣстъ нахожденій каменныхъ орудій въ Приволжскомъ краѣ С. 5, Пр. 37.

Графъ А. С. Уваровъ.—О находкѣ вещей каменнаго періода на станціи Уткино въ Ярославской губ.

— О находкѣ близъ Ментона человѣческаго костяка, принадлежащаго къ древнѣйшему мамонтову періоду. Т. IV, Пр. 11.

— Замѣтка о произведенныхъ проф. Келлеромъ въ Цюрихѣ, опытахъ сверленія каменнаго молотка. Т. IV, Пр. 17.

— О пещерныхъ жилищахъ Моравіи близъ станціи Бланско. Т. VII, Пр. 45.

— О находкахъ каменныхъ орудій около г. Мурома, въ песчаныхъ холмахъ р. Оки, въ имѣніи Кн. Л. С. Голицына. Т. VIII, Пр. 4.

— О находкахъ каменныхъ орудій около Мурома въ с. Карачаровѣ и опроверженіе на основаніи этихъ раскопокъ мнѣній Пр. Ворсо и Гревинга относительно весьма поздняго заселенія средней полосы Россіи. Т. VIII, Пр. 19, 73.

— О находкѣ И. Я. Словцовымъ слѣдовъ жилищъ обитателей каменнаго вѣка близъ Андреевскаго озера, въ 25 вер. отъ Тюмени. Т. X, Пр. 48.

— О признакахъ древности каменныхъ орудій, палеолитической эпохи. Т. VIII, Пр. 25.

— Выводы изъ находокъ каменнаго вѣка, сдѣланныхъ въ Сибири.

— О совмѣстной находкѣ костей мамонта съ каменными орудіями. С. 4, I, XXXIV.

— О находкахъ каменнаго періода на берегахъ Оки. С. 4, I, XCIX.

— Всѣ ли каменныя орудія въ Россіи принадлежатъ каменному періоду, и что можно заключить изъ различныхъ формъ каменныхъ орудій и матеріала ихъ. С. 4, I, CXIX.

Черскій И. Д.—О находкѣ камен. орудій неолитическаго періода около с. Преображенскаго на р. Нижней Тунгускѣ. Т. X, Пр. 46.

Древности бронзоваго и желѣзнаго вѣка и древности южнаго побережья.

Авдѣевъ А. А.—О вазѣ и другихъ серебр. вещахъ, найденныхъ близъ Севастополя, въ имѣніи Шверина.

— О раскопкахъ въ Херсонисѣ и древностяхъ тамъ найденныхъ.

— Послѣднія раскопки въ Херсонисѣ.

Агапитовъ.—Археологическія изслѣдованія въ Иркутской губ. въ 1881 г. С. 5, LXXV, 81.

Арх. Амфилохій.—Находка древностей въ ст. Мичулинской на Дону Т. I. 197.

Анисимовъ.—Поѣздка въ Дагестанъ Т. XII, Пр. 105.

Антоновичъ В. Б.—О курганахъ въ Югозападномъ краѣ. С. 2, II, 43.

— О пещерахъ средняго теченія Днѣпра. С. 4, I, XXXVI, 1.

— О валахъ въ Кіевскомъ княженіи. С. 4, I, LXI, 1.

— О результатахъ раскопокъ, произведенныхъ въ сѣверномъ углу города Кіева. С. 4, I, CXIX, 42.

— О похоронныхъ типахъ въ курганахъ Юго-западнаго края. С. 4, I, CXXV, 45.

— О скальныхъ пещерахъ по бассейну рѣки Днѣстра. С. 6, Бюл. № 2, 10.

— О раскопкахъ кургановъ произведенныхъ въ порогахъ Днѣстра Буга и Ингула. С. 6, Бюл. № 7, 14.

— О погребальныхъ обычаяхъ древнихъ жителей Кавказа. С. 5, LXVIII.

— О погребальныхъ обычаяхъ Древлянъ и Тиверцевъ по новѣйшимъ раскопкамъ. С. 5, LXXII.

Анучинъ Д. Н.—О новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по первобытной археологіи Кавказа, преимущественно на основаніи изслѣдованій Вирхова и Шантра. Т. X, Пр. 68.

— О варіяціяхъ формъ наконечниковъ стрѣлъ. С. 5, LXXXV, 337.

— Археологическая экскурсія на станцію Бологое, Валдайскаго уѣзда, Новгор. губ. Т. XI, Пр. 64.

— О костяхъ доставленныхъ Эварницкимъ изъ кургана «Мухина Гора». Т. XI, Пр. 90.

— О древнемъ лукѣ и стрѣлахъ. С. 5, 337.

— О древностяхъ Минусинскаго Музея. Т. XII, Пр. 136.

— Поѣздка въ Дагестанъ по порученію Общества. Т. IX, Пр. 33.

— О черепахъ изъ кургановъ Смоленской губ. Порѣчскаго уѣз. близъ озера Сабшо. Т. IX, Пр. 64.

— О костяхъ собаки изъ кургана Смоленской губ. и уѣзда, близъ г. Смоленска. Т. IX, Пр. 66.

— О нѣкоторыхъ бронз. украшеніяхъ, найденныхъ проф. Антоновичемъ въ курганахъ, близъ г. Борзны, Черниговск. губ. Т. X, Пр. 32.

— О раскопкѣ кургановъ, близъ дер. Малое Терюшево, Нижегородской губ. и уѣзда, крестьяниномъ П. Д. Дружкинымъ. Т. X, Пр. 34.

Бѣляева В. В.—Матеріалы доисторической эпохи, Костромской губерніи.

Бѣляшевскій, ст. Кіев. Унив.— Могильникъ въ урочищѣ Остроня близъ г. Заславля, Вол. губ.

Бэръ.—Откуда добывалось олово, входящее въ составъ древнѣйшей бронзы. Т. VII, 234.

Докторъ Ванкель въ Моравіи.—О древнемъ славянскомъ кладбищѣ, въ Моравіи. Т. VIII, Пр. 51.

-- Пещеры бычачьей скалы въ Моравіи. С. 3, I, LXXIX, 255.

— Славянскій Музей, въ Ольмюцѣ. С. 6, Бюл. № 7; 15.

Ворсо.—О различныхъ эпохахъ сѣверныхъ древностей. С. 1, I, LXXXI.

Воцель.—О Чешскихъ древностяхъ. С. 1, I, LXII.

Гавелка И. И.—Послѣднія археологическія находки въ Богеміи.

Гатцугъ А. А.—Замѣчанія на статьи Гр. К. П. Тышкевича о курганахъ въ Литвѣ и въ Западн. Руси.

— Изслѣдованіе кургановъ Моск. губ. въ 1863 и 64 г.

— О находкѣ въ Московск. губ. Клинскаго уѣзда, у рѣки Сестры, близъ деревни Загорья. С. 1, I, LXVIII.

— О сторожевыхъ курганахъ. С. 3, I, XXXV.

— О древне-славянскихъ черепахъ. С. 3, I, XL.

Гедеоновъ Д. Г.—О древностяхъ Веневскаго и ближайшихъ къ нему уѣздовъ. С. 1, I, LXXXIV, 243.

Герцъ К. К.—О греческихъ статуэткахъ изъ Танагры.

— Изваянія въ доисторическихъ пещерахъ Шампаньи на основаніи труда Барона И-де-Бе.

— Историческій обзоръ археологическ. изслѣдованій и открытій на Таманскомъ полуостровѣ съ конца XVIII ст. по 1859 г. Т. VI, I, 86, 150.

— О раскопкахъ Забѣлина «Цимбаловой могилы.» Т. VII, Пр. 4.

— О раскопкахъ въ Керчи въ 1875 г. Т. VII, Пр. 24.

— Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Т. II, 191.

— Поѣздка въ Петербургъ и новыя приращенія Импер. Эрмитажа по отдѣламъ нумизматики и босфорскихъ древностей.

— О древностяхъ Сибири, описанныхъ Дезоромъ.

— Разборъ труда д-ра Генцельмана о каменныхъ изваяніяхъ, бывшихъ въ Испанскомъ отдѣлѣ на всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ. Т. VI, Пр. 19.

— О крымскихъ пещерахъ по поводу изслѣдованія ихъ Карауловымъ.

— Рукоять меча хранящагося въ кабинетѣ изящныхъ искусствъ при Моск. университетѣ. Т. VII, Пр. 27.

— О свастикѣ на сосудѣ, добытомъ Кибальчичемъ въ курганѣ близъ с. Аксютинецъ, Роменскаго уѣзда, Полтавск. губ. Т. VII, Пр. 61.

— Геометрическая орнаментація и ея происхожденіе. Т. VII. 96.

Головацкій Я. Ѳ.—Объ археологическихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. С. 1, I, LXIX; 147.

— Объ изслѣдованіи памятниковъ русской старины, сохранившихся въ Галиціи и Буковинѣ. С. 1, I, XCII, 210.

Голышевъ И. А.—Объ археологическ. находкѣ близъ слободы Холуя, Вязниковскаго уѣзда. Т. X, Пр. 66.

Гондатти Н. Л.—Предварительный отчетъ о поѣздкѣ по порученію и на средства Общества въ Сѣверный Уралъ, лѣтомъ 1887 г.

Гревингъ.—О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. С. 4, I, XXXV, 26.

Григоровичъ В. И.—Замѣчанія о болгарскихъ древностяхъ. С. 2, II, 28.

Дмитріевъ-Мамоновъ Тобольскій Вице-Губернаторъ. — Альбомъ изображеній кургановъ и найденныхъ въ нихъ предметовъ съ картою Чувашскаго городища и могильника на рѣкѣ Иртышѣ.

Ефименко П С.—Записка о Чудскихъ древностяхъ Шенкурскаго уѣзда Архангельск. губ.

— Заволоцкая Чудь. С. 1, I, XCII.

— О древностяхъ Архангельской губ. С. 1, I, 187.

— Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ въ Харьковской губ. Т. X, Пр. 90.

Ешевскій С. В.—О свайныхъ постройкахъ въ Швейцаріи и новѣйшихъ открытіяхъ по такъ называемымъ Кельтскимъ древностямъ.

Забѣлинъ И. Е.—Раскопка Чертомлыцкаго кургана. Т. I, 71.

Ивановскій Л. К.—Матеріалы для курганнаго періода Ярославск. губ. Т. VII, Пр. 33.

— Результаты полученные отъ измѣренія череповъ, найденныхъ въ курганахъ по берегамъ р. Сити.

— О курганахъ и жальникахъ юга Новгородской губ. С. 2, II, 14, 57.

— Курское городище. С. 2, II, 33, 68.

— Описанія и измѣренія собранныхъ имъ череповъ. С. 2, II, 49.

— О курганахъ Петербургской и Новгородской губ. С. 3, I, XXVII.

— О раскопкахъ произведенныхъ имъ лѣтомъ 1875 г. на бер. р. Сити. С. 4, I, XXXVI, 37.

— Матеріалы для изученія курганнаго періода Вотской пятины Новгородской земли. С. 4, I, XCVII.

— О раскопкахъ въ Петербургской губ. и объ остаткахъ домашнихъ животныхъ, встрѣчающихся въ нихъ С. 5, LXXIII.

Игнатьевъ Р. Г.—О курганахъ и городищахъ Оренбургскаго края. С. I, I, LXXVI, 153.

— Ногайскіе валы въ Уфимской губ.

— Отчетъ о раскопкѣ одного кургана близъ г. Уфы.

— Желѣзное ратовище, найден. близъ с. Моршихинскаго, Тоб. губ.

— О памятникахъ древности Оренб. и Уфим. губ.—текстъ къ арх. картѣ Черникова-Анучина.

— О памятникахъ древности въ Минской губ. Т. VIII. Пр. 30.

Иловайскій Д. И.—Нѣсколько замѣчаній о времени и народности Керченскихъ фресокъ. Т. VI, Библ. 34.

— О племени которому принадлежатъ каменныя бабы нашихъ южныхъ степей. Т. VII, Пр. 53.

— Почему Геродотъ не называетъ по имени Скиѳскаго бога войны.

Кавалевскій М. М.—Изслѣдованіе одной пещеры по дорогѣ изъ Кисловодска къ Эльбрусу. Т. XII, Пр. 41.

— Археологическія замѣтки изъ путешествія но Кавказу. Т. XII, Пр. 167.

Кельсіевъ А. И.—Палеолитическіе кухонные остатки въ с. Костенкахъ Воронежскаго уѣзда. Т. IX, 154.

— Программа для руководства при собираніи свѣдѣній о каменныхъ бабахъ.

— Подмосковное курганное кладбище при д. Митиной. Т. X, 30.

— О каменныхъ бабахъ въ Бахмутскомъ уѣз. С. 5, LXXXV, 76.

Кибальчичъ Т. В.—Курганы и каменный крестъ близъ г. Борзны Черниговск. губ. въ с. Николаевкѣ. Т. IV, Пр. 38.

— Сообщеніе о находкахъ студенца Куницкаго при раскопкѣ кургана въ Тверской губ., близъ с. Городища, Зубцовскаго уѣзда. Т. VII, Пр. 62.

Кикнадзе.—Археологическое изслѣдованіе Телавскаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

Китицинъ П. А.—Объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ, находимыхъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ Костромской губ.

Клеменцъ Д. А.—Очеркъ Минусинскихъ древностей.

Комаровъ А. В.—Обзоръ и описаніе пещеръ и древнихъ могилъ въ Дагестанѣ. Т. VII, Подг. Ком. 126, 432.

Кондаковъ Н. П.—О древностяхъ Кубанской и Терской областей. С. 3, I, XXVIII, 139.

— Какая возможна въ современной наукѣ археологіи постановка вопроса о вліяніи въ области искусства вообще и византійскаго искусства въ частности. С. 6, Бюл. № 4, 11.

Котляревскій А. А.—Металлы и ихъ обработка, въ доисторическую эпоху у племенъ Индо-Европейскихъ. Т. I, 43.

— Объ Этнологіи каменнаго періода въ Европѣ.

— О раскопкѣ 2-хъ майдановъ Воронеж. губ. Бар. Шеппингомъ.

— Новооткрытыя Черноморскія древности. В. 73.

— Объ археол. трудахъ Морло. В. 94.

— Кубанская каменная баба. В. 282.

— Народныя преданія о могилахъ и другихъ памятникахъ русской доисторической древности. В. 39.

— Первая скиѳская раскопка въ Россіи въ 1763 г.

— О знакахъ на пограничныхъ камняхъ.

— О Святовидѣ на основаніи свидѣтельства Англійскаго лѣтописца Мальмесбюри.

— О Велетахъ и пожираніи ими престарѣлыхъ родителей.

— Обзоръ изслѣдованій о фрескѣ Керченской катакомбы. Т. VI, Библ. 83.

— Новый способъ опредѣленія древности могилъ. В. 90.

— Археологическія розысканія въ Өеодосіи. В. 278.

Кусцинскій М. Ф.—О собраніи фотографическихъ снимковъ памятниковъ старины какъ Витебской, такъ и смежныхъ западн. губ. С. 1, I, LXX.

— Гдѣ находится Рогволодовъ камень съ записью 6679—1171 года, и вѣренъ ли снимокъ съ нея, изд. Кеппеномъ. С. 1, т. I, стр. LXXV.

— Уцѣлѣли ли двинскіе камни съ записями и нѣтъ ли вѣрныхъ снимковъ съ этихъ записей? С. 1, I, LXXIII.

— О сожженіи труповъ въ курганахъ Витебской губ. С. 1, I, LXXXIII.

— О курганахъ сходныхъ съ курганами Даніи и Скандинавіи. С. 1, I, LXXXIX.

Лерхъ П. И.—Второй съѣздъ по доисторическимъ древностямъ и антропологіи въ Парижѣ 1867 г. В. 140.

— Раскопки въ курганахъ, находящихся на предполагаемой мѣстности древней Нимфеи. Т. II, 54, 141.

— О финскихъ древностяхъ каменн. и бронз. вѣка, на основаніи трудовъ Гальмберга. В. 31.

— Какія замѣчательныя черты сходства или различія въ матеріалѣ и формѣ каменныхъ орудій въ Финляндіи, Олонецк. и Архангельск. губ., въ Прибалтійскомъ и Сѣверозападномъ краѣ? С. 2, II, 9.

— Рисунки городищъ сѣверо-восточной Россіи. С. 2, II, 33.

Лихачевъ А. Ѳ.—Объ археолог. находкахъ въ Казанской губ.

— Слѣды бронзоваго періода въ Казани.

— Литографированные рисунки предметовъ изъ Болгаръ. С. 1, I, LXXXV.

— О сфероконическихъ сосудахъ, находимыхъ въ Болгарахъ и Билярскѣ. С. 4, I. CXVI, 34.

— Скиѳскіе элементы въ Чудскихъ древностяхъ Казанской губ. С. 6, Бюл. № 6, 6; Т. I, 135.

Лоссіевскій М. В.—О находкѣ древнихъ серебряныхъ чашекъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ, Уфимской губ.

— Изъ далекаго прошлаго:—курганы Оренб. края.

Лѣствицынъ В. И.—Свѣдѣнія о курганахъ Ярославской губ.

Максимовичъ М. А.—Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловой горы. В. 204, Т. III, 180.

— О бронзовыхъ наконечникахъ стрѣлъ, наход. въ Полтавской губ. С. 1, I, LXVI.

Мельниковъ П. И.—Мнѣніе о курганахъ, расположенныхъ въ Симбирской, Нижегородской и Казанской губ. С. 1, I, LXXVII, 159.

Миллеръ В. Ѳ.—Значеніе собаки въ миѳологическихъ вѣрованіяхъ. Т. VI, 193.

— О лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ. Т. VII, 1.

— Объ археол. эскурсіи, препринятой референтомъ съ М. М. Ковалевскимъ въ горскія общества Кабарды. Т. X, Пр. 77.

— Археол. развѣдки въ Алуштѣ и ея окрестностяхъ въ 1886 г. Т. XII, 118.

— Отчетъ о поѣздкѣ въ Чечню. Т. XII, Пр. 61, 104.

— Отчетъ по изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ Осетіи въ 1886 г. Т. XII, Пр. 86, 104.

— Археол. наблюденія въ области горскихъ Обществъ Кабарды.

— Важность антропологическихъ и краніологическихъ изслѣдованій на Кавказѣ. Т. VIII, Подг. Ком. 55.

Минхъ А. Н.—Описаніе нѣкоторыхъ древнихъ памятниковъ, находящихся въ Елизаветинскомъ цвѣтникѣ, въ Пятигорскѣ.

— Сторожевые курганы Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ. С. 1, 163.

Невоструевъ К. И.—Елабужскія древности. Т. III, 183.

— Изслѣдованіе о городищахъ древняго волжско-болгарскаго и Казанскаго царства. С. 1, I, XCII, 521.

— Ананьинскій могильникъ. С. 1, Пр. 695.

Нефедовъ Ф. Д.—Краткій отчетъ о раскопкахъ въ Пріуральи. Т. XIII, Пр. 86.

Никитинъ Н. В.—О древнихъ бронзахъ, доставленныхъ ему съ Кавказа. Т. XII, Пр. 83, 105.

Оссовскій Г. У.—О раскопкахъ Рыжановецкаго кургана. Т. XIII, Пр. 63.

Павинскій А. И.—О могилахъ Полабскихъ Славянъ въ Мекленбургіи. С. 2, II, 42.

— Языческое кладбище въ Добрынищахъ. С. 3, I, XXVII, 245.

Поливановъ Н. В.—О Майнскомъ городищѣ въ Спасскомъ у. Казанск. губ. на р. Майнѣ и Уткѣ. С. 4, I, LXI, 110.

— Объ озерѣ Свѣтлоярѣ, Макар. у., Нижегор. г. Т. XIII, Пр. 41.

Потанинъ Г. Н.—Памятники древности въ Сѣверо-Западной Монголіи. Т. IX, Пр. 102. X, 50.

Праховъ А. В.—О раскопкахъ каноника Марци въ Этруріи близъ Корнето. Т. VI, Пр. 7.

Раевская А. М.—Описаніе находки, сдѣланной въ Даніи.

Романовъ Е. Р.—Раскопки въ Могилевской губ. 1888 г. Т. XII, 129.

Русовъ А. А.—О раскопкахъ близъ Херсона, произведенныхъ Скадовскимъ.

Савваитовъ П. И.—Изслѣдованіе о Зырянахъ, ихъ языкѣ, азбукѣ, и календаряхъ. С. 1, I, XC, 408.

Савельевъ Н.—Замѣтка о земляной насыпи на лѣвомъ берегу р. Вятки, неподалеку отъ впаденія ея въ Каму. С. 4, I, 118.

Самаряновъ В. А.—Слѣды поселеній Мери, Чуди, Черемисы, Еми и другихъ инородцевъ въ предѣлахъ Костромской губ. Т. VI, 47.

Самоквасовъ Д. Я.—О городахъ и городищахъ въ древнѣйшей Руси.

— Городки и городища въ Курской и Черниговской губ. Т. IV, Пр. 39.

— Результаты изслѣдованія Черниговскихъ кургановъ съ кострищами. Т. IV, 77.

— Черная могила въ г. Черниговѣ. Т. IV, Пр. 47.

— Обзоръ памятниковъ, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періода, найденныхъ за послѣднее время въ черноземной полосѣ Днѣпра.

— О курганахъ Черниговской губ. С. 3. I, XXVIII, 185.

— О раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1876 и 1877 г. въ Полтавской и Кіевской губ. С. 4, I, XCIII.

— О результатахъ раскопокъ, произведенныхъ имъ въ текущемъ году близъ Пятигорска. С. 5, XXVI.

— Историческое значеніе городищъ. С. 3, I, XXXIII и I, 225.

— О раскопкахъ по рѣкѣ Конской.—С. 6, Бюл. № 6, 9, I, 189.

Сахаровъ В. Ѳ. Свѣдѣнія объ археологическихъ раскопкахъ и розысканіяхъ въ Привислянскомъ Краѣ.

Сементовскій А. М.—Свѣдѣнія о случайныхъ находкахъ въ Витебской губ.

— Свѣдѣнія о Бездѣдовскихъ и Устьянскихъ курганахъ.

Сизовъ В. И.—Находка близъ дер. Моисеевой, Дмитр. уѣзда, Курской губ. Т. IX, Пр. 30.

— Поѣздка на Кавказъ и раскопки въ Сухумѣ. Т. XII, Пр. 72.

— Изслѣдованіе Черноморскаго побережья на югъ отъ Новороссійска. Т. XII, Пр. 87, 109.

— Скорняковскіе курганы Воронежск. губ. Задонск. уѣз. Т. XII, Пр. 125.

— О раскопкахъ на Дону. С. 6, Бюл. № 9, 3.

Слуцкій С. С.—О древностяхъ ост. Эзеля и коллекціяхъ мѣстнаго музея. Т. XIII, Пр. 92.

Соловьевъ Е. Т.—О могильныхъ памятникахъ близъ села Русскіе Кирилки въ Мамадышскомъ уѣздѣ, Казанской губ. С. 4, I, XLI и LXIII.

— Надпись на лукѣ, находящемся въ Казанскомъ уѣздномъ Училищѣ.

— Остатки древнихъ сооруженій русскаго юго-востока.

— Древности русскаго востока.

— Свѣдѣнья о курганахъ Казанск. губ.

Солнцевъ Д. П.—Свайныя постройки.

— Свѣдѣнья о курганахъ, находящихся въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Терещенко.—Новѣйшія находки доисторическихъ древностей, Т. IV, 8.

— Замѣтки о Звенигородскихъ древностяхъ А. Д. Черткова. В. 180.

Тизенгаузенъ Бар. В. Г.—Новѣйшія археол. раскопки на Таманскомъ полуостровѣ. Т. II, стр. 39.

— Новыя раскопки въ курганахъ, наход. на предполагаемой мѣстности древней Нимфеи.

— Нормандскій мечь. Т. III, 176.

— Отзывъ о статьѣ Байерна касательно древностей, найденн. имъ въ Мцхетѣ въ 1882 г. Т. IV, Пр. 48.

— О находкахъ въ курганахъ Тамани, извѣстныхъ подъ названіемъ «Семи Братьевъ». Т. VII, Пр. 23, 51.

— О вліяніи древнихъ филигранныхъ украшеній на народныя одежды позднѣйшаго времени». Т. IX, Пр. 16.

— Письмо къ редактору о статьѣ Арх. Амфилохія. Т. II, 56.

— Археолог. находки при работахъ Ростовско-Таганрогской жел. дороги, Т. II, 168.

— О древнихъ могилахъ Мцхета, изслѣдованныхъ въ 1871—1872 годахъ г. Байерномъ. С. 4, I, XLVII, 53.

Токмаковъ И. Ѳ.—О курганахъ Тамбовской губ.

Тышкевичъ Гр. К. П. — О свинцовыхъ оттискахъ, найденныхъ въ 1864 г. на днѣ р. Буга, у Дрогичина. Т. I, 115.

— О камнѣ съ изображеніемъ змій въ Ковенской губ. В. 137.

Уваровъ Гр. А. С. — Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ, В. 49.

— Результаты изслѣдованій въ 1851 и 1852 г. въ Суздальскомъ, Юрьевскомъ и Владимірск. уѣздахъ, Влад. губ. Т. IV, 76.

— О существенныхъ и второстепенныхъ признакахъ народности могильныхъ насыпей. Т. III, 265.

— Разборъ программы Антропологическаго и Археологическаго международнаго съѣзда въ Стокголмѣ (7—16 авг. 1874 г.).

— О значеніи для русской науки археологической выставки, устроенной въ Кіевѣ во время III-го Археолог. Съѣзда.

— Мегалитическіе памятники въ Россіи. Т. VI, 269; VII, 245.

— О новоизслѣдованныхъ славянскихъ могилахъ въ Познани и въ окрестностяхъ Штетина.

— О двухъ каменн. бабахъ, найденн. близъ Штутгарта.

— О каменныхъ ящикахъ близъ Гаспры въ Крыму. Т. VII, Пр. 30.

— О Кипрскихъ древностяхъ, пріобрѣтенныхъ у русскаго консула Юзефовича. Т. VIII, Пр. 4.

— Булава или перначъ. Т. X, 1, Пр. 12.

— Взглядъ на Мцхетскій могильникъ Т. X, 8.

— Меряне и ихъ бытъ.

— Правила экспедицій на Кавказѣ. Т. VIII, Подг. Ком. 9.

— Соображенія относительно изслѣдованій кургановъ и пещеръ Кавказа. Т. VIII, Подг. Ком. 9, 37, 44, 70.

— О методахъ и орудіяхъ для изслѣдованія пещеръ на основаніи сочиненія професс. Доукинса. Т. VIII, Подг. Ком. 25.

— Кобанскій могильникъ и соображенія о возможности опредѣленія эпохи этого могильника.

— Изслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ нахож. Армавира, древней столицы Арменіи.

— О доисторической картѣ Познанской провинціи, предпринятой д-ромъ Шварцомъ. Т. IX, Пр. 82.

— Замѣчательная гробница, найден. Пигорини близъ Вероны.

— Бронз. сосудъ изъ коллекціи Кн. С. Н. Трубецкаго. Т. IX, Пр. 100.

— О гробницахъ близъ Менида въ Аттикѣ на основаніи сочиненія Ульриха Келлера. Т. IX, Пр. 100.

— Раскопки Самоквасова близъ Пятигорска и Кисловодска. Т. IX, Пр. 53.

— О булавѣ на основаніи могильныхъ находокъ, сдѣланныхъ на

— Кавказѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Россіи.

— Критическія замѣчанія по поводу реферата г-жи Месторфъ о стилѣ филиграновыхъ украшеній.

— О признакахъ древности каменн. орудій палеолитической эпохи; Т. VIII, Пр. 25.

— О чашечныхъ камняхъ на основаніи труда Дезора. «Les pierres à écuelles». Т. VIII, Пр. 42.

— О раскопкахъ Самоквасова въ г. Черниговѣ и губерніи. Т. IX, Пр. 9.

— О раскопкахъ въ Ани. Т. VIII, Подг. Ком. 97.

— О раскопкахъ въ Армавирѣ. Тамъ же. 142, 439.

— О работахъ Русова и Цилосани въ Дагестанѣ. Тамъ же. 324.

— Объ изслѣдованіяхъ въ Эриванской губ. Тамъ же. 332.

— О находкѣ на островѣ Біорко. Т. IX, Пр. 14.

— Докладъ о древностяхъ Чехіи на основаніи фотографическаго

— альбома Лемана. Т. IX, Пр. 26.

— О раскопкахъ въ Новгородской и Псковской губ.

— Потанинъ и его описаніе памятниковъ древностей сѣверо-западной Монголіи. Т. IX, Пр. 26.

— Мцхетскій могильникъ.

— Значеніе Осетіи и ея могильниковъ для первобытной археологіи. Т. IX. Пр. 43.

— Объ употребленіи каменныхъ орудій въ весьма позднія времена. С. 1, LXXXII.

— Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ. С. 1, LXXXVIII, 501.

— Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ. С. 1, I, LXXXIX, 632.

— О могильникѣ, открытомъ въ Ярославской губ. С. 3, I, XV.

— Вступительная рѣчь. С. 5, XIII.

— О необходимости скорѣйшаго изданія трудовъ съѣздовъ. С. 5, Пр. LV.

— Объ Археологическомъ Обществѣ въ Тифлисѣ. С. 5, Пр. XCI.

— Ueber die Spuren der Handelsferbindungen zwischen Russland und Indien. C. 5. XL.

— Объ обсидіановыхъ орудіяхъ, найденныхъ на р. Цанкѣ въ Тріалетскомъ приставствѣ учителемъ Іоакимовымъ. С. 5, LXXXV.

— Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ насъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ С. 5, LXXXV, Пр. 19.

— О Дербенскихъ курганахъ. С. 5, LXVII, Пр. 61.

— Нѣкоторыя особенности въ костюмѣ русской женщины въ древнѣйшую эпоху. С. 6, Бюл. № 2, 9.

— Не существуютъ ли сходства между Итальянскими terramare и русскими городищами. С. 6, Бюл. № 9, 12.

Уваровъ Графъ Ѳ. А.—Отчетъ о раскопкахъ въ Кассимовскомъ у. Рязанск. г. Т. XIII, Пр. 68; Т. XIV.

Уварова Графиня П. С.—Отчетъ по изслѣдованію Абхазіи. Т. XII, Пр. 105.

— Могильники Кавказа—отчетъ экспедиціи 1888 г.

Усовъ С. А.—Объясненіе Керченскихъ фресокъ. Т. VI, Библ. 27.

— О древне-русскихъ моноксилахъ. Т. VII, Пр. 45.

Фелицынъ Е. Д.—Свѣдѣнія о курганахъ въ Кубанской Области. Т. XI, Пр. 36.

Филимоновъ Г. Д.—Какое мѣсто должны занять доисторическія древности въ нашихъ собраніяхъ. С. 1, I, LXXXVII.

— О раскопкахъ произведенныхъ имъ на станціи «Казбекъ», С. 5, LXXII.

Хлыновскій.—О каменныхъ бабахъ находящійся въ Семирѣченской области, близъ г. Вѣрнаго.

Цилосани Н. О.—Дневникъ раскопокъ на мѣстѣ древн. города Бердаа въ 1881 году. С. 5, XXI.

Чекалинъ Ѳ. Ѳ.—Остатки древнихъ земляныхъ сооруженій въ предѣлахъ Кузнецкаго уѣз. Саратовской губ.

Черниковъ-Анучинъ.—Находки древностей близъ гор. Уфы.

Шварцъ Докторъ.—Замѣтка о чашечныхъ камняхъ, встрѣчаемыхъ иногда въ церквахъ Познани. Т. IX, Пр. 45.

— Планъ о дневникѣ раскопокъ, произведенныхъ въ Могильномъ округѣ, близъ Слабощева. Т. IX, Пр. 45.

Шеппингъ Баронъ Д. О. — О раскопкѣ 2-хъ майдановъ Воронеж. губ. В. 62.

Шишкинъ И. В.—О древностяхъ Симбирской губ.

Юргевичъ В. Н.—Замѣчанія о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссійскаго края, заслуживающихъ археологическаго изслѣдованія. С. 6, Б. № 3, 8; Т. II, 434, 29.

— О курганахъ Подольской губ. при мѣстечкѣ Рыбницѣ. С. 1, I, LXXVIII.

Ядринцевъ Н. М.—Описаніе Сибирскихъ кургановъ и древностей—путешествіе въ 1878 и 1880 г. Т. IX, 181.

— Древности Томской губ. Т. IX, Пр. 102.

Ястребовъ В. Н.—Глин. чаша, найденн. въ м. Сѣднявкѣ Елисаветградск. уѣзд. Херсонск. губ, Т. XI, 88.

— Каменн. баба Елисаветград. реальнаго училища. Т. XI, 86.

— Погребальные обычаи въ древнихъ могилахъ бассейна р. Ингула, Т. XII, 110.

— Камень съ узорами изъ кургана близъ с. Николаевки, Александровск. уѣз. Херсовск. губ.

Ѳеофилактовъ Пр.—О мѣстѣ нахожденія на Глубочицѣ (въ Кіевѣ) костей человѣка, его орудій и костей хищныхъ животныхъ.

Эминъ Н. Ѳ.—О пещерахъ близъ Эривани. Т. VIII, Подг. Ком. 39.

Эйхвальдъ Э.—О древностяхъ Заволочской Чуди Печорскаго края В. 107.

— Древности въ имѣніи Заваянскомъ Т. II, 136.

Памятники христіанскаго искусства.

Амфилохій Арх.—О древней гривнѣ. Т. III, 177.

— Двѣ шелковыя хоругви въ ц. Великомученика Никиты за Яузой. Т. IV, Пр. 57.

— О вліяніи византійской иконописи и миніатюрной живописи съ X—XVI в. на Славянскую иконопись и миніатюрную живопись. С. 3, I, XL.

Антоновъ Свящ.—Кирилловская Троицкая церковь. Т. IV, Пр. 10.

Артлебенъ Н. А.—Кадило Городищенской церкви 1566 г.

— Объ амвонахъ. Т. I, 206.

— О древнихъ фрескахъ, открытыхъ имъ въ Переяславскомъ соборѣ.

— Шитая пелена XV в. Суздальскаго собора. Т. X, 4.

Бакрадзе Д. З.—Христіанскіе памятники на Кавказѣ. Т. XII, Пр. 24.

Барсовъ Е. В.—Шитая пелена XVI или XVII ст. изъ Выксинскаго Николаевскаго монастыря. Т. IV, Пр. 26.

— Монограммы на старинныхъ крестахъ какъ дополненіе къ статьѣ «Крестъ» Савваитова П. И.

— О драконахъ на древнихъ памятникахъ. Т. VI, Пр. 25.

— О вліяніи христіанскихъ апокрифовъ на церковный обрядъ и иконопись. Т. VI, Пр. 37.

— Объ антиминсахъ Православной церкви на основаніи сочиненія о. Констант. Никольскаго. Т. VII, Библ. 1, Пр. 14.

— Объясненіе нѣкоторыхъ иконъ и предметовъ, бывшихъ на выставкѣ въ г. Череповцѣ. Т. VIII, Пр. 63.

Буслаевъ Ѳ. И.—Сообщеніе о изображеніи «Св. Души Христовой» С. 1, I, CX, 848.

Бюлеръ Бар. Ѳ. А.—Объяснительная записка фамильнаго финифтянаго складня XVI в.

Виноградовъ.—Опытъ сравнительнаго описанія и объясненія нѣкоторыхъ символическихъ иконъ древнерусскаго искусства.

Виноградскій В. А.—Письма изъ Италіи. В. 235, 272.

Воскресенскій П. П.—Описаніе Спасо-Ренской пустыни, находящейся въ Тверской губ. около гор. Весьегонска. Т. IV, 86.

Герцъ К. К.—Объ открытіи французск. археологомъ Клермонъ Гано погребальной пещеры близъ Іерусалима и о палеографической важности надписей въ этой пещерѣ.

— О новооткрытыхъ фрескахъ въ подземной базиликѣ Св. Климента въ Римѣ.

— Замѣтка по вопросу о происхожденіи потира.

— Замѣчанія о мозаикахъ базилики S. Apollinare Nuovo въ Равеннѣ. Т. IV, Пр. 19.

— О Менологіи Импер. Василія, принадлежащемъ Ватиканской библ. Т. IX, Пр. 35.

— О каталогѣ разныхъ произведеній изъ слоновой кости Кенсингтонскаго музея въ Лондонѣ. Т. IV, Пр. 36.

Головацкій Ѳ. Я.—Описаніе иконы страшнаго суда, находящейся въ Новгородской губ., Старорусск. уѣзд., въ с. Коростынѣ.

Голышевъ И. А.—Замѣтки о русскомъ иконописаніи

— Списокъ извѣстныхъ памятниковъ древности Вязниковскаго уѣзда.

— Изображеніе на иконахъ мученика Христофора.

Даль Л. В.—Замѣтка о мѣдныхъ гривнахъ XII в. (наузахъ). Т. IV, 74.

Жизневскій А. К.—Объ иконѣ Спасителя, хранящейся въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Т. IV, 82.

— Извѣстія о древнихъ иконахъ Ржевскаго Успенскаго собора. Т. IV, Пр. 50.

— Описаніе креста Рожественской часовни города Ржева. Т. IV, Пр. 50.

— О каменномъ гробѣ, найденномъ въ Твери, на Рыбацкой ул. Т. IV, Пр. 51.

— Село Пречистая-Каменка Новоторжскаго уѣз. Т. VI, 135.

Разумовскій Прот. Д. В.—Музыкальная дѣятельность кн. В. Ѳ. Одоевскаго. С. 1, I, CXII, 436.

— Церковно-русское пѣніе. С. 1, I, CVII, 444.

— О народномъ пѣніи въ Россіи. С. 1, I, CXIV, 467.

Розановъ Н. П.—Описаніе иконы Св. Николая Чудотворца въ церкви Успенія на Остоженкѣ. Т. IV, Пр. 10.

— Древніе и другіе особо замѣчательные предметы въ приходскихъ церк. г. Москвы. Т. IV, 125.

Романовъ Е. Р.—Борисовъ камень. Т. XIII, 191.

Румянцевъ В. Е.—О новооткрытыхъ фрескахъ въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Т. IX, Пр. 106.

— О реставраціи иконы, полученной отъ протоіерея Свирѣлина изъ Переяславля. Т. X, Пр. 82.

— Икона (изъ собр. Гр. А. С. Уварова), съ изображеніемъ монастыря и передъ нимъ Христа въ образѣ нищаго. Т. XI, 70.

— О плащаницѣ присланной изъ Буковины, на выставку. С. 3, I, XLIII.

Свирѣлинъ Свящ.—О двухъ рукописныхъ евангеліяхъ, найденныхъ въ ризницѣ Переяславскаго Даніилова монастыря. Т. VII. Пр. 16.

— Изслѣдованіе объ иконѣ Божьей Матери при Воздвиженской церкви въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Т. VIII, Пр. 36.

Сементовскій А. М.—Списокъ Памятниковъ старины, находящихся въ предѣлахъ Витебской губ.

Сорокинъ А. Е.—Икона Петровской Божьей Матери, пріобрѣтенная А. И. Хлудовымъ.

Срезневскій И. И. — О фрескахъ въ Софійскомъ соборѣ и объ изображеніи древнихъ русскихъ одеждъ, на нѣкоторыхъ памятникахъ. С. I, I, CVIII.

— Древнія изображенія Велик. Князя Владиміра и Вел. Кн. Ольги. В. I.

Стояновъ А. И. —Художественныя древности Кавказа. Т. XII, Пр. 25.

Титовъ А. А.—Свѣдѣнья о рѣзномъ крестѣ изъ цер. Никольскаго погоста, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ. Т. IX, Пр. 59.

Тихонравовъ К. Н.—Замѣтка объ археологической находкѣ, въ Суздалѣ.

— О наперсномъ каменномъ амулетѣ, Суздальскаго Рождественскаго Собора. Т. IV, Пр. 29.

— Поправки на статью Барсова объ антиминсахъ. Т. VIII, Пр. 41.

Толстой Гр. М. В.—О древнихъ иконахъ. С. 6, Бюлл. № 10, 10.

— Нѣсколько словъ о лицевыхъ псалтиряхъ. С. 3, I, XLIII, 137.

Троицкій Н. И.—Символика на епископской палицѣ. С. 6, Бюлл. № 3, 11.

— Церковно-Археологическіе памятники, хранящіеся въ ризницѣ Тульскаго архіерейскаго дома. Т. XI, 1.

Троицкій П.—О новооткрытыхъ старинныхъ фрескахъ въ древней Печерской Спасской и Кирилловской церквахъ (письмо).

Турбинъ Н. М.—О раскопкахъ въ Могилевской губ. Т. IV, Пр. 51.

Уваровъ Гр. А. С.—Церковный диптихъ V в. т. I, 1. Отвѣтъ на замѣтку проф. Казанскаго.

— О вѣтрахъ, отрывокъ изъ символики.

— Олень въ русской символикѣ.

— Рѣзная икона «Премудрость созда себѣ домъ», принадлежавшая Пинскому Князю Θеодору Ивановичу Ярославичу 1499—1522 г. В. 193.

— Отчетъ одномѣсячнаго пребыванія въ Италіи.

— Древняя картина XVII вѣка, съ олицетвореніемъ синагоги и церкви.

— О древнемъ образѣ Спасителя, находящемся въ церкви Св. Петра въ Римѣ.

— Изслѣдованіе проф. Пипера объ иконографіи Іоанна Предтечи. В. 70.

— Объ изображеніи слѣдовъ на памятникахъ, первыхъ трехъ вѣковъ христіанства.

— О наузахъ.

— Объ образномъ изображеніи, находящемся въ Дмитріевскомъ Соборѣ.

— Христіанскіе памятники Равенны.

— Миніатюры Чешскихъ рукописей отъ XI до XVII в. по документамъ собраннымъ въ Пражскихъ Музеяхъ и Библіотекахъ.

— О Петросскомъ кладѣ.

— О трехъ малоизвѣстныхъ памятникахъ византійскаго искусства. Т. IV, Пр. 21.

— Гностическая гемма или науза, хранимая въ Мастрихѣ подъ названіемъ печати Св. Сарватія. Т. IV, Пр. 25.

— Изображенія Богородицы, извѣстныя подъ названіемъ «Нерушимая Стѣна» въ Равеннѣ. Т. IV, Пр. 32.

— О блюдѣ В. Кн. Ольги — новое дополненіе къ памятнику Антонія. Т. IV, 95.

— Суздальское оплечье. Т. V, 1.

— Памятники древности въ монастыряхъ Фруской горы.

— Оріандовская пещера. Т. VII, стр. 19.

— Замѣтка касательно жалобы Муромскаго соборнаго протопопа съ братіей на иконописцевъ Александра и Өедора Ивановыхъ Казанцевыхъ, поданной 8 марта 719 г. Т. IX, Пр. 2.

— Проэктъ программы для чтеній по Византійской археологіи. Т. IX, Пр. 31.

— Рукописи Эчміадзинскаго монастыря Т. VIII, Подг. Ком. 350.

— Спасъ «Благое молчаніе» — замѣчаніе на рефератъ Усова о фрескахъ Успенскаго собора. Т. IX, Пр. 50.

— Древняя стѣнопись Владимірск. Успенскаго собора. Т. X, Пр. 3.

— Недремаемое око Спасово. Т. 1, 125.

— Кіотъ 1614 г. въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Т. I, III.

Усовъ С. А.—Миніатюры Сирійскаго евангелія Рабулы, хранящагося въ Лаврент. библ. во Флоренціи. Т. XI, I; Т. XII, Пр. 32.

— О хоругви, хранящейся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, что на Устьѣ, близъ Ростова. Т. X, Пр. 92, 94.

— Объ иконѣ Сошествія Св. Духа.

— О значеніи слова «Деисусъ». Т. XI, 53, Т. III, Пр. 30.

— Мозаика въ цер. Преображенія въ монастырѣ Св. Екатерины на Синаѣ. Т. VIII, 105.

— Миніатюры къ греческому кодексу евангелія VI в. открытому въ Россано. Т. IX, 37.

— Замѣчательный коверъ Геронскаго Собора. Т. IX, 105.

— Соображенія о миніатюрахъ въ книгѣ Бытія, Вѣнской библіотеки.

— О значеніи древнихъ фресковыхъ изображеній, открытыхъ за иконостасомъ въ Московск. Успенскомъ Соборѣ Т. IX, Пр. 2, 44.

— Поѣздка во Владиміръ для осмотра древней стѣнописи, Владимірскаго Успенскаго Собора. Т. X, Пр. 12.

— Отвѣтъ А. С. Павлову, по поводу его разбора лѣтописныхъ извѣстій о времени первоначальнаго украшенія Моск. Успенск. Собора стѣнными изображеніями. Т. X, Пр. 13.

Шеппингъ Баронъ. — О новооткрытыхъ фрескахъ X в. въ церкви Св. Климента въ Римѣ, съ изображеніемъ слав. проповѣдниковъ Кирилла и Меѳодія.

Зодчество.

Авдѣевъ А. А.—Описаніе двухъ церквей, найденныхъ въ Херсонисѣ.

— О планахъ грузинскихъ и армянскихъ церквей въ сравненіи съ планами византійскихъ церквей. С. 5, LXXXVII, 193.

— Церковь св. Іоанна Предтечи въ Керчи. С. 6, Бюл. № 10, 4, и III, 385.

Амфилохій Арх.—Древнее описаніе Ново-Іерусалимскаго храма Воскресенія Христова, сравненное съ древнимъ же описаніемъ Старо-Іерусалимскаго храма Воскресенія.

— О внутреннемъ расположеніи монастырскаго храма, построен. въ 1025—43 г. Алексіемъ Патріархомъ Константинопольскимъ, по его уставнику въ славянскомъ переводѣ XII в. хранящагося въ Моск. Синодальной библіотекѣ.

Андреевъ А. Н.—Подземелье на Синодальномъ дворѣ въ Кремлѣ, открытое въ 1860 г.

Артлебенъ Н. А.—Казна Московскаго Успенскаго собора, устроенная Аристотелемъ Фіоравенти. Т. VIII, 123.

— По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ. С. 1, I, CVII, 288.

Барсовъ Е. В.—Изслѣдованіе о монастырѣ и деревянной церкви XIV в., построенныхъ св. Лазаремъ Муромскимъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.

— Объ уцѣлѣвшей деревянной церкви XIV в. на остр. Мучь, Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губ.

Бочаровъ Н. П.—О стѣнѣ древней Коломенской крѣпости Т. III, 68.

Бранденбургъ Н. Е.—Отрывокъ изъ дѣла о возобновленіи укрѣпленій гор. Калуги въ 1659 г.

— Краткія извѣстія о времени построенія старинныхъ церквей въ Новгородскомъ, Пусторжевскомъ, Великолуцкомъ и др. уѣздахъ.

Бюлеръ Бар. Ѳ. А.—Древняя деревян. церковь, построен. при Алексіѣ Михайловичѣ въ 1673 г. и находящаяся въ Рязанской губ. въ г. Паленскомъ. Т. IX, Пр. 61.

Васильевъ И. И.—Деревянная церковь упраздненнаго Святодуховскаго православ. монастыря въ г. Якобштадтѣ Курляндской губ. Т. VIII, стр. Пр. 67.

Даль П. В.—Краткій списокъ древнихъ церквей и монастырей Олонецкой губерніи.

— По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ. С. I, 1, XCVIII, 277.

Дестунисъ Г. С.—Историко-топографическій очеркъ сухопутныхъ стѣнъ Константинополя. С. 6, III, 235.

Дмитріевъ Н. В.—Обозрѣніе архитектуры въ Россіи.

Евлентьевъ К. Г. — Списокъ памятниковъ древности и старины въ г. Псковѣ и его окрестностяхъ. Т. IV, Пр. 10.

Жизневскій А. К.—Путевая замѣтка о Краснохолмскомъ монастырѣ. Т. IV, 84.

— О Старицкомъ соборѣ 1561 г.

— Изразцы на Старицкомъ соборѣ. Т. XII, Пр. 182.

Закревскій И. В.—Къ вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ. С. 1, I, XCVIII.

Иловайскій Д. И.—Главныя эпохи въ развитіи Мавританской архитектуры на основаніи изслѣдованія Рафаэля Контрероса. Т. IX, Пр. 11.

Калачевъ Н. В.—Домъ Малюты Скуратова, нынѣ курьерскій Моск. Департамента Правит. Сената. В. 267.

Кельсіевъ А. И.—Недавно реставрированный придѣлъ Николо-Надѣинской церкви въ Ярославлѣ. Т. VIII, Пр. 74.

Кибальчичъ.—Объ уничтоженномъ пещерномъ храмѣ въ Крыму.

Комаровъ А. В.—Объ укрѣпленіяхъ Дербента и о Кавказской стѣнѣ. С. 5, LXXXVII.

Кондаковъ Н. П.—Древняя архитектура Грузіи. Т. VI, 211.

— Константинопольскія церкви. С. 6, Бюл. № 7, 15; Тр. III, I—IV и 1—229.

Лебединцевъ Протоіер.—О св. Софіи Кіевской. С. 3, I, LIX, 53.

Леонидъ Арх.—Московскій Звенигородъ и его уѣздъ въ церковно-археологическомъ отношеніи. Т. VII, 92.

Любавскій А. Д.—О разрушающихся Смоленскихъ крѣпостныхъ стѣнахъ.

Мансветовъ И. Д.—По вопросу объ архитектурѣ XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ. С. 1, I, XCV, 272.

— Церковно-строительная дѣятельность въ Новгородѣ (по лѣтописямъ). Т. VI, 68.

Миллеръ В. Ѳ.—О цер. въ г. Дермерджи, близъ Алушты. Т. XII, Пр. 56.

Минхъ А. И.—Старыя деревянныя церкви Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ. В. 239.

Мурзакевичъ Н. Г.—Описаніе церквей Тверской епархіи.

— О Пицундскомъ храмѣ Успенія Пресвятой Богородицы. С. 5, XXXIII; Т. VIII, Подг. Ком. 143.

Невоструевъ А. Н.—Описаніе Кашпирскаго Благовѣщенскаго Симонова монастыря. В. 220.

Никитинъ Н. В.—Остатки древнихъ крѣпостныхъ построекъ въ башнѣ Китая-города, близъ Варварскихъ воротъ.

— Описаніе вновь найденн. древнихъ, архитектурныхъ украшеній въ домѣ Археологическаго Общества.

— Реставрація древнихъ архитектурн. памятниковъ по Віоле-ле-Дюку. Т. XI, стр. 32.

— Отчетъ по экспедиціи въ Абхазію.

Никольскій С. Я.—Золотыя ворота XII вѣка во Владимірѣ.

Оглоблинъ Протоіер.—Указатель древностямъ Кіева. Т. IV, Пр. 10.

Оссовскій Г. О.—Откуда привозился красный шиферъ, встрѣчаемый какъ въ древнихъ храмахъ, такъ и въ другихъ памятникахъ Кіева. С. 3, I, XLIII; II, 159.

Павлиновъ А. М.—Черниговскій соборъ и проэктъ его реставраціи.

— О древнихъ церковн. сооруженіяхъ. Т, XI, Пр. 77; XII. Пр. 171.

— Отчетъ о поѣздкѣ въ Закавказье лѣтомъ 1888 г. Т. XIII, Пр. 100.

— Спасо-Мирожскій монастырь въ Псковѣ. Т. XIII, 154.

— Реставрація Коломенскихъ крѣпостныхъ стѣнъ. Т. XIII, 163.

Петровъ П. Н.—Хронологическая опись московскимъ постройкамъ, составленная по лѣтописямъ и архивнымъ документамъ.

Поповъ А. П.—Свѣдѣнія о времени построенія и архитектурныхъ особенностяхъ цер. Николая Чудотворца, что въ Мясникахъ въ Москвѣ. Т. X, Пр. 67, 69.

— О Звенигородскомъ Успенскомъ соборѣ. Т. XI, Пр. 68.

Праховъ А. В.—Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства. Т. XI, I, Пр. 84.

Прохоровъ В. А.—Очеркъ Исторіи византійскаго искусства и обзоръ русской архитектуры. С. 3, I, XLI.

Розановъ Н. П.—Матеріалы для исторіи дома Московск. Археологическаго Общества, на Берсеневкѣ.

Румянцевъ В. Е.—Древнія зданія Моск. Печатнаго двора. Т. II, I.

— Нѣкоторыя результаты работъ по составленію «Указателя архитектурныхъ памятниковъ Московскаго періода». Т. VI. Пр. 30.

— Отчетъ по поѣздкѣ въ Ростовъ, Ярославль и Кострому. Т. VI. Пр. 30.

— Почему съ половины XVII вѣка воспрещалось строить церкви съ высокими шатровыми покрытіями. Т. IX, 87, Пр. 63.

— Видъ Московскаго Кремля въ самомъ началѣ XVII столѣт. Т. XI, 53.

— Домъ Московск. Археолог. Общества, на Берсеневкѣ. Т. V, 33.

— Мнѣніе о книгѣ Віоле-ле-Дюка «l'Art russe». Т. VIII, Пр. 31.

— Бѣлая Палата въ Ростовѣ Великомъ. Т. X, 53.

Самаряновъ В. А.—Троицкая церковь, что въ Ликургѣ, Костромской губ. Дуйскаго уѣзда. С. 1, I, CXXV, 427.

Сизовъ В. И.—Замѣчаніе на изслѣдованіе Кондакова «Древняя архитектура Грузіи». Т. VIII, Пр. 28.

Соловьевъ Е. Т.—Свѣдѣнія объ остаткахъ древней Булгарской крѣпости въ Тетюшскомъ уѣздѣ.

Срезневскій И. И.—О Св. Софіи Царьградской, по описанію русскаго паломника конца XII вѣка. С. 3, I, LV, 95.

Стояновъ А. И.—О раскопкахъ въ Кутаисскомъ древнемъ соборѣ. Т. VIII, Подг. Ком. 180.

— Провѣрка плановъ Дюбуа и описаніе древнихъ памятниковъ въ Кутаисѣ. Тамъ же 79.

Султановъ Н. В.—Русскія шатровыя церкви и ихъ соотношеніе къ грузинскимъ и армянскимъ пирамидальнымъ покрытіямъ. С. 5, LXIII, 239.

— Объ историческомъ развитіи типа колоколенъ. С. 6, Бюл. № 4, 12, 14.

Уваровъ Гр. А. С.—О Кутаисскомъ соборѣ. Т. IX, Пр. 101; Т. VIII, Подг. Ком. 77.

— О новооткрытой Борисоглѣбской церкви на р. Смядинѣ, близъ Смоленска. Т. X, Пр. 49.

— Объ архитектурѣ первыхъ деревянныхъ церквей на Руси. С. 2, II, 54, 1—24.

— Взглядъ на архитектуру XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ. С. 1, I, XCIII, 252.

— О Китайской стѣнѣ въ Москвѣ. С. 2, II, 60.

Уварова Гр-ня П. С.—Отчетъ о поѣздкахъ въ Аджарію, Шавшетію и Горійскій уѣздъ. Т. XIII, Пр. 118.

Усовъ С. А.—Къ исторіи Московскаго Успенскаго собора. Т. X, 73.

Цилоссани Н. О.—О раскопкахъ въ церкви древняго монастыря въ Сухумскомъ округѣ.

Чекалинъ Ѳ. Ѳ. — Остатки древнихъ каменныхъ сооруженій въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губерніи.

Ѳоминъ М. М.—О развалинахъ церкви 1166 г. Орловской губ., Брянскаго уѣзда, въ селѣ Вчижѣ.

Памятники письма и языка.

Амфилохій Арх.—Описаніе Евангелья 1092 г. Т. VII, 29, Пр. 54.

— О двухъ древне-славянскихъ письменныхъ памятникахъ: О хридскомъ апостолѣ Румянцевск. Музея и Ѳеодоритовой толковой псалтыри 1472 г. Т. VIII, Пр. 42.

— Рукописный катихизисъ, писанный въ XVIII стол.

— Извлеченіе изъ словаря библейскихъ словъ приписаннаго по-

черкомъ XVII стол. въ найденномъ имъ экземплярѣ, Острожской библіи.

— О подложности глаголитскихъ отрывковъ такъ называемаго Реймскаго евангелья. Т. X, Пр. 31.

— О греческой кормчей Моск. Сvнод. библ., послѣдней четверти IX в. подъ № 393. В. 15.

— О рукописной греческой псалтыри IX в., принадлежащ. Лобкову.

— Родословное древо Спасителя изъ Еванг. 1686 г. въ Высоко-Петровскомъ монастырѣ.

— Описаніе греческой рукописи, принадлежащей Моск. Университету.

— Изслѣдованіе о славянской псалтыри XIII—XIV в. библіотеки А. И. Хлудова. Т. III, I.

— О новооткрытыхъ имъ латинскихъ надписяхъ въ Даніиловомъ монастырѣ.

— Описаніе Струмницкаго самодревнѣйшаго Октоиха юсоваго письма, XI в. изъ собранія Хлудова, (прежде Гильфердинга).

— О переводѣ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ Апостола. С. 2, II, 40, 16.

— Что внесъ св. Кипріанъ митрополитъ въ наши богослужебныя книги. С. 3, I, LXV; 2, 231.

Аристовъ Н. Я.—Замѣтка о поученіяхъ епископа Серапіона. С. 3, I, XLVIII; Т. II, 41.

— О цѣнѣ русскихъ рукописей въ XVI и XVII столѣтіяхъ. С. 4, 1, XXXVIII.

Артлебенъ Н. А.—Снимокъ съ почерка рукописнаго Евангелія, хранящагося въ церкви с. Николо-горскаго, Вязниковскаго уѣз. Владимірск. губ.

— Описаніе Евангелія 1544 г. въ Боголюбскомъ монастырѣ. Т. I, 104.

— О рукописномъ синодикѣ 1672 г. Т. IV, 65.

— О нѣмецкомъ надгробномъ памятникѣ XVI в., найденномъ въ Троицкой церкви во Владимірѣ на Клязьмѣ. Т. VII, Пр. 44.

Багалей Д. И. О дѣлахъ найденныхъ имъ въ Архивѣ Полтавской Казенной Палаты. С. 6, Бюл. № 2, 6.

Бакрадзе Д. З.—О древнихъ варіантахъ Грузинскаго четвероевангелія. С. 5, XXX, 215.

— Разборъ Гуджара въ Грузино-Имеретинской Синод. Конт. Т. VIII; Подг. Ком. 383, 420.

— О новомъ грузинскомъ четверо-евангеліи, Тамъ же. 484.

Барсовъ Е. В.—Вновь открытый катихизисъ Θеофана Прокоповича. Т. VII, Пр. 73.

— О времени составленія Пушкинскаго сборника со Словомъ о Полку Игоревѣ.

— Изслѣдованіе о Словѣ о Полку Игоревѣ. С. 3, I, LXI.

Брунъ Ф. К.—О рукописи путешествія де-ла—Брохвера въ Палестину.

Великановъ А. С.—О надписанныхъ камняхъ по теченію Западной Двины Т. VIII, Пр. 9.

Веневитиновъ М. А. Уваровскіе списки Даніилова хожденія. Т. XII, 65, Пр. 124; Т. XIII, 1.

— По поводу 500-лѣтія перваго путешествія по Дону—Хожденіе Митр. Пимена. Т. XIV.

Гаркави А. Я.—О новооткрытыхъ рукописяхъ Ветхаго Завѣта. С. 6, Бюл. № 5, 5.

— О древнѣйшемъ русскомъ словарѣ. С. 6, Бюл. № 4, 6.

Головацкій Я. Θ.—Открытіе славяно-русской надписи въ зданіи Виленскаго театра. Т. IV, 89.

Голышевъ.—О древней печатной доскѣ, находящейся въ его собраніи.

— Описаніе рукописнаго Синодика, Серапіоновой пустыни, Вязниковск. уѣз. Владимірск. губ.

— Благословенная грамота Аθанасія Епископа Суздальскаго на церк. Покрова Богородицы въ г. Старомъ Татаровѣ 1737 г. Т. IX, Пр. 30.

Григоровичъ В. И.—О рукописи XVII в. найденной въ Симбирскѣ. С. 2, II, 40.

— Что значитъ слово «толковикъ» или «толковникъ» въ русскихъ лѣтописяхъ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ. С. 3, I, LII.

Дестунисъ Г. С.—О греческомъ лицевомъ сборникѣ изъ собранія Гр. А. С. Уварова XVI ст. Т. XIII, Пр. 75; Т. XIV, 29.

Добрынкинъ Н. Г.—Описаніе древняго рукописнаго Евангелья XV вѣка, хранящагося въ Зяблицкомъ погостѣ Троицкой церкви Муромскаго уѣзда.

Долговъ С. О.—Русскій переводъ латинскаго описанія Іерусалима, Т. XII, 31, Пр. 71.

Дондуковъ-Корсаковъ Кн. А. М. — Вновь открытая Русская старина. Т. IV, 99.

— Рогволодовъ камень.

Жизневскій А. К.—Загадочный каменный памятникъ Тверскаго Музея. Т. XIII, 129.

Заозерскій Н. А.—Надгробная надпись въ Фроловскомъ-Юхти, Ярославской губ. XVI в. Т. X, Пр. 57.

Казанскій П. С.—Надгробная надпись Аверкія, епископа Іерапольскаго.

Калачевъ Н. В.—О спискѣ съ писцовыхъ книгъ по гор. Казани съ уѣздомъ, изданнымъ Казанской Духовной Академіей. С. 4, I, CXXI.

Козловскій И. И.—О палеографическихъ особенностяхъ погибшей рукописи Слова о Полку Игоревѣ. Т. XIII, Пр. 87.

Коршъ Ѳ. Е.—О греческомъ лицевомъ сборникѣ изъ Собранія Гр. А. С. Уварова XVI ст. Т. XIII, Пр. 75; Т. XIV, 73.

Котляревскій А. А.—О матеріалахъ для изученія славянской палеографіи, на основаніи трудовъ И. И. Срезневскаго. В. 85.

— Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. В. 178.

Красносельцевъ Н. Ѳ.—Чиновникъ Архангелогородскаго каѳедральнаго собора, и архангелогородская лѣтопись.

Кусцинскій М. Ф.—Надгробный камень 1568 г., въ Лепельскомъ уѣз. Витебской губ. Т. IV, 92.

Лавровскій П. А.—Старо-русское тайнописаніе. Т. III, 29.

Леже Л.—О нѣкоторыхъ отрывкахъ славянскаго письма, хранящихся въ Турской библіотекѣ. С. 3, I, LXI; II, 253.

Майковъ Л. Н.—Обозрѣніе отвѣтовъ на 57 вопросъ Съѣзда. С. 4, I, CXXI.

Миллеръ В. Ѳ.—О кирилицѣ и глаголицѣ. Т. IX, Пр. 23.

— Объ эпиграфическихъ слѣдахъ иранства на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Т. XII, Пр. 23.

— Древне-Осетинскій памятникъ изъ Кубанской обл. Т. XIII, Пр. 99.

Окромчедѣловъ-Серебряковъ И. Л.—О Грузинскомъ алфавитѣ. С. 5, XXXIX, 221.

Павловъ А. С.—О святительскомъ поученіи XII в., вѣроятно Новгородскаго Владыки Іоанна-Ильи. Т. XII, Пр. 164.

Петровъ Н. И.—О двухъ новооткрытыхъ болгарскихъ рукописяхъ въ Софійской народной библіотекѣ. С. 6, Бюл. № 6, 4.

Пляръ-Огюстенъ.—Описаніе каменн. плиты съ нѣмецкою надписью 1595 г., найденной за алтаремъ Казанской церкви, у Калужскихъ воротъ.

Пыпинъ А. Н.—Замѣтки по литературной археологіи.

Румянцевъ В. Е.—Замѣтки по поводу возобновленія древнихъ библіотечныхъ палатъ Моск. Печатн. Двора. Т. VII, Изв. 1.

— Надгробныя надписи въ Московск. ц. св. Николая въ Башмачкахъ. Т. VII, Изв. 3.

— О харатейномъ уставѣ съ Кондакаремъ XI в. и о рукописномъ номоканонѣ, принадлежащихъ библіотекѣ Печатнаго Двора. Т. VII, Пр. 11.

— «Слово о милости» справщика Евѳимія конца XVII стол. Т. VII, Пр. 31.

— Новыя свѣдѣнья о первомъ Московскомъ изданіи Кормчей книги въ 1650—53 годахъ.

— Свѣдѣнья о книжномъ собирателѣ XVII ст. и библіофилѣ Свящ. Никифорѣ.

Сементовскій А. М.—Сообщеніе о каменной плитѣ съ латинскою надписью, найден. въ имѣніи Усвятъ, Будницкой волости, Витебской губ.

Симони П. К.—Переводъ Слова о Полку Игоревѣ Т. XIII.

Соловьевъ Е. Т.—Описаніе и переводъ восточной надписи на кинжалѣ изъ одного частнаго собранія въ Казани.

Срезневскій И. И.—О Глаголической рукописи, хранящейся въ Кіевской духовной академіи. С. 3, I, LXI, II, 269.

— По поводу вопросовъ №№ 48—58, и особенно № 53. С. 4, XL.

— О сборникѣ рукописей и памятниковъ языка и народной словесности болгаръ Стефана Верковича. С. 4, I, LXXI.

— Докладъ объ отвѣтахъ на вопросы по отдѣлу VI-му. С. 4, I, CXX.

Стояновъ А. И.—О рукописномъ сборникѣ сванетскихъ пѣсенъ. С. 5, XLIX.

Тихонравовъ К. Н.—Надписи съ древнихъ русскихъ памятниковъ Владимірской губ.

— Замѣтка о трехъ древнихъ надписяхъ—двѣ изъ Вознесенской церк. бывшаго Александровскаго монастыря, третья съ шитаго покрова въ Муромскомъ соборѣ. Т. VII, Пр. 22.

Толстой Гр. М. В.—О древнихъ актахъ въ г. Старой Русѣ. С. 4, I, LV, 1.

Тышкевичъ Гр. К. П.—О древнихъ камняхъ—памятникахъ Западной Руси и Подоліи. В. 154.

Уваровъ Гр. А. С.—Замѣтка о Рогволодовомъ камнѣ, 1171 г. Т. VI, 291.

— О найденной въ Мцхетѣ древней Еврейской надписи. Т. VIII, Подг. Ком. 8.

— О сборникѣ снимковъ съ арабскихъ надписей Дербента. Тамъ же. 94.

— О Таркинской надписи. Тамъ же. 94.

Цагарелли А. А.—Свѣдѣнія о памятникахъ Грузинской письменности. С. 5, XXXVII, 104.

Церетели Кн.—Полное Собраніе надписей и приписокъ Гелатскаго монастыря.

Цвѣтаевъ И. В.—Очеркъ дѣятельности Анжело Маи, преимущественно по изданію и объясненію древнихъ текстовъ, латинскихъ авторовъ.

Шумовъ Свящ. П. С.—Замѣтка о старинныхъ надписяхъ, находящихся въ Николо-Голутвинской церкви въ Москвѣ.

Эминъ Н. О.—О составленномъ имъ сборникѣ древнихъ Армянскихъ надписей, находящихся въ Русской Арменіи. Т. VIII, Подг. Ком. 39, 5.

— Списокъ Арм. апокрифовъ въ Эчміадзинской библіотекѣ. Тамъ же. 377.

— О неизданныхъ Армянскихъ апокрифахъ. Тамъ же, 98, 146.

Исторія и этнографія.

Амфилохій Арх.—Путешествіе Іоанна Алексѣевича и его тетокъ изъ Москвы въ Новый Іерусалимъ въ 1685 г.

Антоновичъ В. Б.—О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода. Т. VI, 41.

Аристовъ Н. Я.—Матеріалы для исторіи цѣнъ въ Россіи 1690 г. изъ рукописнаго дѣла о Ѳ. А. Шакловитомъ.

— О землѣ Половецкой. С. 4, I, LXVI.

Багалей Д. И.—Исторія колонизаціи Слободской украйны въ XVII и XVIII в. С. 6, бюл. 10, 13.

Бакрадзе Д. З.—Объ историческихъ памятникахъ Кавказа. Т. VIII, Подг. Ком. 58.

Барсовъ Е. В.—О деревян. часовнѣ, воздвигнутой народомъ близъ р. Вытегры, Олонецкой губ. для ознаменованія мѣста, гдѣ Петръ Вел. бесѣдовалъ съ народомъ о необходимости Онежскаго канала. Т. VII, 26.

— Извѣстіе объ Аланахъ на основаніи славянскаго перевода Іосифа Флавія XII в.

— О кладѣ найден. въ Кіевѣ при Петрѣ Вел. Т. IX, 22.

Бестужевъ-Рюминъ К. Н.—О чертежахъ и картахъ Болгарскаго городища и Казанской губ. изъ архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ. С. 4, I, XXXIII.

Бранденбургъ Н. Е.—Объ Авраміи Карамышевѣ.

Брунъ Ф. К.—Кто были четыре тюркскія племени, которыя разбили, по свидѣтельству Масуди, Грековъ въ 934 г. подъ стѣнами Вамидаря и гдѣ находится этотъ городъ. С. 4, I, LXIX; II, 255.

— О хронологіи войнъ Святослава. С. 6, Бюл. № 5, 8.

Бурачковъ П. О.—Опытъ рѣшенія одного темнаго мѣста въ сказаніяхъ Геродота о древней Скиѳіи. С. 3, I, XXXIII и II, 63.

— По поводу брошюры А. В. Орѣшникова «Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартакидовъ». С. 6, Б. № 4, 9 и Тр. II, 114.

Бюлеръ Баронъ Ѳ. А.—Замѣтка о думномъ дьякѣ Микулинѣ, бывшемъ посланникѣ въ Англіи и Даніи. Т. VII, 23.

— Свѣдѣнья о Бахчисараѣ по запискѣ Манштейна, на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Висковатый П. А.—Объ Эстахъ, живущихъ на берегахъ о. Пейпуса въ окрестностяхъ Изборска. С. 6, Бюл. № 6, 8.

Гаркави А. Я.— Нѣкоторыя данныя по древней географіи, извлеченныя изъ рукописей Имп. Публичной библіотеки. С. 4, I, LXVII, и отд. II, 249.

— Новыя соображенія о географическомъ распредѣленіи наименованій въ генеологической таблицѣ потомковъ Ноевыхъ. С. 5, XXII, 101.

— О происхожденіи названія «Крымъ», С. 6, Бюл. № 10, 14.

— Татарское повѣствованіе о Петровскихъ. С. 6, Бюл. № 9, 12.

— Дополненіе къ вопросу о южной границѣ Хазаріи изъ писемъ Хазарскаго царя Іосифа. Т. VIII, Подг. Ком. 143.

Гатцукъ А. А.—По поводу чтенія Хвольсона о употребленіи Арабами имени Русь. С. 1, I, LXIX, 143.

Герцъ К. К.—Обзоръ сочиненія Садовскаго—Die Handelstrassen der Griechen und Römer. Т. VII, Библ. 49.

Головацкій Я. Ѳ.—Историко-этнографическій очеркъ Галичины и Угорской Руси. С. 3, I, XXX.

Горожанскій Н. П.—Замѣчанія на докладъ Д. И. Иловайскаго о Галичѣ, касательно той части соборной церкви, въ которой укрылся отрядъ войска во время осады.

— О мѣстонахожденіи древняго Саркела. Т. X, Пр. 66.

Григоровичъ В. И.—Что значитъ Расковлахія въ греческихъ документахъ. С. 3, I, XXX и II, 49.

— Замѣчанія о языкѣ Маріупольскихъ грековъ. С. 3, I, LIX.

— О посѣщеніи Ап. Андрея южнорусской земли и объ епископѣ Іоакимѣ. С. 3, I, LXIV.

— Межигорскій монастырь и Запорожье. С. 3, I, LIII.

Доманицкій Свящ.—Затѣтка о прошломъ с. Колодистаго.

Дондуковъ-Корсаковъ Кн. А. М.—Мѣстечко Романово и Борисовъ крестъ. Т. XI, 7.

Еварницкій Д. И.—Поѣздка по Запорожью. С. 6, Бюл. № 4, 7.

— Изслѣдованія о «Сѣчи». С. 6, Бюл. № 10, 6.

Ефименко П. С.—Объясненіе разныхъ древностей и находокъ, на такъ называемомъ Иванъ-посадѣ, близъ Холмогоръ, упоминаемаго въ Уставѣ Святослава Ольговича 1638 г.

Забѣлинъ И. Е.—Объясненіе Страбоновыхъ свидѣтельствъ о мѣстностяхъ Босфора Киммерійскаго. С. 3, I, XXIX; II, 1.

Игнатьевъ Р. Г.—Извѣстія о думномъ дьякѣ Аѳанасіи Власьевѣ. Т. II, 139.

— Игнатій называемый Лжепатріархъ.

Износковъ И. А.—Какіе могутъ быть сдѣланы выводы изъ названій населенныхъ мѣстностей. С. 3, I, XXIX; II, 35.

— О личныхъ инородческихъ именахъ. С. 4, I, XLIX и II, 149.

— О древнихъ одеждахъ крещен. татаръ Лаишевскаго уѣз. Каз. губ. С. 4, I, CII, 99.

— О сохранившихся въ народѣ преданіяхъ о назв. насел. мѣстъ Казанск. губ. С. 4, I, CIV, и отд. II, 99 и 116.

— Одинаковыя названія населенныхъ мѣстъ Европейской Россіи и колонизація ея. С. 6, Бюл. № 10, 10, и Тр. I, 310.

Иловайскій Д. И.—О вѣчевой степени или ступени. Т. 1, 95.

— Вопросъ о народности древнихъ Даковъ.

— Нѣсколько соображеній о памяти Тмутраканской Руси и Тмутраканскомъ балванѣ Т. IV, 53.

— О городѣ Галичѣ на Днѣстрѣ и его древностяхъ. Т. VII, Пр. 21,

— Извѣстіе Волынской лѣтописи о построеніи города Холма, Даніиломъ Романовичемъ въ 30-хъ годахъ XIII ст. Т. IX, Пр. 3.

— О златыхъ вратахъ во Владимірѣ на Клязьмѣ на основаніи извѣстій Лаврентьевской лѣтописи. Т. IX, Пр. 22.

— Направленіе и значеніе для науки историческихъ трудовъ С. М. Соловьева.

— Извѣстіе о Хазарахъ—отвѣтъ Хвольсону. Т. III, 223.

— О народности Гунновъ. С. 5, LIX.

— О мнимомъ призваніи князей. С. 2, II, 28.

— О мѣстонахожденіи древняго Саркела. Т. X, Пр. 44.

Калачевъ Н. В.—Засѣки въ древней Россіи. С. 1, I, CXXXIX, 203.

Кельсіевъ А. И.—Объясненіе узоровъ и предметовъ собранныхъ въ русской Лапландіи. Т. VIII, 38.

Костомаровъ Н. И.—Люди, принадлежавшіе въ княжеской дружинѣ, достигали своего званія по родовому значенію или по личнымъ заслугамъ. С. 3, I, X.

— О мнимой подлинности Бѣлоцерковскаго универсала Богдана Хмѣльницкаго. С. 3, I, CXIII.

Котляревскій А. А.—Скандинавскій корабль на Руси. Т. I, 81.

— Краткія извѣстія о племенахъ, въ разное время населявшихъ нынѣшнія губерніи Московск. учебнаго округа. Т. 1, 36.

Корсаковъ Д. А.—Данныя для отвѣта на 30 вопросовъ Съѣзда. С. 4, I, 170.

Кречетовъ Г. П.—О границахъ и очертаніяхъ древней Скиѳіи по Геродоту. Т. XIII, 179.

Крыжановскій С. М.—Славянскій Краковъ и славянская археологія по Польскимъ источникамъ. Т. VI, 120.

Кусцинскій М. Ф.—Надгробный камень надъ павшими въ сраженіи 1568 г., найденный въ Лепельскомъ уѣз. Витебской губ. Т. IV, 92.

Леонидъ Арх.—О посѣщеніи Болгарскихъ развалинъ Петромъ I и Екатериной II. С. 4, I, XXXIV.

Максимовичъ М. А.—Сохранились ли остатки древняго вала, уже бывшаго при Владимірѣ Св., южнѣе Кіева, на границѣ земли Печенѣговъ, и въ какомъ видѣ? С. 1, I, CXXV.

— Нѣсколько предметовъ для археолог. выставки.

— Что такое земля Трояня и тропа Трояня въ Словѣ о Полку Игоревѣ. С. 1, I, CXXVIII.

— Вопросы относящіеся къ исторической географіи. С. 1, I, CXXXII.

Мансветовъ И. Д.—Замѣтки о Цадахъ съ разъясненіемъ извѣстія о нихъ Никона Черногорца. Т. IX, Пр. 86; Т. VIII, Подг. Ком. 450.

— Очеркъ исторіи литургіи нашей православной церкви на основаніи труда Казанскаго. Т. II, 139.

— Сказаніе объ Орентіи и его шести братьяхъ, сосланныхъ на Кавказъ на основаніи Acta Sanctorum. Т. VIII, Подг. Ком. 64.

Мартыновъ А. А.—Новыя свѣдѣнья о названіяхъ нѣкоторыхъ Московскихъ церквей. Т. IV. Пр. 44.

Майковъ Л. Н.—Отвѣтъ на 43 вопросъ Съѣзда. С. 4, I, LXVII.

Мельниковъ П. И.—О старомъ и новомъ городѣ Новгородѣ. С. 4. I, XLIX и отд. II, 178.

Миллеръ В. Ѳ.—Названіе Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Т. V, 19.

— Объ осѣдлыхъ преданіяхъ у Южн. Славянъ. Т. VIII, Пр. 48.

— Поѣздка по Осетіи съ лигвистическою цѣлью.

Милюковъ П. И.—Гдѣ былъ городъ Бездежъ. Т. XIII, 124.

Орѣшниковъ А. В.—Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартакидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ. С. 6, Бюл. № 4, 9 и Тр. II, 80.

Перепятковичъ И. З.—О построеніи укрѣпленной Закамской черты при царѣ Алексѣе Михайловичѣ и о нѣкоторыхъ на ней сооруженіяхъ.

Писаревъ С. П.—О названіи г. Смоленска.

Погодинъ М. П.—Новшество г. Иловайскаго.

— Рожденіе и дѣтство Петра Великаго.

— О Волжской Руси г. Хвольсона. С. 1, I, LXIX, 135.

Поповъ Н. А.—Западные Славяне во времена отдаленной древности. Т. III, 86.

— Пріѣзды въ село Измайлово царей, царицъ и царевенъ въ 1689—1696 г.

Прозоровскій Д. Е.—О старинномъ русскомъ счисленіи часовъ. С. 2, II, 28, 105.

Пуцилло М. П.—О сказаніяхъ, относящихся къ исторіи завоеванія Сибири, Т. IX, Пр. 86.

Разумовскій Д. В.—Ник. Мих. Потуловъ и его труды по разработкѣ древнецерковнаго русскаго пѣнія. Т. VI, 140.

Савельевъ А.—О сторожевыхъ засѣчныхъ линіяхъ на югѣ въ древней Россіи. С. 2. Прил. I, Отд. IV, 109.

Самоквасовъ Д. Я.—О генетическомъ и этнографическомъ сродствѣ Скиѳовъ и Славянъ. С. 5. LXXV, 196.

Соловьевъ Е. Т.—Замѣтки о взаимныхъ отношеніяхъ между русскими и инородцами Казанск. губ. Т. VII, Пр. 40.

Стасовъ В. В.—О національности Руссовъ по арабскимъ писателямъ. С. 5. XVII.

Субботинъ Н. И.—Замѣтка о Моск. Соборѣ 1654 г. съ приложеніемъ facsimile надписи, сдѣланной подъ дѣяніемъ этого собора извѣстнымъ Павломъ Епископомъ Коломенскимъ.

Тихонравовъ К. Н.—Записка касательно развѣдокъ, произведенныхъ

въ Боголюбскомъ монастырѣ того мѣста, гдѣ находилось тѣло убіеннаго Андрея Боголюбскаго.

— Битва при р. Колокшѣ на горѣ Прунковой въ 1107 г. Т. XI, 79.

Толстой Гр. И. И.—Знамя первыхъ нашихъ христіанскихъ князей. С. 6, Бюл. № 5, 7, и Тр. I, 268.

Уваровъ Графъ А. С.—Двѣ битвы 1177 и 1216 гг., по лѣтописямъ и по археологическ. изысканіямъ. Т. II, 120.

— Неизвѣстный русскій памятникъ 1606 г. Т. IV, 171.

— Соображенія объ изслѣдованіи историческихъ мѣстностей и о собраніи Кавказскихъ надписей. Т. VIII, Подг. Ком. 10, 74.

Успенскій Свящ. В. П.—О погостѣ Рожкѣ и его приходѣ.

Хвольсонъ Д. А.—О происхожденіи слова «Русь». С 1, I, LXIX, Пр. 130.

Шпилевскій С. М.—О городѣ Булгарѣ. С. 4, I, XXXIII, и отд. II, 11.

— Было ли какое-нибудь племя, которое, какъ указываетъ Кеппенъ, называлось Бѣляки. С. 4, I, LI.

Эминъ Н. О.—О памятникахъ древности Русской Арменіи и о походахъ Руссовъ на Партовъ. Т. VIII, Подг. Ком. 40, 47, 53.

— Объ Арійцахъ на Кавказѣ, Тамъ же, 53.

— О Еврейскихъ переселенцахъ въ древней Арменіи. Тамъ же, 98, 100.

— Мидійцы въ древней Арменіи. Тамъ же, 340.

— О Цадахъ. Тамъ же, 454.

— Армавиръ. Тамъ же, 321.

Эрицевъ А. Д.—Замѣтка О Цадахъ. Т. IX, Пр. 86.

Юрченко П. О.—Замѣтки о занятіяхъ по составленію описанія и списка Историческихъ урочищъ, упоминаемыхъ въ исторіи Грузіи и Арменіи. Т. VIII, Подг. Ком. 66.

Домашній и общественный бытъ.

Амфилохій Арх.—Поученіе и наказаніе Епископа Ростовск. Леонтія къ попамъ о всемъ, како подобаетъ дѣти своя духовныя учити.

— О вліяніи Греческой письменности на Славянскую съ IX в.— XVI в. С. 1, I, CXXXIII, 860.

Анучинъ Д. Н.—Объ употребленіи саней, ладьи и коней при погребеніи. Т. XIV, 81.

— Древне-русское сказанье о невѣдомыхъ людяхъ въ Сибири. Т. XIII, Пр. 67; Т. XIV.

Аѳанасьевъ А. Н.—Примѣръ вліянія языка на образованіе народныхъ вѣрованій и обрядовъ. Т. I, 17.

— Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу — о низведеніи огня.

— О загробныхъ представленіяхъ Славянъ.

— О наузахъ и вліяніи языка на бытъ и представленіе человѣка.

Бестужевъ-Рюминъ К. Н.—О трудности разработки вопросовъ юридической археологіи. С. 2, 33, 121.

— О характерѣ власти варяжскихъ князей. С. 4, I, LXXVI.

Бранденбургъ Н. Е.—Описаніе древняго флага русской торговой компаніи, XVI в.

Викторовъ А. Е.—Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанья прежде первопечатнаго Апостола 1564 г. С. 3, I, LXIII, и II, 211.

Гатцукъ А. А.—О дальнѣйшемъ ходѣ Московскаго книгопечатанья въ XVII и XVIII стол.

Головацкій Я. Ѳ. Образцы дѣловой письменности по памятникамъ Литовско-Русскаго княжества съ XV в. С. 6, Бюл. № 6, Т. II, 419.

Голышевъ И. А.—Иконописцы XVII ст. въ слободѣ Мстеры, Вязниковскаго уѣз.

Веневитиновъ М. А.—Старинное изображеніе обряда смотринъ въ гор. Торопцѣ. Т. XII, 1, Пр. 32.

Ефименко П. С.— Старинныя гребенки въ Пинежскомъ уѣз. Архангельск. губ. Т. IV, 49.

— Обычай убивать стариковъ.

— О пятнахъ и знаменахъ.

— О родовыхъ знакахъ и знакахъ собственности.

Жизневскій А. К.—Древній Архивъ Краснохолмскаго Николаевскаго Антоніева монастыря. Т. VIII, I.

Иловайскій Д. И.—О дружинной княжеской поэзіи въ древней Руси. Т. IX, Пр. 42.

— О сектѣ мнимо жидовствующихъ. С. 6, Бюл. № 8, 5.

— О происхожденіи Болгарской народности и письменности. С. 3, I, LX.

— Нѣсколько данныхъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи древне-славянскихъ письменъ. С. 3, I, LXIII.

Іаковъ Арх.—Извлеченія изъ архивныхъ книгъ о дѣлѣ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря. Т. VIII, 135.

Казанскій П. С.—О куриныхъ божкахъ. В. 186.

— Типикъ женскаго монастыря Пр. Богородицы Благодатной, основаннаго и устроеннаго Императрицею Ириною, женою Импер. Алексѣя Комнена, по ея повелѣнію составленный и изданный. Т. VII, 59.

— О призывѣ къ Богослуженію въ восточной церкви. С. 1, I; С. VII, Пр. 306.

Калачевъ Н. В.—О русскихъ юридическихъ древностяхъ. С. 1, I, CXXXVIII, 197.

— О десятняхъ Московскаго архива Министерства Юстиціи. С. 2, II, 33, Прил. IV, 115.

— Нѣкоторыя данныя для разработки матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи народнаго быта. С. 4, I, CXII.

Канановъ Г. Д.—О собираніи армянскихъ народныхъ сказаній. Т. VIII, Подг. Ком. 141, 144.

Ключевскій В. О.—Объясненіе статьи Русской правды о рѣзѣ, т. е. процентѣ съ отданнаго въ ростъ капитала. Т. IX, 10.

— О хлѣбной мѣрѣ въ древней Руси. Т. X, 68.

Ковалевскій М. М.—О судахъ Божіихъ С. 6, Бюл. № 2, 4.

— Присяга, какъ одно изъ доказательствъ древняго процесса у Осетинъ. С. 6, Бюл. № 3, 9.

— О положеніи рабовъ изъ православныхъ на Средиземномъ Побережьѣ. С. 6, Бюл. № 5, 10.

Котляревскій А. А.—О современномъ состояніи бытовой археологіи въ Россіи.

— О погребальныхъ обрядахъ у Славянскихъ народовъ.

Лихачевъ А. Ѳ.—Бытовые памятники Великой Болгаріи. С. 2, II, 27, Пр. II, 1.

Маннгардъ Докторъ Вильг.—Къ исторіи древне-славянскаго народа. В. 57.

Погодинъ М. П.—О дѣятельности Московскихъ первопечатниковъ за границей.

Помяловскій И. В.—О танаинскихъ коллегіяхъ. С. 6, II, 24.

Потебня А. А.—О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ нимъ представленіяхъ. В. 97, 145.

— Переправа черезъ воду, какъ представленіе брака. В. 254.

— О долѣ и сродныхъ съ нею существахъ. Т. 1. 153.

— Къ статьѣ Аѳанасьева: «Для археолог. русскаго быта». Т. 1, 227.

Прозоровскій Д. И.—Шестокрылъ. Т. XI, 60.

Разумовскій Прот. Дм. В.—Патріаршіе пѣвчіе, дьяки и подьяки. В. 241,

— Простонародныя пѣсни, собранныя и присланныя въ Общество Валленштейномъ и положенныя имъ на ноты.

— Мнѣніе о сочиненіи Bourgault-Ducoudray: Etudes sur la musique ecclésiastique grecque. Т. VIII, 198.

— Нотная рукопись 1651 г., принадлежащая библіотекѣ Радкевича. Т. IX, Пр. 66.

— О простомъ, не нотномъ ирмологіи. Т. X, Пр. 20.

Румянцевъ В. Е.—О мѣрахъ противъ нищенства и о проэктѣ учрежденія благотворительныхъ Обществъ въ Москвѣ въ XVII стол.

— Византійскій ипподромъ и древнія русскія конскія ристалища. Т. IX, Пр. 40.

— О началѣ книгопечатанья въ Москвѣ и о первыхъ Московскихъ печатникахъ.

Самоквасовъ Д. Я.— О древнѣйшихъ формахъ общественнаго устройства С. 6, Бюл. № 7, 12.

— Простѣйшая форма общественныхъ отношеній. С. 6, Бюл. № 8, 3.

Соловьевъ Е. Т.—Народныя музыкальныя орудія средняго и нижняго Поволожья.

Срезневскій И. И.—Того ли времени взялъ Константинъ философъ письмо, когда жилъ или болѣе древняго. С. 1, I, CXV.

— Имѣются ли доказательства, что глаголическая азбука есть произведенія болѣе древнѣе, чѣмъ азбука Кирилловская. С. 1, I, CXX.

— О планѣ словаря древне-русскаго языка. С 1, I, CXXXIV.

Стояновъ А. И.—Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка.

Титовъ А. А.—Желѣзныя цѣпи и шейная рогатка, какъ орудіе наказанія въ XVII стол.

Уваровъ Гр. А. С.—Отвѣтъ на 8 вопросовъ Съѣзда. С. 2, II, 54.

Шеппингъ Бар. Д. О.—Оборотень въ его миѳическомъ и пластическомъ олицетвореніи.

— О символикѣ драгоцѣнныхъ камней. Т. 1, 135.

— Отрывокъ изъ символическаго словаря «Марья».

— О Миѳологіи древнихъ славянъ. С. 1, I, XCII, Прил. 249.

Нумизматика и сфрагистика.

Антоновичъ В. Б.—О новонайденныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра. С. 3, I, XLVII; II, 151.

Брунъ Ф. К.—По поводу Тирасскихъ монетъ императора Адріана. С. 6, II, 119.

Брыкинъ А. В.—Нумизматическая замѣтка. В. 12.

Бурачковъ П. О.—О мѣстоположеніи древняго города Карканитеса и монетахъ ему принадлежащихъ.

— Нѣсколько замѣчаній о медаляхъ Аспурга и Рескупориса 1-го. Т. X, 62.

Гагаринъ Кн. Л.—Опредѣленіе 3-хъ неизвѣстныхъ Русскихъ денегъ. Т. III, 52.

Григорьевъ В.—О новомъ экземплярѣ монеты Антимаха Ѳеоса съ именемъ Діодота. В. 165.

— Двѣ античныя камеи съ портретами босфорскихъ царей. В. 43.

Киркоръ А. К.—Монетное дѣло въ Литвѣ.

Жизневскій А. К.—Поличное XVI в. Т. XI, Пр. 82.

— Городская деньга доселѣ неизвѣстная. Т. XI, Пр. 83.

Иверсенъ И. Б.—Неизданныя и рѣдкія русскія медали. С. 2, Прил. I; Отд. IV, 1.

— О кладахъ съ монетами. С. 5, LXXXIV, 249.

— О монетныхъ кладахъ послѣднихъ трехъ лѣтъ. С. 6, Бюл. № 8, 15, Тр. I, 273.

— Что означаютъ отдѣльныя буквы на лицевой и оборотной

— Объ амулетахъ и талисманахъ. С. 4, I, CVIII.

— О монетахъ, найденныхъ Петровымъ-Борзкой. С. 4, I, LXV.

Самоквасовъ Д. Я.—О кладахъ римскихъ монетъ въ предѣлахъ земли русской и Полабскихъ Славянъ. С. 6. Бюл. № 9, 4.

Солнцевъ Д. П.—О монетахъ съ именемъ «Аѳанасій». Т. 1, 109.

— О древне-русскихъ печатяхъ до XII столѣт. В. 67.

— Монеты съ надписью Василія и Ивана Ивановичей. В. 168.

— Деньги Андрея Ивановича, сына Іоанна Калиты.

— Печать Новгородскаго архіепископа.

— О деньгахъ Константина Всеволодовича. Т. II. Пр. 23.

— Деньги съ надписью Князя Семена. Т. IV, 73.

Тизенгаузенъ Бар. В. Г.—Вятскій кладъ куфическихъ монетъ. Т. II, 55.

— О кладѣ восточныхъ монетъ въ Нижегородск. губ. В. 138, 240.

— Находка Золотоордынскихъ монетъ. Т. III, 175.

— О Куфическихъ монетахъ, найденныхъ въ Кіевѣ. В. 138.

Турбинъ Н. М.—О монетахъ Вел. Князя Дмитрія Георгіевича, и времени, въ которомъ онѣ биты. Т. XII, Пр. 78.

Уваровъ Гр. А. С.—О Русской монетѣ съ загадочною надписью «рараі». Т. I, 209.

— Реестръ бронз. медалямъ (на основаніи рукописныхъ данныхъ) въ 1672 г. В. 183.

— Замѣчаніе о свинцовой печати Ратибора и золотой монеты Стефана Первовѣнченнаго.

Усовъ С. А.—Замѣтки о древне-русскихъ деньгахъ по Русской правдѣ. Т. IX, 89.

Древности классическія, восточныя и средневѣковыя.

Анучинъ Д. Н.—О восточномъ блюдѣ изъ коллекціи Зайцевскаго. Т. XIII, Пр. 66.

Базинеръ О. Ѳ.—Раскопки на мѣстѣ древняго Пергама.

Балтазаръ, драгоманъ въ Багдадѣ—Поѣздка по Южной Месопотаміи и необходимость для Россіи принять участіе въ разработкѣ и изслѣдованіи мѣстныхъ древностей. Т. XII, Пр. 82.

Берже М. П.—Могилы святыхъ и другія мѣста, уважаемыя мусульманами. Т. VIII, Подг. Ком. 77, 82.

Бобиръ Г. Н.—Замѣтка о Дворцѣ Тура-Хана.

— Мавзолей Ногайскаго Имана Хоссейнъ-Хана

Блюмъ Э. Ѳ.—О мѣстонахожденіи кургана «Ланхатенъ-талча». Т. XIII, Пр. 29.

Брунъ Ф. К.—Островъ Тирагетовъ и латино-греческая надпись 201 г. по Р. Хр., открытая въ деревнѣ Короткой.

— Объ итальянскихъ поселеніяхъ въ Хазаріи. С. 1, I, CXL, 365.

— О разныхъ названіяхъ Кіева въ древнія времена. С. 3, I, LXXV, 289.

— О резиденціи хановъ Золотой орды до временъ Джанибека I. С. 3, I, LXXV, 327.

Бутковъ П.—О мѣстности города Танаиса. Т. III, 155.

Ведровъ В. М.—Объ итальянскихъ колоніяхъ въ XIII вѣкѣ въ Хазаріи. С. 1, I, CXL, 404.

Веселовскій Н. И.—Кто былъ великій Сѣверный Хаканъ, которому подчинялся въ VII вѣкѣ повелитель Хазаръ. С. 6, Бюл. № 5, 4.

— О времени принятія Киргизами Ислама. С. 6, Бюл. № 5, 5.

— Объ этнографическомъ значеніи нѣкоторыхъ географическихъ именъ. С. 6, Бюл. № 9, 11.

Гаркави А. Я.—О неизданномъ свидѣтельствѣ Масуди о походѣ Русскихъ на Царьградъ. С. 2, II, 27.

— Сказанія Моисея Хоренскаго о Зруанѣ, Титанѣ и Япетостэ С. 2, II, 58, II, 21.

— Древнѣйшее арабское извѣстіе о Кіевѣ. С. 3, I, LXXV, 345.

— О собраніи и изданіи къ открытію съѣзда надписей Кавказ. Евреевъ. Т. VIII, Подг. Ком. 149.

— О крымскомъ полуостровѣ въ арабской литературѣ до Монгольскаго нашествія. С. 4, I, LXIV.

Герцъ К. К.—О Діанѣ Эфесской и ея храмѣ.

— Два надгробные камня открытые на Таманскомъ полуостровѣ. В. 54.

— Подробный очеркъ раскопокъ въ Ольвіи въ 18[illegible] и 18[illegible] г. Т. VII. Пр. 41.

— О раскопкахъ Шлимана въ Микенахъ. Т. VII. Пр. 44.

— Разборъ книги Карапаноса о раскопкахъ, произведенныхъ на мѣстѣ древней Додоны. Т. VIII. Пр. 2[illegible]

— Греческія терракотовыя статуэтки. Т. IX. 2[illegible]

— Финикійское искусство и его вліяніе на [illegible].

— Послѣднія раскопки въ Ольвіи. Т. X. Пр. 3[illegible].

— Біографическія свѣдѣнія о Шлиманѣ.

Григоровичъ В. И.—Отзывы на вопросы №№ [illegible]. С. 1. I. CXXII.

Е[illegible] А. Д.—Обзоръ нумизматическихъ памятниковъ Арменіи. Т. VIII. [illegible]

Кондаковъ Н. П.—[illegible]

Латышевъ В. В.—[illegible] надпись Херсониса Таврическаго. Т. XI. [illegible]

— Сообщеніе о ходѣ работъ по изданію Сборника греческихъ и латинскихъ надписей Сѣвернаго побережья Чернаго моря. С. 4. Засѣд. № [illegible]. Пр. [illegible]

— Государственное устройство Херсониса. С. 4. Засѣд. № 4. [illegible]

— О календаряхъ Ольвіи, [illegible] и Херсониса. С. 4. Засѣд. № [illegible]

Лебедевъ [illegible] А.—Клинообразныя надписи о [illegible].

[illegible] А. В.—О [illegible]. С. [illegible] XXXV. [illegible]

[illegible] Е. Е.—Древне-еврейскія надгробные памятники, [illegible] въ Фанагорійскомъ [illegible]

— [illegible]

[illegible] В. О.—[illegible]

— [illegible]

— [illegible]

[illegible] А. [illegible]—[illegible] XVIII и XIX столѣтій.

— Очеркъ личности и дѣятельности Египетской царицы Гатагу. Т. IX, Пр. 77

— Исторія открытія Серапеума на основаніи сочиненія Маріетта о Мемфисскомъ Серапеумѣ. Т. X, Пр. 62.

Мушкетовъ И. В.—О гробницѣ Тамерлана въ Самаркандѣ. С. 5, XXIV.

Никольскій М. В.—О клинообразныхъ надписяхъ. Т. X, Пр. 83.

— О сирскихъ надписяхъ въ Семирѣченской области. Т. XII, Пр. 4.

— О подобныхъ же надписяхъ, доставленныхъ въ Общество докт. Ѳ. В. Поярковымъ. Т. XII, Пр. 23.

— Объясненіе важнѣйшихъ предметовъ изъ Месопотамской коллекціи д-ра Блау—Халдейская мина и вавилонскій контрактъ. Т. XIII, Пр. 62; Тр. Вост. Ком. 1.

Орѣшниковъ А. В.—Бронзовая статуэтка Вакха, находящаяся въ Московскомъ Голицынскомъ музеѣ, на основаніи мнѣнія Франсуа Ленормана. Т. X, Пр. 50.

— О жизни и ученыхъ трудахъ Франсуа Ленормана и его заслугахъ въ области исторіи и археологіи Востока.

Пантусовъ Н. Н.—Объ археологическихъ памятникахъ въ Семирѣчьѣ. Т. XII, Пр. 60.

Подшиваловъ А. М.—Объ уродливыхъ терракотовыхъ статуэткахъ изъ Керченскихъ могилъ. Т, X. Пр, 49.

— Античная бронзовая ручка отъ вазы, найденная въ курганѣ Елизаветградск. уѣз. Херсонской губ. Т. XI, Пр. 77.

— Нѣкоторыя данныя для историческаго изслѣдованія о правителяхъ Босфора Киммерійскаго по лапидарнымъ и нумизматическимъ памятникамъ. С. 6, Бюл. № 4, 13; Т. II, 72.

Помяловскій И. В.—О храмѣ Діаны Тифатійской. С. 2, II, 30, 25.

Поповъ Н. А.—О разысканіяхъ на развалинахъ Трои. Т. IV, Пр. 60.

Рачинскій А. В.—Свѣдѣнія объ ученой и образовательной дѣятельности иностраннаго оріенталиста Георга Кеера, вызваннаго въ Россію Петромъ Великимъ.

Савельевъ В. К.—Отвѣтъ на 55-й вопросъ Съѣзда. С. 2, II, 26.

Сметанинъ купецъ.—Свѣдѣнія о случайной находкѣ Сассанидскихъ

древностей, сдѣланной въ 7 вер. отъ гор. Бѣловодска Харьковской губ Т. IV, Пр. 16.

Срезневскій И. И.—О сочиненіи Д. А. Хвольсона о Хазарахъ, Буртасахъ, Мадъярахъ, Славянахъ и Руссахъ. С. 1, II, CXXXIX.

— О Русскихъ языческихъ храмахъ по описаніямъ Массуди и Сакета Грамматика. С. 2, II, 55.

— Очеркъ развитія христіанскаго календаря. С. 2, Пр. I, отд. IV. В. 1.

Стоянъ-Новаковичъ—Взглядъ на развитіе восточно-славянск. культуры, преимущественно до нападенія турокъ. С, 3, I, LXXVI.

Струве Ѳ.—Новости изъ Прикаспійскаго края. Т. III, 56.

— О новооткрытыхъ надписяхъ въ Танаисѣ. Т. III, 71.

— Новооткрытыя босфорскія надписи.

Тизенгаузенъ Бар. В. Г.—Возраженіе на статью Бурачкова, о мѣстоположеніи древняго Каркинитеса.

— Нѣсколько замѣтокъ по поводу соображеній г. Бурачкова о Геродотовой Скиѳіи. Т. VIII, 184.

— Замѣтка о слѣдахъ древняго города Итиля близъ Астрахани. С. 1, I, CXXXIX.

— Неизданныя записки и труды Дюбрюкса. С. 6, Бюл. № 4, 15.

— Записка Дюбрюкса. «Нѣсколько замѣтокъ о различныхъ родахъ гробницъ, находящихся въ окрестностяхъ Керчи. С. 6, Бюл. № 4, 14; Тр. II, 135.

— Ueber die Spuren der Handelverbindungen zwischen Russland und Indien. С. 5, XL.

— Эпизодъ изъ дипломатическихъ сношеній хановъ золотой орды съ султанами Мамелюковъ. С. 5, XXXVI.

Уваровъ Графъ А. С.—Монета Перисада и золотыя вещи, найденныя близъ стан. Сѣверской. Т. IX, Пр. 92.

— Древняя мраморная лампа изъ собственнаго собранія. Т. XII, 108.

— Тождество бронз. ручекъ, найденныхъ въ Пренесте и близъ о. Вана. Т. IX, Пр. 46.

— Двѣ бронз. ассирійскія статуэтки съ о. Ванъ. Т. IX, Пр. 100.

Усовъ А. С.—Объясненіе миѳологическаго изображенія на золотой бляхѣ, найденной въ станицѣ Сѣверской.

— Объясненіе рѣзныхъ изображеній на черенкѣ ножа съ гербомъ папы Юлія II, сдѣланнымъ художникомъ Палейоло.

— Объясненіе рисунка на золотой бляхѣ, найденной въ Кубанской области. Т. IX, Пр. 81.

— О реставраціи Венеры Милосской по проекту проф. Бреславскаго универс. Гассе. Т. X, Пр. 3.

— Соображенія о значеніи терракоттовыхъ статуэтокъ, найденныхъ въ Керченскихъ катакомбахъ и представленныхъ въ Общество А. М. Подшиваловымъ. Т. X, Пр. 58.

— О миніатюрахъ въ Иліадѣ, хранящихся въ Амброзіанской библіотекѣ въ Миланѣ. Т. XI, Пр. 31.

Хвольсонъ Д. А.—О Тетракситахъ. С. 1, I, CXL.

— Что означаютъ изображенія на еврейскихъ памятникахъ на Таманскомъ полуостровѣ и къ какому приблизительно времени онѣ относятся. С. 2, II, 26.

— О политическомъ значеніи Палестины въ древнія времена. С. 2, II, 57.

— О новой рукописной редакціи письма Хазарскаго царя къ Даббя-Хиздаю. С. 2, II, 58.

— О находкѣ А. А. Фирковича. С. 5, XXXVI, 95.

— О надгробномъ камнѣ съ еврейскою надписью изъ Мцхета, найденномъ Г. Байерномъ. С. 5, XXXIX.

Цвѣтаевъ И. В.—Итальянскіе археологи и ихъ отношенія къ иностранцамъ.

— Историческая поминка о кардиналѣ Анджело Май по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Т. X, Пр. 4.

— Начальныя школы древнихъ Римлянъ .Т. XII, Пр. 160.

— Самнимы по надписямъ.

— Разборъ двухъ латинскихъ надписей, относящихся до V вѣка до Р. Хр.

— Исторія Археологическаго института въ Римѣ. С. 5, Тр. LIV.

Шварцъ А. Н.—Къ вопросу объ истолкованіи одного неизданнаго античнаго бюста изъ собранія Гр. А. С. Уварова. Т. XII, 17.

— О двухъ древне-греческихъ вазахъ хранящихся въ мюнцъ кабинетѣ Моск. Университета. Т. XIV, I.

Эминъ Н. О.—Легенда о Семирамидѣ по армянскимъ источникамъ и особенности этой Легенды въ сравненіи съ разсказомъ Геродота и другихъ. С. 5, XXVIII.

Прим. редакціи. Библіографическій Указатель вмѣстилъ въ себя всѣ тѣ труды не-членовъ Общества, которые помѣщены были въ Трудахъ Общества «Древности»; — изъ Трудовъ же Археол. Съѣздовъ въ Указатель помѣщены единственно труды Членовъ Моск. Археол. Общества.

УКАЗАТЕЛЬ РАСКОПОКЪ.

Лица, имена которыхъ напечатаны жирнымъ шрифтомъ производили раскопки по порученію Общества или съ его вѣдома. Объ остальныхъ раскопкахъ были сдѣланы сообщенія Обществу уже послѣ ихъ окончанія.

1864 г. Гатцукъ А. А. — въ Московской губ.

1865 г. Гатцукъ А. А. — въ Подольской губ. Брацлавскаго уѣзда.

1866 г. Золотиловъ М. Е. — въ Вологодской губ.

1867 г. Ген.-Адъют. Графъ Сумароковъ-Эльстонъ — въ станицѣ Георгіе-Аѳинской въ 12 вер. отъ Екатеринодара.

1869 г. **Тихонравовъ К. Н.** — курганы Ярославской губ.

1871 г. Руфъ Игнатьевъ — въ Оренбургской губ.

1872 г. Р. Игнатьевъ курганы и городища въ Тамбовской и Пермск. губ.

— **Кусцинскій М. Ф.** — курганы Кривичей. Т. IV, Пр. 22.

— **Самоквасовъ Д. Я.** — въ землѣ Сѣверянъ. Т. VIII, Пр. 49.

— Европеусъ Д. П. — въ десяти верстахъ отъ уѣзд. гор. Бѣжецка. Т. IV. Пр. 17.

— Байернъ — близъ Мцхета Тифлисской губ.

1873 г. Крыжановскій М. С. — въ Кіевской, Волынской и Подольской. Т. IV, Пр. 47, 51, 56, 60; Т. VI, Пр. 15.
Черниковъ-Анучинъ — въ Уфимской губ. Т. IV, Пр. 55.

— **Кусцинскій М. Ф.** — въ Лепельскомъ уѣздѣ. Т. IV, Пр. 54.

1874 г. **Андіонъ** — близъ ст. Уткино въ Даніиловскомъ уѣздѣ Ярославской губ. Т. VI, Пр. 7, 12.

— **Лишинъ** — большой курганъ въ Херсонской губ. Елиза-

ветградскаго уѣзда въ имѣніи Ржево, на земляхъ принадлежащихъ Кирьякову. Т. VI, Пр. 10, 34; Т. IX, 20.

— **Кусцинскій М. Ф.**—въ Порѣчскомъ, Смоленскомъ, и Духовщинскомъ уѣздахъ Смоленской губ. Т. VI, Пр. 12; Т. IX, 1.

— Кибальчичъ Т. В.—въ Черниговской губ. Т. VI, Пр. 28.

1875 г. **Аристовъ Н. Я.**—въ присутствіи студентовъ Харьковскаго университета большой курганъ съ каменной на верху бабою около самаго города. Т. VII, Пр. 2.

— Кибальчичъ Т. В. въ Черниговской губ. около г. Борзны. Т. VII, Пр. 32 и Пр. 58.

— **Ивановскій Л. К.**—Курганы по берегамъ р. Сита и въ Моложскомъ уѣздѣ Ярославской губ. Т. IX, 7.

— Графъ Уваровъ А. С.—погребальное поле Каменнаго вѣка близъ станціи Уткино въ Ярославской губ.

— » »—долмены и кромлехи на южномъ берегу Крыма.

1876 г. **Самоквасовъ**—въ Кіевской и Полтавской губ.

— Двор. Констан. Карповъ—въ собственномъ имѣніи въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губ. Т. VII, Пр. 40.

— Антоновичъ В. Б.—раскопка валовъ въ Кіевской и Волынской губ.

— Карповъ—раскопки въ Полтавской губ.

1877 г. Сементовскій-Курилло А. М.—въ Витебской губ. въ Люценскомъ уѣздѣ—«военныя могилы». Т. VIII, Пр. 17 и 41.

— Рагузинскій С. В.—въ Волынской губ. въ Острожскомъ уѣздѣ, между р. Горынемъ и его притокомъ р. Виліей. Т. VIII, Пр. 17.

— Турбинъ Н. М.—въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губ. Т. VIII, Пр. 33 и 37.

— Черскій И. Д.—Изслѣдованіе береговой полосы Байкала, на правомъ берегу р. Силенги, около впаденія въ нее р. Итаицы. Т. VIII, Пр. 36.

— Радзиминскій—курганы Острожскаго уѣзда Волынской губ. Т. VIII, Пр. 37.

— Зворыкинъ Ѳ. Д.—въ Муромѣ у Собора на Воеводской горѣ. Т. VIII, Пр. 41.

— **Лучинскій И. В.**—курганы въ Полтавской губ. Золотоношскаго уѣзда.

1878 г. Кельсіевъ А. И.—въ Ярославской и Тверской губерніяхъ Т. IX, Пр. 4.

— Байернъ—въ Кутаисской губ., около крѣпости Шарапани и ст. Казбекъ. Т. VIII, Подг. Ком. 62.

— » »—въ долинѣ р. Акстафы въ Редкиномъ Лагерѣ Т. VIII, Подг. Ком. 60.

— » »—въ Урбниссе, Горійскаго уѣзда. Т. VIII, Подг. Ком. 63.

— » »—въ сел. Сагурамо, имѣнье Старосельскаго. Т. VIII, Подг. Ком. 63.

— Бочарниковъ С. И.—въ городѣ Зарайскѣ и его окрестностяхъ.

1879 г. Бернштамъ В. Л.—курганы Черниговской. губ.

— Константиновичъ—Полтавской и Екатеринославской губ.

— Графъ Уваровъ А. С.—курганы Могилевской губерніи. Т. IX, Пр. 86.

1880 г. Каминскій Ф. А.—въ Полтавской и Минской губерніяхъ.

— Бернштамъ В. Л., Василевъ И. И. и Кислинскій А. М.—въ Псковской губ. близъ дер. Муравичи. Т. X, 58.

— Бѣлозерскій Н. М.—курганъ въ Мглинскомъ уѣздѣ Черниговской губ. и въ самомъ Черниговѣ.

— Витковскій Н. И.—могилы каменнаго періода въ Иркутской губ.

1881 г. **Сизовъ В. И.**—въ Смоленской губ. Т. IX, Пр. 95.

— Титовъ А. А.—въ городцѣ на р. Сарѣ Ростовскаго уѣзда. Т. IX, Пр. 95.

— **Кельсіевъ А. И.**—въ с. Костёнкахъ Воронежскаго уѣзда и губ. Т. IX, Пр. 98.

1882 г. Урузбіевъ—въ Нагорной полосѣ, около Эльбруса.

— Гр. Бобринскій А. А.—курганы близъ мѣстечка Смѣлы въ Кіевской губ.

— Руфъ Игнатьевъ—курганы Вятской губ.

— **Сизовъ В. И.**—въ Кубанской области. Т. IX, Пр. 16, 62.

— Самоквасовъ Д. Я.—курганы близъ Пятигорска и Кисловодска. Т. IX, Пр. 53.

— Соколовъ — курганы Смоленской губ. близъ мѣстечка Гнѣздова. Т. IX, Пр. 64.

— **Экспедиція**—для розысканія древняго Саркела.

— **Кельсіевъ А. И.**—на деньги Лѣствицына; изслѣдованіе кургановъ по р. Сити.

1883 г. Константиновичъ—могилы близъ ц. Бориса и Глѣба въ Черниговѣ. Т. X, Пр. 28.

— Кн. Путятинъ П. А.—близъ Бологовскаго озера.

— **Фелицынъ Е. Д.**—раскопки долменъ въ Кубанской Области.

— Цѣхановецкій—курганы въ Лепельскомъ уѣздѣ.

— Графъ Бобринскій А. А. — раскопки кургановъ близъ мѣстечка Смѣлы Кіевской губ.

— Антоновичъ В. Б.—курганы близъ с. Борзны Черниговской губ. Т. X, Пр. 32.

— Крестьянинъ Дружкинъ П. Д. — курганы близъ дер. Малое Терюшево Нижегородской губ. и уѣзда. Т. X, Пр. 34.

— Гр. А. С. Уваровъ и Сизовъ В. И.—курганы близъ Гнѣздова, Смоленской губ. Т. X, Пр. 48.

— **Кельсіевъ А. И.** — курганы близъ дер. Мишиной Московскаго уѣзда. Т. X, Пр. 52.

— **Сизовъ В. И.** — развѣдка по теченію р. Дона съ цѣлію разыскать слѣды древняго Саркела или Бѣлой Вежи русскихъ лѣтописей. Т. X, Пр. 60.

1884 г. **Сизовъ В. И.**—раскопки древняго кладбища близъ села Біа-Сали, въ 10 вер. отъ Бахчисарая. Т. X, Пр. 93 и 96.

— » »—раскопки на Дону, около Цымлянской станицы въ мѣстности называемой Поповы Хутора. Т. XI, Пр. 18.

1885 г. Турбинъ Н. М.—раскопки близъ старой почтовой дороги изъ м. Шклово въ м. Каханово въ Могилевской губ. Т. XI, Пр. 52.

— **Сизовъ В. И.**—въ Смоленской губ. Т. XI, Пр. 61 и 87; Т. XII, Пр. 8.

— **Фелицынъ Е. Д.**—раскопки долменъ въ Кубанской области. Т. XI, Пр. 88.

— **Еварницкій Д. И.**—курганъ «Мухина гора» въ Павлоградскомъ уѣздѣ Е атер. губ. Т. XI, Пр. 51.

— Кондаковъ Н. П.—на Таманскомъ полуостровѣ.

— Кибальчичъ Т. В.—въ Кіевѣ, на Глубочицѣ.

— Литвиновъ Д. И.—находка бронзовыхъ предметовъ и лосинаго рога — на берегу р. Оки, у с. Гремячева Перемышльскаго уѣзда Калужской губ.

— **Сизовъ В. И.**—въ Моршанскѣ. Т. XII, Пр. 42, 113.

— Троицкій Н. И.—изслѣдованіе отношеній мѣстности между Непрядвой и Дономъ.

— **Романовъ Е. Р.**—раскопки кургановъ въ Могилевской губ. Т. XII, Пр. 54, 113.

— Тимоѳеевъ В. Л.—раскопки близъ Джерахскаго укрѣпленія на военно-грузинской дорогѣ. Т. XII, Пр. 63, 113.

— Кирилловъ Н. В.—курганъ въ 10 вер. отъ Нальчика Терской области. Т. XII, Пр. 63, 114.

— Кн. Шаховскіе—раскопки въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губ. на берегу р. Оки.

— Инженеръ Бернацкій — пещеры по р. Квирилѣ близъ Тифлиса.

— Висковатовъ П. А.—раскопки въ Силламягахъ подъ Нарвою.

1887 г. **Тимоѳеевъ В. Л.** — въ Осетинскихъ горахъ. Т. XII, Пр. 159.

Первухинъ Н. Г.—изслѣдованія Вятскаго края.

Спицынъ А. А.—тожъ.

1888 г. **Первухинъ Н. Г.**—тожъ.

— **Ивановскій**—изслѣдованія въ Зайсанской области.

Сизовъ В. И. — въ Кубанской области и въ землѣ войска Донскаго.

— Крыловъ А. А.—курганы въ Херсонской губ.

— Волковъ И. А.—раскопки въ с. Большой Дмитріевкѣ Аткарскаго уѣзда Саратовской губ.

— **Маминъ**—изслѣдованія въ Пермской губ.

— **Нефедовъ Ф. Д.**—изслѣдованія въ Оренбургской губ. и Тургайской области.

— **Шатровъ**—изслѣдованія Зюздинскаго края Вятской губ.

— Цигулеевъ М. А. — раскопки въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ.

— **Веселовъ М. А.**—изслѣдованія въ Татьяно-Тунгаторской волости Оренбургской губ.

— Вольтеръ Г. Э.—раскопки въ Лидскомъ и Трокскомъ уѣздахъ Виленской губ.

— Хайновскій Г. І.—раскопки въ Кіевской губ.

— Хруцкій А. И.—раскопки при производствѣ земляныхъ работъ на станціи Венденъ по Псковско-Рижской жел. дорогѣ.

1889 г. **Стояновъ А. И.**—раскопки въ с. Вани близъ Кутаиса.

— **Тимоѳеевъ В. Л.** — провѣрочныя раскопки по Терской области.

КЛАДЫ,

О КОТОРЫХЪ БЫЛО СООБЩЕНО ОБЩЕСТВУ.

1872 г. Близъ г. Рославля Смоленской губ.—мѣд. солиды чеканные въ Ригѣ при Шведскомъ влад. съ именами: Христины, Карла-Густава и Сигизмунда III. Т. IV, Пр. 19.

1873 г. Куфическія монеты въ Белебейскомъ уѣздѣ, Уфимской губ. Т. IV, Пр. 47.

1877 г. Западныя монеты XIV вѣка близъ Осташкова Тверской губерніи.

— Грузинскія мѣдныя монеты—на Замковой горѣ въ г. Витебскѣ.

— Куфическія монеты—въ Муромѣ, у Собора, на Воеводской горѣ.

1878 г. Древнерусскія гривны особаго типа (вѣсомъ ровно 46 зол.) — близъ с. Горбова Новгородской губ. Т. VIII, Пр. 61.

1879 г. Аббасидскіе диргеммы VIII и IX в. въ Курской губ. въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ дер. Моисеевой. Т. IX, Пр. 30.

1880 г. Монеты временъ Іоанна III, Іоанна IV и Бориса Годунова—въ Богородскомъ уѣздѣ Московской губ.

1882 г. Монеты Іоанна III, Василія Іоанновича, Іоанна IV, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Владислава — при чисткѣ Чистыхъ прудовъ въ Москвѣ.

1885 г. Монеты царя Михаила Ѳеодоровича въ двухъ кувшинчикахъ—въ Московскомъ уѣздѣ.

1886 г. Монеты Іоанна III и IV, Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Дмитрія Самозванца и Василія Ивановича Шуйскаго—въ Москвѣ.

1887 г. Золотоордынскія XIV ст.—присланы Чекалинымъ изъ клада близъ дер. Елюзани, Кузнецкаго уѣзда Саратовской губерніи.

1888 г. Русскія и иностранныя монеты XVII ст., найденныя въ кубышкѣ у Мясницкихъ воротъ, въ Москвѣ.

— Русскія монеты того же времени, найденныя случайно въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губ.

— Монеты серебр. римскія и бронз. византійскія и пантикапейскія изъ Сигнахскаго уѣзда Тифлиской губ.

СОСТАВЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

къ 1-му января 1890 года.

Высочайшій Покровитель Общества: Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Александровичъ.

Должностныя лица Общества.

Предсѣдатель: Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова.
Товарищъ Предсѣдателя: Дмитрій Николаевичъ Анучинъ.
Секретарь: Владиміръ Константиновичъ Трутовскій.
Товарищъ Секретаря: Сергѣй Сергѣевичъ Слуцкій.
Казначей: Константинъ Алексѣевичъ Дубинкинъ.
Библіотекарь и хранитель Музея: Семенъ Осиповичъ Долговъ.

Редакціонный Комитетъ.

Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ.
Ключевскій, Василій Осиповичъ.
Коршъ, Өедоръ Евгеніевичъ.
Никольскій, Михаилъ Васильевичъ.
Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ.
Румянцевъ, Василій Егоровичъ.

Коммиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ.

Предсѣдатель: Румянцевъ, Василій Егоровичъ.
Секретарь: Никитинъ, Николай Васильевичъ.
Члены: Быковскій, Константинъ Михайловичъ; Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ; Мартыновъ, Алексѣй Александровичъ; Оберъ, Александръ Лаврентьевичъ; Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ; Павлиновъ, Андрей Михайловичъ; Сизовъ, Владиміръ Ильичъ; Уварова, Графиня Прасковья Сергѣевна; Филимоновъ, Юрій (Георгій) Дмитріевичъ.

Восточная Коммиссія.

Предсѣдатель: Коршъ, Өедоръ Евгеніевичъ.
Товарищъ Предсѣдателя: Миллеръ, Всеволодъ Өедоровичъ.
Секретарь: Никольскій, Михаилъ Васильевичъ.
Члены: отмѣчены въ общемъ спискѣ знакомъ △, стоящимъ передъ фамиліей.

I.

Почетные Члены Общества.

1. Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ (съ 18 августа 1865 года).
2. Его Императорское Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ (съ 16 декабря 1888 года).
3. Графъ Иванъ Давыдовичъ Деляновъ (съ 28 октября 1888 г).
4. Графъ Константинъ Ивановичъ Паленъ (съ 17 февраля 1875 г).
5. Графиня Прасковья Сергѣевна Уварова (съ 14 января 1885 г).
6. Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ 28 октября 1888 года).
7. Өедоръ Ивановичъ Буслаевъ (съ 28 октября 1888 года).
8. Василій Егоровичъ Румянцевъ (съ 15 апрѣля 1888 года).

II.

Члены основатели.

1. Андреевъ, Александръ Николаевичъ.
2. Гатцукъ, Алексѣй Алексѣевичъ.
3. Львовъ, Николай Николаевичъ.
3. Филимоновъ, Юрій (Георгій) Дмитріевичъ.
5. * Хвощинскій, Петръ Авраамовичъ [1]).

III.

Дѣйствительные Члены.

Спб.	6	Алексѣевъ, Георгій Петровичъ	26 апрѣля 1877 г.
Ростовъ Великій	7	** Амфилохій, епископъ Угличскій [2])	Въ Чл.-кор. 4 окт. 1864 г. Въ Д. Чл. 26 апрѣля 1866 г.
Кіевъ	8	Антоновичъ, Владиміръ Бонифатьевичъ	4 ноября 1874 г.
Москва	9	**△ Анучинъ, Дмитрій Николаевичъ	23 декабря 1875 г.
Тифлисъ	10	** Бакрадзе, Дмитрій Захаровичъ	2 мая 1879 г.
Москва	11	** Барсовъ, Елпидифоръ Васильевичъ	Въ Чл.-кор. 15 янв. 1873 г. Въ Д. Чл. 25 февраля 1874 г.
Москва	12	** Бензенгръ, Василій Николаевичъ	22 января 1888 г.
	13	** Бернштамъ, Вильямъ Людвиговичъ	Въ Чл.-кор. 17 янв. 1878 г. Въ Д. Чл. 15 мая 1881 г.
Спб.	14	** Бестужевъ — Рюминъ, Константинъ Николаевичъ	6 апрѣля 1866 г.
Москва	15	** Богдановъ, Анатолій Петровичъ	11 октября 1878 г.

[1]) *—означаетъ единовременный взносъ въ кассу Общества по § 5 Устава.
[2]) **—означаетъ дѣйствительныхъ членовъ избранныхъ по § 18 Устава.

Псковъ...	16	Богушевскій, баронъ Николай Казиміровичъ.	26 апрѣля 1877 г.
	17	Борисякъ, Никифоръ Дмитріевичъ......	12 октября 1865 г.
Москва...	18	Бочаровъ, Николай Петровичъ........	Въ Чл.-кор. 17 ноябр. 1864 г. Въ Д. Чл. 16 марта 1871 г.
Спб......	19	**Бранденбургъ, Николай Ефимовичъ.......	14 марта 1886 г.
Херсонъ..	20	Бурачковъ, Платонъ Осиповичъ.......	26 апрѣля 1877 г.
Москва...	21	**Буслаевъ, Өедоръ Ивановичъ.........	4 октября 1864 г.
Москва...	22	Быковскій, Константинъ Михайловичъ ..	Въ Чл.-кор. 6 дек. 1882 г. Въ Д. Чл. 27 января 1889 г.
Спб......	23	**Бычковъ, Аөанасій Өедоровичъ........	9 марта 1865 г.
Москва...	24	Бюлеръ, баронъ Өедоръ Андреевичъ	12 марта 1875 г.
Пенза....	25	**Василёвъ, Иванъ Ивановичъ.........	11 октября 1878 г.
Ярославль.	26	Вахрамѣевъ, Иванъ Александровичъ	Въ Чл.-кор. 15 мая 1881 г. Въ Д. Чл. 14 марта 1886 г.
Спб......	27	Ведровъ, Владиміръ Максимовичъ	26 апрѣля 1870 г.
Кіевъ....	28	Вельяминовъ-Зерновъ, Владиміръ Владиміровичъ..........	9 марта 1865 г.
Воронежъ.	29	**Веневитиновъ, Михаилъ Алексѣевичъ......	14 марта 1886 г.
Москва...	30	**Вееловскій, Алексѣй Николаевичъ......	Въ Чл.-кор. 17 ноября 1867 г. Въ Д. Чл. 25 февр. 1874 г.
Спб......	31	**Веселовскій, Николай Ивановичъ.......	27 октября 1887 г.
Дерптъ...	32	**Висковатовъ, Павелъ Александровичъ	28 октября 1888 г.
	33	**Волошинскій, Яковъ Яковлевичъ	26 апрѣля 1877 г.
	34	Гагаринъ, Князь Александръ Григорьевичъ.	17 октября 1867 г.

ст. Мстеры.	35	Голышевъ, Иванъ Александровичъ	Въ Чл.-кор. 26 апр. 1866 г. Въ Д. Чл. 7 декабря 1883 г.
Москва. . .	36	△ Гондатти, Николай Львовичъ	Въ Чл.-кор. 27 окт. 1887 г. Въ Д. Чл. 13 апрѣля 1889 г.
Спб.	37	**Гриммъ, Давидъ Ивановичъ	25 февраля 1869 г.
Москва. . .	38	Дашковъ, Василій Андреевичъ	16 марта 1871 г.
Спб.	39	**Дестунисъ, Гавріилъ Спиридоновичъ.	9 марта 1865 г.
Москва. . .	40	Долговъ, Семенъ Осиповичъ	3 февраля 1887 г.
Смоленскъ.	41	Дондуковъ-Корсаковъ, Князь Алексѣй Михайловичъ	4 ноября 1874 г.
Тамбовъ. .	42	**Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ	3 апрѣля 1889 г.
Москва. . .	43	Дубинкинъ, Константинъ Алексѣевичъ . .	30 апрѣля 1885 г.
Тверь. . . .	44	Жизневскій, Августъ Казиміровичъ	2 ноября 1873 г.
Москва. . .	45	**△Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ	4 октября 1864 г.
Москва. . .	46	**Зографъ, Николай Юрьевичъ	13 апрѣля 1889 г.
Спб.	47	**Ивановскій, Левъ Константиновичъ	6 ноября 1875 г.
Спб.	48	**Иверсенъ, Юлій Богдановичъ	15 января 1873 г.
Кіевъ. . . .	49	**Иконниковъ, Владиміръ Степановичъ	12 марта 1875 г.
Москва. . .	50	Иловайскій, Дмитрій Ивановичъ	4 октября 1864 г.
Ярославль.	51	Іонаѳанъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовск.	Въ Чл.-кор. 11 окт. 1878 г. Въ Д. Чл. 14 марта 1886 г.
Тверь. . . .	52	**Квашнинъ-Самаринъ, Николай Дмитріевичъ .	26 апрѣля 1877 г.
	53	Клачковъ, Александръ Петровичъ	22 декабря 1865 г.

Москва...	54	Ключевскій, Василій Осиповичъ.......	Въ Чл.-кор. 29 апрѣл. 1874 г. Въ Д. Чл. 17 февр. 1882 г.
Спб......	55	Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ..........	26 апрѣля 1877 г.
	56	**Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ.....	30 апрѣля 1885 г.
Аллахабадъ	57	Комаровъ, Александръ Виссаріоновичъ....	27 января 1889 г.
Казань...	58	**Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ....	12 марта 1875 г.
Москва...	59	**Коршъ, Ѳедоръ Евгеніевичъ..........	20 мая 1886 г.
Казань...	60	Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ.....	Въ Чл.-кор. 11 окт. 1885 г. Въ Д. Чл. 27 октября 1887 г.
Спб......	61	**Куникъ, Аристъ Аристовичъ.........	27 октября 1864 г.
Леппень..	62	**Куоцинскій, Михаилъ Францовичъ......	Въ Чл.-кор. 17 окт. 1867 г. Въ Д. Чл. 4 ноября 1874 г.
Кіевъ....	63	**Лазаревскій, Александръ Матвѣевичъ......	26 апрѣля 1866 г.
Спб......	64	**Латышевъ, Василій Васильевичъ.......	14 марта 1886 г.
Троиц.Сер. Лавра....	65	Леонидъ, архимандритъ.........	23 декабря 1875 г.
Казань...	66	**Лихачевъ, Андрей Ѳедоровичъ........	20 мая 1886 г.
Ярославль.	67	**Лѣствицынъ, Вадимъ Ивановичъ.......	Въ Чл.-кор. 22 окт. 1868 г. Въ Д. Чл. 7 апрѣля 1880 г.
Спб......	68	**Майковъ, Леонидъ Николаевичъ.......	11 октября 1878 г.
Кіевъ....	69	Малышевскій, Иванъ Игнатьевичъ......	6 ноября 1875 г.
Москва...	70	Мартыновъ, Алексѣй Александровичъ....	Въ Чл.-кор. 25 февр. 1869 г. Въ Д. Чл. 16 марта 1871 г.
Москва...	71	△ Миллеръ, Всеволодъ Ѳедоровичъ........	Въ Чл.-кор. 30 янв. 1875 г. Въ Д. Чл. 19 февраля 1876 г.
Варшава.	72	**Мѣржинскій, Антонъ Ѳаддѣевичъ.......	5 октября 1876 г.

Москва...	73	**Найденовъ, Николай Александровичъ....	9 декабря 1886 г.
Москва...	74	**△ Никитинъ, Николай Васильевичъ........	Въ Чл.-кор. 3 окт. 1877 г. Въ Д. Чл. 13 дек. 1878 г.
Москва...	75	△ Никольскій, Михаилъ Васильевичъ......	Въ Чл.-кор. 23 февр. 1884 г. Въ Д. Чл. 14 марта 1886 г.
Москва...	76	△ Орѣшниковъ, Алексѣй Васильевичъ......	Въ Чл.-кор. 6 ноября 1881 г. Въ Д. Чл. 7 декабря 1883 г.
Варшава..	77	**Павинскій, Адольфъ Ивановичъ.........	5 октября 1876 г.
Москва...	78	△ Павлиновъ, Андрей Михайловичъ........	Въ Чл.-кор. 6 ноября 1881 г. Въ Д. Чл. 11 октября 1885 г.
Москва...	79	**△ Павловъ, Алексѣй Степановичъ........	26 апрѣля 1877 г.
Вѣрный..	80	△ Пантусовъ, Николай Николаевичъ......	Въ Чл.-кор. 4 апрѣля 1886 г. Въ Д. Чл. 19 декабря 1889 г.
Кіевъ....	81	**Петровъ, Николай Ивановичъ.........	9 декабря 1886 г.
Москва...	82	△ Подшиваловъ, Алексѣй Матвѣевичъ......	Въ Чл.-кор. 10 ноября 1882 г. Въ Д. Чл. 14 марта 1886 г.
Спб......	83	**Покровскій, Николай Васильевичъ......	27 октября 1887 г.
Спб......	84	Половцевъ, Александръ Александровичъ....	25 февраля 1869 г.
Спб......	85	**Помяловскій, Иванъ Васильевичъ......	2 мая 1879 г.
Москва...	86	Поповъ, Нилъ Александровичъ.........	31 января 1867 г.
Харьковъ.	87	**Потебня, Александръ Аѳанасьевичъ.....	12 октября 1865 г.
Пишпекъ.	88	Поярковъ, Ѳедоръ Владиміровичъ.......	Въ Чл.-кор. 2 апрѣля 1886 г. Въ Д. Чл. 19 декабря 1889 г.
Кіевъ....	89	**Праховъ, Адріанъ Викторовичъ........	29 апрѣля 1874 г.
Спб......	90	**Прозоровскій, Дмитрій Ивановичъ.......	26 апрѣля 1877 г.
Спб......	91	Путятинъ, Князь Павелъ Арсеньевичъ...	Въ Чл.-кор. 7 дек. 1883 г. Въ Д. Чл. 3 апрѣля 1889 г.

Спб......	92	Пыпинъ, Александръ Николаевичъ......	12 мая 1867 г.
Спб......	93	**Розенъ, баронъ Викторъ Романовичъ...	13 апрѣля 1889 г.
Москва...	94	**Румянцевъ, Василій Егоровичъ.........	22 октября 1868 г.
Тверь....	95	**Савва, архіепископъ Тверской и Кашинскій.	4 октября 1864 г.
Спб......	96	**Савваитовъ, Павелъ Ивановичъ........	13 декабря 1866 г.
Варшава..	97	**Самоквасовъ, Дмитрій Яковлевичъ......	Въ Чл.-кор. 2 ноябр. 1873 г. Въ Д. Чл. 5 октября 1876 г.
Спб......	98	Семеновъ, Петръ Петровичъ........	25 февраля 1869 г.
Полоцкъ..	99	Сементовскій-Курилло, Александръ Максимов.	Въ Чл.-кор. 22 дек. 1884 г. Въ Д. Чл. 3 апрѣля 1889 г.
Москва...	100	△ Слуцкій, Сергѣй Сергѣевичъ........	Въ Чл.-кор. 22 января 1888 г.
Москва...	101	**Сизовъ, Владиміръ Ильичъ...........	Въ Чл.-кор. 3 окт. 1877 г. Въ Д. Чл. 6 ноября 1881 г.
Спб......	102	**Стасовъ, Владиміръ Васильевичъ.......	13 декабря 1866 г.
Сергіевск. Посадъ...	103	**Субботинъ, Николай Ивановичъ.......	2 ноября 1873 г.
Спб......	104	Султановъ, Николай Владиміровичъ.......	Въ Чл.-кор. 6 ноября 1881 г. Въ Д. Чл. 11 окт. 1885 г.
Ростовъ Великій..	105	Титовъ, Андрей Александровичъ......	Въ Чл.-кор. 5 февр. 1880 г. Въ Д. Чл. 10 ноября 1882 г.
Сергіевск. Посадъ...	106	Толстой, Графъ Михаилъ Владиміровичъ..	28 апрѣля 1869 г.
Тула.....	107	Троицкій, Николай Ивановичъ........	Въ Чл.-кор. 3 окт. 1877 г. Въ Д. Чл. 30 апрѣля 1885 г.
Москва...	108	△Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ...	Въ Чл.-кор. 30 апр. 1885 г. Въ Д. Чл. 27 окт. 1887 г.
Выборгъ..	109	Турбинъ, Николай Матвѣевичъ........	Въ Чл.-кор. 17 окт. 1867 г. Въ Д. Чл. 8 марта 1878 г.
Москва...	110	**Уварова, Графиня Прасковья Сергѣевна...	14 января 1885 г.

Спб.	111	**Хвольсонъ, Даніилъ Авраамовичъ	25 февраля 1869 г.
Спб.	112	**Цагарелли, Александръ Антоновичъ	27 января 1889 г.
Москва . . .	113	**Цвѣтаевъ, Иванъ Владиміровичъ	13 декабря 1878 г.
Спб.	114	**Черскій, Иванъ Дмитріевичъ	26 апрѣля 1877 г.
Москва . . .	115	Шварцъ, Александръ Николаевичъ	Въ Чл.-кор. 6 дек. 1882 г. Въ Д. Чл. 17 апрѣля 1887 г.
Москва . . .	116	Шеппингъ, баронъ Дмитрій Оттоновичъ . . .	17 ноября 1864 г.
	117	**Ширренъ, д-ръ . . .	31 января 1867 г.
Ростовъ Великій . .	118	Шляковъ, Иванъ Александровичъ	Въ Чл. кор. 25 окт. 1883 г. Въ Д. Чл. 14 марта 1886 г.
Ярославль.	119	**Шпилевскій, Сергѣй Михайловичъ	27 октября 1887 г.
Москва . . .	120	**Эминъ, Никита Осипов.	13 декабря 1878 г.
Одесса . . .	121	**Юргевичъ, Владиславъ Норбертовичъ . . . ,	25 февраля 1869 г.
Тифлисъ. .	122	**Яновскій, Кириллъ Петровичъ	7 ноября 1889 г.
Елизаветградъ	123	Ястребовъ, Владиміръ Николаевичъ	Въ Чл.-кор. 30 апр. 1885 г. Въ Д. Чл. 3 апрѣля 1889 г.
Владиміръ губ	124	**Ѳеогностъ, архіепископъ Владимірскій и Суздальскій	7 декабря 1883 г.

IV.

Члены корреспонденты.

Томскъ . . .	125	Адріановъ, Александръ Васильевичъ	27 октября 1887 г.
Рязань . . .	126	Антоновъ, Александръ Васильевичъ	29 ноября 1876 г.
Кіевъ	127	Антоновъ, Василій Григорьевичъ (свящ.). . .	26 апрѣля 1866 г.

Москва...	128	Аппельротъ, Владиміръ Германовичъ......	25 ноября 1888 г.
Казань...	129	Архангельскій, Александръ Семеновичъ..	22 января 1888 г.
Москва...	130	△ Аттая, Михаилъ Осиповичъ.........	29 марта 1888 г.
Ярославль	131	Барщевскій, Иванъ Өедоровичъ........	25 октября 1883 г.
Севастоп.	132	Бертье-Делагардъ, Александръ Львовичъ...	9 декабря 1886 г.
Спб......	133	Бобринскій, Графъ Алексѣй Александровичъ.	10 ноября 1882 г.
Новгородъ.	134	Богословскій, Николай Гавріиловичъ (свящ.).	16 марта 1871 г.
Спб......	135	Васильчиковъ, Александръ Алексѣевичъ.	14 февраля 1872 г.
Спб......	136	Веселовскій, Александръ Николаевичъ......	26 апрѣля 1870 г.
Тунганта-рово ст.	137	Веселовъ, Михаилъ Алексѣевичъ........	10 мая 1888 г.
Иркутскъ.	138	Витковскій, Николай Ивановичъ.......	6 ноября 1881 г.
Орелъ....	139	Гавелька, Иванъ Ивановичъ.........	6 ноября 1875 г.
Н.-Новг..	140	Гацисскій, Александръ Серафимовичъ.....	3 октября 1877 г.
Москва...	141	Голицынъ, Князь Левъ Сергѣевичъ.......	3 октября 1877 г.
Москва...	142	Горожанскій, Николай Петровичъ.......	13 декабря 1878 г.
Москва...	143	△ Грингмутъ, Владиміръ Андреевичъ.......	29 марта 1888 г.
Кутаисъ.	144	Давыдовъ, Павелъ Димитріевичъ.........	3 февраля 1887 г.
Москва...	145	Делекторскій, Николай Прокофьевичъ.....	11 января 1886 г.
Муромъ..	146	Добрынкинъ, Николай Гавріиловичъ......	3 октября 1877 г.

Кіевъ....	147	Доманицкій, Владиміръ Михайловичъ	1 декабря 1873 г.
Спб......	148	Евлентьевъ, Константинъ Григорьевичъ ..	25 февраля 1869 г.
Черниговъ.	149	Ефименко, Петръ Саввичъ..........	28 сентября 1869 г.
Муромъ..	150	Зварыкинъ, Өедоръ Дмитріевичъ........	29 апрѣля 1874 г.
Москва...	151	Ивановскій, Алексѣй Арсентьевичъ	25 ноября 1888 г.
Казань...	152	Износковъ, Иліодоръ Алексадровичъ.....	27 января 1889 г.
Москва...	153	△ Истринъ, Василій Михайловичъ.......	10 мая 1888 г.
Москва...	154	△ Канановъ, Георгій Ильичъ	7 апрѣля 1880 г.
Кіевъ....	155	Кибальчичъ, Турвонтъ Венедиктовичъ.....	2 ноября 1873 г.
Голаваневскъ...	156	Китицынъ, Платонъ Александровичъ. ...	11 октября 1878 г.
Томскъ...	157	Клеменцъ, Дмитрій Александровичъ......	27 октября 1887 г.
Ветлуга..	158	Колюпановъ, Николай Петровичъ.......	15 мая 1881 г.
Ярославль.	159	Корсунскій, Николай Николаевичъ......	30 января 1875 г.
Москва...	160	Кречетовъ, Петръ Никитичъ	3 апрѣля 1889 г.
Нов. Бугъ.	161	Крыловъ, Александръ Лукичъ	7 декабря 1883 г.
Одесса ...	162	Курисъ, Иванъ Ираклієвичъ	17 октября 1867 г.
Москва...	163	△ Кучукъ — Іоаннесовъ, ХристофоръИвановичъ	27 января 1889 г.
Москва...	164	Лебедевъ, Иванъ Алексѣевичъ........	15 мая 1881 г.
Кіевъ....	165	Лебединцевъ, ПетръГавріиловичъ(Протоіерей).	12 октября 1865 г.

Кременецъ.	166	Люба-Радзиминскій, Сигизмундъ Владиміров.	8 марта 1878 г.
Ростовъ... Великій...	167	Мансветовъ, Василій Ивановичъ (священ.).	25 октября 1883 г.
Москва...	168	Мартыновъ, Николай Александровичъ	12 іюня 1872 г.
Минусин..	169	Мартьяновъ Николай Михайловичъ	27 октября 1887 г.
Сухумъ—Кале	170	Мачаваріани, Константинъ Давидовичъ . . .	9 декабря 1886 г.
Москва...	171	Милюковъ, Павелъ Николаевичъ	22 января 1888 г.
Полчаниковка....	172	Минхъ, Александръ Николаевичъ	25 февраля 1869 г
Москва...	173	Михайловскій, Викторъ Михаиловичъ	22 декабря 1880 г
Москва...	174	Мрочекъ - Дроздовскій, Петръ Николаевичъ . .	6 ноября 1881 г.
Москва...	175	△ Муркосъ, Георгій Абрамовичъ.	29 марта 1888 г.
Спб......	176	Мушкетовъ, Иванъ Васильевичъ	6 ноября 1881 г.
Одесса....	177	Некрасовъ, Иванъ Степановичъ	17 октября 1867 г.
Москва...	178	Нефедовъ, Филиппъ Діомидовичъ.	27 октября 1887 г.
(Владим.?)	179	Никольскій, (священ.).	13 іюня 1872 г.
Москва...	180	Оберъ, Александръ Лаврентьевичъ	30 апрѣля 1885 г.
Москва...	181	△ Окромчаделовъ - Серебряковъ, Илья Лазаревичъ	29 марта 1888 г.
Владикав.	182	Ольшевскій, Казимиръ Игнатьевичъ.	5 февраля 1880 г.
Ростовъ... Великій...	183	Орловъ, Николай Өедоровичъ.	14 марта 1886 г.
Москва...	184	Остроумовъ, Валентинъ Васильевичъ (священ.).	25 февраля 1884 г.

(Кіевъ?)..	185	Павлиновъ, Іоаннъ (священникъ)	31 января 1867 г.
Глазовъ г.	186	Первухинъ, Николай Григорьевичъ.	27 октября 1887 г.
Одесса ...	187	Перетятковичъ, Егоръ Ивановичъ.	30 января 1875 г.
Смоленскъ.	188	Писаревъ, Семенъ Петровичъ	17 февраля 1882 г.
Вильно...	189	Площанскій, Венедиктъ Михайловичъ	25 февраля 1874 г.
Москва...	190	Поливановъ, Николай Петровичъ.	7 апрѣля 1880 г.
Екатеринославль...	191	Поль, Александръ Николаевичъ.	30 апрѣля 1885 г.
Москва...	192	Попандопуло, Василій Константиновичъ ...	7 декабря 1883 г.
(Подольск. губ).....	193	Поповскій, Болеславъ Юліановичъ.	17 января 1878 г.
Спб......	194	Потанинъ, Григорій Николаевичъ	17 февраля 1882 г.
Витебскъ.	195	Романовъ, Евдокимъ Романовичъ.	9 декабря 1886 г.
Херсонъ..	196	Русовъ, Александръ Александровичъ.	15 мая 1881 г.
(Москва?)	197	△ Рябининъ, Михаилъ Васильевичъ	13 апрѣля 1889 г.
Кострома.	198	Самаряновъ, Василій Алексѣевичъ.......	30 января 1875 г.
Рязань...	199	Селивановъ, Алексѣй Васильевичъ.	27 октября 1887 г.
Одесса ...	200	Сергѣевъ, Алексѣй Николаевичъ.	30 апрѣля 1885 г.
Переяслав. Залѣсск..	201	Свирѣлинъ, Александръ Ивановичъ.	12 октября 1865 г.
Тюмень..	202	Словцовъ, Иванъ Яковлевичъ	11 января 1886 г.
Саратовъ.	203	Соколовъ Авдѣй Ивановичъ	2 мая 1879 г.

(Псковъ?).	204	Соколовъ, Николай Ивановичъ.	11 октября 1878 г.
Москва. . .	205	△Соловейчикъ, Илья Исидоровичъ.	10 мая 1888 г.
Вятка. . . .	206	Спасскій, Николай Александровичъ	27 октября 1887 г.
Москва. . .	207	Сперанскій, Михаилъ Несторовичъ.	3 апрѣля 1889 г.
Вятка. . . .	208	Спицынъ, Александръ Александровичъ	27 октября 1887 г.
Вильна. . .	209	Спрогисъ, Иванъ Яковлевичъ	20 апрѣля 1873 г.
Москва. . .	210	Сторожевъ, Василій Николаевичъ	7 ноября 1889 г.
Кутаисъ. .	211	Стояновъ, Александръ Ильичъ.	5 февраля 1880 г.
Тула.	212	Сѣверный, Николай Емельяновичъ	30 ноября 1875 г.
Ильин. с.	213	Теплоуховъ, Өедоръ Александровичъ.	20 мая 1886 г.
Симферол.	214	Тимошевскій, Григорій Ивановичъ.	17 апрѣля 1887 г.
Москва. . .	215	△Токмаковъ, Иванъ Өедоровичъ.	7 апрѣля 1880 г.
Москва. . .	216	Тороповъ, Өома Гавриловичъ.	30 апрѣля 1885 г.
Кіевъ. . . .	217	Троцкій, Павелъ (священникъ).	12 октября 1865 г.
Спб.	218	Тышинскій, Александръ Григорьевичъ	28 апрѣля 1869 г.
Москва. . .	219	Уваровъ, Графъ Өедоръ Алексѣевичъ.	10 мая 1888 г.
Екатеринодаръ.	220	Фелицынъ, Евгеній Дмитріевичъ	6 ноября 1881 г.
Москва. . .	221	△Хахановъ, Александръ Соломоновичъ.	25 ноября 1888 г.
Воронежъ.	222	Хованскій, Алексѣй Андреевичъ.	12 октября 1865 г.

Москва...	223	Холмогоровъ, Василій Ивановичъ.	7 апрѣля 1880 г.
Москва...	224	△ Холмогоровъ, Иванъ Николаевичъ	17 апрѣля 1887 г.
Тифлисъ..	225	Цилоссани, Н..... (Полковникъ).	17 апрѣля 1887 г.
Поляникис.	226	Чекалинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ.	30 апрѣля 1885 г.
Уфа	227	Черниковъ-Анучинъ, Александръ Васильев. .	30 января 1875 г.
Сухумъ—Кале.....	228	Чернявскій, Владиміръ Ивановичъ.	9 декабря 1886 г.
Грозный г.	229	Чураковскій, Юрій Константиновичъ	25 ноября 1888 г.
Спб.	230	Эварницкій, Дмитрій Ивановичъ	30 апрѣля 1885 г.
Иркутскъ.	231	Ядринцевъ, Николай Михайловичъ.	17 февраля 1882 г.
Москва...	232	Янчукъ, Николай Андреевичъ	22 января 1888 г.

V.

Члены заграничные.

Туринъ...	233	Ангелуччи.	11 января 1886 г.
Боннъ....	234	Ауем-Вертъ, Эрнестъ. .	15 января 1879 г.
Парижъ..	235	Базилевскій, Александръ Петровичъ.	4 ноября 1874 г.
Римъ....	236	Байе.	7 апрѣля 1880 г.
Багдадъ..	237	Балтазаръ, М.	25 ноября 1888 г.
Парижъ..	238	Вреаль, Михаилъ. . . .	26 апрѣля 1866 г.
Болонья..	239	Бриціо.	10 мая 1888 г.
Мюнхенъ.	240	Брунъ, Гейнрихъ. . .	23 февраля 1865 г.
Бѣлградъ.	241	Валтровичъ, Михаилъ.	13 декабря 1878 г.

Брюссель.	242	Ванъ-Дессель.	4 ноября 1875 г.
Ольмюцъ.	243	Ванкель, Гейнрихъ. . .	30 января 1875 г.
Майнцъ . .	244	Витманнъ, Іосифъ . . .	29 ноября 1876 г.
Парижъ . .	245	Вогюэ, Графъ, Мельхіоръ.	26 апрѣля 1866 г.
Прага	246	Вртятко, Антонинъ-Ярославъ	23 февраля 1865 г.
Римъ	247	Гаруччи.	23 февраля 1865 г.
Вѣна.	248	Гейдеръ, Густавъ. . .	23 февраля 1865 г.
Римъ.	249	Гельбихъ, Вольфгангъ.	26 апрѣля 1866 г.
Дрезденъ .	250	Грессе, Ѳедоръ.	26 апрѣля 1866 г.
Нерето, въ провинціи Терамо. . .	251	Гундобальди, баронъ, Доменико.	15 мая 1881 г.
Парижъ . .	252	Де-Линасъ.	26 апрѣля 1870 г.
Парижъ . .	253	Де-Марси.	26 апрѣля 1870 г.
Римъ.	254	Де-Нино, Антоніо. . .	22 декабря 1880 г.
Неаполь. .	255	Де-Петра, Джуліо. . .	22 декабря 1880 г.
Римъ.	256	Де-Росси,Джіовани-Баптиста.	23 февраля 1865 г.
Берлинъ. .	257	Доппертъ.	7 апрѣля 1880 г.
Брюннъ. .	258	Дудикъ, Беда.	25 февраля 1874 г.
Римъ.	259	Дюкенъ.	7 апрѣля 1880 г.
Римъ.	260	Жоффруа.	7 апрѣля 1880 г.
Болонья. .	261	Занони	3 октября 1887 г.
Вѣна.	262	Иречекъ,Германгильдъ.	23 февраля 1865 г.
Аѳонъ. . . .	263	Іосифъ, архимандритъ.	28 апрѣля 1869 г.
Римъ.	264	Каварокки, Рафаэль. .	22 декабря 1880 г.
Монпелье.	265	Казалисъ-де-Фондузъ .	11 октября 1878 г.
Вѣна.	266	Камезина.	30 января 1875 г.
Тулуза. . .	267	Картальякъ, Эмиль . .	11 октября 1878 г.
Ленча. . . .	268	Кастромедіано, Герцогъ.	7 мая 1884 г.
Прага	269	Коларъ, Іосифъ	23 февраля 1865 г.
Парижъ. . .	270	Лабартъ	23 февраля 1865 г.
Парижъ. . .	271	Ле-Блантъ	26 апрѣля 1866 г.

Парижъ...	272	Леже, Луи	30 января 1875 г.
Майнцъ...	273	Линденшмидтъ.	9 марта 1865 г.
Парижъ...	274	Лихачевъ, Иванъ Θедоровичъ.	19 мая 1889 г.
Загребъ . .	275	Любичъ, Симеонъ . . .	6 ноября 1875 г.
Асти.....	276	Маджіоре-Вергано . . .	25 февраля 1869 г.
Лондонъ..	277	Максъ-Мюллеръ	23 февраля 1865 г.
Вѣна.....	278	Миклошичъ, Францъ. .	17 ноября 1864 г.
Бѣлградъ.	279	Милутиновичъ, Драгутинъ.	13 декабря 1878 г.
Неаполь..	280	Минервини.	23 февраля 1865 г.
Ленча....	281	Моджулли	7 мая 1884 г.
Берлинъ..	282	Момзенъ, Θеодоръ. . .	26 апрѣля 1866 г.
Стокгольмъ	283	Монтеліусъ.	26 апрѣля 1870 г.
Парижъ...	284	Мори, Альфредъ. . . .	26 апрѣля 1866 г.
Страсбургъ	285	Нёльдеке, (профессоръ).	10 мая 1888 г.
Бѣлградъ.	286	Новаковичъ, Стоянъ .	12 марта 1875 г.
Букурештъ	287	Одобеско, Александръ.	26 апрѣля 1870 г.
Парижъ...	288	Омонъ, Генрихъ. . . .	28 ноября 1889 г.
Краковъ..	289	Оссовскій, Готфридъ Іосифовичъ	25 ноября 1888 г.
Прага....	290	Патера, Адольфъ Осиповичъ.	23 февраля 1865 г.
Болонья..	291	Пелличіони	10 мая 1888 г.
Римъ.....	292	Пигорини, Луиджи. . .	30 октября 1877 г.
Парижъ ..	293	Пинаръ, Альфонсъ . .	25 февраля 1874 г.
Аллахабадъ (Индія)...	294	Райветъ-Карнакъ . . .	10 мая 1888 г.
Парижъ..	295	Рамбо, Альфредъ . . .	30 января 1875 г.
Загребъ...	296	Рачкій, Франьо	23 февраля 1865 г.
Парижъ...	297	Ренанъ, Эрнестъ. . . .	26 апрѣля 1866 г.
Равенна..	298	Риччи, (художникъ). .	12 іюня 1872 г.
Коппенгаг.	299	Софусъ-Мюллеръ, (профессоръ).	11 января 1886 г.
Парма ...	300	Стробель.	11 января 1886 г.
Люблянъ.	301	Терстиньякъ, Мартинъ.	9 марта 1865 г.

къ нему: «Охота тебѣ, братъ, тратить и силы и здоровье такимъ образомъ».— «Я ничего не сказалъ, ушелъ въ свою комнату, но не могъ заснуть; и стало мнѣ мерзко пошлое существованіе, которое я велъ въ послѣднее время; я рѣшилъ прекратить его и съ тѣхъ поръ круто измѣнилъ образъ жизни».

Въ 1836 г., пройдя три курса тогдашняго университета, Н. И. кончилъ дѣйствительнымъ студентомъ изъ-за неудовлетворительнаго балла по богословію; черезъ полгода онъ переэкзаменовался на кандидата. Какое вліяніе оказалъ на Н. И. университетъ? Тамъ были всѣ элементы дальнѣйшаго направленія нашего историка: Лунинъ, преподаватель всеобщей исторіи, «принадлежалъ къ школѣ живописцевъ — историковъ, возникшей подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта, котораго онъ называлъ «абботсфордскимъ чародѣемъ» и котораго, кажется, принималъ за образецъ при изображеніи феодальной жизни и рыцарства — блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, т. 239. Современная лѣтопись, стр. 34). Такимъ образомъ, Лунинъ имѣлъ вліяніе въ университетѣ. Если онъ представляетъ намъ родственную Костомарову форму изложенія, то сходное содержаніе находимъ у другаго профессора, у котораго и жилъ Н. И. послѣ описаннаго выше нравственнаго перелома: это Гулакъ-Артемовскій, посредственный профессоръ, но знатокъ малороссійскаго быта и видный дѣятель малороссійской литературы. Самъ Н. И. называетъ Лунина «безспорно однимъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ профессоровъ того времени»; Гулакъ, по его мнѣнію, болтунъ и фразеръ, но, замѣтимъ, что Лунинъ былъ за вторую диссертацію Н. И., а Гулакъ противъ нея, а Н. И. при своей страстности никогда спокойно не относился къ своимъ врагамъ. Въ сборникѣ «Молодикъ» на 1844 г. (Харьковъ 1843 г. стр. 166) Н. И. признаетъ, что стихотворенія Гулака «обличаютъ въ сочинителѣ высокій талантъ, отъ котораго можно было бы ожидать драгоцѣнныхъ плодовъ».

Вполнѣ опредѣленнаго направленія, во всякомъ случаѣ, Н. И. изъ университета не вынесъ: «покончивъ съ экзаменами, говоритъ онъ, я захотѣлъ испробовать чего-нибудь новаго и поступилъ въ военную службу» —юнкеромъ въ Кинбургскій драгунскій полкъ; тотчасъ по поступленіи, онъ «взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ свой родной городъ Острогожскъ», гдѣ нашелъ казацкія дѣла въ архивѣ уѣзднаго суда, и «такъ увлекся ими, что забылъ о своей службѣ и былъ уволенъ по неспособности». Этотъ періодъ броженія продолжается въ 1837 и 1838 годахъ: изъ Острогожска Н. И. ѣдетъ

Императорское Московское Археологическое Общество, печатая записку о дѣятельности своей за XXV лѣтъ считало своимъ долгомъ приложить къ ней краткіе некрологи почившихъ, за это время, членовъ. Къ глубокому сожалѣнію Общества, недостатокъ свѣдѣній, а часто и полное отсутствіе ихъ, ограниченность времени и разныя непредвидѣнныя обстоятельства не позволили ему исполнить это дѣло въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно было задумано. Тѣмъ не менѣе оно считаетъ своей нравственной обязанностью приложить къ настоящей «Запискѣ» тѣ некрологи покойныхъ, которые удалось ему составить, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется случаемъ принести свою искреннѣйшую и глубочайшую благодарность Ѳ. А. Бычкову, Проф. А. Н. Веселовскому, Проф. Н. И. Веселовскому, Проф. П. А. Висковатову, П. А. Герну, А. К. Жизневскому, Г. Е. Кизерицкому, Проф. А. И. Кирпичникову, Проф. Д. А. Корсакову, В. И. Ламанскому, Проф. В. Ѳ. Миллеру, Проф. П. Н. Милюкову, Проф. М. В. Никольскому, А. П. Попову, А. Н. Пыпину, С. С. Слуцкому, В. К. Трутовскому, Проф. Ѳ. И. Успенскому, Проф. И. В. Цвѣтаеву и др., которые, не смотря на многотрудныя служебныя, научныя и др. занятія, не отказали Обществу въ своей помощи и просвѣщенномъ содѣйствіи.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ.

Имя графа Уварова, какъ основателя научнаго направленія археологіи въ Россіи, пользуется не только всероссійской, но и европейской извѣстностью. Всякій, кто за послѣднее двадцатипятилѣтіе интересовался археологіею Россіи, уже при самомъ началѣ своихъ занятій сталкивался съ этимъ именемъ, знакомился съ трудами графа и привыкалъ смотрѣть на него, какъ на главнаго представителя археологической науки въ Россіи. Это значеніе графа Уварова господствовало въ сознаніи всѣхъ русскихъ археологовъ и находило себѣ выраженіе на послѣднихъ Археологическихъ Съѣздахъ, которые обычно заканчивались теплыми и искренними рѣчами, указывавшими на его научныя заслуги и благодарившими его за неутомимые труды. Такимъ образомъ уже при жизни графъ А. С. могъ нерѣдко испытывать нравственное удовлетвореніе въ сознаніи, самомъ отрадномъ для ученаго, что онъ двинулъ значительно впередъ русскую науку, что труды его останутся надолго цѣннымъ вкладомъ въ нее, что слѣдующія поколѣнія получатъ возможность вести дальше начатое имъ дѣло; но настоящая всесторонняя оцѣнка его заслугъ стала возможна лишь послѣ его смерти. Дѣйствительно, мы видимъ, что едва печальная вѣсть о кончинѣ гр. Уварова разнеслась по Россіи, какъ во всѣхъ городахъ ея, бывшихъ свидѣтелями его дѣятельности, начинается чествованіе его памяти, припоминаются детали его работъ, разъясняются его заслуги въ той или другой отрасли археологіи, въ той или другой области Россіи. Утрата гр. Уварова равно печально отозвалась и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ Тифлисѣ, въ Казани и Одессѣ, и въ Ростовѣ, и въ Кіевѣ. Всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ по явившимся въ повременной печати свѣдѣніямъ съ дѣятельностію гр. А. С., пойметъ, что эта дѣятельность такъ широка и многостороння, что у насъ не найдется такого археолога-энциклопедиста, который могъ бы одинъ равно справедливо оцѣнить ее съ разныхъ сторонъ. Лишь представители разныхъ областей археологической науки могли бы представить ей надлежащую оцѣнку.

Конечно не мнѣ взять на себя этотъ непосильный трудъ. Я могу только въ общихъ чертахъ характеризовать графа А. С., напомнить лишь выдающіяся черты этого первоклассчаго ученаго и дѣятеля. Кому много дано, съ того многое и спросится. Графу Уварову было дано очень многое, но онъ далъ несравненно болѣе того, что самый требовательный судья могъ бы съ него спросить.

Сынъ извѣстнаго ученаго филолога, министра народнаго просвѣщенія, президента Академіи наукъ, графъ А. С. получилъ отличное воспитаніе и обширное образованіе. Уже въ дѣтствѣ и юности въ домѣ отца онъ жилъ въ сферѣ и науки и искусства: превосходная библіотека, музей, лекціи профессоровъ, ученые споры о предметахъ науки и литературы — вотъ тѣ впечатлѣнія, среди которыхъ онъ развивался. Далѣе — петербургскій историко-филологическій факультетъ и лекціи Грефе, пребываніе въ заграничныхъ университетахъ — берлинскомъ, гейдельбергскомъ, кружокъ профессоровъ и ученыхъ археологовъ и нумизматовъ (Бартоломей, Кёне, Сабатье), съ которыми сблизился гр. А. С. по возвращеніи изъ-за границы — всѣ эти благопріятныя условія рѣшили все дальнѣйшее направленіе его дѣятельности, сдѣлали изъ него сначала любителя археологіи, потомъ основательно подготовленнаго ученаго, передъ которымъ открывалось, благодаря блестящему матеріальному и общественному положенію, широкое поприще дѣятельности. Природная энергія, привычка къ труду, обширное образованіе, даже помимо знатнаго происхожденія и высокаго положенія отца, открывали предъ гр. А. С. блестящую карьеру и дѣлали его желаннымъ пріобрѣтеніемъ для всякаго поприща государственной службы. Предъ нимъ были открыты двери министерства иностранныхъ дѣлъ, и гр. А. С. былъ причисленъ къ этому вѣдомству. Однако задатки ученаго начинаютъ все сильнѣе сказываться въ молодомъ дипломатѣ; сынъ ученаго не находитъ удовлетворенія въ государственной службѣ не потому, чтобы натура его не имѣла стремленія къ общественной дѣятельности, какъ бываетъ съ нѣкоторыми, исключительно кабинетными, учеными (напротивъ мы знаемъ изъ дальнѣйшаго, что графъ Уваровъ обладалъ и способностями и стремленіемъ къ общественной дѣятельности), а потому, что стремленіе къ научнымъ занятіямъ владѣло въ большей степени его помыслами. Онъ отдался лишь своему призванію. И вотъ мы видимъ, что молодой человѣкъ, стоявшій на порогѣ самой блестящей карьеры, окруженный богатствомъ и роскошью, является равнодушнымъ зрителемъ среди вихря свѣтской жизни, ищетъ удовлетворенія на засѣданіяхъ Археолого-нумизматическаго общества, въ

основаніи котораго въ 1846 году онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе, и не колеблется промѣнять блескъ С.-Петербургской жизни на утомительную поѣздку въ южно-русскія степи и Крымъ ради археологическихъ розысканій. Въ 1847 году предсѣдатель Арх. Общества герцогъ Лейхтенбергскій возбудилъ вопросъ о способахъ болѣе полнаго изученія классическихъ памятниковъ на побережьи Чернаго моря и назначилъ коммиссію для разработки этого вопроса. Коммиссія пришла къ заключенію, что слѣдовало бы послать для такого изученія на мѣстѣ одного изъ членовъ Археолог. Общества, но остановилась предъ недостаткомъ средствъ для подобной экспедиціи. Тогда графъ А. С. предложилъ Обществу выполнить его желаніе на собственный счетъ. Предложеніе было принято съ благодарностью, и въ 1848 г. молодой ученый отправляется къ устьямъ Днѣпра и отсюда проѣзжаетъ все побережье Чернаго моря на западъ до устьевъ Дуная и на востокъ до Таманскаго полуострова. Всюду онъ собираетъ свѣдѣнія, производитъ раскопки, дѣлаетъ замѣтки, пріобрѣтаетъ древности. Результаты поѣздки 27-лѣтній археологъ обнародываетъ въ своемъ первомъ капитальномъ трудѣ: *«Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря»* (2 вып. in 4° съ атлас. рисунковъ 1851—56), который представляетъ множество цѣнныхъ данныхъ для археологіи Новороссійскаго края, Бессарабіи и Молдавіи. Освѣтивъ въ археологическомъ отношеніи огромную область южной Россіи, графъ Уваровъ переноситъ свои изслѣдованія на сѣверъ въ область древнихъ городовъ Суздаля и Ростова и въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1851—54, въ сообществѣ съ археологомъ-нумизматомъ Савельевымъ и другими лицами, раскапываетъ 7729 кургановъ, съ цѣлью опредѣленія географическаго распространенія вымершаго финскаго племени Мери и уясненія его культуры. Огромная масса добытаго археологическаго матеріала обработывалась имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и результаты изслѣдованій появились въ его трудѣ, считающемся классическимъ въ археологической наукѣ: *Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ* (напеч. *въ Трудахъ I-го Археолог. съѣзда* въ Москвѣ 1869 года). Этотъ трудъ можетъ служить образцомъ для археологическихъ изслѣдованій, знакомя читателей съ методомъ, пріемами и научными требованіями раскопокъ, и показывая, какимъ образомъ можно возстановить культуру цѣлаго племени, о которомъ письменныя историческія свидѣтельства крайне скудны. Здѣсь мы находимъ въ дѣйствіи всѣ орудія археологіи. Изслѣдуя курганы, археологъ выводитъ отличительные признаки Мерянскихъ могилъ, уяс-

няетъ способъ погребенія и погребальные обряды, раскрываетъ религіозныя вѣрованія давно вымершей народности, опредѣляетъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ (финскихъ топографическихъ названій) районъ ея разселенія, на основаніи нумизматическаго изученія монетъ — эпоху могилъ, на основаніи тѣхъ же монетъ и типовъ вещей — торговыя сношенія Мерянъ съ востокомъ, съ западомъ, Византіей и сосѣдними народами. Здѣсь же находимъ картину быта Мерянъ, составленную на основаніи добытыхъ въ курганахъ предметовъ домашняго обихода, одеждъ, орудій, утвари и т. п. Затѣмъ антропологическія измѣренія надъ мерянскими черепами. Словомъ — этотъ трудъ гр. Уварова представляетъ цѣнный вкладъ и въ древнюю этнографію, и въ исторію, и въ антропологію. — Оторвавшись на одинъ годъ (1853 г.) отъ ростово-суздальскихъ раскопокъ, гр. А. С. отправляется въ археологическую командировку снова въ южную Россію, чтобы изслѣдовать развалины древняго Херсонеса. Эти новыя, столь же удачныя, раскопки были окончены при началѣ Восточной войны, которая на время сдѣлала мирнаго археолога капитаномъ Владимірскаго ополченія. Смерть отца (въ 1855 году), устройство домашнихъ дѣлъ, основаніе своего музея и богатой библіотеки, затѣмъ двухлѣтняя служба по министерству народнаго просвѣщенія въ должности помощника попечителя московскаго учебнаго округа на время отвлекли графа отъ прежнихъ упорныхъ археологическихъ занятій, но уже въ 1859 году, вступивши въ бракъ съ княжной Прасковьей Сергѣевной Щербатовой, онъ навсегда оставляетъ оффиціальную службу и отправляется на 2 года за границу, преимущественно въ Италію, и тамъ уже съ полною свободой отдается своему влеченію. Въ Римѣ его преимущественно занимаетъ изученіе христіанской символики: онъ усердно изучаетъ византійское искусство, просматриваетъ въ Ватиканѣ греческія рукописи и византійскія миніатюры. Съ богатымъ запасомъ свѣдѣній и матеріаломъ для дальнѣйшихъ работъ возвращается графъ въ свое имѣніе Порѣчье, гдѣ, служа по выборамъ въ должности предводителя можайскаго дворянства и вводя земскія учрежденія, устраиваетъ свою богатую библіотеку и музей. Съ зимы 1864 года начинаетъ гр. А. С. приводить въ исполненіе давно задуманное дѣло — сплоченіе московскихъ археологовъ, историковъ и любителей старины въ тѣсный кружокъ съ цѣлью совмѣстной разработки археологической науки. Въ сообществѣ съ небольшимъ сначала кружкомъ ученыхъ, онъ выработываетъ уставъ Москов. Археологическаго Общества, которое уже съ октября того же года начинаетъ свою дѣтель-

ность. Всѣмъ извѣстно, насколько покойный предсѣдатель Археологическаго Общества содѣйствовалъ его процвѣтанію всѣми средствами — учеными трудами, ходатайствомъ передъ правительствомъ, матеріальными пожертвованіями. Упомянемъ только, что въ девяти томахъ трудовъ Общества и въ I томѣ Археологическаго Вѣстника (1867) помѣщено до 20 изслѣдованій гр. Уварова, главнымъ образомъ по вопросамъ древне-христіанскаго искусства и первобытной археологіи, и болѣе *тридцати* статеекъ въ Археологическомъ словарѣ, котораго составленіе, по его иниціативѣ, приняли на себя Члены Общества. Постояннымъ заботамъ и хлопотамъ графа Общество главнымъ образомъ обязано тѣмъ, что получаетъ правительственную субсидію въ размѣрѣ 5000 руб., имѣетъ пожалованный покойнымъ Государемъ домъ и библіотеку. На ряду съ дѣятельностью по Обществу труды графа были направлены на устройство Археологическихъ Съѣздовъ, которые, происходя каждые 3 года, въ разныхъ городахъ, освѣщали въ археологическомъ отношеніи цѣлыя области Россіи. Въ устройствѣ такихъ обширныхъ предпріятій особенно блестяще проявились организаторскія способности гр. А. С. Онъ устраивалъ Подготовительные Комитеты, выработывалъ программы, ставилъ и побуждалъ другихъ ставить вопросы для Съѣзда и готовить сообщенія, обсуждалъ предполагавшіяся археологическія экспедиціи, находилъ подходящихъ людей для ихъ совершенія, предсѣдательствовалъ на засѣданіяхъ, руководилъ преніями и т. д., не говоря уже о томъ, что содѣйствовалъ и матеріальными средствами печатанію трудовъ нѣкоторыхъ съѣздовъ — Московскаго (1869 года) и Кіевскаго (1874). Особенно обязанъ Кавказъ трудамъ и вліянію гр. Уварова. Въ виду значенія этой области въ научномъ отношеніи, онъ исходатайствовалъ для устройства Тифлисскаго Археологическаго Съѣзда значительную правительственную субсидію (до 15 тысячъ), которая дала возможность снаряжать въ теченіе *трехъ* лѣтъ археол. экспедиціи въ разныя мѣстности Кавказа. Результатомъ уже однихъ работъ обоихъ Подготовительныхъ Комитетовъ, Московскаго и Тифлисскаго, является почтенный томъ in 4° болѣе 600 страницъ, со множествомъ рисунковъ, представляющій много отдѣльныхъ изслѣдованій и подробныхъ отчетовъ о раскопкахъ. Притомъ и самъ гр. А. С., живо заинтересовавшись кавказскими древностями, предпринималъ цѣлый рядъ раскопокъ (въ Осетіи, близъ Казбека, Кутаиса, въ Дагестанѣ, около Пятигорска, въ Арменіи), изучалъ съ художественной стороны рукописи въ Эчміадзинской библіотекѣ и пріобрѣлъ замѣчательную коллекцію кавказскихъ древностей (преимущественно брон-

зовыхъ предметовъ), часть которой онъ затѣмъ пожертвовалъ въ Историческій Музей.

Почти каждое лѣто, по окончаніи занятій въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, гр. Уваровъ совершалъ экскурсіи въ разныя мѣстности Россіи. То привлекаетъ его Крымъ, гдѣ онъ изучаетъ дольмены, то побережье Оки, около Мурома, гдѣ онъ добываетъ раскопками богатый матеріалъ для каменнаго вѣка, то могильники Смоленской губ. Крымскія раскопки дали ему матеріалъ для изслѣдованія *«Мегалитическіе памятники Россіи»*, Муромскія — въ связи съ обширнымъ изученіемъ литературы предмета — значительно послужили его послѣднему обширному труду: *Археологія Россіи — Каменный періодъ* (М. 1881, томъ болѣе 400 стр. и атласъ рисунковъ и картъ). Въ послѣдніе годы графъ А. С. собиралъ матеріалъ для 2-го тома, который долженъ былъ обнять бронзовый періодъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ много труда, силъ и здоровья на устройство Императорскаго Истор. Музея.

Уже этотъ краткій обзоръ дѣятельности гр. Уварова показываетъ, какого выдающагося дѣятеля въ его лицѣ утратила русская наука. Мы находимъ въ немъ рѣдкое соединеніе способностей и наклонностей — съ одной стороны къ упорному, усидчивому кабинетному ученому труду, съ другой — къ организаціи ученыхъ предпріятій, къ хлопотамъ и ходатайствамъ объ ихъ успѣхѣ, къ занятіямъ, для которыхъ необходимъ практическій умъ и, если можно такъ выразиться, хозяйственныя наклонности. Тѣ, кто изучаютъ изслѣдованія графа Уварова, удивляются количеству затраченнаго труда, богатству матеріаловъ, строгости въ обработкѣ, обширности свѣдѣній. Еще болѣе, конечно, цѣнили въ немъ качества ученаго и работника тѣ, кому приходилось вступать съ нимъ въ личныя сношенія. Видно было по всему, что наука составляла первый и главный интересъ его жизни. Уже въ зрѣломъ возрастѣ и съ разстроеннымъ здоровьемъ, онъ увлекался ею съ юношескимъ жаромъ и, постоянно занятый мыслію о новыхъ научныхъ предпріятіхъ, о новыхъ экспедиціяхъ, изслѣдованіяхъ, забывалъ въ живомъ разговорѣ физическіе недуги. Я лично помню, что когда мнѣ случилось въ послѣдній разъ видѣть неизлѣчимо больнаго графа А. С. за 2 недѣли до его смерти, онъ былъ занятъ мыслью о будущемъ археологическомъ съѣздѣ, и послѣднія слышанныя мною слова его были: «я надѣюсь, что поправлюсь недѣли черезъ двѣ и соберу членовъ Общества, чтобы поговорить о съѣздѣ»... Черезъ 2 недѣли мы дѣйствительно собрались, — но на панихиду по нашемъ незабвенномъ предсѣдателѣ...

Возстановляя въ своемъ воображеніи нравственный обликъ покойнаго, невольно спрашиваешь себя, въ чемъ лежала тайна его вліянія на окружающихъ, что̀ дѣлало его настоящимъ, не только по званію, но и по значенію, предсѣдателемъ и вождемъ всякихъ научныхъ собраній и предпріятій, почему все, чѣмъ онъ руководилъ, устраивалось какъ-то скоро, дружно, просто, и всякая цѣль достигалась легко, почему передъ его авторитетомъ преклонялись невольно всѣ, и всякій разладъ, къ сожалѣнію часто препятствующій у насъ общественнымъ предпріятіямъ, устранялся самъ собою? Можно ли искать объясненья этому въ знатномъ происхожденіи и титулѣ покойнаго графа? Очевидно нѣтъ. У него никто не искалъ покровительства и не могъ бы найти, такъ какъ и самъ графъ А. С. былъ равнодушенъ къ служебной карьерѣ. Вокругъ него не слышалось и добровольной лести, такъ какъ всякая лесть должна была бы отпрянуть обезоруженной отъ этого скромнѣйшаго изъ ученыхъ, который никогда не говорилъ о своихъ научныхъ и иныхъ заслугахъ, но, зная слабость человѣческую, имѣлъ снисхожденіе выслушать повѣствованіе другихъ о ихъ заслугахъ, нерѣдко ничтожныхъ въ сравненіи съ его собственными. Лежитъ ли тайна его вліянія въ его учености? Отчасти, но не вполнѣ. Гр. А. С. привлекалъ къ себѣ людей и *другихъ* спеціальностей, людей, которыхъ занятія лежатъ вдали отъ первобытной археологіи и древне-христіанскаго искусства — главныхъ предметовъ его занятій. Онъ привлекалъ къ себѣ тѣмъ научнымъ увлеченіемъ, которое всегда красной нитью проходило въ его бесѣдѣ, той широтой образованія, которая дозволяла ему интересоваться предметами, повидимому, лежащими въ сторонѣ отъ его спеціальности, той опытностью хорошаго мастера, который самъ умѣетъ работать и другихъ учить работѣ. Бесѣда съ такимъ лицомъ оказывала сильное и благотворное вліяніе особенно на молодыхъ ученыхъ. Они уходили отъ него ободренными, освѣженными, полными новыхъ идей и замысловъ. И многія изъ такихъ лицъ сохранятъ навсегда благодарное воспоминаніе о свѣтлой и симпатической личности графа Алексѣя Сергѣевича.

Н. И. Костомаровъ.

(1817 † 1885.)

Н. И. Костомаровъ родился 4-го мая 1817 года въ слободѣ Юрасовкѣ, Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ. отъ отца великоросса-помѣщика и матери малороссіянки, на границѣ велико-русскаго и малорусскаго населенія. По свидѣтельству матери, онъ былъ по характеру, вспыльчивому и горячему, «весь въ отца». Десяти лѣтъ отецъ отвезъ Н. И. въ Москву въ пансіонъ француза Ге (Геннекеня, см. Языкова), гдѣ онъ пробылъ годъ; на вакаціи отецъ его былъ убитъ крестьянами, и Н. И. перемѣщенъ былъ въ пансіонъ въ Воронежъ. Ученье, по воспоминаніямъ Н. И., тамъ и здѣсь шло плохо; Н. И. былъ «страшно шаловливъ», а при плохомъ присмотрѣ дѣтскія шалости перешли скоро въ кутежи: «я повадился, говоритъ Н. И., съ двумя товарищами ходить въ сосѣдній погребокъ пить по ночамъ вино»; разъ онъ попался и былъ «говоря по-просту, выгнанъ» — черезъ три года послѣ поступленія (1831); на слѣдующую осень его помѣстили въ третій классъ гимназіи. Въ это время въ гимназіяхъ было только четыре класса, и въ 1833 году 16-ти лѣтъ Н. И. кончилъ гимназическій курсъ и поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета, сдавши экзаменъ послѣ усиленныхъ дополнительныхъ занятій лѣтомъ, такъ какъ въ гимназіи «учили тѣ же учителя, что въ пансіонѣ», и ученье шло не лучше. Неизвѣстно, почему на слѣдующій годъ Н. И. перешелъ въ Харьковскій университетъ; впослѣдствіи онъ старался даже скрыть самый фактъ пребыванія въ Московскомъ университетѣ (см. письмо жены Костомарова къ Мордовцеву, Рус. Старина 1885 г. № 12, стр. 648). Въ Харьковскомъ университетѣ Н. И. сперва увлекся латынью, но «вскорѣ сильно закутилъ и, бросивъ всѣ занятія, только читалъ безъ всякаго толку и системы». «Однажды, разсказываетъ Н. И., я вернулся домой уже утромъ, пьяный, усталый, и засталъ Хмѣльницкаго (товарища по квартирѣ) за книгой: онъ прозанимался всю ночь». Хмѣльницкій обратился

къ нему: «Охота тебѣ, братъ, тратить и силы и здоровье такимъ образомъ».—«Я ничего не сказалъ, ушелъ въ свою комнату, но не могъ заснуть; и стало мнѣ мерзко пошлое существованіе, которое я велъ въ послѣднее время; я рѣшилъ прекратить его и съ тѣхъ поръ круто измѣнилъ образъ жизни».

Въ 1836 г., пройдя три курса тогдашняго университета, Н. И. кончилъ дѣйствительнымъ студентомъ изъ-за неудовлетворительнаго балла по богословію; черезъ полгода онъ переэкзаменовался на кандидата. Какое вліяніе оказалъ на Н. И. университетъ? Тамъ были всѣ элементы дальнѣйшаго направленія нашего историка: Лунинъ, преподаватель всеобщей исторіи, «принадлежалъ къ школѣ живописцевъ—историковъ, возникшей подъ вліяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта, котораго онъ называлъ «абботсфордскимъ чародѣемъ» и котораго, кажется, принималъ за образецъ при изображеніи феодальной жизни и рыцарства—блистательнѣйшія изъ его лекцій, на которыя собирались толпы слушателей» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, т. 239. Современная лѣтопись, стр. 34). Такимъ образомъ, Лунинъ имѣлъ вліяніе въ университетѣ. Если онъ представляетъ намъ родственную Костомарову форму изложенія, то сходное содержаніе находимъ у другаго профессора, у котораго и жилъ Н. И. послѣ описаннаго выше нравственнаго перелома: это Гулакъ-Артемовскій, посредственный профессоръ, но знатокъ малороссійскаго быта и видный дѣятель малороссійской литературы. Самъ Н. И. называетъ Лунина «безспорно однимъ изъ лучшихъ и достойнѣйшихъ профессоровъ того времени»; Гулакъ, по его мнѣнію, болтунъ и фразеръ, но, замѣтимъ, что Лунинъ былъ за вторую диссертацію Н. И., а Гулакъ противъ нея, а Н. И. при своей страстности никогда спокойно не относился къ своимъ врагамъ. Въ сборникѣ «Молодикъ» на 1844 г. (Харьковъ 1843 г. стр. 166) Н. И. признаетъ, что стихотворенія Гулака «обличаютъ въ сочинителѣ высокій талантъ, отъ котораго можно было бы ожидать драгоцѣнныхъ плодовъ».

Вполнѣ опредѣленнаго направленія, во всякомъ случаѣ, Н. И. изъ университета не вынесъ: «покончивъ съ экзаменами, говоритъ онъ, я захотѣлъ испробовать чего-нибудь новаго и поступилъ въ военную службу»—юнкеромъ въ Кинбургскій драгунскій полкъ; тотчасъ по поступленіи, онъ «взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ свой родной городъ Острогожскъ», гдѣ нашелъ казацкія дѣла въ архивѣ уѣзднаго суда, и «такъ увлекся ими, что забылъ о своей службѣ и былъ уволенъ по неспособности». Этотъ періодъ броженія продолжается въ 1837 и 1838 годахъ: изъ Острогожска Н. И. ѣдетъ

въ Харьковъ «безъ всякой заданной впередъ цѣли», затѣмъ на зиму въ Москву съ цѣлью держать магистерскій экзаменъ; весной 1838 года, по прекращеніи лекцій, онъ отправляется въ деревню къ матери, оттуда «для совѣта съ врачами» въ Харьковъ. Здѣсь, наконецъ, Н. И. увлекается изученіемъ малорусской народности. Уже осенью 1837 г. чтеніе Вечеровъ на хуторѣ и Тарасы Бульбы произвело въ немъ «чуть-ли не первое пробужденіе того чувства къ Малороссіи, которое дало совершенно новое направленіе моей дѣятельности». За Гоголемъ онъ набросился на «малороссійскія пѣсни» и «думы» въ изданіи Максимовича, читалъ Сахарова, иностранныя книги по народной поэзіи, какія только могъ достать, диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, прочелъ всего Квітку, началъ учиться по-чешски и сербски (по—польски еще ранѣе). Затѣмъ Н. И. отправился въ Полтаву, а оттуда въ Диканьку, къ Гоголю; Гоголя онъ не засталъ, за то побродилъ по деревнямъ, собирая пѣсни и усвоивая языкъ. Въ томъ же 1838 году явились и результаты новаго увлеченія: Савва Чалый и Украинскія баллады (напечатаны въ 1839). Въ это же время, очевидно, онъ вошелъ въ кружокъ Срезневскаго, Метлинскаго, Лукьяновича, Рославскаго и съ ними совершалъ пѣшеходныя этнографическія экскурсіи; съ Срезневскимъ не разъ бывалъ онъ у Квітки.

Эти увлеченія опредѣлили и дальнѣйшія цѣли Н. И.: онъ рѣшилъ держать магистерскій экзаменъ въ Харьковскомъ университетѣ, сдалъ его въ концѣ 1840 года, а въ 1842 представилъ диссертацію «О значеніи уніи въ западной Россіи». Исторія запрещенія этой диссертаціи подробно изложена Сухомлиновымъ (въ Древней и Новой Россіи 1877 г. т. I). Новая диссертація (Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи) прямо вытекала изъ этнографическихъ занятій Н. И.; она была подана и защищена въ январѣ 1844 г., хотя возбудила возраженія въ факультетѣ по новости предмета, казавшагося «не ученымъ», не историческимъ. Лунинъ стоялъ однако за диссертацію, говоря, что въ «ней проводится настоящій взглядъ на исторію, что для исторіи всего дороже народный голосъ, выраженіе народнаго чувства и мысли»; онъ хлопоталъ и послѣ защиты диссертаціи о посылкѣ Н. И. за границу, но неудачно. Послѣ этого Н. И. получилъ мѣсто учителя исторіи въ ровенской гимназіи, а оттуда въ 1845 г. перешелъ въ первую Кіевскую гимназію. Переходя въ Кіевскую губернію, онъ, во первыхъ, уходилъ отъ корпораціи, въ которой многіе смотрѣли на него и на его новое направленіе недоброжелательно; во вторыхъ, получалъ возможность

побывать въ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовалъ Хмѣльницкій, такъ какъ теперь заняла его работа о Богданѣ Хмѣльницкомъ. Въ этомъ выборѣ темы выразилось то же одушевленное настроеніе, съ которымъ Н. И. собиралъ всякія проявленія народнаго духа; казачество считалось тогда самымъ чистымъ выраженіемъ этого народнаго духа въ прошломъ, а Хмѣльницкій — лучшимъ выразителемъ идеаловъ казачества. Въ упомянутомъ уже сборникѣ «Молодикъ» есть статья Н. И. — «Первыя войны Малороссійскихъ казаковъ», характеризующая тогдашній историческій кругозоръ его.

Настроеніе Н. И., въ это время, отлично рисуетъ Кулишъ. «Время его учительства въ первой гимназіи, а моего въ трехъклассномъ училищѣ на Подолѣ было, можетъ-быть, счастливѣйшимъ и въ его и въ моей жизни. Мы проговаривали напролетъ цѣлыя лѣтнія ночи. Въ своихъ ночныхъ прогулкахъ, сопровождавшихся не стѣсненнымъ никакими еще страхами ораторствомъ, мы стороннему наблюдателю могли казаться пьяными. И бывали мы пьяны тогда, только не отъ вина. Избытокъ мечтательности, основанной на любви къ лучшему (какъ мы были убѣждены) изъ народовъ, дѣлалъ насъ восторженными. Я взиралъ на Н. И. какъ на будущаго Тацита, онъ на меня какъ на будущаго Вальтеръ-Скотта».

4-го іюня 1846 г. Н. И. выбранъ былъ адъюнктомъ по русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. О содержаніи его лекцій можно отчасти судить по отрывку (изъ второй половины 1846 г.), напечатанному подъ заглавіемъ «Славянская миѳологія». Но главный интересъ Н. И. сосредоточился на основанномъ имъ Обществѣ, характеръ котораго соотвѣтствовалъ мечтательному настроенію членовъ и радужнымъ надеждамъ ихъ на великую дѣятельность. Въ автобіографіи, записанной г-жей Бѣлозерской, Н. И. указываетъ какъ цѣль Общества «распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей» (дальнѣйшія подробности см. въ Рус. Старинѣ, 1886 г. т. 49, стр. 187). «Полной жизнью жилось мнѣ въ то время, говоритъ Н. И.; идеи основаннаго мною Общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ». Это однако продолжалось недолго: 25-го декабря 1846 года жаркія пренія кружка были подслушаны нѣкіимъ Петровымъ, написавшимъ доносъ: 27-го марта 1847 года, за день до предполагавшейся свадьбы Н. И., онъ былъ арестованъ,

допрошенъ въ Кіевѣ и затѣмъ высланъ въ Петербургъ, въ III-е отдѣленіе; 30-го мая Дуббельтъ сообщилъ ему и приговоръ: заключеніе на годъ въ крѣпость и затѣмъ ссылка въ отдаленныя губерніи съ запрещеніемъ печатать и читать лекціи. Такимъ образомъ ровно годъ, до 30-го мая 1848 года, Н. И. высидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, разъ въ недѣлю видаясь съ матерью, остальное время проводя въ чтеніи, а зимой въ изученіи греческаго языка, которое, впрочемъ, докторъ велѣлъ бросить, такъ какъ Н. И. заболѣлъ, и ему стали чудиться видѣнія. По окончаніи заключенія Н. И. изъ четырехъ предложенныхъ на выборъ городовъ остановился на Саратовѣ, куда и былъ высланъ. Въ Саратовѣ Н. И. редактировалъ временно губернскія вѣдомости и былъ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета, собиралъ пѣсни, продолжалъ заниматься Хмѣльницкимъ. Такъ продолжалось до воцаренія императора Александра II, когда запрещеніе печатать, а потомъ и полицейскій надзоръ были сняты, и Н. И. получилъ право съѣздить въ Петербургъ.

Съ этого момента начинается популярность Н. И. Если 1845—6 годы были временемъ наибольшаго счастья въ жизни Н. И. то 1857—62 годы были временемъ его наибольшей славы. Конечно, Н. И. былъ бы замѣченъ, въ какое бы время онъ ни началъ дѣйствовать, но то, что онъ началъ именно въ это время сильнѣйшаго общественнаго возбужденія и наибольшей отзывчивости, было, какъ замѣтилъ одинъ изъ ближайшихъ друзей его, Мордовцевъ,—его счастьемъ: явившись въ столицу съ репутаціей жертвы Николаевскаго времени, онъ сразу очутился въ новомъ общественномъ теченіи, которое вознесло его во мнѣніи публики такъ высоко, какъ не стоялъ, можетъ-быть, ни одинъ историкъ со времени Карамзина. Не понявъ, что это поклоненіе относилось не только къ нему лично, но и къ направленію, подъ знамя котораго его поставило общественное мнѣніе, онъ самъ и положилъ конецъ этому періоду своей популярности.

Съ 1857 года быстро появляются одно за другимъ его лучшія произведенія, подготовленныя въ ссылкѣ: въ 1857 — Богданъ Хмѣльницкій и очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ; въ 1858 — Бунтъ Стеньки Разина. Въ 1857 же году онъ пробылъ восемь мѣсяцевъ за границей, въ слѣдующемъ былъ дѣлопроизводителемъ саратовскаго комитета по крестьянскому освобожденію, а къ веснѣ 1859 года получилъ приглашеніе въ Петербургскій университетъ (послѣ Устрялова). Но запрещеніе слу-

жить по ученой части снято было только въ октябрѣ; 22-го ноября 1859 года Н. И. читалъ свою вступительную лекцію, съ которой вынесли его на рукахъ. Это повторялось не разъ и впослѣдствіи: аудиторія его въ университетѣ посѣщалась и купцами, и военными, и женщинами; «въ аудиторіи виднѣлись и чуйки, и блузы, военные мундиры, рясы, пестрые костюмы инородцевъ и скромныя черныя женскія платья». Первый курсъ Н. И. былъ посвященъ изложенію «удѣльнаго уклада русской жизни» и начинался обзоромъ «источниковъ удѣльно-вѣчеваго уклада» (вступительная лекція и лѣтописи изданы Гайдебуровымъ въ 1862; очеркъ древней исторіи южной Руси вошелъ въ первый томъ монографій подъ заглавіемъ «Черты народной южно-русской исторіи»). Предметомъ втораго курса была исторія Новгорода и Пскова («Сѣверно-русскія народоправства»).

Осенью 1861 года, по поводу введенія новыхъ правилъ, въ университетѣ начались волненія; лекціи читались только два мѣсяца (съ 11 октября по 19 декабря) и 20-го декабря университетъ былъ закрытъ. Въ январѣ 1862 почти половинѣ профессоровъ разрѣшены были публичныя лекціи въ городской думѣ. Исторія этихъ лекцій и столкновеніе Н. И. съ молодежью (9-го марта), вслѣдствіе котораго лекціи были закрыты, достаточно извѣстны. Ближайшіе друзья Н. И. не одобряли его поведенія въ этомъ дѣлѣ. «Отчего вамъ кажется необъяснимымъ мое *упрямство*, выказанное по поводу публичныхъ лекцій въ думѣ», пишетъ онъ г-жѣ Бѣлозерской. «Я вамъ объяснялъ его не разъ. Между публичными лекціями и вечеромъ, на которомъ читалъ Павловъ [1]), не было ничего общаго; молодежь придралась къ этому изъ желанія имѣть поводъ сдѣлать либеральную демонстрацію правительству и насъ хотѣла употребить безсмысленнымъ орудіемъ для этой цѣли. Я не хотѣлъ этого — вотъ и причина. Она очень объяснима». Вслѣдствіе этой исторіи Н. И. оказался въ странномъ положеніи. Люди, дружившіе съ нимъ изъ-за направленія, охладѣли къ нему; «меня стали недолюбливать», пишетъ онъ къ Мордовцеву, именно тѣ, которые составляютъ здѣсь прогрессивную партію... Они должны были увидѣть, что я держусь многаго такого, что они считаютъ предразсудками, и притомъ неизбѣжно отсталъ отъ науки».

---

[1]) Павловъ послѣ своего чтенія былъ высланъ, и молодежь требовала въ видѣ протеста прекращенія публичныхъ лекцій въ думѣ, грозя въ противномъ случаѣ безпорядками. Всѣ профессора согласились прекратить лекціи, кромѣ Костомарова, который объявилъ 9-го марта, что будетъ читать слѣдующую лекцію и вызвалъ этимъ шумную сцену, послѣ которой лекціи были закрыты.

Въ то же время, какъ «прогрессивная партія» считала его консерваторомъ, люди противоположнаго лагеря готовы были обвинять его въ радикализмѣ. Еще въ 1865 г. онъ пишетъ Бѣлозерской: «Жестокія на меня гоненія отовсюду. Составилось какое-то нелѣпое мнѣніе будто я — кто говоритъ, — главный заводчикъ, кто говоритъ, — орудіе тайной партіи, которая стремится къ отложенію Малороссіи, и проч. сумасбродства... Вамъ, напримѣръ, знавшимъ меня близко, извѣстно, что никто не былъ умѣреннѣе меня, никто такъ рѣзко не отличалъ въ этомъ вопросѣ дѣйствительно жизненнаго отъ театральнаго подмосточнаго». Какъ мало мнимый конспираторъ годился въ люди партіи, показываетъ его публичная защита идеи вольнаго университета, въ которомъ преподаватели и слушатели связаны бы были только интересомъ къ наукѣ, безъ всякаго корпоративнаго устройства и правъ съ той и другой стороны. Съ уязвленнымъ самолюбіемъ оставилъ Н. И. каѳедру, къ которой болѣе не могъ вернуться въ виду положительнаго запрещенія, хотя его и приглашали дважды въ Кіевъ (1863 и 1869) и дважды въ Харьковъ (1864 и 1865). За то онъ могъ теперь отдаться ученой работѣ.

Еще осенью 1860 года онъ пишетъ Мордовцеву: «Мысль о самозванцахъ, какъ образъ любовницы преслѣдуетъ меня. Если это обратится въ страсть, въ крѣпкое желаніе, я покидаю каѳедру, ибо по моему характеру занятіе каѳедры несовмѣстимо съ такимъ предпріятіемъ. Я уѣду къ вамъ въ Саратовъ и поселюсь тамъ до тѣхъ поръ, пока не кончу исторіи самозванцевъ». Теперь онъ предался этой работѣ, только не въ Саратовѣ, а въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи (зима 1863 г.); и лѣтомъ изъ Петербурга (25 августа) онъ пишетъ Бѣлозерской: «усидчиво занимаюсь смутнымъ временемъ. Заперся наглухо». Въ 1864 г. Н. И. еще разъ былъ за границей, но въ ноябрѣ пишетъ: «теперь я занятъ самозванцами сильно. Уже половину окончилъ». Въ Вѣстникѣ Европы 1866 — 1867 г. наконецъ явилось «Смутное время Московскаго государства», и тотчасъ же Н. И. принимается за другую работу. Въ іюнѣ 1867 г., онъ уже пишетъ: «дѣло мое съ Польшей пошло, Славу Богу, быстро». Съ осени 1868 г., вслѣдствіе сильной болѣзни глазъ, онъ продолжалъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» уже съ помощью г-жи Бѣлозерской, которая и описала образъ жизни его въ это время. Изслѣдованіе о Польшѣ напечатано было въ Вѣстникѣ Европы 1869—70 годовъ. Совмѣстная работа съ г-жей Бѣлозерской продолжалась до 1873 г.; за это время Н. И. продиктовалъ пять выпусковъ «Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ»; работа шла

быстро до времени Петра Великаго, но тутъ потребовалось пополнить матеріалъ, и за зиму 1873—74 годовъ дѣло не подвинулось; г-жа Бѣлозерская стала бывать рѣже, а съ 1875 г. вовсе разошлась съ Н. И., такъ что этотъ источникъ нашихъ свѣдѣній о Н. И. прекращается.

Между тѣмъ наступилъ роковой для Н. И. 1875 годъ. Уже въ 1870 году у него было нѣчто въ родѣ головнаго удара, въ 1875 г. ударъ этотъ повторился. Во время болѣзни Н. И. умерла и мать его, существо, безъ котораго Н. И. не могъ обходиться въ житейской обстановкѣ. Къ счастію для него, 27-го февр. 1875 г. за два дня до смерти матери пріѣхала къ нему его бывшая невѣста Алина Леонтьевпа Крагельская, выданная за мужъ за Кисселя и успѣвшая къ этому времени овдовѣть; еще въ 1873 г. на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ они свидѣлись, и Н. И. сдѣлалъ ей предложеніе; узнавъ о его болѣзни, она поспѣшила пріѣхать въ Петербургъ.

Оправившись отъ болѣзни и проживъ лѣто въ Малороссіи, гдѣ произошла и свадьба, Н. И. «осенью возобновилъ свои прерванныя на время историческія работы, но прежняго огня въ немъ уже не замѣчалось: оставалась прежняя горячность, превращавшаяся иногда въ старческую рьяность, но молодаго огня уже не было» (слова Мордовцева). Самъ Н. И. иначе объяснялъ измѣненіе характера своихъ работъ послѣ болѣзни. Когда жена замѣтила ему по поводу «Руины», «что въ работѣ недостаетъ освѣщенія, прежней яркости, жизненности», онъ отвѣчалъ: «то была риторика прежде, фразы, а мнѣ нужны факты»... «Теперь я фразъ терпѣть не могу». «Кирпичи, кирпичи, горячился и я, разсказываетъ Мордовцевъ; кирпичи, которые вы осуждали и осмѣивали въ Срезневскомъ, въ Никитскомъ, въ Соловьевѣ». — «А теперь не осуждаю! Тогда я былъ глупъ, фразеръ!»

Кромѣ «Руины», напечатанной въ Вѣстникѣ Европы (1879), Н. И. работалъ еще въ архивѣ Юстиціи надъ «Мазепой» (Русская Мысль 1882) и «Мазепинцами» (Русская Мысль 1884). Домашняя обстановка Н. И. за это послѣднее десятилѣтіе и постепенное разрушеніе его изображены Мордовцевымъ. Работалъ Н. И. до самаго конца, доканчивая свою исторію (Минихъ, Анна, Елизавета) и приготовляя новыя изданія Хмѣльницкаго и Послѣднихъ годовъ Рѣчи Посполитой. Умеръ 7-го апрѣля 1885 года.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Н. И. былъ избранъ 26 апрѣля 1866 года.

М. П. Погодинъ.

(1800 † 1875.)

М. П. Погодинъ родился 11 ноября 1800 г., въ Москвѣ, отъ крѣпостнаго «домоправителя» гр. Салтыкова, Петра Моисеевича Погодина; отецъ его былъ отпущенъ на волю уже по смерти фельдмаршала и московскаго главнокомандующаго, гр. И. П. Салтыкова,— его сыномъ. Соціальное положеніе отца и его привычка искать для сына знатныхъ или богатыхъ покровителей оставили неизгладимые слѣды въ характерѣ М. П. Отецъ поощрялъ развитіе ранней практичности въ молодомъ Погодинѣ; первыя литературныя произведенія (переводы) его были посвящаемы гр. Салтыкову или крестному отцу въ надеждѣ «получить какой-либо подарокъ», и одну изъ неудачъ въ этомъ отношеніи самъ М. П. называетъ «первой несбывшейся литературной надеждой — за коею, прибавляетъ онъ, слѣдовали и слѣдуютъ многія другія». На 11-мъ году онъ «имѣлъ счастіе понравиться» типографщику Рѣшетникову и его женѣ, и родители «съ радостью и благодарностью» отдали его къ нимъ жить и учиться вмѣстѣ съ ихъ сыномъ; здѣсь М. П. получилъ свое первоначальное образованіе. Рядомъ съ практичностью отмѣтимъ въ ребенкѣ Погодинѣ раннія проявленія сентиментальности и патріотизма: девяти лѣтъ онъ, по собственному выраженію, «проливалъ ручьи слезъ» надъ «Марьиной Рощей»; десяти лѣтъ,—Русскій Вѣстникъ Глинки пробудилъ въ немъ «русское чувство любви къ отечеству»; а двѣнадцатый годъ возбудилъ особенно сильное патріотическое настроеніе.

11 февраля 1814 г. Погодина отвезли въ 1-ю гимназію. За время пребыванія тамъ онъ успѣлъ пристраститься къ литературѣ, къ театру, научиться порядочно латинскому и слабѣе нѣмецкому языку, познакомиться съ «номенклатурой Логики, Психологіи, Нравственности, Риторики, Піитики, Эстетики, Естественнаго права и Политической экономіи», такъ какъ всѣ эти науки входили въ тогдашнюю гимназическую программу. Въ годъ окончанія курса (1818) вышла исторія Карамзина: въ то же лѣто М. П. написалъ на нее цѣлую

тетрадь примѣчаній; знакомый еще до гимназіи съ русской исторіей по Нехачину («Ядро россійской исторіи») и по «Храму славы россійскихъ Ироевъ изъ временъ Гостомысла» (Павла Львова), М. П. особенно смущался происхожденіемъ русскаго государства отъ норманновъ.

Въ августѣ 1818 года М. П. поступилъ въ университетъ на филологическій факультетъ. Въ то время преподаваніе исторіи русской и всеобщей не производило впечатлѣнія на студентовъ въ рукахъ Черепанова; философіи никто не понималъ у Брянцева, мирившаго разныя метафизическія системы въ идеѣ «спасительной вѣры» и «доброй нравственности». Свѣтиломъ, хотя и заходящимъ, филологическаго факультета былъ Мерзляковъ, производившій впечатлѣніе краснорѣчіемъ, съ какимъ нападалъ на всѣ новыя явленія литературы; Мерзляковскій классицизмъ не мѣшалъ, однакоже, студентамъ зачитываться Пушкинымъ и Жуковскимъ. Увлекаясь вмѣстѣ съ товарищами Мерзляковымъ, М. П. занимался ровно всѣми предметами, отличаясь аккуратностью и исполнительностью, благодаря чему былъ любимцемъ Гейма, котораго всѣ «страшно боялись», и посредничалъ между студентами и Тимковскимъ, «къ которому приступа не было». Къ аккуратности, впрочемъ, принуждали Погодина и денежныя соображенія, такъ какъ онъ получалъ нѣкоторый доходъ, давая товарищамъ списывать составленныя имъ лекціи. Изъ товарищей особенно важно для М. П. было знакомство съ Кубаревымъ, у котораго онъ и жилъ одно время. Кубаревъ помогалъ ему усвоивать «исторію философскихъ системъ» Галича, указалъ ему на «Нестора» Шлецера; перечитавъ нѣсколько разъ послѣднее сочиненіе, М. П. по его словамъ, «очутился въ новомъ мірѣ и уразумѣлъ, что такое критика». Шлецеръ же научилъ его «приверженности къ славянамъ» (знаменитая X глава о Кириллѣ и Меѳодіи); уже въ 1821 г. М. П. высказываетъ мечту «о соединеніи всѣхъ славянъ въ одно цѣлое, въ одно государство».

Изъ университета М. П. вышелъ (1821), не составивъ опредѣленнаго плана относительно будущности и колеблясь между службой и ученой карьерой. Настроеніе его въ это время разсѣянное, религіозно-мечтательное, хотя къ сентиментальнымъ мечтамъ весьма характерно примѣшиваются практическія. Онъ мечталъ о выигрышѣ «въ лотереи маленькой деревеньки», думалъ «о составленіи капитальца», и въ то же время «читалъ сочиненія Руссо о неравенствѣ, и съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на мѣсяцъ, въ полномъ сіяніи катившійся по голубому небу, и думалъ о Богѣ». Наконецъ, получивъ медаль за сочиненіе о статистикѣ, М. П. рѣшается остаться при университетѣ.

Тотчасъ по окончаніи курса М. П. получилъ уроки въ университетскомъ Благородномъ пансіонѣ и, такимъ образомъ, завязалъ знакомство съ молодымъ поколѣніемъ, окончившимъ тамъ курсъ подъ обаяніемъ новой философіи Шеллинга: Шевыревымъ, Титовымъ, кн. Одоевскимъ, Ознобишинымъ. По самому складу своей мысли М. П. не могъ чувствовать особой потребности въ новой философіи. Въ 1822 году онъ разсуждаетъ: «Кантъ опровергалъ Лейбница, Вольфа; Фихте — Канта; Шеллингъ — Фихте, и каждый почитаетъ себя справедливымъ... Что же здѣсь вѣрнаго? И можно ли положиться на разумъ? Должно покорять его вѣрѣ». Въ томъ же 1822 г. встрѣчаемъ слѣдующее размышленіе: «должно ли разсуждать и стараться объ объясненіи св. Писанія, или подобно младенцамъ, принимать безъ объясненія? не лучше ли послѣднее?» Однако въ 1823 г., подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, замѣчаются нѣкоторыя попытки «разсуждать». «Развернулъ Филарета, пишетъ М. П. въ своемъ дневникѣ, — Богъ въ природѣ, какъ душа въ тѣлѣ. Весьма ясное въ себѣ понятіе въ отношеніи къ настоящему моменту человѣка, но послѣ? Опять темно! Человѣкъ умираетъ: какъ не продолжить сходство? *Приняться, приняться за Шеллингову философію*». Однако, за этими словами непосредственно слѣдуетъ: «но все, кажется, никогда не объяснить человѣку, что такое онъ, для чего онъ, что такое вѣчность и пр.». И дѣйствительно, шеллингизмъ трудно давался и мало былъ усвоенъ Погодинымъ; онъ самъ признавался, «что чувствуетъ систему Шеллингову, хотя и не понимаетъ ее»; и не разъ, впослѣдствіи, самолюбіе М. П. страдало жестоко, когда онъ принужденъ былъ смолкать въ оживленной философской бесѣдѣ друзей («о стыдъ... я опять ни слова»).

Между тѣмъ, М. П. подготовлялъ свою магистерскую диссертацію «О происхожденіи Руси». Въ русской исторіи онъ оставался поклонникомъ Карамзина, но съ оговорками, внушенными изученіемъ Шлецера. «Теперь писать русскую исторію — думать нельзя. Карамзина должна благодарить Россія не за исторію, а за обогащеніе словесности многими превосходными драгоцѣнными историческими отрывками». Вслѣдъ за Шлецеромъ, онъ считаетъ нужнымъ, «прежде нежели думать о написаніи исторіи», издать, очистить критически лѣтописи, сдѣлать выборки извѣстій изъ нихъ, изъ сѣверныхъ, византійскихъ, восточныхъ и другихъ сосѣднихъ писателей; обработать вспомогательныя науки: историческую географію, хронологію, родословіе, палеографію, нумизматику, древности: «все это составитъ 200 книгъ». Это написано на послѣднемъ курсѣ университета; а черезъ годъ, перечитавши внимательно начало «Исторіи гос. росс.», М. П. пишетъ

уже: «такую дичь написалъ Карамзинъ въ 1-й главѣ, что ни на что не похоже. Едва-ли не одно достоинство остается за Карамзинымъ: искусство писать».

Отрывки изъ диссертаціи, помѣщавшіеся въ Вѣстникѣ Европы, сдѣлали М. П. извѣстнымъ ученой публикѣ и вызвали знакомство съ канцлеромъ Румянцевымъ, который предложилъ ему перевести «Кирилла и Меѳодія» Добровскаго, хотѣлъ даже послать его за границу: но отзывъ Востокова, что «переводчикъ весьма слабъ въ нѣмецкомъ языкѣ... нѣкоторыя мѣста понялъ совсѣмъ превратно» — нѣсколько охладилъ Румянцева. Между тѣмъ М. П. уже мечталъ о путешествіи, о будущей славѣ; онъ уже мысленно представлялся Шеллингу и говорилъ ему: «я добръ, люблю науку, просвѣтите меня (для пользы всего сѣвера): возбуждается во мнѣ сильно потребность заниматься философіей»; мечталъ написать «взглядъ на исторію человѣческаго рода» съ посвященіемъ Шеллингу, или думалъ «объ объятіи всей Шеллинговой системы» въ эпическую поэму «Моисей» въ 24 пѣсняхъ. «Слава меня прельщаетъ, пишетъ онъ еще въ 1826 г.; когда я слышу и вижу, какъ восхищаются Шиллеромъ, мнѣ хочется того же, сердце бьется». «И я можетъ быть буду поэтомъ, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ.... Шиллеръ думалъ также о поэмѣ Моисей». А въ 1826 г. встрѣчаемъ даже такую замѣтку: «радъ былъ, находя въ Шиллерѣ, что у него мысли уяснялись не прежде, какъ начиналъ онъ писать. *У меня также.... Когда я буду Шиллеромъ*? Безпрестанно справлялся, въ какомъ году какую трагедію онъ написалъ».

Въ началѣ марта 1825 г. вышла диссертація Погодина; защитивши ее, онъ все еще не особенно стремился къ каѳедрѣ: «мѣсто адъюнкта я могу получить здѣсь при маломъ стараніи»; но ему хотѣлось быть или начальникомъ статистическаго отдѣленія при московскомъ главнокомандующемъ, или правителемъ канцеляріи у исторіографа, или учителемъ исторіи у великаго князя Александра Николаевича, или основать журналъ;—словомъ, планы его по прежнему еще не опредѣлились. Посылка за границу не удалась; на ходатайство объ этомъ отвѣчено было (уже въ 1826) въ комитетѣ министровъ, что «нѣтъ пользы посылать сего магистра въ чужіе края для окончанія наукъ *по нынѣшнимъ обстоятельствамъ*, а удобнѣе въ университетѣ дать то образованіе, которое правительству угодно будетъ».

За то мечта Погодина о журналѣ неожиданно осуществилась. Изъ учениковъ Благороднаго пансіона многіе поступили на службу въ архивъ Мин. иностр. дѣлъ, къ А. Ѳ. Малиновскому, дочери котораго М. П. давалъ уроки; М. П. сошелся съ «архивными юношами» и ихъ круж-

комъ, отчасти знакомымъ ему уже по пансіону: Веневитиновыми, Кирѣевскими, Хомяковымъ, Соболевскимъ, Титовымъ, Кошелевымъ, Шевыревымъ и друг. Въ сентябрѣ 1826 г., къ коронаціоннымъ празднествамъ, пріѣхалъ въ Москву Пушкинъ, вызванный императоромъ Николаемъ изъ Михайловскаго, и тутъ организовалъ въ кружкѣ архивныхъ юношей изданіе журнала, которому обѣщалъ исключительное сотрудничество; редакторомъ «Московскаго Вѣстника» сдѣлали Погодина, и съ 1827 года изданіе началось.

Погодинъ выступилъ на журнальное поприще съ нѣкоторымъ литературнымъ прошлымъ. До самаго 1825 г. онъ писалъ въ Вѣстникѣ Европы, а въ 1826 сотрудничалъ въ Сѣверномъ Архивѣ Булгарина, съ которымъ даже подружился, насколько можно было подружиться съ Булгаринымъ; конечно, для архивныхъ юношей эти отношенія были не особенно желательны. Съ другой стороны и онъ чувствовалъ себя въ кружкѣ архивныхъ юношей далеко не свободно, сознавая, что то скромное мѣсто, которое отводили ему товарищи въ своей средѣ, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ его гордымъ видамъ на будущее. Журналъ только помогъ раскрыть все то, что раздѣляло его и кружокъ. Еще до появленія первой книжки кн. Одоевскій и Веневитиновъ уже требуютъ, чтобы ихъ статьи помѣщались «безъ разведенія водою». Первой книжкой кружокъ остался недоволенъ. Не прошло полугода, какъ Рожалинъ, сотоварищъ М. П. по редакторству, писалъ ему: «я теперь взялся за журналъ и ясно вижу всѣ его недостатки, которые, если въ остальные полгода не исправятся, то отобьютъ у насъ половину и теперешнихъ нашихъ подписчиковъ». Рожалинъ требовалъ большаго объема, а главное, «больше разнообразія и жизни». «Критика съ Булгаринымъ и К° должна быть бранная, и знайте, я начинаю ее съ 13-го №». О книгѣ Кеппена надо «написать хорошенькій разборъ, *только не въ видѣ афоризмъ по вашему обыкновенію, а одушевить, одушевить*». Наконецъ, Погодина заставляютъ взять въ соредакторы Шевырева: «соредакторство Шевырева есть для насъ conditio sine qua non, non, non». Но и эта мѣра оказалась не достаточно дѣйствительной. «Какъ можно было позволить Погодину тиснуть такую смиренную глупость о Мерзляковѣ (М. П. заявилъ, что, какъ ученикъ Мерзлякова, не осмѣливается разбирать его переводъ Тасса). Зачѣмъ же мы тебя возвысили въ санъ соредактора?» Естественно, что Погодинъ съ своей стороны былъ раздраженъ. «Я сдѣлалъ много, много, записываетъ онъ въ дневникѣ. Только бы кончить мнѣ изданіе журнала чрезъ годъ, а тамъ примусь за дѣла важныя и покажу вамъ себя». Во многихъ мѣстахъ дневника это раздраженіе противъ

кружка прорывается наружу: «я выше васъ всѣхъ»; «я вою съ волками»; «о еслибы написать мнѣ Марѳу Посадницу! Съ какимъ торжествомъ взглянулъ бы я тогда на этихъ величавыхъ героевъ..., которые смотрятъ теперь на меня съ презрѣніемъ, какъ я въ уголку, въ молчаніи, слушаю ихъ рѣшительныя выходки и долженъ бываю уступать имъ». Понятно, что при такомъ взаимномъ настроеніи, разрывъ былъ вопросомъ времени; раньше чѣмъ Шевыревъ въ началѣ 1829 г. уѣхалъ за границу, дѣло расклеилось; кружокъ оставилъ журналъ, и Погодинъ одинъ протянулъ изданіе еще на два года. Хотя журналъ и приносилъ ему нѣкоторую матеріальную выгоду, но онъ разстроивалъ его ученую карьеру. Не говоримъ о лекціяхъ, на которыя М. П. въ это время обращалъ довольно мало вниманія; но онъ черезъ Кеппена хлопоталъ сдѣлаться адъюнктомъ при Академіи наукъ (у Круга) и дѣло это, почти устроенное, не состоялось отчасти вслѣдствіе недовольства, вызваннаго въ Петербургѣ напечатаніемъ въ Моск. Вѣстн. Арцыбашевскихъ примѣчаній на Карамзина (впрочемъ см. у Барсукова II, 357—8). Кеппенъ совѣтовалъ М. П. бросить журналъ; тотъ же совѣтъ давалъ и Титовъ: «заглохни на время... Вѣстникомъ истопи печку. Твоя надежда должна быть собраніе матеріаловъ, приготовленіе. Здѣсь вовсе нѣтъ тебѣ надежды, какъ я вижу...; лучше трудиться про себя и выступить черезъ два года на ученое поприще съ вѣрой, надеждой на успѣхъ». И самъ М. П. былъ внутренно согласенъ съ этимъ совѣтомъ; ему тоже хотѣлось «представить что-либо важное..., чему только зародышъ еще таится въ глубинѣ моей души». Но онъ все еще не склоненъ былъ ограничить свои мечты надеждой на успѣхъ на ученомъ поприщѣ; какъ мы видѣли, онъ мечталъ о лаврахъ Шиллера; осенью 1829 г. мы видимъ его за работой; онъ чувствуетъ «минуты восторга», сочиняя «Марѳу Посадницу», и мысленно бесѣдуетъ съ предметомъ своей страсти (одной изъ княженъ Трубецкихъ): «ты любила меня, когда безвѣстенъ былъ и малъ,—*теперь я дѣлаюсь великимъ человѣкомъ*, а ты...»; «въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ онъ, вѣдь чудеса предпринялъ я въ Марѳѣ».

Мы близки здѣсь къ окончательному превращенію Погодина въ спеціалиста по русской исторіи; но біографія г. Барсукова останавливается пока на этомъ моментѣ, и мы не имѣемъ матеріала для изображенія послѣдней метаморфозы. Примемъ ее за совершившійся фактъ и перейдемъ къ обзору научно-педагогической дѣятельности Погодина.

Въ университетѣ М. П. преподавалъ съ 1825 г. всеобщую исторію по Шлецерову «Введенію». Памятникомъ этого періода его лек-

цій остаются его «Историческіе афоризмы», выбранные «изъ мыслей, возникавшихъ въ продолженіе сихъ лекцій о событіяхъ». По его собственному признанію, «для всеобщей исторіи онъ не былъ собственно готовъ» и читалъ по Геерену, Робертсону, Шиллеру, Вольтеру и др., занимая студентовъ переводами классическихъ сочиненій по исторіи. Съ 1828 г. М. П. сдѣлался адъюнктомъ и долженъ былъ одновременно съ новой исторіей запада читать и русскую. Первый курсъ М. П. по русской исторіи посвященъ былъ «происхожденію Руси», т. е. той же темѣ, какъ и диссертація. Каѳедру русской исторіи М. П. занялъ только съ 1835 г. послѣ того, какъ Каченовскій перешелъ на вновь открытую каѳедру исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій; но, по собственному свидѣтельству, онъ «не ближе какъ съ 1838 г. могъ исключительно предаться главному и любимому своему предмету, русской исторіи». Шесть лѣтъ съ этого года по 1844 годъ были заняты почти исключительно профессорской дѣятельностью, и курсы этихъ годовъ послужили основаніемъ для послѣдующихъ ученыхъ изданій М. П. По собственнымъ словамъ, онъ каждый годъ посвящалъ «исключительно какой-нибудь особой части исторіи проходимой въ подробности, а прочія предлагались въ краткихъ обозрѣніяхъ». Приводимъ и самое перечисленіе темъ лекцій словами Погодина: посвященъ былъ «одинъ годъ Нестору, другой происхожденію Руси, третій Норманнскому періоду, Борису Годунову, Петру Первому, древней географіи, мѣстничеству, удѣльному періоду, Монголамъ, Новугороду и проч.». Замѣтимъ, что содержаніе трехъ первыхъ томовъ «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій» совершенно точно соотвѣтствуетъ тремъ перечисленнымъ годамъ лекцій; изъ остальныхъ темъ нѣкоторыя разработаны въ слѣдующихъ томахъ «Изслѣдованій», нѣкоторыя вошли въ І-й томъ «Историко-критическихъ отрывковъ». Ѳ. И. Буслаевъ, бывшій тогда студентомъ, сообщилъ намъ свѣдѣнія о чтеніи лекцій Погодинымъ. Погодинъ, говоритъ между прочимъ Ѳ. И., «предлагалъ намъ съ каѳедры то, что въ данную минуту составляло предметъ его ученыхъ интересовъ, надъ чѣмъ онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ: поэтому въ общемъ курсѣ онъ всегда отступалъ отъ главной нити изложенія и вдавался въ спеціальности, иногда отрывочно, внѣ всякой системы—сообщалъ намъ свои наблюденія и открытія». Замѣтимъ, что въ Импер. Публичной Библіотекѣ хранятся лекціи М. П. въ записи одного его слушателя; воспользоваться ими и опредѣлить точно ихъ отношеніе къ печатнымъ работамъ лежитъ на обязанности біографа Погодина.

Ѳ. И. Буслаевъ отмѣтилъ также и то враждебное отношеніе, въ которое сталъ М. П., вмѣстѣ съ Шевыревымъ, къ молодымъ профессорамъ, явившимся въ университетъ изъ заграничной командировки въ 1835 г.: Крылову, Баршеву, Рѣдкину; отказавшись еще въ 1827 г. отъ посылки въ Дерптскій профессорскій институтъ, Погодинъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Шевыревъ, по словамъ Буслаева, «подвергли сомнѣнію самый принципъ искусственнаго разсадника профессоровъ», требовали «свободнаго и самостоятельнаго отношенія къ наукѣ тѣхъ лицъ, которыя предназначаютъ себя къ профессурѣ», короче говоря, стали «на сторонѣ противниковъ» новыхъ университетскихъ западниковъ— «космополитовъ». Кажется, защитники «русской народности» остались въ меньшинствѣ; какъ бы то ни было, въ 1844 г. Погодинъ «рѣшился оставить университетъ» съ цѣлью, какъ самъ онъ объясняетъ, на свободѣ написать популярную русскую исторію. Но наканунѣ полученія отставки М. П. переломилъ ногу, выдержалъ продолжительную болѣзнь, и послѣ неудачной попытки въ 1845 г. вернуться въ университетъ, оставилъ навсегда профессуру, потому что, по его словамъ, «на условія г. попечителя не могъ согласиться» [1]. Съ этого времени онъ принялся за переизданіе и переработку своихъ статей и лекцій: уже въ 1846 г. появились «Историко-критическіе отрывки» (I-й томъ) и первые три тома «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій».

Отъ учащейся молодежи М. П. былъ отрѣзанъ съ тѣхъ поръ молодымъ поколѣніемъ университетскихъ преподавателей; Соловьевъ, по свидѣтельству пр. Бестужева-Рюмина, называлъ его работы «черновыми тетрадями»; Кавелинъ встрѣтилъ упомянутыя изданія М. П. сердитой рецензіей: «Странно, говорилъ онъ, когда подумаешь, что тотъ же ученый изслѣдователь, который еще такъ недавно былъ во главѣ молодаго поколѣнія и велъ его противъ старой школы, теперь уже является защитникомъ стараго противъ новаго и стоитъ на сторонѣ Карамзина, котораго недостатки онъ открывалъ и обличалъ такъ основательно и дѣльно. Всему виной время! Оно шло такъ быстро, что Погодинъ не узналъ въ своихъ послѣдователяхъ продолжателей его же дѣла и испугался крайнихъ послѣдствій, выведенныхъ изъ критики Карамзинскаго обозрѣнія. Онъ понялъ, что стоитъ ближе къ старому, чѣмъ къ новому».

Однако М. П. не складывалъ оружія. Правда, съ живымъ словомъ онъ выступилъ только однажды, въ знаменитомъ диспутѣ съ

---

[1]) См. объ этомъ моментѣ біографіи Погодина въ некрологѣ Соловьева.

Костомаровымъ 1860 г., когда передъ несимпатизировавшей ему публикой онъ проигралъ правое дѣло. Но въ печати онъ велъ неустанную «борьбу не на животъ, а на смерть» противъ «новыхъ ересей» г. Иловайскаго, гдѣ онъ былъ совершенно правъ, и противъ Костомарова, гдѣ онъ былъ не вовсе неправъ. Но не ограничиваясь партизанской борьбой, онъ задумалъ связное изложеніе русской исторіи, которое должно было конкуррировать съ изложеніемъ Соловьева. Еще въ 1856 г., издавая послѣдній (7-й) томъ «изслѣдованій», онъ говоритъ: «такимъ образомъ, будетъ вполнѣ представлено ученымъ основаніе моей древней исторіи, которая выйдетъ вслѣдъ за изслѣдованіями». Дѣйствительно, въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, издавъ свою біографію Карамзина, Погодинъ принялся за древнюю русскую исторію и издалъ ее на правительственныя средства въ 1872 г. Произведеніе это ничего не прибавило къ славѣ Погодина, а только окончательно доказало, что если въ «Изслѣдованіяхъ» заключается сила Погодина, то въ «Исторіи»—его слабость. Умеръ Погодинъ 8 декабря 1875 г.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества М. П. Погодинъ былъ избранъ 4-го октября 1864 г.

———

Н. Я. Аристовъ.

(1834 † 1882).

Николай Яковлевичъ Аристовъ родился въ семьѣ священника въ Тамбовской губ. въ 1834 г. Окончивши, въ 1854 г., курсъ въ Тамбовской семинаріи, Аристовъ поступилъ въ Казанскую духовную академію и кончилъ курсъ съ званіемъ кандидата въ 1858 году. По окончаніи курса онъ поступилъ въ Симбирскую семинарію учителемъ по классу физико-математическихъ наукъ, а съ 1860 г. по классу русской словесности. Къ этимъ годамъ учительства относятся и первыя значительныя статьи его, печатавшіяся въ Правосл. Собесѣдникѣ 1859—60 г.: «Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра» и «Обзоръ русскихъ лѣтописей въ церковно-историческомъ отношеніи». Первая изъ этихъ статей есть кандидатское сочиненіе Аристова и можетъ свидѣтельствовать о томъ, что склонность къ русской исторіи и извѣстный взглядъ на нее сложились у Аристова уже въ академіи, въ его учебные годы, конечно, подъ сильнымъ вліяніемъ А. П. Щапова, читавшаго въ академіи русскую исторію и бывшаго по курсу только на два года старше Аристова (Щ. кончилъ въ 1856).

Очевидно, склонность къ ученой дѣятельности не гармонировала съ учительской службой въ провинціальномъ захолустьѣ, и Аристовъ рѣшился бросить послѣднюю. Въ 1861 г. по прошенію онъ былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы и изъ духовнаго званія и переѣхалъ въ Петербургъ; съ этого времени, до 1-го апрѣля 1865 г., онъ не состоялъ на службѣ нигдѣ, существовалъ частными уроками и преподаваніемъ въ частныхъ пансіонахъ Петербурга. Этотъ промежутокъ Аристовъ употребилъ на занятія въ библіотекахъ и архивахъ Москвы и Петербурга, имѣя въ виду подготовиться къ профессорскому званію. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ сношенія съ историко-филологическимъ факультетомъ СПБ. университета, желая держать тамъ магистерскій экзаменъ; въ 1864 г. онъ уже началъ печатать (въ Библ. для Чтенія) свою диссертацію «Промышленность

древней Руси». Министръ Нар. Просвѣщенія черезъ Устрялова предложилъ Аристову поступить въ стипендіаты министерства; принявъ это предложеніе (1 апр. 1865), онъ въ слѣдующемъ году (31 окт. 1866) защитилъ магистерскую диссертацію, и тогда же совѣтъ Казанскаго университета избралъ его доцентомъ по русской исторіи. (Вступительная лекція его «О современномъ состояніи русской исторіи» помѣщена въ ученыхъ запискахъ Казанскаго университета 1868). Пробывъ въ Казани 1867—69 годъ, Аристовъ былъ переведенъ въ Варшавскій университетъ (1869—73), а оттуда въ Харьковскій (1873—75), гдѣ съ 21-го марта 1875 былъ деканомъ. Съ открытіемъ историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ, Аристовъ опредѣленъ былъ туда ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ; въ этомъ званіи онъ и состоялъ до смерти своей, послѣдовавшей 26 авг. 1882 г. отъ чахотки. Докторскую степень Аристовъ получилъ въ 1871 г. за диссертацію («Московскія смуты въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны»), защищенную въ Казанскомъ университетѣ. Эта вторая диссертація Аристова составляетъ интересную, хотя и черезчуръ крайнюю попытку—взглянуть на извѣстныя событія въ правленіе Софьи съ точки зрѣнія ея партіи и оправдать поведеніе правительницы. Кромѣ этихъ диссертацій Аристовъ написалъ «русскія народныя преданія о кладахъ», за которыя получилъ серебряную медаль отъ географическаго общества; изслѣдованіе «о землѣ половецкой», біографію Щапова и массу журнальныхъ статей и рецензій; онъ сотрудничалъ въ Отечественныхъ Запискахъ 60-хъ годовъ, въ газетѣ «Якорь» (1864—65), въ журналѣ «Заря», и во всѣхъ историческихъ журналахъ. Аристовъ участвовалъ на 4-хъ археологическихъ съѣздахъ въ качествѣ депутата отъ университетовъ.

Какъ профессоръ, Н. Я. Аристовъ оставилъ по себѣ самое хорошее воспоминаніе: «его лекціи, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, не были компиляціей изъ разныхъ книжекъ, а представляли работу вполнѣ самостоятельную. Предоставляя своимъ слушателямъ изученіе внѣшней политической исторіи по извѣстнымъ пособіямъ, самъ онъ велъ исторію внутреннюю, исторію просвѣщенія, религіозной, юридической, экономической и общественной жизни русскаго народа». По другимъ свѣдѣніямъ (Словарь Венгерова, 741) и въ Казани Аристовъ «преимущественно останавливался на исторіи народнаго быта, нравовъ и экономическаго положенія населенія.

Въ этомъ направленіи лекцій Аристова нельзя не узнать вліянія реалистической исторіографіи шестидесятыхъ годовъ, когда Аристовъ готовился къ профессорской дѣятельности. И первая диссер-

тація его написана очевидно подъ вліяніямъ тогдашнихъ взглядовъ на задачи исторической науки. Но рядомъ съ запросами радикальной исторіографіи 60-хъ годовъ и еще ранѣе ихъ въ произведеніяхъ Аристова проводится и рѣзко подчеркивается узко-націоналистическая тенденція, также довольно обычная въ одномъ изъ направленій 60-хъ годовъ, но у Аристова своеобразно выразившаяся вслѣдствіе его семинарской закваски. Это сочетаніе дѣлаетъ изъ Аристова во всякомъ случаѣ оригинальное явленіе въ русской исторіографіи, не столь характерное и типичное, какъ его другъ Щаповъ, біографомъ котораго ему пришлось сдѣлаться, но все же не сводимое къ другимъ направленіямъ исторіографіи 60-хъ годовъ.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Н. Я. былъ избранъ 20-го апрѣля 1873 г.

Баронъ Б. В. Кёне.

(1817 † 1886.)

Извѣстный нумизматъ, геральдикъ, генеалогъ и лингвистъ, совѣтникъ по ученой части Императорскаго Эрмитажа, начальникъ гербоваго отдѣленія департамента геральдіи правительствующаго сената, тайный совѣтникъ баронъ Борисъ Васильевичъ Кёне былъ, по происхожденію, нѣмецъ и родился 4 іюля 1817 года въ Берлинѣ. Окончивъ, въ 1842 году, свое образованіе въ лейпцигскомъ университетѣ, со степенью доктора филологіи и философіи, онъ, въ томъ же году, покинулъ родину и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ его, тогда уже весьма обширныя познанія въ нумизматикѣ, главнымъ образомъ, классической и геральдикѣ, скоро ввели въ кружокъ петербургскихъ нумизматовъ и археологовъ, во главѣ которыхъ стоялъ герцогъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій. Молодой, энергичный, онъ вскорѣ обратилъ вниманіе своихъ новыхъ сотоварищей на полное отсутствіе научнаго спеціальнаго центра, гдѣ они могли бы совмѣстно работать и заниматься интересующими ихъ отраслями науки, и вотъ, по его мысли и предложенію, принятому крайне сочувственно всѣмъ кружкомъ, и при содѣйствіи герцога Лейхтенбергскаго, было основано существующее и понынѣ Императорское Русское Археологическое Общество. Какъ главный устроитель его, баронъ Кёне былъ тотчасъ же избранъ первымъ секретаремъ этого Общества, и ему же поручена была редакція его трудовъ. Дѣятельность первыхъ годовъ этого Общества. его интереснѣйшіе, полные богатѣйшаго матеріала, труды, хорошо извѣстны всѣмъ занимающимся русской археологіей. Этимъ оно во многомъ обязано барону, не жалѣвшему силъ на упроченіе успѣха новаго ученаго центра. Его заботы и дѣятельность по Обществу, рядъ научныхъ трудовъ, редактируемыя имъ «Записки» Общества и, наконецъ, знакомство съ директоромъ Императорскаго Эрмитажа, извѣстнымъ нумизматомъ Жилемъ, открыли ему дверь въ это учрежденіе, гдѣ онъ первоначально получилъ мѣсто консерватора нумизматическаго отдѣленія,

а впослѣдствіи занялъ высокій постъ совѣтника по ученой части. Всего онъ прослужилъ здѣсь 40 лѣтъ. Упрочивъ, такимъ образомъ, свое положеніе, онъ предался исключительно научной дѣятельности.

Ученые труды барона, преимущественно по нумизматикѣ, геральдикѣ и генеалогіи, помѣщались въ «Memoires de la Société d'Archéologie et de Numismatique de Petersbourg», въ «Revue belge de Numismatique», въ «Berliner Blätter fur Münz-Siegel-und Wappenkunde» и другихъ періодическихъ спеціальныхъ изданіяхъ. Изъ капитальныхъ трудовъ его по нумизматикѣ выдаются: «Описаніе европейскихъ монетъ X, XI и XII вѣковъ, найденныхъ въ Россіи», и трудъ подъ названіемъ «Description du Musée du feu le Prince Basil Kotschoubey», доставившій ему извѣстность замѣчательнаго нумизмата. По части археологіи онъ написалъ также замѣчательное сочиненіе: «Изслѣдованіе объ исторіи и древностяхъ города Херсонеса Таврическаго».

По части геральдики и генеалогіи, подъ его руководствомъ составлены 11, 12 и 13 части Гербовника Россійской Имперіи, и издано много отдѣльныхъ сочиненій: «Девизы русскихъ гербовъ», «Recherches sur l'origine de plusieurs maisons souveraines de l'Europe», «Les familles célébres de la Russie», и много другихъ.

Во время службы въ Эрмитажѣ имъ составленъ, совмѣстно съ Ваагеномъ, Бирероміъ, Лукашевичемъ и другими учеными, каталогъ этого музея. Послѣднее его сочиненіе—историческое изслѣдованіе отношеній между русскимъ и прусскимъ дворами съ 1649 по 1763 годъ, появилось въ 1882 г. подъ заглавіемъ «Berlin—Moscau—Petersbourg». Отдѣльныя статьи этого сочиненія были помѣщаемы имъ въ разныхъ журналахъ и газетныхъ фельетонахъ.

Труды барона печатались на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, датскомъ, голландскомъ, итальянскомъ и испанскомъ языкахъ, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Онъ былъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ напримѣръ, «Institut de France», отъ котораго онъ имѣлъ, весьма рѣдко дающуюся, большую золотую, именную, медаль; Бельгійскаго и Французскаго археологическихъ обществъ; Стокгольмской и Мадридской археологическихъ академій; обществъ археологіи въ Берлинѣ, Копенгагенѣ и Лондонѣ; археологическаго института въ Римѣ; берлинскаго «Deutscher Herold» и «Verein für die Geschichte Berlin's»; вѣнскаго общества «Adler»; d'el Reale Academia Araldico-Genealogica въ Пизѣ и многихъ (болѣе 20) другихъ.

Баронъ Кёне вращался преимущественно въ кругу своихъ ученыхъ друзей, изъ которыхъ многіе опередили его смертью, какъ напр.: графъ С. С. Уваровъ, графъ А. С. Строгановъ, Рейхель, Сабатье, Бартоломей, Sauley, Chalor, Raul de la Croix и др. Въ перепискѣ его сохранились письма А. Гумбольдта, герцога Лейхтенбергскаго, принца Гессенскаго, Лонперье, Данненберга и другихъ, главнымъ образомъ, нумизматовъ. Въ послѣдніе годы онъ, помимо прямыхъ служебныхъ обязанностей, мало занимался своей спеціальностью, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Потеря всего состоянія, незадолго до кончины, такъ подѣйствовала на его здоровье, что онъ сошелъ въ могилу, на 69 году жизни, совершенно дряхлымъ старикомъ.

Въ дѣйствительные члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества баронъ Кёне былъ избранъ 17-го октября 1867 года. Въ изданіи общества «Древности» имъ была помѣщена одна статья: «Наградныя медали въ коллекціи В. Шролля» (т. III, стр. 62) и одна библіографическая замѣтка о книгѣ Holmboe «Russiske Vaegsystem» (т. III, стр. 100).

Баронъ Борисъ Васильевичъ скончался 5 февраля 1886 года въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи, куда поѣхалъ въ надеждѣ поправить разстроенное здоровье.

А. Е. Викторовъ.

(1827 † 1883.)

Алексѣй Егоровичъ Викторовъ происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его былъ дьякономъ села Студениковъ, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда. Первоначальное воспитаніе свое Алексѣй Егоровичъ получилъ въ орловской семинаріи, откуда, въ 1846 году, поступилъ въ Московскую Духовную Академію.

Проведенные четыре года въ Академіи мало подготовили будущаго знаменитаго археографа и изслѣдователя древне-русской письменности къ его послѣдующей дѣятельности. Вотъ какъ опредѣляетъ А. Е. результаты своего академическаго курса въ письмѣ къ И. И. Срезневскому: «Изъ Академіи, благодаря господствовавшему въ ней въ то время обычаю писать большія сочиненія на заданныя темы, не стѣсняясь сроками, я вынесъ только логическую выправку и умѣнье самостоятельно работать въ какой бы то ни было области; по практическимъ же знаніямъ—знакомство съ модною въ то время Гегелевскою и вообще германскою философіей и потомъ съ новою русскою литературой». Изъ академическихъ преподавателей того времени наибольшее вліяніе имѣлъ на Алексѣя Егоровича профессоръ философіи Ѳ. А. Голубинскій. «Голубинскій былъ чрезвычайно интересенъ въ домашнихъ частныхъ бесѣдахъ, пишетъ А. Е. въ тѣхъ же воспоминаніяхъ. Я сблизился съ нимъ по тому поводу, что около года работалъ надъ сочиненіемъ на заданную имъ тему: «Правда ли, что первый человѣкъ находился на степени животности, и потомъ мало по малу достигалъ образованія?» По этому поводу, согласно рекомендаціи Голубинскаго, я перечиталъ всѣхъ философовъ исторіи и прогрессистовъ, начиная съ Вико до Гегеля включительно. Но у Гегеля многаго я конечно не могъ понять, а потому и обращался за толкованіями къ Голубинскому же. И вотъ тутъ-то я имѣлъ случай убѣдиться въ обширныхъ его свѣдѣніяхъ по философіи. Случалось, что онъ просиживалъ со мною надъ Гегелемъ часа по четыре къ ряду, и однакожъ за это время мы про-

читывали только по нѣскольку страницъ. Это потому, что Голубинскій постоянно прерывалъ историко-философскими толкованіями. Бывало остановится на какомъ нибудь Гегелевскомъ тезисѣ и начнетъ разсказывать исторію его, начиная съ Платона и Аристотеля. Вотъ почему я очень высоко ставилъ Голубинскаго, не смотря на сухость читанныхъ имъ намъ лекцій».

Гораздо большую подготовку для послѣдующихъ своихъ занятій могъ бы пріобрѣсть А. Е., если бы такъ же коротко сблизился съ знаменитымъ описателемъ рукописей Синодальной библіотеки А. В. Горскимъ, бывшимъ тогда въ числѣ профессоровъ Академіи. Но не въ Академіи, а уже впослѣдствіи, пришлось А. Е. познакомиться съ методомъ работы А. В. Горскаго и провѣрить свои собственные выводы объ однихъ и тѣхъ же рукописяхъ. Въ Академіи же, Горскаго ему пришлось слушать немного, и то по всеобщей исторіи церкви. Вообще Академія весьма мало дала А. Е. подготовки къ нослѣдующей его дѣятельности, и та извѣстность, которую онъ пріобрѣлъ потомъ своими изслѣдованіями и описаніями, создана его неутомимыми трудами и блестящими способностями, позволявшими ему въ короткое время и усвоить то, на изученіе чего другіе употребляютъ годы, и—главное—результаты усвоеннаго приложить къ своимъ работамъ. По выходѣ изъ Академіи А. Е. вскорѣ поступилъ на службу въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ близко сошелся съ извѣстнымъ палеографомъ В. М. Ундольскимъ. Здѣсь было положено начало его знакомству съ рукописями, пріобрѣтенъ первый навыкъ къ розысканіямъ и описанію рукописнаго матеріала. Горячо принялся за это юный изслѣдователь: сличалъ списки, отыскивалъ оригиналы переводныхъ памятниковъ, опредѣлялъ редакціи и особенности славянскихъ и русскихъ переводовъ. Насколько глубоко и обстоятельно было это изученіе, намъ показываютъ замѣтки А. Е. на поляхъ архивныхъ и синодальныхъ рукописей, замѣтки, не разъ руководившія такого палеографа и знатока древне-русской письменности, какимъ былъ покойный академикъ И. И. Срезневскій, о чемъ послѣдній, какъ истинный ученый, открыто заявлялъ въ своихъ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ. Изучая рукописи Архива, А. Е. вскорѣ перенесъ свою дѣятельность и въ другія хранилища рукописей, между прочимъ въ Синодальную библіотеку. Здѣсь ему пришлось хорошо познакомиться съ преосв. Саввой, бывшимъ тогда ризничимъ и хранителемъ Патріаршей библіотеки. Преосвященный Савва готовилъ тогда извѣстное описаніе Патріаршей ризницы и библіотеки и, видя любовь къ рукописнымъ занятіямъ

молодаго ученаго, предложилъ ему описать славянскія рукописи Синодальной библіотеки. Горячо принялся за это дѣло А. Е. и просиживалъ въ скромныхъ келіяхъ патріарховъ московскихъ все свободное отъ занятій въ Архивѣ время. Впослѣдствіи его описаніе вошло въ составъ Указателя для обозрѣнія Патріаршей ризницы и библіотеки, составленнаго преосв. Саввой. Но молодому изслѣдователю, правда уже искусившемуся въ чтеніи рукописей и занятіяхъ надъ ними, еще недоставало болѣе широкаго взгляда на древне-русскую старину, недоставало той общеобразовательной, такъ сказать, европейской подготовки къ занятіямъ, возможное достиженіе которой и составляетъ главную задачу, по нашему мнѣнію, университетскихъ курсовъ. Счастливый случай, общія занятія въ скромной патріаршей кельѣ сблизили А. Е. съ человѣкомъ, который изъ всѣхъ профессоровъ московскаго университета того времени своими бесѣдами и указаніями наиболѣе могъ пополнить Алексѣю Егоровичу именно этотъ пробѣлъ его образованія. Это былъ глубокоуважаемый Ѳ. И. Буслаевъ, который въ то время занимался въ Синодальной библіотекѣ для извѣстнаго изданія къ юбилею московскаго университета. Алексѣй Егоровичъ такъ разсказывалъ обо всемъ этомъ. «Добрѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ занимаетъ въ моей жизни роль несравненно бо̀льшую (т.-е. чѣмъ хорошаго знакомаго). Я всегда чтилъ его, чту и буду чтить какъ истиннаго своего воспитателя, учителя и руководителя. И если, принявшись за рукописи безъ всякой подготовки и занимаясь ими ощупью, впослѣдствіи я сталъ немножко понимать въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многомъ другомъ, толкъ, то этимъ обязанъ именно Ѳедору Ивановичу, съ которымъ находился въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ 1855 г. Съ Буслаевымъ у меня съ самаго перваго знакомства начались сношенія самыя дружественныя, которыя потомъ утвердились окончательно съ 1856 года, когда, по его приглашенію, я поступилъ учителемъ русскаго языка и словесности въ Маріинско-Ермоловское женское заведеніе, гдѣ Буслаевъ съ 1855 года былъ инспекторомъ преподаванія... Добрѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ постоянно руководствовалъ меня въ этомъ дѣлѣ (т. е. преподаваніи русск. яз. и слов.) совѣтами и снабжалъ книгами, и всегда поощрялъ и одушевлялъ меня въ моихъ занятіяхъ. Вообще попавши въ школу къ Буслаеву, *я истинно прозрѣлъ и нѣкоторымъ образомъ прошелъ подъ его руководствомъ университетскій курсъ*».

Добрѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ былъ руководителемъ Викторова не только въ дѣлѣ науки, но и въ служебной дѣятельности и даже на поприщѣ семейной жизни. Такъ по рекомендаціи Ѳедора Ивано-

вича Викторовъ, по выходѣ изъ Ермоло-Маріинскаго училища, занялъ сначала мѣсто помощника библіотекаря въ московскомъ университетѣ (1861 г.), а затѣмъ былъ назначенъ хранителемъ отдѣленія рукописей и церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгъ въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (1862 г.). Кромѣ мѣста въ Музеѣ, которое А. Е. занималъ до своей смерти, онъ завѣдывалъ съ 1868 года архивомъ московской Оружейной палаты, для котораго приготовилъ и напечаталъ образцовое описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ.

Командированный депутатомъ отъ Мос. Публ. Музея и Общества Древне-русскаго искусства на 3-й Археологическій Съѣздъ въ Кіевѣ, онъ принималъ участіе въ совѣщаніяхъ депутатовъ Съѣзда, а во время Съѣзда читалъ, возбудившій большой интересъ, рефератъ «О первопечатныхъ Московскихъ изданіяхъ до Апостола 1564 года». Въ 1871 г. А. Е. былъ назначенъ членомъ Археографической Коммиссіи, а съ 1881 г., по представленіи обзора его научной дѣятельности И. И. Срезневскимъ 2-му отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ означеннаго Отдѣленія.

Но главная его дѣятельность сосредоточивалась въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ рукописномъ его отдѣленіи и здѣсь она была наиболѣе плодотворна. Онъ, можно сказать, на твердомъ основаніи классическаго Румянцевскаго собранія рукописей и старопечатныхъ книгъ воздвигъ достойное зданіе: коллекціи, пріобрѣтенныя его стараніями и освѣщенныя его описаніемъ и изслѣдованіями, даже если бы Музей болѣе не пополнялся ни рукописями, ни старопечатными книгами, въ продолженіе вѣковъ займутъ многихъ изслѣдователей нашей древней письменности, исторіи, права и многихъ другихъ научныхъ отраслей. Викторовъ былъ неутомимъ въ отысканіи рукописей, въ изобрѣтеніи средствъ къ ихъ передачѣ въ Музей, подыскивалъ жертвователей, устраивалъ обмѣнъ на дублеты Музея, выхлопатывалъ передачу дублетовъ другихъ учрежденій въ Музей и т. п. Извѣстныя собранія рукописей Удольскаго, Григоровича, Лукашевича, Севастьянова, Бѣляева поступили въ Музей, главнымъ образомъ, благодаря его стараніямъ. Собраніе церковно-славянскихъ старопечатныхъ книгъ, послѣ Императорской Публичной библіотеки самое полное въ Россіи (до 2500 №№), создано его неутомимыми трудами. Мало того, съ 1871 года и почти до самой смерти лѣтомъ онъ каждый годъ ѣздитъ по монастырямъ, библіотекамъ и другимъ мѣстамъ, гдѣ только можно было разсчитывать найти неописанныя или малоизвѣстныя рукописи и старопечатныя книги. Что можно

покупаетъ, мѣняетъ на дублеты или выпрашиваетъ для Музея; чего нельзя получить тѣмъ или другимъ способомъ — описываетъ на мѣстѣ. Описываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчательно быстро и отчетливо. Напримѣръ, во время своей поѣздки въ сѣверные монастыри, онъ въ шесть дней успѣваетъ описать до 300 рукописей библіотеки Архангельской Семинаріи изъ числа болѣе 1000 просмотрѣнныхъ и дѣлаетъ это настолько основательно, что отмѣчаетъ всѣ наиболѣе характерныя миніатюры одной слѣдованной псалтири и описываетъ ихъ такъ, что, по отзыву спеціалиста въ этомъ дѣлѣ Ѳ. И. Буслаева, къ описанію А. Е. едва ли можно что-нибудь добавить.

Немудрено, что такія усидчивыя занятія впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ разстроили здоровье А. Е., уже потрясенное смертью любимой жены. Лѣтомъ 1883 года, онъ поѣхалъ полѣчиться на Кавказъ, да и не вернулся оттуда, ставши жертвой тифозной горячки.

А. Е. былъ членомъ-основателемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе трудовъ покойнаго, достоинство которыхъ хорошо извѣстно всѣмъ занимающимся древнерусской письменностью, достаточно указать здѣсь нѣсколько его главнѣйшихъ сочиненій, изданій и описаній, наиболѣе полно перечисленныхъ въ статьѣ И. И. Срезневскаго.

1) Алфавитный указатель славянскихъ старопечатныхъ рукописей Московской Синодальной библіотеки. Москва, 1858 г. Безъ означенія имени автора. Этотъ указатель входитъ также въ составъ «Указателя для обозрѣнія Патріаршей ризницы и библіотеки» архим. Саввы. М. 1858 г., II, 153—274. Подстрочныя примѣчанія въ Алфав. указателѣ принадлежатъ издателю.

2) Замѣчательное открытіе въ Древне-Русскомъ книжномъ мірѣ. Первая книга, напечатанная докт. Фр. Скориной (Псалтирь). Въ Бесѣдѣ Общества любит. Росс. словесности. Вып. I. М. 1867 г., Отд. I, стр. 1—27.

3) Собраніе Славянскихъ книгъ церковной печати И. Я. Лукашевича. Въ газ. Москва, 1868 г., № 50, съ подписью: Л. П. (Любитель Палеографіи).

4) Славяно-Русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя имъ самимъ (№№ 1—579). Изд. Москов. Публ. и Рум. Музеевъ. М. 1870 г. и др.

5) Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ. Напеч. въ Кирилло-Меѳод.

Сборникѣ, М. П. Погодина. М. 1865 г., стр. 343 — 440, и отдѣльно.

6) Не было ли въ Москвѣ опытовъ книгопечатанія прежде 1564 г. Въ Трудахъ 3-го (Кіевскаго) Археологическаго Съѣзда. Кіевъ, 1878 г. II, стр. 211—220. и др.

7) Апологъ отъ нравоученія Кирилла Александровича по рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря. Въ Лѣтоп. Русс. Литературы, IV, М. 1862 г.

8) Кіево-Печерскій Патерикъ по Румянц. рукописи XV в., № 305, въ переводѣ на Русск. языкъ, Маріи Викторовой, съ предисловіемъ, подписаннымъ буквами: А. В. Кіевъ, 1870. и др.

9) Стефанитъ и Ихнилатъ по тремъ древнѣйшимъ спискамъ: Севастьяновскому, Синодальному XV в. и по списку Григоровича (въ отрывкахъ) XIII — XIV в. Изданіе Общ. Любителей древней письменности. Спб. И многіе другіе крупные и мелкіе труды.

В. В. Григорьевъ.

(1816 † 1881.)

Василій Васильевичъ Григорьевъ принадлежалъ къ числу выдающихся русскихъ оріенталистовъ, былъ глубокимъ знатокомъ мусульманскаго Востока вообще и Средней Азіи по преимуществу. Дѣятельность нашихъ ученыхъ не отличается, обыкновенно, большимъ разнообразіемъ, рѣдко выходитъ изъ обычныхъ скромныхъ рамокъ данной спеціальности; но Василій Васильевичъ представляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Онъ былъ профессоромъ, чиновникомъ, журналистомъ, губернаторомъ. И на всѣхъ этихъ поприщахъ онъ неизмѣнно оставался ученымъ, работалъ для науки, и притомъ въ русскомъ направленіи. «Русскій оріенталистъ долженъ работать для Россіи» —такъ говорилъ и такъ поступалъ В. В.

Василій Васильевичъ родился 15 марта 1816 года въ С.-Петербургѣ и 15 лѣтъ поступилъ, съ домашнимъ образованіемъ, въ Петербургскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, избравъ своею спеціальностію восточные языки. Для поступленія въ университетъ въ то время требовалось немного, немного давалъ и самый университетъ, и если Василій Васильевичъ имѣлъ широкое и разностороннее образованіе, то этимъ онъ обязанъ только себѣ и своему необыкновенному трудолюбію. Уже на университетской скамьѣ В. В. обнаружилъ призваніе къ исторіи, какъ свидѣтельствуетъ его студенческій трудъ, посвященный графу С. С. Уварову: «Исторія монголовъ отъ древнѣйшихъ временъ до Тамерлана» (Спб. 1834). По окончаніи университетскаго курса В. В. поступилъ въ учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и пробылъ $1^1/_2$ года. Въ это время В. В. написалъ рядъ статей по исторіи, географіи и литературѣ

мусульманскаго востока для Энциклопедическаго Лексикона Плюшара, дѣятельно участвовалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Историческія работы В. В. (о древнихъ походахъ Руссовъ на востокъ, о Хазарахъ, о Волжскихъ Болгарахъ) обратили на него вниманіе ученыхъ, которые и посовѣтовали ему перемѣнить дипломатическую карьеру на ученую, что вполнѣ соотвѣтствовало его желаніямъ. Петербургскій университетъ готовъ былъ принять В. В. въ свою среду и, чтобы облегчить доступъ къ профессурѣ, временно предложилъ ему преподавать персидскій языкъ. До конца 1838 г. В. В. состоялъ преподавателемъ, когда, открывшееся въ Одессѣ при Ришельевскомъ лицеѣ, мѣсто профессора восточныхъ языковъ дало ему возможность получить штатную должность по своей спеціальности.

Жителю столицы не понравилась жизнь провинціи; В. В. смотрѣлъ на свое пребываніе въ Одессѣ, какъ на временную мѣру, вызванную для него разными неблагопріятными обстоятельствами, и постоянно стремился вернуться въ Петербургъ. Изъ Одессы В. В. совершилъ поѣздку въ Константинополь, которую и описалъ въ Одесскомъ Альманахѣ на 1840 годъ. Въ Одессѣ В. В. принялъ самое живое участіе въ только что основанномъ обществѣ Исторіи и Древностей, и въ I т. записокъ этого общества онъ помѣстилъ нѣсколько статей по восточной нумизматикѣ.

Занявшись нумизматикой и пристрастившись къ ней, В. В. сталъ интересоваться и археологіей вообще. Но и въ нумизматѣ сказался историкъ. В. В. постоянно нумизматическіе факты старался примѣнять къ исторіи, и въ этомъ отношеніи его никто еще не опередилъ.

Въ 1842 г. В. В. напечаталъ диссертацію «О достовѣрности ярлыковъ данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству», которую защищалъ въ московскомъ университетѣ и за которую получилъ степень магистра историческихъ наукъ. Москвичи задумали удержать В. В. въ своей средѣ или для каѳедры восточныхъ языковъ, или для каѳедры русской исторіи послѣ Погодина. Хлопоты о перемѣщеніи продолжались почти два года и не увѣнчались успѣхомъ. В. В. оскорбился, вышелъ въ отставку въ 1844 году, и переселился въ С.-Петербургъ. Здѣсь ему вскорѣ же удалось вновь поступить на службу, но уже по другому вѣдомству: онъ опредѣлился въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ для особыхъ порученій при департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; а такъ какъ занятій по этой должности почти никакихъ

не было, то онъ принялъ на себя обязанности помощника редактора журнала мин. внутр. дѣлъ. Редакторомъ тогда былъ Надеждинъ.

Для В. В. снова началась оживленная журнальная работа въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, не забывалъ онъ и Москвы; а затѣмъ явилось желаніе обзавестись и собственнымъ органомъ. Въ сообществѣ съ Дерикеромъ и Савельевымъ В. В. пріобрѣлъ отъ Дершау Финскій Вѣстникъ съ переименованіемъ въ «Сѣверное Обозрѣніе», но журналъ, не встрѣтивъ сочувствія въ публикѣ, просуществовалъ недолго.

Дѣятельное участіе принялъ В. В. въ двухъ возникшихъ въ С.-Петербургѣ обществахъ: въ Географическомъ и Археологическомъ; въ первомъ—нѣсколько лѣтъ состоялъ редакторомъ «Извѣстій», въ которыхъ помѣстилъ цѣлый рядъ статей, изъ нихъ выдающаяся— «О правописаніи въ дѣлѣ русской номенклатуры чужеземныхъ мѣстностей и народовъ»; во второмъ—занималъ должность секретаря Восточнаго отдѣленія.

По отсутствію ли чиновничьихъ пріемовъ, практикой пріобрѣтаемыхъ, или по другимъ какимъ причинамъ, только В. В. не везло по службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и онъ принялъ въ 1851 г. предложеніе В. А. Перовскаго поѣхать съ нимъ на службу въ Оренбургъ, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто начальника пограничной экспедиціи, въ которой сосредоточивались всѣ дѣла по управленію киргизами и по сношенію съ среднеазіатскими ханствами. Одиннадцать лѣтъ, проведенныхъ В. В. въ Оренбургѣ, было для него самымъ плодотворнымъ временемъ: онъ близко узналъ ту часть мусульманскаго Востока, которую впослѣдствіи избралъ своею спеціальностію— Среднюю Азію.

Въ 1862 г. В. В., не поладивъ съ генералъ-губернаторомъ Безакомъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ на первое время, въ ожиданіи подходящаго мѣста, принужденъ былъ заниматься литературными работами, такъ какъ онъ получилъ самую ограниченную пенсію—285 р. въ годъ. По университетскому уставу 1863 г. на факультетѣ Восточныхъ языковъ введена каѳедра Исторіи Востока. Занять эту каѳедру могъ только В. В., ему и предложилъ ее университетъ, возведя предварительно В. В., за его многочисленные ученые труды, въ степень доктора восточной словесности.

Время пребыванія В. В. въ университетѣ представляетъ самый блестящій періодъ его дѣятельности. Тогда появились капитальные труды: *Кабулистанъ и Кафиристанъ*, *Восточный Туркестанъ*, *О скиѳскомъ народѣ Сакахъ*, *Историческая записка о с.-петербург-*

скомъ университетѣ, Объ отношеніяхъ кочевниковъ къ осѣдлымъ и проч. Въ Археологич. Вѣстн., изд. въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, помѣстилъ онъ статью: «О новомъ экземплярѣ монеты Антимаха Ѳеоса, съ именемъ Діодота» (1867 г.). Такое трудолюбіе покажется еще болѣе изумительнымъ, когда узнаемъ, что В. В. имѣлъ еще массу посторонних занятій въ разныхъ правительственныхъ коммиссіяхъ, а съ начала 1869 г. по конецъ 1870 состоялъ главнымъ редакторомъ Правительственнаго Вѣстника.

Въ 1874 г. В. В. приступилъ къ организаціи 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ, и тогда же получилъ новую должность главноуправляющаго по дѣламъ печати, независимо отъ профессорскихъ обязанностей. Это назначеніе послѣ М. Н. Лонгинова подало надежду на большую свободу печати, но обстоятельства и тяжелое время; наставшее вскорѣ послѣ Восточной войны, заставили правительство строже относиться къ направленію газетъ и журналовъ; а потому и разочарованіе въ ожиданіяхъ выражалось иногда довольно желчно по отношенію къ главноуправляющему.

Въ 1878 г. В. В. оставилъ университетъ, а въ 1880 г. и совсѣмъ удалился на покой, чтобы остатокъ дней посвятить наукѣ, исполнить задуманные имъ труды. Осуществиться этому плану не пришлось. Лѣтомъ 1881 года В. В. заболѣлъ, а 19 декабря скончался.

В. В. всю свою жизнь посвятилъ наукѣ, въ ней только находилъ отдыхъ отъ разнообразныхъ служебныхъ обязанностей, возмущался, когда наукою прикрывались какія-либо постороннія цѣли, или когда происходила игра въ науку. Всѣ его ученыя работы отличаются необыкновенною добросовѣстностію и всѣ они оставляютъ далеко за собою предшествовавшія, если таковыя были. Образцомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить предсмертный трудъ В. В. «О походахъ Александра Великаго въ Западный Туркестанъ». Послѣ трудовъ Мюллера, Манна, Мютцеля, Герцберга, Дройзена, Томашека и другихъ, изслѣдованіе В. В. является совершенно новымъ. Тутъ и новое объясненіе личности Александра Великаго, и новое объясненіе событій во время похода, новыя пріуроченія, что раньше было темно и непонятно, теперь выяснилось.

Но Григорьевъ былъ и блестящимъ публицистомъ. Его авторитетный голосъ раздавался въ печати, по поводу преобразованій въ управленіи кочевниками, по поводу завоеваній Туркестана (рядъ драгоцѣнныхъ писемъ его напечатанъ въ газетѣ «Москва» за 1867 годъ; незамѣченныя у насъ, они обратили на себя вниманіе госу-

дарственныхъ людей Англіи и тогда же были переведены на англійскій языкъ), по поводу Хивинскаго похода 1873 года (9 писемъ въ газетѣ «Русскій Міръ»). Въ послѣдніе дни В. В. занялся еврейскимъ вопросомъ и высказалъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ 9-ти письмахъ «о предметахъ вызывающихъ на размышленіе» въ газетѣ «Новое Время».

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. В. былъ избранъ 12-го мая 1867 г.

По возможности полный списокъ трудовъ В. В. можно видѣть въ изданіи Имп. Русск. Археол. Общ.—Василій Васильевичъ Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. 1816—1881, съ приложеніемъ портрета и факсимиле. Составилъ Н. И. Веселовскій. Спб. 1887.

В. И. Григоровичъ.

(1815 — 1876.)

В. И. Григоровичъ род. 30 апрѣля 1815 г., въ городѣ Балтѣ, Подольской губерніи.

Отъ 8 до 15 лѣтъ, онъ учился въ городѣ Умани, Кіевской губерніи, въ училищѣ, содержимомъ уніатскими монахами базиліанами, гдѣ польскій языкъ господствовалъ всецѣло; оттуда Григоровичъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ черезъ 3 года окончилъ курсъ только дѣйствительнымъ студентомъ, вѣроятно, по причинѣ своей застѣнчивости: по словамъ И. И. Срезневскаго, онъ на экзаменахъ «показывалъ полное незнаніе того, что зналъ лучше другихъ». Онъ былъ назначенъ на службу и поѣхалъ въ Петербургъ; но «собственное влеченіе заставило его ѣхать въ Дерптъ», гдѣ онъ занимался классической филологіей и новой нѣмецкой философіей; тамъ же получилъ онъ степень кандидата и сблизился съ будущимъ казанскимъ профессоромъ Горловымъ, который и рекомендовалъ его, въ 1839 г., казанскому попечителю Мусину-Пушкину, какъ способнаго кандидата на только что открывшуюся каѳедру славянской филологіи. Григоровичъ, начавшій интересоваться славяновѣдѣніемъ еще въ Дерптѣ, былъ вызванъ въ Казань, готовился къ занятію каѳедры, а пока преподавалъ въ университетѣ греческій языкъ. Въ 1841 г. онъ издалъ «Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ», а въ 1842 г. онъ получилъ степень магистра за изслѣдованіе: «Опытъ изложенія литературы Словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ». Въ этой книгѣ обозрѣніе славянскихъ литературъ доведено до конца XIV вѣка.— «Двумя особенными чертами, говоритъ И. И. Срезневскій, отличается опытъ Григоровича отъ другихъ русскихъ и не русскихъ трудовъ по исторіи литературы. Во пер-

выхъ, онъ оживленъ философскимъ направленіемъ, въ силу котораго всѣ явленія, взятыя во вниманіе, представлены не только въ систематическомъ стройномъ порядкѣ, но и съ философски развитою связью причинъ и послѣдствій. Во вторыхъ, въ этомъ опытѣ литература славянъ представлена не отдѣльно сама по себѣ, а въ связи съ политическими судьбами народа и вмѣстѣ съ тѣмъ въ связи съ ходомъ событій политическихъ и литературныхъ въ другихъ странахъ. Любопытно, что въ книгѣ Григоровича нѣтъ ни одной ссылки на книгу Шафарика: Geschichte der slavischen Sprache u. Literatur (1826 г.), такъ что, можетъ быть, онъ и не имѣлъ ея въ рукахъ; а между тѣмъ выводы его нисколько не пострадали отъ этого. Въ 1843 г. онъ подаетъ свой «планъ путешествія по словенскимъ землямъ», по которому онъ предполагалъ отправиться изъ Одессы, черезъ Бессарабію и Молдавію въ «Седмиградъ», оттуда въ Загребъ, потомъ въ Прагу, оттуда въ Дубровникъ, а оттуда уже на Солунь и Аѳонъ и т. д. Зимой 1843 — 44 г. Григоровичъ читалъ лекціи, а лѣтомъ двинулся въ путь. Онъ остановился проѣздомъ въ Харьковѣ и довольно близко сошелся съ представителемъ славяновѣдѣнія въ Харьковскомъ университетѣ И. И. Срезневскимъ. Путешествіе его далеко не вполнѣ соотвѣтствовало предположенному плану: какъ будто торопясь захватить научныя сокровища, которыя гибли въ невѣжественной Турціи, и желая прежде всего исполнить труднѣйшую и въ то же время важнѣйшую часть своей задачи, онъ изъ Одессы отправился 20 августа 1844 г. прямо въ Константинополь, а черезъ 16 дней отплылъ оттуда въ Солунь и на Аѳонъ.

На Аѳонѣ онъ оставался 4 мѣсяца, объѣхалъ всѣ монастыри, иные по два раза и съ поразительной, для его мягкаго характера, настойчивостью воевалъ съ монахами за право осмотрѣть рукописи и хризовулы. Онъ сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ, но все же имѣлъ основаніе быть недовольнымъ результатами своей поѣздки: не говоря уже про то, что отсутствіе каталоговъ и даже простаго перечня рукописей заставляло его терять массу труда непроизводительно; не говоря уже про то, что драгоцѣннѣйшіе памятники находились въ такомъ небреженіи, что гибли безъ остатку, такъ сказать, на его глазахъ, недовѣрчивые монахи многаго ему не показывали и часто его обманывали, ссылаясь на то, будто рукописи истреблены Турками или невѣжественными предшественниками нынѣшнихъ обитателей монастыря.

Съ Аѳона Григоровичъ возвратился въ Солунь, гдѣ пробылъ два мѣсяца; оттуда онъ поѣхалъ черезъ Битоль въ Охриду, а затѣмъ

черезъ Велесъ, Серепъ, Софію, Филиппополь, Казанлыкъ, Шипку, Терново, Свиштово и Рущукъ; въ іюлѣ 1845 г. онъ выбрался наконецъ изъ предѣловъ Турціи, заплативъ, какъ расказываютъ, послѣднему проводнику своимъ бѣльемъ и платьемъ, но сохранивъ полностію всѣ пріобрѣтенныя рукописи и книги.

Дальнѣйшее путешествіе Григоровича по славянскимъ землямъ Австріи и въ Венецію, по Черногоріи, и оттуда опять въ Вѣну и въ Моравію и Чехію есть уже обычная командировка молодаго, но прекрасно подготовленнаго ученаго слависта, который не только самъ учится, но и сообщаетъ соспеціалистамъ полезныя свѣдѣнія. Нѣкоторые изъ собранныхъ имъ матеріаловъ онъ тогда же напечаталъ за границею, а сообщенными имъ свѣдѣніями пользовался самъ Шафарикъ.

Григоровичъ пробылъ за границею болѣе $2^{1}/_{2}$ лѣтъ; онъ возвратился черезъ Петербургъ, гдѣ много разъ видѣлся съ Срезневскимъ, который по его рукописямъ и подъ его руководствомъ «почти что началъ заниматься глаголическою письменностью», и помѣстилъ въ журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія нѣкоторые результаты своихъ работъ. Вмѣстѣ съ Н. И. Надеждинымъ Григоровичъ въ это время работалъ надъ исторіей Византіи, областью, которая была въ то время чужда даже такому слависту, какъ Срезневскій.

Въ томъ же 1847 г. Григоровичъ началъ свои лекціи въ Казани, онъ читалъ и о древностяхъ и о литературѣ, разбиралъ памятники по подлиникамъ и снимкамъ, училъ и славянскимъ нарѣчіямъ, при чемъ для перевода избиралъ преимущественно памятники народной поэзіи. «Непривлекательная внѣшность чтенія, говоритъ одинъ изъ его тогдашнихъ слушателей, «вполнѣ и съ лихвой искупалась внутреннимъ достоинствомъ его лекцій». Правда, изъ 11 студентовъ его предметомъ интересовались двое-трое, но онъ и тѣмъ былъ доволенъ; къ этимъ студентамъ онъ относился «какъ къ любимымъ товарищамъ, искренно радовался каждому, даже незначительному, ихъ успѣху», снабжалъ ихъ книгами и помогалъ имъ, въ чемъ могъ.

Въ 1848 г. О. М. Бодянскій за напечатаніе Флетчера былъ переведенъ изъ Москвы въ Казань, а Григоровичъ былъ назначенъ на его мѣсто въ Москву. Бодянскій, какъ извѣстно, отказался ѣхать и подалъ въ отставку, а Григоровичъ не имѣлъ основанія не исполнить распоряженія начальства. Московскій университетъ принялъ его, разсказываютъ, не особенно ласково, не потому, чтобы имѣлъ что нибудь противъ Григоровича, а потому, что жалѣлъ о своемъ пре-

подавателѣ Бодянскомъ. Чрезъ 10 мѣсяцевъ Бодянскій снова получилъ свою каѳедру, а Григоровичъ съ удовольствіемъ вернулся въ Казань.

Съ 1854 г. Григоровичъ безвозмездно принимаетъ на себя преподаваніе славянской палеографіи въ Казанской Духовной Академіи и, какъ видно изъ его программы, ставитъ предметъ очень серьозно, какъ и слѣдовало ожидать отъ одного изъ лучшихъ, если не лучшаго знатока этого дѣла. Проф. Н. С. Тихонравовъ, съ полною основательностью, приписываетъ именно его вліянію тотъ духъ пытливости, который около этого времени овладѣлъ слушателями Казанской Академіи и породилъ столько даровитыхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей.

Не имѣя докторской степени, для полученія которой въ то время требовался устный экзаменъ по многимъ предметамъ, Григоровичъ оставался исправляющимъ должность орд. профессора, но въ 1863 г., по новому уставу, онъ былъ сдѣланъ почетнымъ докторомъ и въ слѣдующемъ, 1864 г., занялъ каѳедру въ новооткрытомъ Одесскомъ университетѣ. «Желалъ онъ этого, говоритъ Срезневскій, для своего здоровья, чтобы быть ближе къ родинѣ, быть можетъ, и въ надеждѣ найти на новомъ полѣ болѣе обильную жатву. Эта надежда впрочемъ, если она была, скоро изчезла; въ Одессѣ пришлось ему сойтись съ такими южными Славянами, въ которыхъ онъ не нашелъ ни малѣйшей искры сочувствія къ тому, что занимало его умъ и чувство; да и въ слушателяхъ своихъ онъ не могъ пробудить того рвенія къ труду, которое было необходило для поддержанія его собственнаго рвенія». Тѣмъ не менѣе и въ Одессѣ Григоровичъ пользовался уваженіемъ и любовію; его бывшіе слушатели, изъ которыхъ иные теперь занимаютъ съ честію профессорскіе каѳедры по разнымъ спеціальностямъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что именно Виктору Ивановичу обязаны они первымъ побужденіемъ къ серьозной и самостоятельной работѣ, и онъ уже своимъ вниманіемъ, благодушнымъ одобреніемъ и помощію всякаго рода направлялъ и укрѣплялъ ихъ первые шаги на этомъ поприщѣ.

Григоровичъ изъ Одессы предпринималъ довольно часто ученыя путешествія. Между прочимъ былъ онъ на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ 1874 г., гдѣ поразилъ присутствующихъ своимъ знаніемъ живыхъ славянскихъ нарѣчій: онъ совершенно свободно возражалъ по-сербски Новаковичу и по-польски Дзяловскому.

Григоровичъ оставался на службѣ въ Одессѣ почти до самой смерти. Въ 1875 г. онъ былъ выбранъ на новое пятилѣтіе, но

скоро, «недовольный собою и другими», онъ подалъ въ отставку и въ сентябрѣ 1876 г. поселился въ Елисаветградѣ съ намѣреніемъ сосредоточить всѣ свои силы на кабинетной работѣ. Его здоровый видъ и живая, одушевленная рѣчь обѣщали, повидимому, продолжительную и плодотворную для науки жизнь. Но 19 декабря того же 1876 г. Григоровича не стало. Его неожиданная смерть произвела сильное впечатлѣніе на многочисленныхъ его почитателей; во всѣхъ почти газетахъ и журналахъ явились некрологи и сочувственныя воспоминанія о немъ; его товарищи по одесскому университету, профессора Некрасовъ и Кочубинскій, на его похоронахъ въ Елисаветградѣ, сказали глубоко прочувствованныя рѣчи. А между тѣмъ съ тѣхъ поръ ничего ни сдѣлано для увѣковѣченія его памяти; его бумаги не изданы; его статьи не собраны; да, говорятъ, и самую его могилу можно найти теперь только съ большимъ трудомъ. Большая часть драгоцѣннаго собранія его рукописей пріобрѣтена Московскимъ Публичнымъ Музеемъ, куда также сданы для храненія и его бумаги; другую часть своихъ рукописей Григоровичъ подарилъ новороссійскому университету, который какъ мы слышали, готовится издать описаніе ихъ.

Григоровичъ былъ ученый первой величины, отдавшій наукѣ всю жизнь свою (онъ не имѣлъ семьи); а ученыхъ трудовъ послѣ него сравнительно осталось очень немного. По выраженію Н. С. Тихонравова, онъ печаталъ результаты своихъ изысканій только тогда, когда *вынужденъ былъ* къ этому; онъ любилъ выносить ихъ не на публику, «а въ столь же тихую, какъ его кабинетъ, немногочисленную аудиторію своего университета или въ тѣсный кругъ товарищей». Онъ былъ очень скромнаго мнѣнія о своихъ заслугахъ: «я только чернорабочій», говорилъ онъ о себѣ. Университетъ, даже и одесскій, любилъ онъ такъ, какъ средневѣковой монахъ любилъ свой монастырь; «вотъ скоро будетъ у насъ *праздникъ*», говорилъ онъ въ ожиданіи диспута или другаго подобнаго торжественнаго акта. «Домашняя жизнь его, говоритъ Мурзакевичъ, была поразительна непритязательностью на внѣшній порядокъ: бѣлье, книги, платье, рукописи, провизія лежали гдѣ и какъ попало. Зачитываясь, онъ не имѣлъ незначительнаго времени для обѣда, сна и выбора пищи». Объ одномъ только не забывалъ онъ при всей своей разсѣянности: о разнообразныхъ нуждахъ, съ которыми къ нему смѣло обращались занимающіеся у него студенты; въ его неприглядной квартиркѣ, при всемъ глубокомъ уваженіи къ хозяину, они чувствовали себя какъ дома. Онъ съ готовностью по-

могалъ бѣднымъ студентамъ и деньгами изъ своего жалованья: другихъ средствъ у него не было, такъ какъ онъ въ пользу брата и сестеръ отказался отъ своей доли наслѣдства.

Всѣхъ его ученыхъ трудовъ болѣе 30; помѣщались они въ различныхъ спеціальныхъ изданіяхъ.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. И. былъ избранъ 27-го октября 1864 г.

А. Н. Аѳанасьевъ.

(1826 — 1871.)

Имя Александра Николаевича Аѳанасьева принадлежитъ къ числу наиболѣе симпатичныхъ именъ въ исторіи русской науки, посвященной изслѣдованію русской народности и старины. Еще многіе помнятъ этого ученаго изслѣдователя, въ которомъ глубокая любовь къ наукѣ связывалась съ живымъ интересомъ къ народной жизни, и въ которомъ мягкое, человѣчное чувство къ своему народному освѣщалось трудолюбивымъ изученіемъ. Аѳанасьевъ былъ уроженцемъ Воронежской губерніи, гдѣ сливаются двѣ великія отрасли русскаго племени: его трудъ направлялся впослѣдствіи преимущественно на изученія великорусскія, когда трудъ его старшаго земляка, Костомарова, былъ въ особенности посвященъ Малороссіи. Аѳанасьевъ учился въ Воронежской гимназіи и, окончивъ тамъ курсъ въ 1844 году, поступилъ въ Московскій Университетъ по юридическому факультету. Въ то время юристы слушали вмѣстѣ съ «словесниками» лекціи по литературѣ и всеобщей исторіи, такъ что Аѳанасьевъ на своемъ факультетѣ былъ ученикомъ Крылова, Рѣдкина, Баршева и др., въ лучшую пору ихъ дѣятельности, и Кавелина, тогда только-что выступавшаго на учено-литературное поприще, а также былъ слушателемъ Шевырева и Грановскаго. «Сороковые годы» оставили на немъ печать идеализма, нравственныхъ требованій, твердой вѣры въ просвѣщеніе, которыя составляютъ столь привлекательную черту лучшихъ людей той эпохи.

Университетское образованіе Аѳанасьева было такимъ образомъ собственно юридическое, и его первыя литературныя работы, начатыя еще во время пребыванія въ университетѣ, носили слѣдъ этой спеціальности, но, по преимуществу или исключительно, въ историческомъ примѣненіи. То было время, когда, подъ вліяніемъ западной, особливо нѣмецкой, науки, у насъ готовился и впослѣдствіи совершился сильный поворотъ въ исторіографіи, отличительной особенностью котораго было стремленіе изслѣдовать самый генезисъ исто-

рическихъ явленій, осмыслить факты прошедшаго указаніемъ ихъ развитія изъ первыхъ зачатковъ до позднѣйшихъ сложныхъ формъ общественнаго быта. Съ этимъ поворотомъ связаны всего болѣе имена Соловьева и Кавелина; къ нимъ достойнымъ образомъ примыкаетъ Аѳанасьевъ въ своихъ первыхъ работахъ по исторіи нашего юридическаго быта въ массѣ историческихъ рецензій и, наконецъ, въ своихъ позднѣйшихъ работахъ по миѳологіи, этнографіи и археологіи.

По окончаніи университетскаго курса въ 1848 г., Аѳанасьевъ въ слѣдующемъ году поступилъ на службу въ Московскій Главный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ 1855 г. назначенъ былъ начальникомъ отдѣленія, а затѣмъ правителемъ дѣлъ состоящей при этомъ Архивѣ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, и въ этой должности оставался до 1862 года. Въ этомъ году его постигла бѣда: онъ одновременно съ А. А. Котляревскимъ былъ привлеченъ къ слѣдствію по «политическому» дѣлу. Все дѣло состояло въ свиданіи съ состоявшимъ тогда въ эмигрантахъ, извѣстнымъ В. Кельсіевымъ, пріѣхавшимъ въ Москву по подложному иностранному паспорту; никакихъ практическихъ результатовъ это свиданіе не имѣло, и Аѳанасьевъ былъ освобожденъ отъ слѣдствія, но тѣмъ не менѣе потерялъ службу, которая такъ отвѣчала направленію его ученыхъ работъ, а со службой и средства къ существованію. Начались заботы о кускѣ хлѣба для себя и для семьи; только послѣ усиленныхъ хлопотъ онъ получилъ въ Москвѣ мѣсто секретаря въ думѣ, а потомъ секретаря мироваго съѣзда: существованіе его было этимъ нѣсколько обезпечено, но за то служебныя обязанности почти не оставляли досуга для тѣхъ работъ, которыя были настоящимъ дѣломъ его жизни. Въ прежнее время у него собралась замѣчательная, драгоцѣнная библіотека книгъ и рукописей: она не помѣщалась въ тѣсной квартирѣ, была сложена въ сарай, а затѣмъ при домашнихъ недостаткахъ продана — по обыкновенію за безцѣнокъ. Надо удивляться, какъ Аѳанасьевъ, въ этихъ тяжкихъ условіяхъ, могъ исполнить свой замѣчательнѣйшій трудъ, изданный въ эти самые годы и требовавшій сложныхъ поисковъ и упорнаго вниманія: это могла сдѣлать только преданная любовь къ наукѣ и къ изучаемому народу.

Уже очень рано, около 1850 года, изслѣдованія Аѳанасьева получаютъ другое направленіе. Его продолжаютъ занимать вопросы внѣшней государственной и общественной жизни, которымъ посвящено много его рецензій, его занимала литература XVIII вѣка, но главный интересъ его обратился на другую область народной

старины—на объясненіе народнаго миѳа, преданія, поэзіи, и миѳическихъ слѣдовъ въ бытѣ и обычаѣ. Первая инициатива этого направленія дана была въ трудахъ Ѳ. И. Буслаева и частію И. И. Срезневскаго; на ряду съ ними Аѳанасьевъ явился самымъ ревностнымъ работникомъ на этомъ поприщѣ — въ то время совершенно новомъ въ нашей наукѣ. Переходъ былъ впрочемъ естественный: новыя изученія исходили изъ того же историческаго интереса — стремленія объяснить генезисъ развитія; казалось, что въ этихъ новыхъ изученіяхъ изслѣдователь подойдетъ къ самымъ первымъ зачаткамъ народной мысли — миѳологической и бытовой, зачаткамъ, которые были исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей сложной исторіи. Родоначальникомъ новой науки для нашихъ изслѣдователей былъ знаменитый Яковъ Гриммъ, и какъ у него «Нѣмецкой Миѳологіи» предшествовали «Rechtsalterthümer», такъ и у насъ старая народная миѳологія привлекла вниманіе новыхъ изслѣдователей на ряду съ древностями бытовыми... Дальнѣйшая дѣятельность Аѳанасьева на этомъ пути совершалась, послѣ Гримма, подъ вліяніемъ Куна и Шварца, затѣмъ Макса Мюллера и Пикте. Новыми изслѣдованіями были заинтересованы и тѣ историки, которые, какъ замѣчено, около этого времени обновляли и расширяли русскую исторіографію стремленіемъ объяснять внутренній ходъ развитія, какъ Соловьевъ и Кавелинъ. Съ первыхъ 1850-хъ годовъ идетъ длинный рядъ трудовъ Аѳанасьева въ этомъ направленіи. Кромѣ общихъ вопросовъ о началѣ и развитіи миѳа, здѣсь объясняемы были отдѣльныя частности древняго преданія и его живые отголоски въ существующемъ народномъ обычаѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Аѳанасьевъ предпринялъ изданіе самыхъ памятниковъ народнаго преданія и поэзіи, какъ извѣстныя «Русскія народныя сказки», первый научно исполненный сборникъ этого рода въ нашей литературѣ, составленный въ значительной мѣрѣ по матеріаламъ Русскаго Географическаго Общества, и «Русскія народныя легенды» (М. 1860), къ сожалѣнію — и не для пользы науки — вскорѣ изъятыя изъ обращенія по цензурнымъ соображеніямъ и послѣ не повторенныя. Главнѣйшимъ трудомъ Аѳанасьева въ этой области была книга: «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», въ трехъ большихъ томахъ (М. 1866 — 1869). Это громадная работа, въ которой Аѳанасьевъ, изложивъ въ началѣ свою теорію развитія миѳа, насколько онъ выработалъ ее на основаніи изысканій, авторитетныхъ тогда въ западной наукѣ, даетъ систематическій обзоръ русскихъ и славянскихъ миѳическихъ преданій, для чего онъ воспользовался обширнымъ матеріаломъ славянскимъ и рус-

скимъ и многочисленными сравнительными данными; между прочимъ извлечено здѣсь множество данныхъ, разсѣянныхъ въ мало доступныхъ изданіяхъ провинціальныхъ. Исходя изъ миѳическихъ теорій Гримма, потомъ Шварца, Макса Мюллера и пр., Аѳанасьевъ и въ свое время принималъ ихъ нѣсколько односторонне, увѣренный въ ихъ непогрѣшимости; не мудрено, что когда въ изслѣдованіи вопроса стали получать все больше силы другія болѣе реальныя теоріи— какъ изысканія Бенфея, какъ новыя пріобрѣтенія этнографіи въ связи съ антропологіей, — излишества стараго пріема открывались тѣмъ яснѣе; но книга Аѳанасьева тѣмъ не менѣе остается и вѣроятно еще долго останется драгоцѣннымъ сборникомъ приведенныхъ въ порядокъ фактовъ, важнымъ, также, какъ опытъ цѣльнаго изложенія предмета, какіе у насъ къ сожалѣнію слишкомъ рѣдки; самая односторонность его систематически проведеннаго взгляда облегчаетъ критику и изслѣдованіе съ другой точки зрѣнія. Трудъ Аѳанасьева остался не довершеннымъ: за изложеніемъ «поэтическихъ воззрѣній» должно было слѣдовать изложеніе древностей бытовыхъ.

Труды Аѳанасьева имѣютъ также и большую археологическую цѣну. Онъ имѣетъ дѣло съ миѳомъ и преданіемъ не въ одной области народной поэзіи: предполагая въ первобытныя времена универсальное господство миѳа, онъ слѣдилъ его примѣненіе въ обычаѣ, обрядѣ и въ реальномъ быту. Въ его первыхъ работахъ уже намѣчены эти вопросы археологіи быта, когда онъ старался объяснить археологическое значеніе «избы славянина» или нашего «Домостроя» или объяснялъ смыслъ извѣстнаго обряда, символическаго дѣйствія и т. п.; множество замѣтокъ подобнаго рода разсѣяно и въ его главномъ изслѣдованіи.

Такимъ образомъ, дѣятельность Аѳанасьева касалась весьма разнообразныхъ областей нашей старины: начавъ съ историко-юридическихъ изслѣдованій о нашемъ XVIII вѣкѣ, Аѳанасьевъ работалъ надъ исторіей литературы прошлаго и нынѣшняго столѣтій, далъ замѣчательное для своего времени и до сихъ поръ не замѣненное другимъ изданіе русскихъ народныхъ сказокъ, единственное цѣльное собраніе народныхъ легендъ, наконецъ сосредоточилъ свои труды на объясненіи «поэтическихъ воззрѣній» древняго и новѣйшаго славянскаго и русскаго народа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на мало изслѣдованной до сихъ поръ археологіи быта. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Аѳанасьеву принадлежитъ своя немалая заслуга для русской археологической науки.

Онъ умеръ 23 сентября 1871 года. Какъ личный характеръ, Аѳанасьевъ оставилъ по себѣ память безупречнаго человѣка, горячо преданнаго интересамъ науки, работавшаго надъ ней съ рѣдкимъ трудолюбіемъ, доходившимъ до самоотверженія, и, вмѣстѣ тѣмъ, принимавшаго къ сердцу живые вопросы общества и народа. Его главный трудъ, какъ замѣчено, остался не довершеннымъ; но до сихъ поръ онъ не замѣненъ другимъ, какъ остаются до сихъ поръ единственными его собранія сказокъ и легендъ.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. Н. былъ избранъ 4-го октября 1864 г.

К. Н. Тихонравовъ.

(1822 г. † 1879 г.)

Константинъ Никитичъ Тихонравовъ родился въ 1822 г. въ уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи, Ковровѣ, гдѣ отецъ его былъ мелкимъ чиновникомъ. Образованіе свое онъ получилъ, сначала, въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, а, по окончаніи курса его, перешелъ во Владимірскую духовную семинарію, изъ которой вышелъ въ 1842 г. со званіемъ студента. Въ этомъ же году онъ поступилъ на службу въ канцелярію владимірскаго губернатора; два года спустя, въ 1844 г., онъ принялъ, по распоряженію губернатора, всѣ дѣла Губернскаго Статистическаго Комитета и съ того же года началъ участвовать трудами своими въ неоффиціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей», какъ органѣ Комитета. Въ 1850 году, когда послѣдовало первое преобразованіе Комитетовъ, К. Н. былъ назначенъ производителемъ дѣлъ мѣстнаго Комитета; при вторичномъ преобразованіи ихъ, въ 1854 г., онъ занялъ тамъ же мѣсто помощника дѣлопроизводителя, съ 1856 г. былъ уже дѣлопроизводителемъ, а въ 1861 г., когда Статистическіе Комитеты получили окончательную, настоящую форму, онъ занялъ мѣсто секретаря своего Комитета и оставался въ этой должности до дня кончины. Кромѣ того, онъ съ 1853 г. состоялъ редакторомъ неоффиціальной части «Губернскихъ Вѣдомостей».

Работать К. Н. началъ рано, и первый его трудъ «Обозрѣніе состоянія частныхъ конскихъ заводовъ и вообще коннозаводствъ во Владимірской губ.» совпалъ со временемъ знакомства съ дѣлами Статистическаго Комитета въ 1844 г. Всѣ его дальнѣйшіе труды, также какъ и первый, касаются исключительно горячо любимой имъ родины—Владимірской губерніи. Насколько позволяли ему крайне скудныя средства, требовавшія, кромѣ службы, другихъ, частныхъ занятій, насколько позволяло время, онъ всю жизнь только и старался, что изучить свой родной край со всѣхъ сторонъ и, главнымъ образомъ, съ исторической, и археологической сторонъ и статистики. Въ статьѣ, посвященной ему, по его кончинѣ, и напечатанной въ

мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», онъ называется *Владимірскимъ Несторомъ лѣтописцемъ*. «Тотъ Несторъ, который разсказалъ, «какъ пошла есть русская земля», жилъ въ г. Кіевѣ. А «г. Тихонравовъ, подробно повѣдавшій намъ о всѣхъ вѣкахъ Владимірскаго княжества, освѣтившій всѣ его минувшія дѣла и открывшій множество старинныхъ грамотъ о *землѣ Володимірской*, «родился и умеръ въ области Владимірской. Итакъ, онъ имѣлъ «счастіе служить всю жизнь талантомъ своимъ своей землѣ, также «какъ и Несторъ—землѣ кіевской».

Служебная дѣятельность К. Н., именно, въ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, отразилась на его болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Всѣ они имѣютъ въ основаніи свѣдѣнія, главнымъ образомъ, статистическія и часто затрогиваютъ прямо спеціальные вопросы. Наиболѣе крупные его труды слѣдующіе: «Обозрѣніе внутренней торговли Владимірской губ.», написанное въ 1851 г. для Императорскаго Русскаго Географическаго Общества; «Статистическій списокъ населенныхъ мѣстностей Владимірской губ.» (1857); «Владимірскій Сборникъ» (1857); «Описаніе Владимірскаго Рождественскаго монастыря Владимірской губ.» (1869); «Владимірскій Историко-Статистическій Сборникъ» (1869) и много другихъ. Съ 1863 года подъ его редакціею вышло X выпусковъ «Трудовъ Статистическаго Комитета», въ которыхъ находится его собственныхъ 28 статей. Съ 1875 г., по его же иниціативѣ и подъ его редакціей, началъ издаваться «Ежегодникъ Статистическаго Комитета» съ рисунками; до своей кончины онъ успѣлъ выпустить: I т. въ двухъ выпускахъ, II т. и подготовить III; но этотъ послѣдній, также какъ и «Памятники древностей Владимірскаго края. Вѣкъ XII», такъ и остались недоконченными.

Помимо своихъ историко-статистическихъ трудовъ, К. Н. занимался также и археологіей. Въ 1851—1852 годахъ онъ былъ командированъ въ помощь графу А. С. Уварову въ Суздальскій и Юрьевскій уѣзды для производства раскопокъ; въ 1853 г. также командированъ въ помощь П. С. Савельеву въ Юрьевскій и Переяславскій уѣзды; въ 1858 г. уже самостоятельно занимался раскопками во Владимірскомъ уѣздѣ, а въ 1863 г.—въ Шуйскомъ. И послѣ этого онъ не разъ раскапывалъ различныя мѣстности роднаго края и отчеты о нихъ помѣщалъ или въ мѣстныхъ изданіяхъ или въ трудахъ ученыхъ обществъ.

Всего мелкихъ статей, касающихся исторіи и археологіи, написано К. Н. болѣе 500, и имъ же издано болѣе 200 архивныхъ

документовъ по мѣстной исторіи. Дѣятельность его въ этомъ отношеніи была изумительна.

К. П. состоялъ членомъ многихъ русскихъ ученыхъ обществъ и неоднократно получалъ награды за свои труды. Но лучшею наградой онъ всегда считалъ благодарное слово со стороны ученыхъ обществъ, преслѣдовавшихъ одни съ нимъ цѣли. И общества не оставляли его безъ поддержки словомъ и дѣломъ, постоянно отмѣчая его выдающіеся труды, какъ напр. устройство Музея при Статистическомъ Комитетѣ и др.

Членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества К. Н. былъ избранъ 17 ноября 1864 г.—прямо дѣйствительнымъ. Протоколы Общества, со дня его избранія и до самой кончины его, полны массой сообщеннаго имъ матеріала. Изъ своихъ работъ онъ помѣстилъ въ «Древностяхъ»: а) Археологическая находка въ Суздалѣ (т. IV, 86); б) Замѣтка по поводу статьи объ антиминсахъ Е. Барсова (т. VII, 186); в) Битва при рѣкѣ Колокшѣ, на горѣ Прусской, въ 1177 г. (т. XI, 79) и др.

Константинъ Никитичъ скончался 6 іюля 1879 г. во Владимірѣ, на 58 году жизни, послѣ долгой и тяжелой болѣзни.

С. А. Усовъ.

(1827 † 1887.)

Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ родился 5-го января 1827 года. Получивъ первоначальное домашнее воспитаніе, онъ былъ опредѣленъ въ Московскій Дворянскій Институтъ, а оттуда онъ поступилъ въ Московскій университетъ на физико-математич. факультетъ. Здѣсь онъ оканчиваетъ курсъ по отдѣленію естественныхъ наукъ вмѣстѣ съ Н. Сѣверцовымъ и Борзенковымъ. Изъ замѣтки С. А., помѣщенной въ «Вѣстникѣ Естеств. Наукъ» (58 г.) видно, что изъ профессоровъ наибольшее вліяніе на него имѣлъ проф. Зоологіи К. Ф. Рулье.

Продолжая заниматься зоологіей и по окончаніи университета, С. А. напечаталъ нѣсколько статей изъ этой области наукъ въ «Вѣстникѣ Естеств. Наукъ», выходившемъ подъ редакціей Рулье. Послѣ смерти послѣдняго онъ самъ сдѣлался редакторомъ этого журнала.

Въ концѣ 50-хъ годовъ С. А. выступаетъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля: въ это время онъ сталъ принимать дѣятельное участіе въ Комитетѣ Акклиматизаціи животныхъ и много хлопоталъ по устройству Зоологическаго Сада въ Москвѣ, въ которомъ, впослѣдствіи (въ 60-хъ годахъ), былъ завѣдующимъ. Въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ мы видимъ С. А. Вице-Предсѣдателемъ, а затѣмъ и Предсѣдателемъ Общества Акклиматизаціи.—Въ 62 г. С. А. началъ чтеніе лекцій въ Московскомъ университетѣ. Сперва онъ выступилъ въ качествѣ преподавателя по каѳедрѣ Зоологіи, затѣмъ, въ 65 г., имъ написана магистерская диссертація «Зубръ» (помѣщенная въ Зап. Общ. Акклим.), послѣ чего онъ получилъ званіе профессора. Въ 67 г. выходитъ его докторская диссертація «Таксономическія единицы и группы», давшая ему докторскую степень и званіе ординарнаго проф. Зоологіи. Чтенія С. А. въ университетѣ были не только увлекательны, по своей формѣ и содержанію, но и дѣйствовали развивающимъ обра-

зомъ на слушателей своимъ характеромъ. С. А., по словамъ одного изъ нихъ, заставлялъ молодежь останавливаться на самыхъ общихъ вопросахъ, къ которымъ приводило изученіе столь обширнаго предмета. Здѣсь нѣтъ надобности распространяться о томъ, какое значеніе для развитія молодаго ума имѣютъ такія обобщенія. Вообще лекціи С. А. были крайне интересны; при описаніи же жизни животныхъ онѣ становились увлекательными. «Тутъ, замѣчаетъ тотъ же авторъ воспоминаній, Усовъ дѣлался поэтомъ; кромѣ широкаго образованія, въ немъ чуялось творчество, и то, что говорилъ онъ, все это не просто запоминалось, а перечувствывалось».

Помимо вліянія на умственное развитіе своихъ учениковъ, С. А. имѣлъ въ значительной степени также и нравственное, и въ этомъ отношеніи къ нему можно примѣнить его собственныя слова о своемъ учителѣ Рулье: послѣдній, по словамъ С. А. былъ для студентовъ не только преподавателемъ, но и руководителемъ, съ отеческою любовью относился къ своимъ слушателямъ, готовый прійти на помощь всякому, кто обращался къ нему за совѣтомъ.

Въ 1873 г. С. А. предпринялъ, вмѣстѣ съ Л. П. Сабанѣевымъ, изданіе естественно-историческаго журнала «Природа», которымъ предполагалось возобновить «Вѣстн. Естеств. Наукъ» въ болѣе серьезномъ направленіи. Въ первой книжкѣ этого журнала помѣщены двѣ статьи С. А.: «Сиватернъ» и «Носорогъ Москов. Зоологическаго Сада», а также переводъ статьи Гюнтера.

Лѣтъ за 15 до своей смерти, С. А. сталъ изучать исторію искусствъ, а въ послѣдніе годы своей жизни посвящалъ ей большую часть своего времени. Ему удалось собрать за этотъ періодъ времени коллекцію художественныхъ изданій, гравюръ, фотографій и спеціальныхъ сочиненій, изъ которыхъ онъ пріобрѣлъ не только обширныя познанія по разнымъ вопросамъ искусства, но и выработалъ также самостоятельные взгляды. Вскорѣ ему представился случай примѣнить на дѣлѣ свои познанія. По приглашенію директора Частной Гимназіи, г. Поливанова, С. А. открылъ свои чтенія по исторіи искусствъ для учениковъ старшихъ классовъ этой гимназіи. Покойный такъ увлекся этимъ новымъ дѣломъ, что не оставлялъ его въ теченіи пяти лѣтъ слишкомъ, почти до самой своей смерти.

При совершенно простой обстановкѣ, носившей характеръ бесѣдъ, происходили эти интересныя занятія; тѣмъ съ большей охотой собирались слушатели, и тѣмъ лучше усвоивалось слышанное.

Свои солидныя познанія въ исторіи искусствъ С. А. обнаружилъ также въ своихъ рефератахъ, читанныхъ имъ въ Московскомъ

Археологическомъ Обществѣ. Тутъ С. А. подходитъ уже къ археологіи, которою онъ также интересовался независимо отъ искусства.

Появленіе С. А. въ означенномъ Обществѣ произошло послѣ полученнаго имъ приглашенія отъ Графа Уварова сдѣлать сообщенія въ засѣданіи 9 мая 1876 г., по поводу фресковъ Керченской катакомбы, открытой въ 1872 г. (служившихъ предметомъ изслѣдованія Стасова). Своими трудами по археологіи С. А. принесъ ей ту услугу, какую могутъ оказать естественныя науки и въ томъ числѣ зоологія для археологіи. Ранѣе, до графа Уварова, русская археологія преслѣдовала почти исключительно цѣли искусства; теперь, при помощи наукъ, заключившихъ съ ней союзъ, археологія значительно расширила свой кругозоръ и сама стала на научную почву.

Такимъ образомъ, при помощи своихъ естественно-историческихъ познаній, С. А. старался объяснить смыслъ фресковъ (докладъ напеч. въ VI т. Трудовъ Общ.). Этотъ же способъ помогалъ ему давать объясненія и по другимъ вопросамъ, которыя онъ дѣлалъ въ своихъ дальнѣйшихъ докладахъ.

Въ засѣданіи 5-го октября 1876 г., по предложенію Графа А. С. Уварова и В. Е. Румянцева, С. А. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Общества. Съ 1876 по 1886 г., т. е. за время пребыванія его членомъ Общества, имъ было сдѣлано 23 доклада.

29 ноября 1876 и 27 апр. 1877 г. С. А. дѣлаетъ два устныхъ сообщенія.

Нѣкоторыя изъ послѣдующихъ сообщеній были результатомъ изслѣдованій С. А. въ области древней исторіи христіанской церкви, ея древностей и живописи. Такъ, въ засѣданіи 20 апр. 1879 г., С. А. дѣлаетъ большой докладъ о «Мозаикѣ въ церкви Преображенія въ монастырѣ св. Екатерины, на Синаѣ» (помѣщ. въ VIII т. Древностей).

Тутъ онъ доказываетъ, что эта мозаика относится, вопреки мнѣнію Вертмана, пріурочившаго ее къ VII—VIII в., къ V-му или первой половинѣ VI вѣка. Какъ въ этомъ рефератѣ, такъ и въ слѣдующемъ «О миніатюрахъ новооткрытаго Гарнакомъ въ одномъ монастырѣ въ Россано Греческаго Евангелія VI вѣка» (Древности VIII т.), зоологія снова является на помощь С. А. для объясненія мѣста и времени появленія этихъ миніатюръ.

Поводомъ для слѣдующаго изслѣдованія послужило появленіе труда проф. Мрочекъ-Дроздовскаго о деньгахъ во времена Русской Правды, въ которомъ для С. А. осталось невыясненнымъ первоначальное значеніе кунъ, ногатъ и др.

Зоологія и тутъ пришла къ нему на помощь. Основная мысль высказаннаго имъ объясненія осталась безъ возраженій.

Въ засѣданіи 12 апр. 1882 г. С. А. сдѣлалъ интересное сообщеніе, дополненное имъ въ засѣданіи 21 сент., о древнихъ фрескахъ, открытыхъ на стѣнѣ за иконостасомъ въ Московск. Успенскомъ Соборѣ. Въ данномъ случаѣ С. А. пришлось пересмотрѣть русскія лѣтописи XIV и XV в., и при помощи остроумныхъ комбинацій онъ пришелъ къ заключенію, настолько объясняющему дѣло, что основная его мысль опять-таки не встрѣтила опроверженія (см. Древности IX—X т.). 11 янв. 1883 г. С. А. сообщилъ о результатахъ осмотрѣнныхъ имъ вмѣстѣ съ И. Д. Мансветовымъ открытыхъ фресковъ Успенск. Собора во Владимірѣ, причемъ референтъ сообщилъ исторію этого собора и далъ объясненіе фресковъ.

10 окт. 1883 г. С. А. прочелъ объясненіе миніатюръ Сирійскаго Евангелія Рабулы Лаврентіанской библіотеки во Флоренціи (Древн. XI т.).

Послѣднія два сообщенія С. А. относятся къ засѣданію 4 апр. 1886 года,— «О значеніи слова Деисусъ» и «Новыя дополненія къ объясненію миніатюръ евангелія Рабулы». 27-го октября 1886 года, С. А. Усова не стало.

Многіе еще помнятъ впечатлѣніе, какое произвела три года тому назадъ внезапная смерть С. А. Усова. Утрата крупная; она чувствовалась всюду, гдѣ появлялся покойной въ качествѣ дѣятеля. Прежде всего Университетъ потерялъ въ немъ уважаемаго ученаго и профессора; въ Совѣтѣ не стало одного изъ сторонниковъ университетскаго самоуправленія.

Сослуживцы лишились добраго товарища, горячо отстаивавшаго общіе интересы и общее дѣло, а равно и принимавшаго искреннее участіе въ каждомъ въ отдѣльности. Для бывшихъ слушателей онъ былъ не только любимымъ преподавателемъ, но и всѣмъ доступный руководитель, всегда готовый подать добрый совѣтъ. Московское Археологическое Общество потеряло въ немъ одного изъ дѣятельныхъ членовъ, не наружнымъ образомъ, а искренне принимавшаго участіе въ его дѣлахъ.

Вообще честное и искреннее отношеніе къ своему дѣлу и ко всему окружающему создало С. А. положеніе центральной личности (какъ выразился одинъ изъ товарищей покойнаго) въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался. Потеря такого человѣка чувствуется обыкновенно очень глубоко. Такъ было и теперь.—Скорбь просилась наружу,— и вотъ, вслѣдъ за смертью С. А., появляется въ прессѣ

цѣлый рядъ воспоминаній лицъ, близко знавшихъ покойнаго. Московское Археологическое Общество посвятило памяти Усова особое засѣданіе, въ которомъ такъ ясно высказалась глубокая скорбь объ утраченномъ замѣчательнѣйшемъ научномъ дѣятелѣ, о дорогомъ сотоварищѣ. Такія крупныя фигуры, какъ С. А. Усовъ, всегда представляютъ цѣлое явленіе, и утрата ихъ особенно чувствуется наукой.

(вмѣстѣ съ Бестужевымъ-Рюминымъ) поручено было заниматься съ младшими классами. С. В. отлично исполнилъ свое дѣло; въ это время онъ былъ въ 8-мъ классѣ гимназіи. Его стремленія по окончаніи курса попасть прямо въ Москву не осуществились, и С. В. долженъ былъ поступить въ Казанскій университетъ, по историко-филологическому факультету. Но здѣсь онъ оставался не долго: осенью 47 г. мы видимъ С. В. въ Московскомъ университетѣ (на томъ же факультетѣ) вмѣстѣ съ своимъ другомъ Бестужевымъ-Рюминымъ.

Здѣсь, благодаря неутомимымъ занятіямъ, а также подъ вліяніемъ профессоровъ, его развитіе идетъ быстрѣе. Въ то время филологическій факультетъ Московскаго университета блисталъ громкими именами ученыхъ, съ которыми С. В. отчасти былъ уже знакомъ по ихъ сочиненіямъ. Исторію читали: Грановскій, Кудрявцевъ, Соловьевъ, Кавелинъ (кромѣ того, надо упомянуть Буслаева, Шевырева и Леонтьева). Грановскій поражалъ С. В. сильнымъ, картиннымъ и быстрымъ обзоромъ эпохи. Кудрявцевъ подолгу останавливался на подробномъ разборѣ характеровъ и деталей; первый давалъ полный законченный курсъ, въ которомъ отдѣльныя части находились, притомъ, въ равновѣсіи, тогда какъ у втораго были излюбленныя лица и эпохи. Что касается направленія, то Кудрявцевъ былъ приверженецъ западно-европейской цивилизаціи въ такой степени, что даже относился недовѣрчиво къ Россіи. Соловьевъ тогда только начиналъ читать и имѣлъ еще мало вліянія на слушателей. Изъ профессоровъ, не спеціально историковъ, Леонтьевъ также имѣлъ вліяніе на С. В. своими лекціями по Римскимъ древностямъ, гдѣ онъ выдвинулъ на первый планъ экономическій вопросъ. На 3-мъ курсѣ С. В. познакомился и сблизился съ Кудрявцевымъ; съ этого времени онъ перешелъ къ изученію среднихъ вѣковъ, начиная съ эпохи Меровинговъ.

Въ 50 г. С. В. окончилъ университетскій курсъ и вскорѣ получилъ мѣсто преподавателя въ Московскомъ Николаевскомъ Институтѣ, а въ слѣдующемъ онъ уже выступилъ на литературномъ поприщѣ статьей о Кудрявцевѣ, помѣщенной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Осенью 53 г. С. В. былъ назначенъ адъюнктомъ въ Ришельевскій лицей, на мѣсто Н. Мурзакевича, по каѳедрѣ Русской исторіи и русской статистики. Справляться съ возложеннымъ на него дѣломъ было для С. В. чрезвычайно трудно, такъ какъ ему приходилось читать по 6 часовъ въ недѣлю, и, притомъ, со вторымъ предметомъ онъ почти вовсе не былъ знакомъ, такъ что приходилось одновременно и самому учиться и другихъ тому же учить. Проведя лѣто

слѣдующаго года въ Нижнемъ, С. В. пріѣхалъ затѣмъ въ Москву для магистерскаго экзамена. Темой для диссертаціи онъ выбралъ: «Аполлинарій Сидоній». Это лучшее сочиненіе Ешевскаго, гдѣ онъ всестороние рисуетъ жизнь Общества V вѣка, находившагося въ то время въ состояніи перерожденія. Осенью 55 года С. В. былъ выбранъ профессоромъ въ Казанскій университетъ по кафедрѣ Русской исторіи, гдѣ онъ пробылъ до октября 57 г. Интересъ, возбужденный въ студентахъ лекціями С. В. былъ громадный; со всѣхъ факультетовъ собирались слушатели въ ту аудиторію, гдѣ онъ читалъ. Предшественникъ С. В., Ивановъ, оставилъ свой курсъ недоведеннымъ до конца, поэтому С. В. и началъ свои лекціи по русской исторіи съ царствованія Елизаветы Петровны; кромѣ того, онъ прочелъ три публичныя лекціи о колонизаціи Сѣверо-восточнаго края Россіи (напечатаны въ Вѣстн. Евр. 86 г.). Занимаясь также этнографіей, С. В. успѣлъ собрать небольшую коллекцію Болгарскихъ и Пермскихъ древностей (напеч. въ Пермскомъ сборникѣ). Въ 57 г. мы видимъ С. В. снова въ Москвѣ; здѣсь онъ поступаетъ преподавателемъ въ Александровскій сиротскій корпусъ, а въ слѣдующемъ году онъ утверждается наконецъ профессоромъ Московскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи (Кудрявцева).

Время съ осени 59 до осени 61-го года С. В. провелъ за границей; главной цѣлью поѣздки онъ поставилъ изученіе учебнаго дѣла въ Германіи, Франціи, Италіи и Швейцаріи. Въ «Отечественн. Запискахъ» за 60-й г. напечатано его «Письмо изъ-за границы» о германскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Посѣщая заграничные университеты, С. В. слушалъ тамъ многихъ профессоровъ. Бестужевъ-Рюминъ, въ своей біографіи С. В., приводитъ его письма, характеризующія этихъ ученыхъ. Кромѣ того, С. В. изучалъ за границей памятники искусствъ и древности (въ Римѣ); въ Кельнѣ — средневѣковую старину; посѣщалъ также библіотеки. Въ Парижѣ онъ особенно много занимался ранней эпохой французской исторіи для давно готовившагося сочиненія «О Брунгильдѣ».

Въ 62 и 64-мъ гг. его опять посылаютъ за границу для поправленія здоровья.

Въ послѣдніе годы своей жизни С. В. сталъ заниматься Археологіей. Московское Археологическое Общество считаетъ покойнаго въ числѣ своихъ членовъ основателей. Дѣйствительно, С. В. отдался всей душей зарождавшемуся тогда ученому Обществу и принималъ живое участіе на собраніяхъ въ квартирѣ Гр. А. Уварова, еще до оффиціальнаго его открытія. Тутъ онъ однажды прочелъ

свой рефератъ «О Швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ и новѣйшихъ открытіяхъ въ области Кельнскихъ древностей» (Извлеченіе напечатано въ I т. «Древностей»). Въ первомъ обыкновенномъ засѣданіи новооткрытаго Общества С. В. читалъ на ту же тему.

Вскорѣ С. В. слегъ; но и въ постелѣ онъ еще много работалъ въ качествѣ члена редакціонной коммиссіи. Разныя заботы о дѣлахъ Общества занимали его до самой смерти. 30-го мая 1865 г. С. В. не стало.

К. И. Гревингкъ.

(1819 † 1887.)

Профессоръ Дерптскаго университета по каѳедрѣ минералогіи, Константинъ Ивановичъ Гревингкъ родился въ небольшомъ городкѣ Лифляндской губерніи, Феллинѣ, 2 января 1819 г. Окончивъ курсъ наукъ въ Дерптской гимназіи, онъ въ 1837 году поступилъ въ Дерптскій университетъ и уже въ 1838 году сопутствовалъ Александру Леману (товарищу К. Ѳ. Бэра въ научныхъ изслѣдованіяхъ Новой Земли и Бухары и Хивы) при геологическихъ экскурсіяхъ его по Финляндіи и Гохланду. Окончивъ съ золотою медалью университетъ, К. И. поѣхалъ за границу, гдѣ усовершенствовалъ свои научныя свѣдѣнія, много путешествовалъ, получилъ степень доктора (1843 г. въ Іенѣ) и, возвратившись въ Россію, былъ назначенъ консерваторомъ при минералогическомъ отдѣленіи Императорской Академіи Наукъ. Въ 1848 г. онъ былъ командированъ отъ Академіи и Импер. Вольно-экономич. Общества въ губерніи Олонецкую и Архангельскую и первый изслѣдовалъ полуостровъ Канинъ. Затѣмъ, до 1853 года, К. И. совершалъ научныя поѣздки по Швеціи и Норвегіи на сѣверъ и по среднему Уралу на востокъ Россіи. Работы К. И. обратили на себя вниманіе, и въ 1854 году онъ былъ призванъ занять каѳедру минералогіи въ Дерптскомъ университетѣ. Съ этого времени все вниманіе ученаго обращается на изученіе западной окраины русскаго отечества. Съ 1855 по 1861 годъ проф. Гревингкъ предпринимаетъ рядъ научныхъ экскурсій для изслѣдованій преимущественно прибалтійскаго побережья, обращая вниманіе какъ на геологическія особенности, такъ и на вопросы о доисторическомъ населеніи края [1]). Съ этого времени начинаетъ К. И. живо интересоваться археологіею. Слѣды доисторическаго человѣка на прибалтійскомъ побережьѣ, встрѣченные учеными

---

[1]) Въ теченіе этихъ лѣтъ К. И. 19 мая 1854 г. получилъ званіе магистра отъ С.-Петербургскаго университета и въ 1859 г. степень доктора Дерптскаго университета.

при геологическихъ трудахъ, въ остаткахъ костяной утвари первыхъ рыбарей, въ разныхъ видахъ археологическаго матеріала, увлекаютъ К. И. въ область антропологіи, этнографіи и доисторической археологіи.

Въ 1874 году вышла объемистая статья К. И. «zur Archaeologie des Balticum und Russland» (Archiv für Anthropologie. Band VII, Heft 1 u. 2), въ которой онъ обстоятельно изложилъ все, что было сдѣлано по доисторической археологіи сѣверной и сѣверозападной части Россіи. Разсматривая трудъ извѣстнаго Датскаго археолога Ворзэ, написавшаго по поводу перваго Московскаго археологическаго съѣзда опытъ сравнительной доисторической археологіи сѣвера Европы, Гревингкъ подвергаетъ серьезной критикѣ и группировкѣ все, что было до него сдѣлано, и что самъ онъ прослѣдилъ и провѣрилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Особенно внимательно останавливается онъ на каменномъ періодѣ и затѣмъ разсматриваетъ и бронзовый вѣкъ восточнаго балтскаго побережья.

Въ 1877 году (Archiv für Anthropol. X) К. И. Гревингкъ выступилъ со статьей о погребальныхъ обычаяхъ и корабельныхъ могилахъ восточнаго балтскаго побережья, въ коей, строго говоря, является основателемъ теоріи о корабельныхъ могилахъ въ прибалтійскомъ краѣ. Видитъ онъ въ нихъ норманское и готское происхожденіе. Двѣнадцатый томъ записокъ ученаго эстонскаго общества при Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ (Verhandlungen der Gelehrten Estnischen Gesellschaft), вышедшій въ 1884 году, весь состоитъ изъ работъ Гревингка, причемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ приложенная къ тому, составленная К. И., Археологическая карта трехъ прибалтійскихъ губерній, съ объясненіемъ ея на 43 печатныхъ страницахъ.

Теорія корабельныхъ могилъ прибалтійскаго края, высказанная покойнымъ ученымъ въ самомъ началѣ 70 годовъ, была принята наукою, и только на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ въ 1887 г. профессоръ П. А. Висковатовъ высказалъ свое сомнѣніе относительно вѣрности теоріи этой, равно какъ и готскаго происхожденія могилъ.

Послѣднимъ трудомъ К. И. на поприщѣ археологіи было подробное описаніе предметовъ, найденныхъ проф. Висковатовымъ при раскопкахъ весьма интересной Тюрсельской могилы (близъ Нарвы). Почтенный ученый подвергаетъ подробному описанію найденные предметы, видитъ въ нихъ даже римское происхожденіе и относитъ нѣкоторые ко II вѣку нашей эры. К. И. и въ этомъ трудѣ твердо держится теоріи своей о корабельныхъ постройкахъ и готскомъ насе-

леніи. Скончался онъ 30 іюня 1887 года, не успѣвъ окончить раскопокъ Тюрсельской могилы, возобновленныхъ въ это же время (см. XIII томъ Verhandlungen der Estnischen Gesellschaft in Dorpat).

Трудолюбіе и осмотрительность профессора Гревингка въ археологическихъ трудахъ, причемъ не малое подспорье оказывали его обширныя геологическія и минералогическія свѣдѣнія, составляли всегда отличительную черту его научной дѣятельности и доставили ему право на почетное мѣсто въ ряду ученыхъ археологовъ.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества К. И. Гревингкъ былъ избранъ 31-го января 1867 г.

П. И. Лерхъ.

(1828 † 1884.)

Выдающійся оріенталистъ, ревностный дѣятель въ области русской археологіи, Петръ Ивановичъ Лерхъ родился въ 1828 году, въ Петербургѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ поступаетъ въ Петербургскій университетъ на Восточный факультетъ, и въ 1850 году кончаетъ курсъ съ званіемъ кандидата. Не прошло и года по окончаніи имъ курса, какъ онъ уже выступаетъ на учено-литературное поприще переводомъ нѣкоторыхъ персидскихъ поэтическихъ произведеній, именно, статьей подъ заглавіемъ «Семизвѣздіе на небѣ персидской поэзіи», напечатанной въ Библіотекѣ для Чтенія (февраль 1851 г., стр. 251—268). Въ теченіи послѣдующихъ пяти лѣтъ онъ исключительно занимается, крайне интересовавшимъ его, вопросомъ о Курдахъ, и только въ 1856 году появляется первая часть этого замѣчательнаго труда, подъ заглавіемъ: «Изслѣдованія объ Иранскихъ Курдахъ и ихъ предкахъ, сѣверныхъ Халдеяхъ», а въ 1857 и 1858 выходятъ и остальныя двѣ части. Эти «Изслѣдованія» сразу доставили ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, и Академія наукъ, въ томъ же 1856 г., отправила П. И. въ ученую командировку въ г. Рославль (Смоленской губ.) для собранія, у поселенныхъ тамъ военноплѣнныхъ Курдовъ, этнографическихъ и лингвистическихъ данныхъ, служащихъ къ разъясненію многихъ частныхъ вопросовъ относительно Курдскаго племени и языка и къ болѣе точному обозначенію мѣста, занимаемому этимъ языкомъ въ группѣ иранскихъ нарѣчій. Два года занимался онъ однимъ лишь этимъ вопросомъ, когда въ 1858 г. отправился, вмѣстѣ съ нашей Коммиссіей, въ Хиву и Бухару. Эта поѣздка сильно расширила кругъ его ученыхъ изысканій, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ заниматься всевозможными вопросами, касающимися Средне-азіатскихъ странъ и народовъ, ихъ лингвистическими и этнографическими особенностями и ихъ исторіей. Со вступленіемъ же, въ 1860 году, въ число членовъ русскаго Археологическаго Общества, кругъ этотъ еще болѣе расширился новымъ предметомъ его ученыхъ заня-

Н. Н. Мурзакевичъ.

(1806 † 1883.)

Николай Никифоровичъ Мурзакевичъ род. 21 апрѣля 1806 г. въ г. Смоленскѣ. Отецъ его былъ человѣкъ далеко не заурядный: не имѣя образованія и занимая дьяконское мѣсто въ соборѣ, онъ, при большой семьѣ, отсутствіи всякаго поощренія со стороны начальства и крайней бѣдности, находилъ не только возможность прочитать много книгъ историческаго содержанія, но и составилъ и напечаталъ исторію г. Смоленска, которая значительно улучшила его матеріальное благосостояніе, и за которую ему дали священническое мѣсто въ приходской церкви. Если вліяніе умнаго отца могло развить въ будущемъ археологѣ сильную волю и любовь къ научному труду, за то онъ мало испыталъ на себѣ умягчающее женское вліяніе, такъ какъ мать его умерла, когда ему было всего 6 лѣтъ отъ роду.

Н. Н. Мурзакевичъ, какъ видно изъ его «Записокъ», сохранилъ очень ясныя воспоминанія о 1812 годѣ, когда отецъ его все время оставался въ городѣ, охраняя церковное имущество, и много тяжелаго испыталъ сперва отъ французовъ, а потомъ отъ возвратившихся русскихъ, которые обвиняли его чуть не въ измѣнѣ. 11 лѣтъ отъ роду Николай Мурзакевичъ поступилъ въ Смоленскую семинарію, гдѣ оставался 8 лѣтъ, не оказывая особыхъ успѣховъ (не по неспособности, а по полному невниманію къ требованіямъ преподавателей и начальства). Въ 1825 г. онъ уволился изъ семинаріи и поѣхалъ въ Москву, въ университетъ. Немного знаній привезъ онъ съ собою; однакоже онъ показалъ на вступительномъ экзаменѣ такое основательное знакомство съ латынью и греческимъ, что ему извинили его невѣжество по математикѣ. Кромѣ того его подготовило къ университету чтеніе, хотя неправильное, но весьма обширное (такъ напр. еще въ среднемъ отдѣленіи семинаріи онъ прочелъ всего Ролленя, Анкетиля, Татищева, Щербатова и 27 томовъ всемірнаго путешественника аббата де Ла-Порта. (См.

Зап. стр. 33 и 34.) Онъ поступилъ на этикополитическое отдѣленіе философскаго факультета, слушалъ профессоровъ Мерзлякова, Каченовскаго, Сандунова, а въ послѣдній годъ и Погодина, и близко сошелся съ нѣсколькими товарищами. Онъ окончилъ курсъ въ 1828 году дѣйствительнымъ студентомъ, остался еще на годъ, чтобы добиться кандидатства, но увлекся веселымъ обществомъ и не достигъ цѣли. Побывавъ на родинѣ, Н. Н. нѣкоторое время занимался частнымъ преподаваніемъ, а весною 1830 года, по вызову своего университетскаго товарища, Кирьякова, отправился въ Одессу. Воспользовавшись связями того же Кирьякова, онъ поступилъ на службу по таможенному вѣдомству, но механическая, ничего общаго съ наукой не имѣющая работа скоро ему надоѣла, и въ 1831 г. онъ перешелъ на службу въ Ришельевскій Лицей, на должность учительскаго помощника. Лицей только недавно вступилъ въ русскій періодъ своего существованія и былъ еще въ переходномъ состояніи. Онъ заключалъ въ себѣ въ это время два почти независимыхъ и параллельныхъ учебныхъ заведенія: внѣшнее, для приходящихъ дѣтей разночинцевъ, и внутреннее, для пансіонеровъ изъ богатыхъ дворянъ. Н. Н. былъ сперва младшимъ преподавателемъ въ первой школѣ, но съ 1832 года онъ получилъ мѣсто надзирателя за внутренними воспитанниками и переселился въ Лицей, гдѣ, кромѣ квартиры и стола, получалъ 1200 рублей жалованья. Такимъ образомъ онъ былъ вполнѣ обезпеченъ въ дешевой тогда Одессѣ; но и работы ему было не мало: онъ давалъ 22 урока въ недѣлю и дежурилъ по 18 часовъ черезъ день. Тѣмъ не менѣе онъ находилъ время для научной работы.

Еще въ Смоленскѣ, безъ сомнѣнія, слѣдуя примѣру отца, онъ изучалъ, какъ могъ и умѣлъ, мѣстныя древности и даже началъ собирать старыя монеты. Классическая почва береговъ Понта Эвксинскаго и дружескія связи съ Кирьяковымъ дали новую пищу его юношеской страсти, и онъ сталъ чтеніемъ подготовлять себя къ изученію монументальныхъ остатковъ старины. Лѣтомъ 1833 г. Н. Н. совершилъ свою первую археологическую поѣздку по южной Россіи и съ Діономъ Хризостомомъ въ рукахъ, изслѣдовалъ мѣсто древней Ольвіи, гдѣ собралъ, какъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», «хорошую жатву, состоявшую изъ древнихъ амфоръ, лампадокъ, монетъ и разной мелочи». Эти ольвійскія монеты легли въ основу его коллекціи и его нумизматическихъ трудовъ.

Весною 1834 года, узнавъ о смерти своего отца, Н. Н. поѣхалъ въ Смоленскъ, получилъ небольшое наслѣдство и еще разъ,

Между тѣмъ Ришельевскій Лицей, вслѣдствіе послабленія начальства и бездѣятельности профессоровъ, которые держали «пансіонеровъ», давали частные уроки богатымъ студентамъ, а всѣ вечера проводили за картами, пришелъ въ такой упадокъ, что слухи объ этомъ дошли до Петербурга, и 7 декабря 1852 г. товарищъ министра просвѣщенія Норовъ произвелъ внезапную ревизію, вслѣдствіе которой директоръ Лицея былъ удаленъ, а мѣсто его было предложено Н. Н. и принято имъ. Директорство занимало почти все его время; однако же онъ и при этой хлопотливой должности средактировалъ III томъ Записокъ (вышелъ въ 1853 г.) и помѣстилъ въ немъ собственныхъ 13 статей и замѣтокъ. Высшее начальство было довольно его дѣятельностью въ Лицеѣ, судя по крайней мѣрѣ по тому, что въ 1854 г. ему была объявлена искренняя признательность министра просвѣщенія; тѣмъ не менѣе въ 1857 г. онъ подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ полной пенсіей послѣ 27 лѣтняго служенія Лицею.

Освободившись отъ службы и не имѣя семьи, Н. Н. могъ отдаться своей страсти къ путешествіямъ съ научною цѣлью. Не смотря на свои небольшія средства, «онъ посѣтилъ Константинополь, Іерусалимъ, Александрію, Каиръ и всходилъ на пирамиды; потомъ нѣсколько разъ былъ въ Вѣнѣ, въ Римѣ и Неаполѣ». Во время своихъ путешествій онъ велъ дневникъ, куда часто заносилъ и цѣнные научные факты; къ сожалѣнію этотъ дневникъ до сихъ поръ не отысканъ. Онъ участвовалъ въ трехъ археологическихъ съѣздахъ и, кромѣ вышеупомянутыхъ 3-хъ томовъ Записокъ Общества исторіи и древностей, редактировалъ еще девять. Въ 1875 г. онъ былъ избранъ вице-президентомъ Общества съ оставленіемъ редакторомъ «Записокъ» и директоромъ Музея. Онъ умеръ въ 1883 году 16-го октября, по возвращеніи изъ своего послѣдняго путешествія въ Крымъ.

О послѣднихъ годахъ его жизни мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство ближайшаго его въ это время сотрудника профессора В. Н. Юргевича, который въ 1875 г. смѣнилъ его въ должности секретаря общества, а послѣ его смерти и въ должности вице-президента. По его словамъ, Н. Н. «мало тратилъ на свои удовольствія и удобства жизни. Хорошій гастрономическій обѣдъ въ петербургской или сѣверной гостинницѣ, гдѣ онъ игралъ роль эксперта, и угощеніе по временамъ пріятеля составляли его главный расходъ. Одежда не свидѣтельствовала о его притязаніи на щегольство. Ваточное пальто защищало его достаточно отъ мороза, и, только когда пред-

стояла ему зимою поѣздка на сѣверъ, онъ бралъ иногда у знакомыхъ шубу. Реестръ его бѣлья былъ весьма коротенькій. Навѣстивъ его въ 1880 году, послѣ сдѣланной ему на ногѣ операціи, я узналъ, что у него имѣются только двѣ простыни, изъ коихъ одна половинная, такъ какъ другую ея половину, по словамъ его, обрѣзали по кускамъ служители.»

По словамъ своего біографа кн. В. Д. Дабижи, Н. Н. отличался сердечною добротою, честностью, прямотою убѣжденій и примѣрнымъ безкорыстіемъ. Крайне строгій къ себѣ, когда рѣчь шла объ исполненіи долга, онъ не менѣе былъ строгъ и въ отношеніи другихъ и требовалъ отъ каждаго точнаго исполненія лежащихъ на немъ обязанностей. Онъ не допускалъ никакихъ послабленій и сдѣлокъ въ нравственныхъ вопросахъ, твердо вѣря, что за всякою неправдою съ неумолимою строгостью должно слѣдовать возмездіе» ... «Въ Одессѣ не было человѣка, который бы не зналъ его — его тамъ называли просто Николай Никифоровичъ, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовью... Въ Одессѣ долго еще будетъ замѣтна его утрата — въ Обществѣ Исторіи и Древностей, гдѣ каждый предметъ говоритъ о немъ, и среди его друзей, любившихъ его веселую, безпритязательную бесѣду».

Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ Н. Н., считаемъ нужнымъ отмѣтить еще слѣдующія: 1) Переводъ Аррсанова Перипла Понта Эвксинскаго съ объяснительными примѣчаніями 1836 г. 2) Географическая карта древнихъ эллинскихъ поселеній при берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, 1836 г. 3) Поѣздка въ Крымъ въ 1836 г. (Журн. Мин. Нар. Просв.). 4) Статейный списокъ посланниковъ стольника В. Тяпкина и дьяка Зотова посольства въ Крымъ въ 1680 г. для заключенія Бахчисарайскаго договора, 1850 г. 5) Путеуказатель южнаго берега Крыма, 1866 г.

Но всего важнѣе его дѣятельность въ Запискахъ Общества, гдѣ число помѣщенныхъ имъ съ полной подписью статей и замѣтокъ достигаетъ почтенной цифры 128. Въ томъ числѣ находится много важныхъ документовъ по исторіи заселенія Новороссіи, которые безъ Н. Н. едва ли увидали бы свѣтъ.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Н. Н. Мурзакевичъ былъ избранъ 12 октября 1865 г.

Ф. К. Брунъ.

(1804 ÷ 1880.)

Филиппъ Карловичъ Брунъ родился 18 августа 1804 года въ Финляндскомъ городѣ Фридрихсгамѣ. По смерти отца, занимавшагося торговлей, Ф. Б. помѣщенъ былъ въ извѣстный въ Петербургѣ пансіонъ Муральта, которому онъ и обязанъ своимъ образованіемъ. Въ 1821 году поступилъ на философскій факультетъ Дерптскаго университета, гдѣ и окончилъ высшее образованіе со степенью кандидата въ 1825 году. Профессорами его были: Эверсъ, Рамбахъ, Парротъ, Перевощиковъ и Бартельсъ.

Свою служебную карьеру Ф. Б. началъ въ министерствѣ финансовъ. Но онъ скоро убѣдился, что призваніе его не канцелярская служба, и сталъ искать случая перемѣнить родъ дѣятельности. Подготовительной школой для него послужилъ полученный имъ въ 1825 году заграничный отпускъ. Проведя два съ половиной года внѣ Россіи, Ф. Б. побывалъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Гейдельбергѣ, Боннѣ и Парижѣ, слушалъ тамошнихъ профессоровъ и обогатился запасомъ свѣжихъ наблюденій. Часто онъ вспоминалъ о любезномъ пріемѣ и бесѣдѣ съ Гете въ Веймарѣ.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ своего путешествія по Европѣ Ф. Б. былъ назначенъ учителемъ нѣмецкаго языка въ Витебскую гимназію, а затѣмъ, въ 1832 году, перемѣщенъ въ Ришельевскій лицей въ Одессѣ съ званіемъ адъюнкта; черезъ четыре года былъ назначенъ въ экстраординарнаго профессора. Читая въ лицеѣ государственныя науки, Ф. Б. сначала посвящалъ преимущественное вниманіе политической экономіи и статистикѣ; его перу принадлежитъ нѣсколько изслѣдованій въ этой области. Поворотный пунктъ въ его ученой дѣятельности обозначается временемъ вступленія его въ число членовъ Одесскаго общества исторіи и древностей, учрежденнаго въ [illegible] году. Ф. Б. былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ этого общества; работы его по археологіи и исторической географіи, [illegible] частью по порученію общества, частью [illegible] Ф. Б. почетную [illegible] между учеными [illegible] Брунъ [illegible] библіографическаго содержанія. Ф. Б. помѣщалъ въ первыхъ томахъ Записокъ Общества [illegible] вый-

денной въ селѣ Коротномъ на берегу Днѣстра. Это изслѣдованіе окончательно опредѣлило характеръ дѣятельности Ф. К.

Въ 1854 году оканчивалось двадцатипятилѣтіе службы Ф. К., и онъ долженъ былъ выдти въ отставку изъ лицея. Незначительная пенсія не давала ему возможности содержать многочисленную семью, почему Ф. К. сталъ заниматься преподаваніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и частными уроками. Но это не отклонило его отъ археологическихъ работъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, научная его дѣятельность, замѣченная уже заграничными учеными, обратила на себя вниманіе петербургскихъ ученыхъ учрежденій. Результаты его изслѣдованій стали появляться въ Запискахъ Академіи Наукъ, вызывая лестныя отзывы. Археологическая коммиссія предложила ему провѣрить разысканіями на мѣстѣ показанія Геродота о Скиѳіи. Работа о Геродотовой Скиѳіи должна быть названа однимъ изъ значительнѣйшихъ трудовъ Ф. К. Въ 1866 году Ф. К. приглашенъ былъ въ Новороссійскій университетъ для преподаванія всеобщей исторіи. Черезъ четыре года совѣтъ университета поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго доктора всеобщей исторіи. Въ качествѣ профессора университета, Ф. К. читалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ, по исторіи географическихъ открытій до конца XVIII вѣка, исторію древнихъ народовъ Востока, наконецъ о народахъ, обитавшихъ на югѣ Россіи до славянъ.

. За выслугой 30 лѣтъ, съ 1871 года Ф. К. ежегодно приглашаемъ былъ для чтенія лекцій въ университетѣ въ качествѣ сторонняго преподавателя, съ содержаніемъ экстраординарнаго профессора, и не смотря на немолодые годы свои, до самой смерти, оставался свѣжимъ, дѣятельнымъ и полезнымъ профессоромъ. Онъ участвовалъ, въ качествѣ депутата отъ Новороссійскаго университета, въ занятіяхъ Перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, въ 1872 году предпринималъ поѣздку въ Ольвію во время производства тамъ раскопокъ В. Г. Тизенгаузеномъ, въ 1874 году совершилъ путешествіе на Кавказъ для изслѣдованія восточнаго берега Чернаго моря, въ томъ же году былъ на Третьемъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, въ 1876 году предпринималъ путешествіе за границу, а черезъ годъ въ Казань на Археологическій Съѣздъ.

Не смотря на глубокую старость, Ф. К. продолжалъ неутомимо работать. Въ 1877 году онъ издалъ переводъ сочиненія Иречка «Исторія Болгаріи», затѣмъ принялся за пересмотръ и переработку нѣкоторыхъ прежнихъ своихъ сочиненій, съ цѣлью переиздать ихъ отдѣльной книгой. Рукопись перваго тома «Черноморы» представлена

была въ Академію Наукъ и увѣнчана Уваровской преміей. Въ ноябрѣ 1879 года Ф. К. заболѣлъ бронхитомъ, лѣтомъ 1880 года, по настояніямъ докторовъ, отправился въ мѣстечко Славуту, Волынской губерніи, гдѣ и скончался 4 іюня.

Почти пятидесятилѣтняя ученая дѣятельность Ф. К. Бруна была посвящена главнымъ образомъ южно-русскому краю, который въ немъ имѣетъ самаго неутомимаго и ревностнаго изслѣдователя своихъ прошедшихъ судебъ. Въ чемъ Ф. К. не имѣетъ себѣ соперниковъ и въ чемъ заключается его общепризнанная слава перваго знатока, это южно-русская географія. Большинство его сочиненій и статей должно быть отнесено къ этому отдѣлу. Вторую группу составляютъ статьи по исторіи и археологіи; наконецъ третью — критическія замѣчанія или комментаріи къ писателямъ и путешественникамъ, имъ изданнымъ или объясненнымъ и, во всякомъ случаѣ, выведеннымъ изъ забвенія.

Рядъ изслѣдованій, предпринятыхъ Ф. К. въ области средневѣковой исторической географіи, вызванъ былъ настоятельною потребностью. Берега Чернаго моря были театромъ важныхъ историческихъ событій не только въ древности, но и въ средніе вѣка. Но въ то время, какъ для древности мы имѣемъ сочиненія Геродота и Страбона, для среднихъ вѣковъ не отыскивалось равнозначительныхъ свидѣтельствъ. Между тѣмъ нашего ученаго географа привлекали къ себѣ именно заброшенные въ наукѣ вопросы, въ которыхъ ему приходилось прокладывать дорогу. Талантъ его свидѣтельствуется не только постановкой научныхъ вопросовъ, но и методомъ въ обработкѣ ихъ. Морскія карты XIV и XV вѣковъ, составленныя торговыми людьми итальянскаго происхожденія, заключаютъ въ себѣ богатый источникъ для исторической географіи. Но воспользоваться ими и извлечь изъ нихъ нужный матеріалъ весьма не легко, въ виду совершенной неясности географической номенклатуры. Смѣло можно сказать что воспользоваться картами для разрѣшенія вопросовъ средневѣковой географіи могъ только талантливый и опытный изслѣдователь. Какого успѣха достигъ Ф. К., показываетъ то обстоятельство, что послѣдняя, болѣе полная и научная, карта береговъ Чернаго моря составлена на основаніи его статей (Атласъ Шпрунера). Безъ изслѣдованій Ф. К. нельзя трогать ни одного вопроса, относящагося къ географіи южнаго края.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Ф. К. Брунъ былъ избранъ 25-го февраля 1869 г.

Епископъ Порфирій Успенскій.

(1804 † 1885.)

Преосвященный Порфирій (въ мірѣ Константинъ Александровичъ) Успенскій происходилъ изъ духовнаго званія и родился въ Костромской губерніи въ 1804 году. Окончивъ курсъ ученія въ Костромской же духовной семинаріи въ 1824 году, онъ поступилъ было на должность учителя въ Макарьевское духовное училище той же губерніи, но жажда знанія влекла его въ С.-Петербургскую духовную академію, куда онъ поступилъ въ 1825-мъ и гдѣ окончилъ курсъ наукъ въ 1829 году со степенью старшаго кандидата и съ правомъ полученія степени магистра богословія по истеченіи года училищной службы. Въ томъ же году, онъ постриженъ былъ въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха, съ опредѣленіемъ на должность законоучителя во 2-й кадетскій корпусъ въ Петербургѣ. Пробывъ на этой должности два года (1829—1831) и получивъ въ теченіе ихъ степень магистра (въ 1830 г.), онъ перемѣщенъ былъ на ту же должность въ Одесскій Ришельевскій лицей, гдѣ прослужилъ семь лѣтъ (1831—1838 гг.), въ продолженіе которыхъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита съ назначеніемъ на должность настоятеля Одесскаго Успенскаго монастыря (въ 1834 г.), а съ преобразованіемъ лицея въ 1837 году, переименованъ былъ въ профессора богословія и въ томъ же году назначенъ членомъ Херсонской духовной Консисторіи. Въ 1838—1840 годахъ мы видимъ о. Порфирія уже на высшей должности ректора Одесской духовной семинаріи. Но 1840-мъ годомъ и окончилась нѣсколько осѣдлая жизнь о. Порфирія, и этимъ же годомъ начались его долговременныя и далекія странствованія. Въ 1840 году о. Порфирій, по перечисленіи изъ духовно-учебнаго вѣдомства въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, опредѣленъ былъ настоятелемъ посольской церкви въ Вѣнѣ и вскорѣ за тѣмъ (въ томъ же 1840 г.) командированъ въ Іерусалимъ, а потомъ (въ 1845 г.) на Синай и Аѳонъ, для ознакомленія съ нуждами тамошнихъ православныхъ христіанъ и монастырей, а также и для собиранія археологическихъ свѣдѣній о востокѣ христіанскомъ. Такимъ образомъ, онъ сразу введенъ былъ, такъ сказать, въ самое святилище христіанскихъ древностей, и съ тѣхъ поръ изученіе христіанскаго востока въ историко-археологическомъ отношеніи сдѣлалось главною цѣлію всей его дальнѣйшей

жизни и главнымъ предметомъ для изслѣдованій и сочиненій покойнаго. Плодами его изслѣдованій уже за показанное время были нѣсколько трудовъ, напечатанные въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1847—1855 годы. Въ виду знакомства о. Порфирія съ христіанскимъ востокомъ, Правительство Русское назначило его начальникомъ духовной миссіи въ Іерусалимѣ въ 1847 году, и онъ пробылъ на этомъ высокомъ и, во многихъ отношеніяхъ, весьма важномъ постѣ до 1855 года, переживъ, такимъ образомъ, особенно трудныя времена разрѣшенія восточнаго вопроса Крымскою войной. Это же время для самого о. Порфирія, въ научномъ отношеніи, было временемъ самой обильной жатвы, собиранія историко-археологическихъ свѣдѣній и матеріаловъ весьма драгоцѣнныхъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно пополняли и освѣщали добытые имъ раньше матеріалы и свѣдѣнія, теперь обогащенные благодаря новымъ путешествіямъ, предпринятымъ и съ прежнимъ успѣхомъ совершеннымъ о. Порфиріемъ за это время. Нужно было только разобраться во всѣхъ добытыхъ матеріалахъ и съютить собранныя свѣдѣнія. Къ этому представился самый удобный случай, когда въ 1855 году о. Порфирій былъ возвращенъ въ Петербургъ изъ своей командировки на Востокъ и водворенъ былъ на жительство въ Александро-Невской Лаврѣ, въ качествѣ Синодальнаго архимандрита. Здѣсь-то онъ обработалъ и издалъ въ свѣтъ свои извѣстные и объемистые труды, относящіеся къ 56 и 57 г. Сюда относятся: *Первое* (въ 1845-мъ) и *Второе путешествіе въ Синайскій монастырь* (въ 1850 году); *Путешествіе по Египту* (въ 50 г.); *Вѣроученіе, богослуженіе, и пр., египетскихъ христіанъ* (*Коптовъ*) и др.

Но не долго отдохнулъ въ отечествѣ и на одномъ мѣстѣ о. Порфирій, хотя, судя уже по одному изданному въ свѣтъ лишь за эти два года, онъ и въ это время не столько отдыхалъ, сколько трудился. Еще не успѣлъ онъ обработать для печати и издать многаго изъ прежде собраннаго, какъ его вновь командировали на Востокъ, гдѣ онъ пробылъ, по большей части все странствуя, съ 1858-го по 1861 годъ. Плодами этого новаго странствованія, конечно еще болѣе умножившаго прежнія знанія о. Порфирія, были статьи болѣе или менѣе крупныя, отчасти тѣсно примыкавшія къ прежнимъ его работамъ, изслѣдованія и изданія, обработанныя для печати также въ Александро-Невской Лаврѣ, гдѣ о. Порфирій, по прежнему, имѣлъ пребываніе по возвращеніи изъ путешествія на Востокъ.

Въ 1865 году о. Порфирій былъ хиротонисанъ во епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской митрополіи, съ назначеніемъ въ на-

стоятели первокласснаго Кіево-Михайловскаго монастыря, и пробылъ въ этомъ званіи до конца 1877 года. Здѣсь опять слѣдуетъ цѣлый рядъ новыхъ историко-археологическихъ, болѣе или менѣе обширныхъ, статей и изслѣдованій, помѣщенныхъ исключительно въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи* за 1865 и дальнѣйшіе годы, равно какъ и отдѣльныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ по объему изданій, вышедшихъ въ Кіевѣ. Эти статьи, изслѣдованія и отдѣльныя изданія, которыя по большей части представляли собою обработку раньше добытыхъ матеріаловъ, соприкасаясь, потому, иногда опять съ прежними работами, не смотря на недостатокъ досуга для ихъ обработки и выпуска въ свѣтъ по причинѣ занятій епархіальными дѣлами, также многочисленны.

Въ 1868 году появился въ печати 1-й томъ книгъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта въ русскомъ переводѣ, издаваемыхъ по благословенію св. Синода. Въ дальнѣйшіе годы затѣмъ послѣдовали 2, 3 и 4-й томы того же изданія. Послѣдній (4-й) томъ этого изданія, содержащій книги Пророческія, съ нѣкоторыми неканоническими книгами Ветхаго Завѣта, вышелъ въ 1875 году. Переводъ этотъ сдѣланъ былъ съ еврейскаго языка, съ принятіемъ во вниманіе, впрочемъ, и греческаго перевода LXX Толковниковъ, пользовавшагося и доселѣ пользующагося величайшимъ уваженіемъ и весьма широкимъ употребленіемъ въ греко-восточной Церкви. Въ виду такого уваженія и употребленія перевода LXX въ греческой Церкви, и въ нашей русской Церкви, многіе, и въ числѣ ихъ даже нѣкоторые почтенные члены церковной іерархіи, при возникновеніи вопроса о переводѣ Библіи на русскій языкъ, въ 1856 году, стояли за то, чтобы книги Ветхаго Завѣта переводить не съ еврейскаго подлинника, а съ греческаго перевода LXX. Въ числѣ таковыхъ членовъ нашей іерархіи былъ и преосвященный Порфирій, который потому и предложилъ, съ своей стороны, образцы перевода св. книгъ В. Завѣта на русскій языкъ *съ греческаго перевода 72 толковниковъ*. Эти *образцы* онъ помѣщалъ также въ *Трудахъ Кіевской Духовной академіи* и, въ соотвѣтствіе синодскому изданію за 1869 и 1873—1875 годы, помѣстилъ въ нихъ свои переводы книгъ: *Бытія* (1869 № 2), *Псалтири* (№ 4), *Притчей* (№ 5), *Пѣсни Пѣсней* (№ 6), *Четырехъ книгъ Маккавейскихъ* (1873 №№ 3, 9 и 11) и проч. Между тѣмъ, въ то же время онъ продолжалъ и прежніе свои труды и изслѣдованія, каковы: *Состояніе апостольской, православно-каѳолической церкви Египетской въ первой половинѣ XIX вѣка* (тамъ же, 1868 №№ 5, 10 и 11); *Востокъ Христіанскій: Бого-*

служеніе Абиссиновъ; *Исторія Аѳона* (тамъ же, 1871 №№ 6, 8, 9 и 11; 1872 № 6; 1873 №№ 1, 2, 4 и 6; это обширное изслѣдованіе въ 1877 году въ Кіевѣ же вышло отдѣльнымъ изданіемъ въ трехъ частяхъ.) и проч.

Съ начала 1878 года и до конца своей жизни, преосв. Порфирій провелъ въ Москвѣ въ званіи члена Московской Синодальной Конторы и управляющаго Московскимъ Новоспасскимъ монастыремъ, занимая въ послѣднемъ тѣ покои, въ которыхъ нѣкогда жилъ патріархъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Это было уже время удаленія 73-лѣтняго старца-епископа на такъ называемый покой. Но не хотѣлъ еще упокоиться живой, дѣятельный духъ старца. И на покоѣ преосв. Порфирій продолжалъ трудиться надъ изданіемъ въ свѣтъ произведеній своего ума, частію вновь разрабатывая и разрѣшая нѣкоторые вопросы новаго времени, а главнымъ образомъ продолжая обнародывать добытое имъ въ прежнихъ странствованіяхъ его по Востоку и отчасти собирать разсѣянное по разнымъ періодическимъ изданіямъ изъ напечатаннаго раньше. Теперь онъ печаталъ свои труды и изслѣдованія въ Москвѣ, такъ что и напечатанная въ 1878 году въ С.-Петербургѣ первымъ изданіемъ: *Исповѣдь кающагося грѣшника*, 2-мъ изданіемъ является уже въ Москвѣ въ 1879 году. Слѣдующіе труды преосв. Порфирія, напечатаные въ Москвѣ, появлялись въ *Чтеніяхъ въ Общ. Люб. Дух. Просв.* и относятся къ 1879—84 гг.

Не смотря, однако, на множество изданнаго въ свѣтъ изъ написаннаго преосв. Порфиріемъ, на долгую трудолюбивую жизнь, отъ него много осталось и неизданнаго. Самъ 80-лѣтній старецъ-епископъ, достигнувъ этого, предѣла своей жизни, въ виду близости кончины, озаботился тѣмъ, чтобы собранныя имъ въ его многолѣтнихъ странствованіяхъ сокровища и добытыя свѣдѣнія не оставались втунѣ, а приносили пользу Отечеству и наукѣ. Онъ завѣщалъ, чтобы по кончинѣ его 1) библіотека его, состоящая изъ семи тысячъ слишкомъ книгъ была передана въ распоряженіе св. Синода (впрочемъ подъ условіемъ, если не будетъ куплена Якутскимъ преосвященнымъ); 2) собраніе древнихъ иконъ восточныхъ и разныя Іерусалимскія издѣлія переданы были въ Археологическое Общество при Кіевской духовной академіи и 3) капиталъ въ 24 тысячи рублей переданъ былъ Императорской Академіи Наукъ на тотъ конецъ, чтобы на проценты съ этого капитала Академія постепенно печатала оставшіяся еще не изданными его сочиненія, а именно: окончаніе *Исторіи Аѳона* въ двухъ частяхъ; *Юридическіе акты Аѳонскихъ монасты-*

рей; Греческія, латинскія и славянскія надписи на зданіяхъ и вещахъ тамъ же и пр., наконецъ *Автобіографію* его, начиная съ 1841 года и по 1885 годъ. Богатое рѣдкими экземплярами собраніе рукописей церковно-славянскихъ и русскихъ, греческихъ, арабскихъ, сирійскихъ, эѳіопскихъ, грузинскихъ и другихъ, принадлежавшее преосв. Порфирію, еще въ 1883 году пріобрѣтено у него покупкою для Императорской Публичной Библіотеки и такимъ образомъ, къ счастію, осталось въ Россіи, а не за границею, куда перешли уже многія рѣдкости русскихъ людей. Преосв. Порфирію также было много весьма выгодныхъ въ денежномъ отношеніи предложеній изъ-за-границы съ цѣлію пріобрѣсти отъ него это собраніе; но любя отечество, онъ предпочелъ лучше удовольствоваться скромнымъ за него вознагражденіемъ (въ 15 тысячъ рублей), нежели передавать его въ чужія руки. Да и во всей жизни и дѣятельности преосв. Порфирія ясно проглядываетъ особенная любовь къ отечеству вмѣстѣ съ любовію къ православной греко-россійской восточной Церкви.—Имѣвшіе возможность вести съ нимъ бесѣду,—говорится въ рѣчи преосв. Іоанна,—замѣчали, безъ сомнѣнія, что познанія его были, можно сказать, универсальны. Онъ зналъ физику, и медицину, и архитектуру, и языки: греческій, итальянскій, французскій, нѣмецкій и другіе, и церковную археологію, и древности всеобщей исторіи гражданской. Благодаря его обширнымъ познаніямъ, умноженнымъ странствованіями, а равно и множеству его сочиненій, различныя ученыя Общества и учрежденія, духовныя и свѣтскія, спѣшили избрать его въ дѣйствительные и почетные свои члены, а Московскій Университетъ, въ 1869 году, поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго доктора еллинской словесности. Избранный, уже на закатѣ дней своей жизни, (въ 1879 г.), въ дѣйствительные члены Московскаго Археологическаго Общества, преосв. Порфирій не могъ, конечно, много принимать участія въ трудахъ этого Общества. Только дважды онъ относился въ Общество по случаю предположенія о возобновленіи и исправленіи иконостасовъ въ двухъ церквахъ управляемаго имъ Новоспасскаго монастыря. Это было въ 1881 году. Но Общество всегда цѣнило его историко-археологическіе труды. Особенно много потрудился онъ, какъ намъ извѣстно, по части исторіи Аѳона. И въ этомъ отношеніи «приснопамятному Порфирію Успенскому,—скажемъ словами глубокаго знатока дѣла Г. С. Дестуниса,—принадлежитъ первенство надъ всѣми знатоками Аѳона, прошедшими и настоящими, греческими, русскими и иностранными».

Макарій Булгаковъ, Митрополитъ Московскій.

(1816 † 1882.)

Преосв. Макарій (въ мірѣ Михаилъ Петровичъ) Булгаковъ былъ сынъ священника изъ Курской губерніи и родился 19 сентября 1816 года. Съ дѣтства очень хилый здоровьемъ, болѣзненный, онъ и въ умственномъ отношеніи былъ сначала слабъ, и поступивъ послѣ смерти отца въ духовное училище, оказывалъ весьма незначительные успѣхи въ ученіи. Но потомъ, въ училищѣ же, одно совершенно, повидимому, случайное обстоятельство, о которомъ онъ самъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, измѣнило все къ лучшему. Брошенный кѣмъ-то изъ его товарищей — шалуновъ камень, значительной величины, попалъ ему въ голову. Сильное нервное потрясеніе, въ связи съ кровотеченіемъ изъ раны, произведенной ударомъ камня, имѣло послѣдствіемъ своимъ полный переворотъ въ его организмѣ и въ духовномъ строѣ его жизни. Изъ болѣзненнаго (золотушнаго), вялаго ребенка онъ сдѣлался живымъ, бойкимъ, воспріимчивымъ, хотя и скромнымъ, и уже въ семинарію перешелъ въ числѣ самыхъ лучшихъ учениковъ, а въ семинаріи скоро занялъ первое мѣсто. По окончаніи ученія въ семинаріи онъ, какъ лучшій ученикъ, въ 1837 году поступилъ въ Кіевскую Академію, гдѣ также шелъ въ числѣ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ. Ректоромъ Кіевской академіи въ то время былъ знаменитый Иннокентій Борисовъ, впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій, который имѣлъ особенный даръ воодушевлять воспитанниковъ къ ревностному занятію науками и искусно руководилъ ихъ научными занятіями. Подъ его руководствомъ М. П. ревностно занимался всѣми науками академическаго курса; но уже тогда особенно полюбилъ историческія науки и изслѣдованія. Для полученія ученой степени магистра богословія, онъ избралъ предметомъ изслѣдованія *Исторію Кіевской Академіи*, и такъ какъ этотъ предметъ не былъ строго богословскимъ, то въ дополненіи къ тому онъ еще долженъ былъ написать *Планъ аскетики*. Занимаясь послѣднимъ, онъ, какъ бы въ подтвержденіе своихъ убѣжденій и мыслей на

дѣлѣ, въ теченіе послѣдняго года ученія въ академіи, когда обыкновенно пишутся курсовыя сочиненія на ученую степень, принялъ монашество (15 февраля 1841 г.), съ именемъ Макарія. Оба помянутыя сочиненія конференціею академіи были удостоены искомой степени и авторъ ихъ поставленъ вторымъ, по списку, магистромъ. Сверхъ того, св. Синодъ поручилъ вел. Св. Моск. Филарету сдѣлать свой отзывъ о сочиненіяхъ Макарія. Отзывъ оказался въ пользу послѣдняго и, благодаря этому, св. Синодъ утвердилъ рѣшеніе академической конференціи относительно судьбы о. Макарія по завершенію его воспитанія, вслѣдъ за которымъ для молодаго инока должна была начаться самостоятельная жизнь и дѣятельность. Эту жизнь и дѣятельность, начавшуюся съ 1841 года и продолжавшуюся слишкомъ сорокъ лѣтъ, въ ея направленіи, какъ бы уже опредѣлили тѣ предметы, которыми занимался о. Макарій на послѣднемъ году въ академіи, со всѣмъ пыломъ юношеской любви, и которые уже извѣстны намъ. Историческія изслѣдованія, въ связи съ аскетизмомъ въ жизни и аскетическою же строгостью въ направленіи мысли и самоотверженностію въ дѣятельности, сдѣлались любимою областію, въ которой работала съ тѣхъ поръ мысль и отдыхало сердце о. Макарія, талантливость, трудолюбіе и аккуратность котораго рано были замѣчены ближайшимъ его начальствомъ, равно какъ и его любовь къ историческимъ наукамъ. Въ виду всего этого онъ, прямо по окончаніи курса въ академіи, былъ оставленъ при ней въ званіи баккалавра по каѳедрѣ русской церковной и гражданской исторіи. Но лишь около года пришлось ему послужить въ родной для него академіи и преподавать любимый предметъ, по которому онъ и за столь короткое время успѣлъ сдѣлать многое, что̀ послѣ и напечаталъ. 12—26 іюля 1842 года онъ перемѣщенъ былъ въ С.-Петербургскую духовную академію, которая считалась образцовою, на каѳедру богословскихъ наукъ, въ видахъ повышенія по службѣ (преподавалъ онъ здѣсь именно догматическое богословіе). Его личныя достоинства и отличное служеніе по занимаемымъ должностямъ обращали на себя вниманіе начальства и условливали собою быстроту его движенія по службѣ. Уже въ концѣ 1843 года онъ былъ удостоенъ званія экстраординарнаго, а въ 1844 году и ординарнаго профессора. Въ томъ же, 1844 году, онъ опредѣленъ былъ инспекторомъ Академіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1847 году, «во уваженіе обширныхъ свѣдѣній въ предметахъ богословскихъ, равно ученыхъ трудовъ и особенно изданнаго имъ въ томъ году сочиненія подъ заглавіемъ: *Введеніе въ православное*

богословіе, возведенъ на степень доктора богословія». Въ концѣ 1850 года опредѣленъ ректоромъ С.-Петербургской академіи, а въ началѣ 1851 года назначенъ епископомъ Винницкимъ, викаріемъ Каменецъ-Подольской епархіи, съ оставленіемъ въ должности ректора академіи и въ прочихъ званіяхъ и должностяхъ, къ числу которыхъ, между прочимъ, съ 1853 года присоединилось еще преподаваніе исторіи и статистики и опровержёніе главнѣйшихъ заблужденій русскаго раскола въ миссіонерскомъ отдѣленіи при ввѣренной его управленію академіи. И только уже въ 1857 году онъ былъ назначенъ на самостоятельную епископскую каѳедру, въ Тамбовъ, и потому долженъ былъ удалиться изъ Петербурга. Такимъ образомъ, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ пробылъ преосв. Макарій при С.-Петербургской духовной академіи. Это, по его собственнымъ словамъ, былъ «самый счастливый и полный очаровательныхъ симпатій души къ научной профессіи» періодъ его жизни. Это же было самымъ лучшимъ для него, во всѣхъ отношеніяхъ, временемъ учено-литературной дѣятельности. При томъ обиліи научныхъ пособій, какое представлялъ для него Петербургъ съ его богатыми библіотеками, съ его учеными силами и т. д., эта дѣятельность была изумительно плодотворна. Въ силу полученной еще въ Кіевской духовной академіи любви къ историческимъ, по преимуществу, изслѣдованіямъ и въ виду множества употребленныхъ уже тамъ трудовъ на эти изслѣдованія, таковая дѣятельность прежде всего и болѣе всего обратилась на обработку того, что заготовлено было по этой части въ Кіевѣ. Такъ явились въ печати слѣдующія отдѣльныя сочиненія и статьи преосв. Макарія: *Исторія Кіевской духовной академіи*. Спб. 1843 г. Объ этомъ первомъ печатномъ трудѣ преосв. Макарія, вскорѣ же послѣ его появленія въ свѣтъ, въ періодической печати высказаны были лестные отзывы, причемъ, кромѣ систематичности, изящества изложенія и другихъ качествъ труда, отмѣчено было и то, что «авторъ съ полнымъ усердіемъ и искусствомъ воспользовался находящимися у него подъ руками матеріалами, для которыхъ обильнѣйшими источниками служили древнія рукописи, хранящіяся въ библіотекахъ Кіево-печерской Лавры и Кіево-Софійскаго собора. *Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію Русской Церкви*. Спб. 1846. (Изд. Спб. 1868). Этотъ капитальтальный трудъ, который тогда же академикъ Куникъ въ своей рецензіи призналъ «рѣдкимъ явленіемъ въ области литературы отечественной исторіи» и за поднесеніе котораго Государю Императору сочинителю его объявлена Высочайшая благодарность, уже прямо

былъ названъ отъ автора введеніемъ въ полную исторію Русской церкви. Перерывъ въ появленіи историческихъ работъ Макарія въ печати за 1851 и 1852 годы объясняется, кромѣ выше упомянутыхъ обстоятельствъ, еще хиротоніею его во епископа въ 1851 году и осложненіемъ чрезъ то его обязанностей, а также изданіемъ капитальнаго труда: *Богословія*. При всемъ томъ, уже въ концѣ 1852 года, преосв. Макарій приготовилъ къ печати, а въ началѣ 1853 года и издалъ, спеціально археологическій трудъ: *Обозрѣніе священныхъ древностей, находящихся въ Свято-Троицкой Александро-Невской Лаврѣ* (Христ. Чтен. 1853, I). Далѣе, занимаясь исторіею и обличеніемъ раскола въ миссіонерскомъ отдѣленіи, онъ также не хотѣлъ оставить безъ обнародованія своихъ усиленныхъ и кропотливыхъ, а между тѣмъ и весьма полезныхъ работъ по этой части. Такимъ-то образомъ появилась его *Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества*. Спб. 1855. Это замѣчательный трудъ, о которомъ лестные отзывы даны были, не говоря о многихъ другихъ, даже со стороны такихъ лицъ, какъ святитель Московскій Филаретъ, академикъ И. И. Давыдовъ и др. Между тѣмъ преосв. Макарій не переставалъ издавать и спеціально церковно-историческіе свои труды и различные памятники изъ русской церковной исторіи. Наконецъ, въ 1857 году, появилась давно ожиданная и весьма желанная *Исторія Русской Церкви*. XI т. Спб. 1857—82. Томъ XII изданъ по смерти автора братомъ его, протоіереемъ А. П. Булгаковымъ, въ Спб. 1888. Исторія эта, доведенная лишь до временъ патріарха Никона (исторія Никона не окончена), при самомъ первомъ своемъ появленіи возбудила всеобщій и живѣйшій интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самые лестные отзывы печати сопровождали появленіе едвали не каждаго тома, каждаго изданія того или другого тома *Исторіи* преосв. Макарія. Эти отзывы были, конечно, разнообразны; но всѣ они сходились въ томъ, что трудъ преосв. Макарія отличается обиліемъ историческаго матеріала, полнотою и обширностію свѣдѣній автора, многими новыми открытіями въ изслѣдуемой области, искусствомъ строго систематически располагать историческій матеріалъ и вести историческій разсказъ, излагать же событія — наглядно, отчетливо, языкомъ яснымъ, легкимъ, живымъ и изящнымъ. Въ отношеніи къ источникамъ, при указаніи на нихъ и выпискахъ изъ нихъ, авторъ также заслужилъ полное одобреніе со стороны знатоковъ исторической науки, какъ историкъ въ высшей степени добросовѣстный и чрезвычайно внимательный къ дѣлу. Не даромъ ему за этотъ трудъ

отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ 1869 году поднесенъ былъ дипломъ на степень доктора русской исторіи. Какъ историка главнымъ образомъ, и Императорское Московское Археологическое Общество, въ 1867 году, избрало его въ свои дѣйствительные члены.

Но кромѣ этихъ историческихъ трудовъ преосв. Макарія, за тотъ же періодъ, онъ много работалъ и въ другихъ областяхъ науки. И прежде всего, какъ лицо духовное, онъ и по обязанности и по собственному побужденію, сочинилъ и произнесъ не мало проповѣдей на разные случаи, и многія изъ этихъ проповѣдей были напечатаны. Но болѣе важныя, въ научномъ отношеніи, работы преосв. Макарія относились къ предмету каѳедры, которую онъ занималъ въ Петербургской Академіи, т. е. къ богословію догматическому. Работать ему въ этомъ отношеніи пришлось очень много и притомъ, начиная съ самаго времени прибытія его въ Петербургъ, главнымъ образомъ, въ силу побужденій со стороны начальства. Въ этой области капитальное значеніе имѣютъ два труда: *Введеніе въ Православное Богословіе* и *Православное Догматическое Богословіе*. Эти сочиненія были по достоинству оцѣнены. Особенно важенъ отзывъ преосв. Иннокентія Борисова о послѣднемъ трудѣ, представленномъ въ Академію Наукъ по случаю соисканія за него Демидовской преміи.

Съ глубокою скорбію преосв. Макарій въ 1857 году покинулъ С.-Петербургскую Академію для самостоятельной епископской каѳедры въ Тамбовѣ, полагая, что тогда уже настал҃ъ конецъ его ученымъ и особенно любимымъ историческимъ работамъ. Но скорбь его была непродолжительна. Чрезъ два года (въ 1859 г.) онъ переведенъ былъ въ университетскій городъ Харьковъ, гдѣ въ 1862 г. возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1868 году назначенъ, на мѣсто знаменитаго митрополита Іосифа Сѣмашко, архіепископомъ Литовскимъ, а въ 1879 году — митрополитомъ Московскимъ.

Такъ почти всю жизнь свою трудился, и весьма много трудился для науки, особенно церковно-исторической, преосв. Макарій, не смотря на хилость здоровья, не смотря на множество административныхъ, педагогическихъ, епархіальныхъ и другихъ занятій. Въ виду этой, столь плодотворной дѣятельности почившаго святителя, едва не всѣ ученыя общества и учрежденія считали за честь имѣть его въ числѣ своихъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ, начиная съ Академіи Наукъ, ординарнымъ академикомъ которой по отдѣленію русскаго языка и словесности онъ состоялъ съ 1854 года.

Учено-литературная дѣятельность преосв. Макарія, какъ было видно, вращалась главнымъ образомъ, въ области Русской церковной исторіи, и въ этомъ отношеніи, онъ по справедливости сопоставляется, съ одной стороны съ Н. М. Карамзинымъ, а съ другой—съ С. М. Соловьевымъ—историками русскаго государства. Но историкъ не можетъ не быть вмѣстѣ и археологомъ, также какъ и наоборотъ, археологъ, въ извѣстной степени долженъ быть историкомъ, долженъ одухотворять вещественное отысканіемъ и установленіемъ историческихъ законовъ существованія послѣдняго, указаніемъ и разъясненіемъ его историческаго значенія и т. д. Преосв. Макарій есть именно такой историкъ-археологъ и въ своихъ историческихъ трудахъ даетъ многочисленныя доказательства своего глубокаго и яснаго пониманія важнаго значенія археологіи какъ самой въ себѣ, такъ и особенно для исторіи. Въ *отчетѣ о состояніи и дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества* за 1882—1883 годъ покойнымъ секретаремъ Общества И. Д. Мансветовымъ, уже указано было на археологическую, собственно, сторону въ *Исторіи Русской церкви* преосв. Макарія, равно какъ и на сочувствіе и содѣйствіе послѣдняго Археологическому Обществу въ его заботахъ о сохраненіи древнихъ памятниковъ нашей церковной архитектуры. Мы къ этому добавили бы еще указаніе не только на вышеупомянутый спеціально-археологическій трактатъ преосв. Макарія о *древностяхъ Спб. Александровской Лавры*, но и на археологическія стихіи въ сочиненіяхъ его не историческихъ. Для примѣра ссылаемся на его проповѣди въ честь различныхъ иконъ Божіей Матери. Равнымъ образомъ въ епархіальномъ управленіи онъ стремился стать въ возможно близкое отношеніе къ древностямъ той или другой епархіи, которою управлялъ: съ особенною внимательностію осматривалъ древніе храмы, монастыри, городскія зданія и т. д., съ глубокимъ интересомъ распрашивалъ кого нужно обо всемъ, болѣе или менѣе замѣчательномъ, въ археологическомъ отношеніи; — требовалъ отъ секретарей консисторій историко-статистическихъ свѣдѣній о епархіи; при всякомъ удобномъ случаѣ высказывалъ мѣткія сужденія археологическаго характера, напр. относительно изданія греческихъ миней, иконъ, письменныхъ памятниковъ древности и т. д.; любилъ хорошее церковное пѣніе, охотно поощрялъ трудившихся въ области исторіи и археологіи, даже не взирая на то, что трудившіеся иногда были не согласны съ нимъ въ основныхъ своихъ воззрѣніяхъ по части исторіи, давалъ имъ денежныя пособія на изданія ихъ трудовъ, нерѣдко весьма

щедрыя, и т. д. Затѣмъ и вообще почти всѣ деньги, полученныя имъ за учено-литературные труды, онъ еще при жизни отдалъ или по завѣщанію назначилъ на поощреніе учено-литературныхъ занятій и трудовъ. Его безпримѣрная гуманность, деликатность и величайшій тактъ въ обращеніи, его разсудительность въ дѣлахъ и другія его личныя и административныя высокія качества, извѣстны всѣмъ, имѣвшимъ случай быть съ нимъ въ сношеніяхъ и отмѣчаются всѣми его некрологистами. Онъ даже не хотѣлъ самъ защищаться и вызывавшихся на защиту отклонялъ отъ защищенія его противъ взведенной на него, въ послѣднее время, публичной клеветы. Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эта клевета, вмѣстѣ съ многочисленными и усиленными занятіями, ускорила его кончину, а намъ оставила скорбь объ утратѣ столь замѣчательнаго дѣятеля. Особенно же прискорбно то, что преосв. Макарій не довершилъ своего монументальнаго труда — *Исторіи Русской Церкви*. Вотъ прошло почти 8 лѣтъ со времени кончины преосв. Макарія, а продолжателей этого его труда (по его прекрасному плану и въ характерѣ его исполненія этого плана) все еще нѣтъ. Но еслибы и нашелся, — что̀ весьма желательно, — какой-либо продолжатель и довершилъ дѣло, такъ прекрасно начатое и далеко проведенное святителемъ-историкомъ: то все же память сего святителя, какъ историка, неизгладимыми чертами напишется на скрижаляхъ русской церковной исторіографіи, какъ память соименнаго ему Московскаго же митрополита Макарія, составителя Четіихъ-Минеи, хотя, конечно, имя Макарія Булгакова будетъ при этомъ стоять на столько же выше имени его предшественника изъ временъ Іоанна Грознаго, на сколько самая *Исторія* перваго стоитъ выше Четіихъ-Миней послѣдняго въ научномъ отношеніи.

былъ названъ отъ автора введеніемъ въ полную исторію Русской церкви. Перерывъ въ появленіи историческихъ работъ Макарія въ печати за 1851 и 1852 годы объясняется, кромѣ выше упомянутыхъ обстоятельствъ, еще хиротоніею его во епископа въ 1851 году и осложненіемъ чрезъ то его обязанностей, а также изданіемъ капитальнаго труда: *Богословія*. При всемъ томъ, уже въ концѣ 1852 года, преосв. Макарій приготовилъ къ печати, а въ началѣ 1853 года и издалъ, спеціально археологическій трудъ: *Обозрѣніе священныхъ древностей, находящихся въ Свято-Троицкой Александро-Невской Лаврѣ* (Христ. Чтен. 1853, I). Далѣе, занимаясь исторіею и обличеніемъ раскола въ миссіонерскомъ отдѣленіи, онъ также не хотѣлъ оставить безъ обнародованія своихъ усиленныхъ и кропотливыхъ, а между тѣмъ и весьма полезныхъ работъ по этой части. Такимъ-то образомъ появилась его *Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества*. Спб. 1855. Это замѣчательный трудъ, о которомъ лестные отзывы даны были, не говоря о многихъ другихъ, даже со стороны такихъ лицъ, какъ святитель Московскій Филаретъ, академикъ И. И. Давыдовъ и др. Между тѣмъ преосв. Макарій не переставалъ издавать и спеціально церковно-историческіе свои труды и различные памятники изъ русской церковной исторіи. Наконецъ, въ 1857 году, появилась давно ожиданная и весьма желанная *Исторія Русской Церкви*. XI т. Спб. 1857—82. Томъ XII изданъ по смерти автора братомъ его, протоіереемъ А. П. Булгаковымъ, въ Спб. 1888. Исторія эта, доведенная лишь до временъ патріарха Никона (исторія Никона не окончена), при самомъ первомъ своемъ появленіи возбудила всеобщій и живѣйшій интересъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самые лестные отзывы печати сопровождали появленіе едвали не каждаго тома, каждаго изданія того или другого тома *Исторіи* преосв. Макарія. Эти отзывы были, конечно, разнообразны; но всѣ они сходились въ томъ, что трудъ преосв. Макарія отличается обиліемъ историческаго матеріала, полнотою и обширностію свѣдѣній автора, многими новыми открытіями въ изслѣдуемой области, искусствомъ строго систематически располагать историческій матеріалъ и вести историческій разсказъ, излагать же событія — наглядно, отчетливо, языкомъ яснымъ, легкимъ, живымъ и изящнымъ. Въ отношеніи къ источникамъ, при указаніи на нихъ и выпискахъ изъ нихъ, авторъ также заслужилъ полное одобреніе со стороны знатоковъ исторической науки, какъ историкъ въ высшей степени добросовѣстный и чрезвычайно внимательный къ дѣлу. Не даромъ ему за этотъ трудъ

этотъ предметъ сперва въ званіи баккалавра, потомъ (съ начала 1837 г.) въ званіи экстраординарнаго, а чрезъ два года послѣ того (съ 1839 г.) въ званіи ординарнаго профессора. Сверхъ того, съ 1836 и по 1842 годъ, онъ занималъ еще должность секретаря по Казанскому учебному округу, а съ 1842 года и по 1862-й годъ состоялъ библіотекаремъ академіи. Всѣ эти оффиціальныя занятія, при глубоко серьезномъ къ нимъ отношеніи А. В., мало по малу сдѣлали послѣдняго въ полномъ смыслѣ энциклопедистомъ знанія. Преподавая въ академіи вмѣстѣ съ общею и русскою церковною исторіею и исторію библейскую (до 1844 года), онъ естественно долженъ былъ знакомиться съ обширнѣйшею областію источниковъ исторіи какъ первостепенныхъ, первоначальныхъ, такъ и второстепенныхъ, въ чемъ особенно помогали ему его знанія языковъ, а его занятія библіотечныя открывали ему все богатство мысли древняго и новаго міра. Едва ли не всѣ книги и рукописи, какъ академической, такъ и лаврской библіотеки онъ внимательно прочиталъ и, зная хорошо составъ библіотеки академической, выписывалъ для нея все, что выходило лучшаго у насъ и за границей по разнымъ отраслямъ знанія, особенно же по наукамъ историческимъ, причемъ все выписанное предварительно самъ прочитывалъ. Памятникомъ его необычайной любознательности и глубокихъ, обширнѣйшихъ свѣдѣній, служатъ его многочисленныя замѣтки карандашемъ на книгахъ и рукописяхъ библіотеки. Въ этихъ, болѣе или менѣе пространныхъ, замѣткахъ заключаются указанія на какіе-либо недостатки въ книгѣ, сообщаются дополнительныя свѣдѣнія, указываются мѣста изъ другихъ книгъ, въ которыхъ можно получить тѣ или другія свѣдѣнія о предметѣ сочиненія, проводятся параллели, указываются варіанты, находятся хронологическія указанія, излагаются лингвистическія соображенія и т. д. При этомъ повсюду виденъ тонкій критическій талантъ А. В. и твердость его собственныхъ мыслей и убѣжденій. Его обширнымъ, глубокимъ и основательнымъ свѣдѣніямъ, его уму и критическому таланту отдавали невольную дань удивленія не только извѣстные русскіе ученые (какъ напр. М. П. Погодинъ, И. И. Срезневскій, преосв. Макарій Булгаковъ и многіе др.), но и иностранные. Такъ напр. аббатъ Стенли, при посѣщеніи имъ Московской духовной академіи, бывъ представленъ А. В., послѣ ученой бесѣды съ послѣднимъ, признавался, что «былъ пораженъ познаніями нашего ученаго богослова, безъ приготовленія, прямо изъ запасовъ своей памяти, износившаго самыя точныя и мѣткія сужденія о разнаго рода темныхъ и мало изслѣдованныхъ вопросахъ въ исторіи англиканской церкви».

Въ 1860 году, не будучи женатъ, онъ принялъ санъ священства и въ томъ же году возведенъ былъ въ санъ протоіерея, а въ концѣ 1862 года, по предложенію митрополита Филарета, взялъ на себя должность ректора академіи, въ каковой должности пробылъ до самой кончины своей, въ 1875 году, при чемъ, вмѣсто церковной исторіи, по тогдашнему обычаю, сталъ читать догматическое богословіе.

Какъ профессоръ, собственно, А. В. весьма высоко стоялъ самъ и настолько же высоко ставилъ и поставилъ предметъ своего преподаванія. До него въ Московской духовной академіи церковная исторія была поставлена далеко не на надлежащей высотѣ, что зависѣло частію отъ того, что преподаватели этого предмета часто мѣнялись, а частію отъ того, что они, въ виду такого авторитета, какъ святитель Московскій Филаретъ, зорко слѣдившій за преподаваніемъ наукъ въ академіи, слишкомъ придерживались учебниковъ по этому предмету самого Филарета и его друга и сотрудника Иннокентія Смирнова, какъ замѣчалъ это въ своихъ отчетахъ и самъ Филаретъ. Только ближайшіе предшественники А. В. по каѳедрѣ — Ѳ. А. Терновскій и Филаретъ Гумилевскій, нѣсколько свободнѣе держали себя въ отношеніи къ учебнымъ книгамъ. А. В. пошелъ еще дальше: представляя студентамъ на экзаменахъ (на которыхъ обыкновенно присутствовалъ митрополитъ Филаретъ) отвѣчать по учебникамъ, онъ на лекціяхъ читалъ имъ свой, независимый отъ учебниковъ, курсъ преподаваемыхъ имъ наукъ, который былъ, съ теченіемъ времени, имъ измѣняемъ, дополняемъ и совершенствуемъ соотвѣтственно степени его собственнаго умственнаго роста. И если по библейской и общей церковной исторіи онъ еще находилъ нужнымъ руководиться иностранными и нѣкоторыми русскими учеными трудами по этой части, то по русской церковной исторіи онъ велъ дѣло вполнѣ самостоятельно и лекціи его, по этому предмету, были вполнѣ оригинальны. Оргинальную, впрочемъ, постановку дѣлу онъ давалъ въ своихъ лекціяхъ и по другимъ предметамъ. Но этимъ не ограничивалась профессорская дѣятельность А. В. «Онъ училъ насъ,—писалъ по кончинѣ его одинъ изъ его учениковъ, а потомъ и сослуживцевъ, А. Ѳ. Лавровъ, нынѣ преосвященнѣйшій Алексій, архіепископъ Литовскій,—троякимъ способомъ: *вообще всѣхъ* на каѳедрѣ, увлекая насъ своими глубокими изысканіями, историческими картинами, блестящими характеристиками древнихъ отцевъ и учителей (доселѣ не могу забыть его характеристики Оригена); затѣмъ онъ *всѣхъ же насъ* училъ на другой своей каѳедрѣ — въ библіотекѣ. Это тоже драгоцѣннѣйшія для насъ его

лекціи, коими онъ вводилъ насъ въ полное обладаніе литературою предмета. Но были еще его лекціи — lectiones privatissimae — домашнія. На эти лекціи иногда онъ призывалъ насъ по одиночкѣ, по поводу прочитанныхъ имъ нашихъ разсужденій, или для сообщенія своихъ мыслей относительно данной темы; иногда же мы и сами ходили къ нему. И здѣсь-то, иногда за чашкою чая, въ Бозѣ почившій благодѣтель нашъ, не щадя своего дорогаго времени, вводилъ насъ въ глубину данныхъ намъ задачъ, обозрѣвая литературу предмета, а если дѣло шло о представленномъ уже и прочитанномъ имъ разсужденіи, указывая и на его достоинства, и на его недостатки,— на послѣдніе съ особенною строгостію». Бывало при этомъ, что А. В. исправлялъ многія разсужденія, особенно же магистерскія, въ виду строгости требованій митрополита Филарета, такъ, что они представляли собою иногда плодъ труда не столько студента, сколько самого А. В. Въ примѣръ этого можно указать на сочиненіе воспитанника XV курса (1846 г.) И. Остроумова: *Исторія флорентійскаго собора*. М. 1847.—Помимо того, А. В. исполнялъ весьма много просьбъ и порученій ученаго характера, не относившихся прямо къ предметамъ его каѳедры. Митрополитъ Московскій Филаретъ, оберъ-прокуроры св. Синода, начиная съ графа Н. А. Протасова (1836—1855) и кончая графомъ Д. А. Толстымъ (1865—1880), и многіе другіе, нерѣдко обращались къ нему за совѣтомъ, за разрѣшеніемъ тѣхъ или другихъ вопросовъ, недоумѣній и под., и всегда находили въ немъ мудраго совѣтника, рѣшителя всѣхъ недоумѣній, вопросовъ и т. д., не говоря уже о множествѣ хлопотъ и порученій по различнымъ его должностямъ и званіямъ. Имѣя въ виду все это, трудно было бы и представить, чтобъ у А. В. оставалось много времени на работы учено-литературныя, или, точнѣе, на изданіе ихъ въ свѣтъ, тѣмъ болѣе, что А. В., будучи въ высшей степени скроменъ и высоко цѣня литературное слово, былъ чрезвычайно остороженъ въ выпускѣ своихъ трудовъ въ свѣтъ. И однако не даромъ, конечно, онъ уже и при жизни своей заслужилъ славу великаго историка, къ голосу котораго прислушивались люди даже и весьма ученые и компетентные. Эту славу заслужилъ онъ своими учено-литературными трудами.

Всѣ учено-литературные труды А. В., изданные при жизни его и послѣ его кончины, могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: на труды, касающіеся области *Библейской исторіи съ археологіею*, каковы, напр., *О первоначальномъ христіанствѣ въ связи съ вопросомъ о происхожденіи новозавѣтнаго канона* (см. *Чтенія въ*

Общ. Люб. Дух. Просв. 1877 г., ч. I, № 1); *Евангельская исторія (академическія лекціи)* и др.; на труды, касающіеся *общей церковной исторіи съ ея археологіею*, преимущественно же исторіи церкви восточной, напр. *Внѣшнее состояніе церкви восточной въ IX—XIII столѣтіи; Подвижники вѣры на Востокѣ послѣ паденія имперіи греческой; О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной; О церкви греческой съ 1453 года до начала XVIII столѣтія (изъ академическихъ лекцій)* и др.; на труды и изслѣдованія, относящіеся къ *русской церковной исторіи съ ея древностями*, каковы: *Извѣстіе объ Авраамії Палицынѣ* (напечат. въ *Москвитянинѣ* 1841 г., ч. 5); *Возраженія противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой лавры* (тамъ же 1842 г. ч. 6); *Историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры* (Москва, 1842 г). Этотъ замѣчательный трудъ, составленный по порученію и при живомъ участіи святителя Московскаго Филарета и бывшаго намѣстника Лавры архим. Антонія, былъ потомъ многократно отъ Лавры издаваемъ); *Памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава I; О походѣ Руссовъ на Сурожъ* и многіе другіе.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. В. Горскій былъ избранъ 9-го марта 1865 г.

П. С. Казанскій.

(1819 † 1878.)

Петръ Симоновичъ Казанскій, сынъ священника села Сидоровскаго, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, родился 19 ноября 1819 года. Рано оставшись сиротою по смерти отца, П. С., вмѣстѣ съ другими своими братьями и сестрами, перешелъ на попеченіе своего дяди по матери, преосвященнаго Кирилла (Богословскаго-Платонова), въ то время (въ 1824 году) викарія Московскаго, а впослѣдствіи архіепископа Каменецъ-Подольскаго († 1841), и въ 1832 году поступилъ въ Виѳанскую семинарію (1832 — 1838), а потомъ въ Московскую духовную академію (1838—1842). По окончаніи курса въ академіи, въ 1842 году, онъ остался въ званіи баккалавра при самой академіи, а затѣмъ на него легла вся тяжесть заботъ объ устроеніи и обезпеченіи сиротствующихъ семействъ умершихъ брата и зятя (мужа сестры его). И съ тѣхъ поръ «вся жизнь его день за днемъ, недѣля за недѣлей, годъ за годомъ была великимъ дѣйствіемъ самоотверженія. Это былъ въ самомъ истиннѣйшемъ и высокомъ смыслѣ величайшій сиротопитатель. Три поколѣнія сиротъ-сестеръ, племянниковъ и даже внуковъ имѣли въ немъ буквально отца». Съ тѣхъ же поръ онъ особенно возлюбилъ науку и болѣе прежняго сблизился съ А. В. Горскимъ, который познакомился съ нимъ еще при своемъ переходѣ на старшій курсъ въ академіи, когда тотъ былъ еще 10-лѣтнимъ мальчикомъ. Ихъ соединяло многое: и холостое одиночество, и религіозно-нравственная настроенность, и самоотверженіе ради любви къ наукѣ и наконецъ, даже, общность научныхъ интересовъ. На каѳедрѣ общей гражданской и (въ теченіи нѣкотораго времени, до 1844 года) русской гражданской же исто-

ріи, онъ всегда болѣе тяготѣлъ къ церковной исторіи, которую разработывалъ его другъ, А. В. Горскій, и самую гражданскую исторію излагалъ въ духѣ исторіи церковной, съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. Въ академіи онъ и оставался до самой кончины.

П. С. Казанскій, кромѣ точнаго и усерднаго исполненія профессорскихъ обязанностей по академіи, при чемъ онъ многократно измѣнялъ курсъ своихъ лекцій, вновь обработывалъ ихъ почти ежегодно, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ или иныхъ отдѣлахъ и т. д., кромѣ аккуратнаго и честнаго исполненія многочисленныхъ и различнаго рода порученій, кромѣ многолѣтней службы по цензурному комитету при академіи, когда, по его собственнымъ словамъ, ему приходилось иной разъ прочитывать до 30-ти №№ рукописей и книгъ въ мѣсяцъ, исправлять, даже передѣлывать ихъ, написалъ множество разнаго рода болѣе или менѣе обширныхъ по объему сочиненій, изслѣдованій и статей. Притомъ нѣкоторые изъ этихъ трудовъ его имѣютъ значеніе научныхъ открытій; такъ что можно только удивляться, какъ у него, столь хилаго здоровьемъ и болѣзненнаго, доставало на все это времени.

Всѣ учено-литературные труды П. С. Казанскаго раздѣляются на слѣдующія группы:

По русской гражданской исторіи съ ея археологіей, напримѣръ: *Родословная Головиныхъ*; *Два письма князя Александра Меншикова къ князю Григорію Волконскому, 1706 г.*; *Объясненіе нѣкоторыхъ недоумѣній касательно лѣтописи Нестора* (*Временникъ О. И. и Др.* 1852, кн. 13); *Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вѣкѣ* (*Записки Импер. Археол. Общ. т. 3*); *О русской гривнѣ въ XI и XII вѣкѣ* (тамъ же); *Дополненіе къ изслѣдованію о древней русской монетной системѣ* (тамъ же, т. 6); *О времени сдачи Поляками Русскимъ Кремля въ 1612 году*; *Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія* (въ *Русск. Вѣстн.* за 1877 годъ книга 8, 9 и 10) и др. Петръ Симоновичъ много потрудился въ разсматриваемой области, не смотря на то, что онъ, какъ замѣчено было выше, лишь немного времени занималъ въ академіи каѳедру русской гражданской исторіи, какъ бы случайно писалъ свои изслѣдованія по ней и болѣе тяготѣлъ къ церковной исторіи. При всемъ томъ въ этой области онъ сдѣлалъ то, что имя его стало извѣстно въ ученомъ мірѣ. Мы разумѣемъ ближе всего его изслѣдованія о

лѣтописи Нестора, на вопросы о которой онъ натолкнулся случайно, занимаясь исторіею русскаго монашества. «Выдающимся образомъ Петръ Симоновичъ,—говоритъ одинъ изъ некрологистовъ послѣдняго, извѣстный ученый историкъ русской церкви, профессоръ Моск. духов. академіи Е. Е. Голубинскій,—ознаменовалъ себя въ русской гражданской исторіи. Разработка всякой исторіи имѣетъ нѣсколько періодовъ: періодъ собиранія и свода матеріаловъ, періодъ критической ихъ обработки и періодъ болѣе или менѣе совершеннаго созиданія настоящей исторіи изъ матеріала уже обработаннаго. Наша русская исторія находится въ переходѣ изъ перваго періода во второй, и покойный Петръ Симоновичъ долженъ быть причтенъ къ числу нашихъ ученыхъ, которые содѣйствовали этому ея движенію. Его содѣйствіе было частное, потому что и труды свои русской гражданской исторіи онъ посвящалъ только отчасти; но тѣмъ не менѣе оно весьма почтенно и по своей серьезности и потому еще, что покойный былъ однимъ изъ предначинателей періода критики.»

Но болѣе всего Петръ Симоновичъ, какъ мы говорили, потрудился въ области церковной исторіи и археологіи. Въ этомъ отношеніи особенно обращаютъ на себя вниманіе труды его.

По общей церковной исторіи и археологіи, какъ наприм.: *Исторія православнаго монашества на востокѣ; Объ источникахъ для исторіи монашества египетскаго въ IV и V вѣкахъ; Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ* (обѣ статьи напечатаны и въ *Прибавл. къ Творен. Св. Отц.* 1871, XXIV); *О преподаваніи археологіи* (въ *Трудахъ перваго Археол. Съѣзда въ Москвѣ* въ 1869 г., т. I) и др.

Не менѣе того потрудился П. С. Казанскій и въ области: *Русской съ славянскою церковной исторіи и археологіи.* Сюда относятся: *Село Новоспасское, Деденево тожъ, именуемое Влахерны; Преподобный Іосифъ Волоколамскій и его писанія* (напечатанные въ *Приб. къ Твор.* 1847, V) и др.; *Сравнительное достоинство списковъ службы св. Кириллу, принадлежащихъ Г. Григоровичу и Московской Синодальной библіотекѣ* (въ *Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ,* издан. М. П. Погодинымъ, стр. 297—308. Москва, 1865 г.); *Кто были виновники Соловецкаго возмущенія отъ 1666 по 1676 годъ* (въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.* 1867, кн. 4) и др.

Не обладая крѣпкимъ здоровьемъ, П. С. имѣлъ рѣдкую способность писать легко и быстро сочиненія общеполезныя и далеко не легко-

вѣсныя по своему содержанію. За это, равно какъ и за другія его личныя высокія достоинства и ученыя заслуги его, не могли не уважать и не цѣнить лучшіе умы изъ его современниковъ. Къ нему, какъ знатоку церковной исторіи и археологіи обращались съ вопросами, недоумѣніями и учеными порученіями видные представители исторической и археологической науки: Сахаровъ, Бодянскій, Погодинъ, Срезневскій, Графъ А. С. Уваровъ и др.

Общество исторіи и древностей уже въ 1847 году избрало Петра Симоновича въ свои дѣйствительные члены; С.-Петербургское Археологическое Общество въ 1850 году — въ члены-корреспонденты (вмѣстѣ съ А. В. Горскимъ); Московское Археологическое Общество въ 1865 году — въ дѣйствительные члены (также въ одинъ день съ А. В. Горскимъ,— 9 марта); а Московское Общество любителей духовнаго просвѣщенія не только въ дѣйствительные, но и въ почетные члены.—Въ частности, въ самые первые годы самостоятельной научной дѣятельности Петра Симоновича возбудившійся въ немъ интересъ къ археологіи, особенно церковной, все болѣе и болѣе возросталъ съ дальнѣйшими годами по мѣрѣ углубленія его въ область исторіи и по мѣрѣ расширенія его историческаго кругозора.

Но особенно живой интересъ къ археологическимъ, собственно, изслѣдованіямъ у П. С—ча возбудился со времени возникновенія Московскаго Археологическаго Общества. Петербургъ отъ него былъ далеко, а Москва близко; близка она была и сердцу его. И въ Москвѣ ли можно чувствовать недостатокъ въ предметахъ для археологическихъ изслѣдованій? «Люблю, — потому писалъ о Москвѣ Петръ Симоновичъ,—священный Кремль. Люблю при видѣ твоихъ вѣковыхъ памятниковъ, бѣлокаменная, помечтать о минувшей судьбѣ Руси, о твоемъ высокомъ значеніи въ прошедшемъ Россіи. Сильно бьется сердце, когда увижу твои, Москва, золотыя маковки, увѣнчанныя крестами. Люблю съ благоговѣйнымъ чувствомъ молитвы повергаться предъ твоею святыней». Поэтому же онъ охотно согласился на предложеніе принять участіе въ трудахъ, только что возникшаго въ концѣ 1864 года, Московскаго Археологическаго Общества, и какъ болѣе живой и энергичный и въ то же время менѣе обремененный должностными занятіями, нежели А. В. Горскій, болѣе и поработалъ для этого Общества, нежели послѣдній. Такъ уже въ самый годъ избранія своего въ члены Общества, въ первый годъ и открытой дѣятельности Общества, ознакомившись съ помѣщенною въ 1-мъ выпускѣ 1-го тома *Древностей, Трудовъ* сего *Общества* статьей предсѣдателя Общества Графа А. С. Уварова: *Церковный*

диптихъ V вѣка, Петръ Симоновичъ написалъ довольно пространную *Замѣтку по поводу* этой *статьи* и въ началѣ октября 1865 года прислалъ ее въ Общество. Въ ней, кромѣ частныхъ замѣчаній на означенную статью, заключается много и общихъ замѣчаній по вопросу объ археологіи, какъ наукѣ. Кромѣ того онъ помѣстилъ въ *Трудахъ Общества* за первые же годы ихъ существованія, въ различныхъ отдѣлахъ, еще нѣсколько статей археологическаго содержанія, присылалъ въ Общество разныя сочиненія свои и чужія, принялъ живое участіе въ засѣданіяхъ I-го Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ, плодомъ чего были его статьи, помѣщенныя въ *Трудахъ* этого Съѣзда (т. I). Изъ нихъ особенно важное, конечно, значеніе имѣетъ статья: *О преподаваніи археологіи*. Въ этой статьѣ авторъ ея, вполнѣ соглашаясь съ поданною Обществомъ и поставленною въ программѣ послѣдняго при занятіяхъ на Съѣздѣ, мыслію о преподаваніи археологіи, какъ одномъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ распространенію любви къ древностямъ и знанія ихъ, а равно и съ высказаннымъ на Съѣздѣ же въ рѣчи Ѳ. И. Буслаева желаніемъ, чтобы «русская церковная археологія преподаваема была въ семинаріяхъ», сначала проводитъ издавна взлелѣянную имъ мысль о великой пользѣ сего для археологіи, какъ и для самой русской церкви, не скрывая впрочемъ и значительныхъ затрудненій для успѣшнаго хода этого дѣла; потомъ, какъ на одно изъ величайшихъ затрудненій къ достиженію не только этой частной цѣли, но и общей цѣли — изученія науки археологіи во всемъ ея объемѣ, указавъ на требованіе для сего техническаго знакомства со всякаго рода искусствами, невыполнимое со стороны какого бы то ни было одного человѣка, какъ на средство для устраненія этого затрудненія, указываетъ на необходимость спеціализаціи преподаванія археологіи въ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи по частямъ, и въ связи съ тѣмъ развиваетъ мысль о необходимости изученія византійскихъ древностей, такъ какъ, по его справедливому замѣчанію, «всѣми корнями нашей духовной жизни мы соединены съ Византіею». Историческимъ очеркомъ культурнаго вліянія Востока греческаго на Западъ и Россію и оканчивается статья почтеннаго профессора. Мысль его по этому предмету была, какъ извѣстно, задушевною мыслію и предсѣдателя Съѣзда и Общества, Графа А. С. Уварова. Какъ бы въ подтвержденіе этой своей мысли Петръ Симоновичъ, въ предпослѣдній годъ своей жизни, представилъ въ Общество статью: *Типикъ женскаго монастыря Богородицы Благодатной* (Κεχαριτωμένης), служащую весьма важнымъ матеріаломъ и для изученія древнерус-

скаго монастырскаго быта. Для археологіи Петръ Симоновичъ поставилъ и разрѣшилъ много общихъ, принципіальныхъ и частныхъ, спеціальныхъ вопросовъ. Но отчасти занятый другими дѣлами и учено-литературными трудами, а главное, удручаемый постоянными болѣзнями, онъ не могъ обогатить археологію, какъ науку, въ такомъ изобиліи, въ какомъ ее обогатилъ его ученикъ, сотоварищъ по службѣ при Моск. дух. академіи и сочленъ по Московскому Археологическому Обществу, профессоръ той же Академіи И. Д. Мансветовъ, но все же заслуги его по русской археологіи всегда останутся одними изъ самыхъ видныхъ, самыхъ плодотворныхъ.

П. А. Лавровскій.

(1827 † 1886.)

Покойный Петръ Алексѣевичъ Лавровскій занимаетъ почетное мѣсто среди русскихъ славистовъ.

Его многочисленные ученые труды отчасти выходили отдѣльными изданіями, но главнымъ образомъ появлялись въ періодической печати, притомъ какъ русской, такъ и славянской: въ «Извѣстіяхъ Импер. Акад. Наукъ», въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Истор. и Древн., въ «Духовн. Вѣстн.», въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», въ «Москвитянинѣ» и др., а изъ славянскихъ въ «Журн. Чешск. Муз.», «Гласникѣ Общ. Сербск. Словесн.» и др. Предметомъ для занятій П. А. служили изслѣдованія въ области языка русскаго, а также южно и западно-славянскихъ нарѣчій, сравнительнаго обзора (этихъ) нарѣчій и наконецъ въ области языка и терминологіи различныхъ лѣтописей. Къ этому же роду трудовъ Лавровскаго нужно отнести составленный имъ Сербско-русскій словарь.

Но не надъ одними лингвистическими изслѣдованіями трудился покойный П. А. Въ числѣ его сочиненій мы находимъ изслѣдованія о славянскихъ народностяхъ, ихъ жизни, религіи и литературѣ; объ Кириллѣ и Меѳодіи, ихъ происхожденіи и дѣятельности. Упомянемъ о его воспоминаніяхъ объ нѣкоторыхъ славянскихъ ученыхъ (Ганкѣ, Шафарикѣ).

П. А. Лавровскій былъ духовнаго происхожденія. Онъ родился въ мартѣ 1827 г. въ Тверской губ., гдѣ обучался въ семинаріи. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Педагогическій Институтъ въ Петербургѣ, находившійся въ то время въ завѣдованіи Миддендорфа. Серьезное направленіе этого учебнаго заведенія наложило свой отпечатокъ на выдававшагося своими способностями воспитанника Лавровскаго. Достигнувъ старшихъ университетскихъ классовъ, П. А. опредѣлилъ свою спеціальность, которой оставался вѣренъ во всю свою жизнь. Тутъ онъ попалъ подъ руководство слависта И. И. Срезневскаго.

П. А. началъ свою литературно-научную дѣятельность изслѣдованіемъ (премированнымъ золотой медалью): «О Реймскомъ евангеліи», напечатаннымъ въ книгѣ «Опыты истор.-филологич. трудовъ студентовъ Педаг. Инст.» (Спб. 51 г.). Въ этомъ трудѣ авторъ сличилъ, между прочимъ, особенности правописанія Реймскаго евангелія въ сравненіи съ Остроміровымъ.

По окончаніи курса въ 1851 году Лавровскій былъ назначенъ въ Харьковскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, остававшейся незанятой съ 47-го года, т. е. со времени перехода Срезневскаго изъ Харькова въ Петербургъ. Въ Харьковѣ Лавровскій усердно продолжаетъ заниматься славянской филологіей: Харьковскій періодъ жизни П. А-ча раскрывается въ изданной, въ «Чтеніяхъ въ Имп. Моск. Общ. Истор. и Древн.» 87 г., его перепискѣ съ проф. Бодянскимъ, также имѣвшимъ вліяніе на Лавровскаго. Изъ этой переписки видно, что положеніе Лавровскаго здѣсь было крайне тяжелымъ. Во первыхъ П. А., привыкшій добросовѣстно относиться къ своему дѣлу, не находилъ ни сочувствія, ни поддержки въ своихъ товарищахъ. Съ другой стороны онъ находился подъ постояннымъ давленіемъ со стороны попечителей Округа (Кокошкина, Зиновьева). Онъ не по душѣ былъ имъ потому, что горячо привыкъ отстаивать свои убѣжденія и мнѣнія. За такое «упорство» онъ однажды чуть не поплатился довольно жестоко. Въ это же время П. А. готовилъ магистерскую диссертацію: «О языкѣ сѣверно-русскихъ лѣтописей». Авторъ дѣлаетъ въ ней историческій очеркъ великорусск. языка, останавливаясь главнымъ образомъ на новгородскомъ нарѣчіи (52 г.). Справившись съ магистерскимъ экзаменомъ, Лавровскій продолжалъ далѣе свои научныя занятія и, послѣ нѣсколькихъ лингвистическихъ статей, онъ написалъ сочиненіе, давшее ему степень доктора. Оно носитъ заглавіе: «О лѣтописи Іоакимовской» (55 г.). Оба труда напечатаны въ «Учен. Зап. Имп. Ак. Наукъ».

Бѣдность библіотеки Харьковскаго Университета была также одной изъ причинъ, почему П. А. влекло оттуда въ столицу. Но какъ ни были скудны ея богатства, онъ все-таки пользовался ими при своихъ занятіяхъ. Въ 58 г. Лавровскій посвящаетъ себя изученію Польскаго языка. Въ данномъ случаѣ онъ первый примѣнилъ историческій методъ разработки этого языка. Трудъ этотъ напечатанъ въ 58 г. въ «Уч. Зап.» Вскорѣ П. А-чу удалось осуществить свою завѣтную мечту: онъ ѣдетъ за границу. Родъ его занятій направилъ его въ славянскія земли: и вотъ онъ посѣщаетъ Сербію, основательно

изучаетъ языкъ, знакомится съ жизнью народа. Далѣе онъ посѣщаетъ Чехію и Прагу. Впослѣдствіи онъ помѣстилъ въ Моск. и С-Петерб. Вѣдомостяхъ свои воспоминанія о Шафарикѣ и Ганкѣ.

Изъ-за границы Лавровскій вернулся какъ бы обновленнымъ, съ новымъ запасомъ силъ, впечатлѣній и познаній. Онъ снова принимается за работу. Въ то время въ Харьковѣ началъ издаваться новый научный журналъ: «Духовный Вѣстникъ», въ которомъ П. А. принимаетъ участіе и печатаетъ обширную статью: «Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у зап. Славянъ». Изданная отдѣльно, она удостоилась Уваровской преміи.

Во второй половинѣ 60-хъ гг. началъ свою публицистическую дѣятельность И. С. Аксаковъ. Его идеи настолько привлекли къ себѣ симпатіи Лавровскаго, что послѣдній сблизился съ И. С. и это сближеніе было причиной поворота въ жизни П. А. Въ то время открывался Варшавскій университетъ. И вотъ, по указанію Аксакова и Гильфердинга, Лавровскій назначается ректоромъ въ новооткрывающійся университетъ. Это было въ 1869 г. На новомъ мѣстѣ положеніе П. А. было во всякомъ случаѣ не легче, чѣмъ въ Харьковѣ. Во главѣ городской и учебной администрацій стояли нѣмцы, относившіеся враждебно къ русскому элементу, какъ и все вообще населеніе края. Начались притѣсненія противъ Лавровскаго съ цѣлью выжить его. Перевѣсъ силы оказался на ихъ сторонѣ, и дѣло кончилось тѣмъ, что въ 72 г. П. А. получилъ уже отставку. Къ счастью это случилось не на долго.

Какъ за весь варшавскій періодъ жизни П. А-ча, такъ и послѣ, ему покровительствовалъ гр. Д. А. Толстой; и на этотъ разъ послѣдній не далъ Лавровскому долго ждать новаго назначенія. Въ 75 г. онъ получаетъ назначеніе попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа, тогда еще только открывавшагося. Тутъ открылось для П. А. обширное поле дѣятельности; и онъ дѣйствительно много дѣлалъ. Со времени назначенія въ Варшаву, П. А. конечно былъ постоянно отвлекаемъ отъ научныхъ занятій той обширной дѣятельностью, которой требовалъ его выдающійся постъ. Однако, улучая свободные часы, онъ и тутъ не отставалъ отъ науки. За это время имъ были составлены двѣ части Сербско-русск. словаря и напечатанъ рядъ статей въ повременныхъ изданіяхъ.

Въ маѣ 1880 года П. А. получаетъ новое назначеніе, попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Оренбургъ оставилъ въ Лавровскомъ самыя пріятныя воспоминанія изъ его жизни: здѣсь онъ не встрѣчалъ ни партій, ни интригъ, ни тѣхъ притѣсненій, съ которыми ему

приходилось имѣть дѣло раньше. Въ Одессѣ П. А. снова начинаетъ жаловаться на свое положеніе. Къ различнымъ нравственнымъ невзгодамъ присоединился болѣзненный недугъ; все это вмѣстѣ заставляло Л-го подумывать объ отставкѣ. Но до 85-го года онъ оставался на службѣ, продолжая также свои научныя занятія, хотя печатныя статьи появляются все рѣже. Наконецъ, отрѣшившись отъ службы, когда дни его были уже сочтены, Лавровскій, осенью того же 85 г. переселяется въ Петербургъ. Здѣсь онъ какъ бы оживаетъ, занимается дѣятельностію Кирилла и Меѳодія и чувствуетъ стремленіе еще заниматься наукой. Но силы П. А. были уже надломлены, онъ прожилъ только до 28 февр. 86 г.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологичесскаго Общества П. А. Лавровскій былъ избранъ 26-го апрѣля 1870 г.

В. Д. Левшинъ.

(1834 † 1887.)

Служебную дѣятельность Владиміръ Дмитріевичъ Левшинъ началъ въ 1851 году въ Московской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ. Черезъ пять лѣтъ онъ перешелъ въ Центральный Статистическій Комитетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ работы его по статистикѣ обратили на себя вниманіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, почтившаго его избраніемъ въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ (въ 1858 году). При введеніи крестьянской реформы, въ 1861 году, В. Д. былъ командированъ съ особо возложеннымъ на него порученіемъ въ Калужскую губернію; затѣмъ состоялъ при сенаторѣ Кангерѣ, ревизовавшемъ по Высочайшему повелѣнію Калужскую и Владимірскую губерніи. Съ 1863 по 1865 г. дѣятельность В. Д. переносится въ Сѣверо-Западный край, гдѣ онъ, состоя въ распоряженіи главнаго начальника края, графа М. Н. Муравьева, сначала управлялъ Коммиссіею по крестьянскимъ дѣламъ, а затѣмъ, съ 1866 г., Высочайше учрежденной при Виленскомъ генералъ-губернаторѣ канцеляріею по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ означенномъ краѣ. Его дѣятельность пріобрѣла ему расположеніе не только ближайшаго начальства, но и сослуживцевъ, связь съ которыми не прерывалась до его кончины. Съ 1868 по 1870 годъ В. Д. управлялъ Государственными имуществами въ Пермской губерніи, а затѣмъ снова перешелъ на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, бывъ назначенъ въ 1870 году Самарскимъ вице-губернаторомъ. Съ этой должности онъ былъ перемѣщенъ въ 1872 году вице-губернаторомъ же въ Воронежъ, затѣмъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Уфу (съ 1876 по 1880 г.) и, наконецъ, въ Ярославль. Во время своего семилѣтняго губернаторства въ Ярославлѣ В. Д., будучи человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ, обратилъ вниманіе на возстановленіе и сохраненіе памятниковъ старины, уцѣлѣвшихъ въ одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Ростово-Суздальской

П. А. началъ свою литературно-научную дѣятельность изслѣдованіемъ (премированнымъ золотой медалью): «О Реймскомъ евангеліи», напечатаннымъ въ книгѣ «Опыты истор.-филологич. трудовъ студентовъ Педаг. Инст.» (Спб. 51 г.). Въ этомъ трудѣ авторъ сличилъ, между прочимъ, особенности правописанія Реймскаго евангелія въ сравненіи съ Остроміровымъ.

По окончаніи курса въ 1851 году Лавровскій былъ назначенъ въ Харьковскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій, остававшейся незанятой съ 47-го года, т. е. со времени перехода Срезневскаго изъ Харькова въ Петербургъ. Въ Харьковѣ Лавровскій усердно продолжаетъ заниматься славянской филологіей: Харьковскій періодъ жизни П. А-ча раскрывается въ изданной, въ «Чтеніяхъ въ Имп. Моск. Общ. Истор. и Древн.» 87 г., его перепискѣ съ проф. Бодянскимъ, также имѣвшимъ вліяніе на Лавровскаго. Изъ этой переписки видно, что положеніе Лавровскаго здѣсь было крайне тяжелымъ. Во первыхъ П. А., привыкшій добросовѣстно относиться къ своему дѣлу, не находилъ ни сочувствія, ни поддержки въ своихъ товарищахъ. Съ другой стороны онъ находился подъ постояннымъ давленіемъ со стороны попечителей Округа (Кокошкина, Зиновьева). Онъ не по душѣ былъ имъ потому, что горячо привыкъ отстаивать свои убѣжденія и мнѣнія. За такое «упорство» онъ однажды чуть не поплатился довольно жестоко. Въ это же время П. А. готовилъ магистерскую диссертацію: «О языкѣ сѣверно-русскихъ лѣтописей». Авторъ дѣлаетъ въ ней историческій очеркъ великорусск. языка, останавливаясь главнымъ образомъ на новгородскомъ нарѣчіи (52 г.). Справившись съ магистерскимъ экзаменомъ, Лавровскій продолжалъ далѣе свои научныя занятія и, послѣ нѣсколькихъ лингвистическихъ статей, онъ написалъ сочиненіе, давшее ему степень доктора. Оно носитъ заглавіе: «О лѣтописи Іоакимовской» (55 г.). Оба труда напечатаны въ «Учен. Зап. Имп. Ак. Наукъ».

Бѣдность библіотеки Харьковскаго Университета была также одной изъ причинъ, почему П. А. влекло оттуда въ столицу. Но какъ ни были скудны ея богатства, онъ все-таки пользовался ими при своихъ занятіяхъ. Въ 58 г. Лавровскій посвящаетъ себя изученію Польскаго языка. Въ данномъ случаѣ онъ первый примѣнилъ историческій методъ разработки этого языка. Трудъ этотъ напечатанъ въ 58 г. въ «Уч. Зап.» Вскорѣ П. А-чу удалось осуществить свою завѣтную мечту: онъ ѣдетъ за границу. Родъ его занятій направилъ его въ славянскія земли: и вотъ онъ посѣщаетъ Сербію, основательно

становленію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 7 мая 1885 года, до Высочайшаго свѣдѣнія, вслѣдствіе чего В. Д. было объявлено Высочайшее Его Императорскаго Величества благоволеніе «за услуги, оказанныя русской археологической наукѣ сохраненіемъ и возобновленіемъ древнихъ памятниковъ Ростова Великаго». По достоинству также оцѣнили труды В. Д. въ этой области и Археологическія Общества: Императорское Русское и Императорское Московское, избравшія его — первое въ свои почетные, а послѣднее въ свои дѣйствительные члены. Положивъ начало дѣлу возобновленія и охраненія памятниковъ Ростовскаго Кремля, В. Д., желая оградить на будущее время результаты какъ своихъ трудовъ, такъ и трудовъ своихъ сотоварищей по общему дѣлу, высказалъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ мысль о необходимости упорядоченія административно-хозяйственнаго управленія Кремлемъ. Вслѣдствіе этого были выработаны, по Высочайшей волѣ, Св. Синодомъ и Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ особыя правила административно-хозяйственнаго управленія Ростовскимъ Кремлемъ, удостоившіяся, однако, Высочайшаго утвержденія уже послѣ кончины В. Д., именно 4 марта 1888 года. Живое также участіе принималъ В. Д. въ предварительныхъ работахъ по устройству въ Ярославлѣ въ 1887 г. VII Археологическаго Съѣзда, въ засѣданіяхъ и трудахъ котораго, однако, покойному не суждено было, къ сожалѣнію, участвовать... Смерть похитила его, такъ сказать, наканунѣ открытія Съѣзда, но имя его, какъ одного изъ главныхъ дѣятелей по устройству Съѣзда, нѣсколько разъ съ благодарностью упоминалось и въ рѣчахъ и въ ученыхъ рефератахъ.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. Д. Левшинъ былъ избранъ 3-го декабря 1884 г.

К. М. Бэръ.

(1792 † 1878.)

Одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей, замѣчательный біологъ, авторъ цѣлой новой теоріи и многихъ замѣчательныхъ открытій въ этой отрасли науки и наставникъ и руководитель цѣлой плеяды современныхъ выдающихся ученыхъ, академикъ Карлъ Максимовичъ Бэръ (Karl Ernest v. Baer) родился 17 февраля 1792 г. въ имѣніи Пипѣ (Landgut Piep), Эстляндской губ., отъ Магнуса фонъ Бэра, бывшаго предводителемъ дворянства, и Юліи Бэръ, принадлежавшей къ той же фамиліи, какъ и его отецъ. Первоначальное воспитаніе его было домашнее, когда же ему исполнилось 15 лѣтъ, его отдали, въ 1807 г., въ «Ritter und Dohmschule» въ Ревелѣ, откуда онъ, въ 1810 году, поступилъ въ Дерптскій университетъ на медицинскій факультетъ. Въ составѣ профессоровъ факультета находилось въ это время много прекрасныхъ ученыхъ, и такимъ образомъ Бэру удалось слушать, между прочимъ, физику у Паррота (Parrot), естественную исторію у извѣстнаго ботаника Ледебура, только что замѣнившаго проф. Германа, анатомію и физіологію у Бурдаха и Цихоріуса (Ciehorius). По окончаніи университетскаго курса, онъ въ томъ же университетѣ защищалъ диссертацію на степень доктора медицины, которая и была присуждена ему единогласно. Тема диссертація его была «De morbis inter Esthonos endemicis». Въ 1817 году онъ получилъ мѣсто прозектора и приватъ-доцента въ Кенигсбергскомъ университетѣ, а въ 1819 году тамъ же занялъ каѳедру профессора зоологіи. Въ 1828 году Бэръ былъ приглашенъ въ Императорскую Академію Наукъ въ Петербургѣ, куда, однако, переѣхалъ окончательно лишь въ 1834 году.

14

Бэръ далеко не былъ исключительно кабинетнымъ ученымъ. Еще будучи въ Кенигсбергѣ, онъ задумалъ посѣтить, съ цѣлью научныхъ изслѣдованій Новую Землю, но обстоятельства не позволили ему привести въ исполненіе свое намѣреніе тогда же. Когда онъ переѣхалъ окончательно въ Петербургъ, желаніе это возгорѣлось въ немъ съ большей силой, но первые три года онъ долженъ былъ, все-таки, отказаться отъ его исполненія, занятый чтеніемъ лекцій въ новомъ учрежденіи, при новой обстановкѣ, среди чуждыхъ, пока, ему слушателей. Особенно много занимался онъ практическими занятіями по предметамъ своихъ лекцій—зоологіи и анатоміи, всегда самъ руководилъ ими, указывалъ на невыясненные вопросы, на вопросы, требующіе разработки и т. д. Эти-то практическія занятія и создали ту крѣпчайшую связь между нимъ и его слушателями, связь, которая прерывалась лишь смертью.

Первое большое путешествіе Бэра, замѣчательное, какъ и многія изъ послѣдующихъ, по своимъ научнымъ результатамъ, было совершено имъ на Новую Землю въ 1837 году. Слѣдующая поѣздка его была направлена въ Финляндію и на острова Финскаго залива (1839 г.). Затѣмъ въ 1845 году онъ поѣхалъ въ Тріестъ, къ Адріатическому морю, для наблюденій надъ морскими животными и надъ исторіей ихъ развитія. Въ январѣ 1851 г. графъ Киселевъ пожелалъ отправить экспедицію подъ руководствомъ естествоиспытателя для изученія рыболовства на Пейпусѣ, и для исполненія этого порученія былъ избранъ Бэръ. Въ 1855 году отправилась другая экспедиція для изслѣдованія рыболовства на Каспійскомъ морѣ, въ которой приняли участіе Бэръ, Шульцъ, Данилевскій и др. Послѣ совершенія многихъ поѣздокъ внутри Россіи, Бэръ отправился въ Германію въ 1858 г. и затѣмъ, въ слѣдующемъ году посѣтилъ Коппенгагенъ Стокгольмъ Парижъ Лондонъ, преимущественно интересуясь антропологіей. Кромѣ того, онъ съ 1861 г. совершилъ еще нѣсколько поѣздокъ по Россіи, а въ 1870 г. отправился съ Миддендорфомъ и Панкевичемъ въ Лапландію,—путешествіе, давшее тоже, какъ и поѣздка въ Новую Землю, замѣчательные научные результаты.

Состоя ординарнымъ членомъ Академіи Наукъ въ Петербургѣ, Бэръ сначала преподавалъ тамъ зоологію, а по смерти Загорскаго, анатомію. Кромѣ того онъ былъ профессоромъ Медико-Хирургической Академіи и ея библіотекаремъ, но, отправившись въ 1853 году на Каспійское море, отказался отъ послѣдней профессуры. Въ 1863 году, чувствуя себя не въ силахъ продолжать занятія въ Академіи Наукъ, онъ оставилъ постъ ординарнаго академика и, избранный Почетнымъ

области, Ростовѣ-Великомъ. При первомъ же обозрѣніи Ярославской губерніи, по вступленіи въ управленіе оной, В. Д. въ 1880 году, посѣтивъ Ростовъ и осмотрѣвъ Кремль, высказалъ мысль о необходимости возстановить этотъ памятникъ отечественной старины. Мысль, выраженная В. Д. была сочувственно принята мѣстными дѣятелями: А. А. Титовымъ, И. А. Вахрамѣевымъ, ростовскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Д. А. Булатовымъ (нынѣ тоже покойнымъ), И. А. Шляковымъ, священникомъ Мансветовымъ и др. Энергическими трудами означенныхъ лицъ съ 1882 года, лучшіе въ архитектурномъ отношеніи и важнѣйшіе по историческимъ воспоминаніямъ памятники Ростовскаго Кремля стали мало по малу, по мѣрѣ поступленія частныхъ денежныхъ пожертвованій, тщательно возобновляться, подъ наблюденіемъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, особою имъ назначенною коммиссіею, состоявшею подъ предсѣдательствомъ В. Д. Центромъ этого небольшаго кружка Ростовскихъ гражданъ, задавшихся мыслью сохранить для потомства уцѣлѣвшіе памятники родной старины, и былъ покойный В. Д.: онъ поддерживалъ энергію въ членахъ кружка, изыскивалъ необходимыя средства для возстановленія того или другаго кремлевскаго зданія, обращаясь нерѣдко къ частной благотворительности, привлекалъ къ дѣлу новыя силы. Первымъ памятникомъ старины, воздвигнутымъ трудами Ростовской коммиссіи изъ развалинъ, были Бѣлая и Отдаточная Палаты, торжественное освященіе которыхъ состоялось 28-го октября 1883 г., и въ которыхъ, въ этотъ же день, по мысли же В. Д., былъ открытъ Музей Церковныхъ Древностей. Затѣмъ, вплоть до кончины В. Д., почти каждый годъ ознаменовывался реставраціею какого-нибудь памятника старины Ростовскаго Кремля. Такъ, въ 1884 году были возобновлены такъ называемые Княжіе Терема; въ 1885 году совершилось открытіе и возобновленіе пещернаго храма св. Леонтія въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ послѣдующіе годы исправлены наружныя стѣны церквей Спаса на Сѣняхъ и Іоанно-Богословской, а также произведена реставрація «садовой башни», предназначавшейся подъ читальню и библіотеку. Возстановленіе Ростовскихъ кремлевскихъ зданій за время губернаторства В. Д. обошлось около 20000 руб.; большая часть указанной суммы образовалась изъ пожертвованій частныхъ лицъ, привлеченіе которыхъ къ этому дѣлу не обходилось безъ энергическаго содѣйствія покойнаго В. Д. О дѣятельности В. Д., какъ предсѣдателя Ростовской коммиссіи по возобновленію древнихъ зданій Кремля, было доведено г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, согласно по-

О. М. Бодянскій.

(1808 † 1877.)

Осипъ Максимовичъ Бодянскій родился въ мѣстечкѣ Варвѣ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, 31 октября 1808 г. Происходя изъ духовнаго званія, онъ учился въ Полтавской духовной семинаріи, помѣщавшейся тогда въ гор. Переяславлѣ. Окончивъ здѣсь курсъ и получивъ увольненіе изъ духовнаго вѣдомства, онъ поступилъ, 28 декабря 1831 г., въ Московскій университетъ, на отдѣленіе словесныхъ наукъ, гдѣ и кончилъ кандидатомъ въ 1834 году.

Изъ профессоровъ особенное вліяніе имѣлъ на него Каченовскій; первыя печатныя произведенія О. М., явившіяся въ 1835 г., свидѣтельствуютъ объ этомъ вліяніи: въ кандидатскомъ сочиненіи (напечат. въ Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ 1835) «О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси» О. М. развиваетъ взгляды Каченовскаго; къ нему же примыкаетъ онъ въ статьѣ «О древнемъ языкѣ южныхъ и сѣверныхъ славянъ» (Ученыя Зап. Моск. Унив. 1835). Но въ одномъ изъ писемъ изъ-за границы къ Погодину (1840 г. см. Чтенія О. И. и Др. 1879, I, 107) О. М. заявляетъ, что отъ «Каченовщины» онъ «еще дома (т. е. до заграничной поѣздки 1837 г.) излечился на убой». Дѣйствительно, тема магистерской диссертаціи О. М. свидѣтельствуетъ о другомъ элементѣ, опредѣлившемъ его направленіе. Малороссъ и уроженецъ Полтавской губ. онъ не могъ не примкнуть къ движенію, начавшемуся въ Харьковскомъ университетѣ и имѣвшему цѣлью развитіе національной малорусской литературы. Впрочемъ, по вѣскому свидѣтельству И. И. Срезневскаго, который и самъ былъ дѣятелемъ этого народническаго кружка, О. М. и въ этомъ отношеніи находилъ поддержку въ Каченовскомъ, любившемъ его, какъ «земляка»; «Каченовскій сталъ поддерживать О. М. въ занятіяхъ славянскими нарѣчіями и былъ главнымъ виновникомъ выбора предмета для диссертаціи — если не въ частности,

К. М. Бэръ.

(1792 † 1878.)

Одинъ изъ величайшихъ естествоиспытателей, замѣчательный біологъ, авторъ цѣлой новой теоріи и многихъ замѣчательныхъ открытій въ этой отрасли науки и наставникъ и руководитель цѣлой плеяды современныхъ выдающихся ученыхъ, академикъ Карлъ Максимовичъ Бэръ (Karl Ernest v. Baer) родился 17 февраля 1792 г. въ имѣніи Пипѣ (Landgut Piep), Эстляндской губ., отъ Магнуса фонъ Бэра, бывшаго предводителемъ дворянства, и Юліи Бэръ, принадлежавшей къ той же фамиліи, какъ и его отецъ. Первоначальное воспитаніе его было домашнее, когда же ему исполнилось 15 лѣтъ, его отдали, въ 1807 г., въ «Ritter und Dohmschule» въ Ревелѣ, откуда онъ, въ 1810 году, поступилъ въ Дерптскій университетъ на медицинскій факультетъ. Въ составѣ профессоровъ факультета находилось въ это время много прекрасныхъ ученыхъ, и такимъ образомъ Бэру удалось слушать, между прочимъ, физику у Паррота (Parrot), естественную исторію у извѣстнаго ботаника Ледебура, только что замѣнившаго проф. Германа, анатомію и физіологію у Бурдаха и Цихоріуса (Ciehorius). По окончаніи университетскаго курса, онъ въ томъ же университетѣ защищалъ диссертацію на степень доктора медицины, которая и была присуждена ему единогласно. Тема диссертація его была «De morbis inter Esthonos endemicis». Въ 1817 году онъ получилъ мѣсто прозектора и приватъ-доцента въ Кенигсбергскомъ университетѣ, а въ 1819 году тамъ же занялъ каѳедру профессора зоологіи. Въ 1828 году Бэръ былъ приглашенъ въ Императорскую Академію Наукъ въ Петербургѣ, куда, однако, переѣхалъ окончательно лишь въ 1834 году.

14

надѣлалъ шума; сочиненіе Флетчера признано неблагонадежнымъ, дѣло доведено до Государя, и министръ народнаго просвѣщенія, графъ С. С. Уваровъ, 28 октября 1848 г. извѣстилъ попечителя Строганова, что О. М. переведенъ въ Казань. О. М. написалъ тогда гр. Уварову, что «по состоянію его здоровья для него единственнымъ безвреднымъ мѣстопребываніемъ можетъ быть Москва и что въ данной имъ, при отправленіи за границу, подпискѣ, онъ обязался прослужить не менѣе 12 лѣтъ именно при Московскомъ университетѣ». Министръ отвѣтилъ ему черезъ попечителя, что «принимая въ уваженіе слабость его здоровья, для котораго, по его словамъ, не вреденъ одинъ только Московскій климатъ, я предоставляю ему просить объ увольненіи вовсе отъ службы» съ сохраненіемъ обязанности дослужить 12 лѣтъ, «когда состояніе его здоровья дозволитъ ему исполнить это тамъ, гдѣ министерство признаетъ полезнымъ употребить его». О. М. подалъ въ отставку и получилъ ее 2 января 1849 г. Въ этомъ рѣшеніи, очевидно, поддерживалъ его гр. Строгановъ, въ котораго, какъ предсѣдателя Общества Исторіи и Древностей, былъ главнымъ образомъ направленъ ударъ, поразившій секретаря; въ своемъ дневникѣ О. М. записалъ впослѣдствіи, со словъ Строганова, любопытный разговоръ послѣдняго съ Государемъ; Государь обѣщалъ, что «пострадавшій отъ Уварова возвратится непремѣнно на свое мѣсто, когдо тотъ не будетъ болѣе министромъ» (см. отрывокъ изъ дневника, напечатанный А. А. Кочубинскимъ въ Истор. Вѣстн. 1887 г. т. XXX, стр. 517). «И точно, прибавляетъ О. М., ровно черезъ годъ (20 октября 1849) Уваровъ не былъ уже болѣе министромъ», а 4 декабря О. М. былъ утвержденъ въ прежнемъ званіи исправляющаго должность ординарнаго профессора Моск. Унив. Но въ должности секретаря и редактора изданій Общества Исторіи и Древностей онъ возстановленъ не былъ; по выходѣ, одновременно съ О. М., гр. Строганова, предсѣдателемъ Общества былъ А. Д. Чертковъ, а секретаремъ И. Д. Бѣляевъ; вмѣсто прекращенныхъ «Чтеній» Бѣляевъ издавалъ «Временникъ» — съ 1849 по 1857-й годъ. За этотъ промежутокъ времени издано Бодянскимъ его капитальное сочиненіе: «О времени происхожденія славянскихъ племенъ» (1855). Въ 1857 г. случилось проишествіе, которое вернуло въ Общество прежняго предсѣдателя и секретаря. Мы опишемъ это происшествіе словами дневника О. М.; конечно, здѣсь оно изображено въ очень субъективныхъ чертахъ.

«Шевыревъ, въ спорѣ съ графомъ Бобринскимъ, въ засѣданіи совѣта Московскаго Художественнаго Общества, происходившемъ въ

домѣ вице-президента А. Д. Черткова, былъ избитъ сильно и безобразно своимъ противникомъ... Мѣсяца черезъ полтора съ небольшимъ, Государь, по донесенію генералъ-губернатора, который взялъ, естественно, сторону своего помощника, рѣшилъ Бобринскому удалиться въ свою деревню и не въѣзжать въ Москву, до разрѣшенія. Черткову сдѣлать выговоръ и удалить отъ мѣста, а Шевырева удалить изъ университета... Это событіе повлекло за собой много перемѣнъ въ университетѣ и Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Чертковъ, президентъ послѣ гр. С. Г. Строганова, съ ноября 1848 г., долженъ былъ удалиться; секретарь И. Д. Бѣляевъ, выбранный послѣ меня и плясавшій по его дудкѣ и его сообщниковъ (Погодина, Шевырева, Кубарева съ братьею), хотѣлъ было наклонить все къ избранію попечителя университета Е. И. Ковалевскаго и потому не объявилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о засѣданіи Общества для избранія новаго предсѣдателя 29 марта въ пятницу въ 7 час. веч., разославши только по своему усмотрѣнію повѣстки къ членамъ. Но я, извѣстившись отъ актуарія Дмитріева, вечеромъ въ понедѣльникъ взялъ свои мѣры и пригласилъ многихъ членовъ въ засѣданіе, въ которомъ легко уже было провести свое намѣреніе. Именно, по прочтеніи секретаремъ прошенія предсѣдателя объ увольненіи его отъ этой должности, я тотчасъ прочелъ свое отношеніе въ Общество, въ которомъ, указывая на примѣръ, записанный въ протоколѣ Общества 22 февр. 1836 г., предложилъ Обществу поступить точно такимъ же образомъ и теперь, т. е. обратиться съ просьбой къ попечителю послѣдняго; но я, переговоривши завременно съ Ковалевскимъ, сказалъ, что попечитель уполномочилъ меня объявить Обществу, на случай если оно положитъ обратиться съ просьбой къ гр. Строганову о принятіи имъ на себя предсѣдательства, его покорнѣйшую просьбу извѣстить его о своемъ опредѣленіи, въ которомъ онъ не сомнѣвается, зная, что Общество не можетъ забыть отличныхъ услугъ графа для него,—чтобы и онъ могъ принять участіе въ депутаціи графу отъ Общества. Слова эти окончательно порѣшили дѣло.» Принимая депутацію, Строгановъ сказалъ, что «радъ еще послужить Обществу, если только О. М. (указывая на меня) не будетъ прочь раздѣлять съ нимъ труды его, потому что все, что онъ ни сдѣлалъ для Общества хорошаго прежде, исключительно принадлежитъ ревности и содѣйствію прежняго секретаря». Въ засѣданіи 8-го іюня, по предложенію гр. Строганова, опредѣлено было возобновить «Чтенія» (съ января 1858). «Замѣчательно, записываетъ О. М., что когда предсѣдатель объявилъ выборъ издателя, то немедленно же послѣ его словъ секретарь (Бѣляевъ)

объявилъ, съ своей стороны, готовность служить Обществу и въ этомъ случаѣ, какъ бы не видя, куда все клонится, и остался секретаремъ послѣ выбора (О. М. редакторомъ)». Дѣйствительно, какъ видно по протоколамъ, Бѣляевъ остался секретаремъ до истеченія своего трехлѣтія; только въ засѣданіи 18 декабря О. М. выбранъ былъ и въ секретари.

Мы остановились на этомъ интимномъ эпизодѣ изъ жизни Общества отчасти потому, что до сихъ поръ онъ оставался неразъясненнымъ, и самое выписанное выше мѣсто дневника О. М. еще не появлялось въ печати [1]), отчасти потому, что этотъ выборъ имѣетъ существенное значеніе въ біографіи О. М. Съ этихъ поръ до самой своей смерти О. М. остается редакторомъ Чтеній и редакторская дѣятельность занимаеть все его время; можетъ быть не случайно то обстоятельство, что дошедшій до насъ дневникъ относится какъ разъ къ годамъ вынужденной бездѣятельности по изданію, — 1849 — 1857. Сто томовъ «Чтеній», изданные О. М. и составившіе, по справедливому выраженію И. И. Срезневскаго, цѣлую «библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности не только русской, но и западно-славянской» — эти сто томовъ, конечно, составляютъ важнѣйшую заслугу О. М. передъ русской исторической наукой. Не осталась, конечно, безплодной и профессорская дѣятельность О. М.

«Что, въ какомъ порядкѣ и какъ излагалъ проф. Бодянскій, осталось извѣстнымъ только однимъ слушателямъ, говоритъ И. И. Срезневскій, и уже отъ нихъ переходило по частямъ и случайно къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ, которые желали имѣть объ этомъ свѣдѣнія. Такъ, между прочимъ, сдѣлалось извѣстно, что, начиная съ перваго года преподаванія, проф. Бодянскій постоянно посвящалъ часть своихъ изложеній объяснительному чтенію образцовъ нарѣчій Сербскаго, Чешскаго и Польскаго, и что эти чтенія при постоянномъ участіи самихъ слушателей, были самыя полезныя. Еще извѣстно, что въ кругъ его преподаванія входили, кромѣ славянскаго народоописанія по книжкѣ П. Шафарика, самимъ Бодянскимъ переведенной и изданной, разныя части исторіи литературы Сербской, Чешской и Польской, части политической исторіи славянъ, части общесравнительной грамматики славян-

---

[1]) Въ рукахъ г. Кочубинскаго находится часть дневника съ 15 апр. 1852 г. по 1857 г.; мы имѣли возможность пользоваться спискомъ съ этой части дневника, благодаря любезности проф. *Стороженко*.

скихъ нарѣчій, что всѣ или почти всѣ эти части преподаванія излагались проф. Бодянскимъ очень подробно и, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя совершенно самостоятельно. Извѣстно также, что проф. Бодянскій усердно помогалъ заниматься изученіемъ славянства тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые избирали славянство главнымъ предметомъ своихъ занятій, руководилъ ихъ учеными трудами и т. п. Нѣкоторые изъ его слушателей отзывались объ его участіи въ ихъ трудахъ съ живою признательностью. На память объ этой дѣятельности проф. Бодянскаго осталось нѣсколько напечатанныхъ, очень замѣчательныхъ изслѣдованій, между прочимъ разборъ сербо-лужицкихъ нарѣчій г. Новикова, исторія сербскаго языка г. Майкова и др.» (Зап. Акад.·Наукъ, т. XXXI, 116 — 117). Какъ извѣстно теперь, подлинныя лекціи Бодянскаго пріобрѣтены у букинистовъ г. Гатцукомъ; нѣсколько времени тому назадъ владѣлецъ предлагалъ ихъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ»; но какой ходъ имѣло это предложеніе, намъ неизвѣстно.

Профессорская дѣятельность О. М. продолжалась до 1868 г., когда, при выборѣ его послѣ выслуги срока на пятилѣтіе, онъ былъ забаллотированъ, преимущественно вслѣдствіе вліянія Леонтьева. Этотъ неожиданный ударъ страшно поразилъ О. М.; сгоряча онъ думалъ одновременно съ университетомъ бросить и Общество и самую Москву. «Въ послѣднихъ числахъ октября, пишетъ онъ М. И. Семевскому (Р. Стар. 1879, т. XXV, 215, письмо отъ 28 ноября 1868), я *принужденъ* добрыми людьми удалиться изъ университета; съ удаленіемъ же изъ университета я *вынужденъ* оставить и «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ», какъ состоящее при ономъ, и направиться въ болѣе благопріятный для меня край — коротать свой вѣкъ... Статься можетъ, помянутъ когда-нибудь и того чудака, что, почти безъ всякихъ средствъ, съумѣлъ однако-же, всѣми забытое «Общество», спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудить къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ Обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша». «Дѣло уладилось говоритъ М. И. Семевскій, Общество и предсѣдатель его, гр. С. Г. Строгановъ, постоянный покровитель и защитникъ О. М. во всѣхъ напастяхъ... съумѣли удержать на службѣ своего неутомимаго секретаря». Но чувство обиды осталось; еще 28 декабря 1871 г. О. М., отказываясь участвовать въ юбилеѣ Погодина, пишетъ послѣднему «къ величайшему моему горю, присутствовать среди людей, изгнавшихъ меня съ такимъ шумомъ и гамомъ, не въ состояніи...; люди

прейдутъ, но не пройдетъ позоръ, наложенный ими на меня; съ нимъ мнѣ суждено и въ могилу лечь» (Чт. О. И. и Др. 1884, III, письма Погодина, 21).

Оставшись секретаремъ и редакторомъ Чтеній, О. М. пережилъ еще одинъ тяжелый моментъ въ жизни Общества; въ 1873 году напечатана была въ Чтеніяхъ (1-я кн.) знаменитая «трилогія на трилогію»; авторъ этой статьи горячо и убѣжденно сталъ на сторону противниковъ г. Любимова въ полемикѣ по поводу университетской реформы. По этому поводу завязалась переписка между предсѣдателемъ Общества, гр. С. Г. Строгановымъ и Министромъ Народнаго Просвѣщенія, и гр. Строгановъ, въ результатѣ этой переписки, долженъ былъ (отъ 14 декабря 1873 г.) «сообщить Обществу, въ первомъ его засѣданіи, что графъ Толстой желаетъ на будущее время обязать секретаря — о всѣхъ, назначенныхъ имъ для печатанія статьяхъ, докладывать предварительно, въ срочныхъ засѣданіяхъ Обществу» и т. д. Къ этому сообщенію гр. Строгановъ прибавилъ: «въ надеждѣ, что впредь не повторится подобный случай, я не могу не оцѣнить, въ интересахъ науки, всей важности продолженія настоящихъ занятій по журналу г. Бодянскаго, который болѣе 25 лѣтъ съ такимъ примѣрнымъ усердіемъ посвящаетъ свои труды на пользу О. И. и Др. Р.» (Протоколъ 22 января 1874 г., въ «Чтеніяхъ» 1875, кн. I).

Выгородивъ, такимъ образомъ О. М., Строгановъ, въ письмѣ отъ 25 января 1874 г., прочтенномъ въ томъ же засѣданіи, послѣ только что цитированной бумаги, слагалъ съ себя званіе предсѣдателя. Новые выборы не были утверждены министромъ, и только черезъ годъ слишкомъ, съ выборомъ въ предсѣдатели М. П. Погодина (въ засѣданіи 21 апрѣля 1875), возстановилась правильная жизнь Общества и правильное изданіе книжекъ «Чтеній»; новому предсѣдателю было Высочайше повелѣно, «чтобы всѣ изданія онаго печатались не иначе, какъ съ его разрѣшенія и подъ его личною отвѣтственностью» (Протоколъ 24 мая 1875 г. въ «Чтеніяхъ» 1875 г., кн. III). Самый выборъ Погодина былъ произведенъ при содѣйствіи О. М., какъ видно изъ его записки къ Погодину, написанной утромъ, въ день засѣданія: «вы отвѣтьте мнѣ прямо и ясно, угодно вамъ быть предсѣдателемъ Общества? Если *да*, — будете». Какъ извѣстно, въ томъ же 1875 году Погодинъ скончался; два года спустя, 6-го сентября 1877 г., сошелъ за нимъ въ могилу и О. М. Бодянскій.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества О. М. Бодянскій былъ избранъ 4-го октября 1864 года.

И. Д. Мансветовъ.

(1843 † 1885.)

Иванъ Даниловичъ Мансветовъ родился въ Москвѣ, отъ священника женскаго Новодѣвичьяго монастыря, здѣсь же воспитывался и получилъ образованіе сперва въ Московскомъ Донскомъ училищѣ, потомъ въ Московской же духовной семинаріи и наконецъ въ Московской духовной академіи, находящейся въ Сергіевомъ Посадѣ, Московской губерніи. Оставленный при академіи, по окончаніи въ ней курса, профессоромъ церковной археологіи, онъ жилъ, однако, не въ Сергіевомъ Посадѣ, а опять въ Москвѣ, гдѣ и положенъ на вѣчный покой, по смерти, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Такимъ образомъ, онъ почти все время, можно сказать, дышалъ исключительно атмосферою Москвы. И хотя съ дѣтства своего И. Д. не предполагалъ, конечно, быть археологомъ по профессіи, однако вышло такъ, что благодаря его воспитанію въ Москвѣ, въ немъ безсознательно подготовлялась надлежащая къ тому почва, которая оказалась тѣмъ болѣе плодотворною, что природа щедро одарила его духовными способностями, равно какъ и привлекательными внѣшними качествами. По окончаніи курса въ Московскомъ Донскомъ училищѣ, въ 1858 году, онъ поступилъ въ Московскую духовную семинарію и, кончивъ черезъ 6 лѣтъ первымъ по списку ученикомъ семинарскій курсъ въ 1864 году, онъ поступилъ въ Московскую духовную академію. Академія не замедлила оцѣнить талантливаго молодаго человѣка, и Мансветовъ, еще будучи студентомъ академіи, былъ уже предназначенъ, по распоряженію Горскаго, къ профессорской должности въ самой академіи. Еще за годъ до окончанія курса своего въ послѣдней, И. Д. зналъ, что сдѣлавшаяся

въ 1867 году вакантною каѳедра церковной археологіи и гомилетики будетъ предоставлена ему. Поэтому, въ теченіе послѣдняго своего учебнаго академическаго (1867—1868) года, онъ долженъ былъ нести двойной трудъ: и писать магистерскую диссертацію и изучать предметы своей будущей каѳедры. Трудъ этотъ еще болѣе отягощался тѣмъ, что предметъ диссертаціи былъ совершенно иной, нежели предметы его каѳедры. Онъ писалъ по догматическому богословію на тему: *Ученіе восточной церкви о нравственныхъ силахъ человѣка падшаго и о благодати*. Диссертацію И. Д. написалъ такъ, что окончилъ курсъ первымъ магистромъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной мѣрѣ подготовилъ себя и къ чтенію лекцій по той каѳедрѣ, къ которой предназначался. Это было въ 1868 году, которымъ, въ то же время, начинается, собственно, служебная и научно-самостоятельная жизнь и дѣятельность его.

Когда И. Д., на послѣднемъ году своего ученія въ академіи, подготовлялся къ занятію въ ней каѳедры церковной археологіи и гомилетики, тогда уже пересмотръ прежняго (1809—1814 г.) академическаго устава и редактированіе новаго приходили къ концу, и ему самому не безъизвѣстно было, что съ гомилетикою церковная археологія соединена будетъ лишь до преобразованія Московской академіи по уставу 1869 года, въ силу коего археологія соединена будетъ уже не съ гомилетикой, а съ своей естественной союзницей — литургикою. Поэтому онъ мало занимался гомилетикою, а главное вниманіе обратилъ на церковную археологію, въ которой, если не могъ оказать ему помощи его предшественникъ по каѳедрѣ, то могъ дать и давалъ благіе совѣты такой ея знатокъ, какимъ былъ А. В. Горскій, а потомъ и другъ послѣдняго, П. С. Казанскій. Но это только на первыхъ порахъ и въ особыхъ случаяхъ. Если же принять во вниманіе то, какъ понимаема была и преподавалась въ академіяхъ церковная археологія до времени профессорства И. Д., и какъ сталъ понимать и преподавать ее послѣдній, вмѣстѣ съ лучшими людьми своего времени, то ясно станетъ, что главнѣйшимъ образомъ въ этомъ отношеніи И. Д. обязанъ былъ собственнымъ усиліямъ въ разработкѣ предмета своей науки, лишь въ его время и начавшей быть въ строгомъ смыслѣ наукою. Какъ извѣстно, до 1844 года въ духовныхъ академіяхъ преподаваемы были, вмѣстѣ съ церковною исторіею, *церковныя древности*. Подъ именемъ церковныхъ древностей разумѣлись тогда лишь правильныя свѣдѣнія о происхожденіи, сохраненіи и измѣненіи общихъ наружныхъ формъ, въ которыя облекается ученіе церкви,—обрядовъ, которыми украшается ея бого-

служеніе, и — учрежденій, которыя образуютъ ея общественное постановленіе. Сообразно этому понятію, вся наука о церковныхъ древностяхъ раздѣлялась на три части: на древности ученія, древности богослуженія и древности церковнаго постановленія. Всѣ эти предметы, очевидно, граничатъ съ церковною исторіею и должны были быть преподаваемы такъ, чтобы «древности дополняли исторію, а исторія дополняла древности». Изъ этого ясно, какъ мало самостоятельнаго было въ наукѣ о церковныхъ древностяхъ. Въ этомъ значеніи наука о нихъ продолжала быть преподаваема въ академіяхъ не только до 1844 года, когда получила наименованіе *церковной археологіи*, но и послѣ того до самаго 1869 года. И только нѣкоторые профессора выступили въ свѣтъ съ нѣсколькими, болѣе или менѣе высокаго достоинства, болѣе или менѣе самостоятельными изслѣдованіями по различнымъ частнымъ вопросамъ въ области этой науки. И. Д., которому лично присуще было, кромѣ всего вышесказаннаго, стремленіе идти повсюду, по возможности, новыми путями, при первомъ же знакомствѣ съ предметомъ этой науки, понялъ, что такъ вести дѣло преподаванія ея, какъ оно ведено было до него, нельзя, и что ея зданіе необходимо строить на новыхъ началахъ. Церковную археологію онъ понялъ, какъ науку о вещественныхъ церковныхъ (или шире — религіозныхъ) памятникахъ, при чемъ въ нее органически входила бы исторія церковнаго искусства. При такомъ пониманіи науки, съ одной стороны, выбрасывалось изъ прежняго ея состава многое, принадлежавшее къ областямъ другихъ наукъ, а съ другой — расширялась существенно ей принадлежащая область, и наконецъ она ставилась въ тѣсную и въ то же время естественную связь съ литургикою или наукою о богослуженіи. Но въ то же время, при такомъ пониманіи науки, отъ молодого профессора на первыхъ же порахъ потребовалось такъ много труда и усилій для ознакомленія съ массою работъ иностранныхъ, главнымъ образомъ, ученыхъ по части археологіи, что только съ его умомъ, энергіею, съ его знаніемъ языковъ и трудолюбіемъ можно было надѣяться на успѣхъ всѣхъ этихъ усилій и трудовъ. Затѣмъ, на первыхъ же порахъ И. Д. долженъ былъ ознакомиться съ нѣкоторыми вспомогательными предметами знанія, о которыхъ въ академіи онъ не получилъ никакихъ свѣдѣній съ профессорскихъ каѳедръ и которые, однако, необходимы были для постройки зданія его системы. Прежде всего, кромѣ языковъ классическихъ изъ древнихъ, и нѣмецкаго, французскаго и англійскаго изъ новыхъ, знаніемъ коихъ онъ обладалъ уже во время ученія въ академіи, И. Д., уже

будучи на каѳедрѣ, изучилъ языкъ итальянскій, чтобы читать въ подлинникѣ такія работы, какъ де-Росси, Родотье. Знакомство съ славянскими рукописями побудило его приняться за изученіе нарѣчій сербскаго и болгарскаго, и онъ съ ними познакомился основательно. Занятія же рукописями побудили его изучить палеографію; и онъ изучилъ ее также вполнѣ основательно. Но кромѣ книжнаго знакомства съ предметомъ своей каѳедры, И. Д. вскорѣ же почувствовалъ нужду въ болѣе наглядномъ знакомствѣ съ нимъ при помощи путешествій съ археологическою цѣлію, археологическихъ экскурсій и т. п. Такъ, онъ посѣтилъ наиболѣе замѣчательные своими древностями Владиміръ на Клязьмѣ, Новгородъ Великій, Херсонесъ Таврическій, Кавказъ и другія мѣстности нашего обширнаго отечества. Такъ какъ предметъ каѳедры И. Д. былъ слишкомъ необработанъ, а въ отношеніи къ археологіи, за то время, не получилъ еще и научной устойчивости, такъ какъ онъ къ тому же во всемъ своемъ объемѣ былъ слишкомъ обширенъ, то И. Д., постоянно работая надъ нимъ, едва не ежегодно мѣнялъ курсъ своихъ лекцій, то сокращая извѣстныя части его, то совсѣмъ отбрасывая нѣкоторыя изъ нихъ а то, наоборотъ, пополняя его новыми частями, подвергая новой обработкѣ прежнее въ немъ или же замѣняя прежнее новымъ.

И. Д. началъ свою службу и свои лекціи по церковной археологіи въ сентябрѣ 1868 года, когда уже шли приготовленія къ задуманному и устроенному предсѣдателемъ Московскаго Археологическаго Общества, графомъ А. С. Уваровымъ, первому археологическому Съѣзду въ Москвѣ. И онъ былъ командированъ, вмѣстѣ съ П. С. Казанскимъ, отъ Московской духовной академіи въ качествѣ депутата на этотъ Съѣздъ.

Явившись на Съѣздъ, 25—26-лѣтній баккалавръ И. Д., среди знаменитыхъ ученыхъ, собравшихся на этотъ Съѣздъ не только изъ Россіи, но и изъ-за границы, не убоялся выступить съ своимъ рефератомъ: 1) *По вопросу объ архитектурѣ XII вѣка въ Суздальскомъ княжествѣ*, въ которомъ возражалъ на положеніе графа А. С. Уварова объ обронныхъ украшеніяхъ фасадовъ, состоящихъ изъ предметовъ животнаго и растительнаго царства, утверждая, что такія украшенія, замѣченныя на фасадахъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ, не составляютъ исключительной принадлежности романскаго стиля, но употреблялись и въ византійской архитектурѣ. Этотъ рефератъ (или мнѣніе) напечатанъ въ *Трудахъ Перваго Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ 1869 г.*, изданныхъ подъ редакціей гр. А. С. Уварова, т. I, стр. 272—276 (срав. тамъ же, стр. XCV—XCVI).

И. Д. Мансветовъ.

(1843 † 1885.)

Иванъ Даниловичъ Мансветовъ родился въ Москвѣ, отъ священника женскаго Новодѣвичьяго монастыря, здѣсь же воспитывался и получилъ образованіе сперва въ Московскомъ Донскомъ училищѣ, потомъ въ Московской же духовной семинаріи и наконецъ въ Московской духовной академіи, находящейся въ Сергіевомъ Посадѣ, Московской губерніи. Оставленный при академіи, по окончаніи въ ней курса, профессоромъ церковной археологіи, онъ жилъ, однако, не въ Сергіевомъ Посадѣ, а опять въ Москвѣ, гдѣ и положенъ на вѣчный покой, по смерти, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Такимъ образомъ, онъ почти все время, можно сказать, дышалъ исключительно атмосферою Москвы. И хотя съ дѣтства своего И. Д. не предполагалъ, конечно, быть археологомъ по профессіи, однако вышло такъ, что благодаря его воспитанію въ Москвѣ, въ немъ безсознательно подготовлялась надлежащая къ тому почва, которая оказалась тѣмъ болѣе плодотворною, что природа щедро одарила его духовными способностями, равно какъ и привлекательными внѣшними качествами. По окончаніи курса въ Московскомъ Донскомъ училищѣ, въ 1858 году, онъ поступилъ въ Московскую духовную семинарію и, кончивъ черезъ 6 лѣтъ первымъ по списку ученикомъ семинарскій курсъ въ 1864 году, онъ поступилъ въ Московскую духовную академію. Академія не замедлила оцѣнить талантливаго молодаго человѣка, и Мансветовъ, еще будучи студентомъ академіи, былъ уже предназначенъ, по распоряженію Горскаго, къ профессорской должности въ самой академіи. Еще за годъ до окончанія курса своего въ послѣдней, И. Д. зналъ, что сдѣлавшаяся

архимандрита (нынѣ епископа) Сергія (Спасскаго): *Полный мѣсяцесловъ востока*. Т. 1—2. М. 1875—1876, представленномъ на соисканіе преміи графа Уварова, имѣло для него громадное значеніе. Серьезно взявшись за разсмотрѣніе и разборъ этого капитальнаго труда, И. Д. счелъ нужнымъ провѣрить и пересмотрѣть весь тотъ сырой и неразработанный дотолѣ матеріалъ, на основаніи котораго составлялъ свой трудъ преосв. Сергій, и который бралъ онъ какъ изъ нашихъ русскихъ знаменитыхъ библіотекъ, такъ и изъ заграничныхъ, при чемъ просмотрѣлъ множество рукописей греческихъ и до 1500 рукописей славяно-русскихъ, не говоря о болѣе или менѣе крупныхъ и иногда весьма рѣдкихъ печатныхъ изданіяхъ, особенно заграничныхъ. Къ тому же, болѣе двухъ третей 1-го тома этого труда, посвящены, почти исключительно, рѣшенію вопросовъ по исторіи богослуженія въ церкви византійской и нашей русской. Провѣряя и пересматривая все это, И. Д. настолько самъ заинтересовался литургическою стороною дѣла и углубился въ область исторіи богослуженія православнаго, что не только составилъ основательную *рецензію* или отзывъ на означенное сочиненіе, признанный отъ самой Академіи Наукъ цѣннымъ вкладомъ въ историческую и церковно-археологическую науку, удостоенный отъ нея (Академіи Наукъ) золотой медали и напечатанный въ *Запискахъ Академіи Наукъ* 1878, т. XXXIII (и отдѣльно, Спб. 1878), но и самъ началъ рядъ интереснѣйшихъ и серьезнѣйшихъ изслѣдованій въ области литургики, для которыхъ у него накопилось теперь такъ много рукописнаго матеріала, въ большинствѣ случаевъ, еще не тронутаго никѣмъ изъ ученыхъ. Собравъ ихъ во едино, исправивъ и въ значительной мѣрѣ дополнивъ, онъ въ 1885 году выпустилъ ихъ въ свѣтъ отдѣльною книгою, подъ заглавіемъ: *Церковный уставъ (типикъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви*. Москва, 1885. Это сочиненіе, которое заслужило автору его, по новому академическому уставу (1884 г.), ученую степень доктора церковной исторіи, и удостоено двухъ премій преосв. Макарія (Булгакова)—отъ св. Синода и отъ Московской духовной академіи,—по справедливости признается таковымъ, что должно служить руководящею книгою не только въ кабинетѣ ученаго изслѣдователя вопроса о церковномъ уставѣ, но и на столѣ будущихъ справщиковъ этой важнѣйшей въ кругу церковномъ книги. Послѣ этого капитальнѣйшаго труда явилось въ печати изъ той же области лишь: *О постахъ православной восточной церкви* (напечат. въ *Приб. къ Творен.* 1885, XXXVI, и 1886, XXXVII).—Углубившись такимъ образомъ въ область литургики,

И. Д., однакоже, не покинулъ и области церковной археологіи и церковно-археологическихъ занятій, равно какъ и отношеній къ Московскому Археологическому Обществу. Къ послѣднему, напротивъ, онъ даже становится годъ отъ году ближе и ближе, своею живою, энергическою и высокопросвѣщенною дѣятельностію сильно споспѣшествуя его дѣятельности и осуществленію его задачъ. Кромѣ того, что̀ мы уже видѣли выше изъ напечатаннаго имъ по археологіи и за восьмидесятые годы, мы должны сказать, что и прежде этихъ годовъ, участвуя въ различныхъ комитетахъ и коммиссіяхъ, назначаемыхъ отъ Общества для различнаго рода археологическихъ цѣлей, съ тѣхъ поръ какъ въ 1883 году онъ былъ избранъ въ въ секретари Общества, онъ редактировалъ *Труды* Общества (II и III выпуски IX-го тома. М. 1883); составлялъ *отчеты* его (какъ напр. за 1882—1883 годъ въ IX т., вып. II и III, и за 1883—84 въ т. X-мъ) и въ послѣднее время своей жизни, уже удрученный тяжкою болѣзнью, сведшею его во гробъ,—велъ корректуру *Трудовъ* Общества (см. *Древности* XI, стр. 21 отч. за 1884—1885 г.) и др., и наконецъ, находясь уже на краю гроба, увѣнчалъ свои добрыя и близкія отношенія къ Обществу составленіемъ статьи въ память почившаго въ самомъ концѣ 1884 года основателя и безсмѣннаго предсѣдателя того же Общества, графа А. С. Уварова, подъ заглавіемъ: *Графъ А. С. Уваровъ по отношенію къ Византійской археологіи*. Эта статья напечатана въ книжкѣ: *Незабвенной памяти графа А. С. Уварова.* (Москва, 1885).—Сверхъ отношенія къ Московской дух. академіи и Императорскому Московскому Археологическому Обществу, И. Д. былъ дѣятельнымъ членомъ и другихъ обществъ и учрежденій. Такъ, еще въ 1872 году онъ избранъ былъ въ дѣйствительные члены Общества любителей духовнаго просвѣщенія; въ 1876 году — въ дѣйствительные же члены Этнографическаго отдѣла Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, въ которомъ, вскорѣ же послѣ избранія въ члены, прочиталъ рефератъ: *О культѣ рода и рожаницъ въ древней Руси* (см. *Годичн. актъ въ Моск. Д. Ак. 1 окт. 1877 г.*, стр. 31); а въ 1882 году избранъ былъ въ дѣйствительные члены Русскаго Археологическаго Общества въ Петербургѣ;—состоялъ членомъ Коммиссіи по устройству Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея и т. д.—Всѣ эти, равно какъ и другіе многіе труды И. Д. надломили силы его, подточенныя къ тому же серьезною болѣзнью, которую онъ испыталъ еще въ 1875 году, и которая въ другомъ видѣ явилась къ нему непрошенною гостьею лѣтъ черезъ девять

послѣ того. И онъ скончался, будучи лишь 42-хъ лѣтъ отъ роду. Предъ самою кончиною онъ утвержденъ былъ въ степени доктора церковной исторіи. «Едва успѣлъ ты увѣнчаться лавромъ,—говорилъ ему въ надгробной рѣчи одинъ изъ его сослуживцевъ по академіи, какъ ангелъ смерти уложилъ тебя во гробъ. Смерть поразила тебя въ тотъ моментъ, когда духъ твой обнаружилъ особенно сильную энергію и жизненность».

С. М. Соловьевъ.

(1820—1879.)

Десять лѣтъ прошло уже со времени смерти Сергѣя Михайловича Соловьева, а между тѣмъ ничего почти не сдѣлано для его біографіи; до сихъ поръ приходится довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя сообщены имъ самимъ въ короткой автобіографической запискѣ для Словаря Профессоровъ Моск. Университета» (II, 433—5); нѣкоторыя новыя данныя есть въ актовой рѣчи проф. Ключевскаго о Соловьевѣ и въ статьѣ проф. Герье (Историческій Вѣстникъ); то, что встрѣтится новаго въ нашемъ некрологѣ, почерпнуто изъ формуляра Соловьева и изъ сообщеній близкихъ къ Соловьеву лицъ. Конечно, это относится къ *фактамъ;* отвѣтственность за *освѣщеніе* лежитъ всецѣло на составителѣ этого некролога.

С. М. Соловьевъ родился въ Москвѣ 5 мая 1820 года въ домѣ Коммерческаго училища, гдѣ отецъ его, протоіерей Михаилъ Васильевичъ, былъ законоучителемъ. До тринадцати лѣтъ онъ воспитывался дома; затѣмъ поступилъ въ третій классъ первой Московской гимназіи, въ которой и окончилъ курсъ въ 1838 году. «Еще дома и въ гимназіи любимымъ чтеніемъ его былѣ книги историческія»; эта фраза автобіографической записки есть все, что мы знаемъ о раннихъ склонностяхъ Соловьева. Другія данныя указываютъ на то, что въ гимназіи С. М. преимущественно занимался классиками: выпускная рѣчь его на гимназическомъ актѣ посвящена значенію древнихъ классическихъ языковъ «при изученіи языка отечественнаго»; даже въ университетѣ, по разсказу самого Соловьева, профессоръ римской словесности, Крюковъ, предлагалъ ему остаться на этой каѳедрѣ. Но, по словамъ автобіогр. записки, и «въ университѣ онъ посвятилъ себя окончательно историческимъ занятіямъ, преимущественно же занятіямъ русскою исторіею». Что Соловьевъ, дѣйствительно, уже въ

послѣ того. И онъ скончался, будучи лишь 42-хъ лѣтъ отъ роду. Предъ самою кончиною онъ утвержденъ былъ въ степени доктора церковной исторіи. «Едва успѣлъ ты увѣнчаться лавромъ,—говорилъ ему въ надгробной рѣчи одинъ изъ его сослуживцевъ по академіи, какъ ангелъ смерти уложилъ тебя во гробъ. Смерть поразила тебя въ тотъ моментъ, когда духъ твой обнаружилъ особенно сильную энергію и жизненность».

С. М. Соловьевъ.

(1820 — 1879.)

Десять лѣтъ прошло уже со времени смерти Сергѣя Михайловича Соловьева, а между тѣмъ ничего почти не сдѣлано для его біографіи; до сихъ поръ приходится довольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя сообщены имъ самимъ въ короткой автобіографической запискѣ для Словаря Профессоровъ Моск. Университета» (II, 433 — 5); нѣкоторыя новыя данныя есть въ актовой рѣчи проф. Ключевскаго о Соловьевѣ и въ статьѣ проф. Герье (Историческій Вѣстникъ); то, что встрѣтится новаго въ нашемъ некрологѣ, почерпнуто изъ формуляра Соловьева и изъ сообщеній близкихъ къ Соловьеву лицъ. Конечно, это относится къ *фактамъ*; отвѣтственность за *освѣщеніе* лежитъ всецѣло на составителѣ этого некролога.

С. М. Соловьевъ родился въ Москвѣ 5 мая 1820 года въ домѣ Коммерческаго училища, гдѣ отецъ его, протоіерей Михаилъ Васильевичъ, былъ законоучителемъ. До тринадцати лѣтъ онъ воспитывался дома; затѣмъ поступилъ въ третій классъ первой Московской гимназіи, въ которой и окончилъ курсъ въ 1838 году. «Еще дома и въ гимназіи любимымъ чтеніемъ его былѣ книги историческія»; эта фраза автобіографической записки есть все, что мы знаемъ о раннихъ склонностяхъ Соловьева. Другія данныя указываютъ на то, что въ гимназіи С. М. преимущественно занимался классиками: выпускная рѣчь его на гимназическомъ актѣ посвящена значенію древнихъ классическихъ языковъ «при изученіи языка отечественнаго»; даже въ университетѣ, по разсказу самого Соловьева, профессоръ римской словесности, Крюковъ, предлагалъ ему остаться на этой каѳедрѣ. Но, по словамъ автобіогр. записки, и «въ университѣ онъ посвятилъ себя окончательно историческимъ занятіямъ, преимущественно же занятіямъ русскою исторіею». Что Соловьевъ, дѣйствительно, уже въ

университетѣ серьезно занялся русской исторіей, это доказывается и тѣмъ, что Погодинъ обратилъ на него вниманіе еще на студенческой скамьѣ и даже рекомендовалъ въ 1842 году для замѣщенія своей каѳедры, которую тогда собирался временно оставить; руководство Погодина сказалось и въ первыхъ теоріяхъ Соловьева, составлявшихъ только дальнѣйшее развитіе теорій его учителя. Однако же обстоятельства, которыя предстоитъ разъяснить біографу Соловьева, скоро поссорили ученика съ учителемъ; столкновеніе приняло принципіальную окраску, при которой Соловьеву досталась вдвойнѣ выгодная роль: онъ выступилъ представителемъ молодого поколѣнія, и его теоріи, навѣянныя идеями Погодина, получали теперь значеніе вполнѣ самостоятельнаго ученія, послѣ того, какъ Погодинъ отъ нихъ торжественно отрекся. Но за принципіальной окраской, несомнѣнно стояли и мотивы личнаго характера: Погодинъ не могъ помириться съ самостоятельностью и независимостью характера Соловьева; это подготовило почву для столкновенія, а затѣмъ явился и поводъ къ столкновенію, когда Соловьевъ былъ выдвинутъ попечителемъ гр. Строгановымъ, какъ замѣститель Погодина по каѳедрѣ. Графу С. Г. Строганову Соловьевъ былъ извѣстенъ уже при окончаніи курса (1842) и тогда же былъ имъ рекомендованъ брату его, гр. А. Г. Строганову, съ семействомъ котораго С. М. ѣздилъ за границу. Эта заграничная поѣздка продолжалась два года; большую часть времени С. М. провелъ въ Парижѣ, гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ у С. Марка Жирардена, Филарета Шаля, Кине, Ампера, Мишле и др. Впрочемъ, заграничныя впечатлѣнія не помѣшали ему и тамъ «разработывать преимущественно тѣ предметы, которые имѣли отношеніе къ его главному предмету—отечественной исторіи». Это объясняетъ отчасти быстрый ходъ работъ Соловьева по возвращеніи изъ-за границы; вернувшись въ 1844 г., онъ въ началѣ слѣдующаго уже выдержалъ магистерскій экзаменъ и представилъ факультету диссертацію «объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ»; затѣмъ, 27 іюля, по предложенію попечителя графа Строганова, былъ избранъ преподавателемъ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, началъ лекціи, въ октябрѣ защитилъ диссертацію, въ ноябрѣ утвержденъ въ званіи магистра и исправляющаго должность адъюнкта по каѳедрѣ русской исторіи. Далѣе ученая и служебная карьера Соловьева развивалась съ такой же быстротой: въ іюнѣ 1847 онъ защитилъ вторую свою диссертацію «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», 17 іюля получилъ степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики и, по избраніи совѣта, 30 сентября утвержденъ въ званіи

экстраординарнаго профессора. Параллельно съ учеными работами шло чтеніе лекцій; въ первый годъ преподаванія (1845—6) Соловьевъ читалъ курсъ, соответствовавшій темѣ второй диссертаціи, «особенно обращая вниманіе слушателей на родовой бытъ господствовавщій въ древней Руси, и постепенный переходъ его въ бытъ государственный»; тогда же онъ началъ и рядъ своихъ спеціальныхъ курсовъ: въ 1845—6 г. была прочтена «Исторія междуцарствія»; въ 1846—7 г. «Царствованіе трехъ первыхъ Романовыхъ»; въ 1847—8 г. «Исторія Петра» и т. д.; эти курсы послужили матеріаломъ для «обзоровъ» и «очерковъ» соотвѣтственныхъ эпохъ, печатавшихся въ Современникѣ и въ Отечественныхъ Запискахъ (1848—51). Въ 1851 Соловьевъ началъ свою «Исторію Россіи»; этотъ огромный трудъ, котораго каждый годъ появлялось по тому, поглотилъ все ученое вниманіе С. М. въ остальные 29 лѣтъ жизни. Замыселъ, написать полную исторію Россіи послѣ Карамзина, казался черезчуръ смѣлымъ въ то время и первые томы далеко не встрѣтили того всеобщаго одобренія, которое вызвали обѣ диссертаціи Соловьева; за поднесеніе перваго тома, какъ мы слышали, С. М. получилъ выговоръ; съ другой стороны славянофилы находили, что исторію Россіи писать рано въ виду полнаго отсутствія подготовительныхъ работъ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ работы, высшая администрація перемѣнила свой взглядъ; Соловьевъ не только получилъ доступъ въ московскіе и петербургскіе архивы, но для него спеціально составлялись новыя описи; въ качествѣ преподавателя Наслѣдника, онъ имѣлъ возможность пользоваться безпрепятственно, едва ли не первый послѣ К. Арсеньева, документами архива въ Петербургѣ.

Но если архивныя занятія дали «Исторіи» Соловьева во многихъ мѣстахъ значеніе первоисточника, то, съ другой стороны, теоретическимъ требованіямъ она удовлетворяла такъ же мало, или еще менѣе, чѣмъ прежде; не говоря уже о неразработанности матеріала, конечно самая форма погоднаго изложенія и ежегоднаго изданія дѣлала невозможнымъ изученіе внутреннихъ историческихъ процессовъ; при постоянной спѣшности работы приходилось слѣдовать матеріалу и скорѣй излагать его, чѣмъ имъ пользоваться. Можетъ быть, впрочемъ, эта форма и эта задача лучше всего соотвѣтствовали складу ума Соловьева и его огромной рабочей силѣ. По складу ума С. М. занялъ среднее положеніе между Погодинымъ съ одной стороны и Кавелинымъ съ теоретиками славянофильства—съ другой, но ближе къ первому, чѣмъ ко вторымъ: слишкомъ образованный, чтобы отвергать, подобно Погодину, значеніе теоріи, онъ обладалъ слишкомъ нефилософскимъ умомъ, чтобы подчинить историческое изученіе общему міро-

воззрѣнію, какъ дѣлали вторые; онъ одинаково защищалъ теоретическія построенія отъ Погодина и историческія факты отъ славянофиловъ; но, несомнѣнно, что самъ онъ былъ сильнѣе въ историческихъ фактахъ, чѣмъ въ теоретическихъ построеніяхъ, и попытки связать то и другое часто выходили у него внѣшними и механическими.

Быстрый ростъ извѣстности Соловьева сказался и въ томъ, что уже въ 1859 году, въ ноябрѣ, онъ приглашенъ былъ на полтора года для занятій съ Наслѣдникомъ (и одновременно командированъ въ Петербургъ для принятія участія въ совѣщаніяхъ относительно университетской реформы); затѣмъ, онъ еще разъ занимался съ Наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ съ августа 1862 по 1-е января 1863; а по смерти Цесаревича Николая Александровича приглашенъ былъ (23 сентября 1865) къ нынѣ царствующему Государю на первое полугодіе 1866 года.

Рядомъ съ учеными и педагогическими занятіями Соловьева необходимо упомянуть и о его служебной дѣятельности по выборнымъ университетскимъ должностямъ. По смерти Грановскаго (1855), С. М. былъ утвержденъ въ званіи декана и оставался въ этой должности до лѣта 1869. Въ концѣ этого промежутка времени произошло событіе, едва не положившее конца профессорской дѣятельности Соловьева. Въ совѣтѣ университета произошла одна баллотировка, результаты которой оказались нежелательными для высшей администраціи; вмѣсто того, чтобъ кассировать выборъ, она измѣнила совѣтское рѣшеніе, присоединивъ къ голосамъ меньшинства голосъ одного изъ членовъ совѣта, оставшійся по случайнымъ обстоятельствамъ неподаннымъ. Считая такое измѣненіе нарушеніемъ правъ университетской корпораціи Соловьевъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми профессорами, державшимися того же мнѣнія, подалъ въ отставку. Однако, прошенію его не было дано хода и, по личному желанію Государя, Соловьевъ взялъ свою отставку назадъ.

Черезъ четыре года послѣ этого событія (1871 г. 3 февр.) Соловьевъ сдѣлался ректоромъ университета и оставался въ этой должности по 16 мая 1877 года; въ это время случилось другое печальное событіе, которое положило конецъ не только ректорству, но и вообще университетскому служенію Соловьева. Нѣсколько профессоровъ (въ ихъ числѣ покойный С. А. Усовъ) написали извѣстное письмо г. Любимову, напечатанное въ свое время г. Любимовымъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ съ его отвѣтомъ. Соловьевъ по поводу этого письма получилъ непріятности по своему служебному положенію ректора. Не считая эти непріятности заслуженными, онъ подалъ

вторично въ отставку, и на этотъ разъ, вслѣдствіе недоброжелательнаго къ нему отношенія нѣкоторыхъ лицъ высшей администраціи, получилъ ее. Соловьевъ слишкомъ сроднился съ университетомъ, чтобы перенести этотъ ударъ спокойно; факультетъ, правда, старался смягчить его и пригласилъ Соловьева продолжать лекціи; такимъ образомъ, въ сезонъ 1878—9 онъ читалъ въ университетѣ свой послѣдній курсъ: но всѣ, знавшіе Соловьева, утверждаютъ, что въ этотъ годъ онъ былъ неузнаваемъ. 4 октября 1879 г. Соловьевъ скончался.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества С. М. Соловьевъ былъ избранъ 4-го октября 1864 года.

К. К. Герцъ.

(1820—1883.)

Карлъ Карловичъ Гёрцъ родился 16 февраля 1820 года въ С.-Петербургѣ въ семьѣ, происходившей изъ шведскаго дворянства. Для первоначальнаго образованія онъ былъ помѣщенъ родителями въ Московскую Коммерческую Академію, гдѣ пробылъ онъ до окончанія курса. Но науки, преподававшіяся здѣсь, нисколько не соотвѣтствовали природнымъ наклонностямъ юноши, душу котораго влекло въ область поэзіи, исторіи и изящныхъ искусствъ. Отого-то, чтобы выдти изъ купеческой среды, для которой готовила его школа, онъ учится древнимъ языкамъ и проходитъ всѣ другіе предметы, для поступленія въ университетъ. По выдержаніи установленнаго экзамена, онъ дѣлается студентомъ перваго отдѣленія философскаго факультета Московскаго университета. Здѣсь, подъ вліяніемъ знаменитаго филолога того времени, профессора Крюкова, онъ полюбилъ древне-классическій міръ, изученію котораго впослѣдствіи и посвятилъ большую часть своей жизни. Исполненію, составленнаго еще на студенческой скамьѣ, плана изученія всеобщей исторіи и исторіи искусствъ благопріятствовали и жизненныя обстоятельства. По окончаніи университетскаго курса, со степенью кандидата, онъ поступилъ въ домъ свѣтлѣйшаго князя Салтыкова воспитателемъ его сына. Жизнь въ С.-Петербургѣ, близость къ сокровищамъ Императорскаго Эрмитажа, матеріальное обезпеченіе, богатая библіотека, найденная молодымъ и любознательнымъ филологомъ въ княжескомъ домѣ, и полная возможность имѣть подъ руками всякую книжную и художественную новость, какъ бы дорого она ни стоила, сдѣлали то, что онъ оставался здѣсь цѣлыхъ 6 лѣтъ.

Новая обязанность, однако, далеко не отнимала всего времени, какъ можно судить по тому, что съ слѣдующаго же года, по выходѣ

изъ университета, онъ вступилъ въ число дѣятельныхъ сотрудниковъ журнала «Современникъ», издававшагося тогда. Литературное поприще началъ Карлъ Карловичъ критическими и переводными статьями, относившимися, главнымъ образомъ, къ новой европейской исторіи и къ исторіи англійской и нѣмецкой философіи.

Въ тѣ далекіе годы занимали его, между прочимъ, Юмъ и Фихте. Въ 1851-мъ году онъ пробуетъ свои силы на беллетристическомъ поприщѣ разсказомъ «Вильна», помѣщенномъ въ Москвитянинѣ.

Въ домѣ кн. Салтыкова Карлъ Карловичъ пробылъ до 1851 г., когда, щедро награжденный *пожизненной* пенсіей, онъ отправился за границу для изученія древняго и новаго искусства. Эта область, подъ конецъ пребыванія его въ званіи воспитателя, стала манить тѣмъ сильнѣе, что К. К. самъ былъ живописцемъ. Заграничное путешествіе его продолжалось 5 слишкомъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ усердно и послѣдовательно работалъ въ Германіи, Франціи, Англіи и Италіи. Въ Берлинѣ были его руководителемъ, въ классическихъ искусствахъ, Герардъ и Панофка; въ Парижѣ Рауль-Рашетъ; въ Лондонѣ онъ работалъ въ Британскомъ музеѣ; въ Италіи городъ за городомъ объѣзжалъ онъ, знакомясь и изучая на мѣстѣ памятники античнаго міра и произведенія живописи старыхъ Итальянскихъ школъ; въ Римѣ онъ стоялъ близко къ Institut di Correspondenza Archeologica и его знаменитому, въ то время, вождю Эмилю Брауну.

Только по прошествіи пяти слишкомъ лѣтъ и видѣвши все существенно важное, что въ области искусства могли представить посѣщенныя имъ страны Западной Европы, со многимъ близко ознакомившись лично и составивъ большое собраніе книгъ, Карлъ Карловичъ возвратился въ Россію. Поселившись на жительство въ Москвѣ, онъ вошелъ въ дружескія отношенія къ П. М. Леонтьеву, съ которымъ его связывала общая имъ любовь къ античному міру и области художества, такъ сильно интересовавшей и покойнаго представителя каѳедры Римской словесности, онъ открылъ курсъ лекцій по классической археологіи въ университетѣ. Въ скромномъ званіи приватъ-доцента онъ остался до 1870 г.: такъ чуждо было нашему ученому какое-либо служебное честолюбіе! Обладая небольшимъ, но независимымъ состояніемъ, онъ работалъ въ избранной имъ наукѣ вполнѣ свободно и кромѣ чтенія лекцій изучалъ всегда только то, что интересовало его въ данное время, и весьма мало, какъ говаривалъ онъ намъ самъ, заботился о пріурочиваніи этого интереса къ задачамъ, обработка которыхъ должна была принести ему ученыя почести и высшія ученыя степени.

Въ бытность за границей, онъ сотрудничалъ въ «Пропилеяхъ» Леонтьева, и по возвращеніи изъ путешествія, сначала помѣщалъ свои статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но потомъ кругъ его литературныхъ знакомствъ расширялся болѣе и болѣе. Его изслѣдованія и очерки появляются на страницахъ «Атенея» — Корша, «Отечественныхъ Записокъ» — Краевскаго, «Лѣтописей Русской Литературы и Древностей» — Тихонравова, «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Московскомъ Обозрѣніи», «Современной Лѣтописи», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Московскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», «Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества», «Археологическомъ Вѣстникѣ», «Православномъ Обозрѣніи», «Сборникѣ публичныхъ лекцій», изд. Дашковымъ, «Сборникѣ матеріаловъ для исторіи Румянцовскаго Музея», «Критическомъ Обозрѣніи» изд. Ковалевскимъ и Миллеромъ, и въ др. изданіяхъ.

Когда въ срединѣ 1860-хъ годовъ созрѣлъ планъ основанія Московскаго Археологическаго Общества, то однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ иниціатора этого дѣла, Гр. А. С. Уварова, сталъ Карлъ Карловичъ. Съ самаго начала этого учрежденія и почти до самой своей кончины онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Едва ли хотя одно засѣданіе Общества пропущено имъ безъ какой-нибудь серьезной причины, и ни одна зима не проходила безъ его сообщеній. Избранный въ Секретари Общества (17 февраля 1864 г.), онъ состоялъ редакторомъ Трудовъ его; секретарскія обязанности ученыхъ учрежденій, обыкновенно столь тяжелыя для большинства членовъ, онъ полюбилъ какъ ему родственную сферу, такъ что впослѣдствіи весьма неохотно уступилъ рѣшенію Общества, возведшаго (14 марта 1872 г.) его въ свои Товарищи Предсѣдателя. Состоя членомъ Редакціоннаго Комитета, съ основанія Общества, онъ издалъ II и III томы «Древностей» (послѣдній томъ совмѣстно съ В. Е. Румянцевымъ).

Любви его къ Обществу не ослабилъ и нервный ударъ, сильно поразившій его въ 1879 г., и болѣзненное настроеніе, оставшееся ему, какъ послѣдствіе удара, навсегда. Мало по малу, съ упадкомъ физическихъ силъ, уединяясь въ своемъ кабинетѣ и сторонясь отъ общественной жизни, онъ остался вѣренъ своимъ любимымъ книгамъ и Археологичеслому Обществу до конца дней. Уже пораженный роковымъ недугомъ и прикованный къ постели, за недѣлю до кончины, онъ интересовался ходомъ дѣлъ Общества и разспрашивалъ о послѣднихъ его засѣданіяхъ. И предсмертными грезами его были

грезы объ Обществѣ и своей большой библіотекѣ. Отошелъ онъ въ вѣчность тихо въ ночь на 16-е февраля 1883 г.

Литературные и ученые интересы Карла Карловича были разносторонни. Начавъ литературную дѣятельность критическими и переводными статьями по новой политической исторіи и по исторіи философіи, онъ перешелъ къ искусству; въ срединѣ своего ученаго и писательскаго поприща онъ дѣятельно занимается классической археологіей, живописью Среднихъ вѣковъ въ сѣверной Европѣ и искусствами времени процвѣтанія ихъ въ Италіи. Подъ конецъ, онъ сосредоточиваетъ свои интересы на греческой древности, но вмѣстѣ съ тѣмъ удѣляетъ долю вниманія и вопросамъ изъ другихъ областей художественнаго міра.

По свойственной скромности характера, считая себя лишь посильнымъ посредникомъ между иностранною и отечественнню наукою, Карлъ Карловичъ не успѣлъ обработать какой-либо *отдѣльной области* въ исторіи искусствъ; но спеціализація и не входила въ его планы. Онъ думалъ сослужить большую службу родной странѣ, приподнимая для соотечественниковъ завѣсы съ разныхъ сторонъ и различныхъ вопросовъ классической археологіи, античнаго и новаго искусства. По мѣрѣ силъ, онъ трудился постоянно, и съ его кончиною мѣсто, принадлежавшее ему въ нашей литературѣ и наукѣ, остается и доселѣ незанятымъ. И Императорское Московское Археологическое Общество, и спеціально археологическія изданія, и большіе журналы, и ежедневная наша печать потеряли въ немъ одного изъ полезнѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ дѣятелей.

Лудольфъ Стефани.

(1816—1887.)

Лудольфъ Стефани, происходившій изъ духовнаго сословія, родился 17 (29) марта 1816 года въ деревнѣ Беуха, близъ Лейпцига, въ Саксоніи. Первоначальное образованіе и воспитаніе онъ получилъ дома подъ руководствомъ отца и брата; затѣмъ онъ былъ помѣщенъ въ дворянскую школу. Благодаря вліянію одного изъ своихъ товарищей, онъ не послѣдовалъ примѣру отца и, вмѣсто богословія, сталъ изучать филологію. Этому, начертанному въ школѣ, плану научныхъ занятій, Стефани не только не измѣнялъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ осенью 1836 года, но и осуществилъ его по мѣрѣ своихъ силъ: здѣсь со всею ревностію отдается онъ любимой наукѣ. Но не одна филологія, въ узкомъ смыслѣ этого слова, составляла предметъ его занятій, онъ изучалъ также исторію и древности. Что касается филологическихъ работъ Стефани, которымъ впрочемъ онъ отдавался преимущественно, то тутъ замѣтно вліяніе извѣстнаго Лейпцигскаго профессора эллениста Готфрида Германна. Онъ и самъ, въ теченіе всей своей жизни, гордился названіемъ ученика этого великаго ученаго, создавшаго въ его время въ Лейпцигѣ цѣлую школу.

Такъ какъ въ этомъ университетѣ не существовало каѳедры по Археологіи, то Стефани и не могъ слушать лекцій по этому предмету; впослѣдствіи онъ всегда считалъ особымъ преимуществомъ быть самоучкой въ этой наукѣ. Дѣйствительно, имѣя въ виду тогдашнее состояніе археологіи, его нельзя не оправдать въ этомъ. Стоитъ только вспомнить, какъ фантазія и образъ сужденій Крейцера объ антикахъ оказывали въ большей или меньшей степени вліяніе на современныхъ археологовъ, стоитъ только вспомнить, что въ то время произволъ и отсутствіе методы шли рука объ руку въ археологическихъ изслѣдованіяхъ.

Въ 1839 и слѣдующемъ гг. Стефани посѣтилъ послѣдовательно Дрезденскій и Берлинскій музеи; тамошніе антики были первые, видѣнные имъ, и весьма вѣроятно, что они оказали вліяніе на характеръ его дальнѣйшихъ научныхъ занятій; по крайней мѣрѣ уже въ 1842 году появляется первая его работа по Археологіи: «Борьба между Тезеемъ и Минотавромъ». Въ этой работѣ Стефани впервые доказалъ, что археологія должна заимствовать у филологіи методъ, какъ орудіе для достиженія прочныхъ результатовъ; говоря это, онъ нанесъ ударъ современнымъ ему археологамъ и особенно Велкѐру, считавшимъ, что ихъ наука не можетъ быть разсматриваема съ строгою научностью. Въ этомъ виденъ ученикъ филолога Германна! Филологическій методъ Стефани не только привлекалъ на свою сторону все больше и больше приверженцевъ, но нанесъ окончательный ударъ прежнему взгляду (на археологію) и, наконецъ, во время Отто Яна, главнаго представителя этого направленія, сдѣлался господствующимъ.

Вскорѣ Стефани представился случай посѣтить отечество античнаго искусства: онъ былъ рекомендованъ Германномъ аѳинскому профессору Бентилосу въ качествѣ домашняго учителя. Въ 42 году онъ отправился въ Аѳины. Здѣсь Стефани употреблялъ все свободное время на изученіе имѣвшихся тамъ антиковъ, съ которыхъ имъ дѣлались снимки. Спустя одинъ годъ, отказавшись отъ мѣста, Стефани отправился въ Сѣверную Грецію (описаніе напечатаю въ Лейпцигѣ въ томъ же году), а затѣмъ посѣтилъ Смирну, Трою и Константинополь, откуда, въ 43-мъ году, переправился въ Римъ.

Подобно тому какъ въ Аѳинахъ Стефани старался сходиться съ археологами и историками, такъ и въ Римѣ онъ искалъ общества ученыхъ, стоявшихъ къ нему близко по роду занятій. Однако, здѣсь это сближеніе ограничивалось только Генценомъ, Преллеромъ и Узингомъ. Онъ предпочелъ общество художниковъ, изъ которыхъ со многими онъ и сблизился. Въ Италіи, этой высшей школѣ изящныхъ искусствъ, Стефани, будучи уже подготовленъ филологической критикой, которую проходилъ у Германна, занимался археологической критикой. Эту сторону нашей науки можно изучить во всемъ ея объемѣ только въ Итальянскомъ Музеѣ. Въ этой странѣ Стефани провелъ два года, посѣщая самыя важныя мѣста, какъ-то: Неаполь, берега Сициліи, Флоренцію, Перузію, Мантую и т. д. Осенью 1846 года онъ возвратился въ Мюнхенъ, и здѣсь судьбѣ угодно было назначить нашу страну, какъ поприще для дальнѣйшихъ его работъ.

Въ то время какъ разъ, одновременно, освободились въ Дерптскомъ университетѣ профессура по археологіи и въ С.-Петербургской Академіи Наукъ, за смертію Кёлера, кресло археолога. Преллеръ, съ которымъ Стефани познакомился въ Римѣ, ушелъ изъ Дерпта, предложивъ на свое мѣсто Стефани. Между тѣмъ, тогдашній Министръ Народнаго Просвѣщенія и Президентъ Академіи Наукъ, Графъ Уваровъ, обратился къ Г. Германну съ просьбой рекомендовать новую молодую силу въ Академію на мѣсто умершаго Кёлера.

Такимъ образомъ молодому археологу предстоялъ выборъ между Дерптомъ и Петербургомъ. Эту задачу разрѣшилъ самъ Уваровъ: пусть Стефани сперва отправляется въ Дерптъ, а академическое кресло останется за нимъ, пока, вакантнымъ.

Въ 1846 г., около Святой Недѣли, Стефани переселился въ Дерптъ и занялъ каѳедру древне-классической филологіи, эстетики и исторіи искусствъ. Здѣсь, въ теченіи болѣе четырехъ лѣтъ, Стефани занимался почти исключительно лекціями, которыя поглощали у него все время, такъ что его не хватало для письменныхъ научныхъ работъ. Кромѣ нѣсколькихъ рецензій и университетскихъ программъ онъ былъ занятъ въ этотъ періодъ времени, по предложенію Академіи Наукъ изданіемъ сочиненій Кёлера.

Къ Рождеству 1850 года ему представилась возможность переселиться въ Петербургъ и занять, оставленное за нимъ, мѣсто Ординарнаго Члена Императ. Акад. Наукъ. Полгода спустя онъ назначенъ былъ Завѣдующимъ (Conservator) Императ. Эрмитажемъ, постройка котораго хотя и была уже окончена, но внутри еще ничего не было приведено въ порядокъ. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣлъ, Стефани не могъ отдаться чисто научнымъ занятіямъ; къ этому присоединялись работы по инвентарю и кромѣ того — часто повторяющіяся неустройства, на улаживаніе которыхъ приходилось тратить много силъ.

Когда наконецъ все это было устроено и послѣ того, что въ 1854 году появились «Antiquités du Bosphore Cimmérien» (Древности Босфора Киммерійскаго), гдѣ большая часть текста принадлежитъ самому Стефани, тогда только могъ онъ вздохнуть свободнѣе. И вотъ въ теченіи слѣдующихъ лѣтъ появляются, выпускаемыя имъ въ Запискахъ Академіи, множество мелкихъ статей по археологіи и эпиграфикѣ.

Но главную свою дѣятельность Стефани долженъ былъ открыть, когда, въ 1859 году, была учреждена въ Россіи Археологическая Коммиссія съ цѣлью изслѣдовать въ ней древности, и когда Прези-

дентъ этой Коммиссіи, Графъ Сергѣй Строгановъ, одинъ изъ наиболѣе выдающихся поборниковъ научнаго стремленія, поручилъ Стефани изданіе древностей, которыя будутъ найдены. Также и тогдашній заслуженный Директоръ Эрмитажа, Гедеоновъ, принималъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы облегчить трудъ Стефани. Итакъ началась для Стефани та дѣятельность, которой онъ исключительно отдавался и остался вѣренъ почти до самой смерти. При этомъ онъ всегда подчеркивалъ, что, если ему и удавалось сдѣлать что-либо, то лишь благодаря покровительству Графа Строганова, которому онъ считаетъ себя столь обязаннымъ. Такая работа, какъ изданіе Отчета Императ. Археол. Комм. (оно началось съ 1859 года и продолжалось до 1883 года, будучи выпущено въ количествѣ 21 тома), была немыслима иначе, какъ подъ покровительствомъ лица, стоящаго во главѣ предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, силы и вліяніе одного ученаго слишкомъ недостаточны, чтобы побороть всѣ внѣшнія препятствія и непріятности, становящіяся ему на дорогѣ; кромѣ того, подобная работа равняется отреченію отъ своихъ занятій надъ капитальными трудами. Съ одной стороны ученый связанъ тутъ лежащимъ передъ нимъ матерьяломъ, назначеннымъ для опубликованія; съ другой стороны, ежегодное изданіе этихъ матерьяловъ заставляетъ его ограничиваться отдѣльными мелкими изслѣдованіями. Отчетъ отымалъ у Стефани все время и всѣ силы, ибо то, что появилось помимо него, какъ напр. его небольшіе каталоги и научный еженедѣльный каталогъ Эрмитажа, было по большей части уже приготовлено до того, какъ онъ взялъ на себя изданіе Отчета.

Наука много обязана Стефани за этотъ Отчетъ, потому что въ немъ приводится не только масса новаго матерьяла, притомъ въ строго научной формѣ, но, кромѣ того, онъ разрѣшилъ здѣсь множество вопросовъ и оказалъ значительное содѣйствіе для построенія самой науки. При многочисленности этихъ вопросовъ, ихъ невозможно всѣхъ перечислить; однако слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ его сочиненіяхъ: «О Беллерофонѣ, наход. на восточн. фронтонѣ Партенона», «Объ Афродитѣ, въ ея различныхъ образахъ», «Объ различныхъ классахъ античныхъ вазъ», «Объ обдѣланныхъ камняхъ» и т. д. Кажется, не осталось ни одной области античнаго искусства, котораго бы не касался Стефани въ своихъ изслѣдованіяхъ. При этомъ онъ прежде всего старался собрать и объяснить весь литературный матерьялъ по интересующему его вопросу, а затѣмъ, при помощи его, подойти ближе къ произведенію искусства и вывѣдать тайну, скрывающуюся въ немъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Стефани не избѣгъ полемики съ другими учеными; и здѣсь именно слѣдуетъ выяснить кое-что изъ этой полемики, потому что Стефани былъ часто въ этомъ дѣлѣ ложно понимаемъ.

Уже было упомянуто о томъ, что начало археологической дѣятельности Стефани совпадаетъ съ успѣхомъ, какой имѣлъ филолого-антикварный методъ разсмотрѣнія археологіи, когда во главѣ этого направленія появляется боннскій проф. Отто Янъ. Послѣднему недоставало болѣе или менѣе продолжительнаго изученія своего предмета въ странахъ античнаго міра,—онъ только въ позднѣйшіе годы провелъ короткое время въ Италіи; поэтому онъ и держался чисто филологическаго метода, между тѣмъ какъ Стефани, благодаря долгому изученію дѣла на Югѣ, убѣдился, что произведенія искусства нужно толковать, кромѣ того, съ чисто художественной точки зрѣнія.

Естественно, этимъ былъ данъ поводъ къ полемикѣ, длившейся долго и принесшей пользу наукѣ, однако не приведшей къ соглашенію между учеными, ибо ихъ точки зрѣнія были слишкомъ противорѣчивы.

Когда Генрихъ Бруннъ, изъ Мюнхена, положилъ начало новой эпохи въ археологіи, поставившей нашу науку на совершенно самостоятельную почву, тогда Стефани открылъ полемику противъ Брунна, хотя послѣдній, избравъ тотъ же самый путь, на который вступилъ Стефани, пошелъ по немъ прямо къ цѣли; а именно: памятники искусства, по его мнѣнію, имѣютъ свой собственный языкъ, который нужно вывѣдать; нужно изучать законы композиціи въ искусствѣ (Compositionsgesetze); языкъ искусства иной нежели языкъ письменный и, этотъ послѣдній можно согласовать и примѣнить для объясненія произведеній искусства лишь тогда, когда мы будемъ умѣть читать на ихъ языкѣ. Такъ какъ Стефани занялъ средину между двумя учеными, то онъ неминуемо долженъ былъ вести борьбу съ обѣими сторонами.

Нужно отдать справедливость Стефани за его дѣятельность на поприщѣ научномъ и въ качествѣ Хранителя Музея Древностей Императ. Эрмитажа,—и въ томъ и другомъ отношеніи онъ по всей справедливости можетъ считаться образцовымъ. Онъ содержалъ свои антики въ порядкѣ, доходившемъ до мелочей; то же качество мы находимъ въ его сочиненіяхъ, отличающихся вѣрностью и правдивостью. Онъ никогда не прельщался построеніемъ смѣлыхъ и блестящихъ гипотезъ на шаткой почвѣ, къ которымъ археологія, обладая малообработаннымъ матерьяломъ, такъ часто склоняется, и стремленіе къ

подобной дешевой славѣ Стефани считалъ недостойнымъ званія ученаго. Его убѣжденіе было, что въ археологіи остается еще такъ много необработаннаго матерьяла, что для достиженія прочныхъ и полезныхъ результатовъ, немыслимо было бы иначе работать, рискуя въ противномъ случаѣ подвергнуться отвѣтственности. Подобнымъ же образомъ и всѣ его изслѣдованія всегда имѣютъ неизмѣнную цѣну, потому что онъ основалъ ихъ на возможно полномъ собраніи относящагося къ дѣлу матерьяла.

Вообще о Стефани можно вполнѣ искренне сказать, что въ его лицѣ мы имѣемъ рѣдкій примѣръ вѣрнаго исполненія своего долга и своего призванія; его же стремленіе къ истинѣ, составлявшей цѣль его жизни, возвышаетъ духъ.

Такъ работалъ всю свою жизнь археологъ Стефани, пока ослабѣвшія постепенно силы не измѣнили ему наконецъ. Онъ умеръ 30 мая 1887 года.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Л. Стефани былъ избранъ 27-го октября 1864 г.

Графъ К. П. Тышкевичъ.

(† 1868.)

Происходя изъ старинной, знатной, польской фамиліи, Графъ Константинъ Піевичъ Тышкевичъ родился въ то еще время, когда въ Польшѣ сильно бродили элементы востановленія самостоятельности Польскаго Государства, едва оправившейся отъ послѣдовавшихъ, такъ быстро одинъ за другимъ, ея раздѣловъ. Когда именно онъ родился и гдѣ, и какимъ образомъ шло его воспитаніе, принималъ ли онъ какое-либо участіе въ движеніяхъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, что̀ натолкнуло его на занятія археологіей, всѣхъ этихъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, не удалось найти, равно какъ и вообще біографическихъ о немъ подробностей. Въ настоящемъ случаѣ важно наиболѣе всего его отношеніе къ археологіи, его дѣятельность въ этомъ отношеніи, его связь съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Наилучшей характеристикой всего этого является замѣтка о немъ въ «Археологическомъ Вѣстникѣ» (1868 г. ноябрь-декабрь, стр. 285) А. А. Котляревскаго, которая и приводится здѣсь цѣликомъ.

«Первый томъ Археологическаго Вѣстника, пишетъ знаменитый ученый, намъ приходится заключить скорбною поминкою о дорогомъ сочленѣ, дѣятельномъ сотрудникѣ Графѣ К. П. Тышкевичѣ, скончавшемся въ Минскѣ, въ іюлѣ текущаго года (1868 г.).

«Кто имѣлъ случай узнать покойнаго лично, тотъ не по пословицѣ de mortuis nil nisi bene, но по внутреннему чувству правды, отдавая только долгъ справедливости, не можетъ не сказать, что покойный былъ человѣкъ высокихъ достоинствъ, что потеря его въ полномъ смыслѣ слова есть потеря чувствительная. Тѣмъ чувствительнѣе она для насъ, видѣвшихъ и испытавшихъ благородную юношескую преданность наукѣ этого почтеннаго старца; мы были свидѣтелями, какъ онъ горячо принималъ къ сердцу интересы русской науки; у насъ есть прямыя доказательства искренности и полнаго безкорыстія его

участія: Московское Археологическое Общество ему обязано превосходной коллекціей доисторическихъ древностей западнаго края, многимъ обязана ему и этнографическая Московская выставка и многія частныя лица, съ которыми онъ дружественно дѣлился плодами своихъ поисковъ, всегда тая, какихъ усилій и огорченій стоили ему эти поиски. Графа К. П. Тышкевича, вмѣстѣ съ его братомъ Евстафіемъ, учредителемъ бывшаго Виленскаго Музея, можно назвать *основателями* научной археологіи западно-русскаго и литовскаго края, потому что они первые съумѣли случайное любопытство предметами родной древности возвести на степень серьезнаго интереса и сдѣлали ее постоянною цѣлью своихъ изысканій. Результатомъ усилій со стороны Гр. К. П. было превосходное частное собраніе западно-русскихъ и литовскихъ древностей, преимущественно доисторическаго періода, и нѣсколько печатныхъ трудовъ; изъ нихъ важнѣйшіе: 1) Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach, okopiskach starożytnych na Litvie i Rusi litewskiej. W. 1859. (помѣщено какъ приложеніе къ Tek'ѣ Wilenskiej, издан. А. К. Киркоромъ); 2) О курганахъ въ Литвѣ и Западной Руси. 1865 г., а за нѣсколько недѣль до смерти гр. К. П., послѣднее сочиненіе, въ исправленномъ и распространенномъ видѣ, вышло въ Берлинѣ и на языкѣ польскомъ; къ нему приложены XVI прекрасно исполненныхъ таблицъ in folio, изображающихъ различные предметы древности. Сколь бы далеко ни пошла наука, но и эти труды останутся въ ней необходимыми: основанные на личныхъ, самостоятельныхъ, разысканіяхъ, они не могутъ быть замѣнены другими, хотя бы и болѣе строгими въ ученомъ смыслѣ».

Членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Графъ Константинъ Піевичъ состоялъ со дня основанія Общества; и до самой кончины онъ не переставалъ принимать самое дѣятельное участіе въ его трудахъ.

А. И. Артемьевъ.

(1824—1874.)

Историкъ, археологъ, этнографъ и статистикъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ родился 24 октября 1824 г. въ г. Хвалынскѣ, Саратовской губ., гдѣ служилъ его отецъ; первоначальное воспитаніе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, затѣмъ въ Саратовской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ Казанскій университетъ, на Восточный факультетъ. Слушая единовременно, кромѣ профессоровъ своего факультета, также нѣкоторыхъ изъ разряда общей словесности, онъ увлекся весьма научными и интересными лекціями проф. русской исторіи Н. А. Иванова, результатомъ чего было, что всѣ послѣдующія его спеціальныя занятія касались исключительно русской исторіи. Въ 1841 г. онъ кончилъ курсъ кандидатомъ, съ золотой медалью, и былъ опредѣленъ помощникомъ библіотекаря университета. Въ 1847 году онъ занялъ должность редактора «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ которой оставался до 1852 г., когда перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по вызову министра графа Л. А. Перовскаго, и вслѣдъ за тѣмъ принялъ участіе въ статистической экспедиціи, организованной гр. Перовскимъ для изученія Ярославской губерніи; а по возвращеніи изъ нея былъ командированъ съ такой же цѣлью въ губернію Саратовскую. Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ А. И. продолжалъ служить до самой кончины, занимая съ 1856 г. должность члена только что образованнаго тогда Центральнаго Статистическаго Комитета; а съ 1871 г. былъ членомъ Статистическаго Совѣта, и большинство изданій этого Комитета вышло подъ редакціей А. И. Сблизившись съ Н. А. Милютинымъ, А. И. принялъ участіе въ работахъ редакціонныхъ коммиссій по освобожденію крестьянъ, издавъ подъ своей редакціей «Матеріалы этой коммиссіи» (2 изд., 6 т.), «Матеріалы по вопросу объ обезпеченіи продовольствія въ Россіи» (3 т.) и «Лѣтопись сельскаго благоустройства», изданіе, предпринятое Н. А. Милютинымъ

послѣ 19 февраля 1861 г. Вообще, за время своей службы, онъ работалъ исключительно по этнографіи и статистикѣ, оставляя въ сторонѣ спеціально историческія изслѣдованія. Въ видѣ исключенія являются лишь предисловія его къ «Спискамъ населенныхъ мѣстъ Россійской Имперіи», въ особенности по губер. Ярославской и Саратовской, предисловія, заключающія въ себѣ сжатую исторію этихъ мѣстностей и, главнымъ образомъ, ихъ колонизацію русскими, для чего онъ нашелъ богатый матеріалъ въ названіяхъ населенныхъ мѣстностей, урочищъ. Работая, въ то же время, въ Географическомъ Обществѣ, членомъ котораго онъ былъ съ 1850 г., онъ тамъ спеціально редактировалъ изданія по статистикѣ и печаталъ свои статьи по тѣмъ же вопросамъ. Изъ послѣднихъ особенно выдается трудъ его,—«Обозрѣніе трудовъ Имп. Русск. Геогр. Общества по исторической географіи», составленный по случаю пятнадцатилѣтія этого Общества.

Какъ выше уже было сказано, первый ученый трудъ А. И. былъ вызванъ его занятіями въ университетской библіотекѣ. Это «Описаніе рукописей библіотеки Казанскаго университета», могущее, по своимъ научнымъ достоинствамъ быть поставленнымъ рядомъ съ подобными трудами Востокова, Горскаго, Невоструева, Ундольскаго и др. Заниматься имъ онъ началъ со времени вступленія въ должность помощника библіотекаря и продолжалъ трудъ этотъ до самой кончины. «Описаніе» вышло въ свѣтъ лишь по его смерти, изданное проф. Е. Е. Замысловскимъ. Такимъ образомъ, его *первый* научный трудъ увидѣлъ свѣтъ *послѣднимъ* изъ всѣхъ его работъ. Въ 1846 г. онъ защищалъ диссертацію на степень магистра русской исторіи и темой ея выбралъ: «Имѣли ли Варяги вліяніе на Славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло?» Хотя книга эта и мало извѣстна, но, по отзыву компетентныхъ лицъ, смѣло можетъ быть поставлена на ряду съ лучшими учеными трудами по русской исторіи спеціалистовъ 40-хъ годовъ. Содержаніе ея касается главнымъ образомъ вопроса, до сихъ поръ еще далеко не разрѣшеннаго,—такъ называемаго «Варяжскаго вопроса». Тогда въ русской исторіографіи всецѣло господствовала Норманнская теорія, являясь какъ бы историко-политическимъ догматомъ; къ числу ея сторонниковъ принадлежали многіе изъ лучшихъ и талантливѣйшихъ историковъ того времени, и всякое мнѣніе, противорѣчившее ихъ убѣжденію, подвергалось опасности быть жестоко раскритикованнымъ выдающимися представителями науки исторіи. Особенно опасно это было для молодыхъ, начинающихъ ученыхъ, и тотъ фактъ, что А. И. взялъ

такую опасную тему для своей диссертаціи, опасную потому, что она шла въ разрѣзъ съ господствующими взглядами, и ея содержаніе, ясно показываютъ, какъ стремился онъ къ научному разрѣшенію этого вопроса, не опасаясь погубить свою ученую карьеру и одушевленный однимъ лишь желаніемъ найти истину. Въ своей книгѣ онъ приходитъ къ убѣжденію о незначительномъ вліяніи Норманновъ-Варяговъ на Славянъ и самый варяжскій вопросъ считаетъ безполезнымъ для научнаго развитія русской исторіи, высказывая при этомъ большую эрудицію и способность широко понимать и изслѣдывать научно-историческіе вопросы. Книга эта распадается на 5 частей: а) критическое разсмотрѣніе литературы о варяжскомъ вопросѣ; б) очеркъ культурной исторіи Славянъ (ихъ религіозныя вѣрованія и общественный бытъ) до принятіи ими христіанства,—въ которомъ А. И. приходитъ къ выводу, что культура Славянъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни вовсе не была такъ низка, какъ желаютъ то видѣть съ одной стороны Шлёцеръ съ своими послѣдователями, а съ другой скептическая школа; в) историко-этнографическій очеркъ Скандинавовъ, доказывающій, что ихъ культура была ниже славянской; г) разсмотрѣніе вопроса о введеніи христіанства у Славяно-руссовъ, которое приводитъ автора къ заключенію, что религіозное и, какъ результатъ его, общественно-политическое вліяніе Византіи на Славяно-руссовъ было несравненно сильнѣе и плодотворнѣе варяжскаго, служа къ поднятію ихъ культуры, и д) заключеніе, которое обнимаетъ всего 6 страницъ; въ немъ А. И. кратко резюмируетъ самобытность восточныхъ Славянъ во всѣхъ проявленіяхъ ихъ культурной жизни, которыя послѣдователями Норманнской теоріи безусловно объясняются варяжскимъ вліяніемъ, а именно: 1) въ правленіи и управленіи; 2) въ религіи; 3) въ законахъ; 4) въ языкѣ; 5) въ промышленности и 6) въ военномъ искусствѣ.

Въ бытность свою редакторомъ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» А. И. помѣстилъ въ нихъ много статей по мѣстной исторіи и этнографіи. Эти статьи, къ сожалѣнію, также мало извѣстныя и трудно теперь добываемыя, печатались въ «Вѣдомостяхъ», имѣвшихъ ограниченный кругъ читателей, полны глубокаго интереса, и до сихъ поръ ихъ не могутъ замѣнить подобныя же статьи послѣдующихъ изслѣдователей Казанскаго края. Онѣ настолько были интересны, что обратили на себя вниманіе и въ Петербургѣ и перепечатывались, въ извлеченіяхъ, въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія и цѣликомъ въ другихъ журналахъ.

Кромѣ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и изданій «Имп. Русс. Геогр. Общ.» А. И. помѣщалъ свои статьи и въ другихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ напр. въ «Русскомъ Дневникѣ» (1859 г.) изд. П. И. Мельниковымъ, «Сѣверной Почтѣ», издававшейся при Министерствѣ Внутр. Дѣлъ, въ «Журн. Минист. Внутр. Дѣлъ» и въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» И. Н. Березина.

Статей чисто археологическаго содержанія А. И. писалъ мало; изъ нихъ можно отмѣтить, напр. «Древняя кольчуга недавно найденная въ Казанской губ.» (Казан. Губ. В. 1846, № 46), «Жукотинъ» (ibid. 1847, № 26), «Прогулки по Казани» (ibid. 1849 г.) «Отрывокъ изъ письма изъ Казани о городищахъ» (Москвит. 1847, 4) и др.

А. И. принималъ участіе и въ археологическихъ съѣздахъ— въ первомъ—Московскомъ (1869 г.), и во второмъ—Петербургскомъ (1871 г.); печатаніе «Трудовъ» послѣдняго было начато подъ его редакціей. Скончался онъ въ Петербургѣ 29 сентября 1874 года, не доживъ, такимъ образомъ, до IV Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ Казани; всегда искренно любившій свою вторую родину, свидѣтельницу его первыхъ шаговъ на научномъ поприщѣ, онъ безъ сомнѣнія горячо бы отозвался на призывъ принять участіе въ этомъ Съѣздѣ и въ основаніи мѣстнаго Общества Исторіи, Археологіи и Этнографіи, но судьба судила иначе...

Членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. И. былъ избранъ 25 февраля 1869 года и до самой кончины всегда крайне отзывчиво относился по всѣмъ предпріятіямъ и задачамъ Общества.

А. А. Авдѣевъ.

(1819—1885.)

Ученый-архитекторъ и археологъ, Алексѣй Александровичъ Авдѣевъ родился 12-го марта 1819 года въ Тульской губерніи, въ помѣщичьей, дворянской семьѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Тульской гимназіи, по окончаніи которой перешелъ въ Московскій дворянскій институтъ. Артистическія способности сказались въ немъ еще во время пребыванія въ гимназіи; года ученья не охладили въ немъ стремленія вступить въ ряды служителей искусства, и вотъ онъ, едва окончивъ курсъ въ пансіонѣ, покидаетъ Россію и ѣдетъ въ Италію, въ эту классическую страну жрецовъ свободнаго художества. Мѣстомъ своего пребыванія А. А. избралъ «вѣчный городъ», гдѣ и посвятилъ все время на изученіе архитектуры. Его несомнѣнная талантливость скоро обратила на себя вниманіе спеціалистовъ, и когда, въ 1845 году, онъ вернулся въ Москву совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ — всего 26 лѣтъ, Московскій университетъ не колеблясь поручилъ ему весьма важную и трудную постройку — зданія Обсерваторіи, которую молодой архитекторъ выполнилъ блестящимъ образомъ. Между тѣмъ, пребываніе его въ Римѣ, среди замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древняго міра, заронило въ душу новую страсть — страсть къ археологіи. Знакомство его съ античнымъ міромъ скоро сдѣлалось извѣстно въ Москвѣ, и вотъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ получаетъ командировку для производства археологическихъ изслѣдованій въ мѣстности древняго Танаиса, при устьѣ Дона (1853—1854). Богатство остатковъ древней классической культуры на югѣ Россіи, еще мало, въ то время, тронутыхъ руками ученыхъ и неученыхъ изслѣдователей, такъ плѣнили А. А., что онъ, выполнивъ съ успѣхомъ возложенное на него порученіе, оставилъ всѣ свои занятія на сѣверѣ и окончательно поселился въ Крыму. Слѣдовъ его жизни тамъ много:

всѣ лучшія зданія церквей, храмовъ и памятниковъ, возведенные за послѣдніе тридцать лѣтъ, принадлежатъ ему. Его дѣятельность въ Крыму обратила на себя вниманіе Императорской Академіи Художествъ, и въ 1871 году А. А. получилъ званіе академика архитектуры, — случай весьма рѣдкій, такъ какъ Авдѣевъ никогда не былъ въ академіи и раньше не имѣлъ отъ нея никакой степени.

Умеръ А. А. 18-го марта 1885 года въ Петербургѣ.

Хотя Авдѣевъ писалъ очень мало, и его статей извѣстно всего около 15-ти, но онѣ всегда были настолько полны захватывающаго интереса и знанія своего предмета, что съ одинаковымъ удовольствіемъ прочитывались и спеціалистами и образованной частью публики. Изъ нихъ можно отмѣтить слѣдующія: «Письма изъ Рима и Неаполя», цѣликомъ вошедшія въ «Пропилеи» (изд. П. М. Леонтьева, М. 1853); «Объяснительныя замѣчанія» къ этимъ письмамъ; «Мастерскія русскихъ художниковъ въ Римѣ» и др.; изъ археологическихъ трудовъ его извѣстны: «Нынѣшнее собраніе развалинъ Херсониса и проэкты для постройки храма въ память крещенія св. Владиміра» (Архит. Вѣст. 1859, 3); «Древнѣйшія оконницы въ русскихъ церквахъ»; «Какъ у насъ обращаются съ древностями» — статья, прекрасно рисующая то печальное положеніе нашихъ отечественныхъ древностей на югѣ Россіи, уничтожаемыхъ и разрушаемыхъ не только невѣжественными людьми или торговцами рѣдкостей, но подъ часъ и «учеными», положеніе, изъ котораго и теперь далеко не вышелъ югъ Россіи... На бывшемъ въ 1884 году IV Археологическомъ Съѣздѣ въ Одессѣ, А. А. читалъ докладъ о «Церкви св. Іоанна въ Керчи», помѣщенный нынѣ въ «Трудахъ» этого Съѣзда.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. А. былъ избранъ 25-го февраля 1874 г. и до самой кончины не переставалъ принимать въ его трудахъ самое горячее участіе.

Г. Е. Щуровскій.

(1803 — 1884.)

Замѣчательнѣйшій геологъ послѣдняго пятидесятилѣтія, основатель и первый Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, Григорій Ефимовичъ Щуровскій родился въ Москвѣ 30-го января 1803 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, куда поступилъ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ, а затѣмъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Желая посвятить себя медицинѣ, онъ избралъ медицинскій факультетъ, имѣвшій тогда знаменитыхъ профессоровъ-практиковъ: Лодера, Мудрова, Мухина, Гильтебранта, Альфонскаго, Ризенко и др., но первое же знакомство съ Естественной Исторіей, которую читалъ вкратцѣ для медиковъ, адъюнктъ Гольдбахъ, указали ему настоящій путь. Онъ сталъ посѣщать лекціи и другихъ факультетовъ, особенно физико-математическаго, и совершенно увлекся естественными науками: физикой, химіей, ботаникой и зоологіей. Не довольствуясь чтеніемъ Гольдбаха, онъ ходилъ еще слушать Двигубскаго, Павлова и Максимовича, и къ выходу изъ Университета былъ уже настолько же хорошимъ естественниковъ, какъ и медикомъ, и едва ли даже не лучшимъ.

Въ 1826 году Г. Е. кончилъ курсъ со степенью лѣкаря, а черезъ два года послѣ того выдержалъ экзаменъ на степень акушера и доктора. Въ то же время онъ получилъ мѣсто преподавателя физики и естественной исторіи въ Воспитательномъ Домѣ. Въ 1832 г. онъ занялъ каѳедру при медицинскомъ факультетѣ, съ званіемъ лектора естественной исторіи, черезъ годъ былъ утвержденъ адъюнктомъ, а еще черезъ годъ ему было поручено преподаваніе минералогіи въ физико-математическомъ отдѣленіи. Въ 1835 г. онъ былъ уже экстраординарнымъ профессоромъ; спустя четыре года, по возвращеніи изъ перваго путешествія, — ординарнымъ, и назначенъ старшимъ врачемъ при Воспитательномъ Домѣ. Съ 1844 по 1849 онъ былъ деканомъ физико-математическаго факультета; проректоромъ

съ 1868—1869 и одно время и. д. Ректора Университета. Въ 1872 г. Г. Е. былъ Высочайше утвержденъ Товарищемъ Почетнаго Предсѣдателя Политехническаго Музея и занималъ это мѣсто до самой кончины.

Занимаясь и интересуясь, главнымъ образомъ, естественными науками, Г. Е., конечно, не могъ ограничиться одними лишь теоретическими познаніями и свѣдѣніями, почерпнутыми изъ лекцій и чтенія спеціальныхъ трудовъ. Онъ всей душой стремился провѣрить свои знанія на дѣлѣ, приложить ихъ на практикѣ и вотъ, въ 1839 году, онъ совершаетъ интересную поѣздку для обозрѣнія Уральскаго хребта, результатомъ которой явился извѣстный трудъ «Уральскій хребетъ въ физико-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ. (М. 1841)». Спустя пять лѣтъ, въ 1844 году, онъ отправляется во вторичное путешествіе въ мѣста еще менѣе изслѣдованныя — на Алтай. Какъ первая, такъ и эта поѣздка вызвала посвященный ей трудъ, пользующійся не меньшей извѣстностью, это «Геологическое путешествіе по Алтаю, съ историческими и статистическими свѣдѣніями о Колывано-Воскресенскихъ заводахъ. (М. 1846)». Кромѣ этого Щуровскій совершилъ еще два ученыхъ путешествія, но уже не по Россіи, а за границу. Въ первый разъ онъ отправился туда въ 1868 г. и въ теченіи пяти мѣсяцевъ осматривалъ ученыя учрежденія и производилъ геологическія экскурсіи, а во второй Г. Е. избралъ предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій Вѣнскую Всемірную выставку (1873 г.) и Швейцарію, которую и изучалъ въ геологическомъ отношеніи. Въ промежутокъ между первыми двумя поѣздками въ предѣлахъ Россіи и заграничными, онъ еще ѣздилъ нѣсколько разъ, также со спеціальными, геологическими, цѣлями, въ губерніи Московскую, Ярославскую, Калужскую и Рязанскую и каждый разъ представлялъ интереснѣйшіе отчеты, полные богатѣйшихъ научныхъ данныхъ.

15-го октября 1863 года было основано при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи. Г. Е. принималъ самое горячее, самое дѣятельное участіе словомъ и дѣломъ въ его основаніи и въ первомъ же засѣданіи былъ избранъ его Президентомъ. Должность эту онъ занималъ до дня кончины безсмѣнно и Общество во многомъ обязано ему тѣмъ положеніемъ, въ которомъ оно теперь находится, занимая одно изъ самыхъ видныхъ, самыхъ высокихъ мѣстъ въ ряду другихъ ученыхъ центровъ. Желая почтить заслуги своего основателя Общество Любителей Естествознанія учредило въ

1872 году стипендію его имени въ Московскомъ Университетѣ, а въ 1878 году торжественно отпраздновало пятидесятилѣтній юбилей его научной дѣятельности, собрало юбилейныя рѣчи и статьи въ одинъ томъ и издало его отдѣльной книгой.

Г. Е. скончался 20 марта 1884 года; тотчасъ же по его кончинѣ Общество посвятило его памяти спеціальное засѣданіе съ участіемъ представителей другихъ ученыхъ Обществъ и учрежденій, издало сборникъ рѣчей, читанныхъ въ этомъ засѣданіи, а на могилѣ его, на Багапьковскомъ кладбищѣ, былъ поставленъ ему памятникъ отъ его товарищей, учениковъ и почитателей. Памятникъ этотъ украшенъ его портретомъ и медалью Общества.

Щуровскій былъ Почетнымъ Членомъ Императорскихъ Казанскаго и С.-Петербургскаго Университетовъ, Имп. Общества Любителей Естествознанія, Импер. Минералогическаго, Имп. Россійскаго Общ. Люб. Садоводства, Педагогическаго Совѣта Импер. Техническаго Училища, Лондонскаго Антропологическаго Общества (Anthropologicae Society of London) и др., членомъ многихъ другихъ русскихъ и иностранныхъ спеціальныхъ ученыхъ обществъ.

Въ Члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества Г. Е. Щуровскій былъ избранъ 11-го октября 1878 года.

А. А. Котляревскій.

(1837—1881.)

Когда весною 1864 г. небольшая группа членовъ-основателей Московскаго Археологическаго Общества собиралась на «предварительныя ученыя совѣщанія», обсуждала уставъ, планъ изданія Трудовъ, организацію публичныхъ чтеній по археологіи и т. д., въ числѣ посѣтителей, съ перваго же раза привлеченныхъ на совѣщанія и сдѣлавшихъ нѣсколько любопытнѣйшихъ сообщеній, выдвинулся и возбудилъ живыя симпатіи молодой и блестящій новичокъ-археологъ, Александръ Александровичъ Котляревскій. Двѣ прочтенныя имъ тогда статьи «Металлы въ доисторическую эпоху у племенъ индо-европейскихъ» и «Скандинавскій корабль на Руси», украсившія собою потомъ первую книгу Трудовъ, показали, какую примѣчательную научную силу пріобрѣтаетъ въ авторѣ русская археологическая наука. Въ первомъ же засѣданіи только что организовавшагося и утвержденнаго Общества (4 окт. 1864 г.), вмѣстѣ съ Аѳанасьевымъ, Бодянскимъ, Ѳ. И. Буслаевымъ, А. А. Котляревскій былъ избранъ въ члены, и съ той поры до самой своей смерти, хотя бы болѣзнь, служебныя обязанности, путешествія и отдаляли его отъ Москвы, онъ съ глубокимъ сердечнымъ сочувствіемъ относился къ успѣхамъ Общества, которое помогъ основать; можно было залюбоваться тою рѣдкою энергіею и творческой силой, съ которой онъ умѣлъ выдвигать научные вопросы, побуждать своимъ примѣромъ къ настойчивому изученію ихъ, ставить темы для работъ, затѣвать и осуществлять изданія. Ему показалось недостаточно повременно выходившихъ объемистыхъ томовъ «Древностей»; возможность быстрѣе отражать дѣятельность русской и иностранной археологіи, слѣдить за всѣмъ, что выдвигаетъ въ этомъ отношеніи текущая жизнь, еще тѣснѣе объединить научныя силы привлекала его,—и онъ съумѣлъ найти средства для изданія (въ 1867 г.) «Археологическаго Вѣстника», который, выходя подъ его редакціею, явился оригинальной попыткой живой и отзывчивой научной хроники. Эта роль возбудителя къ труду, столь своеобразно

соединявшаяся въ А. А. съ примѣчательнымъ подъемомъ самостоятельнаго изслѣдованія наименѣе разработанныхъ отраслей науки, отводитъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ съ лѣтописяхъ дѣятельности Общества.

Ни одно изъ важнѣйшихъ начинаній Общества не обошлось безъ сильнаго участія Котляревскаго. Когда задумано было составленіе археологическаго словаря, онъ одинъ изъ первыхъ откликнулся на призывъ; возникла мысль объ археологическихъ съѣздахъ, многимъ казавшаяся тогда слишкомъ отважною и преждевременной, онъ дѣятельно работалъ въ коммиссіи, которой послѣдующія конгрессы обязаны первоначальной выработкой нормальныхъ условій своей организаціи. Въ 1870 г. онъ возбудилъ мысль объ изданіи отдѣльнаго отъ «Трудовъ» сборника археологическихъ матеріаловъ, который объединилъ бы разбросанные по разнымъ изданіямъ изслѣдованія, описанія раскопокъ и т. д. Еще раньше, по поводу предпринятаго въ Ярославлѣ г. Лѣствицынымъ «Историческаго указателя» матеріаловъ по исторіи края, А. А. горячо побуждалъ Общество организовать въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ веденіе археологической библіографіи; въ послѣдніе годы жизни, когда онъ появлялся въ Москвѣ и исчезалъ, какъ метеоръ, онъ увлекательною своею рѣчью забросилъ въ Общество идею о такомъ же сводѣ результатовъ всѣхъ работъ по доисторической старинѣ. Мысль о дружной группировкѣ силъ, трудящихся въ одномъ направленіи, была видимо однимъ изъ самыхъ любимыхъ его мечтаній,—поэтому дѣятельное участіе въ Моск. Археол. Обществѣ получало для него еще большую привлекательность, тогда какъ осуществленіе археологическихъ съѣздовъ казалось, воплотило его лучшія надежды.

Таковы заслуги А. А. передъ нашимъ Обществомъ, въ которомъ онъ несъ обязанности и товарища секретаря, и редактора изданій,—и, что безконечно выше оффиціальнаго положенія, былъ однимъ изъ главныхъ вдохновителей. Сколько сообщеній сдѣлано имъ было въ разное время, сообщеній, всегда поражавшихъ глубиной эрудиціи и оригинальностію взгляда, и перечесть трудно. Нѣкоторыя изъ нихъ, сдѣлавъ свое дѣло, заронивъ искру, остались не напечатанными. Въ массѣ этихъ рефератовъ встрѣчаются статьи объ этнологіи каменнаго періода въ Европѣ, о первой скиѳской раскопкѣ въ Россіи въ 1763 году, о Керченскихъ фрескахъ, рѣчь о томъ, какъ смотритъ народъ на памятники своей доисторической старины, очеркъ вліянія трудовъ Якова Гримма на русскую археологическую науку, и изслѣдованія по сравнительной археологіи, и полныя уваженія къ

научному подвигу, сердечныя воспоминанія объ умершихъ сочленахъ (въ родѣ «Поминки о Ешевскомъ»).

Въ связи съ живою дѣятельностію А. А. въ Обществѣ находятся и важнѣйшіе изъ трудовъ его по археологіи, появившихся отдѣльными книгами. Если еще въ одной изъ юношескихъ его работъ («Старина и народность», 1861) уже встрѣчается указаніе на привлекавшую его уже тогда тему,—изслѣдованіе погребальныхъ славянскихъ обычаевъ, то только послѣ того, какъ Общество, немало потрудившееся надъ упроченіемъ доисторической археологіи на Руси, дало ему возможность болѣе широкаго обмѣна мыслей, нравственно поддержало его и открыло столбцы своихъ изданій для отдѣльныхъ главъ его труда, могла осуществиться классическая его работа «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ», 1868. Отголоски темъ, возбужденныхъ авторомъ еще въ Москвѣ, сказались и въ его дерптской брошюрѣ «Archäologische Späne», 1871, и въ отмѣтившихъ переходъ его къ изученію правовой старины двухъ книгахъ о балтійскихъ славянахъ («Книга о древности и исторіи поморскихъ славянъ» и «Древности права балтійскихъ славянъ», Прага, 1874).

Столь напряженное, въ теченіе всей жизни, глубоко искреннее влеченіе къ отдаленной старинѣ у человѣка живого, подвижного, чуткаго въ современности, являлось иногда въ глазахъ стороннихъ наблюдателей не вполнѣ понятнымъ, даже страннымъ. Но въ этомъ кажущемся противорѣчіи есть полное оправданіе и великое значеніе. Правда, въ жизни А. А. вплоть до роковаго недоразумѣнія, которое въ 1862 году едва не сгубило его и надолго внесло тревогу и необезпеченность въ его жизнь, въ немъ казалось, преобладали влеченія къ страстной дѣятельности публициста и литературнаго критика. Но и тогда, даже еще на студенческой скамьѣ, подъ вліяніемъ Буслаева и Бодянскаго, въ А. А. ярко сказывалось увлеченіе народной стариной во всѣхъ ея проявленіяхъ, пѣснѣ, преданіи, обычаѣ, вещественномъ памятникѣ, увлеченіе рѣдкое уже потому, что оно не останавливалось на внѣшнемъ овладѣніи предметомъ, а за дошедшими до потомства, часто безмолвными обломками старины видѣло, отгадывало прежній бытъ, его духовное содержаніе, вызывало къ новой жизни минувшіе вѣка. Такимъ характеромъ проникнуты всѣ разнообразныя статьи молодаго А. А. по народной поэзіи, языку, древнему искусству, которыя составили I томъ предпринятаго въ настоящее время Академіею Наукъ собранія сочиненій А. А. (Спб. 1889, 8°); онъ передался и позднѣйшимъ его работамъ въ смежной

университета до отъѣзда изъ Харькова въ заграничное путешествіе (въ началѣ сент. 1839 г.) прожилъ исключительно въ Харьковѣ. Рязанецъ по отцу и дѣду, Ярославецъ по мѣсту своего рожденія, впечатлительный, живой, кипучій, энергическій, Ср—ій съ первыхъ мѣсяцевъ отъ роду до 27 лѣтъ провелъ исключительно на Украинѣ, горячо полюбилъ ея природу и народъ, его рѣчь, пѣсни и напѣвы. Съ отрочества знакомый съ Квиткою, Артемовскимъ-Гулакомъ, съ ихъ друзьями и пріятелями, Ср—ій въ своихъ привязанностяхъ, вкусахъ и направленіи совершенно естественно сталъ пламеннымъ Украинцемъ. По примѣру видныхъ представителей тогдашней нашей Украинской школы, сильно увлекавшейся Бродзиньскимъ, Мицкевичемъ, и другими польскими поэтами, особенно такъ называемой Украинской школы (Богд. Залѣсскимъ, Сев. Гощинскимъ, Мальчевскимъ), а также подъ вліяніемъ высокочтимаго Ср—мъ ученаго и умнаго профессора Даниловича, Ср—ій наравнѣ со своими товарищами-ровесниками и нѣсколько младшими пріятелями: Корсуномъ, Боровиковскимъ, Метлинскимъ, Костомаровымъ, рано ознакомился съ Польскимъ языкомъ и литературою, съ нѣкоторыми по крайней мѣрѣ трудами разныхъ Польскихъ ученыхъ по Польской исторіи и Славянской старинѣ и древностямъ (кн. Потоцкаго, Нарушевича, Раковецкаго, Чацкаго, Мацѣевскаго, Войцицкаго и пр.). Сверхъ знакомыхъ уже юному Ср—му замѣчательнаго путешествія Фортиса по Далмаціи и нѣкоторыхъ книжекъ В. Караджича, интересъ къ южному славянству могъ пробудить въ даровитомъ юношѣ проживавшій въ Харьковѣ и близкій къ его университету, извѣстный своими давними симпатіями къ Сербамъ, Каразинъ. И въ Харьковской и въ Екатеринославской губерніяхъ Ср—ій могъ не разъ встрѣчаться съ разными стариками-поселенцами Сербами, еще не забывшими роднаго языка. Девятнадцатилѣтній юноша, Ср—ій уже знакомился съ заѣзжавшими въ Харьковъ ходебщиками Словаками-Турчанами и, еще не подготовленный, съ грѣхомъ пополамъ, записывалъ однако пѣсни, какія могъ отъ нихъ услышать: въ 1832 г. онъ издалъ въ Харьковѣ небольшую книжечку подъ заглавіемъ «Словацкія пѣсни» (60—2 стр. въ 16 д.). При всѣхъ понятныхъ ошибкахъ, она обнаружила въ юномъ Ср—мъ горячую любовь къ живому изученію народности и его энергическую готовность отдаться лингвистическимъ и этнографическимъ наблюденіямъ. Та же любовь и энергія, но уже соединенныя съ пониманьемъ и умѣньемъ, сказались въ его позднѣйшей замѣчательной работѣ «Афинскій языкъ въ Россіи» (Отеч. Зап. 1839 г. т. V. Смѣсь. Стр. 1—12). Въ теченіе 1833—1838 гг.

И. И. Срезневскій.

(1812—1880).

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій родился 1 іюня 1812 года въ Ярославлѣ, † 9-го февраля 1880 года въ Петербургѣ. Младенцемъ нѣсколькихъ недѣль привезенный въ Харьковъ, куда его отецъ, бывшій профессоромъ Ярославскаго Демидовскаго лицея, былъ переведенъ на каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи и вмѣстѣ на должность инспектора студентовъ Харьковскаго университета, Ср—ій семи лѣтъ лишился отца († 1819) и остался на попеченіи своей умной и доброй, горячо имъ любимой, матери, умершей уже въ Петербургѣ въ 1856 г. въ домѣ и на рукахъ сына. 14-ти лѣтъ Ср—ій поступилъ въ студенты Харьковскаго университета на юридическій факультетъ и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1829 г., 17-ти лѣтъ. Унаслѣдовавъ отъ отца любовь къ словесности, Ср—ій ребенкомъ еще началъ писать стихи, а 16-ти лѣтъ уже высказывалъ сознательную рѣшимость посвятить себя ученой дѣятельности [1]). За исключеніемъ странствованій и поѣздокъ по Харьковской, Полтавской, и Екатеринославской губ. [2]), Ср—ій со времени выхода своего изъ

[1]) Письмо Ср—аго къ бабушкѣ 1828 г.

[2]) И. П. Сокольскій въ своей статьѣ объ И. И. Срезневскомъ, говоритъ по поводу отъѣзда его лѣтомъ 1829 г. на кондиціи въ семейство Е. Р. Подольской въ деревню Варваровку на Днѣпрѣ, въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., «Всѣ послѣдующіе его разъѣзды по Украйнѣ связаны были также съ «кондиціями». Онъ заботился скрывать отъ другихъ подробности своей матеріальной обстановки. Для всѣхъ эта сторона его жизни должна была оставаться тайною. Съ другой стороны, открытый для взоровъ всѣхъ, онъ казался независимымъ по матеріальнымъ средствамъ джентельменомъ съ аристократическими привычками и воспитаніемъ. Это былъ свѣтскій юноша въ лучшемъ смыслѣ слова, разбитной, «юркій», по выраженію одного изъ близкихъ къ нему людей. Особенно любили его товарищи. -Какъ товарищъ,—говорилъ мнѣ его сверстникъ—Измаилъ Ивановичъ былъ добрѣйшая душа: всегда былъ готовъ помочь другому во всемъ: отказа съ его стороны никогда не бывало. Съ друзьями дѣлился чѣмъ былъ богатъ, съ радостію...» (См. Прилож. къ Статист. Листку, издав. Харьков. губ. Статист. Комит., за 1883 г.).

университета до отъѣзда изъ Харькова въ заграничное путешествіе (въ началѣ сент. 1839 г.) прожилъ исключительно въ Харьковѣ. Рязанецъ по отцу и дѣду, Ярославецъ по мѣсту своего рожденія, впечатлительный, живой, кипучій, энергическій, Ср—ій съ первыхъ мѣсяцевъ отъ роду до 27 лѣтъ провелъ исключительно на Украинѣ, горячо полюбилъ ея природу и народъ, его рѣчь, пѣсни и напѣвы. Съ отрочества знакомый съ Квиткою, Артемовскимъ-Гулакомъ, съ ихъ друзьями и пріятелями, Ср—ій въ своихъ привязанностяхъ, вкусахъ и направленіи совершенно естественно сталъ пламеннымъ Украинцемъ. По примѣру видныхъ представителей тогдашней нашей Украинской школы, сильно увлекавшейся Бродзиньскимъ, Мицкевичемъ, и другими польскими поэтами, особенно такъ называемой Украинской школы (Богд. Залѣсскимъ, Сев. Гощинскимъ, Мальчевскимъ), а также подъ вліяніемъ высокочтимаго Ср—мъ ученаго и умнаго профессора Даниловича, Ср—ій наравнѣ со своими товарищами-ровесниками и нѣсколько младшими пріятелями: Корсуномъ, Боровиковскимъ, Метлинскимъ, Костомаровымъ, рано ознакомился съ Польскимъ языкомъ и литературою, съ нѣкоторыми по крайней мѣрѣ трудами разныхъ Польскихъ ученыхъ по Польской исторіи и Славянской старинѣ и древностямъ (кн. Потоцкаго, Нарушевича, Раковецкаго, Чацкаго, Мацѣевскаго, Войцицкаго и пр.). Сверхъ знакомыхъ уже юному Ср—му замѣчательнаго путешествія Фортиса по Далмаціи и нѣкоторыхъ книжекъ В. Караджича, интересъ къ южному славянству могъ пробудить въ даровитомъ юношѣ проживавшій въ Харьковѣ и близкій къ его университету, извѣстный своими давними симпатіями къ Сербамъ, Каразинъ. И въ Харьковской и въ Екатеринославской губерніяхъ Ср—ій могъ не разъ встрѣчаться съ разными стариками-поселенцами Сербами, еще не забывшими роднаго языка. Девятнадцатилѣтній юноша, Ср—ій уже знакомился съ заѣзжавшими въ Харьковъ ходебщиками Словаками-Турчанами и, еще не подготовленный, съ грѣхомъ пополамъ, записывалъ однако пѣсни, какія могъ отъ нихъ услышать: въ 1832 г. онъ издалъ въ Харьковѣ небольшую книжечку подъ заглавіемъ «Словацкія пѣсни» (60—2 стр. въ 16 д.). При всѣхъ понятныхъ ошибкахъ, она обнаружила въ юномъ Ср—мъ горячую любовь къ живому изученію народности и его энергическую готовность отдаться лингвистическимъ и этнографическимъ наблюденіямъ. Та же любовь и энергія, но уже соединенныя съ пониманьемъ и умѣньемъ, сказались въ его позднѣйшей замѣчательной работѣ «Афинскій языкъ въ Россіи» (Отеч. Зап. 1839 г. т. V. Смѣсь. Стр. 1—12). Въ теченіе 1833—1838 гг.

въ рядѣ книжекъ задуманнаго и изданнаго имъ сборника «Запорожская Старина», Ср—ій выступаетъ ревностнымъ собирателемъ и изслѣдователемъ памятниковъ народной словесности и старины Украинской. Въ 1838 году онъ начинаетъ издавать родъ Украинской библіотеки въ Украинскомъ Сборникѣ; въ первой книжкѣ онъ помѣстилъ Котляревскаго «Наталка-Полтавка», во второй «Москаль-Чаривникъ». Въ слѣдующихъ книжкахъ онъ обѣщалъ напечатать выборъ Украинскихъ пѣсенъ и думъ, выборъ стихотвореній Артемовскаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженевскаго и пр., Жизнь и сочиненія Сковороды, Украинскія пословицы и загадки,—*Грамматическій разборъ южно-русскихъ нарѣчій,* Украинскія лѣтописи и проч. Въ это же время Ср—ій печатаетъ двѣ повѣсти: Маіоръ, маіоръ! Разсказъ (Моск. Набл. 1836, VI стр. 205—238, 435—468, 721—736) и Rapsodia sonatina. Не сонъ, а жизнь,—не сонъ, а смерть. Повѣсть (Моск. Набл. 1837, XI, стр. 21—75), въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» (кн. 1-я стр. 67—92) помѣщаетъ отрывки изъ записокъ о старцѣ Григ. Сковородѣ [1]). Когда Вадимъ Пассекъ предпринялъ изданіе своихъ замѣчательныхъ для того времени Очерковъ Россіи, близкій его пріятель Ср—ій поспѣшилъ дать ему въ первую же книжку нѣсколько статей: Изборники, Сеймы, Мартынъ Пушкарь и въ 3-ю Казаки-гайдамаки Уніатской войны 1595—1654 (Оч. Р. III, 1840 стр. 121—138). Въ первой статьѣ «Изборники» Ср—ій съ увлеченіемъ, предсказывающимъ будущаго палеографа и археолога, говоритъ о Святославовомъ Сборникѣ 1073 года, знакомомъ ему тогда конечно только заглазно, о любви нашихъ предковъ къ подобнымъ сборникамъ и желаетъ успѣха такому же новому *изборнику*—Очеркамъ России. Въ статьѣ Сеймы, Sněmy, Ср—ій знакомитъ читателя съ такъ называемымъ Судомъ Любуши. Расказавъ объ ея находкѣ, Ср—ій прибавляетъ, что ученые обратили на нее вниманіе: ученый Юнгманъ писалъ де о ней Скороходу-Маевскому, «другому знатоку Славянщины», Раковецкій въ 1820 и 1822 году напечаталъ этотъ памятникъ въ своемъ сочиненіи о Русской Правдѣ, потомъ его издали въ чешск. журн. Кгок, затѣмъ Мацѣевскій объяснялъ его въ Исторіи Славянскихъ Законодательствъ. «Съ другой стороны сыскались люди, которые стали доказывать подложность рукописи, и въ ихъ ряду сталъ

---

[1]) Статья подписана: «Варваровка на Днѣпрѣ 1833. 11 февр.» Позже имъ были напечатаны «Выписки изъ писемъ Григ. Сав. Сковороды» (Молодикъ на 1844 г. Украинскій литерат. сборн. изд. И. Бецкимъ, стр. 234—244).

самъ препрославленный Добровскій, напечатавши критику на нее въ апрѣльской книжкѣ Берлинскаго Архива Исторіи и пр. на 1824 г. Добровскій надѣялся доказать; но его доказательствамъ не повѣрили: «Zagisté ne důwodné»! отвѣчали Чехи на критику и продолжали считать эту рукопись драгоцѣннымъ памятникомъ своей старины». (Стр. 227). Тутъ же Ср—ій напечаталъ чешскій текстъ латинскими и русскими буквами, провѣрилъ русскій переводъ и описалъ состояніе древней чешской земли по этимъ пѣснямъ. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Любите, храните, Чехи, свои народныя драгоцѣнности и защищайте ихъ *отъ нападковъ всеразрушающей критики, если по совѣсти признаете ихъ того достойными»*. (Стр. 239). Статья эта написана была въ началѣ 1838 г. или даже въ концѣ 1837 г. Такимъ горячимъ славянолюбцемъ былъ Ср—ій еще въ Харьковѣ, до отъѣзда своего въ Славянскія земли.

Пламенный Украинецъ сказался въ немъ, сверхъ выше названныхъ статей и изданій, въ его довольно ранней, весьма любопытной статьѣ «Взглядъ на памятники Украинской народной словесности». Письмо къ проф. И. М. Снегиреву съ эпиграфомъ: Pauca paucis (Учен. Зап. Имп. Моск. Унив. 1834, VI, Окт. стр. 134—150). «Въ настоящее время,—писалъ 22-хъ-лѣтній Ср—ій, нечего доказывать, что языкъ Украинскій (или какъ угодно называть другимъ Малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе Русскаго или Польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; и многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ, что онъ едва ли уступитъ Богемскому въ обиліи словъ и выраженій, Польскому въ живописности, Сербскому въ пріятности, что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому,—языкъ поэтическій, музыкальный, живописный». Ср—ій вѣритъ въ его литературное будущее. «И почему же глубокомысленный Сковорода, простодушный Котляревскій, богатый фантазіею Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще нѣсколько другихъ, польстившихъ обѣщаніями и надеждой выждать отъ нихъ что-нибудь достойное Украйны—почему должны они остаться одни въ доселѣ дикой пустынѣ Украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкаря, Дорошенки, Палія, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣрѣ передать потомству славу сихъ великихъ людей Украйны».

Эта замѣчательная статья вмѣстѣ съ живо и даровито написаннымъ предисловіемъ къ «Запорожской Старинѣ» о народной украин-

ской поэзіи, двѣ повѣсти, многочисленныя историческія примѣчанія и біографическіе очерки разныхъ великихъ людей Украйны (XVII—XVIII в.) въ Запор. Стар., Очерк. Россіи, съ отдѣльными эпизодами изъ исторіи казачества вмѣстѣ съ особымъ прекраснымъ трудомъ: «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украйны» (Харьковъ 1839—8°, 93 стр.) и разными небольшими статьями въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара (войсковая скарбница, Ворскла и пр.) обнаруживаютъ несомнѣнный литературный талантъ, большую начитанность, внимательное изученіе Украинской исторіи. Всѣ эти труды и изданія высоко ставятъ молодаго Срезневскаго въ ряду писателей и дѣятелей нашей Украинской школы 30-хъ годовъ, давшей Россіи не мало людей даровитыхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ.[1]) Какъ во всякой школѣ и новомъ направленіи, въ ней были двѣ стороны: здоровая, вѣчно живая и односторонняя, преходящая. Отличавшая ее горячая любовь къ народности и родной старинѣ воспитывала въ представителяхъ и приверженцахъ школы пониманье и ревностное изученіе народной рѣчи, поэзіи, уваженіе къ народной жизни, ея правамъ и свободѣ, но эта же любовь нерѣдко выражалась въ одностороннихъ, болѣзненныхъ увлеченіяхъ, неизбѣжныхъ впрочемъ спутникахъ всѣхъ новыхъ, самыхъ даже плодотворныхъ, направленій въ литературѣ, наукѣ, жизни. Въ Запорожской Старинѣ Ср—го мы получили сборникъ пѣсенъ и думъ гораздо болѣе богатый, чѣмъ предварившіе его сборники князя Церетелева (1819) и Максимовича (1827); но желаніе полноты и разнообразія не мало помѣшали разборчивости въ выборѣ пѣсенъ, такъ что за народныя сошли и неизвѣстно когда и гдѣ сочиненныя. Несомнѣнная даровитость и большая начитанность, обнаруженныя въ разныхъ статьяхъ и историческихъ очеркахъ не прикрываютъ недостатка въ трезвомъ критическомъ отношеніи къ источникамъ и пособіямъ и риторически-морализующаго и сентиментальнаго характера, въ манерѣ Нѣмцевича или его подражателя у насъ Рылѣева, въ изображеніи Запорожцевъ

---

[1]) Н. Н. Сокольскій, переиздавшій трудъ Срезневскаго о Слободской Украйнѣ, замѣчаетъ: «Въ Харьковѣ въ то время существовалъ уже кружокъ даровитыхъ людей любителей и изслѣдователей мѣстной старины, собиравшихъ пѣсни, думы, преданія, сказанія о прошломъ Украины. И. И. Ср—ій выдавался изъ среды этого кружка своею неутомимою дѣятельностью. По свидѣтельству его товарищей, онъ былъ чрезвычайно трудолюбивъ. Нервною напряженностью отличались молодые годы его жизни. Что-то захватывающее было въ его натурѣ Ни одна минута не проходила у него даромъ Трудъ давался ему легко. Онъ читалъ, изучалъ все, не зная устали». (Сокольскій. Статист. Лист. изд. Харьк. губ. Стат. Ком. 1883. Прибавленіе).

и разныхъ великихъ людей Украйны. Эта манера въ изображеніи предковъ или національной жизни и у насъ была свойственна Карамзину, особенно въ первыхъ частяхъ его исторіи, и вообще его школѣ. Она была вытѣснена изъ нашей литературы лишь Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ. Но она еще долго господствовала во всѣхъ западно-славянскихъ литературахъ, съ которыми наша Украинская школа имѣла много внутренняго сродства, быть можетъ вслѣдствіе общаго съ ними характера провинціальности. Этой манеры не чуждъ былъ самъ Мицкевичъ не только въ талантливыхъ, хотя исполненныхъ ходульности и фальши, Валенродѣ, Дзядахъ, Редутѣ Ордона, даже въ лучшемъ его созданіи «Панъ Тадеушъ», гдѣ на всей картинѣ быта старосвѣтскихъ польскихъ помѣщиковъ въ Литвѣ, ихъ отношеній къ крѣпостнымъ и отношеній Евреевъ къ населенію разлитъ сильный идиллическій тонъ, не лишенный дѣланности и неправды. Въ этомъ отношеніи вся Польская поэзія съ Мицкевичемъ во главѣ была гораздо ближе, сроднѣе и понятнѣе всѣмъ западнославянскимъ литературамъ не только 30-хъ годовъ, но и позднѣйшихъ десятилѣтій, чѣмъ Русская, съ исхода 20-хъ и въ 30-хъ годахъ имѣвшая уже Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Каменнаго Гостя, Русалку, Скупаго Рыцаря, повѣсти Бѣлкина, Дубровскаго и Капитанскую Дочку и вслѣдъ за тѣмъ получившая отъ той же Украйны, нашею Украинскою школою вполнѣ не представленной и не исчерпанной, Гоголя съ его Шинелью, Записками съумасшедшаго, Женидьбою, Тяжбою, Ревизоромъ и Мертвыми Душами.

Многихъ почитателей замѣчательнаго ума и большихъ дарованій Ср—аго не разъ въ послѣдствіи смущало и приводило въ недоумѣніе его рѣшительное нерасположеніе къ Гоголю и непризнаваніе за нимъ великаго таланта. Пытались это объяснить давнею нелюбовью Ср—го къ Гегелю, а черезъ нее и къ покланявшемуся Гегелю и восхищавшемуся Гоголемъ Бѣлинскому, вліяніемъ Сенковскаго, котораго всегда любилъ и высоко уважалъ Ср—ій, наконецъ пристрастіемъ къ Украинскому языку и недовольствомъ на Гоголя за то, что свои Вечера на хуторѣ и Тараса Бульбу онъ не написалъ по малорусски. Всѣ эти объясненія неудачны. Ср—му Гоголь былъ немилъ и несочувственъ за свой реализмъ [1]). Не только Одынцу и Залѣсскому или Красиньскому и Словацкому, но и самому Мицкевичу, Гоголь, авторъ Ревизора, Мертвыхъ Душъ, какъ ху-

---

[1]) Впрочемъ Ср—ій не любилъ и Дзядовъ Мицкевича и Фауста Гете за фантастичность или, какъ онъ выражался, *за чертовщину*.

дожникъ; не могъ рѣшительно нравиться, точно также какъ и Колару, Шафарику, Воцелю, Маху, Эрбену, Фричу или представителямъ такъ называемой Иллирской школы. Не только въ 40-хъ годахъ, но и гораздо позже у западныхъ Славянъ читали, переводили, любили Мицкевича, совсѣмъ мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. У нихъ долго самымъ любимымъ и наиболѣе читаемымъ изъ русскихъ писателей былъ Булгаринъ. Наша Украинская школа даже въ высшемъ и позднѣйшемъ своемъ представителѣ Шевченкѣ была въ иныхъ отношеніяхъ ближе и родственнѣе Мицкевичу, Словацкому, чѣмъ Пушкину или Гоголю (Гайдамаки, Катерина, Кавказъ). Украинское направленіе молодаго Ср—го, его украинскія сочувствія, пристрастія и занятія чрезвычайно помогли ему сразу вступить твердой ногой на почву славяновѣдѣнія и въ скорости стать однимъ изъ крупныхъ славистовъ, быстро сблизили его съ главными представителями, лучшими учеными и писателями западнаго Славянства и живо ввели его въ кругъ ихъ интересовъ и сочувствій, дали Ср—му умѣнье и навыкъ въ обращеніи съ народомъ, въ наблюденіяхъ его быта, въ изученіи языковъ и говоровъ западно-славянскихъ. Отправляясь за границу юристъ Ср—ій, сверхъ знанія русскаго, украинскаго и польскаго, — былъ нѣсколько знакомъ уже съ языками чешскимъ, словацкимъ и сербскимъ. Если завязанныя за границею дружескія связи Ср—го съ В. Караджичемъ позволили ему относиться къ Копитару совершенно иначе, чѣмъ относились къ нему чешскіе ученые и писатели (Ганка, Палацкій, Шафарикъ), коимъ въ этомъ отношеніи всегда вторилъ Бодянскій, то за то и Ср—ій до конца дней не могъ разойтись со взглядами чешскихъ друзей на Добровскаго. Ср—ій до того ими былъ предубѣжденъ противъ него, что многія превосходныя критическія статьи Добровскаго (особенно въ Wien. Jahrb.) были имъ совсѣмъ не оцѣнены и даже едвали прочитаны, ибо съ своимъ замѣчательнымъ умомъ Ср—ій не могъ бы, кажется, не оцѣнить ихъ силы и значенія: онѣ однѣ ставятъ Добровскаго во многихъ отношеніяхъ неизмѣримо выше Копитара, Шафарика, Палацкаго, Юнгмана. При всемъ своемъ скепсисѣ и критицизмѣ въ иныхъ отношеніяхъ, Ср—ій не могъ до конца жизни признать подложности не только Краледворской рукописи, но и многихъ глоссъ Mater Verborum, Отрывковъ Ев. Св. Іоанна, Суда Любуши и на тѣхъ негодовалъ, кто эту подложность признавалъ.

Сверхъ этихъ Украинскихъ наблюденій и изслѣдованій даровитый, неугомонный и энергическій Ср—ій, студентъ, кандидатъ юри-

дическаго факультета, магистръ и адъюнктъ-профессоръ Харьковскаго Университета (съ 1837 по сент. 1839 г.) по политической экономіи и статистикѣ, посвящалъ свое время и труды многимъ еще другимъ предметамъ знанія. Еще юношею зачитывался онъ Вольтеромъ, Кондорсе, Тюрго, — особенно словаремъ Бейля [1]), къ которому и въ старости сохранялъ сердечное пристрастіе и глубокое уваженіе. Увлекшая было его работа объ императорѣ Юліанѣ (въ 1870 г.), послужившая въ началѣ 1871 г. предметомъ его публичныхъ чтеній въ Петербургской городской думѣ [2]), его взглядъ на происхожденіе религій, на разные богословскіе вопросы, на исторію церкви (первыхъ 5, 6 вѣковъ), его скепсисъ и критическое отношеніе къ разнымъ господствующимъ воззрѣніямъ и ипотезамъ въ наукѣ ведутъ свое начало отъ этихъ еще юношескихъ увлеченій и занятій Бейлемъ и другими мыслителями Французскими и Англійскими XVIII в. Тогда же кажется зародилось въ Ср—мъ его глубочайшее въ послѣдствіи уваженіе къ великимъ подвижникамъ Французской науки XVI—XVIII в. къ Этьену, Годефруа, Дюканжу, Монфокону и пр. Въ послѣднія десятилѣтія своей жизни постоянно обращаясь съ ихъ трудами онъ любилъ на лекціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ молодежью внушать ей чувство высокаго къ нимъ уваженія. Къ

[1]) Къ Руссо Ср—ій никогда не питалъ особаго сочувствія. Въ одномъ изъ примѣчаній своего разсужденія «О сущности и содержанія теоріи въ наукахъ политическихъ» онъ говоритъ: «Если еще и опровергаютъ Жанъ-Жака, то безъ всякаго труда. См. Ch. Conte. Traité de législation. Paris 1826—1 стр. 153 etc.», а въ текстѣ (с. 2): Мелки, смѣшны стали и мысли Жанъ-Жака, вошли въ пословицу его Principes du droit politique наравнѣ съ знаменитой рѣчью о вредѣ наукъ, и Жанъ-Жака только помнятъ, не удостоивая, не помышляя опровергать. Вянетъ и лавръ Монтескье, столь долго дѣлѣемый и владыками умовъ и владыками народовъ. (Въ примѣч. «Довольно вспомнить Destutt de Tracy Commentaire sur l'esprit des lois. Paris. 1819»).

[2]) Эти лекціи въ пользу недостаточныхъ студентовъ Петербургскаго Университета имѣли слѣд. программу: «Юліанъ Отступникъ и его защита язычества».—Общее воспоминаніе о Юліанѣ Отступникѣ, какъ дѣятелѣ IV в. Обзоръ сказаній и отзывовъ современниковъ о Юліанѣ, какъ человѣкѣ, полководцѣ, государѣ, писателѣ. Рѣчи, письма посланія и другія произведенія самого Юліана, какъ источникъ свѣдѣній о его жизни, дѣйствіяхъ, характерѣ. Очеркъ жизни Юліана по его собственнымъ показаніямъ съ дополненіями по сказаніямъ современниковъ. Значеніе Юліана Отступника какъ защитника язычества. Язычество въ половинѣ IV в.: 1) само въ себѣ въ отношеніи къ кореннымъ вѣрованіямъ, правиламъ нравственности и религіознымъ обрядамъ, 2) въ народѣ, 3) въ мыслителяхъ и властяхъ, какъ представителяхъ умственной и дѣятельной силы времени, 4) въ государствѣ, какъ сила связующая. Противники и защитники язычества. Отношенія Юліана къ язычеству: его религіозныя убѣжденія, его желанія и виды, его дѣйствія для поддержанія язычества въ кругѣ коренныхъ вѣрованій, правилъ нравственности и религіозныхъ обрядовъ. Какъ поняли Юліана Отступника современники и потомки, какъ защитника язычества. Былъ ли Юліанъ дѣйствительнымъ защитникомъ язычества. (Въ мартѣ 1871 г. въ залѣ Городской Думы. Дозв. ценз. 23 февр. 1871 г.).

занятіямъ Ср—го вопросами о древнихъ религіяхъ дала ему новый толчекъ въ свое время сильно его увлекавшая Символика Крейцера въ переводѣ и съ коментаріями Гиньо. Плодомъ этихъ увлеченій и занятій были двѣ, весьма любопытныя въ субъективномъ отношеніи, статьи Ср—го: «Общія основанія Зенд-Авесты» (Телескопъ 1835 г. XXVIII с. 519—526; статья была написана еще въ февр. 1833 г.) и «Сближеніе религіи персидской съ египетскою» (Ж. Мин. Н. Пр. 1839 г. XXII, отд. II, стр. 188—206). Знакомя съ его общими воззрѣніями, онѣ также показываютъ, съ какимъ увлеченіемъ и энергіею отдавался онъ разъ заинтересовавшимъ его вопросамъ, какимъ, сравнительно говоря, большимъ запасомъ знаній онъ овладѣвалъ и какъ умѣло ограничивалъ онъ свою задачу и выработывалъ себѣ пріемы для ея рѣшенія. Занятія народною Украинскою поэзіею и вопросами о древнихъ религіяхъ стали было увлекать Ср—го къ изученію сагъ Скандинавскихъ. Такъ изъ его статьи «Барсерки» (Моск. Наблюд. 1836 г. ч. VII, стр. 357—368) видно, что онъ готовилъ сочиненіе «Очерки Сѣвера», «т. е. исторію и миѳологію стараго Сѣвера. «Отрывокъ» здѣсь предлагаемый есть извлеченіе изъ Саги о Герфорѣ — Hervorar-Sage съ прибавленіемъ по другимъ сагамъ—Hervorar-Sagen изданія Верелія 1672 г.»

Какъ ни влекло къ себѣ Ср—го изученіе народности и старины Украинской и Славянской, изученіе древнихъ религій Востока и Скандинавскаго сѣвера, однако онъ все еще держался излюбленнаго имъ на юридическомъ факультетѣ изученія наукъ политическихъ, статистики и политической экономіи.

Давно задумавъ объ ученой карьерѣ, И. И. сдалъ въ 1835—1836 г. устный и письменный экзаменъ на степень магистра, а въ 1837 г. представилъ въ юридическій факультетъ разсужденіе «Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» Харьковъ 1837. 8° (62+8 стр.) съ слѣдующимъ посвященіемъ: «Его Сіятельству Графу Юрію Александровичу Головнину усерднѣйшее приношеніе сочинителя». Кокошкинъ былъ тогда попечителемъ Харьковскаго округа. 9-го сент. 1837 г. И. И. получилъ мѣсто адъюнктъ-профессора въ Харьковскомъ университетѣ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики. Свое вступительное чтеніе въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи, И. И. напечаталъ въ Ж. М. Нар. Просв.; а въ началѣ 1839 г. отпечаталъ свое разсужденіе на степень доктора «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи». Харьковъ 8° (124 стр.). Изъ позднѣйшихъ работъ И. И. только три еще имѣютъ отно-

шеніе къ статистикѣ: 1) чешская статья въ словацкомъ альманахѣ Tatranka: «Статистическія параллели эрцгерцогства австрійскаго съ маркграфствомъ моравскимъ» (Tatranka 1842, въ Пресбургѣ (въ Венгріи) стр. 29—41), 2) статья, извѣстная намъ по оттиску (22 стр.): «О производительности или пользѣ жизни народонаселеній», 3) «Статистика Австрійской имперіи. Разборъ сочиненія: «Tafeln zur Statistik der österreichischen Monarchie für d. Iahr 1842.» (СПБ. Вѣдом. 1847, №№ 86—88 стр. 402, 406, 410). [1])

Докторское разсужденіе И. И. замѣчательно особенно сильно высказаннымъ убѣжденіемъ въ великомъ будущемъ статистики и въ ея громадномъ значеніи для научныхъ теорій и государственнаго управленія и хозяйства. Авторъ старается доказать непрочность умозрительныхъ построеній о народномъ хозяйствѣ, не основанныхъ на точныхъ наблюденіяхъ и изысканіяхъ статистическихъ. Обѣ диссертаціи обнаруживаютъ значительную начитанность автора въ литературѣ предмета, и нѣкоторыя его положенія, соображенія и замѣтки блещутъ умомъ и талантомъ. Еще въ магистерской диссертаціи (написанной въ 1836 г.) можно найти наилучшее опроверженіе одного мнѣнія о И. И., пущеннаго въ литературномъ мірѣ проф. Селинымъ и потомъ многими у насъ повторявшагося. Селинъ говорилъ, сравнивая И. И. съ проф. Никитенкомъ: у одного де груда знаній безо всякой мысли, у другаго множество мыслей безо всякаго знанія. Если справедливо, что Никитенко былъ не ученый и даже малообразованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень умный и талантливый, человѣкъ [2]), то совершенно невѣрно, будто широко образованный и глубоко ученый И. И. былъ человѣкъ безъ идей и мыслей, презиравшій будто бы идеи и умозрѣнія. Не любя фразеровъ и пустословов (въ родѣ Селина), И. И. въ жару бесѣды высказывался

---

[1]) Сюда же можно отнести и слѣд. статьи И. И.: Княжество Сербія по поводу книги Миличевича (въ Сборн. Госуд. Зн. Безобразова, СПБ. 1877 стр. 94—108), нѣмецкую статью о Болгаріи по поводу сочин. Теплова «Zur Bevölkerungsstatistik Bulgariens u. angrenzender Länder (Arch. f. slaw. Phil. 1878, с. 515—518). и небольшую замѣтку. «Новый перечетъ австрійскихъ Славянъ проф. Шемберы» (Газета А. Гатцука 1877 № 3. с. 45—46). Въ указателѣ сочин. и статей И. И. при некрологѣ его, написанномъ Ак. Аѳ. Ѳ. Бычковымъ, вкралась ошибка: указано что статья И. И. «О производительности» напечатана въ Финск. В. 1848 г., а въ этомъ году Ф. В. не выходилъ; за недостаткомъ времени я не могъ исправить указанія. Если статья напечатана въ 1848 г. то вѣроятно въ Сѣв. Обозрѣніи, а если въ 1847 или раньше, то могла быть въ Финск. Вѣсти.

[2]) Прекрасно написанныя и интересныя воспоминанія А. В. Никитенка положительный вкладъ въ русскую литературу. Никитенка отлично въ свое время охарактеризовалъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своей превосходной статьѣ: О мнѣніяхъ Современника 1847 г. (Соч. Ю. Ѳ. Самарина 1, с. 65—66).

въ рядѣ книжекъ задуманнаго и изданнаго имъ сборника «Запорожская Старина», Ср—ій выступаетъ ревностнымъ собирателемъ и изслѣдователемъ памятниковъ народной словесности и старины Украинской. Въ 1838 году онъ начинаетъ издавать родъ Украинской библіотеки въ Украинскомъ Сборникѣ; въ первой книжкѣ онъ помѣстилъ Котляревскаго «Наталка-Полтавка», во второй «Москаль-Чаривникъ». Въ слѣдующихъ книжкахъ онъ обѣщалъ напечатать выборъ Украинскихъ пѣсенъ и думъ, выборъ стихотвореній Артемовскаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Корженевскаго и пр., Жизнь и сочиненія Сковороды, Украинскія пословицы и загадки,—*Грамматическій разборъ южно-русскихъ нарѣчій*, Украинскія лѣтописи и проч. Въ это же время Ср—ій печатаетъ двѣ повѣсти: Маіоръ, маіоръ! Разсказъ (Моск. Набл. 1836, VI стр. 205—238, 435—468, 721—736) и Rapsodia sonatina. Не сонъ, а жизнь,—не сонъ, а смерть. Повѣсть (Моск. Набл. 1837, XI, стр. 21—75), въ альманахѣ «Утренняя Звѣзда» (кн. 1-я стр. 67—92) помѣщаетъ отрывки изъ записокъ о старцѣ Григ. Сковородѣ [1]). Когда Вадимъ Пассекъ предпринялъ изданіе своихъ замѣчательныхъ для того времени Очерковъ Россіи, близкій его пріятель Ср—ій поспѣшилъ дать ему въ первую же книжку нѣсколько статей: Изборники, Сеймы, Мартынъ Пушкарь и въ 3-ю Казаки-гайдамаки Уніатской войны 1595—1654 (Оч. Р. III, 1840 стр. 121—138). Въ первой статьѣ «Изборники» Ср—ій съ увлеченіемъ, предсказывающимъ будущаго палеографа и археолога, говоритъ о Святославовомъ Сборникѣ 1073 года, знакомомъ ему тогда конечно только заглазно, о любви нашихъ предковъ къ подобнымъ сборникамъ и желаетъ успѣха такому же новому *изборнику*—Очеркамъ Россіи. Въ статьѣ Сеймы, Sněmy, Ср—ій знакомитъ читателя съ такъ называемымъ Судомъ Любуши. Расказавъ объ ея находкѣ, Ср—ій прибавляетъ, что ученые обратили на нее вниманіе: ученый Юнгманъ писалъ де о ней Скороходу-Маевскому, «другому знатоку Славянщины», Раковецкій въ 1820 и 1822 году напечаталъ этотъ памятникъ въ своемъ сочиненіи о Русской Правдѣ, потомъ его издали въ чешск. журн. Кгок, затѣмъ Мацѣевскій объяснялъ его въ Исторіи Славянскихъ Законодательствъ. «Съ другой стороны сыскались люди, которые стали доказывать подложность рукописи, и въ ихъ ряду сталъ

---

[1]) Статья подписана: «Варваровка на Днѣпрѣ 1833. 11 февр.» Позже имъ были напечатаны «Выписки изъ писемъ Григ. Сав. Сковороды» (Молодикъ на 1844 г. Украинскій литерат. сборн. изд. И. Бецкимъ, стр. 234—244).

производства своихъ мануфактурныхъ работъ; или вотъ другое, въ немъ только и есть своего въ физической производительности, что одно земледѣліе: вполнѣ ли оба сіи государства самостоятельны? Нѣтъ. Вотъ еще одно государство, — его литература, художества и науки, его грамотность и ученость, большая часть его умственныхъ богатствъ только потому его, что живутъ въ немъ, а сами въ себѣ они — выходцы другихъ климатовъ, цвѣты его оранжерей; или вотъ еще одно, — въ немъ жизнь физическая и умственная, привычки и вкусъ, склонности и мысли, требовательность и чувствованія цѣлыхъ сословій, цѣлыхъ племенъ зависитъ отъ жизни, вкуса, мыслей, чувствованій какого-нибудь чуждаго народа; развѣ и сіи государства вполнѣ самостоятельны? Опять нѣтъ». Далѣе авторъ замѣчаетъ, что полную государственную самостоятельность представляетъ повидимому Китай или Японія; но едва ли только не повидимому, и можно надѣяться, дальнѣйшее тщательнѣйшее изученіе Китая и Японіи покажетъ противное. «Полная же самостоятельность возможна развѣ только для государства, окруженнаго пустынями и не имѣющаго никакихъ связей и сношеній съ другими». Примѣняя «великую мысль Канта» о самостоятельности вообще, его извѣстную теорію антагонизма, И. И. говоритъ, что человѣкъ по Канту имѣетъ наклонность къ общенію, а также «имѣетъ стремленіе уединять себя». Такимъ образомъ, прибавляетъ онъ, «всякое государство, какъ личность, какъ недѣлимый организмъ, есть само для себя особенный кругъ и центръ, и его внутренняя центральность есть его самостоятельность; но всѣ государства составляютъ цѣпь круговъ, гармонію центровъ, живое созвѣздіе, живую планетную систему, — и тутъ границы центральности государства». — Слѣдовательно государства самостоятельны, но съ разными степенями самостоятельности. Какія же всеобщія требованія ихъ самостоятельности? — «Самостоятельность народности и государственности, — самостоятельность силы и доблести общественной жизни. Только при этихъ двухъ условіяхъ можетъ оно быть самостоятельно оно можетъ впрочемъ, и оставаясь самостоятельнымъ, имѣть государемъ государя чужеземнаго и быть обязано предъ другими государствами различными условіями договоровъ, союзовъ, и пользоваться чужими средствами для поддержанія своей жизненности». Далѣе, указавъ на союзы государствъ Сѣв. Европы и Америки, И. И. прибавилъ: «Подобнаго рода государства бывали до нашего времени обыкновенно менѣе другихъ, и часто подчинены одному изъ среды своей большему или сильнѣйшему; впрочемъ почему не ожидать, что со временемъ и большія государства вступятъ въ такіе же союзы»? На

вопросъ, какъ развивалась между государствами идея союзовъ и съ нею вмѣстѣ идея государственнаго равновѣсія, должна бы отвѣчать исторія дипломатическая. Но ей надобно дать приличный кругъ изслѣдованій и приличное содержаніе, не ограничивать ея содержанія нѣсколькими народами старой и новой Европы, не однимъ изложеніемъ кабинетно-политическихъ сношеній между государствами, но предоставить ей изслѣдованіе развитія самостоятельности во всѣхъ государствахъ всѣхъ странъ и вѣковъ, и притомъ оживить ее мыслью философской, мыслію сознанія, мыслію истины и убѣжденія. Какая же мысль можетъ ей дать болѣе важности и возвышенности, какъ не глубокая, пророческая мысль того мыслителя Германіи, который вѣрилъ, что со временемъ весь родъ человѣческій долженъ будетъ явить собою одно гигантское стройное цѣлое по государственному устройству и общественной образованности, одно т. е. всемірное государство». (Kant, Kleine Schriften, стр. 12 и сл.).

Любопытны замѣчанія 24-хъ-лѣтняго автора о принятыхъ взглядахъ на всеобщую исторію человѣчества, часть которой составляетъ такъ называемая исторія государства. «Какъ же глядятъ ученые на всеобщую исторію человѣчества? Они изучаютъ, они пишутъ всеобщую исторію человѣчества,—и забываютъ о человѣчествѣ, о всеобщности: они кое-что разскажутъ о древней Индіи, о Китаѣ, о западѣ Азіи, о Египтѣ, Греціи, Римѣ, новой Европѣ и тѣхъ народахъ, съ которыми она имѣла связи,—и смѣло называютъ свой разсказъ исторіей всеобщей; они вообразили разъ навсегда, что человѣчество идетъ путемъ съ востока на западъ или что исторію всеобщую можно дѣлить на древнюю, среднюю и новую,—и повторяютъ безъ размышленія свою ошибку, какъ неопровержимую истину, и не думаютъ о томъ, что человѣчество распространялось на востокъ столько же, какъ и на западъ, что ихъ древняя исторія есть исторія немногихъ народовъ, извѣстныхъ ученымъ Греціи и Рима, съ немногими добавленіями, а средняя и новая ограничиваются народами почти одной Европы. Всѣ самые великіе мыслители имѣютъ такое ограниченное понятіе, такой близорукій взглядъ на исторію — Астъ и Гегель, Гееренъ и Миллеръ, не менѣе Изелина (Über die Gesch. d. Menschheit, Carlsruhe, 1781) и Гердера, Тюрго и Кондорсе. Не мудрено было появиться сравненію человѣчества съ мужемъ, переживающимъ теперь 4-й или 5-й вѣкъ своего мужества (Adelung, Versuch einer Gesch. d. Cultur. Leipzig. 1782),—или понятію Гегелистовъ о четырехъ началахъ развитія всемірнаго духа, проявленныхъ міромъ Востока, Греціи, Рима и Германіи,—или понятію Мишле, вѣрящаго, что го-

лова Европы и современнаго человѣчества есть Франція, потому что она будто бы дальше всѣхъ странъ на западѣ (Introduction à l'histoire universelle. Bruxelle. 1835. стр. 9 и 76). Ужели эти странные взгляды не сами высказываютъ свою неправильность, односторонность? Или эти ужасные выпуски и сокращенія во всеобщей исторіи зависятъ отъ того же, отъ чего нѣкоторые частные историки позволяютъ себѣ называть безжизненными тѣ вѣка въ жизни народовъ, которыхъ лѣтописи безжизненны? Зачѣмъ же ограничиваться лѣтописями? Исторія всеобщая, исторія человѣчества, должна быть исторіей всего рода человѣческаго, а не нѣкоторыхъ народовъ, по случаю болѣе извѣстныхъ, нежели другіе. Чтобы понять всеобщность исторіи человѣчества, нужно быть не геніемъ, не высоко ученымъ европейцемъ; скорѣе не нужно быть имъ, чтобы не увлечься какою-нибудь модной системой, но имѣть правое сердце, и въ сердцѣ сочувствіе ко всему человѣческому и въ умѣ стремленіе сознать всеобщность. Но, скажутъ иные, всеобщность исторіи понятна и неисполнима. Пусть лучше будутъ пробѣлы въ исторіи, чѣмъ вѣрить и доказывать, что ихъ нѣтъ, вѣрить и доказывать только изъ-за того, что пробѣлы досадны». Другая ошибка историковъ, по мнѣнію нашего автора, состоитъ въ томъ, что, «они видятъ и наблюдаютъ успѣхъ (успѣхи разума) только у себя, вокругъ себя, только успѣхъ сословій, къ которымъ сами принадлежатъ, не видя, не предполагая успѣховъ въ остальныхъ сословіяхъ; судятъ о цѣломъ народѣ по одному высшему его классу, по представителямъ, и объ этомъ высшемъ классѣ по сравненію съ высшимъ классомъ своего народа. Этого мало: судя объ образованіи и просвѣщеніи народа по одному высшему классу его, и не видя въ высшемъ классѣ народовъ должной по ихъ мнѣнію степени образованія и просвѣщенія, весь народъ, много народовъ вставляютъ въ разрядъ дикихъ, неусовершенствующихся и даже иногда не имѣющихъ и силъ усовершенствоваться. Что же выходитъ изъ этого? Всѣ народы, которыхъ климатъ принуждаетъ быть въ одеждѣ или въ пищѣ менѣе разборчивыми, нежели европейцы, называются дикими; всѣ, неисповѣдующіе христіанской, іудейской или мугаммеданской религіи, считаются идолопоклонниками; и т. д. Таковы-то выводы историковъ! Неужели мало еще доказательствъ, какъ эти выводы ложны? Ужели мало еще опытовъ, чтобы увѣриться, что нѣтъ метода ошибочнѣе, одностороннѣе, какъ методъ судить о народахъ только по судьбамъ одного ихъ высшаго сословія? Ужели еще не очевидно, что народы новой Европы, за исключеніемъ ихъ высшихъ классовъ, малымъ выше почти всѣхъ

остальныхъ народовъ новыхъ, и по просвѣщенію, и по образованію; а если нѣкоторые и замѣтно выше, то очень немногіе, и съ недавнихъ временъ, равнымъ образомъ, если есть дѣйствительно дикіе, то число ихъ также невелико въ наше время (См. Lesson, Hist. générale des mammifères. Races humaines I. Paris. 1834, стр. 301). И между тѣмъ предразсудокъ торжествуетъ. Впрочемъ, и тутъ есть уже побѣда, какъ ни малозначуща она, есть успѣхъ въ мнѣніи. есть стремленіе къ исправленію, хотя у немногихъ: исторія народная начинаетъ пробиваться сквозь исторію представителей, наблюденія путешественниковъ, безпрерывно распространяющіяся, начинаютъ дѣйствовать на умы въ пользу народовъ, которыхъ привыкли называть дикими или полудикими,— и свѣтъ истины выказываетъ себя всюду».

Здѣсь достойна вниманія мысль 24-хъ-лѣтняго автора о несправедливости ученыхъ ко многимъ народамъ, напрасно презираемымъ; замѣчательна и другая его мысль о важности изученія простаго народа, его нуждъ физическихъ и духовныхъ. Послѣднія, по его словамъ, «столь же всеобщи, столь же требовательны: должно только ихъ понимать, не должно только смотрѣть на нихъ въ очки схоластика и фарисея, стоитъ только присмотрѣться къ характеру и наклонностямъ, къ праву и обычаямъ народовъ, чтобы постигнуть всю ихъ важность. Ошибки въ этомъ случаѣ безчисленны и всѣ онѣ зависятъ отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ того, что заключаютъ о народѣ по немногимъ сценамъ изъ жизни немногихъ лицъ; отъ того, что судя о нуждахъ по средствамъ, имъ удовлетворяющимъ, слишкомъ въ тѣсной окружности ограничиваютъ взглядъ на эти средства». Сфера удовлетворенія нуждамъ духовнымъ или просвѣщеніе вообще опредѣляется де недостаточно: «ищутъ обыкновенно вѣры народа въ правилахъ и обрядахъ господствующей религіи, наукъ и литературы въ книгахъ и школахъ, понятій объ изящномъ въ истинно-изящныхъ произведеніяхъ (т. е. въ произведеніяхъ личнаго, а не собирательнаго, народнаго творчества),– и только. Люди очень ошибаются, говоря напр. «этотъ народъ имѣетъ отвращеніе отъ просвѣщенія, потому что у него не являются ученыя книги, и мало школъ, и грамотности мало,—вотъ народъ безъ литературы, безъ понятій объ изящномъ»! Благодаря развитію понятій, въ наше время такія понятія становятся рѣже: не въ догматахъ и обрядахъ религіи, но въ духѣ и въ направленіи всѣхъ вѣрованій народа должно искать его вѣру,— самый ученый медикъ или естествословъ можетъ и долженъ учиться у народа естественной исторіи

и медицинѣ, и философъ философіи, и даже философъ-историкъ философіи исторіи; едва ли не всякій народъ, сколько бы ни былъ онъ дикъ, имѣетъ свою литературу (правильнѣе словесность) и не ничтожную ни предъ Иліадой, ни предъ трилогіей Данта, ни предъ драмой Кальдерона и Шекспира».

Въ этомъ юношескомъ горячемъ увлеченіи идеею народности слышится нѣчто совершенно у насъ новое (въ 1837 г.). При такомъ взглядѣ на высокій интересъ живаго изученія простонародья и вообще народовъ презираемыхъ, И. И. долженъ былъ съ радостью откликнуться на сдѣланное ему въ 1838 г. предложеніе отправиться въ путешествіе на казенный счетъ въ западно-славянскія земли для занятія потомъ новооткрытой тогда каѳедры славянскихъ языковъ и литературъ. И. И. тѣмъ охотнѣе покинулъ свое адъюнктство по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, что большинство профессоровъ съ ректоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ во главѣ отказало ему въ публичной защитѣ его диссертаціи (о статистикѣ), представленной имъ на степень доктора. Въ началѣ сентября 1839 г. И. И. выѣхалъ изъ Харькова, проѣздомъ въ Москвѣ и Петербургѣ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ знакомствъ и 20 ноября выѣхалъ изъ Петербурга.

За границею онъ пробылъ безъ мала три года, изъ нихъ только четыре, пять мѣсяцевъ глухой средне-европейской осени и зимы провелъ въ Берлинѣ, Галле, Дрезденѣ, Бреславлѣ, особенно же въ въ Прагѣ, Пештѣ, Пресбургѣ и Вѣнѣ, въ послѣдней двѣ зимы подъ рядъ, остальные же восемь мѣсяцевъ весны, лѣта и начала или половины осени каждаго года онъ обыкновенно разъѣзжалъ и ходилъ по деревнямъ, селамъ, мѣстечкамъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Сербскихъ Лужицъ, Крайны, Штиріи, Хорутаніи, Фріуля, Истріи, Далмаціи, Черной Горы, Хорватіи, Славоніи и Сербіи, сѣверной Венгріи и Галиціи, изучая народные говоры, записывая пѣсни, пословицы, замѣчательныя реченія, вникая въ народный бытъ, изучая нравы и обычаи сельскаго славянскаго населенія Австро-Венгріи, также Черной Горы и Сербіи, наконецъ Сербовъ-Лужичанъ и Поляковъ въ Саксоніи и Пруссіи.

На обратномъ пути въ Россію И. И. остановился въ Познани, въ Варшавѣ, въ Вильнѣ и оттуда прямо черезъ Бѣлоруссію воротился въ Харьковъ 23 сент. 1842 г. Въ Харьковѣ И. И. занялъ теперь новую каѳедру славистики. Здѣсь онъ оставался до конца декабря 1846 г. или до начала января 1847 г. Въ январѣ этого года онъ уже переѣхалъ въ Петербургъ для чтеній въ нашемъ университетѣ, гдѣ со смертью даровитаго и ученаго Прейса

(† 11 авг. 1846 г.) эта каѳедра была вакантною. Эти шесть съ небольшимъ лѣтъ (съ сент. 1839 г. по конецъ 1846 г.) имѣютъ весьма важное значеніе въ жизни И. И. и составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательный періодъ въ исторіи славянской науки и русской образованности. Въ эти шесть лѣтъ съ небольшимъ образовался и созрѣлъ одинъ изъ первыхъ нашихъ профессоровъ насадителей славяновѣдѣнія въ Россіи (ихъ было четверо: Бодянскій, Прейсъ и Срезневскій, четвертый Григоровичъ отправился въ свое путешествіе въ 1844 г., когда они уже воротились въ Россію), все людей замѣчательныхъ и высокозаслуженныхъ, долго трудившихся, за исключеніемъ такъ рано умершаго Прейса, и много сдѣлавшихъ въ этой новой и столь важной для Россіи области знанія.

И. И. вывезъ изъ своего заграничнаго путешествія и небольшой, но поучительной для него, поѣздки по Россіи огромный запасъ разнообразныхъ впечатлѣній, живыхъ замѣтокъ и наблюденій надъ бытомъ и жизнью западно-славянскихъ народовъ, множество важныхъ уроковъ и свѣдѣній, почерпнутыхъ въ бесѣдахъ съ Боппомъ, Поттомъ, Шафарикомъ, Копитаромъ, В. Караджичемъ и другими славянскими и нѣмецкими учеными и писателями, а также въ занятіяхъ кабинетныхъ и библіотечныхъ въ зимніе мѣсяцы, въ пребываніе свое въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Прагѣ, Вѣнѣ и пр. Его большой оригинальный умъ сильно развился въ эти годы и обогатился обширнымъ личнымъ опытомъ; прежняя его разбросанность исчезла, его горячія, кипучія силы и неустанная энергія стали умѣряться и сосредоточиваться. Занявъ, по пріѣздѣ въ Харьковъ, новую, только что открытую каѳедру, И. И. долженъ былъ много работать надъ своими курсами. Его учено-литературная дѣятельность за эти шесть лѣтъ была очень замѣчательна и заслуживаетъ полной нашей признательности. Его отчеты Министру изъ-за границы (въ Журн. Мин. Нар. Просв.), путевыя письма въ Отеч. Зап. и въ чешскомъ журналѣ Народнаго Музея, нѣсколько статей по славянской діалектологіи и этнографіи, напр. о говорахъ словѣнскаго нарѣчія (по Срезневскому Хорутанскаго), о главныхъ чертахъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ, превосходный разборъ сочиненія Шафарика — Slovansky Narodopis, чешская статья о Черной Горѣ, Жумборскіе Ускоки, Фріульскіе славяне блистательно подтвердили высказанное объ И. И. мнѣніе знаменитаго Шафарика, что въ немъ Россія получитъ превосходнаго наблюдателя (ein herrlicher Beobachter). Статьи И. И. за тѣ же годы по исторіи славянскихъ литературъ — Историческій обзоръ серболужицкой литературы (1844), Очеркъ книгопечатанія въ Бол-

гаріи (1846), Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ славянъ, — Вукъ Стефановичъ Караджичъ, очеркъ біографическій и библіографическій (1846), рецензіи двухъ замѣчательныхъ въ свое время книгъ: Костомарова Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Харьковъ. 1843 (1844) и Колара Путешествіе (по чешски) по сѣв. Италіи, Тиролю и Баваріи (1844)— обнаружили въ И. И. внимательнаго библіографа и строгаго изслѣдователя старой литературы, живого критика-обозрѣвателя современныхъ теченій литературы и мастера живописать портреты видныхъ дѣятелей. Статьи же его «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (1846), «О языческомъ вѣрованіи древнихъ Славянъ въ безсмертіе души», наконецъ его докторское разсужденіе «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Харьковъ 1846» (перепечатаны затѣмъ въ Петербургѣ въ 1847 г. подъ другимъ заглавіемъ: «Изслѣдованія объ языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ»), а также рецензія объ изданіяхъ Реймскаго евангелія свидѣтельствовали, что И. И. желаетъ и умѣетъ трудиться и производить изслѣдованія по Славянскимъ древностямъ, по археологіи, радъ бы былъ заняться и древне-славянскою письменностью и палеографіею. Какимъ наконецъ даровитымъ, увлекательнымъ лекторомъ могъ быть и дѣйствительно былъ И. И. въ первые годы своей профессуры въ Харьковѣ, о томъ мы имѣемъ любопытное припоминаніе одного образованнаго и способнаго очевидца (Де-Пуле). И. И. началъ свои чтенія въ Харьковѣ 16 окт. 1842 г. «Успѣхъ чтеній И. И., по словамъ Де-Пуле, былъ громадный. Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Колара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи — все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобычно и ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ; направленіе профессора было панславистское, стихи Колара не сходили, можно сказать, съ его устъ».

Въ Харьковѣ Срезневскій жилъ мирно и счастливо, окруженный сочувствіемъ старыхъ друзей и пріятелей, любовью и уваженіемъ увлекавшейся имъ молодежи, тамъ же онъ нашелъ себѣ и вѣрную подругу жизни. Но теперь, кажется, Украйна его не тѣшила и не чаровала, какъ прежде. Онъ, кажется, уже томился ея про-

нерѣдко очень рѣзко противъ теорій и общихъ началъ, но не потому, чтобъ ихъ вовсе не признавалъ, а потому, что, зная охоту нашу къ теоріямъ и выводамъ и лѣнь и слабое расположеніе къ точнымъ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ, онъ желалъ прежде всего пробужденія въ русскомъ обществѣ любви къ строгому научному труду и духа изысканій.

Изъ двухъ разсужденій И. И. видно, какъ его молодой умъ свободно вращался въ области идей и отвлеченныхъ понятій, какъ былъ широкъ его умственный кругозоръ и какъ проницательно онъ умѣлъ всматриваться въ разныя теоріи объ обществѣ и государствѣ, о народномъ хозяйствѣ и общественной образованности. Онъ если не первый, то одинъ изъ первыхъ у насъ заговорилъ о важномъ значеніи старыхъ итальянцевъ: Сансовино, Ботеро, въ особенности Вико. Онъ же первый у насъ привѣтствовалъ два очень важныя, тогда совсѣмъ новыя, сочиненія: Quetelet Essai de physique sociale, 1835, и Schubert Handbuch d. allgemeinen Staatskunde, 1835, въ своей магистерской диссертаціи, написанной въ 1836 г. Нѣкоторыя изъ высказанныхъ въ ней соображеній, какъ плоды его украинскихъ наблюденій и изслѣдованій, могутъ служить объясненіемъ скоро за тѣмъ послѣдовавшаго перехода его къ славяновѣдѣнію и выраженіемъ его взглядовъ политическихъ и соціальныхъ, коихъ онъ держался и въ послѣдствіи. На вопросъ: «въ чемъ обнаруживается, гдѣ признается такъ называемая самостоятельность государства?» молодой нашъ авторъ въ своей магистерской диссертаціи отвѣчаетъ: «Здѣсь начинаются многообразныя противорѣчія, разномыслія, боренія мнѣній и системъ ученыхъ политиковъ. Одни скажутъ, что эта самосущность бытія и жизни государства заключается въ самостоятельности верховной власти; другіе найдутъ ее въ независимости образа правленія; третьи опредѣляютъ самобытностью политическаго вѣса государства и т. д. Соображая различныя мнѣнія, сводя ихъ по возможности въ единство, можно заключить, что самостоятельность государства есть самостоятельность его устройства, — и это заключеніе есть общее мнѣніе: Богемія и Моравія, говорятъ, не самостоятельны, потому что зависимы отъ державы Австрійской. Но такъ ли? Одною ли независимостью государственнаго устройства должна ограничиваться самостоятельность государства? Мирные договоры, трактаты, союзы развѣ не ограничиваютъ ее? А общественная образованность? Вотъ государство, его физическая дѣятельность преимущественно заключается въ мануфактурной и торговой промышленности, ея помощью оно живетъ, не имѣя не только достаточнаго земледѣлія, но и матеріаловъ для

теки и Румянцевскаго Музея. «Составитель этой записки - писалъ И. И. въ своемъ воспоминаніи о Прейсѣ, — путешествуя по славянскимъ землямъ одновременно съ Прейсомъ и частію вмѣстѣ съ нимъ, можетъ лично свидѣтельствовать объ уваженіи, которое Прейсъ оставлялъ всюду за собой, какъ ученый, столько же богатый запасомъ знаній и наблюденій, сколько и осторожный въ соображеніяхъ и выводахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провели мы вмѣстѣ съ нимъ, сходясь съ Пражскими учеными. Всѣ они дорожили указаніями и мнѣніями Прейса. Шафарикъ между прочимъ обильно пользовался его извлеченіями изъ древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и указателями его къ славянскимъ древностямъ самого Шафарика и къ нѣкоторымъ трудамъ Я. Гримма. Пользовался его указаніями и Челяковскій, и Палацкій, и нѣкоторые другіе. Ему я обязанъ, какъ первому совѣтнику, узнаніемъ первыхъ пріемовъ, какъ заниматься древними рукописями. Вмѣстѣ съ нимъ я началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Далмаціи съ Черной Горой и Хорватской землѣ, работая между прочимъ и надъ памятниками письменности, тамъ нами замѣченными. Вмѣстѣ съ нимъ думалъ я продолжать путешествіе и дальше; но болѣзнь Прейса помѣшала исполненію этого предположенія — также какъ и составленію одного общаго нашего отчета о сдѣланномъ вмѣстѣ путешествіи (причина, по которой ни отъ него, ни отъ меня не было отдѣльныхъ отчетовъ объ этой долѣ нашихъ заграничныхъ занятій).» Григоровичъ въ своихъ бесѣдахъ съ И. И. въ Харьковѣ раскрывалъ свои надежды разыскать на Аѳонѣ, въ Македоніи и Болгаріи слѣды дѣятельности Славянскихъ Первоучителей и ихъ учениковъ и открыть неизвѣстные еще наукѣ древнѣйшіе памятники славянской письменности.

Но и независимо отъ вліянія Прейса и Григоровича, отъ сравненія своихъ занятій въ Харьковѣ съ занятіями Прейса и Бодянскаго въ Петербургѣ и Москвѣ, съ ожидаемыми разслѣдованіями и открытіями Григоровича, И. И. самъ чѣмъ болѣе углублялся въ науку, тѣмъ живѣе долженъ былъ чувствовать недостатки и пробѣлы въ своемъ знаніи и образованіи. Такъ отлично зная съ дѣтства Украинскій языкъ и близко потомъ изучивъ разные его говоры, обладая рѣдкими свѣдѣніями во всѣхъ западно-славянскихъ языкахъ, за исключеніемъ Болгарскаго, И. И. не могъ не сознавать, что онъ почти вовсе не знаетъ ни живыхъ говоровъ, ни большей части памятниковъ древняго и стариннаго языка сѣверной и восточной Руси, знаетъ мало и древне-славянскій языкъ: тогда еще очень немного было издано древнихъ славянскихъ текстовъ; Остромирово евангеліе

Востокова явилось только въ 1847 г. Но И. И. уже были извѣстны разсужденія Востокова, Institutiones Добровскаго, Іоаннъ Экзархъ Калайдовича, Библіографическіе листы Кеппена съ превосходными работами Востокова, Glagolita Clozianus Копитара. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы сознавать и не И. И. высокую важность древне-славянскаго языка и его памятниковъ. Отъ Прейса И. И. могъ многому въ этомъ отношеніи научиться и еще болѣе наслышаться о богатствахъ рукописныхъ собраній Петербурга. Въ 1842 г. явился монументальный трудъ Востокова Описаніе Румянцевскаго Музея, раскрывшій разомъ много невѣдомыхъ богатствъ древне-славянской и древней и старинной русской письменности и представившій массу драгоцѣнныхъ замѣчаній и соображеній Востокова. Въ 1844 г. вышло въ свѣтъ любопытное сочиненіе учителя одной изъ Московскихъ гимназій, Ѳ. И. Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка». Во второй части труда Буслаева уже было обращено вниманіе на нѣкоторыя явленія исторіи русскаго языка, на памятники древне-русскіе и на народный великорусскій языкъ. Въ 1845 г. Шафарикъ выпустилъ въ свѣтъ свою грамматику древне-чешскаго языка. Всѣ эти труды указывали И. И., какими путями и въ какомъ направленіи пойдетъ теперь дальнѣйшее развитіе славяновѣдѣнія. Душно и тѣсно становилось даровитому, энергическому И. И. въ Харьковѣ: положеніе въ немъ слависта было въ то время почти безпомощное.

Смерть Прейса († 11 мая 1846) оставила вакантною каѳедру славяновѣдѣнія въ Петербургскомъ университетѣ, и И. И. еще въ августѣ сталъ искать ее для себя. Въ январѣ 1847 г. онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ и провелъ остальную половину своей жизни. Вскорѣ по переѣздѣ въ Петербургъ И. И. началъ трудиться въ томъ направленіи и въ той области, въ коихъ онъ доселѣ былъ наиболѣе слабъ, и съ такимъ успѣхомъ — такова была даровитость и энергія этого по истинѣ замѣчательнаго человѣка, — что изъ учениковъ лѣтъ черезъ 10—15 съ небольшимъ, когда ему было уже пятьдесятъ или за пятьдесятъ даже лѣтъ, онъ сталъ мало по малу первоклассныиъ мастеромъ въ невѣдомой ему дотолѣ области, прославивъ себя въ ней нѣсколькими монументальными трудами, изъ коихъ одинъ самый крупный хотя уже давно приготовляется къ изданію его просвѣщенною и ученою дочерью и уже печатается, но вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ еще далекъ до своего окончанія, отъ чего разумѣется наука только страдаетъ.

Въ Петербургскомъ университетѣ И. И. не могъ производить такого сильнаго впечатлѣнія на слушателей, какъ въ Харьковѣ, и

имѣть столь же полную аудиторію. Тамъ его всѣ знали и любили, какъ горячаго украинца, извѣстнаго своими статьями и изданіями касательно ея старины и словесности. Ожидавшая его пріѣзда и начала его курса, молодежь уже была заранѣе расположена въ его пользу. Украинское направленіе располагало ее къ славянскимъ сочувствіямъ. Петербургская же университетская молодежь, какъ и вообще петербургское общество, о И. И. ничего или очень мало знала, въ то время никакими вопросами о народности или родной старинѣ не интересовалась, только развѣ глумилась надъ Москвитяниномъ Погодина, а о Московской школѣ Хомякова, Кирѣевскаго и ея Сборникахъ, въ коихъ участвовалъ своими статьями И. И., вторило лишь неблагопріятнымъ отзывамъ Отечественныхъ Записокъ и Современника. Новому профессору въ новомъ мѣстѣ нужно было прежде всего осмотрѣться, узнать почву, ознакомиться съ товарищами и слушателями. И только потомъ развѣ могъ бы онъ развернуть свои силы. Но тутъ подоспѣли обстоятельства, ставшія угрожать русскимъ университетамъ вообще и новооткрытой каѳедрѣ славистики въ частности. Въ апрѣлѣ 1847 г. произошли аресты Костомарова, Шевченка, Бѣлозерскаго, затѣмъ Кулиша, Чижова (1847), затѣмъ въ мартѣ 1849 г. Самарина, нѣсколько позже и И. Аксакова. Славянское направленіе было найдено зловреднымъ. Въ III-мъ отдѣленіи было рѣшено (еще въ 1847 г.): «1) Сообщить Министру Народнаго Просвѣщенія о предостереженіи цензоровъ, *профессоровъ* и учителей, *чтобы не допускали разсужденій и возгласовъ полуполитическихъ и двусмысленныхъ*. 2) Предписать К—ву (одному Московскому камергеру-кореспонденту сего отдѣленія), чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на всѣ Московскіе журналы, особенно на Записки Московскаго Историческаго Общества (т. е. на Чтенія Бодянскаго), *сборники* и проч., *равно какъ и на отдѣльно выходящія книги славянофиловъ*. 3) *Статья Отечественныхъ Записокъ опровергаетъ бредни славянофиловъ столь сильно и умно, что можно бы поощрить Краевскаго продолжать печатать подобныя статьи.*» — Чижову, по освобожденіи его изъ-подъ ареста, по отпущеніи его въ Малороссію на жительство, но съ соблюденіемъ надъ нимъ извѣстнаго надзора, было сдѣлано внушеніе, чтобы впредь онъ *не допускалъ себѣ* «разсужденій о всемірномъ вопросѣ, ни объ ожиданіяхъ (вашихъ) вступленія на поприще исторіи новаго племени, ни другихъ *полутемныхъ* выраженій, могущихъ сбивать и вводить въ заблужденіе юношей». Московскій камергеръ-корреспондентъ К—евъ, исправно снабжалъ генерала Дубельта сво-

ими письмами на счетъ московскихъ славянофиловъ, сообщая о нихъ самыя невѣроятныя и вздорныя свѣдѣнія, нерѣдко получаемыя имъ отъ бывшаго профессора И. М. Снегирева, не только о Хомяковѣ, Аксаковѣ, но и о Погодинѣ, Бодянскомъ, нерѣдко приправляя весь свой вздоръ о современномъ самымъ нелѣпымъ враньемъ и о давнемъ прошломъ, даже относительно напр. уже сведеннаго тѣми же силами въ могилу великаго нашего Пушкина. Въ своемъ академическомъ некрологѣ о И. И. А. Ѳ. Бычковъ замѣтилъ, что И. И. составилъ въ 1848 г. «программу для преподаванія въ университетахъ славянской филологіи, отстранившую своею точностью и ясностью отъ славянскихъ каѳедръ грозу, которая готова была разразиться надъ ними въ 1848 г.» Министерство народнаго просвѣщенія перешло тогда въ руки князя Ширинскаго-Шихматова, одного изъ характерныхъ представителей того темнаго и душнаго времени, которое окончилось лишь съ паденіемъ Севастополя и вступленіемъ на престолъ императора Александра II. Пищущій эти строки поступилъ въ студенты Петербургскаго университета въ 1850 г. и живо вспоминаетъ, какъ часто хаживали на лекціи И. И. и ректоръ (Плетневъ) и попечитель (Мусинъ-Пушкинъ). Очень вѣроятно, что имъ было свыше внушено слѣдить внимательно за направленіемъ славяновѣда, стараго пріятеля Костомарова и сотрудника, вмѣстѣ съ Чижовымъ, московскихъ сборниковъ, такъ не нравившихся III-му отдѣленію.

Понятно, что первые семь, восемь лѣтъ пребыванія И. И. въ Петербургскомъ университетѣ и вообще жизни въ Петербургѣ были тяжелы, сопряжены съ немалыми непріятностями. Какъ ни удалялся онъ въ старину и древность, не могъ же онъ не чувствовать всеобщаго тогда гнета и удушья. Въ послѣдствіи времени И. И. всегда отзывался съ непритворнымъ уваженіемъ о характерѣ и величіи Николая Павловича: однажды (въ 1855—1856 г., теперь хорошенько не помню) И. И. мнѣ высказалъ, что смертью своею онъ ему всегда напоминаетъ геройски павшаго Оттокара II. Вообще И. И. всегда принадлежалъ къ великимъ поклонникамъ императора Николая, даже въ то время, когда это было непринято у однихъ и непопулярно у другихъ. Поминалъ всегда И. И. добрымъ словомъ и бывшаго въ то время не у дѣлъ и потомъ уже покойнаго Мусина-Пушкина, человѣка дѣйствительно кажется вовсе не злого и честнаго, но съ нами, студентами, бывало крайне грубаго и потому не немногими изъ насъ очень не любимаго. Но И. И. никогда, до конца жизни, не могъ спокойно, безъ горечи и раздраженія, говорить о разныхъ

лова Европы и современнаго человѣчества есть Франція, потому что она будто бы дальше всѣхъ странъ на западѣ (Introduction à l'histoire universelle. Bruxelle. 1835. стр. 9 и 76). Ужели эти странные взгляды не сами высказываютъ свою неправильность, односторонность? Или эти ужасные выпуски и сокращенія во всеобщей исторіи зависятъ отъ того же, отъ чего нѣкоторые частные историки позволяютъ себѣ называть безжизненными тѣ вѣка въ жизни народовъ, которыхъ лѣтописи безжизненны? Зачѣмъ же ограничиваться лѣтописями? Исторія всеобщая, исторія человѣчества, должна быть исторіей всего рода человѣческаго, а не нѣкоторыхъ народовъ, по случаю болѣе извѣстныхъ, нежели другіе. Чтобы понять всеобщность исторіи человѣчества, нужно быть не геніемъ, не высоко ученымъ европейцемъ; скорѣе не нужно быть имъ, чтобы не увлечься какою-нибудь модной системой, но имѣть правое сердце, и въ сердцѣ сочувствіе ко всему человѣческому и въ умѣ стремленіе сознать всеобщность. Но, скажутъ иные, всеобщность исторіи понятна и неисполнима. Пусть лучше будутъ пробѣлы въ исторіи, чѣмъ вѣрить и доказывать, что ихъ нѣтъ, вѣрить и доказывать только изъ-за того, что пробѣлы досадны». Другая ошибка историковъ, по мнѣнію нашего автора, состоитъ въ томъ, что, «они видятъ и наблюдаютъ успѣхъ (успѣхи разума) только у себя, вокругъ себя, только успѣхъ сословій, къ которымъ сами принадлежатъ, не видя, не предполагая успѣховъ въ остальныхъ сословіяхъ; судятъ о цѣломъ народѣ по одному высшему его классу, по представителямъ, и объ этомъ высшемъ классѣ по сравненію съ высшимъ классомъ своего народа. Этого мало: судя объ образованіи и просвѣщеніи народа по одному высшему классу его, и не видя въ высшемъ классѣ народовъ должной по ихъ мнѣнію степени образованія и просвѣщенія, весь народъ, много народовъ вставляютъ въ разрядъ дикихъ, неусовершенствующихся и даже иногда не имѣющихъ и силъ усовершенствоваться. Что же выходитъ изъ этого? Всѣ народы, которыхъ климатъ принуждаетъ быть въ одеждѣ или въ пищѣ менѣе разборчивыми, нежели европейцы, называются дикими; всѣ, неисповѣдующіе христіанской, іудейской или мугаммеданской религіи, считаются идолопоклонниками; и т. д. Таковы-то выводы историковъ! Неужели мало еще доказательствъ, какъ эти выводы ложны? Ужели мало еще опытовъ, чтобы увѣриться, что нѣтъ метода ошибочнѣе, одностороннѣе, какъ методъ судить о народахъ только по судьбамъ одного ихъ высшаго сословія? Ужели еще не очевидно, что народы новой Европы, за исключеніемъ ихъ высшихъ классовъ, малымъ выше почти всѣхъ

остальныхъ народовъ новыхъ, и по просвѣщенію, и по образованію; а если нѣкоторые и замѣтно выше, то очень немногіе, и съ недавнихъ временъ, равнымъ образомъ, если есть дѣйствительно дикіе, то число ихъ также невелико въ наше время (См. Lesson, Hist. générale des mammifères. Races humaines I. Paris. 1834, стр. 301). И между тѣмъ предразсудокъ торжествуетъ. Впрочемъ, и тутъ есть уже побѣда, какъ ни малозначуща она, есть успѣхъ въ мнѣніи, есть стремленіе къ исправленію, хотя у немногихъ: исторія народная начинаетъ пробиваться сквозь исторію представителей, наблюденія путешественниковъ, безпрерывно распространяющіяся, начинаютъ дѣйствовать на умы въ пользу народовъ, которыхъ привыкли называть дикими или полудикими,— и свѣтъ истины выказываетъ себя всюду».

Здѣсь достойна вниманія мысль 24-хъ-лѣтняго автора о несправедливости ученыхъ ко многимъ народамъ, напрасно презираемымъ; замѣчательна и другая его мысль о важности изученія простаго народа, его нуждъ физическихъ и духовныхъ. Послѣднія, по его словамъ, «столь же всеобщи, столь же требовательны: должно только ихъ понимать, не должно только смотрѣть на нихъ въ очки схоластика и фарисея, стоитъ только присмотрѣться къ характеру и наклонностямъ, къ праву и обычаямъ народовъ, чтобы постигнуть всю ихъ важность. Ошибки въ этомъ случаѣ безчисленны и всѣ они зависятъ отъ двухъ главныхъ причинъ: отъ того, что заключаютъ о народѣ по немногимъ сценамъ изъ жизни немногихъ лицъ; отъ того, что судя о нуждахъ по средствамъ, имъ удовлетворяющимъ, слишкомъ въ тѣсной окружности ограничиваютъ взглядъ на эти средства». Сфера удовлетворенія нуждамъ духовнымъ или просвѣщеніе вообще опредѣляется де недостаточно: «ищутъ обыкновенно вѣры народа въ правилахъ и обрядахъ господствующей религіи, наукъ и литературы въ книгахъ и школахъ, понятій объ изящномъ въ истинно-изящныхъ произведеніяхъ (т. е. въ произведеніяхъ личнаго, а не собирательнаго, народнаго творчества),— и только. Люди очень ошибаются, говоря напр. «этотъ народъ имѣетъ отвращеніе отъ просвѣщенія, потому что у него не являются ученыя книги, и мало школъ, и грамотности мало,—вотъ народъ безъ литературы, безъ понятій объ изящномъ»! Благодаря развитію понятій, въ наше время такія понятія становятся рѣже: не въ догматахъ и обрядахъ религіи, но въ духѣ и въ направленіи всѣхъ вѣрованій народа должно искать его вѣру,—самый ученый медикъ или естествословъ можетъ и долженъ учиться у народа естественной исторіи

и медицинѣ, и философъ философіи, и даже философъ-историкъ философіи исторіи; едва ли не всякій народъ, сколько бы ни былъ онъ дикъ, имѣетъ свою литературу (правильнѣе словесность) и не ничтожную ни предъ Иліадой, ни предъ трилогіей Данта, ни предъ драмой Кальдерона и Шекспира».

Въ этомъ юношескомъ горячемъ увлеченіи идеею народности слышится нѣчто совершенно у насъ новое (въ 1837 г.). При такомъ взглядѣ на высокій интересъ живаго изученія простонародья и вообще народовъ презираемыхъ, И. И. долженъ былъ съ радостью откликнуться на сдѣланное ему въ 1838 г. предложеніе отправиться въ путешествіе на казенный счетъ въ западно-славянскія земли для занятія потомъ новооткрытой тогда каѳедры славянскихъ языковъ и литературъ. И. И. тѣмъ охотнѣе покинулъ свое адъюнктство по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, что большинство профессоровъ съ ректоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ во главѣ отказало ему въ публичной защитѣ его диссертаціи (о статистикѣ), представленной имъ на степень доктора. Въ началѣ сентября 1839 г. И. И. выѣхалъ изъ Харькова, проѣздомъ въ Москвѣ и Петербургѣ сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ знакомствъ и 20 ноября выѣхалъ изъ Петербурга.

За границею онъ пробылъ безъ мала три года, изъ нихъ только четыре, пять мѣсяцевъ глухой средне-европейской осени и зимы провелъ въ Берлинѣ, Галле, Дрезденѣ, Бреславлѣ, особенно же въ въ Прагѣ, Пештѣ, Пресбургѣ и Вѣнѣ, въ послѣдней двѣ зимы подъ рядъ, остальные же восемь мѣсяцевъ весны, лѣта и начала или половины осени каждаго года онъ обыкновенно разъѣзжалъ и ходилъ по деревнямъ, селамъ, мѣстечкамъ Чехіи, Моравіи, Силезіи, Сербскихъ Лужицъ, Крайны, Штиріи, Хорутаніи, Фріуля, Истріи, Далмаціи, Черной Горы, Хорватіи, Славоніи и Сербіи, сѣверной Венгріи и Галиціи, изучая народные говоры, записывая пѣсни, пословицы, замѣчательныя реченія, вникая въ народный бытъ, изучая нравы и обычаи сельскаго славянскаго населенія Австро-Венгріи, также Черной Горы и Сербіи, наконецъ Сербовъ-Лужичанъ и Поляковъ въ Саксоніи и Пруссіи.

На обратномъ пути въ Россію И. И. остановился въ Познани, въ Варшавѣ, въ Вильнѣ и оттуда прямо черезъ Бѣлоруссію воротился въ Харьковъ 23 сент. 1842 г. Въ Харьковѣ И. И. занялъ теперь новую каѳедру славистики. Здѣсь онъ оставался до конца декабря 1846 г. или до начала января 1847 г. Въ январѣ этого года онъ уже переѣхалъ въ Петербургъ для чтеній въ нашемъ университетѣ, гдѣ со смертью даровитаго и ученаго Прейса

(† 11 авг. 1846 г.) эта каѳедра была вакантною. Эти шесть съ небольшимъ лѣтъ (съ сент. 1839 г. по конецъ 1846 г.) имѣютъ весьма важное значеніе въ жизни И. И. и составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательный періодъ въ исторіи славянской науки и русской образованности. Въ эти шесть лѣтъ съ небольшимъ образовался и созрѣлъ одинъ изъ первыхъ нашихъ профессоровъ насадителей славяновѣдѣнія въ Россіи (ихъ было четверо: Бодянскій, Прейсъ и Срезневскій, четвертый Григоровичъ отправился въ свое путешествіе въ 1844 г., когда они уже воротились въ Россію), все людей замѣчательныхъ и высокозаслуженныхъ, долго трудившихся, за исключеніемъ такъ рано умершаго Прейса, и много сдѣлавшихъ въ этой новой и столь важной для Россіи области знанія.

И. И. вывезъ изъ своего заграничнаго путешествія и небольшой, но поучительной для него, поѣздки по Россіи огромный запасъ разнообразныхъ впечатлѣній, живыхъ замѣтокъ и наблюденій надъ бытомъ и жизнью западно-славянскихъ народовъ, множество важныхъ уроковъ и свѣдѣній, почерпнутыхъ въ бесѣдахъ съ Боппомъ, Поттомъ, Шафарикомъ, Копитаромъ, В. Караджичемъ и другими славянскими и нѣмецкими учеными и писателями, а также въ занятіяхъ кабинетныхъ и библіотечныхъ въ зимніе мѣсяцы, въ пребываніе свое въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Прагѣ, Вѣнѣ и пр. Его большой оригинальный умъ сильно развился въ эти годы и обогатился обширнымъ личнымъ опытомъ; прежняя его разбросанность исчезла, его горячія, кипучія силы и неустанная энергія стали умѣряться и сосредоточиваться. Занявъ, по пріѣздѣ въ Харьковъ, новую, только что открытую каѳедру, И. И. долженъ былъ много работать надъ своими курсами. Его учено-литературная дѣятельность за эти шесть лѣтъ была очень замѣчательна и заслуживаетъ полной нашей признательности. Его отчеты Министру изъ-за границы (въ Журн. Мин. Нар. Просв.), путевыя письма въ Отеч. Зап. и въ чешскомъ журналѣ Народнаго Музея, нѣсколько статей по славянской діалектологіи и этнографіи, напр. о говорахъ словѣнскаго нарѣчія (по Срезневскому Хорутанскаго), о главныхъ чертахъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ, превосходный разборъ сочиненія Шафарика — Slovansky Narodopis, чешская статья о Черной Горѣ, Жумборскіе Ускоки, Фріульскіе славяне блистательно подтвердили высказанное объ И. И. мнѣніе знаменитаго Шафарика, что въ немъ Россія получитъ превосходнаго наблюдателя (ein herrlicher Beobachter). Статьи И. И. за тѣ же годы по исторіи славянскихъ литературъ — Историческій обзоръ серболужицкой литературы (1844), Очеркъ книгопечатанія въ Бол-

гаріи (1846), Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ славянъ, — Вукъ Стефановичъ Караджичъ, очеркъ біографическій и библіографическій (1846), рецензіи двухъ замѣчательныхъ въ свое время книгъ: Костомарова Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи. Харьковъ. 1843 (1844) и Колара Путешествіе (по чешски) по сѣв. Италіи, Тиролю и Баваріи (1844)— обнаружили въ И. И. внимательнаго библіографа и строгаго изслѣдователя старой литературы, живого критика-обозрѣвателя современныхъ теченій литературы и мастера живописать портреты видныхъ дѣятелей. Статьи же его «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (1846), «О языческомъ вѣрованіи древнихъ Славянъ въ безсмертіе души», наконецъ его докторское разсужденіе «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ. Харьковъ 1846» (перепечатаны затѣмъ въ Петербургѣ въ 1847 г. подъ другимъ заглавіемъ: «Изслѣдованія объ языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ»), а также рецензія объ изданіяхъ Реймскаго евангелія свидѣтельствовали, что И. И. желаетъ и умѣетъ трудиться и производить изслѣдованія по Славянскимъ древностямъ, по археологіи, радъ бы былъ заняться и древне-славянскою письменностью и палеографіею. Какимъ наконецъ даровитымъ, увлекательнымъ лекторомъ могъ быть и дѣйствительно былъ И. И. въ первые годы своей профессуры въ Харьковѣ, о томъ мы имѣемъ любопытное припоминаніе одного образованнаго и способнаго очевидца (Де-Пуле). И. И. началъ свои чтенія въ Харьковѣ 16 окт. 1842 г. «Успѣхъ чтеній И. И., по словамъ Де-Пуле, былъ громадный. Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Колара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и ироніи — все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобычно и ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ; направленіе профессора было панславистское, стихи Колара не сходили, можно сказать, съ его устъ».

Въ Харьковѣ Срезневскій жилъ мирно и счастливо, окруженный сочувствіемъ старыхъ друзей и пріятелей, любовью и уваженіемъ увлекавшейся имъ молодежи, тамъ же онъ нашелъ себѣ и вѣрную подругу жизни. Но теперь, кажется, Украйна его не тѣшила и не чаровала, какъ прежде. Онъ, кажется, уже томился ея про-

винціализмомъ. Дальность Харькова, по тогдашнему бездорожью, отъ Европы и отъ обѣихъ русскихъ столицъ, бѣдность его въ ученыхъ пособіяхъ и научныхъ силахъ: не было подъ рукой для совѣтовъ и справокъ ни хорошихъ филологовъ, ни ученыхъ богослововъ, историковъ церкви и знатоковъ церковной археологіи [1]), не было оріенталистовъ, въ бесѣдахъ и указаніяхъ коихъ Срезневскій, при дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ все болѣе нуждался, отсутствіе наконецъ въ Харьковѣ всякихъ музеевъ и рукописныхъ собраній,— все это должно было заставлять И. И. задумываться на счетъ дальнѣйшей ученой дѣятельности въ Харьковѣ. Его товарищи по путешествію Бодянскій и Прейсъ въ Москвѣ и Петербургѣ были поставлены совершенно иначе. Сильное впечатлѣніе произвели на И. И. и магистерская диссертація его стараго Харьковскаго знакомца В. И. Григоровича «Опытъ изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ» 1842—43 г. и особенно его личныя свиданія съ нимъ въ Харьковѣ. «Проѣздомъ черезъ Харьковъ онъ, Григоровичъ, остановился въ немъ, и мы сошлись, какъ товарищи, уже подвизавшіеся на новооткрытой каѳедрѣ», писалъ И. И. вскорѣ по смерти Григоровича и за два года до своей смерти.— «Мы были знакомы и прежде, когда онъ былъ близкимъ товарищемъ моего брата по студенчеству, и былъ у насъ принятъ, какъ родной. Затѣмъ мы сблизились болѣе, когда онъ, уже выдержавши испытаніе на степень магистра славянской филологіи, ѣздилъ чрезъ Харьковъ на родину и по возвращеніи въ Казань долженъ былъ начать свои славянскія чтенія. Тогда мы лучше поняли другъ друга, и я не могъ не оцѣнить его, какъ увлеченнаго труженика науки, очень начитаннаго и много думавшаго. Теперь явился онъ мнѣ еще въ новомъ свѣтѣ, какъ ученый, предпринимающій путешествіе со строго обдуманною цѣлью, понятою совершенно самостоятельно, *совершенно отлично отъ тѣхъ цѣлей, какія имѣли въ виду всѣ мы другіе, прежде него ѣздившіе въ славянскія земли*, важною, тяжело исполнимою, *но для его рѣшимости неизмѣнною»*.

Производилъ сильное впечатлѣніе на И. И. и имѣлъ на него не малое вліяніе и Прейсъ, который передъ отъѣздомъ своимъ за границу годъ проработалъ въ Петербургѣ подъ руководствомъ Востокова надъ изученіемъ славянскихъ рукописей Публичной Библіо-

[1]) Епископскую каѳедру въ Харьковѣ (1842—1848) занималъ преосвященный, высокодаровитый и ученый Иннокентій, но молодому адъюнкту университета трудно было обращаться къ архіерею за справками и указаніями.

теки и Румянцевскаго Музея. «Составитель этой записки - писалъ И. И. въ своемъ воспоминаніи о Прейсѣ, — путешествуя по славянскимъ землямъ одновременно съ Прейсомъ и частію вмѣстѣ съ нимъ, можетъ лично свидѣтельствовать объ уваженіи, которое Прейсъ оставлялъ всюду за собой, какъ ученый, столько же богатый запасомъ знаній и наблюденій, сколько и осторожный въ соображеніяхъ и выводахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ провели мы вмѣстѣ съ нимъ, сходясь съ Пражскими учеными. Всѣ они дорожили указаніями и мнѣніями Прейса. Шафарикъ между прочимъ обильно пользовался его извлеченіями изъ древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и указателями его къ славянскимъ древностямъ самого Шафарика и къ нѣкоторымъ трудамъ Я. Гримма. Пользовался его указаніями и Челяковскій, и Палацкій, и нѣкоторые другіе. Ему я обязанъ, какъ первому совѣтнику, узнаніемъ первыхъ пріемовъ, какъ заниматься древними рукописями. Вмѣстѣ съ нимъ я началъ и кончилъ путешествіе по Истріи, Далмаціи съ Черной Горой и Хорватской землѣ, работая между прочимъ и надъ памятниками письменности, тамъ нами замѣченными. Вмѣстѣ съ нимъ думалъ я продолжать путешествіе и дальше; но болѣзнь Прейса помѣшала исполненію этого предположенія — также какъ и составленію одного общаго нашего отчета о сдѣланномъ вмѣстѣ путешествіи (причина, по которой ни отъ него, ни отъ меня не было отдѣльныхъ отчетовъ объ этой долѣ нашихъ заграничныхъ занятій).» Григоровичъ въ своихъ бесѣдахъ съ И. И. въ Харьковѣ раскрывалъ свои надежды разыскать на Аѳонѣ, въ Македоніи и Болгаріи слѣды дѣятельности Славянскихъ Первоучителей и ихъ учениковъ и открыть неизвѣстные еще наукѣ древнѣйшіе памятники славянской письменности.

Но и независимо отъ вліянія Прейса и Григоровича, отъ сравненія своихъ занятій въ Харьковѣ съ занятіями Прейса и Бодянскаго въ Петербургѣ и Москвѣ, съ ожидаемыми разслѣдованіями и открытіями Григоровича, И. И. самъ чѣмъ болѣе углублялся въ науку, тѣмъ живѣе долженъ былъ чувствовать недостатки и пробѣлы въ своемъ знаніи и образованіи. Такъ отлично зная съ дѣтства Украинскій языкъ и близко потомъ изучивъ разные его говоры, обладая рѣдкими свѣдѣніями во всѣхъ западно-славянскихъ языкахъ, за исключеніемъ Болгарскаго, И. И. не могъ не сознавать, что онъ почти вовсе не знаетъ ни живыхъ говоровъ, ни большей части памятниковъ древняго и стариннаго языка сѣверной и восточной Руси, знаетъ мало и древне-славянскій языкъ: тогда еще очень немного было издано древнихъ славянскихъ текстовъ; Остромирово евангеліе

Востокова явилось только въ 1847 г. Но И. И. уже были извѣстны разсужденія Востокова, Institutiones Добровскаго, Іоаннъ Экзархъ Калайдовича, Библіографическіе листы Кеппена съ превосходными работами Востокова, Glagolita Clozianus Копитара. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы сознавать и не И. И. высокую важность древне-славянскаго языка и его памятниковъ. Отъ Прейса И. И. могъ многому въ этомъ отношеніи научиться и еще болѣе наслышаться о богатствахъ рукописныхъ собраній Петербурга. Въ 1842 г. явился монументальный трудъ Востокова Описаніе Румянцевскаго Музея, раскрывшій разомъ много невѣдомыхъ богатствъ древне-славянской и древней и старинной русской письменности и представившій массу драгоцѣнныхъ замѣчаній и соображеній Востокова. Въ 1844 г. вышло въ свѣтъ любопытное сочиненіе учителя одной изъ Московскихъ гимназій, Ѳ. И. Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка». Во второй части труда Буслаева уже было обращено вниманіе на нѣкоторыя явленія исторіи русскаго языка, на памятники древне-русскіе и на народный великорусскій языкъ. Въ 1845 г. Шафарикъ выпустилъ въ свѣтъ свою грамматику древне-чешскаго языка. Всѣ эти труды указывали И. И., какими путями и въ какомъ направленіи пойдетъ теперь дальнѣйшее развитіе славяновѣдѣнія. Душно и тѣсно становилось даровитому, энергическому И. И. въ Харьковѣ: положеніе въ немъ слависта было въ то время почти безпомощное.

Смерть Прейса († 11 мая 1846) оставила вакантною каѳедру славяновѣдѣнія въ Петербургскомъ университетѣ, и И. И. еще въ августѣ сталъ искать ее для себя. Въ январѣ 1847 г. онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ и провелъ остальную половину своей жизни. Вскорѣ по переѣздѣ въ Петербургъ И. И. началъ трудиться въ томъ направленіи и въ той области, въ коихъ онъ доселѣ былъ наиболѣе слабъ, и съ такимъ успѣхомъ — такова была даровитость и энергія этого по истинѣ замѣчательнаго человѣка, — что изъ учениковъ лѣтъ черезъ 10—15 съ небольшимъ, когда ему было уже пятьдесятъ или за пятьдесятъ даже лѣтъ, онъ сталъ мало по малу первокласснымъ мастеромъ въ невѣдомой ему дотолѣ области, прославивъ себя въ ней нѣсколькими монументальными трудами, изъ коихъ одинъ самый крупный хотя уже давно приготовляется къ изданію его просвѣщенною и ученою дочерью и уже печатается, но вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ еще далекъ до своего окончанія, отъ чего разумѣется наука только страдаетъ.

Въ Петербургскомъ университетѣ И. И. не могъ производить такого сильнаго впечатлѣнія на слушателей, какъ въ Харьковѣ, и

имѣть столь же полную аудиторію. Тамъ его всѣ знали и любили, какъ горячаго украинца, извѣстнаго своими статьями и изданіями касательно ея старины и словесности. Ожидавшая его пріѣзда и начала его курса, молодежь уже была заранѣе расположена въ его пользу. Украинское направленіе располагало ее къ славянскимъ сочувствіямъ. Петербургская же университетская молодежь, какъ и вообще петербургское общество, о И. И. ничего или очень мало знала, въ то время никакими вопросами о народности или родной старинѣ не интересовалась, только развѣ глумилась надъ Москвитяниномъ Погодина, а о Московской школѣ Хомякова, Кирѣевскаго и ея Сборникахъ, въ коихъ участвовалъ своими статьями И. И., вторило лишь неблагопріятнымъ отзывамъ Отечественныхъ Записокъ и Современника. Новому профессору въ новомъ мѣстѣ нужно было прежде всего осмотрѣться, узнать почву, ознакомиться съ товарищами и слушателями. И только потомъ развѣ могъ бы онъ развернуть свои силы. Но тутъ подоспѣли обстоятельства, ставшія угрожать русскимъ университетамъ вообще и новооткрытой каѳедрѣ славистики въ частности. Въ апрѣлѣ 1847 г. произошли аресты Костомарова, Шевченка, Бѣлозерскаго, затѣмъ Кулиша, Чижова (1847), затѣмъ въ мартѣ 1849 г. Самарина, нѣсколько позже и И. Аксакова. Славянское направленіе было найдено зловреднымъ. Въ III-мъ отдѣленіи было рѣшено (еще въ 1847 г.): «1) Сообщить Министру Народнаго Просвѣщенія о предостереженіи цензоровъ, *профессоровъ* и учителей, *чтобы не допускали разсужденій и возгласовъ полуполитическихъ и двусмысленныхъ*. 2) Предписать К—ву (одному Московскому камергеру-корреспонденту сего отдѣленія), чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на всѣ Московскіе журналы, особенно на Записки Московскаго Историческаго Общества (т. е. на Чтенія Бодянскаго), *сборники* и проч., *равно какъ и на отдѣльно выходящія книги славянофиловъ*. 3) *Статья Отечественныхъ Записокъ опровергаетъ бредни славянофиловъ столь сильно и умно, что можно бы поощрить Краевскаго продолжать печатать подобныя статьи.*» — Чижову, по освобожденіи его изъ-подъ ареста, по отпущеніи его въ Малороссію на жительство, но съ соблюденіемъ надъ нимъ извѣстнаго надзора, было сдѣлано внушеніе, чтобы впредь онъ *не допускалъ себѣ* «разсужденій о всемірномъ вопросѣ, ни объ ожиданіяхъ (вашихъ) вступленія на поприще исторіи новаго племени, ни другихъ *полутемныхъ* выраженій, могущихъ сбивать и вводить въ заблужденіе юношей». Московскій камергеръ-корреспондентъ К—въ, исправно снабжалъ генерала Дубельта сво-

ими письмами на счетъ московскихъ славянофиловъ, сообщая о нихъ самыя невѣроятныя и вздорныя свѣдѣнія, нерѣдко получаемыя имъ отъ бывшаго профессора И. М. Снегирева, не только о Хомяковѣ, Аксаковѣ, но и о Погодинѣ, Бодянскомъ, нерѣдко приправляя весь свой вздоръ о современномъ самымъ нелѣпымъ враньемъ и о давнемъ прошломъ, даже относительно напр. уже сведеннаго тѣми же силами въ могилу великаго нашего Пушкина. Въ своемъ академическомъ некрологѣ о И. И. А. Ѳ. Бычковъ замѣтилъ, что И. И. составилъ въ 1848 г. «программу для преподаванія въ университетахъ славянской филологіи, отстранившую своею точностью и ясностью отъ славянскихъ каѳедръ грозу, которая готова была разразиться надъ ними въ 1848 г.» Министерство народнаго просвѣщенія перешло тогда въ руки князя Ширинскаго-Шихматова, одного изъ характерныхъ представителей того темнаго и душнаго времени, которое окончилось лишь съ паденіемъ Севастополя и вступленіемъ на престолъ императора Александра II. Пишущій эти строки поступилъ въ студенты Петербургскаго университета въ 1850 г. и живо вспоминаетъ, какъ часто хаживали на лекціи И. И. и ректоръ (Плетневъ) и попечитель (Мусинъ-Пушкинъ). Очень вѣроятно, что имъ было свыше внушено слѣдить внимательно за направленіемъ славяновѣда, стараго пріятеля Костомарова и сотрудника, вмѣстѣ съ Чижовымъ, московскихъ сборниковъ, такъ не нравившихся III-му отдѣленію.

Понятно, что первые семь, восемь лѣтъ пребыванія И. И. въ Петербургскомъ университетѣ и вообще жизни въ Петербургѣ были тяжелы, сопряжены съ немалыми непріятностями. Какъ ни удалялся онъ въ старину и древность, не могъ же онъ не чувствовать всеобщаго тогда гнета и удушья. Въ послѣдствіи времени И. И. всегда отзывался съ непритворнымъ уваженіемъ о характерѣ и величіи Николая Павловича: однажды (въ 1855—1856 г., теперь хорошенько не помню) И. И. мнѣ высказалъ, что смертью своею онъ ему всегда напоминаетъ геройски павшаго Оттокара II. Вообще И. И. всегда принадлежалъ къ великимъ поклонникамъ императора Николая, даже въ то время, когда это было непринято у однихъ и непопулярно у другихъ. Поминалъ всегда И. И. добрымъ словомъ и бывшаго въ то время не у дѣлъ и потомъ уже покойнаго Мусина-Пушкина, человѣка дѣйствительно кажется вовсе не злого и честнаго, но съ нами, студентами, бывало крайне грубаго и потому не немногими изъ насъ очень не любимаго. Но И. И. никогда, до конца жизни, не могъ спокойно, безъ горечи и раздраженія, говорить о разныхъ

ціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и самой искренней признательности. Самому же Востокову конечно не малою было отрадою вступленіе И. И. во II-е отдѣленіе: явился даровитый, свѣдущій человѣкъ, умѣвшій цѣнить великія заслуги Востокова и имѣвшій большія разнообразныя знанія о славянскихъ языкахъ и народахъ, занимавшихъ Востокова, но знакомыхъ ему только по книгамъ. Востоковымъ была написана для Академіи рекомендательная записка о трудахъ И. И. [1]).

Черезъ годъ, полтора съ небольшимъ по переѣздѣ въ Петербургъ, И. И. напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ статей, какъ-то: «Древнія письмена Славянскія» (1848), три довольно большія статьи по поводу вновь вышедшаго Академическаго словаря церковно-славянскаго и русскаго языка, 1847 г. (Ж. М. Нар. Пр. 1848, 78 стр.), отзывъ о переводѣ В. Караджича Новаго Завѣта (Ж. М. Нар. Пр. 1848, 18 стр.) и о знаменитомъ путешествіи Григоровича въ Европейскую Турцію (Сѣв. Обозр. 1849, I, 13 стр.), наконецъ изготовилъ къ университетскому акту 8 февр. 1849 года «Мысли объ исторіи русскаго языка», сочиненіе весьма замѣчательное, въ свое время недостаточно оцѣненное. Его недостатки и пробѣлы теперь конечно очень ясны, но и по прошествіи сорока слишкомъ лѣтъ нельзя не цѣнить его за большой талантъ автора, за нѣсколько отдѣльныхъ прекрасныхъ и нынѣ замѣчаній и соображеній.

Одновременно съ разсмотрѣніемъ рукописныхъ матеріаловъ Этнографическаго Отдѣленія Географическаго Общества И. И. сталъ заниматься и въ Академіи живымъ великорусскимъ языкомъ, принимая дѣятельное участіе въ составленіи Областного Словаря подъ редакціею Востокова. Вступленіе И. И. значительно двинуло это изданіе впередъ, такъ какъ прежніе четыре сочлена Востокова совсѣмъ мало разумѣли въ этомъ дѣлѣ. Около же этого времени напалъ, кажется, И. И. на мысль о составленіи древне-русскаго словаря. По крайности въ эти же годы сталъ онъ поручать своимъ слушателямъ составленіе частныхъ словарей къ отдѣльнымъ лѣтописямъ. Такъ явились словари Чернышевскаго къ Ипатьевской, Корелкина къ Лаврентьевской, Пыпина къ Новгородской лѣтописямъ.

[1]) Въ началѣ 1850-хъ годовъ Григоровичъ писалъ А. Ѳ. Гильфердингу, тогда еще юношѣ: «Познакомьтесь съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ. Онъ лучшій нашъ славянистъ и *живо внушитъ вамъ* (потомъ эти три слова зачеркнуты) дастъ основательное понятіе о наукѣ. Примите—притомъ прошу—трудъ засвидѣтельствовать ему мое глубокое уваженіе.» (Черновое письмо въ Румянц. Муз.).

По предложенію И. И., II-ое Отдѣленіе Академіи Наукъ начало издавать свой журналъ «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности». Извѣстія выходили въ теченіе десяти лѣтъ. И. И. за все это время былъ ихъ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ. При нихъ онъ печаталъ памятники народнаго языка и словесности и матеріалы для словаря. Этотъ журналъ за 10 лѣтъ представляетъ вообще крупное явленіе въ исторіи не только русской, но и вообще славянской науки. Со временъ Добровскаго Slawin и Slovanka и потомъ отъ Библіографическихъ Листовъ Кеппена-Востокова до Извѣстій И. И. и послѣ Извѣстій до нѣмецкаго архива Ягича въ области славяновѣдѣнія не было ни одного подобнаго органа. Безъ И. И. II-ое Отдѣленіе ни прежде, ни послѣ не могло предпринять и вести такого изданія. Сверхъ массы критическихъ и библіографическихъ замѣтокъ и статей, иногда очень важныхъ и понынѣ интересныхъ, о нѣсколькихъ сотняхъ книгъ на западно-славянскихъ, русскомъ и западно-европейскихъ языкахъ, И. И. помѣстилъ въ Извѣстіяхъ изъ своего рукописнаго собранія нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ народной словесности Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ, Словѣнцевъ (Хорутанъ), а также не мало замѣчательныхъ собственныхъ изслѣдованій, напр. о договорахъ Русскихъ съ Греками (1854. 8—64 стр.), о древнихъ жизнеописаніяхъ русскихъ князей X—XI в. (1853, 40 стр.), о памятникахъ X в. до Владиміра св. или чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (1854, и отдѣльно 1862, 8°, 48 стр.), изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ (Изв. 1853, 16 столбц.). Въ Извѣстіяхъ же (IX т.) были напечатаны Срезневскимъ его важныя замѣчанія объ эпическомъ размѣрѣ народныхъ славянскихъ пѣсенъ (отдѣльно 1861, 8°, 34 стр.), его отличная программа о собираніи образцовъ народнаго языка (I т.), частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ народнаго языка (I т.), глагольныя частицы (II т.). Упомянемъ тутъ же и гораздо позже вышедшую статью «Замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій» (1873). Въ Извѣстіяхъ же было напечатано его важное для педагоговъ и родителей сочиненіе «Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ» (IX т. отдѣльно 1860—1861, I ч., 75 стр. II ч.—88 стр.). Укажемъ какъ бы на продолженіе этого сочиненія его позднѣйшія «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (Зап. Ак. Н. XIX и отдѣльно 1871, 8°—23 стр.).

Всѣ эти послѣднія статьи о русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ мыслями объ исторіи русскаго языка, о географіи русскаго языка и объ

ціяхъ и въ частныхъ бесѣдахъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и самой искренней признательности. Самому же Востокову конечно не малою было отрадою вступленіе И. И. во II-е отдѣленіе: явился даровитый, свѣдущій человѣкъ, умѣвшій цѣнить великія заслуги Востокова и имѣвшій большія разнообразныя знанія о славянскихъ языкахъ и народахъ, занимавшихъ Востокова, но знакомыхъ ему только по книгамъ. Востоковымъ была написана для Академіи рекомендательная записка о трудахъ И. И. [1]).

Черезъ годъ, полтора съ небольшимъ по переѣздѣ въ Петербургъ, И. И. напечаталъ нѣсколько замѣчательныхъ статей, какъ-то: «Древнія письмена Славянскія» (1848), три довольно большія статьи по поводу вновь вышедшаго Академическаго словаря церковно-славянскаго и русскаго языка, 1847 г. (Ж. М. Нар. Пр. 1848, 78 стр.), отзывъ о переводѣ В. Караджича Новаго Завѣта (Ж. М. Нар. Пр. 1848, 18 стр.) и о знаменитомъ путешествіи Григоровича въ Европейскую Турцію (Сѣв. Обозр. 1849, I. 13 стр.), наконецъ изготовилъ къ университетскому акту 8 февр. 1849 года «Мысли объ исторіи русскаго языка», сочиненіе весьма замѣчательное, въ свое время недостаточно оцѣненное. Его недостатки и пробѣлы теперь конечно очень ясны, но и по прошествіи сорока слишкомъ лѣтъ нельзя не цѣнить его за большой талантъ автора, за нѣсколько отдѣльныхъ прекрасныхъ и нынѣ замѣчаній и соображеній.

Одновременно съ разсмотрѣніемъ рукописныхъ матеріаловъ Этнографическаго Отдѣленія Географическаго Общества И. И. сталъ заниматься и въ Академіи живымъ великорусскимъ языкомъ, принимая дѣятельное участіе въ составленіи Областного Словаря подъ редакціею Востокова. Вступленіе И. И. значительно двинуло это изданіе впередъ, такъ какъ прежніе четыре сочлена Востокова совсѣмъ мало разумѣли въ этомъ дѣлѣ. Около же этого времени напалъ, кажется, И. И. на мысль о составленіи древне-русскаго словаря. По крайности въ эти же годы сталъ онъ поручать своимъ слушателямъ составленіе частныхъ словарей къ отдѣльнымъ лѣтописямъ. Такъ явились словари Чернышевскаго къ Ипатьевской, Корелкина къ Лаврентьевской, Пыпина къ Новгородской лѣтописямъ.

[1]) Въ началѣ 1850-хъ годовъ Григоровичъ писалъ А. Ѳ. Гильфердингу, тогда еще юношѣ: «Познакомьтесь съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ. Онъ лучшій нашъ славянистъ и *живо внушитъ вамъ* (потомъ эти три слова зачеркнуты) дастъ основательное понятіе о наукѣ. Примите—притомъ прошу—трудъ засвидѣтельствовать ему мое глубокое уваженіе.» (Черновое письмо въ Румянц. Муз.).

По предложенію И. И., II-ое Отдѣленіе Академіи Наукъ начало издавать свой журналъ «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности». Извѣстія выходили въ теченіе десяти лѣтъ. И. И. за все это время былъ ихъ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ. При нихъ онъ печаталъ памятники народнаго языка и словесности и матеріалы для словаря. Этотъ журналъ за 10 лѣтъ представляетъ вообще крупное явленіе въ исторіи не только русской, но и вообще славянской науки. Со временъ Добровскаго Slawin и Slovanka и потомъ отъ Библіографическихъ Листовъ Кеппена-Востокова до Извѣстій И. И. и послѣ Извѣстій до нѣмецкаго архива Ягича въ области славяновѣдѣнія не было ни одного подобнаго органа. Безъ И. И. II-ое Отдѣленіе ни прежде, ни послѣ не могло предпринять и вести такого изданія. Сверхъ массы критическихъ и библіографическихъ замѣтокъ и статей, иногда очень важныхъ и понынѣ интересныхъ, о нѣсколькихъ сотняхъ книгъ на западно-славянскихъ, русскомъ и западно-европейскихъ языкахъ, И. И. помѣстилъ въ Извѣстіяхъ изъ своего рукописнаго собранія нѣсколько прекрасныхъ памятниковъ народной словесности Словаковъ, Хорватовъ, Сербовъ, Словѣнцевъ (Хорутанъ), а также не мало замѣчательныхъ собственныхъ изслѣдованій, напр. о договорахъ Русскихъ съ Греками (1854. 8—64 стр.), о древнихъ жизнеописаніяхъ русскихъ князей X—XI в. (1853, 40 стр.). о памятникахъ X в. до Владиміра св. или чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ (1854, и отдѣльно 1862, 8°, 48 стр.), изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ (Изв. 1853, 16 столбц.). Въ Извѣстіяхъ же (IX т.) были напечатаны Срезневскимъ его важныя замѣчанія объ эпическомъ размѣрѣ народныхъ славянскихъ пѣсенъ (отдѣльно 1861, 8°, 34 стр.), его отличная программа о собираніи образцовъ народнаго языка (I т.), частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ народнаго языка (I т.), глагольныя частицы (II т.). Упомянемъ тутъ же и гораздо позже вышедшую статью «Замѣчанія объ образованіи словъ изъ выраженій» (1873). Въ Извѣстіяхъ же было напечатано его важное для педагоговъ и родителей сочиненіе «Объ изученіи роднаго языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ» (IX т. отдѣльно 1860—1861, I ч., 75 стр. II ч.—88 стр.). Укажемъ какъ бы на продолженіе этого сочиненія его позднѣйшія «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (Зап. Ак. Н. XIX и отдѣльно 1871, 8°—23 стр.).

Всѣ эти послѣднія статьи о русскомъ языкѣ вмѣстѣ съ мыслями объ исторіи русскаго языка, о географіи русскаго языка и объ

Угорской Руси и пр. должно бы издать вновь въ одномъ томѣ съ извѣстными пояснительными замѣчаніями. Точно также должны быть собраны и изданы вмѣстѣ всѣ статьи и отчеты И. И. относительно Славянской діалектологіи и этнографіи. Его отчеты изъ-за границы вмѣстѣ съ письмами къ Ганкѣ и чешскими статьями напр. о Черной Горѣ могутъ быть пояснены и пополнены уцѣлѣвшими письмами И. И. изъ-за границы въ Россію къ матери, а можетъ быть и къ другимъ лицамъ. Этого рода статьи съ письмами составили бы большой цѣнный томъ или даже два тома.

Въ Извѣстіяхъ же напечаталъ И. И. свою важную историко-географическую статью «Русское населеніе степей и южнаго Поморья въ XI — XIV в.» (VIII т.). Упомянемъ здѣсь и другую этого же рода статью, напечатанную въ Вѣстн. Геогр. Общ. (1854): «Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ Южною Азіею». Въ Извѣстіяхъ былъ напечатанъ, съ цѣнными примѣчаніями И. И., важный, найденный имъ, памятникъ русской словесности «Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича и брата его Володимера Андреевича».

За эти же годы (1854—1856) были изданы И. И. превосходные, не имѣющіе и понынѣ ничего себѣ равнаго въ нашей историко-филологической литературѣ коментаріи его къ прекраснымъ памятникамъ нашей старой словесности: «Повѣсть о Цареградѣ» (1855, 8°, 68 стр.) и «Хоженіе за три моря Аѳанасія Никитина въ 1446—1472 гг.» (Уч. Зап. Ак. Н. 1856 г. и отдѣльно 1857, 8°. 88 стр.). Эти два труда вмѣстѣ съ вышеупомянутыми изслѣдованіями о договорахъ, лѣтописяхъ и нѣкоторые др. должны бы быть также изданы вновь и составятъ также хорошій томъ.

Въ 1860 г. Петербургское Археологическое Общество издало почтенный трудъ И. И. «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV в.». Въ 1855 г. онъ печаталъ очень важную и понынѣ статью, составляющую прямое дополненіе къ его прежнимъ статьямъ о древне-славянскомъ язычествѣ: «Роженицы у славянъ и другихъ языческихъ народовъ (Арх. Калачева и отдѣльно 8°, 26 стр.). Сюда относится и приписка къ статьѣ кн. Оболенскаго: «Новое свидѣтельство о родопочитаніи» (Изв. IV т.). Еще раньше въ Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Др. помѣстилъ И. И. «о городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, преимущественно западныхъ» (1850, т. II, стр. 532—549). Отмѣтимъ также статью «О Збручскомъ истуканѣ Краковскаго Музея» (Изв. 1853) и замѣтку «О Прильвицкихъ древностяхъ» (1851), отзывъ о Коппенгагенскомъ сборникѣ Les antiquités russes.» (Библ. для Чт. 1850. Отд. V стр.

39—44). Всѣ эти изслѣдованія и статьи И. И., собранныя вмѣстѣ и съ приложеніемъ къ нимъ его программы и университетскихъ лекцій о славянскихъ древностяхъ составили бы также очень полезный томъ.

Съ половины 50-хъ годовъ И. И. все больше, и больше входилъ въ ту область изслѣдованій, о которой въ Харьковѣ онъ могъ только мечтать и въ которой ему предстояло наиболѣе себя прославить и заслужить себѣ въ наукѣ мѣсто единственнаго и понынѣ прямаго и достойнаго преемника Востокова. Мы говоримъ объ его палеографическихъ работахъ и филологическихъ наблюденіяхъ надъ древне-славянскими и древне-русскими памятниками. Съ половины 50-хъ къ половинѣ 60-хъ годовъ были И. И. приготовлены и выпущены въ свѣтъ слѣдующіе труды: 1) Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ Славянъ (IX—XII в.) С.-Петербургъ (1865, 4°, 67 стр.). 2) Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV в.). Общее повременное обозрѣніе съ приложеніемъ снимковъ съ памятниковъ. С.-Петербургъ. (1866, 4°, 299 стр. Въ приложеніи VIII стр. и 41 сним.). Въ 1865 г. И. И. имѣлъ счастіе соорудить памятникъ своему достойному учителю приготовленіемъ къ изданію и къ выпуску въ свѣтъ собранія статей и изслѣдованій А. X. Востокова: «Филологическія наблюденія А. X. Востокова. Издалъ по порученію II Отд. Ак. Наукъ И. Срезневскій. С.-Петербургъ». (1865, 8°, IV, LXXXIII, 216 и 114 стр.). Тутъ помѣщены очень важныя статьи И. И. 1) Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. X. Востокова, между прочимъ и не изданныхъ (стр. I—LXXXIII). 2) Прибавленіе къ описанію Стихираря мѣсячнаго XII в. (стр. 199—202). 3) Послѣсловіе къ славянскимъ статьямъ Фрейзингенской рукописи (стр. 75—89). 4) Послѣсловіе къ сказанію объ убіеніи св. Вячеслава, князя чешскаго (стр. 98—114).

Отмѣтимъ тутъ же статью И. И.: «Труды и юбилей Востокова» (Прил. къ Отч. Ак. Н. по II-му Отд. 1854, стр. 130—135). Въ 1873 г. И. И. изготовилъ и выпустилъ въ свѣтъ въ дополненіе къ собранію статей Востокова еще цѣлый сборникъ съ важными примѣчаніями подъ заглавіемъ: «Переписка А. X. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями.» (СПБ. 1873, 8°, 8—XL—504 стр.).

Въ 1866 г. вышелъ новый весьма важный трудъ И. И. «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы.» Съ приложеніемъ десяти листовъ снимковъ (СПБ. 1866, 16°, VIII — 298 стр.). Съ исхода 60-хъ и въ теченіе 70-хъ годовъ

были изданы И. И. слѣдующіе труды его: «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. (СПБ. 1868. 8°, 7—192—416—24 стр.)

Разныя, вкравшіяся въ изданіе весьма важнаго, открытаго самимъ И. И. памятника, названнаго имъ «Саввина книга», ошибки и опечатки дали разнымъ лицамъ изъ ученыхъ и неученыхъ благовидный поводъ къ неприличнымъ нападкамъ и мелкому злословію на заслуженнаго ученаго. Предложенныя имъ въ предисловіи характеристики этого и другихъ памятниковъ, вошедшихъ вмѣстѣ съ Саввиною книгою въ этотъ сборникъ, не потерпятъ никакихъ измѣненій отъ допущенныхъ и не вездѣ исправленныхъ опечатокъ: Книги Саввиной И. И. не имѣлъ у себя, сколько извѣстно, въ Петербургѣ при ея изданіи.

Въ 1867—1876 гг. вышли въ свѣтъ двѣ части его монументальнаго труда, имѣющаго себѣ ровню въ Славянской и Русской наукѣ только въ монументальныхъ трудахъ Востокова и Горскаго. Это его Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ I. XL. XLI—LXXX.—2 части. (СПБ. 1867—1876.—I, VIII—386 стр.; ч. II, VI—579 стр.)

Въ 1879 г. вышла третья и послѣдняя, за смертью автора, часть: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникамъ. LXXXI—XC. (СПБ. 1879, 8°. 192 стр.)

Къ этого же рода трудамъ И. И., открывшимъ цѣлыя, новыя области въ древне-славянской и древне-русской письменности, относится и замѣчательная работа, написанная имъ по поводу критическаго отзыва о трудѣ Невоструева, подъ заглавіемъ «Сказанія объ Антихристѣ въ славянскихъ переводахъ, съ замѣчаніями о славянскихъ переводахъ твореній св. Ипполита. Разборъ книги о нихъ К. И. Невоструева. Описаніе рукописей и выписки изъ нихъ. Со снимками» (СПБ. 1874. 8°. 32—64—130 стр. 8 таблицъ снимковъ).

Всѣ эти послѣдніе труды И. И. съ 1865 по 1879 г. составляютъ драгоцѣнную, необходимую для всякаго филолога, археолога, историка литературы русской, славянской и византійской библіотеку. Они навсегда останутся украшеніемъ Русской науки, памятниками упорнаго трудолюбія, громадной учености и критической проницательности.

Слѣдуетъ еще особо отмѣтить цѣлый рядъ критическихъ разборовъ, отзывовъ, записокъ, представленныхъ въ разное время Срезневскимъ Совѣту Университета или Академіи Наукъ о трудахъ разныхъ

старыхъ и молодыхъ, первоклассныхъ, второстепенныхъ, третьестепенныхъ ученыхъ, воспоминаній о прежнихъ дѣятеляхъ науки русской и иностранной. До конца своей жизни († 9 февр. 1880 г.) И. И. сохранялъ свою изумительную энергію и живость интереса ко всѣмъ живымъ вопросамъ образованности, къ успѣхамъ науки. Только незнавшіе его или люди очень легкомысленные, ограниченные и пристрастные могли называть его *буквоѣдомъ* и *книжникомъ*, якобы ничего не знавшимъ и не уважавшимъ кромѣ де своей глаголицы и кириллицы. И. И. рѣзко отличался отъ большинства ученыхъ Русскихъ и иностранныхъ тѣмъ, что зналъ и уважалъ не одну только книгу или старую рукопись, былъ свой и дома не только у себя въ кабинетѣ, на университетской каѳедрѣ или за столомъ академическимъ. Видѣвъ на своемъ вѣку много нужды, цѣлыя лѣта своей юности и молодости проведя въ странствованіяхъ по Украйнѣ, и разнымъ западнославянскимъ землямъ, среди простыхъ и нетребовательныхъ людей, любя и уважая народъ, И. И. издавна обладалъ умѣньемъ довольствоваться малымъ, обходиться безъ прислуги и чужой помощи, множествомъ разныхъ мелкихъ, но для жизни важныхъ, практическихъ свѣдѣній, безъ коихъ чисто кабинетные ученые бываютъ такъ комически и жалко безпомощны. У него не было дѣтскаго, наивнаго незнанія людей и жизни, что̀ такъ обычно у чисто кабинетныхъ ученыхъ и нерѣдко отзывается на ихъ трудахъ, на ихъ сужденіяхъ вкривь и вкось о людяхъ и явленіяхъ жизни, извѣстныхъ имъ лишь по соображеніямъ, а не по живому, наглядному представленію. Не зналъ никогда И. И. и довольно противнаго жеманства или ханжества иныхъ часто почтенныхъ ученыхъ, любящихъ про себя разсказывать, какъ они, слишкомъ серьезные ученые для того, чтобы читать напр. газеты, всегда случайно лишь отъ извѣстныхъ знакомыхъ узнавали, иногда де очень поздно, о томъ напр. что была Крымская война и палъ Севастополь, что есть на свѣтѣ Гарибальди и т. д. И. И. въ горячее время находилъ возможность прочитывать газету, а въ затишье если самъ не пробѣгалъ газетъ, то узнавалъ новости изъ бесѣдъ. Бесѣдовать онъ умѣлъ съ людьми всѣхъ званій, состояній и возрастовъ. Знакомства И. И. были обширныя и разнообразныя. Любезный и обходительный, ума живого и оригинальнаго, И. И. легко заводилъ знакомства вездѣ, гдѣ онъ ни бывалъ, въ Россіи или за границею. Путешествія же онъ любилъ до конца жизни. Въ 1856, 1858, 1860, 1866—1867, 1870, 1873, 1875, 1877 и 1879 годахъ И. И. совершалъ въ лѣтніе мѣсяцы, а иногда и болѣе долговременныя поѣздки по Россіи (въ Москвѣ, Троицкой Лаврѣ, Ярославлѣ,

Ранній интересъ И. И. къ изученію религій древняго Востока и Сѣвера, болѣе поздния его изслѣдованія объ языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ, объ обожаніи у нихъ солнца, о вѣрованіи ихъ въ безсмертіе души, о городищахъ въ земляхъ славянскихъ преимущественно западныхъ, о Збручскомъ истуканѣ Краковскаго музея (1853), о роженицахъ у славянъ и другихъ языческихъ народовъ (1855), а также его позднѣйшія неоднократныя поѣздки (1865—1879) по Россіи и по Европѣ съ цѣлью отысканія неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ славянскихъ и русскихъ рукописей, а также для нагляднаго ознакомленія съ русскими, западно-славянскими, византійскими, романскими и германскими памятниками древности и старины, для осмотра музеевъ и частныхъ коллекцій въ Австріи, Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Англіи и Скандинавскихъ государствахъ достаточно свидѣтельствуютъ, что давній интересъ И. И. къ археологіи съ годами въ немъ не потухалъ, а напротивъ долженъ былъ развиться еще сильнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, отдавая наибольшую часть своего времени въ послѣднее тридцатилѣтіе своей жизни изученію древне-славянской и древне-русской письменности, И. И. не терялъ изъ виду и задачъ и вопросовъ археологическихъ. По всей справедливости въ исторіи успѣховъ археологіи въ нашемъ отечествѣ за послѣднее двадцатипятилѣтіе И. И—чу отведется немаловажное мѣсто. Въ ея блестящемъ, относительно говоря, развитіи у насъ за это время И. И. принималъ самое живое участіе, какъ видный членъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Общества (съ 1850) и какъ энергическій участникъ первыхъ археологическихъ Съѣздовъ, изданіемъ собственныхъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ и предметамъ археологіи, своимъ живымъ словомъ и примѣромъ, совѣтами и указаніями молодымъ и мѣстнымъ археологамъ, художникамъ. Изъ его статей и изслѣдованій отмѣтимъ лишь слѣдующія: Случайная записка о древнихъ русскихъ монетахъ (1860), Монета в. к. Игоря (1861), Пещера Ивана Грѣшнаго и Ѳеофила (1861), Примѣчаніе къ статьѣ Суворова: «Артосная панагія, хранящаяся въ ризницѣ Святодухова муж. мон. г. Вологды» (1861), Русскіе калики древняго времени (1862), Парижскій списокъ словъ св. Григорія Назіанзина (1862), Μηνολόγιον Императора Василія X в. (1862), Антиминсъ 1149 г. (1862), Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія, что̀ близъ Аркажа монастыря въ Новгородѣ (1862), О числительномъ искусствѣ въ Россіи до введенія арабскаго счисленія (1862), Древній русскій календарь по мѣсячнымъ минеямъ XI--XIII в. (1863), Древнія изображенія св. кн. Бориса и Глѣба

(1863), Родословное дерево русскихъ князей и царей, рисунокъ 1672—1682 г., Навертень XVII стол., Надпись на Нередицкой церкви, близъ Новгорода до 1200 г., древній византійскій ковчежецъ (1863), Древнія русскія книги, палеографическій очеркъ (1864), Древнія изображенія в. к. Владиміра и в. кн. Ольги (1867), Собранія епископа Порфирія, Разборъ сочиненія Савваитова: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, разныхъ доспѣховъ и конскаго прибора» (1867), разборъ сочиненія Закревскаго о Кіевѣ, сочин. свящ. Никольскаго «Объ антиминсахъ православной русской церкви» (1874), «Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологіи» (1874), Св. Софія Цареградская по описанію русскаго паломника к. XII в. (1875). Много важнаго для археологіи заключается и въ большихъ трудахъ И. И.: «Древнія памятники русскаго письма и языка,» и «Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ рукописяхъ». Наконецъ при оцѣнкѣ заслугъ И. И. по археологіи надо имѣть въ виду все сдѣланное имъ по славянской палеографіи.

Какъ цѣнилъ заслуженный дѣятель русской археологіи, графъ А. С. Уваровъ, основатель Имп. Моск. Археол. Общества и учредитель археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи, эти заслуги И. И. и какое значеніе придавалъ онъ его мнѣніямъ и его живому участію при устройствѣ перваго археологическаго Съѣзда, всего лучше видно изъ слѣд. письма его къ И. И. Помѣщаемъ это письмо цѣликомъ, такъ какъ оно имѣетъ важное значеніе въ первоначальной исторіи археологическихъ Съѣздовъ въ Россіи: «М. Г. И. И. Вамъ навѣрно извѣстно, что Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ съѣздъ русскихъ археологовъ; хотя вы будете объ этомъ оффиціально извѣщены, я, со своей стороны, желаю къ Вамъ обратиться частнымъ образомъ и посовѣтоваться по этому случаю.

«Предварительный и подготовительный комитетъ соберется въ Петербургѣ по Вашему усмотрѣнію и займется вопросами, которые будутъ обсуждаться на Съѣздѣ. Такъ какъ мнѣ извѣстно по русскимъ и иностраннымъ журналамъ, что Вы принимали участіе еще въ прошломъ году въ Антверпенскомъ археологическомъ Съѣздѣ, то мнѣ очень желательно бы было узнать ваше мнѣніе о томъ, какъ лучше устроить нашъ съѣздъ. Вы увидите изъ циркулярнаго извѣщенія, что срокъ предварительнаго комитета предоставляется на рѣшеніе всѣхъ ученыхъ Обществъ и что потомъ уже самъ комитетъ назначитъ какъ время, такъ и занятія Съѣзда. Всякое новое дѣло, въ особенности у насъ, требуетъ поддержки, и тогда только оно можетъ принести желаемую

пользу. На этомъ основаніи обращаюсь къ Вамъ, Измаилъ Ивановичъ, и покорнѣйше Васъ прошу поддержать первый съѣздъ русскихъ археологовъ и общими силами помочь (къ) его успѣху. Побывавши въ Антверпенѣ, Вы навѣрно замѣтили хорошую и слабую сторону подобныхъ Съѣздовъ, и слѣдовательно укажете Предварительному комитету необходимый порядокъ веденія дѣлъ. Но теперь до созыва этого комитета надо, мнѣ кажется, подумать о вопросахъ, которые будутъ обсуждаться, дабы археологія Россіи почерпнула дѣйствительную пользу изъ собранія своихъ спеціалистовъ по этой части. Я думаю также, что каждый изъ насъ въ своемъ Обществѣ долженъ возбудить своихъ сочленовъ къ подготовленію вопросовъ для съѣзда въ виду состоянія археологической науки, которая, какъ кажется, нуждается по преимуществу въ единствѣ своихъ занятій, такъ что наконецъ общіе вопросы, которые могли бы толкнуть всѣ ученыя Общества къ этой цѣли, сильно бы двинули у насъ научную обработку самой археологіи на степень вѣрныхъ данныхъ и надежныхъ источниковъ для исторіи. Вотъ мои соображенія объ этомъ предметѣ, но не забудьте, что эти соображенія принадлежатъ человѣку, много читавшему о съѣздахъ, но никогда не имѣвшему случай побывать на археологическомъ съѣздѣ, и слѣдовательно мнѣ очень было бы желательно узнать Ваше мнѣніе о вопросахъ и занятіяхъ будущаго съѣзда. Укажите мнѣ даже тѣ вопросы, на которые Вы бы желали, чтобы я обратилъ вниманіе моихъ сочленовъ по Московскому Обществу, и укажите также на матеріалы, которые можно бы было подготовить къ этому времени. Не откажите мнѣ со своей стороны вліять на Петербургское Общество для содѣйствія общему дѣлу къ успѣху нашей археологіи, потому что на Петербургскомъ Обществѣ (sic), основанномъ прежде всѣхъ остальныхъ, возлагается вся надежда на успѣхъ перваго съѣзда археологическаго въ Россіи. Примите увѣреніе совершеннаго моего почтенія и преданности». Уваровъ (Къ сожалѣнію письмо не помѣчено ни числомъ, ни мѣсяцемъ [1]).

На первомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ, И. И. произнесъ слово о значеніи Съѣзда и принималъ вообще, какъ и на слѣдующихъ трехъ Съѣздахъ, живѣйшее участіе [2]).

Сверхъ палеографическихъ трудовъ И. И., уже упомянутыхъ, укажемъ еще на слѣд.: «Обзоръ матеріаловъ для изученія славяно-

[1]) Сообщеніемъ этого письма я обязанъ О. И. Срезневской.

[2]) На второмъ Петербургскомъ Съѣздѣ (1872 г.) И. И. читалъ рѣчь «Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологіи».

русской палеографіи» (1867. 40 стр.), «Замѣчанія о русскомъ тайнописаніи» (1871. 10 стр.), «Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности» (1875. 20 стр.), «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма» I—II, «Обозрѣніе русскихъ трудовъ по греческой палеографіи», «Древнія христіанскія надписи въ Аѳинахъ» (СПБ. 1876. 8° XVI—84 стр.) и изданная по смерти «Славяно-русская палеографія» (то же, что̀ Обзоръ матеріаловъ 1867).

Какъ усиленно работалъ И. И. по палеографіи греческой и славянской и какими матеріалами онъ запасся для своихъ изслѣдованій, можно видѣть изъ того собранія снимковъ, которое оказалось въ его бумагахъ послѣ его смерти: «Собраніе снимковъ съ древнихъ и старыхъ славянскихъ и русскихъ рукописей» содержитъ въ себѣ болѣе 900 снимковъ. «Изъ нихъ къ XI в. относится 131 сн., къ XII в.—169 сн., къ XIII в.—165, къ XIV—181, къ XV—275. Большая часть снимковъ снята посредствомъ калькированія (болѣе 700); фотографическихъ снимковъ немного, всего 28. Изъ числа фотографическихъ снимковъ большая часть принадлежитъ снимкамъ съ рукописей, меньшая — снимкамъ съ надписей на вещахъ; послѣднія воспроизведены также прорисями. Около 35 снимковъ сдѣлано отъ руки: это по большей части снимки съ памятниковъ позднѣйшаго времени (XVI в.). Въ собраніе вошли также снимки литографированные и гравированные, взятые изъ различныхъ изданій древнихъ памятниковъ; ихъ число простирается до 150. Число памятниковъ, снимки съ которыхъ вошли въ собраніе И. И. Срезневскаго, превышаетъ 330; по вѣкамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

къ XI	вѣку	относится	12	памятниковъ
къ XII	—	—	41	—
къ XIII	—	—	55	—
къ XIV	—	—	87	—
къ XV	в. и слѣд.	в. болѣе	130	—

Кромѣ снимковъ, вошедшихъ въ это собраніе, въ бумагахъ И. И. Срезневскаго, находится значительное число снимковъ, представляющихъ собою болѣе или менѣе значительныя выписки изъ памятниковъ, образцы письма которыхъ вошли въ собраніе. Такъ въ библіотекѣ есть полный фотографическій снимокъ Болонской псалтири, нѣсколько десятковъ листовъ снимковъ изъ Новгородской Синодальной Кормчей по статьямъ и др.

Далѣе въ бумагахъ И. И. есть собранія снимковъ изъ памятниковъ глаголическихъ и памятниковъ греческихъ. Это послѣднее

собраніе весьма значительно (275); оно состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ: памятники языческіе (50 снимковъ), памятники христіанскіе до IX в. (54), памятники христіанскіе около IX в. (78), памятники христіанскіе безъ обозначенія времени (93) [1].»

Въ предложенный очеркъ изслѣдованій, статей, трудовъ И. И. еще не вошли занятія и работы его по оставленному имъ въ рукописи громадному и великолѣпному труду, усиленно занимавшему его въ теченіе послѣднихъ 30 слишкомъ лѣтъ его жизни; разумѣемъ его словарь древне-русскаго языка, нынѣ уже слава Богу печатаемый, хотя очень медленно. Мысль объ изученіи и изслѣдованіи состава русскаго и вообще славянскихъ языковъ зародилась въ Срезневскомъ очень рано, почти единовременно съ мыслью объ изученіи ихъ звуковыхъ особенностей и строя. Еще въ 1838 г. въ первомъ выпускѣ своего Украинскаго Сборника, И. И. обѣщалъ въ слѣдующихъ выпускахъ помѣстить между прочимъ *грамматическій разборъ южно-русскихъ нарѣчій*, а въ Отеч. Зап. 1839 г. напечаталъ небольшое, но замѣчательное собраніе Офенскихъ словъ. Это былъ первый вкладъ И. И. въ словарь русскаго языка. Въ своихъ странствованіяхъ по западно-славянскимъ землямъ въ началѣ 40-хъ годовъ, изучая и изслѣдуя нарѣчія славянскія и говоры ихъ въ фонологическомъ и морфологическомъ отношеніи, И. И. отмѣчалъ въ своихъ дорожныхъ книжкахъ и замѣчательныя слова. Въ его бумагахъ находятся довольно порядочный словарикъ Словенскаго языка (Словацкаго), часть записана или выбрана имъ самимъ, другая доставлена ему его пріятелями и друзьями Словаками. Тогда же И. И. близко успѣлъ ознакомиться и съ имѣвшимися уже словарями западныхъ славянскихъ языковъ и съ разными славянскими учеными, работавшими надъ собраніемъ матеріаловъ или надъ составленіемъ словарей. Въ этомъ отношеніи особенно важны были для И. И. его продолжительное общеніе и тѣсная дружба съ В. С. Караджичемъ, составителемъ превосходнаго Сербскаго словаря. Не можемъ утверждать, но считаемъ вѣроятнымъ, что по возвращеніи изъ славянскихъ земель, И. И. въ бытность свою въ Харьковѣ (съ полов. 1842 г. по конецъ 1846 г.) не покидалъ мысли о словарныхъ работахъ и самъ занимался и занималъ ими, быть можетъ, студентовъ. По переѣздѣ въ Петербургъ, И. И. вскорѣ кажется рѣшился посвятить часть своего времени и своихъ трудовъ словарнымъ работамъ. Его всту-

[1]) Эта краткая опись снимковъ получена мной отъ О. И. Срезневской, за что я приношу ей мою глубокую благодарность.

пленіе во Второе Отдѣленіе Академіи совпадаетъ съ началомъ работъ Отдѣленія по составленію Областнаго Словаря. Зная энергію И. И. и полное непониманіе этого дѣла во всѣхъ членахъ Втораго отдѣленія, за исключеніемъ Востокова, которому была поручена редакція этого Словаря, можно съ увѣренностью полагать, что И. И. былъ главнымъ или даже единственнымъ, по крайней мѣрѣ свѣдущимъ и образованнымъ, помощникомъ Востокову. Эти совмѣстныя работы съ Востоковымъ, уже много передъ тѣмъ трудившимся надъ составленіемъ монументальнаго труда Словаря церковно-славянскаго языка, были въ высшей степени полезны и поучительны Срезневскому. Самъ Востоковъ уже оцѣнилъ его прекрасныя статьи (1848) по поводу Академическаго Словаря Русскаго языка 1847 г. Въ 1847—1850 г. ученики И. И. въ университетѣ уже работали, какъ мы видѣли, надъ составленіемъ частныхъ словарей къ Русскимъ лѣтописямъ. Въ 1850-хъ и послѣдующихъ годахъ Срезневскимъ было напечатано нѣсколько превосходныхъ статей о словаряхъ, напр, разборъ четырехъ параллельныхъ словарей Рейфа (1851), Замѣчанія касательно новаго изданія Русскаго Словаря (1853), Записка о словарѣ малорусскаго нарѣчія, составленномъ Аѳанасьевымъ (1854), Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей (1854), Примѣчанія къ словарнымъ выпискамъ Буслаева изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ (1855), разборъ сочиненія: «Церковно-славянскій Словарь» Востокова (1857), Замѣтки по поводу чтенія мнѣній Я. Гримма о словарѣ (1859), О французскихъ словаряхъ по поводу словаря Поатвена (1860), разборъ словаря бѣлорусскаго нарѣчія Носовича и разборъ сочиненія Носовича «Алфавитный указатель старинныхъ словъ, извлеченныхъ изъ актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи (1860), Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій и о трудахъ д-ра А. Шлейхера (1866), записка о составленномъ словарѣ русскаго языка (1866).

Такъ издавна готовился И. И., къ своему послѣднему труду и такъ всесторонне его обдумывалъ. Началъ онъ собирать матеріалы къ своему словарю древне-русскаго языка никакъ не позже 1850 г. или даже 1848—49 г., и съ тѣхъ поръ непрерывно, въ продолженіи 30 лѣтъ, работалъ надъ нимъ безустанно. Задолго до своей смерти онъ привелъ свои карточки въ алфавитный порядокъ и не разъ въ послѣдніе годы своей жизни начиналъ готовить его къ печати и даже приступалъ къ печатанію, но его останавливала надежда пополнить словарь многими новыми словами или новыми примѣрами. Постоянное же чтеніе новыхъ рукописей и памятниковъ приносило ему

ежемѣсячно и еженедѣльно, если не ежедневно, новые важные вклады въ его Словарь. Подъ конецъ жизни И. И., кажется привыкъ уже къ мысли, что своего Словаря въ печати онъ никогда не увидитъ, что его обнародованіе суждено его дѣтямъ, именно старшей дочери, отлично посвященной во всѣ его работы. Въ годъ смерти И. И., его товарищъ по Академіи, А. Ѳ. Бычковъ въ отчетѣ о дѣятельности Втораго Отдѣленія, распространившись о жизни и трудахъ покойнаго коллеги, замѣтилъ слѣдующее объ его Словарѣ древне-русскаго языка: «Есть еще одинъ его *трудъ*, остающійся въ рукописи, а между тѣмъ *необыкновенно важный*, извѣстный многимъ и уже многимъ принесшій существенную пользу въ ихъ научныхъ изслѣдованіяхъ... Въ настоящее время онъ представляетъ массу лексическаго матеріала, написаннаго на карточкахъ. *Общее желаніе—какъ можно скорѣе видѣть словарь напечатаннымъ. Второе отдѣленіе Академіи Наукъ уже вызвалось принять на себя его изданіе. Можно надѣяться, что изданіе словаря, такъ давно ожидаемое* и первый приступъ къ которому сдѣлалъ самъ покойный нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *въ скоромъ времени осуществится*». Ни это «общее желаніе», ни даже «надежда» Академиковъ въ теченіе десяти лѣтъ еще не получили исполненія. Словарь правда уже печатается; скоро, вѣроятно еще до весны 1890 г., будетъ окончена буква В, съ окончаніемъ которой Словарь достигнетъ объема 30 печатныхъ листовъ въ 4-ку. Но если послѣдующія буквы будутъ печататься при тѣхъ же условіяхъ, какъ и первыя три, то по вѣрному разсчету ранѣе двадцати лѣтъ онъ оконченъ быть не можетъ. Кто изъ коллегъ И. И. по II Отдѣленію можетъ поручиться, что проживетъ еще 20 лѣтъ (какъ оно ни желательно) или по крайней мѣрѣ будетъ съ прежнею вѣрою надѣяться и съ прежнею проницательностью цѣнить заслуги и достойно чтить память самаго крупнаго по знаніямъ, дарованіямъ и трудамъ члена II Отдѣленія, имѣвшаго себѣ ровню только въ Востоковѣ? Весь Словарь древне-русскаго языка Срезневскаго долженъ заключать 200 печатныхъ листовъ. Если мы припомнимъ, что Словарь церковно-славянскій Востокова въ двухъ томахъ заключаетъ 70 листовъ, то увидимъ, что Словарь Срезневскаго безъ мала въ три раза болѣе Востоковскаго. Мы познакомились довольно близко съ отпечатанными и набранными первыми тремя буквами и рѣшаемся въ заключеніе сказать, что этотъ послѣдній гигантскій трудъ достойно вѣнчаетъ многолѣтнюю плодотворную дѣятельность И. И. и навсегда утвердитъ за нимъ славу одного изъ великихъ подвижниковъ науки и одного изъ заслуженныхъ филологовъ нашего столѣтія.

Нѣкоторые изъ недальновидныхъ и ограниченныхъ его критиковъ и цѣнителей, желая конечно умалить его заслуги, значеніе въ наукѣ, говаривали и продолжаютъ повторять, что И. И. былъ автодидактъ, окончилъ де курсъ университетскій въ три года, да еще по юридическому факультету и притомъ семнадцати лѣтъ, классической школы не прошелъ и слѣдовательно филологомъ не былъ и быть не могъ. Но латинскимъ языкомъ И. И. издавна владѣлъ свободно, а греческому выучился въ послѣдствіи и постоянно въ своихъ работахъ за послѣдніе 30 лѣтъ, возился съ греческими текстами Св. Писанія, богослужебныхъ книгъ, отцовъ и учителей церкви и различныхъ духовныхъ писателей Византіи до XV в. включительно.

Добровскій былъ въ школѣ богословомъ и оріенталистомъ, Востоковъ учился въ Академіи Художествъ, Миклошичъ былъ юристомъ, Як. Гриммъ тоже юристомъ, а Литтре — медикомъ. Срезневскій былъ такимъ же, какъ они, автодидактомъ и такимъ же, какъ они, великимъ филологомъ нашего времени.

Владиміръ Ламанскій.

Дек. 1889 г. - 9 Янв. 1890 г.
Петербургъ—Москва.

А. К. Киркоръ.

(1812 † 1886.)

Имя Киркора тѣсно связано съ исторіей русской археологіи и съ развитіемъ ея на нашей западно-русской окраинѣ. Вмѣстѣ съ грр. Константиномъ и Евстафіемъ Тышкевичами, Малиновскимъ и др. онъ возбудилъ въ публикѣ интересъ къ мѣстной археологіи изслѣдованіемъ и объясненіемъ памятниковъ старины, и своими учеными трудами и учрежденіемъ музея древностей въ Вильнѣ, принесъ не малую пользу отечественной наукѣ. Императорское Московское Археологическое Общество, въ настоящій свой 25-лѣтній юбилей, въ ряду другихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, не можетъ не почтить и памяти Киркора, состоявшаго съ 1864 г., его дѣйствительнымъ членомъ.

Адамъ-Гонорій Карловичъ Киркоръ, по свидѣтельству польскаго публициста и мѣстнаго ученаго (Минской губ.) А. К. Ельскаго, родился въ 1812 г., въ Могилевской губ., въ имѣніи Сливинѣ нынѣшняго Мстиславскаго уѣзда (откуда и его псевдонимъ Ian ze Sliwina). Онъ былъ сынъ мелкаго землевладѣльца, учился въ Могилевской гимназіи, потомъ въ Виленскомъ дворянскомъ институтѣ, по окончаніи котораго, и остался въ Вильнѣ, служившей тогда центромъ умственной жизни западнаго края. Начавъ свою службу въ качествѣ губернскаго чиновника, онъ живо интересовался наукою, преимущественно исторіей и археологіей и сблизившись съ интеллигентнымъ кружкомъ мѣстныхъ ученыхъ литераторовъ, мало по малу и самъ сталъ выступать на литературномъ и ученомъ поприщѣ въ качествѣ изслѣдователя древностей, историка, этнографа и наконецъ журналиста-издателя. Не касаясь здѣсь этого послѣдняго рода его дѣятельности, мы перечислемъ въ хронологическомъ порядкѣ извѣстныя намъ его статьи и труды историко-археологическаго и статистическо-этнографическаго содержанія.

Въ «Памятной книжкѣ Виленской губ.», которую онъ редактировалъ съ 1850 по 1854 г., кромѣ «Виленскихъ воспоминаній«

веденныхъ имъ ежегодно, напечатаны его статьи: а) «Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отечественной исторіи въ Виленской губ. до 1852 г.» (1852), б) «Очерки городовъ Виленской губ.» (ibid), в) «Статистическій взглядъ на Виленскую губ.» (1853).

Въ «Сѣверной Пчелѣ», 1852 г., № 244, онъ писалъ о достопримѣчательностяхъ г. Трокъ.

Въ «Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ», за 1854 г., ч. V, отд. III, (стр. 103) помѣщенна его статья: «Матеріалы для историко-статистич. описанія г. Вильны».

Въ 1854 г. при участіи мѣстныхъ литераторовъ онъ издалъ при Виленск. статист. комитетѣ книгу: «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа», въ которой большая половина занята его статьями подъ общимъ заглавіемъ «Литовскія древности».

Въ «Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общества», ч. XI, (1854 г.) статья: «Населеніе г. Вильны и его статистика за послѣдніе 22 года»; замѣчанія на эту статью см. ibid., ч. XIV.

Въ 1855 г. согласно положенію, Высочайше утвержденному, въ Вильнѣ учрежденъ музей древностей и при немъ временная археологическая коммисія. Въ «Запискахъ» этой коммисіи, издававшихся подъ редакціей Киркора и М. Гусева, напечатаны статьи Киркора: «О значеніи и успѣхахъ археологіи въ наше время» (т. I, 1856 г.) и «О Святовидѣ» (т. III, в. 1, 1858 г.). Состоя хранителемъ Виленскаго музея, Киркоръ издалъ въ 1858 г. «Перечневый каталогъ предметовъ въ Виленск. музеѣ древностей». Обогащенію помянутаго музея онъ много способствовалъ раскопками, которыя предпринималъ совмѣстно съ гр. Тышкевичемъ. Результаты этихъ раскопокъ и другихъ изслѣдованій онъ сообщилъ и въ столичныя ученыя Общества.

Въ «Запискахъ Импер. Ареологическаго Общества» (въ СПБ.), 1856 г., т. VIII, напечатаны его статьи «Древности, найденныя въ Вильнѣ» (перечень засѣд. стр. 104)— сообщеніе, доставленное имъ въ Общество еще въ 1854 г. и «Нѣсколько словъ о литовскихъ монетахъ» (стр. 166), по поводу изслѣдованія Кёне о литовской геральдикѣ въ I т. тѣхъ же «Записокъ».

Въ 1856 г. Императорское Русское Археологическое Общество, избрало его своимъ членомъ сотрудникомъ и поручило ему археологическія изслѣдованія въ бѣлорусско-литовскомъ краѣ. Въ «Извѣстіяхъ» этого Общества (т. I, в. 1, стр. 15), напечатанъ въ извлеченіи обширный отчетъ, о его археологическихъ разысканіяхъ,

въ Виленской губ., а кромѣ того двѣ статьи: «Изображеніе литовской богини Мильды» (т. I, в. 9; срв. «Записки», того же Общества, VIII, переч. засѣд. 116), по поводу статуэтокъ, найденныхъ въ Вильнѣ и Ковнѣ, и «Шейбакъ-поле» — мѣсто битвы съ татарами 1242 г. (срав. «Вилен. Вѣстн.» 1864 г., № 46, и «Древности» Императ. Моск. Археологическаго Общества, (т. I, в. 1, библіогр. 40).

Состоя также членомъ Имп. Рус. Географич. Общества, и воспользовавшись изданною этимъ Обществомъ программою, Киркоръ составилъ подробное этнографическое описаніе Виленской губ., которое напечатано въ «Вѣстникѣ Имп. Рус. Геогр. Общества» (ч. XX и XXI) подъ заглавіемъ: «Этнографическій взглядъ на Вилен. губ.» (1857—58), а оттуда перепечатано въ изданномъ тѣмъ же Обществомъ «Этнограф. Сборникѣ», III вып. и въ «Extraits» (1859).

Для популяризаціи свѣдѣній помѣстной археологіи, исторіи и этнографіи, Киркоръ пользовался съ одной стороны общедоступными справочными изданіями, съ другой періодической прессой. Къ справочнымъ, кромѣ вышеупомянутыхъ памятныхъ книжекъ, принадлежатъ изданные имъ польскіе путеводители съ объясненіемъ историческихъ достопримѣчательностей: «Przechadzki po Wilnie» etc. (1856 и 1859 г.) «Przewodnik» etc. (1862 и 1880) и Wilno i drogi zelazne etc. (1863). Дополнительный его путеводитель по Вильнѣ и окрестностямъ, изданный на русскомъ языкѣ, считается и до сихъ поръ лучшимъ и единственнымъ для этого края.

Въ 1858 г. въ историко-литературномъ сборникѣ, изданномъ мѣстными учеными и литераторами по случаю пріѣзда въ Вильну Имп. Александра II, Киркоръ помѣстилъ «Историко-статистическіе очерки г. Вильны съ его достопримѣчательностями».

Съ 1860 г. онъ принялъ на себя изданіе полуоффиціальной русско-польской газеты «Виленскій Вѣстникъ» (Kurjer Wilin'ski) и продолжалъ ее до 1866 г.; онъ помѣщалъ въ ней и свои историко-археологическія статьи и замѣтки, о чемъ см. напр., отзывъ гр. Уварова въ «Древностяхъ» Имп. Московск. Археологич. Общества, (т. I, вып. 1, библіогр. 37).

Въ «Сборникъ историко-статистическихъ матеріаловъ по Виленской губ.», изданный около этого времени губ. статист. комитетомъ подъ ред. М. Гусева (ч. I, 1863) вошла его статья: «Краткое обозрѣніе ученой дѣятельности по части статистики въ литовскомъ краѣ и въ особенности въ Виленской губ.»

Въ ноябрѣ 1864 г. Имп. Московск. Археологическое Общество избрало Киркора своимъ дѣйств. членомъ и напечатало нѣсколько

его статей въ «Древностяхъ», а именно: 1) матеріалы для Археологическаго Словаря во 2-мъ вып. I тома (Алцисъ, Алтамба, Антоколь, Гедиминова гора, Литовское племя, р. Нѣмига, Перкунасъ Рѣчки — мѣстечко, о которомъ см. также въ «Изв. Имп. Археол. Общества» въ СПБ. I, 1, стр. 16, и въ Biblioth. Warsz. 1855, іюнь.), 2) статью: «Монетное дѣло въ Литвѣ», т. II, вып. 2, (1869).

Изданіемъ «Виленскаго Вѣстника» закончился Виленскій періодъ дѣятельности Киркора. Въ 1867 г. мы его застаемъ уже въ Петербургѣ издателемъ ежедневной газеты «Новое Время», а въ 1871 или 1872 г. онъ переселился въ Краковъ, гдѣ занимался писаніемъ литературныхъ, историческихъ и археологическихъ статей для польскихъ, и отчасти и для русскихъ изданій. Такъ, въ 1876 г., въ «Славянскомъ Сборникѣ» (изд. петерб. отдѣла Слав. Благотвор. Комитета) напечатанъ его историко-библіографическій очеркъ Краковской Академіи Наукъ. Въ 1882 г. вышелъ III томъ «Живописной Россіи» Вольфа, почти весь занятый обширной монографіей Киркора о Бѣлоруссіи и Литвѣ, преимущественно въ историко-археологическомъ отношеніи. Его статьи на польскомъ языкѣ, въ періодѣ 1873—77 гг. указываемыя, правда не совсѣмъ точно библіографами (Эстрейхеръ, Де-Губернатисъ), касались исключительно исторіи славянъ и Литвы; но, не имѣя возможности познакомиться съ ними ближе, мы не станемъ ихъ и перечислять. Упомянемъ только вкратцѣ о его чисто-археологическихъ работахъ за этотъ періодъ. Съ 1873 г. и почти до конца своей жизни онъ предпринималъ ежегодныя поѣздки по порученію Крак. Академіи Наукъ для археологическихъ разысканій въ окрестностяхъ Кракова и вообще въ Галиціи и Подоліи, въ бассейнахъ Вислы, Сана, Днѣстра, Збруча и т. д. Цѣлью этихъ изслѣдованій было главнымъ образомъ изученіе древнихъ могилъ, кургановъ, городищъ, а также и другихъ археологическихъ достопримѣчательностей. Результаты этихъ изслѣдованій изложены имъ въ цѣломъ рядѣ отчетовъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Академіи («Sprawozdania», т. е. отчеты по отдѣламъ историко-филологическому и философскому съ 1873; «Zbior wiadomosci do antropologii» начиная съ т. I, 1877 и вплоть до 1886 г.

Нужно только удивляться той энергіи и преданности наукѣ, какими онъ отличался даже въ преклонной старости, когда ему было за 70 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе время взяло свое. Разныя тревоги и невзоды, какія ему пришлось претерпѣть въ жизни, неустанный трудъ, недостатокъ матеріальныхъ средствъ подъ старость и ко всему этому

неизлѣчимая болѣзнь — свели наконецъ въ могилу этого самоотверженнаго труженика. Свои археологическіе труды онъ закончилъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ «Bazylika Litewska», касающимся археологіи Вильны, той самой Вильны, которой онъ посвятилъ большую половину своей жизни. Вильна, Литва, Бѣлоруссія были его девизомъ, и онъ былъ совершенно правъ, когда писалъ въ 1884 г. къ своему другу г. Ельскому: «Съ 1839 г. работая безпрестанно для Литвы, я всѣмъ для нея пожертвовалъ»... И каковы бы ни были наши сужденія о томъ или другомъ направленіи его дѣятельности, мы должны справедливо оцѣнить его дѣйствительныя заслуги передъ исторической и археологической наукой хотя бы на основаніи представленнаго здѣсь краткаго перечня его трудовъ. Болѣе подробный очеркъ его жизни и дѣятельности мы дали въ XII т. «Древностей», куда и отсылаемъ читателя. Въ настоящее время мы не можемъ не сознаться, что нѣкоторыя стороны дѣятельности Киркора и до сихъ поръ остаются не вполнѣ выясненными. Его переписка, безъ сомнѣнія, многое могла бы освѣтить не только въ жизни его, но и другихъ дѣятелей западнаго края, но она все еще остается намъ неизвѣстною. Мы даже не можемъ найти всѣхъ его сочиненій для ближайшаго съ ними ознакомленія или по крайней мѣрѣ болѣе точнаго ихъ перечня. Польская критика, упрекая насъ лично въ недостаточномъ знакомствѣ съ трудами Киркора, не потрудилась указать намъ для пользы дѣла, пропуски и неточности. Въ этомъ ея вина.

А. П. Поповъ.

(1827 † 1887 г.).

Талантливый ученый архитекторъ-археологъ, Александръ Протогеновичъ Поповъ, родился въ 1827 году, въ г. Волоколамскѣ, гдѣ служилъ, въ это время, его отецъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ помѣщенъ въ (бывшее) Московское Дворцовое Архитектурное Училище, прошелъ тутъ полный курсъ младшихъ и старшихъ классовъ, отличаясь своими знаніями и способностями и въ 1849 г. былъ выпущенъ оттуда по первому разряду съ оставленіемъ при училищѣ въ званіи архитектурнаго помощника старшаго класса и преподавателя перспективы и орнаментовъ въ старшихъ классахъ того-же училища. Въ 1855 г. онъ былъ приглашенъ преподавателемъ архитектуры, а затѣмъ перспективы въ Училище Живописи, Ваянія и Зодчества Московскаго Художественнаго Общества, и сохранялъ эту должность до самаго дня кончины.

Практическая дѣятельность А. П. была и обширна и разнообразна, касаясь не только занятій по возведенію или составленію проэктовъ обыкновенныхъ зданій, но обнимая собой и древнее церковное строительное искусство и реставраціи древнихъ памятниковъ и созданіе новыхъ зданій въ древнемъ стилѣ и т. п. Первый толчекъ его занятіямъ древнимъ русскимъ искусствомъ былъ данъ А. П. еще въ бытность его воспитанникомъ старшихъ классовъ архитектурнаго училища: директоръ училища, извѣстный въ свое время архитекторъ, Ѳ. Ѳ. Рихтеръ, занимался тогда изданіемъ «Памятниковъ Русскаго Зодчества» и желая имѣть для этого изданія точные и вѣрные снимки съ памятниковъ, командировалъ Попова, какъ лучшаго ученика, въ гор. Владиміръ, Суздаль и Ростовъ для снятія съ натуры нѣкоторыхъ замѣчательныхъ по зодчеству церквей. Эта поѣздка и возбудила впервые въ А. П. любовь къ родной старинѣ и сдѣлала изъ него, впослѣдствіи, прекраснаго знатока рус-

скаго древняго искусства. Вскорѣ по окончаніи курса, А. П. руководилъ постройкою церкви, по проэкту архитектора Козира, въ имѣніи князя Четвертинскаго «Филимонки», а затѣмъ районъ его дѣятельности сталъ все болѣе и болѣе расширяться. Ему принадлежатъ проэкты и труды по постройкамъ въ имѣніи Графа А. С. Уварова «Порѣчье» и во владѣніяхъ Н. Л. и В. П. Медвѣдниковыхъ; во время коронаціи покойнаго Государя Императора Александра Николаевича, онъ много работалъ для Тимма по составленію перспективныхъ, съ натуры, рисунковъ Успенскаго собора, Грановитой палаты, Большаго Кремлевскаго дворца и др.; завѣдывалъ архитектурнымъ отдѣломъ при постройкѣ Московско-Рязанской ж. д. и подъ его наблюденіемъ производилась постройка станціи въ Москвѣ, по проэкту профессора архитектуры Кузьмина; по его рисункамъ и подъ его надзоромъ отдѣлывалась внутри церковь Никиты Мученика, что за Яузою; завѣдывалъ перестройкою и присобленіемъ дома Императорскаго Археологическаго Общества, что на Берсеневкѣ, дома, нѣкогда принадлежавшаго извѣстному Малютѣ Скуратову и сохранившаго много характерныхъ особенностей XVI вѣка; по его проэкту и подъ его наблюденіемъ произведена постройка Александровскихъ казармъ въ Москвѣ, которыя, по расположенію, удобству и исполненію вполнѣ заслуживаютъ названія образцовыхъ и наконецъ, его послѣдній трудъ, окончательно упрочившій за нимъ славу прекраснаго знатока древняго русскаго искусства, былъ въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, гдѣ почти вся внутренняя отдѣлка нынѣ открытыхъ залъ принадлежитъ ему. Эта отдѣлка замѣчательна именно тѣмъ, что всѣ ея малѣйшія детали, орнаментація, украшенія половъ, стѣнъ, дверей, оконъ и т. п. въ каждой залѣ строго выдержана въ соотвѣтствующемъ стилѣ и вполнѣ ясно и наглядно передаетъ наиболѣе характерныя черты данной эпохи. Послѣ А. П. въ Музеѣ осталось еще много чертежей, рисунковъ и плановъ отдѣлки остальныхъ залъ.

Въ качествѣ члена коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ, состоящей при Москов. Археологическомъ Обществѣ, А. П. принималъ въ ея занятіяхъ самое дѣятельное участіе и словомъ и дѣломъ, разбиралъ представляемые проэкты, никогда не отказывался отъ поѣздокъ по порученію Общества для осмотра памятниковъ на мѣстѣ и всегда былъ готовъ такъ или иначе придти на помощь Обществу.

Какъ архитекторъ это былъ истинный, серіозный и весьма талантливый художникъ; всегда относился онъ къ своей спеціаль-

ности чрезвычайно строго и обдуманно; постоянно стремился къ образованію себя и съ технической и съ художественной стороны и его искреннѣйшая мечта была отдать себя всецѣло серіозному изученію и разработкѣ Русскаго Зодчества, но обстоятельства не позволяли ему исполнить это такъ, какъ бы онъ желалъ. Какъ человѣкъ это была свѣтлая, отзывчивая личность и смерть его вызвала глубокое сожалѣніе во всѣхъ знавшихъ его и имѣвшихъ когда-либо и какія бы то ни было съ нимъ сношенія.

Скончался А. П. въ ноябрѣ 1887 г.

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. П. Поповъ былъ избранъ 2-го мая 1879 г.

В. А. Прохоровъ.

(1818 † 1882).

Василій Александровичъ былъ сыномъ протоіерея. Родился онъ въ г. Орлѣ, откуда отецъ былъ переведенъ сначала въ Екатеринославъ, потомъ въ Херсонъ, гдѣ вскорѣ и умеръ, оставивъ семилѣтняго сына. Благодаря участію Херсонскаго архіерея, В. А. былъ опредѣленъ въ Херсонскую духовную семинарію; по окончаніи тамъ курса онъ пробылъ года два учителемъ приходской школы въ Одессѣ и потомъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ въ Академію художествъ. Сюда его влекла непреодолимая съ дѣтства охота къ живописи и архитектурѣ. Онъ поступилъ въ классъ проф. Маркова, но, убѣдившись въ отсутствіи настоящаго художественнаго призванія, онъ довольно скоро оставилъ Академію, научившись недурно рисовать. Въ 1844 г. онъ поступилъ учителемъ исторіи въ морской кадетскій корпусъ. Его лекціи были совсѣмъ своеобразны для того времени. Онъ старался дѣйствовать на воображеніе слушателей, представить возможно полную картину древней жизни и, съ этой цѣлью, оживлялъ свои лекціи географическими картами и богатыми рисунками, изображавшими одежду, оружіе и искусства описываемыхъ народовъ. Въ 1857 г., по случаю сокращенія штата, онъ оставилъ корпусъ и всей душей предался своему настоящему призванію — изученію древняго быта русскаго народа. Онъ сталъ изучать памятники древности, сталъ собирать и покупать всѣ сколько-нибудь интересные старинные предметы, для чего дѣлалъ много поѣздокъ по Россіи, особенно въ Новгородскую губ., гдѣ его знакомые старообрядцы помогали ему въ собираніи старины. Такимъ образомъ, онъ собралъ

огромныя коллекціи древнихъ русскихъ вышитыхъ мужскихъ и женскихъ рубашекъ, повязокъ, украшеній, серегъ цѣпочекъ и т. д. И кромѣ того у него накопилось множество рисунковъ, снятыхъ имъ или съ натуры или съ рукописей.

Въ это время случилось событіе, имѣвшіе важное значеніе въ жизни В. А.: это — основаніе княземъ Гагаринымъ древне-христіанскаго музея при Академіи художествъ. Князь Гагаринъ, всегда увлекавшійся древне-русскимъ, а особенно византійскимъ, искусствомъ, выбралъ себѣ въ сотрудники В. А. (въ 1861 г.). Лучшаго помощника онъ выбрать не могъ. В. А. много лѣтъ оставался въ званіи хранителя музея и преподавателя курса христіанскихъ и русскихъ древностей и принесъ большую пользу на служеніи этому дѣлу. Много надо было работать, чтобы привести въ порядокъ богатые матеріалы и съумѣть помѣстить ихъ въ сравнительно небольшомъ зданіи музея. Онъ все самъ разставлялъ и развѣшивалъ, очень многое собственными руками реставрировалъ, приводя въ прежній видъ и работалъ надъ этимъ съ любовью и съ знаніемъ дѣла. Онъ сдѣлалъ. напр. деревянную статую вел. кн. Ярослава Владиміровича въ натуральную величину,— это точная копія съ извѣстной фрески 12 в. въ Нередицкой церкви, въ Новгородѣ. Въ то же время онъ продолжалъ также неутолимо пополнять коллекціи музея новыми памятниками древности, которые онъ разыскивалъ и въ Петербургѣ и по всей Россіи; онъ дѣлалъ съ этой цѣлью массу поѣздокъ и собралъ любопытнѣйшіе обращики древней русской скульптуры, орнаментистики множество царскихъ дверей, паникадилъ, крестовъ и т. д. Рисунковъ, снимковъ и фотографій были также огромнѣйшія коллекціи, живописно расположенныя въ витринахъ, по стѣнамъ и посреди залъ. Наконецъ, что было уже совершенно новымъ для того времени, В. А. устроилъ, при этомъ, собственно «религіозномъ», музеѣ, еще музей русскій бытовой. Съ большимъ трудомъ ему удалось, мало по малу, создать впервые устроенный у насъ русскій музей, о которомъ онъ заботился, какъ о родномъ дѣтищѣ.

Желая подѣлиться съ обществомъ массой накопившихся у него свѣдѣній, В. А. задумалъ издавать художественно-археологическій журналъ «Христіанскія древности и археологія». Главное достоинство этого изданія было много богатыхъ рисунковъ и фотолитографій; эти послѣднія были, 27 лѣтъ тому назадъ, большей новинкой у насъ. В. А. прилагалъ всѣ старанія, чтобы достигнуть возможнаго совершенства въ вѣрности рисунка и въ способѣ передачи его; до настоящаго времени его изданіе по точности остается замѣчательнымъ.

Въ немъ было издано много важныхъ памятниковъ архитектуры, живописи и скульптуры и разныхъ художественныхъ производствъ. Въ двухъ первыхъ томахъ изданія помѣщены слѣдующіе снимки и рисунки: миніатюры изъ парижскаго «Григорія Назіанзина» IX в., изъ парижской псалтири X в. и парижскаго «Іоанна Златоуста» XI в., рисунки изъ Четьи-Минеи (Menologium) императора Василія Македонянина, X в., по рѣдчайшему урбинскому изданію 1727 года; большую миніатюру, съ костюмами и архитектурой, изъ новгородскаго «Пролога» XIV в.; огромное количество снимковъ съ аѳонскихъ фресокъ (по коллекціи прорисей Севастьянова); архитектурные снимки съ церквей Хиландарскаго, Иверскаго и Ватопедскаго монастырей на Аѳонѣ (изъ коллекцій Севастьянова) и съ церкви Іоанна Крестителя въ Аѳинахъ; орнаментація Кіево-Софійскаго собора; рисунки изъ «Книги Бытія» XVII в., изъ древне-христіанскаго музея Академіи; орнаментальныя буквы изъ «Акаѳиста» 1591 г. Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (изъ той же коллекціи); рисунки изъ «Царственной книги», по рукописи XVI в.; катапетазма (завѣса), подаренная въ 1556 г. Іоанномъ Грознымъ Хиландарскому монастырю на Аѳонѣ (изъ той же коллекціи); византійскій ковчежецъ XI в., изъ Патріаршей Ризницы въ Москвѣ; богатое собраніе изображеній св. кн. Бориса и Глѣба по древнимъ русскимъ памятникамъ; много изображеній Сошествія Св. Духа и Вознесенія, и цѣлый рядъ снимковъ изъ русскаго иконописнаго подлинника.

При этомъ онъ не только даетъ массу рисунковъ разнообразнѣйшихъ памятниковъ античной и средневѣковой эпохи, доказывающихъ истинную первоначальную форму этихъ предметовъ, но и относится критически къ мнѣніямъ прежнихъ писателей, указывая на невѣрныя опредѣленія относительно времени и мѣста выполненія разныхъ памятниковъ древняго искусства. Онъ съ неподкупной правдивостью старался изучать ихъ и опредѣлять ихъ эпоху.

Чтобы завести у себя маленькую литографію и фотографію, В. А. пришлось стѣснять себя въ средствахъ, отказывать себѣ во многомъ. Но публика отнеслась къ изданію равнодушно, подписчиковъ было мало, и издатель терпѣлъ, конечно, одни убытки. Было нѣсколько цѣнителей его труда (въ томъ числѣ Погодинъ), которые говорили, что это изданіе должно быть, «настольной книгой нашихъ наставниковъ по археологіи»; что за это изданіе В. А. «поблагодарятъ художники и особенно иконописцы»; что это изданіе «такая заслуга, которая краснорѣчиво говоритъ сама за себя, и въ сердцѣ

всякаго поклонника истины невольно пробуждаетъ отрадное чувство глубочайшей признательности».

Но эти симпатичные отзывы объ изданіи совершенно тонули въ массѣ враждебныхъ отзывовъ, преисполненныхъ негодованія на издателя за то, что онъ толковалъ сокращенныя надписи на старыхъ иконахъ, за то, что онъ цитировалъ безъ всякой враждебности «двуперстное сложеніе»; за писаніе «Ісусъ» вмѣсто «Іисусъ» и т. п. Однимъ словомъ, его выставляли упрямымъ и фанатическимъ старообрядцемъ, и это мнѣніе такъ и утвердилось въ публикѣ, еще болѣе подкрѣпляемое тѣмъ, что В. А. часто бывалъ съ Старой Руссѣ у знакомыхъ старообрядцевъ, отъ которыхъ получалъ не мало свѣдѣній относительно русской старины.

А между тѣмъ на всемірной парижской выставкѣ, вышедшіе первые два тома его изданія обратили на себя вниманіе любителей археологіи, а де-Линасъ, авторъ знаменитаго «Les origines de l'orfévrerie cloisonnée», съ большимъ уваженіемъ относится къ труду В. А. въ своемъ критическомъ обзорѣ выставки («Revue de l'art chrétien», vol X).

Въ 1865 г., по недостатку средствъ, В. А. пришлось прекратить свое изданіе, пока, по ходатайству вел. кн. Владиміра Александровича, ему не стали отпускать небольшой субсидіи. Журналъ издавался еще въ 1871, 1872, 1875 и 1877 г. и затѣмъ совершенно былъ прекращенъ. За эти годы онъ издалъ нѣсколько крупныхъ и цѣнныхъ монографій.

На первомъ планѣ стоитъ «Описаніе церкви св. Георгія въ Рюриковой Староладожской крѣпости». Это большой томъ со множествомъ рисунковъ, изображающихъ внѣшній и внутренній видъ церкви; но самое важное въ ней — это древнія фрески XII в., раньше никогда еще не изданныя и очень важныя для изученія древнѣйшаго періода русскаго искусства. Тутъ же помѣщено много интересной орнаментаціи. Другая значительная монографія заключаетъ исторію древнерусской архитектуры. Въ своемъ журналѣ (за 72, 75 и 77 гг.) онъ издалъ памятники Кіевской и Новогородско-Псковской архитектуры, потомъ Кіевской и Суздальско-Владимірской и, наконецъ, Московской. Для основательнаго изученія памятниковъ древнѣйшаго періода, онъ прибѣгнулъ къ изображеніямъ въ древнихъ рукописяхъ. Для его изданія были скопированы воспитанниками Строгановской школы изображенія церквей изъ «Святославова Сборника», изъ «Добрилова Евангелія» и изъ другихъ рукописей. Самъ онъ скопировалъ множество изображеній древнихъ церквей изъ рукописей Публичной би-

бліотеки. Кромѣ того, въ своихъ неоднократныхъ поѣздкахъ по Россіи, онъ познакомился со многими древними храмами и составилъ богатый атласъ прекрасно и вѣрно сдѣланныхъ образцовъ русской архитектуры и архитектурной орнаментистики до-петровскаго періода. Эта монографія представляетъ цѣнный вкладъ въ нашу художественную науку и навсегда останется почетнымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ о трудолюбіи и любви къ дѣлу издателя. Третья монографія — это «Матеріалы для исторіи русскихъ одеждъ», опять таки серьезный, обширный трудъ. Онъ помѣстилъ здѣсь много рисунковъ, взятыхъ изъ древнихъ нашихъ рукописей, изъ церковныхъ фресокъ. Сверхъ того, онъ воспользовался заглавными буквами въ древнихъ нашихъ рукописяхъ какъ богатымъ матеріаломъ для исторіи русскаго костюма и напечаталъ много русскихъ заглавныхъ буквъ XII, XIII и XIV в. Въ своей монографіи Прохоровъ сравниваетъ древніе костюмы съ тѣми подробностями одежды, которыя до сихъ поръ уцѣлѣли въ русскомъ народѣ (напр. сравненіе костюма «Дѣвы» въ зодіакѣ «Святославова Сборника» съ нынѣшнимъ малороссійскимъ и т. д.). При этомъ онъ издалъ много древне-русскихъ матерій, собранныхъ имъ по всей Россіи.

Послѣднимъ произведеніемъ Прохорова была небольшая брошюра «Болгарскія раскопки близъ Эски-Загры». Въ ней онъ даетъ прекрасные рисунки найденныхъ тамъ вещей съ приложеніемъ текста, въ которомъ онъ старался доказать важность этой находки: онъ очень ратовалъ за то, чтобы эти вещи были пріобрѣтены Россіей и жалѣлъ, что онѣ были куплены Англіей.

Кромѣ литературныхъ занятій Прохоровъ помогалъ ставить на театрѣ пьесы историческаго содержанія тѣмъ, что составлялъ рисунки для костюмовъ.

Въ 1882 г. онъ умеръ отъ давно мучившей его болѣзни, занимаясь въ теченіе послѣднихъ лѣтъ приведеніемъ въ систему матеріаловъ для окончанія своей монографіи о русскихъ одеждахъ. Но издать ихъ помѣшала ему смерть. Это исполнилъ уже его сынъ.

Дѣятельность Прохорова и положеніе его среди нашихъ ученыхъ обрисовалъ очень вѣрно Костомаровъ. Онъ выразился такъ: «не мало почтенныхъ ученыхъ посвящало у насъ свою дѣятельность русской археологіи. Иные изъ нихъ пріобрѣли себѣ видную извѣстность своими трудами; другимъ, по ихъ способностямъ и общественнымъ условіямъ, досталась на долю болѣе скромная участь, но съ правомъ на увѣренность, что ихъ труды не пропали безслѣдно для науки. Въ числѣ такихъ скромныхъ, но полезныхъ, и потому почтенныхъ

археологовъ, мы укажемъ на одну личность, которая никогда не играла слишкомъ видной роли, а многими учеными подвергаема была умышленному невниманію, какъ личность недоучившагося выскочки-диллетанта. Мы говоримъ о Прохоровѣ. («Новое Время», 1882 г., 16 февр., статья подъ заглавіемъ: «В. А. Прохоровъ и его археологическая дѣятельность»).

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. А. Прохоровъ былъ избранъ 17-го ноября 1864 г.

В. К. Савельевъ.

(1810 † 1882).

Викторъ Константиновичъ родился 1 апрѣля, 1810 г. въ г. Горбатовѣ, Нижегородской губ. Онъ принадлежалъ къ числу даровитыхъ русскихъ самородковъ, всѣмъ обязанныхъ врожденнымъ талантамъ и борьбѣ съ неблагопріятными условіями. Жизнь В. К., по его собственному признанію, въ одной изъ его автобіографическихъ замѣтокъ, была богата горемъ и разнаго рода лишеніями. Отецъ его, учитель рисованія въ Горбатовскомъ уѣздномъ училищѣ, былъ замѣчательнымъ самоучкой въ цѣломъ рядѣ ремеслъ, но не смотря на обиліе практическихъ свѣдѣній, не могъ добывать себѣ достаточно средствъ для существованія и, при всемъ усиленномъ его трудолюбіи, многочисленная семья его (онъ имѣлъ 18 человѣкъ дѣтей) жила въ самой вопіющей нищетѣ. В. К. былъ третьимъ сыномъ и съ самаго ранняго дѣтства привыкъ помогать отцу въ разныхъ его ремесленныхъ упражненіяхъ и терпѣть жизненныя невзгоды. Когда В. К. минуло 10 лѣтъ, отецъ его вышелъ въ отставку, и вся семья переѣхала на житье въ Нижній-Новгородъ, гдѣ помѣстилась на отдаленной городской окраинѣ, въ утломъ домишкѣ, въ окнахъ котораго вмѣсто стеколъ были вставлены коровьи пузыри и бумага, пропитанная масломъ. Единственнымъ средствомъ для существованія всей семьи были заработки отца по разнымъ мастерствамъ. Въ 1821 году В. К. поступилъ въ Нижегородское приходское училище, въ которомъ впервые познакомился съ русскимъ букваремъ; но ученье это продолжалось недолго: нужда заставила мальчика искать службы и 13-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Нижегородскую казенную палату копіистомъ, 14 лѣтъ онъ сдѣланъ подканцеляристомъ, а 15 лѣтъ «пожалованъ» въ канцеляристы. Изъ казенной палаты онъ перешелъ на должность письмоводителя въ Нижегородскую гимназію и въ 1830 году получилъ первый классный чинъ коллежскаго регистратора, а въ

слѣдующемъ году переведенъ на службу въ канцелярію попечителя Казанскаго учебнаго округа. Въ то время эту должность занималъ извѣстный въ лѣтописи Казани своимъ строгимъ отношеніемъ къ Университету и среднимъ учебнымъ заведеніямъ Мих. Ник. Мусинъ-Пушкинъ. Въ 1845 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ переведенъ попечителемъ въ С.-Петербургъ и взялъ съ собой В. К., котораго полюбилъ какъ за служебную исполнительность и аккуратность, такъ и за веселый нравъ. (В. К. отличался большимъ природнымъ юморомъ и способностью экспромптомъ говорить риѳмами). Въ С.-Петербургѣ пробылъ В. К. на службѣ до 1848 г., познакомившись и сблизившись за это время со многими нумизматами и археологами, въ особенности со своимъ однофамильцемъ, извѣстнымъ оріенталистомъ П. С. Савельевымъ, который, по всей вѣроятности, и пробудилъ въ В. К. ту страсть къ нумизматикѣ, которая сдѣлалась содержаніемъ всей его послѣдующей жизни. Самоучка въ нумизматикѣ и лишенный не только спеціальнаго археологическаго, но и общаго образованія, В. К., благодаря лишь природнымъ своимъ дарованіямъ, получилъ возможность дешифрировать и систематизировать монеты античныя, восточныя, древне-русскія и всѣ западно-европейскія. Знанія В. К. въ нумизматикѣ цѣнились не только русскими, но и иностранными знатоками, и онъ былъ избираемъ въ члены постепенно возникавшихъ русскихъ археологическихъ Обществъ — Петербургскаго, Московскаго и Казанскаго. Кромѣ древнихъ монетъ, В. К. былъ знатокомъ и многихъ другихъ предметовъ древности, къ которымъ относился серьезно и пытливо, обращая, напр., особенное вниманіе на различный составъ бронзы предметовъ такъ называемаго бронзоваго вѣка, по различію мѣстностей, гдѣ находились эти предметы.

Кромѣ познаній въ археологіи, В. К. отличался если не общимъ образованіемъ, то начитанностью по разнымъ отраслямъ знаній (въ томъ, разумѣется, объемѣ, котораго могло ему дать знаніе одного русскаго языка), особенно по русской исторіи. Перейдя въ 1848 г. на службу снова въ Казань (на этотъ разъ онъ занялъ мѣсто управляющаго вольными почтами въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ). В. К. началъ собирать нумизматическую коллекцію, которая къ 1861 году достигла весьма солидныхъ размѣровъ. Въ этомъ году В. К. поступилъ на частную службу, въ которой пробылъ до исхода 1863 г., и, нуждаясь послѣ этого въ средствахъ къ жизни, долженъ былъ по частямъ продавать свою коллекцію монетъ. Въ 1864 г. Совѣтъ Казанскаго Университета спасъ нумизматическую коллекцію В. К. отъ окончательной гибели, избравъ его на долж-

ность экзекутора Университета. Съ этого времени В. К., до конца жизни, служилъ въ Казанскомъ Университетѣ, съ 1866 г. секретаремъ правленія, а съ 1875 г. казначеемъ. На послѣдней должности онъ и скончался, сидя у денежнаго ящика и выдавая жалованье служащимъ передъ Пасхой, 27 марта 1882 г. Закончимъ эти краткія біографическія данныя о Вик. Конст. Савельевѣ прочувствованными словами изъ его некролога, написаннаго С. М. Шпилевскимъ, близко знавшимъ В. К. и работавшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ Казанскомъ Общ. Арх., Ист. и Этнографіи. «Одухотворенность В. К. дѣлала личность его привлекательною; въ опредѣленный день недѣли около этого 70-лѣтняго старика, въ его скромной казенной квартирѣ, собирались и юноши, которые любили послушать много на своемъ вѣку видѣвшаго и много знавшаго старика. Трогательно было смотрѣть во время похоронъ В. К., какъ сильно былъ убитъ печалью, какъ не могъ удержаться отъ слезъ одинъ изъ юношей, которому покойный былъ очень полезнымъ наставникомъ и руководителемъ по археологіи и нумизматикѣ; покойный силою своего духа и любовью возбуждалъ и поддерживалъ юношескій жаръ этого молодаго археолога, съ увлеченіемъ стремившагося обогатиться полезными свѣдѣніями. Послѣднее прощаніе этого юноши съ своимъ наставникомъ-другомъ было явленіемъ многознаменательнымъ; оно свидѣтельствовало о нравственномъ значеніи и добромъ вліяніи покойнаго на окружающихъ его, теперь осиротѣвшихъ»!...

Въ члены Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества В. К. Савельевъ былъ избранъ 9-го марта 1865 г.

Р. Г. Игнатьевъ.

(1819 † 1886.)

2 января 1886 года, на 67 году отъ роду, скончался въ г. Уфѣ Руфъ Гавриловичъ Игнатьевъ отъ тяжкой и продолжительной болѣзни, не доживши 6 мѣсяцевъ до дня празднованія 300-лѣтняго юбилея г. Уфы, для разработки историческихъ матеріаловъ котораго онъ чрезвычайно много потрудился.

Руфъ Гавриловичъ происходилъ изъ дворянъ Московской губ., Бронницкаго уѣзда; со смертію его, родъ Бронницкихъ дворянъ Игнатьевыхъ прекратился. Воспитаніе Р. Г. получилъ въ Москвѣ, въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, а затѣмъ, музыкальное и отчасти сценическое, въ Парижской консерваторіи, во время директорства знаменитаго тогда композитора Галеви, отъ котораго имѣлъ дипломъ.

Покойный не обладалъ громкими титулами, не щеголялъ общественнымъ лоскомъ, а еще менѣе матеріальными средствами. Вся жизнь Р. Г. протекла въ тяжелыхъ трудахъ, страданіяхъ и лишеніяхъ, но рѣзко выдѣляется онъ неустанными и безмездными научными трудами, извѣстными нашему Обществу, котораго онъ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ (съ 23 февраля 1865 г.) Р. Г. имѣлъ свѣтлый умъ, обладалъ подвижностью мысли и глубокими научными познаніями по исторіи, этнографіи, археологіи, археографіи и былъ большой знатокъ въ древней русской письменности, церковнаго устава церковной и народной музыки, какъ вокальной, такъ и инструментальной (струнной и духовой), будучи отличнымъ пѣвцомъ и игрокомъ на фортепіано, 1-й скрипкѣ, флейтѣ, кларнетѣ и трубѣ. Подвизался и на литературномъ поприщѣ, состоя корреспондентомъ многихъ газетъ, кромѣ сотрудничества въ мѣстныхъ областныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ, каковы: Уральскія, Оренбургскія, Уфимскія, Тобольскія, Минскія, а въ Оренбургскихъ и Минскихъ былъ

даже редакторомъ неоффиціальной ихъ части. Изслѣдовать древность описать фактъ, дать рецензію или критически обозрѣть извѣстное событіе или явленіе изъ мѣстной жизни для Р. Г. было дѣломъ нетруднымъ, а иногда и моментальнымъ. Кромѣ того, страстно любя музыку и пѣніе, онъ часто писалъ партіи и партитуры для хоровъ и оркестровъ.

Въ теченіи своей жизни Р. Г. Игнатьевъ написалъ болѣе 500 статей различнаго, но преимущественно ученаго, содержанія, изъ которыхъ укажемъ теперь только на слѣдующія: «Кіотъ, пожертвованный царемъ Иваномъ Грознымъ въ г. Елабугу», изслѣд.; «Очеркъ Ижевскаго завода»; «Слобода Воскресенская, древняя вотчина митрополитовъ Тобольскихъ и Сибирскихъ»; «Сосуды преосвященнаго Корнилія, митрополита Тобольскаго въ Невьянскомъ заводѣ»; «Памятники древностей Курганскаго округа Тобольской губ.» «Объ ученыхъ трудахъ П. И. Рычкова»; «Населеніе г. Оренбурга въ 1797 г.»; «Чертово городище близъ г. Уфы»; «Описаніе раскопки одного кургана близъ г. Уфы»; «Собраніе историческихъ, археологическихъ и статистическихъ свѣдѣній бывшей Оренбургской губ. 1866 и 1867 гг.»; «Описаніе г. Верхнеуральскаго»; «Антиминсъ Буйницкаго монастыря, Литовской Руси въ г. Уфѣ, въ Смоленскомъ Соборѣ»; «Ганзейскій Нижегородскій колоколъ въ г. Златоустѣ, Уфимской губ.»; «Икона Святителя Николая, наход. въ с. Березовкѣ-Камской, Бирскаго уѣз. Уфимской губ.»; «Походный иконостасъ и церковная утварь, пожалованная Петромъ Великимъ, въ Оренбургѣ»; «Антиминсъ въ древнемъ Екатерининскомъ соборѣ, въ Москвѣ»; «Извѣстіе о думскомъ дьякѣ, Аѳонасіи Власьевѣ, бывшемъ воеводѣ г. Уфы»; «Ногайскіе валы въ Уфимской губ.»; «Желѣзное ратовище, найденное близъ с. Моржихинскаго, Тобольской губ.»; «Памятники древностей Уфимской и Оренбурской гг.»; «Текстъ къ археологическимъ картамъ составленнымъ Черниковымъ,-Анучинымъ на Оренбургскую и Уфимскую губ. и Тобольской губ. Ялуторовскій и Курганской уѣзды»; «Церковь св. блаж. Николая Кочанова, въ Новгородѣ»; «О памятникахъ древности Минской губ.»; «Церковные древности Минской епархіи»; «Описаніе вновь открытаго въ 1865 году, г. Златоуста»; «Описаніе раскольническихъ сектъ Уфимской и Оренбургской гг.»; «Описаніе с. Набережныхъ-Челновъ Мензелинскаго уѣз., селъ Нагайбака, Байковъ и Абдулина, Бирскаго уѣз., по поводу вопроса объ образованіи новыхъ уѣздныхъ городовъ»; «Изслѣдованіе о состояніи ярмарокъ и базаровъ, въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ»; «Изслѣдованіе ярмарки и базара въ г. Курганѣ, Тобольской губ.»; «Однодневная перепись гг. Орска и Троицка»;

«Матеріалы для археологическаго словаря» (т. I и II Древн. Императ. Москов. Археол. Общ.); «Древности въ Минской епархіи» и многія другія сочиненія.

Руфъ Гавриловичъ при жизни состоялъ: пожизненнымъ членомъ Общества для распространенія христіанства на Кавказѣ; членомъ: Императорскаго Московск. Археологическ. Общества, Московск. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи при Импер. Моск. университетѣ, Минералогическаго Общества, Уральскаго — Любителей Естествознанія, Вольнаго Экономическаго (по I и II отд.), Общества исторіи, этнографіи и археологіи при Императ. Казанскомъ университетѣ, Оренбургскаго Отдѣла Импер. Рус. Географическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ губерн. Статист. Комитетовъ: Уфимскаго, Оренбургскаго, Вятскаго, Пермскаго, Тобольскаго и Минскаго, былъ субъ-регентомъ или подголовщикомъ въ синодальномъ хорѣ Большаго Успенскаго Собора въ Москвѣ; преподавалъ безмездно церковное и народное пѣніе въ женской школѣ и женской гимназіи, въ г. Минскѣ; былъ членомъ попечительства церкви Успенія Пресвятой Богородицы, въ Уфѣ и написалъ ея исторію; былъ уполномоченъ отъ Оренбургскаго губ. Стат. Комитета участвовать въ качествѣ Представителя его на VI Археол. Съѣздѣ въ г. Одессѣ.

Утрата Руфа Гавриловича Игнатьева чувствительна не только для нашего Общества но, смѣло можно сказать, и для науки, общества русскаго, а въ особенности для всего Оренбургскаго края.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Некрологи.

